

Ирина Крупеникова

З А С Т А В А
Фантастический роман

ООО «ВТ-Пресс»
ТВЕРЬ – 2009

ББК 84
К 84

Крупеникова И.В.

Застава: Фантастический роман. —

Электронное издание автора.— Тверь: , 2010.— 588 с.

Печатное издание.— Тверь: ООО «ВТ-Пресс», 2009. — 568 с.

К84
ISBN 978-5-904297-09-1

Что ждёт человека после смерти? Действительно ли завершается человеческое бытие? Испокон веков этот вопрос терзал пытливые умы.

Братья-близнецы Полозовы – врач и программист – современные, несуетливые люди, специалисты каждый в своём деле, склонные к авантюрам, не брезгающие работой на теневых дельцов, умеющие постоять за себя – не воспринимали всерьёз фантазии младшего брата на тему потустороннего мира. Так было, пока в доме Полозовых не поселилось настоящее привидение.

Обнаружив в себе неординарные способности, в том числе способность ощущать, слышать и видеть представителей «того света», Полозовы начинают иначе осознавать события, происшедшие с ними во время афганской войны, и, как следствие, своё истинное предназначение в мире живых. Перед читателями проходят сорок дней, полные драматических, трагических, мистических и опасных приключений, в которых противниками и помощниками героев романа выступают и живые, и мёртвые.

Роман состоит из 40 глав или «Дней». По древнему поверью сорок дней — это особый период состояния человека, связывающий между собой два мира: реальный и потусторонний.

ББК 84

ISBN 978-5-904297-09-1

© И. Крупеникова, 2003
© ООО «ВТ-Пресс», 2009

*Автор шлёт низкий поклон
родным, близким и друзьям
за помощь в создании романа,
за понимание и духовную поддержку.
И выражает глубокую благодарность
коллегам и читателям
Тверской областной библиотеки,
которые безотказно содействовали
поиску информации
при написании этой книги.*

Родится на смерть, а умирает на жизнь.

Русская пословица

День первый

Смотрите! Я здесь, я всюду! Вот это да! Я огромная. Стена, вторая стена, пол, потолок — и всё сразу... Я летаю? Я летаю!! Да смотрите же! Что вы там копаетесь?

Минутку. Кто это на столе лежит?.. Мамочки. Ни кожи, ни рожи. Наградила же природа деваху! Впервые вижу такую слонопотамиху. Или не впервые?

Ой. Кажется... О, нет! Это... это... я?

Эй, кто-нибудь! Что происходит? Объясните, наконец, почему оно там, а... я тут.

Тут я. Везде.

Стоп. Стоп. Думай, голова, думай... А где голова?.. Ладненько, нет так нет. Всё равно от моей мордашки пацаны шарахались.

А это кто с карими глазами? Хорошенький!

Привет!.. Ну, сними, сними эту дурацкую маску. Дай на тебя посмотреть. Ты меня слышишь?.. Не слышит. Подожду. Я терпеливая. Знаешь, ты мне понравился, честно. Хотя, у тебя, наверное, девчонок хоть отбавляй...

Что это вы делать там собрались? Во, забегали!.. Забавный агрегат. Электрошок, что ли?

Ай-ай-ай! Я туда не хочу! Оставьте, как есть! Я в эту уродину назад не хочу-у!..

То-то. Не выйдет, ребятки. Мне и так хорошо. А если я чего решила, будет по-моему... Ага, убедились?

Правильно, правильно, закрывайте харю поскорее. Видеть её не могу... А ты, красавчик, чего помрачнел? Всё прекрасно!.. Чёрт, как бы тебя заставить меня услышать! Эй, ау! Я тут!

...Да-а, с твоей внешностью надо князей в кино играть, а не в этой белой душегубке торчать. Какая бородка! Обожаю мужиков с усами и бородами. Странно, я думала, ты молоденький. Постой, куда ты? Я с тобой!

Ах, так? Ладненько... Ой! Дверь мне, оказывается, не нужна. Вперёд, вперёд. Классные ощущения!.. Странно, туман какой-то кругом. Эй-эй-эй, не спеши! Я только тебя и вижу в этом молоке. Уф! Остановился.

Интересно, о чём он там говорит?.. Куда кого потеряли? А! Это про меня.

Эй, народ! Вот она я! Целиком и лучше, чем была!..

ТЬфу! Опять не слышат...

Погоди, не закрывай!.. Ах да, мне же стены теперь по фигу. Ты переодевайся, переодевайся, я отвернусь... Прошу прощения, я тебя продолжаю наблюдать. Здорово! Я — комната! Я — всё, что вокруг! Сейчас докажу...

Хм, а с предметами проблемка. Какие-то они чересчур блёклые и плоские. Ага, это что? Так, так, так: график дежурств, кажется. Посмотрим... Вот тут обведено: «Полозов В.В.» Владимир? Василий? Или как вас называть, доктор Полозов?.. Возмутительно! Почему меня в упор не замечают? Ау! Меня зовут... А как меня зовут? Звали? Странно...

Ты что застыл? Что ещё за фокусы! Ой. А ты это или не ты? Куда меня тянет? Мамочки, холодно-то как. А-а! Я так не хочу! На фиг пошли ваши коридоры, свет и ангелочки-и!..

«Бр-р-р. Ну, хоть тумана нет, и то ладненько. Осталось разобраться — это рай или ад?

Странно. На том свете компьютеров быть не должно, по-моему. Ну и бардак.

А ты когда успел сюда заявиться, доктор Полозов? Час от часу не легче. У меня провалы в памяти начались? Ничего не понимаю. Вроде и не больница уже...

Где я? Как я здесь оказалась?!

Чего уставился? Тебя тут вообще не стояло, рыжик. Рыжик. Хм, а ты ничего, парнишка. Пряма лис на двух ногах, только без хвоста».

— Кто здесь?

«М?.. Ура-а-а! Я здесь, я!»

— Что ещё? Лис, если ты опять за своё, уши оторву!

«Эй, красавчик, то есть доктор Полозов, не ругайтесь, пожалуйста! Всё прекрасно. Лис меня услышал!»

— Ш-ш. Помолчи секунду... У нас блазень.

«Во, я же говорю — услышал!»

— Призрак, что ли? На крыльшках?

— Не знаю. Но когда ты забеспокоился насчёт Тура, он влетел в кабинет.

— А ты у меня сейчас вылетишь отсюда. Лови своих полтергейстов в гостиной. А лучше — на кухне параллельно со стряпнёй.

— Я вчера ужин делал! И вообще, скоро завтракать пора.

— Вали на кухню, говорю. Кто наряд вне очереди заработал?

— Но...

— Ещё слово, и свой реферат будешь делать сам.

«Эй, Лис, чего это на тебя папочка окрысился?»

— Если бы папочка! Брат. Старший. Да ещё помноженный на два... Ты где?

«Вроде тут. Я как-то странно себя ощущаю. Ты меня видишь?»

— Нет.

«А так? Рядом со мной светильник... кажется».

— Не вижу. Прости за откровенность, парень, но тебя теперь вряд ли кто-то увидит. Ты блазень. Привидение.

«Для начала: я не парень. По крайней мере, совсем недавно я была женского пола. А откровенность мне нравится. Тем более, я не очень понимаю, что происходит. А ты?»

— Вообще-то, ты первый дух покойного, с которым я разговариваю. Чисто теоретически, я про вас знаю много. Но практика и теория зачастую не согласуются, тем более в области парапсихологии. Поэтому будет неплохо, если ты останешься у нас в доме. Я сумею тебе помочь.

«Помочь в чём? Эй, ты меня не пугай!»

— Извини. Я, наверное, не так выразился. Понимаешь, по устоявшимся в народе поверьям, душа — информационная субстанция человека — после его физической смерти рано или поздно совершает последний переход. Теряет личность и отправляется в иное измерение... Ты где? Почему ты молчишь?

«Тут я! И не собираюсь никуда переходить. И терять личность тем более не собираюсь!»

— Лис, ты с кем языком треплешь?

— А? С микроволновкой. И будь добр, Ворон, объясни, какого ляда ты на меня наезжаешь весь вечер? Что я тебе сегодня испортил?

— Вот твой реферат. Не забудь прочитать прежде, чем преподу понесёшь. Учти, завалишь и эту сессию — ни я, ни Тур финансировать твои пересдачи больше не будем.

«Лис, а Лис, твой братан сквозь меня прошёл. Я его враз со всех сторон разглядела!»

— Отлично.

— Что «отлично»?

— А?.. На отлично сдам, говорю.

«Ловко отвертелся! погоди, я проверю, куда он ушёл, а потом поболтаем. Ладненько? Можешь не отвечать, я вижу, что ты согласился».

Как просторно! Это центральная комната, надо полагать. Шикарная мебель. И телевизор плоский! Супер!.. Ступенька, ступенька... А, понятно: лестница. Надо же, перила тёплые, как живые. Вроде даже резьбой покрыты. Точно! Ну и ну!.. Ещё комната. Нет, две сразу... Три. Четыре. Пять! Эй, Лис, а можно заглянуть?.. Не слышит. Ладненько. Ого, компьютеры! Тут спальня и там спальня. Сколько же здесь комнат? Слева, справа, сверху, снизу... Больничная палата, что ли? Ни фига себе приборчики. Бр-р-р. Ненавижу больницы...

Ух, провалилась куда-то. И что тут у нас? Подвал?.. Фу! Крысы. Терпеть не могу белых крыс с красными глазами! Сидите в своих клетках и не зыркайте на меня. Нету меня для вас!

Ага, на чём я остановилась? Где лестница? Ой, у них и спортзал имеется! Сауна, кладовка, ванная комната. Богатый домина! Парадное крыльцо, а тут гараж, вроде. Опять компьютеры, кабинет, спальня. Нет. Здесь я уже была. Стоп. Откуда я начала? С кухни. Где кухня?.. А где я?! Лис! Я, вроде, потерялась. Ой, мамочки!!

* * *

Белый автомобиль притормозил перед узорной решёткой. Из темноты мигнуло круглое око системы охраны. Идентификация заняла несколько секунд. Мягко зажужжали механизмы, и ворота плавно разомкнулись. Фары потухли. Грунтовая дорожка утонула в ночи, но осталась другая, мнимая, начерченная холодным взглядом широколицей луны. Человек за рулём посмотрел на небесного спутника земли, вздохнул и взялся за рычаг передач. Колёса зашуршали по гравию. Фонари на короткой сосновой аллее вспыхнули, приветствуя возвращение хозяина. Лунная дорожка потерялась в пятнах электрического света.

Машина осталась у крыльца, а тень высокой атлетической фигуры медленно поплыла вверх по ступеням. Будто чёрный призрак в прозрачной майской тьме.

Двери особняка приоткрылись. Тень раздвоилась.

— Третий час ночи. Ты знаешь, что я должен быть на дежурстве, — прибывший укоризненно взглянул на того, кто встречал его на пороге.

— Я знал, что ты едешь домой, Тур, — ответил такой же голос.

Плащ застыл на вешалке, пиджак распластался по креслу в холле, галстук повис на перилах. И уже в спальне Тур обнаружил, что чёрные перчатки остались на руках.

— Дела хуже, чем мне показалось? — раздалось за спиной.

— Я пациента потерял, Ворон, — тихо ответил доктор Полозов и посмотрел на брата. Как в зеркало.

Широкие плечи опустились, на лбу под пышным каштановым локоном появилась суровая морщина, а обычно яркий взгляд медленно затонул в сумрачной мгле густых ресниц.

— Кофе принесу сюда.

— Разве ты не сконструировал самоходную кофеварку?

Шутка не получилась. Ворон многозначительно посмотрел на брата.

— Не старайся спрятать неприятности внутри себя. Ничего не выйдет. Два как один.

Тур улыбнулся — открыто, без натуги.

— Покрепче завари, — крикнул он вдогонку близнецу, хотя понимал: напрасное уточнение. Вкусы в большинстве своём совпадали так же, как внешность, голоса, пристрастия и привычки.

Приближаясь к комнатам братьев, Лис замедлил шаг и повёл носом. Терпкий запах табачного дыма, смешанный с кофейным ароматом, предупреждающе зашекотал ноздри.

— Вряд ли ты там, таинственная гостья, но чем чёрт не шутит...

Он осторожно нажал на дверную ручку.

Расслабленная тишина маленькой гостиной была нарушена отчаянным фырканьем вперемешку с серией надсадных «чихов». Тур нехотя поднял голову. Ворон не оглянулся, но в глазах появилась лукавая искорка.

— «Как можно курить эту дрянь», — подражая младшему брату, вполголоса выдохнул он.

— Как можно курить эту дрянь! — раздалось с порога на высокой ноте.

— Добрый вечер, Лис, — улыбнулся Тур.

— Вечер? Привет. Утро скоро, — рыжеволосый парень, морща длинный, удивительно подвижный нос, приблизился к креслам. — Я думал, ты ещё на дежурстве.

— Меня сменили раньше, чем обычно.

— А, — Лис внимательно оглядел комнату. — Вы ничего особенного за последние час-полтора не заметили?

— Привидение потерял? — поинтересовался Ворон.

Серьёзный тон в первый момент сбил Лиса с толку, но стоило ему взглянуть на брата, как стало ясно, что чуда не произошло. Ворон не уверовал в существование призрачной гостьи, а всего лишь расставлял на позиции заготовленные остроты.

— Полтергейста ловлю!

Лучшее средство защиты — нападение, это Лис усвоил очень давно.

— Как? Без сачка? — Ворон нанёс удар с фланга.

— Иди спать, охотник за привидениями, — Тур поднялся и тем самым остановил разгорающуюся дуэль на колкостях.

— Но она действительно пропала! — возмутился Лис.

— Кто?

— Блазень. Дух девчонки. Я её слышал, как вас слышу! Тур, представляешь?

Глаза у Лиса были истинно лисьи: слегка раскосые и почти такие же рыжие, как его шевелюра. И эти глаза с неподдельной надеждой взирали сейчас на старшего брата. Тур нахмурился.

— Нашёл бы ты себе обычную девчонку, — сказал он и доверительно положил ладонь на плечо юноши. — Поверь, это гораздо приятнее, чем общаться с духами.

— То-то я и смотрю, как вы на середине третьего десятка холостыми ходите, — фыркнул парень. Поежился и вдруг насторожился. — Тур, у тебя руки, как лёд! Случилось что-то?

— Не бери в голову. Мои проблемы...

«Твои и Ворона. А я как всегда в стороне», — с тоской подумал Лис.

Тур продолжал:

— Кстати, будь повнимательнее с арифметикой. Третий десяток начинается с двадцати одного, а заканчивается на тридцати. Следовательно, мы живём не третий, а четвёртый. Уловил? А теперь топай к себе. Ночной образ жизни пагубно сказывается на твоей успеваемости.

Лис неопределённо передёрнул костлявыми плечами и подозрительно глянул на молчавшего Ворона. Тяжёлый взгляд буравил веснушчатую физиономию студента.

— Спокойной ночи! — выпалил Лис и поспешил скрыться.

Не то чтобы он боялся Ворона, но иногда ему хотелось собственноручно нацепить на брата его излюбленные чёрные очки. Впрочем, подобная идея приходила обычно с опозданием. Как и сейчас. Лис встал посередине своей спальни и неуклюже выругался. На сём запал исеяк, и ничего не осталось, как опустить руки.

— Что мне сделать, чтобы вы поверили мне, братья? Хоть один единственный раз приняли всерьёз!

Он посмотрел на неразобранную постель, на компьютер, где ярко светилось «Game over», и вздохнул. Лекарством от дурного настроения всегда была одна и та же электронная игрушка. Но после знаменательного провала в зимнюю сессию Ворон посчитал, что развлечения мешают меньшему брату учиться. И теперь всякий раз после седьмого

хода игрока безбожно громили, и все старания «творца мира» заканчивались проклятой табличкой «Game over».

Лис уселся за компьютер и решительно вызвал на экран текст статьи по философии. Первый абзац он прочитал, второй просмотрел, на третьем мысли растеклись в разные стороны и каким-то образом сконцентрировались на разговоре с нематериальной гостьей. Он попытался представить, какой была девушка при жизни. Фантазия нарисовала образ долговязой девчонки с косичками вроде Пеппи Длинный Чулок, потом появилась бледная русалка, и, наконец, нечто, похожее на лешачиху огромного роста с древообразной физиономией.

И вдруг...

«Лис! Нашёлся!»

От неожиданности парень подскочил в кресле.

— Ты здесь?

«Я тебя потеряла. Твой братан, кажется, ушёл. Поболтаем?»

— Конечно, поболтаем. Где ты пропадала? Я искал тебя два часа!

«Я была дома! Это так классно! Сразу и везде. Правда, я слегка испугалась, когда запуталась в себе. То есть — в доме... А почему «два часа»? Я же только что из кухни смоталась».

— Наверное, ты иначе ощущаешь время. Ты погоди, не тараторь. Давай по порядку: как тебя величать?

«Чего?.. А, звать как? Ведать не ведаю и знать не знаю!»

— Ты не помнишь себя живой? — приободрился Лис.

«Не-а. Красивой физией не отличалась, это факт. В общаге жила, вроде... Что тут смешного?»

— Эй-эй, не обижайся. Я просто подумал, что обстоятельства складываются в нашу пользу. Если ты не помнишь ни имени, ни своей жизни, значит, ты вроде как заново родилась. Твоя информационная ипостась не привязана ни к месту на земле, ни к конкретному человеку. Ведь родственников ты тоже не помнишь?

«Н-нет. Вроде даже она из детдома».

— Она? Отлично! Ты даже говоришь о ней в третьем лице, — Лис удовлетворённо фыркнул и встряхнулся.

Блазень захихикала.

«А ты как настоящий лис. У тебя даже в мордашке что-то есть от лисицы!»

— Скажешь тоже! — поспешно оборвал парень. — Давай об этом в другой раз. Ты остаёшься у нас?

«Я всё равно не знаю, как отсюда выбраться. И мне здесь нравится».

К тому же я только с тобой могу говорить. Какой смысл вопить во всю глотку, если тебя не слышат».

— Тебя не слышат, поскольку все вокруг, за исключением меня, абсолютно уверены, что духов на земле нет, — хмыкнул Лис. — Я-то прекрасно знаю, что вы существуете. И не просто существуете, а создаёте особое информационное пространство. Впрочем, это уже моя теория. Ты вот что скажи: как ты переместилась в наш дом? Когда и откуда?

«Сегодня ночью. Сначала я видела своё тело в больнице, а потом разглядела хирурга. Симпатичный такой, с бородой. Ну, тот, который за тебя домашнее задание делал. Я за ним увязалась. Вдруг стало как-то необычно вокруг, и я очутилась тут».

— Странно, — Лис закинул руки за голову, — я хорошо помню момент, когда ты явилась... Получается, ты вошла в резонанс с информационным потоком близнецов.

«Чего? Ты по-русски выразаться можешь? Каким потоком? Каких близнецов?»

— Тот, кого ты увидела в кабинете — не хирург. Это Ворон, он программист, — парень покосился на монитор, — и, к сожалению, слишком виртуозный программист. А хирург — Тур. Они идентичные близнецы. Причём даже мне кажется иногда, что я их того гляди перепутаю. Особенно если Тур без перчаток, а Ворон без очков.

«А при чём тут перчатки и очки?»

— Это отдельная история. В нашей семье всяких историй полно. Но некоторые, как два барана, отказываются верить собственной памяти! А мне и подавно не желают верить.

«Зато я тебе верю. Обожаю истории! Расскажешь?»

— А ты останешься? Знаешь, с твоей помощью я, надеюсь, смогу кое-что изменить.

«Договорились. И раз уж я решила у вас обосноваться, объясни, пожалуйста, почему ты зовёшь братьев Тур и Ворон?»

— Это наши личные, семейные имена, так сказать. Не вздумай где-нибудь болтнуть.

«А кто меня услышит кроме тебя?»

— Другие духи, вероятно. В присутствии посторонних мы называем друг друга, как принято у людей. Официальное имя Тура...

«Владимир? Я видела — Полозов В.В.»

— Это Ворон — Владимир. А Тура зовут Всеволод. Всеволод Васильевич и Владимир Васильевич Полозовы. А я Борис.

«Лис — Борис!»

— Ну ты, давай без стихотворства.
«Обиделся?»
Лис мотнул головой.
— Нет... Ладно, тебя нужно как-то называть, — он скользнул взглядом по кривым пирамидам книг на полу, по стенам, увешанным газетными вырезками, и вдруг просветлел. — Кикимора! Ты же самая настоящая Кикимора!
«Что?! Какая ещё кикимора! Я тебе дам кикимору!»
Стакан с карандашами угрожающе скрипнул.
— Ух-ты! Полтергейст. Кики, у тебя получилось! — Лис задохнулся от восторга.
«Да я тебя за «Кики»!..»
Стакан грохнулся, и карандаши покатались на пол.
— Сработало! Ты воздействовала на предмет сквозь информационную сферу!
«Вообще-то я хотела въехать тебе по лбу. Ты нарочно меня разлил?»
Негодование блазенья Лис ощущал почти материально: сгустившееся пространство стало давить на голову и плечи, а воздух проникал в лёгкие будто сквозь марлевый фильтр.
— Успокойся, пожалуйста. Извини, просто так получилось. Ведь ты действительно Кикимора — девочка или девушка, заложная, живущая в доме.
«Кикимора водится на болоте».
— Типичная ошибка! Кикимора — дух дома. Уж мне поверь. Зря я, что ли, перелопатил столько научных трудов! — он театрально показал на стопки книг, расставленные, где попало. — Кикимора похожа на домового. По народным поверьям заложная девочка поселяется в доме и помогает доброй хозяйке: ночью прядёт пряжу, чистит коров и тому подобное. Нерадивым хозяевам она, напротив, вредит. Разумеется, от тебя ничего подобного не требуется. Просто ты Кикимора.
«Ладно, так и быть. Но чур не «Кики». А то изловчусь и грохну что-нибудь потяжелее карандашницы. Кстати, что такое «заложный?»»
— Заложный — дух человека, погибшего неестественной смертью — убитого, например, умершего от пьянки, утопленника или самоубийцы. На заложных черти ездят верхом, возят воду, а колдуны используют их в качестве слуг. Но ты не волнуйся, к тебе это не относится.
«Почему? Если существует информационная сфера, значит, и черти с колдунами где-то водятся. Я правильно рассуждаю?»
— Да, в общем. Но у тебя случай особый, — Лис окинул взглядом

потолок. — Я обещаю тебе всё объяснить, как только разберусь в деталях. Ты знаешь, как ты умерла?

«Умерла?.. А ведь верно — я умерла. Умерла...»

— Кикимора, извини. Я не хотел тебя огорчить!

«Умерла. Странно про себя такое говорить».

Лис поспешил исправить положение.

— Она, неизвестная, умерла, а ты появилась.

«Ты кончай вертеться. Я здесь. И биться в истерике не намерена. Не на ту напали! А, кстати, что ты в прошлый раз говорил про рассеивание и потерю личности?»

— Ну, — Лис почесал ухо, — это больше относится к духам родителей, то есть людей, умерших от старости. У заложных свои законы. Я их пока не расшифровал. Насчёт тебя я подстрахуюсь. Сиди тут. И самое главное, не подслушивай меня.

«Ладненько».

— Почему-то мне твоё «ладненько» не внушает доверия. Давай так: если не хочешь отправиться в мир иной, ни шагу из моей комнаты. Ясно?

«Ясно. А чем мне тогда заняться?»

— Чем хочешь, но не устраивай беспорядок, пожалуйста.

«Тут беспорядка и без меня хватает. Я лучше порядок наведу».

— Валяй. Но не расстраивайся, когда потерпишь фиаско. Полтергейст создают только очень старые и мощные духи с наработанным годами жизненным опытом. А ты ещё салага.

«Сам ты салага!»

Лис не стал дослушивать возмущения новоявленной Кикиморы и юркнул за дверь.

— Эй, Кики? — позвал он тихонько.

Реакции не последовало, зато в комнате что-то глухо рухнуло на пол.

— Ага, взялась за уборку. Прекрасно, — подытожил Лис.

Дом дремал в уютном полумраке. Свет ночников раскрасил обитые деревянными панелями стены в томные коричневые тона. Юноша заглянул через перила балюстрады вниз, в центральную гостиную. За высоким окном покачивались сосны, и их причудливые тени сизыми пятнами ползали по тщательно задёрнутым гардинам.

Возле двери, где витали струйки сигаретно-кофейных запахов, Лис долго прислушивался. В комнатах близнецов обитала тишина. Он прикрыл глаза и представил Ворона, спящего на своей жёсткой тахте. По-

считаю, что приплывший из недр комнат образ соответствует действительности, Лис бесшумно шмыгнул в кабинет старших братьев.

Остатки задушевной беседы в виде опустошённого кофейника и кучки окурков в пепельнице вырисовались из темноты вместе с очертаниями сервировочного столика, кресел, компьютера, распахнутого шифоньера и двух мощных письменных столов, придвинутых друг к другу, как школьные парты. Лис осторожно повёл ухом в сторону правой спальни. Ни звука. И он уверенно направился в левую, к Туру.

Близнецы никогда не запирали двери, таково было негласное правило дома. С приездом младшего брата три года назад это правило не изменилось, что дало Лису возможность всюду совать свой длинный нос. Получив серию взбучек, он придержал ненасытное любопытство, однако не упускал момента услышать и увидеть то, что знать ему было совсем не обязательно. На сей раз рыжая совесть выглядела чистой: незамедлительно требовалась информация, жизненно необходимая для духа-Кикиморы, и дать эту информацию мог только Тур.

Перешагнув порог, Лис направился прямо к кровати, где обычно отдыхал старший брат, и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда из глубины спальни раздался спокойный холодный голос.

— В чём дело, Лис?

— Тур?

Вспыхнул свет. И пока Лис жмурился, Тур отвёл руку от настольной лампы и восстановил прежнюю позу — откинулся на спинку кресла.

— Извини, что потревожил. Мне нужно кое-что у тебя спросить... Ты же всё равно не спишь, — Лис построил на физиономии молящее выражение и тут заметил перчатки, обтягивающие кисти брата. — Тур, ведь у тебя какие-то неприятности! Почему ты Ворону говоришь, а мне нет?

— Ты это хотел уточнить?

Лис ступевался.

— Да... То есть, нет. То есть, это может быть как-то связано.

Тур вздохнул и кивнул на пустую прикроватную тумбочку.

— Садись и выкладывай, что тебя интересует.

— Во-первых, меня интересует, почему ты такой мрачный сегодня, — залпом выдал Лис.

— У меня под ножом умер пациент.

— И что? — парень не на шутку испугался. — Тебе влетит?

Брат покачал головой, и Лис почему-то почувствовал себя полным дураком.

— Для хирурга моего класса этот вопрос стоит на десятом месте. Я никогда не терял пациентов. На столе — никогда. Я ищу свою ошибку, малыш.

— А если не было ошибки? — у Лиса появился далёкий проблеск верного ответа. — Если он просто не хотел жить?

— Она, к сожалению. Девочке было не больше шестнадцати лет.

— Я понял! — Лис взвился с тумбочки и очутился на середине комнаты. — Тур, я всё понял! Она не желала возвращаться в своё тело! Она была некрасивая, да?.. Ну, Тур, послушай меня. Я её знаю, теперь она — блазень, Кикимора, которая залетела к нам сегодня в полночь. Ты сделал всё, что мог. Но она не хотела жить так, как жила. Она была одинокой, уродливой, с ярко выраженным комплексом неполноценности.

Белое лицо Тура никак не выдало его эмоций по поводу объяснения, и Лис пошёл на новый круг.

— Понимаешь, ты ей приглянулся, и она, в смысле — её дух, увязалась за тобой. А Ворон, когда почувствовал, что у тебя проблемы, нечаянно втянул её к нам в дом. Она здесь и будет жить здесь, потому что не помнит себя прежнюю, а у нас ей понравилось. Но мы должны похоронить её имя, разорвать её связь с мёртвым телом, тогда ей гарантировано вечное существование в земной среде. Как её звали?

— Не знаю.

— Ты же её оперировал!

Лис обиделся, поскольку усмотрел в ответе брата не только полное безразличие, но и откровенную ложь.

— Лис, ты выбрал неудачный момент для своих игр.

— Хорошо, — рыжий чуб горделиво взлетел со лба на макушку. — Я играю, я всё делаю через коленку, я начитался идиотских теорий. Мне плевать, что ты и Ворон обо мне думаете по этому поводу. Придёт время, и я представлю вам обоим неоспоримые доказательства истины картины мира! А сейчас скажи мне одно: её имя.

Бледная маска, очерченная крупными каштановыми кудрями и чёрной короткой бородой, дрогнула и приобрела живые оттенки. Лис порадовался про себя, что разговор протекает в отсутствии Ворона, который давно бы вышиб «парапсихолога» за дверь с соответствующими комментариями, возможно нецензурными.

— Я не знаю её имени, — устало повторил Тур. — Она ехала пассажиром на мотоцикле и попала в аварию. И даже если имела при себе документы, они сейчас в милиции. Меня вызвали, когда она уже лежала на операционном столе. Сильная здоровая девочка. Она должна

была выжить. Я успешно работал и с более сложными случаями...

Он задумался, а Лис вдруг ощутил в спине неприятную ломоту. Пробил озноб, и потянуло прохладой. И причиной тому были отнюдь не открытое окно и предрасветная майская свежесть.

Лис вобрал голову в плечи и медленно обернулся. В дверях стоял Ворон.

— Поди-ка сюда, малыш, — кивнул он и вышел в кабинет.

— Извини, Тур, — промямлил Лис и покорно поплёлся за вторым старшим братом.

Ворон замер над «спящим» компьютером, воткнув опасный взгляд в пустой монитор.

— Ты знаешь, как тяжело Тур переносит чужую смерть? — заговорил он тихо и без предисловий.

— Да.

— Ты знаешь, что он доверяет свои чувства только нам?

— Да, но...

— Так какого чёрта ты заставляешь его вновь и вновь переживать гибель пациента?!

— Но я его успокоить хотел...

— Заткнись! Гоняясь за призраками с того света, ты до сих пор не научился слышать живых людей. Тех, кто рядом с тобой, кто желает тебе добра, кто терпит все твои выверты. Знаешь, что я сейчас очень хочу сделать?

— Дать мне по морде...

— Молодец. Правильно. А знаешь, почему я этого не сделаю?

— Потому что Тур не приветствует рукоприкладства.

— Верно.

Ворон повернулся к брату лицом. Его глаза продолжали метать искры, однако угрожающая тяжесть в них пропала. Лис приготовился к продолжению воспитательных мероприятий, но тут тревожно загудел динамик компьютера. Экран вспыхнул и появилась надпись: «Система охраны предупреждает...»

— Проклятье! — Ворон сел за пульт. — Кого ещё несёт?

Лис из-за плеча брата рассмотрел в «окне» камеры слежения подкатившую к воротам автомашину. Из салона выскочил мужчина и кинулся к переговорной панели домофона. По кнопке он стучал слишком нервозно, отчего прибор отказывался подчиняться. Ворон со своей стороны не спешил выходить на контакт. Пальцы его пролетели над клавиатурой, и изображение приехавших, в первую очередь того, кто

остался в машине, увеличилось. На заднем сиденье неподвижно лежало окровавленное тело.

— Закон парных случаев, — вырвалось у Лиса прежде, чем он удержал бескостный язык за зубами.

Ответ последовал немедленно: визг колёсиков бесцеремонно отброшенного кресла и звонкий шлепок подзатыльника.

— Марш к себе. Чтоб духу твоего тут не было! — рявкнул Ворон.

Более рыжая персона его не интересовала. Он шагнул в сторону спальни близнеца, но Тур вышел в кабинет без специальных приглашений. Домофон тем временем изрыгнул из динамиков хриплый взволнованный голос:

— Полозов! Мне нужен доктор Полозов!

Ты его знаешь? — не то шёпотом, не то глазами спросил Ворон.

Тур посмотрел в монитор и отрицательно сдвинул брови.

Динамик помолчал секунду и разразился отборным матом, сопровождавшим обещание расстрелять всё и всех, если немедленно не появится доктор Полозов.

— Полозов. Слушаю, — Ворон выдернул пульт из-под руки брата и предупреждающе поднял указательный палец: мол, молчи пока. — Назовите себя.

— У меня в машине парень умирает! — гавкнули в ответ акустические «колонки».

— Успокойся и отвечай, — властный голос заставил незваного гостя придержать эмоциональные высказывания. — Кто дал тебе этот адрес?

— Один из пацанов Беляка. Да открывай же! Он щас концы отдаст!

Тур тронул близнеца за плечо и утвердительно кивнул.

— Садись за руль, — Ворон наклонился к микрофону, — и поезжай строго вдоль огней. Тебя встретят.

На мониторе было видно, как ночной гость с опаской оглядел мёртвые ворота и тёмную аллею за ними. Но в салон вернулся и уверенно снялся с тормоза. Ворота тут же открылись, активизировалась цепочка осветителей, похожая на сигнальные огни аэродрома.

Убедившись, что схема сработала, как требовалось, Ворон вскочил. Он не сомневался, что гость проследует в заданном направлении, ибо густой участок нетронутого леса, кольцом окружавший дом, не внушал доверия чужакам, особенно ночью.

— Деконсервируй операционную, — бросил Тур на ходу.

Ворон провёл серию стремительных манипуляций над пультом

компьютера и рванул в коридор.

— Очки! — Лис, до сих пор топтавшийся у двери, сунул в руку брата чёрные окуляры.

Распоряжение покинуть «зону боевых действий» не повторилось, и юноша посчитал своим долгом участвовать в назревающих событиях лично.

Подъезд, куда лента электрических фонарей привела иномарку, располагался с правой стороны по фасаду особняка. Здесь всё было оборудовано в соответствии с требованиями к приёмному покою частной клиники. Тур вышел навстречу.

— Я доктор Полозов, — представился он мужчине, выскочившему из салона. — Покажите раненого.

Тот распахнул заднюю дверцу.

— Подстрелили его! Делай, что хочешь, док, но он должен заговорить. Понял? Что хочешь, но этот козёл должен мне назвать номер!

— Не мешайте, — врач слегка отодвинул плечом взвинченного посетителя и заглянул в машину.

Беглый осмотр привёл к очевидным и неутешительным выводам. Тур выпрямился.

— Сожалею, но шансов у него нет. Он доживает последние минуты.

— Вытащи его, док! Заплачу без базара, если этот кретин заговорит.

Тур колебался: стоит ли вообще тревожить умирающего. К тому же, реакция его товарища была врачу не понятна. За свою официальную и неофициальную карьеру Всеволод Полозов встречал разных людей. Одни воспринимали отказ хирурга с пониманием, другие не желали верить в неизбежное и молили спасти погибающего родственника, друга или партнёра, третьи просто молча расплачивались за принесённое беспокойство и увозили подстреленного или порезанного приятеля восвояси. Сомнительный тип из иномарки демонстрировал совершенно иные эмоции: он кипел яростью.

Впрочем, угрозы и обещания на доктора Полозова впечатления не производили. Было нечто другое, заставившее его произнести:

— Давайте перенесём его в помещение.

За спиной вспыхнуло удивление Ворона.

«Я не смог спасти девочку. Постараюсь вернуть хотя бы эту жизнь», — подумал Тур. Он знал, что брат не одобряет принятого решения. Более того, кто-то третий, не столь близкий, но, безусловно, родной, как будто твердил за кордоном сознания: нет, не нужно, остановись!

«Я должен убедиться, что сделал всё возможное», — Тур отсёк от

себя сомнения.

Когда раненый оказался на каталке в «приёмном покое», хирург понял, что несчастному не поможет уже ни врач, ни бог, ни даже дьявол.

— Увы. Всё кончено, — бесцветно произнёс он и отошёл от тела.

— Нет! Ты его вернёшь! Слышишь, мать твою! Вернёшь!!

По комнате рассыпалась матерная брань.

Ворон решительно выступил из тени.

— Заставь его говорить! А потом пусть подышает! — орал посетитель.

Небольшого роста, помятый и грязный, он выглядел, как ободраный пёс, лающий на забор. Но вдруг его рука нырнула за пазуху и — Ворон не успел ничего предпринять — возвратилась наружу с чёрным предметом, в назначении которого сомневаться не приходилось.

Клацнул предохранитель.

— Это не поможет, — совершенно спокойно сказал Всеволод Полозов, показав глазами на пистолет, дуло которого нацелилось ему в грудь. — Ваш товарищ мёртв. Он погиб в результате множественных огнестрельных ранений в брюшную полость.

— Ты сделаешь так, чтобы он назвал мне номер! — псих с пистолетом медленно двинулся на врача. — Или я... или я...

Выбор альтернативы занял у него несколько мгновений, и Ворон воспользовался заминкой. Даже тень не успела за его стремительным броском. Рука с оружием очутилась в мощных тисках. Хлопнул запоздалый выстрел, осколки светильника посыпались на пол, на головы людей, на тело, вытянувшееся на каталке.

Затрубила сирена противопожарной сигнализации. Порошковые огнетушители не сработали, зато захлопнулись входные двери и комната погрузилась в темноту.

— Ки, не вмешивайся!!

Короткий крик, второй выстрел, грохот и звон стекла.

Вспыхнул свет.

Открывшаяся сцена оказалась далеко не в пользу братьев Полозовых. Тур не двинулся с места, ибо целиком доверял ловкости и силе близнеца. Однако непредвиденный сбой электроники и столь же непредвиденное появление нового персонажа в корне изменили позиции противоборствующих сторон. Пистолет остался у незнакомца, и чёрное дуло смотрело теперь в висок Лиса. Ворон привалился к стене поодаль. На левом бедре расплывалось багровое пятно.

— Работай, док, — прохрипел вооружённый. — Или будешь сшивать по кусочкам башку своего мальчишки!

Лис дёрнулся и пискнул от боли. Профессионально исполненный захват не оставлял ему ни малейших шансов на побег.

— Стой спокойно, — предупредил младшего брата Ворон и снял очки.

— Без глупостей! — крикнул ему бандит. — Шевелись, док. Мозг живёт после смерти всего пять минут!

Тур и Ворон обменялись быстрыми взглядами.

— Я должен принести сюда лекарства и оборудование, — сказал Тур. — Мне нужен помощник.

— Живее! А ты помогай, — последнее относилось к Ворону. — Учти, я бью без промаха. У меня все на прицеле!

И дуло пистолета, описав угрожающую дугу, вернулось к виску юноши.

Лис, а Лис, что мне делать?.. Лис, ну прости, пожалуйста, я как лучше хотела... Лис, ты хоть кивни мне, пожалуйста!..

Так-то лучше. Лис, хочешь, я его по башке чем-нибудь трахну? Нет? Тогда давай опять свет вырублю, а ты вырвешься?.. Тоже нет? Почему? Тьфу... Ой, мамочки. Лис, я вижу другого! Я его вижу!

Эй, парень. Привет!

Лис, ты его чуешь? Он какой-то чокнутый. Мечется над покойником, как будто в закрытые ворота рвётся.

Парень, всё, кранты. Мы с тобой теперь одного поля ягоды. Да не бойся ты! Мы в информационной сфере. Классно звучит, да? Видишь — ни формы, ни веса, и вообще ничего, что было прежде. Это здорово!.. Стой, ты куда!

Лис, он в окошко бьётся. Ведь сейчас догадается, что стена нам не помеха! Что делать-то? Стукнуть его? Нет?.. А, поняла: номер узнать!

Парень, скажи мне номер прежде, чем смоешься! Ну, что тебе стоит! Скажи, ведь он тебе теперь не нужен, а моего друга, того гляди, пристрелят из-за тебя... Ага, порядок. Счастливого пути!

И куда его понесло? Лис, почему он остаться не захотел?.. Чего? И сдался же тебе этот номер...

Не смей его бить, ты, гад! Лис! Мамочки! Ну нет, этого я не потерплю! Тур, посторонись! Ворон, ты меня не слышишь, конечно, поэтому заранее прошу прощения...

Ура! Сработало...

Ой...

Лис, я лучше исчезну, ладненько?

— Заряжается... Готово.

Тур вновь приложил электроды к холодной груди убитого. Разряд. Тело выгнулось, руки и ноги трупа подпрыгнули, но зелёная точка на мониторе продолжала безразлично чертить идеальную прямую. Врач сделал вид, что внимательно изучает пациента.

— Ничего. Давай триста джоулей.

Ворон увеличил напряжение дефибриллятора.

— Заряжается... — и опять направил пристальный взгляд в лицо человека, заложником которого был сейчас младший брат.

Взвинченные нервы убийцы лопнули. Он выругался и в сердцах саданул юношу по голове рукоятью пистолета. Лис охнул и обмяк. Оружие исчезло под ремнём, а его владелец ринулся на Всеволода Полозова.

— Дай сюда, я сам!

И выхватил электроды из рук врача, игнорируя элементарные правила безопасности.

— Осторожно! — Тур отшатнулся.

Ворон отдернул ладонь от рубильника, но вдруг дыхание перехватило, и на плечи навалилась тяжесть, будто в помещении стремительно выросло давление. Мгновение, и пусковая клавиша сама собой плавно утонула в панели прибора.

Раздался сдавленный вскрик. Тот, кто секунду назад был профессиональным наёмником-убийцей, мешком рухнул на пол. Руки конвульсивно сжались, стиснув разряженные электроды, а по лицу размазалась и застыла кривая гримаса.

Наступила угрожающая тишина.

Первым очнулся Тур. Развернулся к близнецу, мягко, но настойчиво отгеснил от аппаратуры и заставил сесть на топчан.

— Не волнуйся, — Ворон не позволил себя уложить. — Повело слегка. Я не знаю, как это получилось.

Он посмотрел на погибшего и поспешно отвернулся.

— Вот уж что менее всего меня интересует, — бросил Тур. — Лис!

Он нашёл глазами младшего брата, а его руки, будто независимо от хозяина, аккуратно прощупывали раненную ногу Ворона.

— Я в порядке, вроде, — промямлил Лис из-за опрокинутой тумбочки и приподнялся. — Силы небесные! Что она натворила!

— Выйди в холл немедленно, — приказал Тур.

— Займись его башкой, — посоветовал Ворон.

— Прежде я займусь твоей ногой.

— Да там касательное.

— Я сам разберусь, — Тур быстро разрезал окровавленную штанину, сорвал перчатку и опустил ладонь на рану. — За антисептик сойдёт.

Ворон попытался улыбнуться.

— И за всё остальное тоже. Давай без швов на этот раз.

Взгляд непроизвольно перекинулся на свежий труп. Сознание замерцало, и уши залепил противный нарастающий с каждой секундой гул.

— Тур, уведи меня отсюда.

— Держись.

Доктор Полозов немедленно выполнил просьбу брата.

* * *

«Лис, а Лис!»

— Слушай, Ки, помолчи, пожалуйста. У меня голова кругом.

«Тебе плохо?»

— Ерунда. А вот утром мне так шею намывают по твоей милости!

«Ну, я же не нарочно. Я просто испугалась. Видишь, я честно признаю: испугалась».

— Я на тебя не сержусь. Сам хорош тоже.

Парень отвернулся к стене и натянул на плечо одеяло.

«Лис, а Лис. Можно я здесь побуду. У тебя уютно».

— Ага, особенно после твоей «уборки», — буркнул хозяин разгромленной комнаты. — Болтайся, где нравится. Но умоляю — помолчи. Я спать хочу.

«А я думала, ты ночью не спишь».

— Это Тур никогда не спит. А я нормальный.

«Совсем не спит? А что он делает?»

— Отвяжись.

Лис, а Лис... Ну и ночь. Коли так пойдёт дальше, скучать мне не придётся. Где-то я тут книжку открывала... Тьфу. Ведь получалось же час назад! Лис, а Лис, почему меня предметы то слушаются, а то нет?.. А, дрыхнет. Ладненько. Навещу-ка лучше красавчиков. Эх, поговорить бы с Туром! Вдруг услышит?

Тихонько, медленно, чтобы не растеряться. Вот так, Лиса уже не вижу, значит, вся в коридоре. Куда теперь?.. Ага, вон дверь. Втекаем... А здесь тоже славненько. И опять компьютеры. Сколько же у них этих штуквин?

Влево или вправо? Пожалуй, влево. Вроде бы там мысли водятся. Точно.

Доброе утро, братья Полозовы. Я знаю, вы меня не слышите, но я

буду вежливой. Я на вас просто посмотрю, не стану мешаться, честное слово. Никогда так близко не видела настоящих близнецов!

Тур, а ты почему около Ворона сидишь? Его же не очень серьёзно ранили...

А, всё равно не ответит.

Странно, что это у него вокруг ладоней? Не перчатки, вроде. На солнечное марево похоже. А ну-ка я поближе... Ай!

Полутёмная больничная палата. Обшарпанные стены. Под толчком тусклая лампочка без абажура. За окном белые громады сугробов и узкая полоска светлеющего неба. Три койки. На одной неподвижно лежит человек. Веки опущены. Под глазами чёрные круги. Серое, будто неживое, лицо. Рядом на табурете другой — как две капли воды похожий на больного. Сидит и, не отрываясь, смотрит на лежащего, а ладони автоматически скользят по исхудавшему телу, там, где устало вздрагивает сердце.

— Вы опять не спали, юноша? — седовласый врач встанет возле койки. — Разве можно так изводить себя.

— Никто не запретит мне быть рядом с братом.

Глухой голос, волевой взгляд.

— Да кто ж вам будет запрещать, — врач присаживается напротив. — Но вы должны понять, мы сделали всё, что в наших силах.

— Ему лучше.

Пожилой мужчина в белом халате недоверчиво оборачивается на больного. Берёт его кисть. Долго отсчитывает пульс.

— Пожалуй, вы правы. Да, уже лучше... Но я говорил вам и говорю опять, чтобы вы не питали пустых надежд. Даже если ваш брат останется в живых, а дело, похоже, всё-таки идёт к тому, он навсегда будет прикованным к постели. Современная медицина тут беспомощна, и ни один мануалист не возьмётся за его позвоночник.

— Он выйдет отсюда на своих ногах.

Властный, не терпящий возражений голос. Врач непроизвольно поёживается.

— Это невозможно. И не пытайтесь что-либо делать самостоятельно. Чтобы работать со столь хрупким органом, нужны не просто специальные знания, а...

— Так дайте мне эти знания.

Старенький доктор растерянно водит глазами по стенам. Но воля сидящего перед ним подчиняет, берёт в тиски и заставляет перевести

взгляд на молодое осунувшееся лицо, где живут сейчас совсем не юные очи могучего человека.

— Вы... я... — врач лихорадочно подбирает слова, — поймите, я обычный районный травматолог. Вы посмотрите на нашу больницу! С каждым годом оснащение хуже и хуже! Найдите деньги, отвезите брата в областной центр.

— Вы сказали, медицина бессильна. Значит, я сам поставлю его на ноги. Объясните мне детально, что у него разбито и как теоретически это исправить.

Травматолог долго рассматривает оживающего пациента, затем его здоровую копию перед собой.

— Я принесу вам парочку книг. Но... А ведь ему действительно стало лучше. Вы отдохните пока. Отдохните...

...Неутомимые воробьи снуют по карнизам покосившегося двухэтажного здания с обломком таблички над дверями «...инская районная ...ца». Свежая листва в старом сквере. Скамейка. Молодой человек в больничном халате поверх новенького физкультурного костюма вертит в руке палку, тщательно инкрустированную изошрёнными узорами. Венчает её искусно вырезанная птица с раскинутыми крыльями.

— Феникс?

— Первая твоя догадка была верной, — оборачивается другой, с таким же лицом, в точно таком же костюме, но без халата. В курчавой, недавно отпущенной бороде прячется улыбка.

— Ага, значит — ворон. Я встаю?

— Валяй.

Недавний больной начинает подниматься. Осторожно, будто пробует землю под ногами. Брат не двигается. Лишь слегка напрягся, как перед прыжком.

— Доброе утро, доктор!

Пожилый врач недоумённо останавливается и цокает языком.

— Не видел бы своими глазами, ни за что бы не поверил. Вы прямо-таки чародей, Всеволод.

— Мы оба стремились к одной цели. И победили.

— Да-да. Именно победили! Всем смертям назло. Вы прирождённый медик, молодой человек.

— Он целитель, — смеётся пациент с палкой.

— Я буду врачом.

«Лис! Лис, да проснись же, наконец!»

— А?

«Лис, я такое видела! Такое! Тур сидел около Ворона. У него над руками плавало что-то. Я тронула и как ахнулась в его память!»

Лис отшвырнул одеяло и вскочил.

— Ки, ты видела его память? Что ты видела?

«Тура молоденьким видела, старого врача и Ворона после какой-то травмы».

— Ах, это, — Лис сел на кровать и потёр пальцами виски. От резкого подъёма в глазах бегали забавные искорки.

«Ах, это! — передразнила Кикимора. — Для меня и «это» новость. А ты чего ожидал?»

— Что-нибудь из забытого времени. Историю о том, почему Тур стал хирургом, я давно сам собрал по частичкам. Целиком они вообще ничего не рассказывают.

«И в чём заключается целая история? Мне интересно!»

— Обычный эпизод из жизни, — Лис пожал плечами. — После армии, когда они работали на стройке, Ворон навернулся со стропил и чуть не сломал себе шею. Тур его выходил. Потом оба приехали сюда, в Тверь. Тур поступил в медакадемию, Ворон — в университет. Позднее нашли каждый свою «нишу» в этом сумасшедшем мире, завели полезные связи. И пошло дело. Видала, какой себе терем отгрохали? Ежу понятно, что не на государственную зарплату.

«И всё?»

— Всё.

«Ничего себе «целая история»! Да у меня тьма вопросов теперь! И, кстати, Лис, тебя не удивило, что я вошла в память твоего брата?»

— Удивило, конечно, — парень потряс головой, прогоняя остатки «искорок», — но это отдельный разговор.

«Слушай, ты, умник. Кончай меня за нос водить! Кто вы такие? Я к вам, что ли, в заложные попала?»

— Ки, ну ты даёшь, — Лис с опаской огляделся: нет ли поблизости тяжёлых предметов, которые бы могли угодить в поле действия рассерженной Кикиморы. Дважды за сутки получить по голове ему совсем не хотелось. — Ки, поверь, ты — не заложная. Ты сильный информационный сгусток. Самостоятельная личность.

«Я спрашиваю, кто вы такие? Я видела, как Ворон давил взглядом на психа с пистолетом и вынудил его сделать глупость. Я видела, как

Тур только ладонь приложил к ране, и от вывороченной наизнанку кожи с мясом осталась красненькая царапина. Это, по-твоему, «ничего особенного»? А то, что ты со мной разговариваешь, тоже не особенно?»

— Ки, пожалуйста, не кидайся книгами, договорились?

«Я ща тебе весь шкаф сверну, если немедленно не объяснишь, где я оказалась!»

И шкаф подозрительно заскрипел.

— Ки, я не отрицаю всего, тобой сказанного, — заторопился Лис, не сводя глаз с шифоньера и невольно просчитывая траекторию его падения. — Но Ворон не всегда контролирует свой уникальный взгляд. А руки Тура исцеляют далеко не всех. Вот если бы они сохранили связь с прежней жизнью! Они бы такое могли творить! Но оба не хотят помнить ту жизнь.

«Групповая амнезия?»

Кикимора сменила гнев на любопытство, и мебель осталась на месте.

— Нет. Скажешь тоже! Они сознательно отсеки от себя прошлое. Совершили переход и заставили себя забыть.

«Ясненько. А ты тоже забыл?»

— В том и дело — нет. Я, конечно, много младше братьев, но я помню всё. И я перешёл сюда, чтобы заставить их обоих вспомнить.

«А зачем? Ну не хотят люди старое ворошить. Чего за уши тянуть-то?»

— Помнящий корни обретает великую силу. Какой толк от дерева, торчащего в почве без корней? Ветер дунет — рухнет. И делай с ним, что хочешь: хоть на дрова, хоть на брёвна. С людьми происходит то же. Забыли, ушли от традиций, иной раз даже дедушек по отчествам не знают. А в результате что? Ура — принимаем христианство. Ура — и реформы Петра Первого. Ура — и залп Авроры. А потом чешут затылки: и как же так вышло? Ведь вот она, история, повторяется, такая сякая, и ничему не учит. А учила бы, кабы голоса предков слышали. И медики не разводили бы руками — мол, бессильны. И на космос бы народные средства не изводили. Ведь достаточно себя изучить, и космос будет прямо на ладони. И гадость бы всякую не изобретали вместо нормального мяса и хлеба.

«Ага, ура! Все в деревню пашни предков поднимать!»

Лис с досады плюнул.

— Иди-ка ты. Я ей про Фому, а она про Ерёму! Я ж не предлагаю отказываться от прогресса! Я говорю о связи духа прошлого и тела настоящего!

«А на практике как сие применять?.. Что надулся?»

— Голова разболелась, — соврал Лис. — Думаешь, мне легко твою «тараторь» разбирать?

«Хочешь, я медленнее буду изъясняться?.. Лис, а Лис. Ну, не обижайся. Я прекрасно помню, что ты мне сказал первый раз. И не отказываюсь помочь. Ты хочешь растолкать память близнечиков, да? Я правильно поняла?».

— Близнецов, — механически поправил парень.

«А мне нравится «близнечиков». Они прелесть! Один Тур чего стоит. Видал, он под дулом пистолета даже бровью не повёл. А Ворон — супер! Как гада скрутил! Если бы ты под руку не полез, из психа враз отбивную бы сделали».

Лис вздохнул. С единомышленниками ему явно не везло.

* * *

Лёжа в постели и созерцая серые разводы на потолке, Лис старательно придумывал правдоподобную историю для оправдания. Несколько раз он клялся себе помалкивать про Кикимору. Но в каждой версии планируемого разговора невещественная личность всплывала неизбежно. Особенно мешалось предположение Кикиморы на тему заложной. Наконец, Лис решил, что идея не лишена здравого смысла и требует тщательного анализа. Стоило ему подумать о заложных, как крайне неприятная мысль вспыхнула в голове и разом выставила вон все предшествующие измышления. Фантазия немедленно нарисовала ужасающую картину буйства духа убиенного бандита. Лис не потрудился разглядеть детали, но из постели выпрыгнул, как ужаленный. Кикимора никак не отреагировала на суматоху в спальне, пока парень разыскивал под кроватью домашние ботинки и безжалостно выворачивал рубашку и брюки. Уже за дверью он мельком подумал, что призрачный жилец, вероятно, устроил себе заслуженный отдых.

Комнаты близнецов пустовали. Лис кинулся в «больничные» помещения. В холле перед приемным покоем он помедлил, прежде чем открыть дверь. Покойников он не то чтобы боялся, но тщательно сторонился. Внутренне подготовившись к отвратительной картине, он вошёл и...

Недоумённо огляделся. Ни единого признака ночного приключения не осталось.

— Когда успели-то? — пробормотал он вслух и, наконец, догадался, почему в доме светло.

За окнами давно сияло погожее майское утро.

— Раззява, — подытожил Лис и тем самым согласился с устояв-

шимся мнением Ворона.

Для надёжности Лис всё же обошёл помещение, убедился, что трупы исчезли бесследно, нахмурился и прикрыл глаза. Дрогнули доселе неподвижные ноздри. Длинный веснучатый нос повернул влево, вправо и проворно зашевелился, втягивая тонкие, недоступные человеческому обонянию запахи. Терпкое и сладковатое — медицинские химикаты. Глубже — душок притухшей крови. Лис фыркнул и встряхнулся. Осторожно вдохнул. Под закрытыми веками мелькнул образ Тура — тёплая свежесть влажного дерева. И жаркая каменная пыль — Ворон. Он сделал шаг к выходу на крыльцо. В носу защекотало от пряного искусственного букета: одеколон. И тут же — машинное масло, прелый пот и десяток других чужих запахов.

Лис поспешил назад, в холл. Долго тёр ладонями лицо и глаза, жмурился и тряс головой, разгоняя остатки неприятных ощущений. Не помешало бы умыться, но подниматься на жилой этаж он пока не собирался. Назревающая опасность толкала к действиям: поскорее сообщить братьям, предупредить и...

— Доброе утро, Лис.

— Тур, куда вы дели трупы? — выпалил парень. — Он вернётся этой ночью на место, где погиб, а тела нет. И он будет требовать...

Пятна в натёртых глазах уплыли восвояси, и Лис осознал, что грядёт его очередной провал: перед ним стоял не Тур, а Ворон.

— Пошли завтракать. Тем более лекцию ты уже прогулял.

— У меня уважительная причина, — буркнул студент.

— Лис, — Ворон выглядел уставшим, — ты хоть раз можешь промолчать?

— Могу, — с готовностью ответил тот и запоздало понял, что отвечать не следовало совсем.

За время, проведённое в доме старших братьев, Лис успел досконально изучить все их привычки и манеры. После ночной самостоятельности логично было ожидать взбучки, но семейный барометр уверенно говорил о «хорошей погоде» за обеденным столом. И всё же Лис усилием воли держал язык на поводке. Зато предметы, к которым он прикасался, бессовестно выдавали его возбуждение: нож визжал, норовя разрезать тарелку вместо яичницы, ложка с сахаром опрокидывалась, не добравшись до чашки, а гренки, как лягушки, скакали на пол. На щелчок зажигалки Лис не обратил внимания и даже не отодвинулся, когда над столом взвились два облачка голубого дыма.

— Малыш, ты себя хорошо чувствуешь? — совершенно серьёзно поинтересовался Ворон.

— Да. А что? — отозвался юноша и заметил, как разогрелись уши. — Я в университет поеду, — поспешно заявил он, вставая. — Успею на третью пару.

— Не успеешь, — спокойно возразил Тур. — А тут разговор есть.

Лис обречённо опустил голову. Прогнозы барометра не оправдались.

— Ну, ругайтесь. Только по очереди, — бухнул он и сел.

Справа раздался смешок. Лис покосился на Ворона и перевёл взгляд на Тура. Тот улыбался.

— Вы чего?

Ему не ответили. Тур прошёл к окну, открыл фрамугу и прислонился к подоконнику.

— Утром Ворон позвонил Беякову, — заговорил он так, словно продолжал прерванную беседу, — и высказал всё, что мы думаем по поводу ночного инцидента. Его парни приехали через четверть часа и убрали грязь. Беяк заверил, что ничего подобного больше не повторится.

— Лис, я хочу тебе предложить одно очень увлекательное занятие, — продолжил Ворон.

— Какое? — Лис насторожился.

— Холку пригладь для начала, — хмыкнул старший брат. — Я собираюсь тебя немного потренировать. Как на это смотришь?

— В компьютерах? — студент оживился.

Близнецы выразительно переглянулись, а Лис неожиданно для себя уловил смысл их безмолвного диалога: Ворон не ручался за своё терпение и предлагал Туру взять на себя роль тренинг-партнёра, а Тур в свою очередь надеялся на «повзросление» младшего брата.

— Я понял! — выкрикнул Лис и закашлялся, глотнув порцию табачного дыма. — Ворон, ты хочешь научить меня драться! Я... я тебя не подведу. И даже злить не буду.

— Нос не дорос меня разозлить, — сказал Ворон будто между прочим. — Но понял ты всё правильно. Со второго раза.

— Я ваши мысли прочёл!.. Ну что тут смешного? Вы подумали, и я понял!

— Ты живёшь с нами без малого три года. Ничего удивительного, что ты научился вычислять нашу реакцию на твои выходки.

— Решили, — Ворон притушил сигарету и тем самым поставил точку. — У меня на сегодня интересный заказ, я пошёл работать. А

тебя, малыш, я жду в шесть вечера в тренажёрном зале.

Лучшей ситуации для своего сообщения Лис и представить не мог. Но ситуация необратимо уплывала из его рук с каждым шагом Ворона к дверям. Не успев просчитать предстоящие ходы, Лис сделал первый.

— Братцы, пожалуйста, выслушайте меня. Я знаю, что произошло сегодня ночью на самом деле.

Ворон замедлил шаг.

— Я бы не полез на бандита, но Кикимора...

Ворон обернулся.

— Кикимора!.. Кики, ты где?

Тур скрестил руки на груди.

— Она спит, наверное, — пробормотал Лис и торопливо продолжал. — В общем, Кикимора как-то закоротила электричество, и я хотел сбить бандита с ног. А налетел на тебя, Ворон. Ну, в общем, я помешал. А потом Ки разлилась и включила дефибриллятор, когда бандюга схватился за электроды. Ворон, понимаешь, не ты убил этого гада, а она. Но он теперь заложный. Он погиб неестественной смертью да ещё и с навязчивой идеей в башке. Он вернётся искать своё тело. И будет мстить.

Тур пригладил бороду.

— Это всё?

— Его месть направлена на нас троих. Кикимору он, скорее всего, не видел.

Ворон спонтанно повторил движение близнеца и задумчиво оглядел гостиную.

— Тур, у тебя есть знакомый психиатр?

— Я знаю одного врача из психдиспансера, — в тон ему ответил доктор Полозов.

— Братцы! Ну, пожалуйста, прекратите вы это! — взмолился Лис. — Посмотрите на вещи реально! Я не верю, что вы так крепко забыли себя прежних. Мы трое пришли с другой стороны света! А теперь та сторона явилась сюда. Мы стоим на заставе между двух миров, понимаете? И на нас равным образом воздействуют и те, и другие силы. А пока вы торчите своими упрямыми рогами в собственных воротах, ваши зады никто не защитит.

— Всё, хватит, — отрубил Ворон. — Реальные вещи выглядят так: пуля пробилла противопожарный датчик. Что-то коротнуло, пошёл сбой по всей сети. «Дырку» в алгоритме я уже нашёл. Это первое. А второе ещё проще: меня подстрелили, потом я четверть часа внушал

бандиту тебя отпустить. Не удивительно, что я, в конце концов, «поплыл» и нажал эту чёртову кнопку. По-моему, реальнее уже некуда.

Тур молча согласился, и Лису ничего не оставалось, как признать себя побеждённым.

* * *

«Лис, а Лис, я что-то не пойму: ты ведь спал только что. А теперь за компьютером сидишь».

— Кикимора? Наконец-то, где пропадать изволила?

«Я? Я тут была. Мы с тобой про близнециков говорили».

— Про близнецов. И это было утром, а сейчас десять вечера.

«Мамочки! Лис, что ж получается: я отключалась? Так должно быть с информационными ипостасями или как я теперь называюсь? Это нормально?»

— Откуда я знаю!

«Тогда буду считать — нормально. Ты чего такой надутый? Влетело от братьев?»

— Нет. Но если бы ты откликнулась в нужное время и в нужном месте, всё бы пошло по-другому. Из-за тебя я опять в дураках.

«Из-за меня? Опять?! Да я меньше суток тут болтаюсь! И сразу кругом виновата!»

— Извини. Я не в духе, — Лис улыбнулся, хотя не был уверен, что призрак воспринимает мимику.

«Ладненько. Проехали. Что у нас хорошего?»

— Лучше бы спросила — что у нас плохого. Полночь приближается. По моим подсчётам дух убитого бандита вот-вот заявится сюда.

«Ух! Здорово!»

Лис насупился пуще прежнего.

— Лично мне совсем не «здорово». Ты вон как карандаши и книги расшвыряла, да в систему охраны влезла. А этот что может натворить?

«А я ему по шее, по шее! Знаешь, как я мальчишек лупила! Меня все в детдоме боялись!»

— В детдоме?

«А что?»

Лис вздохнул. Дух покойной девушки обратился к личной памяти спустя сутки после гибели тела. Скоро она вспомнит кого-нибудь из друзей и, как водится, отправится навещать оставшихся в жизни. Потом придут воспоминания об обстоятельствах смерти, а затем всплывёт имя. То самое, которое следует похоронить и никогда не сообщать информационной эссенции почившей. И то самое, которое он

так и не выяснил.

— Ты лучше тут оставайся, — посоветовал Лис. — Я сам как-нибудь. Может и не произойдёт ничего.

«Э, нет! Я обещала помогать. И, кстати, я решила у вас жить. Значит, это и мой дом тоже. И никаких чужих ипостасей я сюда на пушечный выстрел не подпущу!»

Патрулирование особняка превратилось в подобие экскурсии. На Лиса нескончаемым потоком сыпались вопросы, а отвечать он успевал на один-два из десятка.

— Ки, помолчи, — не выдержал парень. — Я чужака не услышу за твоей болтовнёй.

«Зато я его увижу. Как вчера балбеса с номером. Странно только, что тебя и близнечиков я вижу совершенно по-другому. Вас я как бы обнимаю со всех сторон. А его видела издали. Ну, люди в жизни так друг на друга смотрят. Кстати, близнечики знают, чем мы занимаемся?»

— Нет. Они к своей Марине уехали, — Лис скроил недовольную гримасу.

«К кому? Какая ещё Марина?»

И Лис ощутил, как его окружило дрожащее облако.

— Марина — это их женщина, — пояснил он.

«Одна на двоих?»

— Они же близнецы.

Наступила долгожданная тишина. Воспользовавшись паузой, Лис обошёл тренажёрный зал, где сегодня проходил его первый урок рукопашного боя, проверил, все ли снаряды переведены на фиксаторы, и для собственного спокойствия обесточил помещение совсем.

— Надеюсь, он не догадается включить рубильник, — пробормотал парень. — Ки, ты где?

Молчание.

— Ки! — Лис по привычке пустил в ход свой подвижный нос.

«Да тут я. Куда я денусь», — раздалось в ответ.

Лис не понимал, каким образом улавливает интонации блазенья, но сейчас в «голосе» Кикиморы звучали явные нотки тоски.

— Пора занимать позиции, — бодро заявил он. — Ки, за мной.

«Я тебе не собачка! И вообще, зря ты тут возился. Я этого гада дальше порога не пущу».

Она снова смолкла.

— Ки, что с тобой? — насторожился Лис. — То трещишь, как со-

рока, то воды в рот набрала.

«Я думаю. Могу я просто подумать? И рта у меня теперь нет».

Парень пожал плечами, а сам постарался припомнить все свои реплики, ибо настроение призрачной приятельницы ему не нравилось.

«Лис, а Лис. А она хорошенькая?» — вдруг выдала Кикимора.

— Кто?

«Кто-кто. Марина эта».

— А! — Лис облегчённо вздохнул. — Вот ты из-за чего скисла. Я не знаю, кого ты называешь хорошенькими, но по мне — ничего особенного. К тому же она годится мне в мамы.

«Да? А близнечиком? Сколько ей лет?»

— Шут её знает. Около сорока, вроде.

«Тогда что же они в ней нашли?»

Лис остановился и, полагая, что смотрит если не на Кикимору, то хотя бы в её центр, ответил: «Объект обожания».

* * *

— Грустно смотреть, как оплавляются свечи, — женщина повела ладонью над огоньком, и её дыхание шевельнуло ленивое пламя.

— Давай зажжём новые, — откликнулся сидящий напротив, снял очки и посмотрел на огонёк через тёмное стекло.

Юный официант, ожидавший заказ возле соседнего столика, уставился на уникальных посетителей. Два мужчины, сопровождающие даму средних лет, ничем не отличались друг от друга. Разве что костюм у одного казался немного темнее, чем у другого. За любопытство, недостойное профессии, пришлось расплачиваться: старший в смене гневно глянул на новичка из-за стойки бара.

Всеволод Полозов, краем глаза наблюдавший за официантом, усмехнулся про себя. Полозовы в ресторанчике считались постоянными клиентами. Не исключено, что хозяин проведёт с юнцом серьёзную разъяснительную работу на тему вреда слухов, выползающих за порог заведения.

— И что же вас обоих так беспокоит весь вечер? — Марина ласково тронула пальцами запястья мужчин. — Володя? Влад?

— Бытовые мелочи, — Владимир Полозов отодвинул очки и достал сигареты.

— Скапливается время от времени, а потом всё и сразу высыпается на головы, — уточнил Всеволод Полозов.

— А первая и самая крупная «мелочь» — Борис. Я угадала?

Марина сложила длинные сухие пальцы «корзиночкой» и опустила

руки на стол. Узкая невесомая грудь, нитка янтарных капелек на шее, морщинки под тонким слоем ненавязчивой косметики, аккуратный пробор в золотистых крашенных волосах. И внимательное ожидание спокойных добрых глаз.

Мыслимо ли отягощать эти худенькие плечи грузом своих нерешённых проблем?

Кто посмеет припорошить грустью её удивительные мудрые глаза?

Марина улыбнулась.

— Иногда, чтобы найти ответ, нужно с кем-то поговорить.

Ворон взглянул на брата: — *вот так, просто и без красивых слов, она опять протягивает руку помощи.*

Тур чуть заметно поднял брови: — *земной оплот добродетели.*

— Придётся признать, что Борис внёс свою лепту в копилку наших домашних загвоздок, — вздохнул Владимир Полозов.

— У него опять неприятности в университете?

— Не в том дело, — ответил Всеволод Полозов и усмехнулся. — Парень взялся общаться с призраками. Причём голыми теориями теперь не ограничивается. Придумал себе домашнего духа.

— Кикимору, — уточнил его брат.

Марина пожала плечами.

— Вполне логично. Образ Кикиморы, бытовавший у крестьян северной и центральной России, имел черты домового.

— Это мы проверили, — Владимир Полозов прикурил от свечи, протянул дымящуюся сигарету близнецу, а сам добыл из пачки вторую.

— Беспокоит не выбор персонажа, — продолжил Всеволод Полозов, — а его «деятельность». Если бы мальчишке было десять лет, мы бы не волновались. Но парню скоро двадцать, а он заигрался настолько, что потерял границу игры и реальности.

Женщина задумчиво разгладила ладонями салфетку с эмблемой ресторана.

— Ты подозреваешь психические отклонения, Володя?

— Даже не хочу об этом думать.

— А может быть, гораздо проще? — Марина придвинула мужчине хрустальную пепельницу. — Ему скучно, — она внимательно посмотрела на близнецов, как бы испрашивая разрешения продолжать анализ. — Вы разделили с братом всё, что создавали своими руками многие годы. Он с радостью принял стиль вашей жизни, и у него не осталось места для собственной. Он ни в чём не испытывает недостатка, но не знает, как добывается хлеб насущный. Опыт многих семей

показывает, что ничего хорошего из этого не выходит. Но... Моему сыну было бы сейчас столько же лет, сколько Борису, — голос женщины дрогнул. — И, видит Бог, я бы постаралась сделать всё, чтобы он не ведал тех горестей, которые мы хлебаем день ото дня. Хотя прекрасно понимаю: это неправильно.

— Наша мать — жёсткий человек, — с некоторой натугой произнёс Всеволод Полозов.

— Слишком жёсткий, — эхом отозвался его близнец. — Согласись, не от хорошей жизни в семнадцать лет навсегда уезжают из дома.

— Мать это мать, Влад, — перебила Марина. — Никогда не поверю, что родители способны умышленно навредить своим детям. Впрочем, — она опустила взгляд, — это лично моё убеждение. А вы, мои милые господа, смотрите на жизнь из своего собственного мира. Борис в нём как птичка в золотой клетке. У него нет цели, нет дела, которому он бы решил посвятить себя, нет друзей-сверстников. Отсюда и Кимора.

Разговор прервался с появлением официанта, и на стол бесшумно переместились чашечки с кофе, сахар и десерт.

— Моё любимое! — Марина зажмурилась, вдыхая заморский аромат. — Хочу открыть вам маленький секрет.

Близнецы, не сговариваясь, изобразили затаённое любопытство. Марина рассмеялась.

— Не верю, не верю! Верните серьёзные мины на место!

Шутка легко развеяла шуршащий осадок, оставшийся от невольно вызванных воспоминаний.

— А секрет такой: у меня в шкафу живут две куклы. Да-да. Мои детские куклы. И у каждой есть маленький сундучок с одежками. Иногда я меняю им наряды и даже немножко играю. Так что, несмотря на возраст, все мы чуточку дети.

— Вроде бы за нами ничего подобного не замечалось, — Владимир Полозов вопросительно обернулся к брату.

— Неужели? — глаза Марины заискрились. — А кто устроил у меня на кухне фехтовальный поединок на вениках? Соседка снизу до сих пор считает, что у нас были пьянка и дебош.

Близнецы дружно пригладили бороды.

— Попробуйте поддержать Бориса в его игре, — вдруг предложила Марина серьёзно. — Ведь игра — это жизнь в рамках принятых условностей. Сыграйте вместе. Вдруг из вашего «два плюс один» всё-таки получится «три».

День второй

Чёрное небо. Сизые тучи. Завывание ветра за приоткрытым окном.
Ленивое цоканье капель по крыше крыльца.

Лис с трудом согнал дрему.

— Ки, не спишь?

«Каким местом мне это делать, по-твоему? А ты дрыхни дальше. Я караулю».

— Который час?

«Сам смотри. Для меня экран — пустое место. Другое дело, твои тетрадки с лекциями или от руки начёрканный график в больнице».

Юноша вздохнул и со всеми предосторожностями высунулся из своего укрытия, чтобы разглядеть табло электронных часов над дверью приёмного покоя.

— Без малого четыре утра. Неужели не явится?

«А ты хочешь, чтобы явился?»

— Я хочу удостовериться, что теория о заложных верна.

«Во даёт! Тебе меня мало?»

— Ты одна. Один случай — это не правило. И ещё. Тебя я слышу, но не вижу. А заложных должны каким-то образом видеть, иначе бы в народе поверье не прижилось.

«Что-то у тебя логика хромает на обе ноги. Зачем народу видеть призрака? Призрак на то и призрак: привиделся или, как ты говорил, приглязнился. Достаточно полюбоваться, что он натворил, а дальше уж придумывай всякие «поверья». И кстати, я не хочу, чтобы на меня пялился кто попало».

— Кто попало? Ну, спасибо, милая.

«Я тебе не «милая»... Ой. Лис, а Лис. Это он!»

— Где? Где?

«Заткнись и не вылезай».

Лис отчаянно двигал ноздрями, шурился и всячески вслушивался в пространство. Однако ничего, кроме привычных запахов, тёмных силуэтов мебели и шума мелкого дождя за окном, вокруг не наблюдалось.

«Он рядом, — продолжала Кикимора. — Проходит сквозь дверь...»

Воздух между пустой каталкой и стеной, где притаился Лис, ощутимо уплотнился.

— Ки, это ты? — тихонько спросил парень.

«Я. Он, кажется, нас не чувствует совсем».

Беззвучный ответ врезался в уши так, что у Лиса загудело в голове.

— Да тише ты! — зашипел он. — Оглушила.
«Очумел? Я шёпотом говорю. Сиди и не дрыгайся, я наблюдаю. Он пока по комнате кругами перемещается».

Лису пришлось смириться с громоподобным «шёпотом» блазенья.
— Как он выглядит?
«Никак. Он тут и всё».
— Но ты его видишь?
Лис приготовился к очередному раскату, но грома не последовало. Зато издалека донёлся тонкий скрипучий стон.
— Что это? — парень тщетно всматривался в мутную тьму.
Стон перерос в долгий открытый звук. Тон его от уродливо высокого стремительно скатился до грубых басовых нот, и стенания поползли по стенам, заполняя помещение. Появилось ощущение вибрации, а спустя неопределённый срок — отчётливый запах озона с вкраплениями саднящего душка пережаренного мяса.
«Эва, ещё один прыткий! В дом попёр. Ну, я ему сейчас покажу, кто тут хозяин!»
— Осторожно, Ки! — выкрикнул Лис и вжался в стену. Не по своей воле: нечто нематериальное использовало его как трамплин.
Вой оборвался.
Неподвижные контуры тахты, стеклянного шкафа, приборного столика. Тусклый глаз фонаря над входом. Парень осторожно встал на одереvenевшие ноги.
— Ки, — вполголоса позвал он.
Жалюзи на окне вспыхнули белым искрящимся светом. Лис зажмурился. Под сжатыми веками мелькнул абрис маленького человека с перекошенным лицом.
Громовой раскат вдребезги разбил тишину.
Дождь забарабанил по крыше подъезда. В ноздри хлынул аромат майской грозы.
Несколько минут Лис не шевелился, силясь разобрать свалку разумных и мистических мыслей в голове. И в момент, когда он готов был принять сторону повседневной реальности, потянуло озоном. Сработал рефлекс. Нос проворно повернул к источнику запаха, и Лис с ужасом обнаружил, что источник находится по ту сторону закрытой двери в холл.
— Ки, я чую его! — выкрикнул парень и бросился в погоню за незванным пришельцем.
Он целеустремлённо обшарил правое крыло дома. В двух комна-

тах-палатах невидимый след отсутствовал. Обрывочные струйки озона обнаружились в аппаратной, где хранилось медицинское оборудование, и в химической лаборатории Тура возле компьютера. Здесь следопыт ещё раз позвал Кикимору, ответа не получил и отправился дальше. Ниточка запаха привела в кладовые и оборвалась. Лис для очистки совести осмотрел холодильную камеру и вернулся в коридор. Озон поманил вниз по лестнице. Едва не скатившись по ступеням, охотник за привидением оказался на перепутье: направо — бойлерная и помещение для генератора, куда Ворон строго-настрога запретил ему совать нос, налево — сауна и тренажёрный зал. Поразмыслив, он повернул налево.

Пот, железо, пластик, машинное масло, пыль. Лис громко чихнул и встряхнулся. Дух озона потерялся в винегрете застоявшихся запахов.

— Какой раззява забыл включить вентиляторы? — буркнул Лис и щёлкнул тумблером.

Ни лампы, ни кондиционеры не ответили. Тут он вспомнил, какой именно раззява отрубил электричество в зале, тяжело вздохнул и поплёлся к распределительному щиту. Нашупал крышку, открыл.

Неведомое, но знакомое облако, чуть теплее и чуть плотнее, чем обычный воздух, окутало тело.

— Ки! Вот ты где!

Слабое сопротивление под рукой. Лис удивился, но не потрудился задуматься о причинах. Ладонь сжала рубильник и...

Искры, грохот и весёлая дробь упрыгавших в разные стороны теннисных мячей остались за границами сознания.

Лис! Куда тебя несёт? Я его давным-давно выпроводила... Лис, почему ты меня не слышишь?!

Чёрт подери, что он ещё придумал? А ты уйди, мужик, не морочь мне голову, и без тебя забот хватает. Пошёл вон! Это мой дом! Топай, топай. Думаешь, каску нацепил, теперь всё можно? Катись отсюда... Попадают же зануды.

Чего ещё? Увидимся? Ща тебе, разбежался! Видала я тебя в гробу и в белых тапочках. Вали!

Тьфу. Достал. Лис, а Лис! Да оставь в покое холодильник. Кого ты ищешь?

Лунатик он, что ли?.. Лис, а Лис! Ау! Я тут...

Ничего не понимаю. Почему он на меня не реагирует? Ладненько, посмотрим...

А тут я вчера была. Спортзал... Минутку. Это что? О, нет! Мамочки! Лис, не трогай! Лис! Нет!!

...Лис, ты там живой? Пожалуйста, Лис!

Если он сейчас встанет отдельно от тела, я повешусь... Во ляпнула!

Лис, ты подожди немножко, я мигом!

А что «мигом»? Я ведь номер телефона не знаю. Где у них записные книжки? Не найти в этом барахле... Без паники. Лиса вижу, телефон вижу. Ладненько. Трубку снять... Как бы это... Так! Ура! Теперь номер нужен...

Ага, аппарат крутой, значит, адресная книга внутри есть... Чёртова электроника! Лис, потерпи, прошу тебя. Я сейчас успокоюсь и... Вот, вижу. «М-а-р-и-н-а» — Марина. Сюда кнопкой... Тьфу, сорвалось. Ещё разок... Я спокойная, спокойная... Есть! Лис, у меня получилось!

«Алло», конечно, «алло», но меня вы не услышите, тётенька. Хорошо хоть ответила. Догадайся Туру и Ворону сказать про звонок. Ну, догадайся, пожалуйста!

Лис, а Лис, ты не волнуйся, они поймут и быстренько приедут. Дай-ка попробую тебя на маты перетащить...

Нет, не получается, прости. Лежи так. Ну и шишка у тебя на затылке! Терпи, я тут, с тобой, Лис. И на всякий случай — во всём доме тоже.

— Лис! Малыш, очнись.

— Тур, сделай что-нибудь!

— Я уже сделал всё, что требовалось. Опасности для его жизни нет. Пульс хороший, давление в норме.

— Ты куда?

— Аптечку принесу.

— Ему не лекарства нужны, а твои руки!

— Страховка не помешает. Сиди с ним, я быстро.

Голоса, шаги, движения, запахи. Мысли медленно выплывали из тумана. Суета. Страх. Горячие руки.

Лис хотел помотать головой, но тело не послушалось. Тогда он просто открыл глаза и сразу же наткнулся на дилемму: Тур или Ворон?

— Малыш, ты меня слышишь?

— Ворон?

Брат согласно кивнул.

— Правильно. Молодец. Лежи и не рыпайся.

— А что со мной?

— Хороший вопрос. Тур считает, что тебя трахнуло током, а я ду-

маю, ты протаранил башкой стойку со спортивентарём.
Лис старательно сдвинул брови.
— Кажется, вы оба правы.
— Ты помолчи-ка пока. Сейчас Тур командует.
И Ворон отодвинулся, уступая место лечащему врачу.

* * *

После полудня Лис решил, что числиться больным не так уж плохо. За десять часов, проведённых в постели, он ни на мгновение не чувствовал себя одиноким. Более того, ему удалось вытянуть из Тура обещание узнать имя погибшей пациентки. Шишка на затылке ныла, однако головокружение давно прошло. Надеясь слегка продлить выигрышное положение, Лис попытался симулировать отвратительное самочувствие. Ворона он убедил без труда, но провести Тура не удалось.

— Не так всё плохо, как ты себе воображаешь, — сообщил врач и усмехнулся. — Но если хочешь, можешь поваляться под одеялом.

Лис понял, что грядут серьёзные объяснения, поскольку явственно почувствовал немой вопрос Ворона к Туру: его уже можно допрашивать?

— Ты в состоянии поведать нам о своих приключениях?

Это прозвучало вслух.

Лис выжал из себя страдальческий вздох.

— А что толку, вы всё равно не поверите, — слабым голосом изрек он и направил философский взор в потолок.

— Тогда сделаем так, — продолжал Ворон. — Я спрашиваю, ты отвечаешь. Идёт?

— Ладно.

— Кто звонил Марине?

Лис от неожиданности привстал на локте.

— Я не звонил. А что?

Близнецы подозрительно посмотрели на младшего брата.

— Не звонил, клянусь! — повторил тот.

— В четыре пятнадцать раздался немой телефонный звонок, — объяснил Тур. — АОН указал наш домашний номер. Я перезвонил сюда, но линия была занята. Когда мы приехали, трубка аппарата в гостинной валялась на столе.

Лис побледнел.

— Неужели он? Но зачем?

— Кто «он»? — немедля среагировал Ворон.

— Заложный. Блазень, дух убитого бандита!

Тур и Ворон опять обменялись взглядами. Лис мысленно обругал себя за поспешность и буркнул:

— Я же говорил, не поверите.

Но, к его величайшему удивлению, Ворон согласился.

— Хорошо, пусть будет заложный. Тогда объясни, пожалуйста, что ты делал в четыре утра в тренажерном зале?

— Я его выслеживал, — пробормотал Лис и, представив, как глупо звучат его слова, отвернулся.

— Получается, ты выслеживал его в зале, а он в своё удовольствие развлекался в гостиной с телефоном?

Кто из близнецов задал вопрос, парень не понял, но решил не отвечать.

— Лис, давай начистоту. Ты прекрасно знаешь, чем мы с Туром занимаемся. Ты знаешь, в каких кругах вращаются наши клиенты и пациенты. Пойми, наконец, малыш: утаивая информацию, ты ставишь нас всех под удар. Беляк ошибок не прощает. А если у Декана в один прекрасный момент лопнет терпение, мы останемся без «крыши».

— Пацаны Беляка тут не при чём, — поспешно перебил Лис и двинул ва-банк. — По крайней мере, живые. Слушайте: мы с Кикиморой устроили засаду на призрака. Он явился, Кикимора была настроена выкинуть его вон. В какой-то момент я её перестал слышать. И мне показалось, что заложный обманул девчонку и проник в дом. Я взял его след, но в спортзале — потерял. Хотел включить вентилятор, чтобы проветрить там немного, и меня шибануло током.

— Замечательно, — Ворон прошёлся по спальне.

Лис вжался в подушку. Шишка при этом настойчиво загудела, но сие обстоятельство показалось юноше меньшим из всех зол.

— В таком случае, — Тур перехватил разговор, — кто предварительно выключил рубильник?

— Я, когда готовился к засаде, — поморщился Лис. — Он умер от электричества. Значит либо получил над ним власть, либо стал панически бояться. Вернее — первое, ведь утопленники большей частью обитают у воды после смерти.

— Получается, он тебя заманил в зал и подстроил несчастный случай? — уточнил Тур серьёзно.

— Получается.

— Ерунда! — возразил Ворон из противоположного конца комнаты. — Если бы его приласкал распределительный щит, мы бы сейчас угольки по полу собирали.

— Удар током имел место, — вступился Тур.

— Это статика. Была гроза, атмосфера наэлектризованная, в зале влажно и химии полно. А у нас где-то сбой в электросети. Я завтра же займусь этим вплотную.

— Нет, Ворон! Он мог расставить и другие ловушки! — вырвалось у Лиса.

— Стоп. С данным пунктом разобрались, — Тур поднял руку на пути словесного потока, подготовленного младшим братом. — Теперь телефон. Впечатление такое, Лис, что ты пытался звать на помощь.

— Ага. Пришёл, как зомби, набрал номер и отправился назад в зал отлёживаться, — парень презрительно фыркнул и вдруг подскочил на кровати. — Погодите. Кикимора! Братцы, это она! Она вас вызвала!

— Логично, — опять согласился Ворон, и Лис, не найдя в его тоне подвоха, не на шутку струхнул.

— И где сейчас твоя ангел-хранитель? — поинтересовался Тур.

— Позову, но не уверен, что откликнется. Она днём как будто спит, — Лис подозрительно посмотрел на братьев, но ожидаемых усмешек не заметил. — Ки! Кикимора!.. Не слышит. Ближе к полуночи, надеюсь, появится.

И про себя добавил: очень надеюсь.

В коридоре запел телефон.

— Это меня, — Тур встал.

Лис и Ворон проводили его взглядами: Ворон — безразличным, Лис — заинтригованным.

— Как самочувствие?

— А? Порядок, — Лис потёр затылок.

Ворон улыбнулся и вдруг погрозил брату кулаком.

— Ещё раз так нас напугаешь, я тебе собственноручно голову отверну.

У Лиса отлегло от сердца.

— Договорились! — весело согласился он. — Кстати, Ворон, я знаю номер, который тот психованный требовал у покойника. Кикимора выспросила и мне передала.

— Очень интересно, — ответил брат-программист, и Лису показалось, что тому действительно интересно.

Следующая мысль — почему они так внимательны ко мне — изумлённо застыла в мозгах с появлением Тура.

— Вот имя девушки, — сказал он и протянул младшему брату листок из блокнота.

Лис молча взял записку и уставился на близнецов.

— Братцы, что это с вами? — пробормотал он и предположил. — Я был слишком серьёзно ранен, да?

Дружный смех братьев юношу озадачил. Ворон смеялся частенько, а вот развеселить Тура было делом непростым. Семейный барометр, если бы таковой существовал в реальности, показал бы сейчас идеальную погоду.

— Вздумаешь встать, постарайся не вертеть головой слишком интенсивно, — напутствовал Тур.

И близнецы, продолжая пересмеиваться, вышли из спальни.

Лис запоздало заметил, что проводил их с открытым ртом.

— Кажется, свет перевернулся, — сообщил он сам себе и вспомнил про записку.

Три слова, начертанные ровным мелким почерком Тура: «Наталья Ивановна Степанова».

— Наташа, — проговорил Лис и медленно скомкал листок в кулаке. — Ты никогда не услышишь это имя, Ки. Ты останешься с нами навсегда.

* * *

Ворон бегло просмотрел результаты и остался удовлетворён. Программный модуль отработал чисто. Третье тестирование он запускать не стал. Задание было слишком простым, чтобы насилловать компьютер лишними прогонами. Владимиру Полозову дали неделю на создание программы для изъятия из электронных таможенных документов нескольких нежелательных строк. Хакер не сомневался, что системный администратор таможенников давно подключился к Интернету в обход всех строжайших инструкций. Найти дыры в защите не составило труда. Разработка эксплоита заняла четыре часа, и восемь Ворон потратил на отладку и написание инструкции по применению «чистильщика».

Воскресенье, семь вечера. Ворон набил пару строк в электронной почте, будучи уверен, что раньше, чем завтра утром, заказчик сообщение не прочтёт, вернул сетевому компьютеру его домашние параметры и принялся сочинять пламенное послание Марине в память о великолепной субботней ночи. Сообщать об утренних приключениях, ставших причиной поспешного расставания, он не собирался. Тур сделал это значительно раньше.

Перепев мобильного телефона застал Ворона на последних, самых нежных строчках. Программист поморщился, но письмо женщине за-

кончил не торопясь. Щёлкнул по строчке «отправить сообщение» и лишь после этого взял аппарат.

— Полозов. Слушаю.

— Мы ждём «чистильщика», — шепеляво сообщил абонент.

— Когда? — Ворон догадался, что утро понедельника наступит для него в воскресный вечер.

— Сегодня. Расплатимся на месте.

— И на каком именно месте? — лениво спросил программист.

— Мыло открой. И не тормози. Неустойку с тебя спишем.

Ворон кисло посмотрел на замолчавший аппарат.

— Что-то вы нервничаете, ребята, — заключил он.

Автомшины Лис не любил по двум причинам: во-первых, ему всегда приходилось путешествовать на заднем сиденье, а во-вторых, пары металла, бензина и синтетики, запертые в салоне вместе с пассажирами, разрушая эпителий, доводили до иступления обонятельный рефлекс. В нынешней поездке существовал третий, самый неприятный «минус» — покинув дом, он лишался возможности общаться с Кикиморой. Лис подозревал, что фраза Ворона «Малыш, ты будешь страховать меня вместе с Туром» являлась лишь благовидным предложением для того, чтобы «малыш» не остался один дома и не словил бы вместо призрака новые неприятности на свою и братовы головы. Однако юноша не рискнул демонстрировать обиду. Формально получалось, что его, младшего, первый раз взяли на серьёзное мероприятие в качестве помощника.

Ворон без зазрения совести гнал по шоссе, обгоняя то справа, то по встречной полосе тарантасы усталых дачников, возвращавшихся в город после «огородных» выходных. Перед поворотом, где частенько дежурили инспекторы ДПС, он сбросил скорость в соответствии со всеми правилами, чинно продефилировал под носом ухмыляющегося патрульного и выжал обычные сто двадцать, чуть только сизая куртка с погонями осталась позади. Лис фыркнул. На его памяти останавливали Ворона всего раз пять, и объяснения с «гаишниками» заканчивались подозрительно быстро. Комментарий в таких случаях звучал один и тот же: знал бы нас лучше, не связывался бы совсем. Лис искренне считал, что старший брат злоупотребляет финансовыми возможностями и вынуждает представителей органов правопорядка нарушать закон.

— Лис, объясни своей любимой совести, что она чиста, как детская слеза, — вдруг заявил Ворон, не оборачиваясь. — А для справки

уясни: с органами правопорядка нужно жить в мире и согласии, не жалея никаких средств. Иначе органы будут действовать на нервы в самое неподходящее время.

— Откуда ты знаешь, о чём я подумал? — опешил Лис.

— У меня на затылке есть особые рецепторы, которые улавливают твои мысли.

Теперь юноша обиделся демонстративно.

— Я участвую в ваших аферах первый и последний раз, — отчеканил он. — А если боитесь меня бросать дома после вчерашнего, позывите свою Марину. Так и быть, няньку я потерплю.

— Забавное предложение, — произнёс Ворон, и в зеркале над лобовым стеклом мелькнул его холодный взгляд.

— Рано ему доверили тылы, — негромко заметил Тур.

Следующие десять минут протекли в полном молчании. Лис ёрзал на сиденье, поглядывая то на одного брата, то на другого. И чем ближе подъезжали Полозовы к месту встречи, тем больше парень убеждался, что его интерпретация ситуации опять выглядела как возня в песочнице. А когда Ворон извлёк из кармана плаща чёрный металлический предмет и молча передал близнецу, у Лиса по спине поползли мурашки.

— Что это? — прошептал он.

— Познакомься, «P226», «ЗИГ-Зауэр», — ответил Ворон, а Тур проиллюстрировал его слова, показав через плечо младшему брату боевой пистолет.

— А... А почему ты его не берёшь с собой? — выдохнул юноша, ошарашено проводив глазами оружие.

— На случай, если меня вздумают обыскать, — пояснил Ворон.

— Зачем же ты связался с этой компанией? — воскликнул Лис так, будто его вопрос мог изменить намерения брата.

— А я сервера таможенников ещё ни разу не вскрывал, — обронил хакер и открыл дверцу БМВ. — Не скучайте, я пошёл.

Он уверенно зашагал на бульвар, где прогуливались любители майских сумерек из соседних домов.

— Я не знал, что у вас есть оружие! — Лис опёрся о спинку переднего кресла.

— Делай вид, что до сих пор не знаешь, — Тур внимательно следил за перемещением близнеца.

— Он точно не спортивный? — не унимался юноша.

— С восьмидесятых прошлого века и по сей день — на вооружении морской пехоты США. Приобрели по дешёвке поломанным до

основания и восстановили.

— Ух ты! — Лис выдохнул мальчишеский азарт и, опомнившись, придал лицу серьёзное выражение. — Ворона с пистолетом я представить могу. А вот тебя! Неужели ты станешь стрелять в человека?

Тур усмехнулся.

— Мы служили в Афгане, малыш, и многому научились. Стрелять — дело нехитрое. Куда сложнее выбрать цель.

Философские измышления Лиса не устраивали.

— Тур, я серьёзно. Палить по мишеням из пневматики в нашем зале совсем не то, что держать в руках чью-то смерть. Ведь ты... ты вряд ли станешь *теперь* убивать.

— Поэтому я и сказал: выбрать цель. На человеческом теле существуют зоны, поражение которых безопасно для жизни при условии своевременной остановки кровотечения.

— А если придётся убить? — не сдавался юноша, хотя чувствовал, что напрасно углубляется в тему.

— Если от моего выстрела будет зависеть жизнь Ворона или твоя жизнь, я не промахнусь, — ответил Тур, но нотка напряжения просочилась наружу, внедрившись в размеренную негромкую речь.

Вопросы у Лиса росли, как грибы после дождя, и он задал бы ещё не меньше десятка, но брат предупреждающе поднял руку в перчатке.

— Помолчи.

Проползла минута. Лис не выдержал.

— Что там? Тур, Ворон что-то говорит?

— Мы не читаем мысли на расстоянии, выкинь этот бред из головы, — оборвал брат и вновь застыл, вглядываясь в неясные силуэты трёх мужчин на противоположной стороне бульвара.

— Тур?

— Он встревожен... Спорит... Его принуждают к чему-то, что нам не выгодно.

— Спорят о цене? — ляпнул Лис.

Брат не обратил на реплику внимания.

— Плохо дело. Садись за руль, заведи машину и жди меня, — с этими словами Тур вышел на тротуар.

Самонадеянный помощник не выполнил ни одного из трёх указаний. Он догнал брата на аллее и ухватил за рукав.

— Тур, ты куда?

Тот развернулся.

— Я тебе что сказал?!

Лис рефлекторно попятился. Сердитого Ворона он видел не однажды, иногда по несколько раз на день. Но разгневанный Тур показался ему вселенским Армагеддоном.

— Я могу услышать, что там говорят, — пробормотал Лис.

В этот момент трое мужчин на улице приняли какое-то решение, и один из них направился к припаркованному поодаль автомобилю. Оставшиеся обернулись в сторону бульвара и перекинулись репликами. Тур напрягся, а Лис отчаянно наострил уши. Шершавый ветерок принёс ему обрывки прозвучавших слов.

— Ворон спросил: «Далеко ехать?», — поспешно оттранслировал Лис. — А второй сказал: «Твоя забота — компьютер».

Надежда испуганно притаилась в глубине сердца: поверит ли брат? Воспользуется ли средством, природу которого не в состоянии объяснить?

— Что ещё говорят? — подстегнул Тур.

У Лиса дух захватило от радости.

— Сейчас... — он зажмурился и даже прикрыл глаза ладонью, чтобы посторонние раздражители не мешали слуху делать своё дело. — «Договорились». Ещё что-то... «Доставим назад в лучшем виде».

В ушах появился противный гул. Лис задержал дыхание.

— Не пойму... вроде Ворон: «Эй, без рук».

К гулу примешался звон, порождённый нехваткой кислорода. Лис шумно вдохнул и потряс головой.

— Я их больше не слышу, — признался он и наткнулся на внимательный взгляд брата.

— Не волнуйся. Следи за машиной, куда затолкнули Ворона.

Тур неторопливо направился к БМВ. Лис оглянулся, увидел отъезжающий от парковки бордовый «Форд» и заодно понял, откуда взялись помехи, заглушившие голоса: компания юнцов «под мухой» вышагивала по аллее, подвывая визжащему и сипящему сиди-плееру. Тем временем вверенный Лису объект слежения, подмигнув поворотниками, скрылся в переулке.

— Они свернули! Скорее! — парень метнулся вперёд, но был пойман за шиворот и вынужденно затормозил.

— Спокойно. Мы должны сохранить инкогнито, — предупредил старший брат.

Со стороны казалось, что мужчина задумчиво гуляет по бульвару, и только Лис чувствовал сейчас истинное состояние брата. Тур боялся за жизнь близнеца. И это обстоятельство заставило шевелиться рыжие

космы на шальной голове.

— Садись за руль, — неожиданно поступило распоряжение.

— Я? — опешил Лис.

Тур взял его за плечи и заглянул в лицо.

— Пожалуйста, не спорь. Действуй чётко по моим указаниям. Мы проследуем за чужой машиной, оставаясь незамеченными. Ворон чувствует опасность. Значит, мы должны быть рядом.

Управлять автомобилем Лису приходилось неоднократно, но под пристальным надзором одного из старших братьев. Поэтому в седле мотоцикла один на один с ветром он чувствовал себя значительно лучше.

— Налево, — скомандовал Тур.

Зачем хозяева «Форда» устроили манёвры в жилых кварталах, юноша догадался: отстегивали предполагаемый хвост. Но как Тур умудрялся повторять этот слалом с десятиминутным отставанием, Лис не понимал. Никаких следов на дороге быть не могло, воспользоваться мобильником Ворону просто бы не позволили, а экстрасенсорные переговоры братья отрицали абсолютно.

Тур краем глаза заметил обескураженное выражение веснушчатого лица и вроде бы случайно перешёл от лаконичных команд к рассуждениям вслух.

— Он загнул четыре пальца и разжал ладонь. То есть четыре поворота пропустить. Лис, смотри внимательнее. Первый... На пятом поворачиваем.

— Там перекрёсток. Куда нам?

— Он манипулировал правой рукой. Значит — направо.

БМВ выехал на полутёмную улицу.

Лис игнорировал несколько дорожных знаков, поскольку одним глазом следил за дорогой, другим за действиями Тура, который машинально повторял движения близнеца.

— Прямо, надо полагать, — предположил юноша, когда пальцы брата принялись чертить над коленом две параллельные линии.

— Верно, — обронил Тур.

Потом последовал наклон корпуса вправо, то есть правый поворот. Поднятая перед лицом ладонь обозначила высотный микрорайон. Волосы со лба Ворон отодвинул, видимо, без умысла, зато круговое движение левой руки над головой указало на наличие слева по ходу движения транспортного аэродрома. Затем образовалась пауза. Ворон и, следовательно, Тур сидели прямо, опустив руки.

Лис воспользовался передышкой, чтобы выразить восхищение.

— Потрясающе! — воскликнул он. — Как тебе это удаётся?

Брат улыбнулся.

— Тридцать шесть лет мы с Вороном живём бок о бок. Срок не малый, согласись. И мы зачастую больше доверяем второму, чем себе. Сейчас я восстановил его действия по памяти. Непосредственно в эту минуту Ворон сидит за компьютером и работает со своей программой.

«Тридцать шесть, — мысленно повторил Лис. — Нет, брат. Было ещё кое-что, о чём ты помнить не желаешь. А тогда вы не бок о бок жили, а стояли на разных сторонах баррикады».

Речь, произнесённая в уме, погасила вспышку правдолюбия. Он заставит близнецов вспомнить и поверить, но это потом. Сейчас Тур встревожен, устал, а мозг тщательно выстраивает план действий на ближайшее время.

— Мы уже за чертой города, — напомнил Лис. — Впереди посёлок.

— Тормози на обочине. Подождём.

* * *

Кирпичный забор, похожий на крепостную стену, надёжно охранял двухэтажный дом новорусской архитектуры от случайных посетителей и любопытных глаз соседей. На воротах красовалась табличка «Осторожно, злая собака». Однако вместо обещанного волкодава прибывших встретил бритый двухметровый охранник.

— Это ваша «злая собака»? — съязвил Владимир Полозов, когда его провели, вернее, впихнули в узкую калитку.

Интеллект молодца был прямо пропорционален длине его «ёжика», поэтому реплика осталась безнаказанной.

— Будешь разевать рот, тебе быстро исправят внешность, — предупредили сзади. — Руки!

Хакер позволил себя обыскать. Диск из кармана был немедленно изъят, но это обстоятельство его не смутило.

— Без пароля не запустите, — заметил Владимир Полозов, беспечно созерцая звёздное небо.

— Двигай, — огрызнулся заказчик. — Сделаешь дело, получишь бабки и отчалишь целеньким, если не вздумаешь меня наколоть.

— Я играю чисто. Разве Беляк об этом не говорил?

Он одёрнул помятый плащ и запустил руку в карман. Сомкнул три пальца, сжал кулак и после паузы разогнул указательный. Тур поймёт: трое рядом, один на улице в машине.

По самым неблагоприятным прогнозам Владимир Полозов расцени-

тывал закончить работу через час. Предоставленный в его распоряжение компьютер был оснащён по последнему слову техники, кабельный модем обеспечивал 256 килобит в секунду, реальная мишень для эксплоита полностью соответствовала модели, на которой проводился тест. Однако он не спешил объявлять о готовности к атаке. Двое, заказчик и его партнёр, — видимо, хозяин дома — сосредоточенно пялились в монитор. Хакер умышленно проделал несколько бессмысленных операций. Наблюдатели продолжали серьёзно созерцать красочные «окна» на экране. Он усмехнулся про себя: ни тот, ни другой ни бельмеса не смыслили в сетевых премудростях. Делая вид, что всецело занят своей программой, он разобрал по косточкам параметры операционной системы, изучил сетевые настройки и скопировал несколько протоколов. В текстовом окошке ftp-клиента под самым носом надзирателей информационная добыча беспрепятственно отправилась на домашний сервер Полозовых.

Удовлетворив любопытство, Владимир Полозов взялся за сервер таможни, но тут обратил внимание на открытую дверь соседней комнаты. Из темноты кто-то ревностно наблюдал за проворными руками программиста. Скоро присутствие молчаливого персонажа начало действовать на нервы.

Зачем его привезли в дом вместо того, чтобы на бульваре забрать диск, расплатиться и получить пароль, Владимир Полозов мог лишь гадать. Застраховались? Вряд ли. Репутация хакера, заработавшего прозвище «Лорд», была хорошо известна и Белякову, и его партнёрам. Скрыли истинную цель взлома и решили убрать по завершении дела? Маловероятно. На Полозовых полагался сам Декан, а портить отношения с московской элитой было чревато серьёзными последствиями для всех, кто находился в зоне влияния. Оставалось предположить, что, действуя от имени Белякова, заказчик преследовал личные интересы.

Последнее Ворон посчитал наиболее близким к истине и глубоко пожалел, что не удосужился проверить подноготную лиц, в дело которых ввязался ради развлечения. Пути к отступлению он пока не видел, но надеялся на Тура, ожидавшего в машине на окраине посёлка, и на свои глаза, которые в особых условиях превращались в грозное оружие.

Низкорослый наблюдатель в тёмной комнате продолжал таращить ся на программиста.

— Уберите своего головореза, — сказал Владимир Полозов, не отрываясь от компьютера. — Я делаю ошибки, когда кто-то стоит у меня над душой.

За спиной задвигались.

— Держи свои шуточки при себе, — грозно прошипел приземистый хозяин дома.

— Долго ещё будешь возиться, Лорд? — поинтересовался тот, кто встречал на бульваре.

— Уже готово. Кто из вас желает потискать комп таможенников?

Владимир Полозов встал, уступая место за пультом, и, воспользовавшись моментом, открыто посмотрел на дверной проём, где маячил бессловесный тип.

Пустые глаза и перекошенное лицо, покрытое трупными пятнами.

Ворон остолбенел. Позавчерашний гость недобро ухмыльнулся и качнулся в темноту.

— Ну, заводи!

Программист вздрогнул. Хозяин коттеджа нетерпеливо стучал пальцами по ребру клавиатуры.

Владимир Полозов не сразу попал курсором мыши в нужную строку. Эксплоит ринулся в атаку на сервер, а он непроизвольно оглянулся на пустую комнату. Заказчик подозрительно следил за хакером издали.

— Дальше что?

Ворон механически назвал пароль и медленно снял очки. Шторм в мозгах утих, и здравые мысли вернулись на привычные места. Первая из них — намылить Лису шею за его «заложных» — отскочила в последние ряды перед лицом второй: Тур воспринял движение с очками как сигнал опасности. Ворон поспешно расслабился и наигранно вальяжно прошёлся по комнате. Прислушался к брату. В машине Тур удержал руку Лиса на ключе зажигания. Обошлось.

— Как удалить?

— Нажми «Delete». Это такая кнопка на клавиатуре, — подсказал Владимир Полозов и премило улыбнулся: мол, видал ламеров, но таких!

И тут обратил внимание на экран. В идентификаторе одной из записей, приговорённой к уничтожению, значился набор символов, который назвал Лис, якобы «со слов» Кикиморы.

— Я знаю, что такое «Delete», — процедил сквозь зубы сидящий за компьютером.

Но хакер, одержимый новой идеей, его не воспринял и потянулся к пульту.

— Дай-ка сюда.

— Стой, где стоишь! — грохнули за спиной.

— Спокойно, — он развёл руки, чтобы продемонстрировать без-

вредные намерения. — Нужно реестр вычистить. В инструкции я писал, кстати.

Заказчик несколько секунд колебался.

— Паша,пусти его, нехай делает, чо надо.

Владимир Полозов завладел пультом. Пока обозначенные для удаления записи переключивались на его домашний компьютер, появилась ещё одна, более правдоподобная догадка по поводу безапелляционного приглашения в загородный дом. Никто из присутствующих не смог бы самостоятельно проделать все операции, предусмотренные в инструкции к эксплоиту. Значит, предполагался некто третий. Владимир Полозов вспомнил первую телефонную беседу с заказчиком. Когда речь зашла о непосредственной постановке задачи, в трубке прозвучало: «наш спец объяснит». И взволнованный «спец» суетливо, но достаточно грамотно изложил хакеру требования к программе.

Тревога рассеялась. Грубоватое обращение было в порядке вещей в здешней компании и не сулило никаких серьёзных неприятностей. Более того, заказчик уже потерял бдительность, когда назвал партнёра по имени. Владимир Полозов проверил, не осталось ли в протоколах лишних записей, прервал сеанс несанкционированной связи, вынул диск и отключил модем.

— Готово, — сообщил он и поинтересовался. — А куда подевался ваш программёр?

— Не твоё дело, — ошетинился заказчик и полез за пазуху.

Хакер пожал плечами, давая понять, что ответ для него большого значения не имел. Но догадка подтвердилась: «спец» вышел из игры раньше времени, вынудив партнёров спешно менять план действий.

Программисту протянули мятый конверт. Он не спеша пересчитал купюры, кивнул, и конверт отправился во внутренний карман пиджака.

— Держи язык за зубами, Лорд, — предупредил Паша своим шипящим говорком.

Владимир Полозов усмехнулся и невозмутимо водрузил на тонкую «аристократическую» переносицу чёрные очки.

Руки Тура похолодели и сжались в кулаки.

Ворон, сохраняя на лице беспечную мину, замер, потянувшись к близнецу всем своим существом. Вибрация. Машину затрясло на колдобинах. Едут по просёлку? Зачем?

— Эй, поди сюда! — шепелявый Паша выглянул в прихожую. — Проводи человека!

Ворон не двигался. Тур сцепил пальцы в «замок» так, что хрустну-

ли суставы. То был условный сигнал чрезвычайной ситуации.

Бритый охранник, попыхивая зловонной сигаретой, выжидающе встал перед гостем.

— Где у вас тут «очко»? — вдруг спросил Владимир Полозов. — Отлить бы на дорожку.

Заказчик скривился, а Паша нехотя показал на дверь.

— По коридору и налево.

— Спасибо.

Он удалился без суеты, но как только вышел из поля зрения хозяев и охранника, ускорил шаг. Тур отчаянно торопил. Его страх бился у близнеца в висках и заставлял сердце бешено колотиться в груди.

К счастью, расчёт оказался верным. Туалет располагался в задней части дома, и длинное узкое окно — оно же вентиляция — смотрело на глухой двор. Владимир Полозов откинул раму и в тот же момент услышал глухой хлопок со стороны фасада.

— Чёрт бы подрал их разборки, — пробормотал он и, легко потянувшись, протиснулся наружу.

Изошряться с приземлением было некогда. Он грохнулся на железную крышку отстойника, вскочил и, пригнувшись, побежал к забору. В доме раздались приглушённые стенами крики. Выстрелов он больше не слышал, но это отнюдь не означало, что кому-то крупно повезло.

Владимир Полозов преодолел забор одним махом, благо разбег взял заранее. Устоять на ногах не удалось, и он кубарем покатился с пологого склона в заросли молодой крапивы.

Рядом очутился Тур.

— Цел?

— Абсолютно на сей раз, — Ворон поднялся. — А теперь по порядку: что произошло?

— Две машины, пять человек. Шофёра в «Форде» шлёпнули без разговоров. Ты успел закончить?

Ворон подмигнул близнецу.

— Меня там вообще не было. Давай-ка сматываться, — и, заметив Лису за рулём БМВ, помахал ему рукой.

— А может лучше притаиться? — нерешительно предложил юноша, когда братья подошли к машине. — Двое или трое всё ещё во дворе. Кажется, загнали туда «Форд» с покойником.

— А ты откуда знаешь? — Ворон сел на пассажирское сиденье.

— Слышу.

Лис приготовился к шуточкам в свой адрес, но таковых не после-

довало.

— Вруби магнитолау на всю катушку и перебирайся назад, — велел Тур. — Я за руль.

— Зачем магнитолау? — юноша аж задохнулся от неожиданности.

— Если заметят, пусть думают, что молодёжь развлекается, — пояснил за брата Ворон и с удовольствием потянулся.

Взревел мотор, динамики акустической системы громыхнули ударами и бас-гитарами, и под этот аккомпанемент машина ринулась вперёд, виляя так, будто водитель принял на грудь пол-литра доброй русской водки.

Лис вцепился в поручень, ненароком задел взглядом Ворона и ахнул. Тот невозмутимо снимал с рук... кожу.

— Ты? — только и смог выговорить Лис.

К грохоту магнитолы присоединился дружный смех близнецов.

— Что это такое? — воскликнул юноша обиженно. — Я опять чего-то не знаю, да?

— Ты сегодня молодцом, братишка, — сказал Тур.

— А это, — Ворон бросил ему через сиденье невесомые прозрачные перчатки, — «пальчики без пальчиков». Тур изобрёл ещё лет пять назад. Ни один спец дактилоскопии отпечатков не найдёт. Я всегда это надеваю, когда иду на особую встречу.

Лис попытался пощупать перчатки, однако прозрачная плёнка буквально растворилась у него в руках.

— Одноразовые, — пояснил Тур. — Изобретение, в общем, не моё. Прочитал когда-то в «Науке и жизни».

BMW вырулил на узкую грунтовку и помчался на юг.

— Куда мы? — забеспокоился Лис.

— В объезд. Покатаемся и вернёмся через Московскую окружную.

— Это ж час, не меньше!

— Зато наши шкуры наверняка останутся целыми, — объяснил Ворон и зевнул. — Ты как, малыш? Устал?

— Нет, — буркнул Лис, а сам подумал про Кикимору. Как она поведёт себя, обнаружив, что осталась в доме одна?

От призрака мысль перекинулась на заложных, и из подсознания вылез вопрос, который беспокоил юношу уже десяток минут.

— Ворон, — начал он осторожно, — почему ты не предупредил людей в доме? Ты ведь мог их спасти.

Неподдельное изумление старших братьев выразилось — у Тура в выгнутой дугой бровях, у Ворона в неразборчивой фразе, начинавшей-

ся с буквы «ё».

— И как ты сие представляешь? — осведомился Ворон. — «Ребята, берегитесь. Брат подал мне ментальный сигнал какой-то опасности»? Так, что ли?

Лис низко опустил голову и поклялся впредь сначала задать вопрос самому себе, а уж потом открывать рот.

— У тебя с какой пары завтра занятия? — Тур сменил тему.

— С первой.

— Дома будем часам к двум ночи. А пока постарайся поспать.

— Да я по твоей милости сегодня часов десять продрых.

— Я всего лишь снял отёк, — назидательно поправил брат. — А успокоительное не давал вообще.

«Твои руки лечат лучше любого успокоительного», — мысленно произнёс Лис и решил придержать фразу при себе.

* * *

Электрические фонари перебрасывали друг другу рыжие шары света. Бесконечная эстафета ночного шоссе. Изредка её ритм сбивали яркие полосы асфальта, вырванные из тьмы фарами встречных машин. Как призраки, являлись и исчезали дорожные знаки.

Ворон приоткрыл один глаз.

— Где мы?

— На московском шоссе. Скоро будем в городе.

— Сменить тебя? — Ворон протёр ладонью лицо и расправил плечи.

— Не нужно, — Тур размял руки на рулевом колесе и глянул в зеркало над лобовым стеклом. Убедившись, что младший брат спит, он негромко спросил. — Что там произошло, Ворон? Мне показалось, тебе дуло к виску приставили.

— Померещилось кое-что, — Ворон нахмурился. — Никогда не думал, что попаду под влияние нашего охотника за привидениями.

— Померещилось что? — удивился Тур.

— Покойник, — со вздохом признался брат. — Тот, которого я нечаянно отправил на тот свет. Как думаешь, шиза заразна?

— У всех свои тараканы в мозгах.

Они замолчали. Но уютный покой салона не могли вернуть уже ни мерное урчание мотора, ни рыжие блики фонарей за окнами, ни мягкое покачивание рессор.

До дома оставалось четверть часа пути, когда Ворон возобновил разговор.

— Тур, я не нажимал ту проклятую кнопку.

— Я знаю, — прозвучало в ответ.
Ворон вздрогнул.
— Знаешь?
— Я сумел воссоздать в памяти тот странный инцидент. Ты не драгивался до аппарата.
— Да, — Ворон низко опустил голову. — И телефонную трубку, как ни крути, всё-таки кто-то снял и оставил лежать на тумбочке. Тур, — он прямо взглянул на брата, — ты не думал, что Лис не такой уж фантазёр?
Тур неопределённо пожал плечами.
— Возможно. Но нельзя забывать про роковые случайности и всяческие стечения неблагоприятных обстоятельств. Наши предки в былые времена персонализировали случайности: из лесу усталым да больным вернулся — след лешего переступил, в омут затянуло — русалка уволокла, буря на дороге застала — встречник напугал, молоко скисло — домового обидели. И тому подобное. Всё это старо, как мир. Но где граница, отделяющая реальное от мнимого?
— И что есть мнимое? — задумчиво продолжил Ворон.
— Непознанное, смоделированное сознанием или... забытое.
— Причём прочно забытое. Кстати о бурях и встречниках: кажется, опять гроза собирается.
Вскоре автомобиль буквально въехал в стену дождя. «Дворники» не успевали разгонять по стеклу водяные потоки, и Тур счёл благоразумным остановиться на обочине.
— Будут мне утром подарочки на дежурстве, — пробормотал он, проводив взглядом проскочившую мимо легковушку. — Два-три осто-лопа не преминут найти себе подходящий кювет.
— А? Почему стоим? — проснулся Лис.
— Спи, куда не денется твоя Кикимора, — успокоил его Ворон.
Лис фыркнул и отвернулся к окну.

К трём часам ночи Полозовы, наконец, добрались до дома. Ворон опустил стекло и направил пульт дистанционного ключа на ворота.
Реакции не последовало.
Он повторил операцию.
Система охраны не ответила.
— Чёрт бы побрал эту грозу!
— Сбой? — Лис вытянулся в струнку. — Ворон, осторожнее!
— Я сегодня только и делаю, что осторожничаю, — проворчал старший брат и вылез из машины.

Тур последовал за ним. Лис несколько раз дёрнул ручку, вспомнил о запоре, ругнулся и выскочил наружу. Ботинки хлюпнули и наполнились водой, поскольку прямо под подножкой оказалась большущая лужа. Вдобавок парень умудрился зацепиться курткой за дверцу машины. Ворон тем временем открывал тактильную панель.

— Осторожно! — завопил Лис, когда брат опустил руку на пластиковый детектор.

Ворон мгновение колебался. Но рядом стоял невозмутимый Тур, и он решительно прижал ладонь к сканеру. Лис зажмурился.

Конца света не последовало, равно как и положительного эффекта от действий автора хитроумных запоров.

Близнецы переглянулись. Приковылял промокший Лис.

— Хотел же разобраться с электросетью! — с досадой плюнул Ворон.

— Подожди. Я попробую.

Тур, сняв перчатку с правой руки, тронул пальцами упрямую панель. Мимолётное сопротивление, и холодная поверхность прибора ожила. Активизировались датчики над воротами, зажужжала спрятанная в колонне камера слежения, и капризный «сим-сим» изволил открыться.

— Лучше бы амбарный замок повесили, — буркнул Лис и поплёлся в машину.

— Мальца мы с тобой угоняли, — вполголоса подытожил Тур.

Ворон отмахнулся: мол, ничего страшного, переживёт.

Свет включился, чуть только распахнулась дверь. Оставляя за собой мокрые следы, Лис пересёк холл, вошёл в гостиную и застыл. В его спину невольно воткнулся Ворон.

— Двиг...

Он не закончился фразу, поскольку то, что увидел младший брат, и его приковало к порогу.

В гостиной царил настоящий погром. Кресла, стулья, стол и даже диван беспомощно лежали кверху ножками. В экране телевизора на стене зияла ажурная трещина, а ваза, послужившая кому-то метательным снарядом, целая и невредимая валялась на ковре. Пух из разорванной надвое диванной подушки шевелился по углам. Фрамуга висела на одной петле, а на подоконнике и паркете под окном растеклась обширная лужа, припорошенная тем же пухом и берёзовыми «серёжками», содранными ветром.

Лис так бы и стоял, разинув рот, в дверях гостиной, если бы не старшие братья. Ворон, очнувшись от оцепенения, схватил юношу в

охапку и прижал к стене. Вперёд выскочил Тур. Про существование пистолета Лис вспомнил по металлическому запаху и железному щелчку предохранителя.

— Не высовывайся, — шикнул Ворон в ухо брату.

— Здесь чисто! — крикнул Тур из гостиной.

Лис поднялся, потирая помятый бок. Хватка у братьев была знатная, особенно у Ворона.

— Это устроила Кикимора, — рискнул встрять он.

На реплику внимания не обратили.

— Проверю второй этаж, — предупредил Тур.

— Я в серверную, — сообщил Ворон и повернулся к Лису. — Стой здесь. Будешь путаться под ногами, уши оторву!

Лязгнула пружина, и в руке Владимира Полозова оказался лёгкий, идеально отточенный нож.

Теперь юноше казалось, что он стал зрителем крутого боевика. Чёткие движения вооружённого Ворона, его ловкие броски от угла к углу вызвали лавину юношеского восхищения. Что и где делал Тур, Лис не видел, зато за Вороном шёл, как загипнотизированный.

«Ему не финку, а меч в руках держать надо!» Забившаяся в голову мысль мешала восприятию великолепного действия. Брат бесшумно передвигался по коридору. Каштановые кудри, короткая чёрная борода, быстрый взгляд, смертоносное оружие в руке, полы тёмно-серого плаща...

Яркие солнечные кудри и синие гордые глаза. Белый плащ, развевающийся за широкими плечами. Длинный меч, играющий бликами смерти в лучах розового солнца. А за спиной — золотой легион, готовый к бою с воинами зловещей тьмы. Той, что поднялась из болот во главе с чёрным витязем, лицом и телом схожим со златокудрым богатырём...

— Лис!

Воображение, улетевшее в дальние дали, сослужило владельцу плохую службу. Получив звонкую оплеуху, парень совершил вынужденную посадку в кресло.

— Полегче ты! — возмутился он.

— Ты русские слова понимаешь?! — прогремел старший брат. — Ещё раз в заложники захотел? Где тебе велено было находиться?

Ворон навис над ним, опершись о подлокотники обеими руками. При этом рукоять ножа грозно проскрежетала по пластику.

— Ворон, успокойся, — взмолился Лис. — Нет здесь никого. Я слышу. Никого кроме нас троих.

Острые, как отточенный клинок, глаза скрылись под опущенными

веками.

— Прости, малыш, — проговорил Ворон, тяжело выпрямился и потрепал юношу по рыжей шевелюре.

А Лис вдруг понял простую и очевидную истину: всплеск гнева был всего лишь грубой ширмой, скрывающей страх за его, Лиса, жизнь.

Вошёл Тур. Укоризненно глянул на младшего брата и шагнул к близнецу.

— На втором этаже и в медицинских помещениях порядок. Погром только в центральной гостиной.

— Компьютеры целы, — Ворон кивком головы показал на аппаратуру.

Лис огляделся, обнаружил, что находится в серверной, и решил на будущее получше контролировать спонтанные воспоминания.

— А кто устроил погром? — нерешительно спросил он.

— Кикимора, вероятно, — бросил Тур.

Челюсть у парня сама собой поползла вниз.

— Тур, ты серьёзно?

— А ты шутил? — парировал Ворон.

Совершенно сбитый с толку, Лис умолк.

Близнецы выдержали паузу. Лис успел предположить: первое — издеваются, второе — свершилось чудо, и третье — что-то я опять неправильно понял. Наконец, Ворон сжалился над младшим братом.

— Похоже, мы окно забыли закрыть. Ураганы — вечные спутники гроз. Особенно в мае.

— А ваза и телевизор? — выговорил Лис.

— Ваза на подоконнике стояла, как раз напротив экрана, — объяснил Тур. — Всё на сегодня, братцы. Вам пора спать.

— Надеюсь, ты не собираешься в одиночку двигать мебель? — нахмурился Ворон.

— В ближайшие два часа — нет, — улыбнулся его близнец.

День третий

Тур высадил студента за квартал до университета.

— После занятий позвони домой, — напутствовал он. — Ворон заедет за тобой. И не вздумай ловить попутки!

— Дали бы мне «Хонду», меньше было бы проблем, — проворчал Лис.

— Я тебе сейчас не то что мотоцикл, велосипед не доверю. Сумку не забудь.

Парень сгрёб под мышку пакет с тетрадями, едва сдержал зевок и молча удалился. Тур дождался, когда младший брат завернёт в перушок, машинально пригладил бороду и включил передачу. Беленькая «шестёрка» вздрогнула, чихнула и отшвартовалась от тротуара. Водитель поморщился. Потёртая развалюшка не шла ни в какое сравнение с лихим «германцем». Но хирург не мог позволить себе появиться во дворе больницы на шикарном БМВ, а иные марки, тем более «подержанные», брат категорически отказывался приобретать.

Выслушав мнение коллеги по поводу ночной грозы, Всеволод Полозов принял дежурство, бегло просмотрел истории болезни двух неудачников, доставленных в смену предшественника, отдал распоряжения медсёстрам и закрылся в ординаторской. Штатные хирурги делали обход вверенных палат, молодой врач из дежурной бригады опаздывал, поэтому доктор Полозов на некоторое время остался один. Настроение было паршивое не столько от усталости, скопившейся за бурные выходные, сколько от томительного ощущения в глубине сердца. Лис дважды пытался завести разговор о погибшей девушке, а он дважды обрывал тему. Грубее, чем следовало, как сейчас казалось. А собственно, почему?

Всеволод Полозов медленно подошёл к окну. Брат признался, что увидел призрака. А сам он промолчал о некоем событии, происшедшем у запертых ворот особняка. Вязкое марево под чуткой ладонью было реальным. Кто-то или что-то мешало коснуться тактильной пластины, мешало попасть в дом. И кинулось наутёк, стоило Туру осознать его присутствие. В памяти проплыла череда необъяснённых фактов, помеченных ярлыком случайности. Последним в туманной галерее фактов был чрезмерно разборчивый грозовой шквал, перевернувший мебель, разбивший телевизор и раскромсавший диванные подушки. Завершением ретроспективной панорамы стал рассеянный и унылый Лис, на которого утром было жалко смотреть. До своей Кикиморы не докричался — так за завтраком истолковал его настроение Ворон.

Возле низкого здания, особняком стоящего на дворе клиники, остановился фургон с толстой чёрной полосой на борту. Доктор Полозов поспешно отступил от окна. О мёртвых позаботятся соответствующие службы, а ему пора заняться проблемами живых. Он взял папку с документами и вдруг почувствовал на плече лёгкое прикосновение.

— Лида, вы... — и оглянулся.

В ординаторской не было никого.

Нервы сжались в комок. Медленно потекли секунды. Врач стоял

неподвижно, ожидая второго фантомного знака. И знак пришёл: что-то скользнуло по предплечью.

Всеволод Полозов сорвал с руки перчатку и протянул ладонь в пустоту. Нечто откликнулось, мягко сжав дрогнувшие пальцы.

— Кто здесь? — прошептал он.

Ни звука, ни блика, ни дуновения.

Взгляд скользнул по телефонному аппарату на столе. Осенило. Он поспешно снял трубку и набрал номер. После четвёртого гудка абонент ответил.

— Доброе утро, это Полозов, — он откашлялся, дабы скрыть предательское дребезжание в голосе. — Когда назначено вскрытие моей пациентки?.. Да-да, пассажирки мотоцикла... Уже?.. Нет, не предупредили... Да, спасибо. Да, вижу эпикриз. Извините, не заметил сразу... Что?

Патологоанатом пробурчал нечто нелестное в адрес всех «полуштатных дежурентов» и повторил:

— Претензий от родственников не будет, говорю, потому что родственников нет. Она детдомовская. Как раз увозят уже. У меня тут и так мест не хватает.

Жалобные гудки сменили немногословного собеседника. Доктор Полозов медленно опустил трубку на рычаг и вздрогнул: показалось, что на кисть упала горячая капля.

«Мы должны похоронить её имя!» — голос Лиса вспыхнул в памяти.

— Пожалуй, шиза всё-таки заразна, — вслух повторил Тур слова близнеца и решительно снял белый халат. — А ты, Кикимора, возвращайся домой.

К счастью, входящая в ординаторскую медсестра последнюю фразу не расслышала.

— Лида, я должен отлучиться минут на сорок. Но я никуда не уходил.

— Всеволод Васильевич! — глаза аккуратной девицы в белой шапочке очаровательно округлились.

— Всё будет в порядке, не волнуйтесь. Номер моего сотового вы знаете.

Несмотря на утренний час, на городском кладбище царило оживление. Два катафалка виртуозно разминулись в воротах, а подъехавший третий, чтобы не создать классическую «пробку», благоразумно остановился на дороге. Затормозила и белая «шестёрка».

Тур опустил стекло, автоматически выдернул из пачки сигарету, закурил. В дальнем конце поля, разбитого на крошечные дворики низ-

кими оградами, столпилась притихшая кучка подростков во главе с двумя пожилыми женщинами. Забытый пепел дважды упал на колени, прежде чем нетерпеливые могильщики сняли привезённый гроб с железных «козел», заменивших лафет. Тур отвернулся. Конкретных мыслей не появлялось, но разгорающаяся тревога подогривала кровь и заставляла сердце сжиматься чаще и чаще. Это Ворон почувал неординарное состояние близнеца.

— У меня всё нормально, брат. Не звони мне сейчас, — проговорил Тур, хотя понимал, что слова как таковые не дойдут до адресата.

Но Ворон как будто услышал. Сотовый телефон в кармане промолчал.

Вторая сигарета потухла, когда провожающие сели в мрачный автобус. Сделавший дело катафалк развернулся, медленно проехал мимо «шестёрки» и вскоре скрылся из вида. Тур не двигался. От кончиков пальцев к плечам и груди потёк влажный холод. Озноб застрял в спине, сковав тело морозной плёнкой. Остыло лицо. Ветровое стекло заволкло пепельным туманом, и дневной свет в салоне померк. Шелест ветра в юной кроне лохматой ольхи превратился в глухой шорох змеиной чешуи — *помнишь?*

*Древесная гниль. Шкура быка.
Стынь кругом. Горячая рука.
Примешь?
Шаг до черты. Бой против рока.
Две гиблых дороги. Одна дорога.
Осилишь?
Топь и туман. Вой из болот.
Два как один. И Переход...*

Всеволод Полозов вздрогнул всем телом. Бешено колотилось сердце. Он несколько раз глубоко вдохнул и решил заглянуть в зеркало: белое острое лицо покрыла обильная испарина. Он неуверенно усмехнулся. Ворон выглядел точно так же после первого и единственного посещения кладбища. Это было давно, и с тех пор брат избегал появляться в подобных местах. Тур вроде бы и раньше знал, почему. Теперь знал наверняка.

Но ухабистая колея звала к песчаному холмику с одиноким пластмассовым венком. И Тур тихо сказал сам себе: *осилю*. Откуда на язык выпало это слово, он постарался не думать. Вышел из автомобиля и направился к могилам, скрывая за размеренной поступью взбунтовавшиеся чувства.

На алюминиевой табличке, криво торчащей в песке, значилось:

«Степанова Наталья Ивановна». Даты рождения и смерти автор надписи начертить не потрудился, а лента на венке явно кустарного производства отличалась изумительной лаконичностью: «Нашей Наташке».

Тур оглянулся вокруг. Могильщики удалились на противоположную аллею, посетителей у свежих захоронений не было вовсе, и на высокого подтянутого мужчину в элегантном тёмном плаще некому было обратить внимание.

— Вот и всё, девочка, — негромко произнёс он, обращаясь к могиле. — Пусть твоё тело покоится в мире. А дух...

Перчатки упали на песок, а ладони, вмиг ставшие холодными, будто лёд, опустились на могильный холмик.

— Наталья Степанова. Мы отдаём твоё имя брэнной плоти. Навечно. Ты не заложная отныне, ты наш друг. Оставайся с нами как... Кикимора.

Более или менее стройные мысли Туру удалось выудить из сознания, когда «шестёрка» катилась по шоссе в направлении к городу. На рабочем месте он отсутствовал уже пятьдесят минут. Если за это время привезли какого-нибудь бедолагу, и он погибнет, не дождавшись хирурга, занимающегося спасением призраков... Доктор Полозов оборвал силлогизм на коварном «то». Медсестра Лида позвонила бы. Обязательно.

Он вынул сотовый, убедился, что аппарат включён, помедлил и вызвал номер брата.

— Ворон, ты даже представить себе не можешь, какую глупость я только что сморозил, — произнёс он.

На другом конце послышалось напряжённое дыхание.

— Где ты?

— Возвращаюсь в клинику.

— Я еду к тебе!

— Ворон...

В таких ситуациях возражения не принимались. Остановить Ворона сейчас мог разве что всемирный потоп. Тур бросил аппарат на пустое сиденье рядом и покрепче взялся за руль. На сердце стало легче. Что бы там ни было, а телефонный разговор не чета беседе с глазу на глаз.

Заворачивая во двор областной больницы, Всеволод Полозов заметил припаркованный между двумя «скорыми» тёмно-синий БМВ. Запрет на въезд «кроме машин персонала» Владимир Полозов игнорировал всегда.

«150, не меньше, — отметил про себя Тур, оценив время, за которое брат домчался до места встречи. — И под 90 по городу».

— Я спешил, — Ворон предупредил упрёки. — Где тебя носило?

— Я похоронил имя погибшей девочки.

— Та-ак, — выжал из себя Ворон.

Выслушав всё, начиная с описания ощущений на тактильной панели, он прошёлся взад-вперёд перед братом и предложил:

— Давай допускать, что нечто потустороннее завелось около нас. Оставим пока вопросы — почему и как. Займёмся расшифровкой его поступков. Признаю сразу: логику нашей Кикиморы я не понимаю.

— «Нашей Кикиморы», — хмыкнул Тур. — Похоже на семейное помешательство.

— Не исключаю, — глаза Ворона, не скрытые под очками, приобрели холодные тона. — Но нельзя отрицать, что ты что-то чувствовал, я что-то видел, а Лис что-то действительно слышал.

— Это меня и тревожит, — Тур вздохнул и посмотрел на часы. — Мне пора, близняшка. Лису о моих похождениях знать рано.

Ворон козырнул в знак согласия.

* * *

На мраморной лестнице Владимиру Полозову пришлось чуть ли не локтями пробивать себе дорогу сквозь полчища студентов, атакующих храм знаний в преддверье летней сессии. Читательский билет при входе с него уже не требовали, поскольку вся библиотека, включая вневедомственную охрану, знала в лицо двух обожателей сотрудницы библиографического отдела.

— Привет.

Марина, поглощённая разбором карточек в каталоге, вздрогнула.

— О, какой сюрприз. Влад.

Он улыбнулся. Не было случая, чтобы женщина перепутала близнецов.

— Как у вас дела? — в вопросе не прозвучало ни тени «дежурности».

— В целом всё в норме. Ты можешь уделить мне несколько минут?

Конечно, она могла. Всегда, с полной отдачей, о чём бы её ни попросили.

Они отошли вглубь зала. Владимир Полозов по привычке присел на подоконник. Так он имел возможность прямо, а не с высоты роста, смотреть на её простое, сухонькое лицо, на крошечные морщинки возле зелёных внимательных глаз, на улыбчивые губы и тонкую шею, где поблёскивали яркие капли янтарных бус.

— Проблема первая. И я к тебе как к профессионалу, — начал он. — Что ты порекомендуешь на тему таможенных документов? Обыскал весь Интернет. Куча общих фраз, своды законов и правил, сту-

денческие поделки, частные рассуждения. А мне бы надо что-нибудь конкретное, точное и простое об оформлении оптовых поставок.

Марина устремила взгляд на лепнину под потолком. Сосредоточенная, она стала ещё очаровательнее, и Владимир Полозов не удержался.

— Женщина-интеллектуал. Что может быть прекраснее!

— Подожди, я думаю, — отозвалась она и подняла указательный палец. Серьёзное выражение сохранилось на лице, но глаза по-юношески смеялись. Наконец, улыбка получила разрешение озарить профессиональный лик. — Кое-что я в фонде помню. Располагайся, сейчас принесу.

— Как ты умудряешься помнить весь фонд?

— Бог с тобой! — теперь она рассмеялась. — Просто я недавно искала литературу по похожему запросу.

Она направилась за книгами, но Владимир Полозов остановил.

— Вторую проблему ты, наверное, разрешишь прямо сейчас. Встречались тебе где-либо материалы о ритуалах захоронения имени умершего человека?

— Влад, я поражаюсь спектру твоих интересов.

— Да это не я, — он решил соврать. — Борис задачку задал. Ну, так как?

— Захоронение имени... — Марина задумалась. — Древний Египет, пожалуй. Имя почившего непременно оставляли в гробнице. Считалось, что имя — Рин — определяет личность, Ка которой отправляется на суд богов. Если Рин умершего умышленно скалывали с камня, это означало, что покойному не оставляли шансов ни на перерождение, ни на вечное блаженство на полях Иалу. Так казнили после смерти неугодных. Иногда даже фараонов.

— Маринушка, ты энциклопедия!

— Не спеши, — она опять подняла указательный палец, — это далеко не всё. Имя так или иначе фигурирует во многих ритуалах. Славяне, например, давали имя мальчику, когда тот выдерживал испытания и завоёвывал право считаться охотником, воином. До испытания мать называла ребёнка детским прозвищем, которое именем не считалось. Соответственно, в похоронном обряде имя воина фигурировало обязательно. В христианстве одно из самых важных таинств — крещение. Это не просто наречение личного имени, как сегодня многие считают. Это принятие веры, приобщение к религии.

— Как насчёт отпевания? — вставил Владимир Полозов.

Марина укоризненно посмотрела на собеседника.

— Я помню, какой вопрос ты задал. Я хочу сказать, что имя — это в первую очередь обозначение личности, какой бы религии человек ни принадлежал. Потеря имени есть потеря самой личности в глазах любого Бога — Анубиса, Перуна, Зевса, Христа. Следовательно, похоронить имя — всё равно что отнять веру и душу. В западных сказках нередко встречается такой сюжет: колдун забирает у человека имя и взамен даёт ему другое вместе с новой сущностью. Таким образом, жертва выполняет волю злых сил до тех пор, пока добрый герой не возвращает ему имя и вместе с ним память о нём самом. Как развитие этой темы в языческой мифологии можно встретить два или даже три имени у одного персонажа. Причём настоящее имя тщательно скрывается и доверяется только самым близким. Даже имена языческих богов неоднозначны. Так, например, — Марина увлеклась и теперь говорила строгим лекционным голосом, — появились имена-табу. Всем известно, что «медведь» или «ведьмедь», «ведьмак» — прозвище хозяина леса, образом которого у наших пращуров был обычный косолапый мишка. И лишь слово «берлога» сохранила настоящий корень забытого названия животного: «бер». А вот в английском языке название зверя осталось — «bear», равно как и в немецком «der Bär».

— Забавно. А что-нибудь на тему разделения духа и тела посредством похорон имени вместе с покойником? — отважился уточнить Ворон.

Марина изумлённо поджала губы.

— Сдаюсь. Никогда ничего подобного не слышала. Логически это можно вывести из многих поверий, но, кажется, ваш неутомонный Борис выдумал собственную сказку.

— Чего-чего, а сказок в его голове хватает, — откликнулся Владимир Полозов.

Пока Марина ходила за книгами, он задумчиво следил за шустрями воробьями, резвящимися на березе. Рассказ брата и сведения, данные Мариной, раскачивались в мыслях, как качели, у которых точкой равновесия значилась логичная истина. Наконец, Ворон решил, что какие-либо выводы следует делать по итогам предстоящей ночи. Если Лис «услышит» свою Кикимору, значит, Тур действительно провёл никому неведомый ритуал, и, следовательно, Полозовы обнаружили у себя экстрасенсорные, мистические или чёрт знает какие способности. Если нет — придётся признать, что фантазии Лиса заняли слишком много места в головах старших братьев, причём чуткий и лояльный Тур оказался первой жертвой этих фантазий. Своё видение Ворон с лёгкостью спишет в таком случае на взвинченные нервы.

— Влад, посмотри, — Марина бесшумно подошла сзади. — Вот это учебник для юристов, это — очень старые, но действующие инструкции по заполнению таможенных деклараций, а здесь — я захватила на всякий случай — есть глава о пошлинах.

— Спасибо, морская дева!

— Что?

— Твоё имя переводится как «морская». Это к вопросу об именах.

Владимир Полозов воздержался от поцелуя, ибо две любопытные библиотекарши так и норовили высунуть носы из-за каталожных шкафов. Он ограничился нежным прикосновением к узенькой руке женщины.

— А к вопросу о Борисе, — Марина незаметно отняла руку, — должна предупредить. Твой братец сидит у нас в читальном зале, зарывшись в горе книг.

Владимир Полозов нахмурился.

— Ты не ошиблась?

— Его рыжие лохмы трудно с кем-либо перепутать.

— Опять прогулял лекции, стервец.

Марина тихо засмеялась.

— Не ругай его, Влад. Парень всё-таки не в кино время проводит, а в библиотеке.

Стараясь не стучать по паркету каблуками, Владимир Полозов прошёл вдоль столов и остановился у Лиса за спиной. Две стопки книг высились над студентом, а сам студент сладко посапывал, обняв открытый на середине талмуд внушительных размеров.

— Доброе утро, — шепнул Ворон на ухо спящему. — И какая же лекция избавлена от твоего присутствия?

Юноша подскочил на стуле, уставился на старшего брата и протёр глаза.

— Политология, — пробурчал он, когда убедился, что голос ему не почудился.

— Почему я ничуть не удивляюсь!

И, вспомнив, что Марина советовала не проявлять излишней строгости, Ворон придержал красноречие при себе.

— У меня завтра зачёт, — сообщил студент, когда брат взял в руки книгу из стопки.

— «Языческие ритуалы». Ладно, поверим. Домой собираешься? Или дальше отсыпаться будешь?

— Собираюсь.

Владимир Полозов потрепал юношу по плечу.

— Поехали. А это всё, — он кивнул на книги, — я тебе в сети в два счёта найду.

* * *

Пятый сервер безропотно впустил взломщика в список своих подключений. Хакер удалил компрометирующие записи в лог-файле, проверил, всё ли подготовлено к отступлению, притушил сигарету и пробормотал:

— Вперёд, приятель.

Стукнул «Enter». Эксплоит легко обошёл защиту и предоставил создателю на обозрение содержимое таможенного сервера данных. Коды сетевых адресов, через которые проходил несанкционированный сеанс связи, выстроились в контрольном «окне», а в основном открылись уже знакомые тексты базы. Пароль администратора, добытый несколько дней назад, не изменился, следовательно, вчерашнее «посещение» таможенники не заметили. Почувствовав себя в полной безопасности, Владимир Полозов взялся за углублённое изучение файлов.

Скоро он убедился, что никаких специальных шифров в полях нет: структура базы полностью соответствовала утверждённому бланку таможенной декларации, а таинственный набор символов, повлёкший за собой по крайней мере два трупа, был не чем иным, как обычным идентификатором документа. Хакер озадаченно почесал бороду и ещё раз сверился со справочником. Никаких ошибок.

— Отделочные строительные материалы. Очаровательно.

Он вновь пробежал глазами содержимое файла. «Убитые» записи содержали информацию о партии гипсокартона, лаков и какой-то ультрамодной краски. И ничего похожего на контрабанду.

— Разве что вместо этого барахла в контейнерах было что-то другое, — проговорил Владимир Полозов и подтянул к себе библиотечную книгу. — Где тут о порядке приёма и проверке деклараций?

Короткую вспышку на экране программист не заметил бы, если бы не блик, мелькнувший на дисплее сотового телефона, лежащего под рукой.

— Что ещё? — начал он и ахнул.

На экране пульсировало предупреждение эксплоита «АТАС!», а в нижней строке притаилась надпись «Сеанс завершён».

Что заставило администратора таможенников среди ночи заглянуть в список активных пользователей, Владимира Полозова не интересовало. Но его выкинули из системы, это было очевидно. Хакер отступил и поспешно, насколько позволяла скорость мысли и рук, вы-

звал сервер-трамплин, тот самый, с которого непосредственно атаковал «таможенника». Добраться до реестра и замести следы не удалось. Компьютер с изумительной оперативностью среагировал на вмешательство и выдал запрет на изменение системных данных.

На маршруте оставалось ещё три сервера. Оборвать связь прямо сейчас, а через минуту повторно внедриться в их внутренности с другого маршрута и без суеты убрать все признаки состоявшегося взлома. Программист дал команду своему серверу на обрыв соединения. В ответ на экран выпало: «ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН». На разбирательство с ошибкой времени не было, и Ворон прибегнул к грубому, но беспроегршному методу.

— Лис! Лис, отключи наш сервак!

А сам послал сигнал очередному компьютеру на «засвеченном» маршруте.

— Лис! Ты меня слышишь? Отключи сервер!! — проорал он ещё раз.

Брат не ответил, зато откликнулся компьютер питерского провайдера.

Есть связь.

Журнал команд... Изменён... Файл соединений...

Хакер уже подумал: порядок — но тут в сохранении несанкционированных модификаций было отказано.

Он выругался. Чем-то быстротечная эпопея напоминала компьютерную «стрелялку». Крути мышью, бей по клавишам, а не то твой герой отбросит копыта. Разница состояла в том, что продуть текущую партию игрок не имел права. Ибо тогда вместо «отброшенных копыт» виртуального персонажа финалом игры будет вполне реальный ОМОН в доме сетевого взломщика.

— Ворон, что с тобой? — всклокоченный Лис в полосатой пижаме ворвался в кабинет. — Ты меня звал?

— Звал, чёрт подери! Живо в серверную. Отключи маршрутизатор и центральный компьютер!

Ворон говорил, а на экране строка за строкой всплывали параметры банковского сервера, который Владимир Полозов вскрывал год назад по заказу очень серьёзного клиента.

— Совсем отключить?

— Выруби всё!

Лис сбросил шлёпанцы и босиком со всех ног кинулся на первый этаж.

Ворон продолжал работу, поскольку уже не был уверен, что Лис сумеет физически совладать с норовистой системой. Разве что догадается отрубить бесперебойник и центральное электричество.

На удаление кодов времени не оставалось, и хакер выбрал меньшее из всех возможных зол: ввёл вместо реального адреса первый, пришедший на ум идентификатор.

«Файл сохранён», — согласился центральный компьютер банка.

Спустя мгновение терминал беспомощно пискнул, и на экран вывалилось серое окно с предупреждением об аварийном обрыве связи.

— Умница, — проговорил Ворон и вытер ладонью лицо. Чёрные бакенбарды и каштановая прядь на лбу оказались влажными от пота.

«Файл сохранён». Всё равно что «Поздравляем, вы победили!» Он усмехнулся дурацкому сравнению и вдруг решил сделать Лису подарок — освободить его любимую игрушку от запрограммированного поражения.

Оставался третий и самый близкий к стартовой площадке сервер. Волнение улеглось. Этот Ворон знал как свои пять пальцев, поскольку сам когда-то работал его администратором. Восстановить связь, разобраться, какая муха залетела в компьютерные мозги домашнего сервака — и полный порядок.

Он вышел на антресоль.

— Я отключил! — крикнул Лис снизу.

— Молодец.

Ворон быстро спустился по лестнице.

— Позвони Туру, — продолжал он на ходу. — Скажи, всё в норме. Пусть не волнуется.

— Ворон, а что случилось?

— Потом объясню.

Лис приоткрыл рот. Он-то ожидал обычное «отвяжись» или «заткнись».

Успешно завершив операцию по заметанию следов, Ворон несколько минут молча созерцал пустой экран. События неохотно выстраивались в памяти, и под каким бы углом зрения ни рассматривал их Владимир Полозов, вывод следовал один и тот же: взломщика выслеживали. Ему подставили искусную ловушку, и великолепный программист, хакер экстра-класса едва не попался в силки из-за собственной халатности, развязанной любопытством. На секунду Ворон всё-таки допустил мысль о рукоделии призраков. Получилось следующее: некий насквозь положительный дух стукнул по мозгам дежурного администратора таможни, тот отвлекся от «весёлых картинок» в Интернете и вдруг решил посмотреть, нет ли кого-то постороннего в его

сети. Следующим шагом тот же фантомный доброжелатель рванул в серверную наглого хакера и устроил бардак в компьютере, после чего сервер отказался принимать команды хозяина. И на закуску сообразительный покойник посетил питерского провайдера, чтобы не позволить преступнику исправить положение. В центральный офис коммерческого банка он, видимо, долететь не успел.

Ворон поморщился, как от зубной боли. Одно дело, если подобную чушь изливает Лис, и совсем другое обнаружить её в собственной голове.

— Сам виноват, — вслух подытожил он.

— Ворон.

— Чего топчешься на пороге? Заходи.

Владимир Полозов подтолкнул младшему брату компьютерное кресло.

— Курить будешь? — Лис протянул ему пачку сигарет и зажигалку.

Искренне тронутый заботой, Ворон благодарно улыбнулся.

— Спасибо.

— Тур на операции, — доложил Лис, присаживаясь. — Мне сказали — надолго.

— Будем надеяться, он ничего не заметил.

— А что у тебя произошло?

— Хотел проверить, куда вляпался вчера. И чуть не завяз по уши. За мной следили в сети. Но не волнуйся, я вывернулся.

Лис покосился на компьютеры.

— Ты меня поэтому послал машины выключить?

Ворон кивнул.

— Опять сбой был? — не унимался Лис.

Брат испытующе посмотрел на юношу.

— Соображаешь шустро, — и вдруг помимо своего желания задал вопрос в лоб. — Блазенья учуял?

В серверной повисла тишина. Ворон мысленно обругал себя за глупый вопрос, а Лис притаился, не понимая, в шутку или всерьёз обобщивается разговор.

Ворон выдохнул дым и отвернулся к экранам.

— Ладно, не отвечай, — буркнул он. — Я это так, для профилактики.

— Брат, призрак в доме был, — набравшись смелости, заявил Лис. — Пахло озоном. Так же, как в спортзале.

— Хорошо, — Ворон продолжал делать вид, что занят аппаратурой. — А что говорит Кикимора?

Опять образовалась пауза. Он краем глаза следил за Лисом. Юноша сидел неподвижно, низко опустив на грудь рыжую голову.

— Нет больше Кикиморы, — глухо произнёс он, почувствовав на себе ожидающий взгляд.

— Это почему же?

— Потому что я должен был похоронить её имя вчера! До того, как прошло трое суток с момента гибели тела! — взорвался парень. — А я даже этого не смог сделать для неё.

Он вскочил.

— Лучше бы я бегал лисом до конца своих дней. Как пророчил отец. Бегал бы по лесам и никогда бы не приближался к вашему дому!

Лис бросился к дверям. Но Ворон среагировал моментально: метнулся наперерез и ухватил за плечи.

— Братишка, что с тобой? Каким ещё лисом по лесам?

— А ты не помнишь? Совсем не помнишь? — юноша попытался вырваться. — Три года назад, поздней осенью! Тур нашёл старого подстреленного лиса у ворот. Вы спорили тогда — взять в дом или добить от греха подальше. Ведь бешенство можно подцепить, лисы — они такие: грязные!

— Брат, опомнись!

Ворон с силой встряхнул его и заглянул в глаза. А у самого мелькнуло: без валерьянки не обойтись.

— Я-то помню, — Лис гордо поднял голову. — Но это всё, что я могу. Жить с памятью и страдать от того, что никто вокруг не желает меня слышать. Я шёл за вами через свой Переход. Я принял жестокие условия отца, показавшего мне этот Переход, но я не верил, что отец прав. Он говорил, в этом мире больше нет места тому, что ушло за порог. Теперь я вижу сам: этот мир довольствуется только собой, и те, кто самовлюблённо объявили себя хозяевами природы, никогда не увидят ни откуда пришли в эту природу, ни куда уйдут после смерти. Поэтому их существование жалко и коротко, поэтому они — игрушки во властвующих руках. Не заложные, но заложники собственного рассудка!

Ворон хотел сказать — успокойся, но вместо этого крепко обнял младшего брата. Юношеские плечи в его объятьях напряглись. Лис больше не вырывался, но и не делал шага навстречу.

— Малыш, всё, что ты говоришь, слишком необычно, — начал Ворон и подумал: «Я общаюсь с ним как с чокнутым!». На сердце засвербело. — Лис, послушай меня... — следующая попытка не обещала ничего кардинально нового.

— Оставь меня в покое, — тихо сказал Лис. — Я решил: мне нужно уйти. Мой последний шанс — мой первый реальный шанс — упущен навсегда. Я знаю имена, которые вручил вам отец. Но клянусь, покинув этот дом, я отдам их обратно, Памяти Земной.

Ворон выпустил брата и отступил на шаг. Буря мыслей и идей носилась вокруг одного единственного вопроса: что делать с парнем? Поддержать игру? Игру ли?

— Значит, сдаёшься? — вырвалось у него.

Лис вздрогнул.

Подействовало. Ворон продолжал.

— Признаёшь победу пахнущего озоном? А ты не думал, что именно он не даёт тебе услышать Кикимору?

Настороженность ярко-карих глаз сменилась плохо скрываемым волнением.

— Вот что, братец, — Ворон пошёл ва-банк. — Сегодня утром Тур похоронил имя девчонки. Теперь она и её прежняя память разделены навсегда. Не имею понятия, где сейчас носит нашу Кикимору, но, по-моему, сдавать позиции после первого выигранного сражения просто глупо.

— Ты издеваешься, что ли? — запинаясь, спросил Лис.

— Дурень ты, — Ворон вошёл в роль и досаду разыгрывать даже не пришлось. — Шёл бы спать, а то зёрна от плевел уже не отличаешь.

— Не вздумай на меня давить своим взглядом! — Лис отскочил.

— Была нужда!

— У тебя глаза горят, как у Огненного Полоза!

Парень испуганно попятился к двери.

Ворон произвольно глянул в монитор. В чёрном поле экрана действительно что-то блеснуло. Светильник?

— Ладно, — он поспешил закончить разговор. — Тур вернётся с работы, устроим семейное совещание. А пока я намерен выспаться. Что и тебе советую.

Однако прежде, чем отправиться на боковую, Ворон вверх дном перевернул весь свой стол, а заодно ящики Тура. Письма он не нашёл. Того самого последнего письма, которое пришло от младшего брата осенью, почти три года назад. Владимир Полозов помнил, как они удивились и обрадовались корявому посланию, в котором Борис сообщал, что закончил школу, и мать, согласно традиции семьи, отпустила его из-под своего железного крыла. Он волен отправиться на все четыре стороны и хочет перебраться в Тверь, чтобы поступить в университет. В ответ близнецы направили телеграмму: «Рады. Приезжай. Встреча-

ем». Фотографий младший брат никогда не присылал, но Полозовы легко узнали его в аэропорту, хотя видели последний раз в годовалом возрасте. Нечто родное светилось в облике тощего рыжеволосого паренька, неуклюже пробравшегося сквозь безразличную толпу пассажиров.

С другой стороны ситуация с лесным зверьком, заползшим на двор, в памяти мелькала. Было и вещественное доказательство — справочник ветеринарного врача, который Тур купил по этому случаю. Последующие события провалились в туман времени. Ворон с огромным трудом выудил из бездны былого одну единственную сцену: просёлочная лесная дорога, Тур за рулём, он сам рядом, а на руках картонная коробка, в которой свернулся рыжий клубок с белой кисточкой на облезлом хвосте.

Засыпая, Ворон ненароком изловил в голове забавную мысль: как коротка человеческая память! Он помнил десятки сетевых адресов и паролей, бесчисленное множество системных команд, номера телефонов и даже личные идентификаторы налогоплательщиков. Тур в свою очередь знал как свои пять пальцев сотни лекарственных средств, названия и свойства трав, тексты рецептов, формулы химических реакций и кучу медицинских терминов. Но бесследно уплывали имена, голоса, даты, события. Он поймал себя на том, что не помнит лицо матери. Вместо него под слипающимися веками маячил лишь тёмный бесформенный силуэт. Отец приснился в облике деревянного идола с горящими глазами. При детальном рассмотрении изваяние изображало гигантского змея с чешуёй из мокрой коры дуба. Идол двигался, метал искры, а невесть откуда взявшееся болото отвечало ему коварными синими огоньками. Остаток сна потерялся в складках постели.

День четвёртый

— Ворон.

— М-м.

— Ворон.

На лоб опустилась тёплая ладонь.

— Тур? — он приподнялся. — Чёрт подери. Который час?

— Одиннадцать без пяти. Доброе утро.

Ворон потянулся и пальцами помассировал глаза.

— Как дежурство?

— Без особых эксцессов.

Тур сидел на краю тахты. И выражение его лица Ворону не понра-

вилось.

— Тогда почему ты такой?.. — подходящий эпитет на язык не под-
вернулся.

Тур слегка отодвинулся. Он был в домашней одежде, внешне не-
возмутимый и не слишком уставший на вид. И всё же Ворон не мог
отделаться от неопределённой обеспокоенности.

— Подожди-ка, — он начал вылезать из-под одеяла, — я вчера...

И осёкся. Возле компьютерной стойки напротив покачивался блед-
ный воздушный контур.

— Увидел? — спросил Тур и облегчённо вздохнул. — Отлично.

— Что? — выдавил Ворон.

— Десять часов я терзаюсь вопросом: съехала моя крыша или кры-
ша мира?

«А я тебе десять часов долблю: я настоящая!»

— Сначала она обращалась ко мне по имени-отчеству, — пояснил
Тур и похлопал ошеломлённого брата по плечу. — Познакомься, это
наша Кикимора.

— Где ты её подцепил? — вырвалось у Ворона.

«Ни фига себе заявочки! Я не девочка с панели, чтобы меня под-
цеплять!»

И «мышь» на коврик с изображением томного озёрного пейзажа
лихо подпрыгнула вверх.

— Ки, помолчи, пожалуйста, — строго произнёс Тур и обернулся к
брату. — Я обнаружил её присутствие часа в два пополуночи. оказы-
вается, она целый день находилась в ординаторской. Как туда попала,
не знает, но помнит мою отлучку и всё, что было вокруг примерно с
девяти утра.

— То есть после твоего...

— Именно. Она заявила, что дорогу домой одна не найдёт, и согла-
силась подождать окончания дежурства. Между операциями развлека-
ла бригаду анекдотами. Разумеется, никто, кроме меня, её не слышал,
но настроение у всех, кто заходил в кабинет, заметно поднималось.
Потом мне пришлось взять её в руку и доставить в машину. Так мы и
прибыли.

Ворон тревожно сжал ладонь брата. Температура и цвет кожи на
тыльной стороне кисти были вполне обычными.

— Без эффектов, — многозначительно сообщил Тур.

— Я думал, призраки шляются только ночью, — Ворон облегчён-
но вздохнул.

— Как ты её видишь?
— Невнятно. А ты?
— Пять минут назад я не видел её совсем. Сейчас наблюдаю абрис девичьей фигуры в брюках и курточке.
«Я вообще не хотела, чтобы меня видели!» — встряла Кикимора.
— Какая скромница, — Ворону вернулся его коронный стиль общения. — Слушай-ка, детка, загляни к Лису. А то он мне вчера такой концерт устроил по поводу твоего исчезновения!
— Лис в университете, — сообщил Тур. — Я позвонил ему и попросил не задерживаться после занятий... Что такое?
Ворон поспешно прижал шальные мысли.
— Надеюсь, пустяки. Тем более Кикимора вернулась.
«А я никуда не пропадала! Между прочим, я позавчера наш дом защищала. Одна! Сразу от трёх придурков! А вот где вас носило, господа?»
— Скучать теперь не придётся, — усмехнулся Тур и обратился к отважной защитнице. — Ки, будь добра, позволь нам поговорить без помех.
«Ладненько, — изволила согласиться Кикимора. — Болтайте».
Призрачный контур растёкся по стене и медленно исчез.
— Тур, стукни меня для профилактики.
— Не поможет. Слух Лиса, твой взгляд и мои руки. Вот результат: она обрела помимо индивидуальности устойчивый облик.
— Облик? Разве...
Тур быстро качнул головой.
— Нет. Моя пациентка выглядела иначе. Как именно — не помню. Я отдал свою память о ней кладбищенской земле. Вместе с именем.
— Дурдом открылся. Добро пожаловать, — медленно объявил Ворон. — Ты завтракал?.. Тогда поговорим за чашкой кофе. У меня тоже есть парочка новостей.

Излагая брату хакерские приключения, Ворон в технические подробности не вдавался. Но одна деталь неожиданно вылезла наружу.
— На банковском сервере я изменил тактику и вместо удаления данных, что наверняка бы не успел провести, заменил IP-адреса на... — тут он осёкся. — Слушай, близняшка, а знаешь, что я наделал?
— Надеюсь, речь не идёт о финансовом крахе страны? — уточнил Тур.
— Скажешь тоже! Я вляпал туда адрес их же машины, — Ворон готов был расхохотаться. — Точно. Ну и петрушка будет! На сервере питерцев файл соединений я не вычистил, «айпишник» у них остался. В ФСБ выйдут на след, а в списке подключений на сервере банка чис-

лится банковский компьютер! Заметь, финансистам, как и таможенникам, вообще запрещено организовывать Интернет-сервера.

— Да-а, за такие отсебятины кого-то уволят. Но тебе дорожку перекроют надолго.

— У меня десяток запасных путей. Главное, сервак завода не засветился.

— Ты серьёзно считаешь, что тебе помешали духи усопших?

Ворон ожидал этот вопрос.

— Ага. Хорошо организованная банда призраков. Тур, за кого ты меня принимаешь?

— Но у нас в серверной кто-то побывал.

— С этим я согласен. В присутствии Лиса хорошенько расспросим Кикимору. А теперь о Лисе...

* * *

Не зря мне говорили, что я везучая. Подумать только! Я — Кикимора, а это мой новый дом! Ух. Даже не верится. У меня никогда не было своего дома. Хозяева — прелесть. Особенно Тур. И Лис. Ну и Ворон до кучи. Пусть только кто попробует им палки в колёса вставлять. Враз поймут дело со мной!

Ворон, а можно, я тебе помогу?.. Но почему нет? Подумаешь, инструменты рассыпала. Я же не компьютер твой свернула, а всего лишь верстак в гараже... Ну ладно, ладно, уже утомилась...

Ворон, а куда Тур поехал?.. Не ври, он утром с работы вернулся, а сейчас пять вечера. Меня не проведёшь! Я теперь отлично вижу, как течёт время... Чего? А-а, личные пациенты. И хочется ему в чужих внутренностях копать... Ну вот, опять «отвяжись». А мне скучно! Когда Лис вернётся?.. «Скоро» было два часа назад. Эй, ты что, волнуешься за него?

Ворон вздохнул и отодвинул клавиатуру. Сосредоточиться в присутствии Кикиморы не представлялось возможным.

— Слушай, Ки, если тебе нечем заняться, попробуй хотя бы обед приготовить.

«Уже ужинать пора. А почему Тур никогда не спит?»

— Отвяжись!

«Но мне интересно!»

Ворон решил, что лучший способ избавиться от болтливости домашнего привидения, это сделать вид, что рядом никого нет. Он проверил несколько директорий, удалил лишние файлы и взял со стола

телефон.

«С кем ты собираешься болтать?» — любопытствовала Кикимора.

Сотовый Лиса опять не ответил.

— Что он там придумал? — буркнул Ворон и выбрал номер Тура. — Это я. Лис тебе не звонил?.. Ты где?.. Да, жду. Тур, погоди. Заверни в универ, может он зачёт до сих пор сдаёт?

Дела-а. Кажется, он всерьёз нервничает. И я тоже, кстати. Часы, часы, где же часы... Так. Полседьмого. Ни фиги себе!

О, Тур к воротам подъехал. Ворон, я экран вижу! Быстро учусь, да?.. Тьфу. Ну, хоть бы раз похвалили... Ворон, ты куда? А, ясно: телефон. Ворон, это Лис, да?.. Ворон, что там говорят? Что случилось?! Ворон! Да ответь же!.. Куда тебя несёт?

На пороге, прежде чем захлопнуть за собой дверь, Ворон вспомнил про нового жильца.

«Ты мне объяснишь, наконец, кто звонил и куда ты помчался?» — грохнуло в ушах.

— Ки, у нас ЧП, — он обращался в пустоту, поскольку блазень рассеялась по всей прихожей. — Звонили из милиции. Они нашли разбитый мотоцикл Лиса.

«О, нет. А где Лис?»

— Не знаю. Ты, главное, дома сиди. С телефоном справишься. Поднимай трубку на все звонки.

«Я?»

— Ты, чёрт подери! Разве здесь есть кто-то ещё, на кого мы можем положиться?

Лейтенант ДПС подозрительно посмотрел на тёмно-синий БМВ с «крутым» номером, затормозивший перед постовой будкой. И ещё более подозрительно смерил взглядом двух совершенно одинаковых мужчин, выскочивших из салона.

— В.В. Полозов? Быстро вы, — недружелюбно поприветствовал он, не обращая ни к одному, ни к другому конкретно.

— Водителя нашли? — спросил Тур, в то время как Ворон направился прямо к разбитому мотоциклу, прислонённому к дереву на обочине.

— Уже нашли, — сообщил лейтенант. — Повезло оболтусам. Один ногу поломал, а другой только рожу попортил. Сами в посел-

ковый травмпункт явились.

— Их было двое?

Лейтенанту, видимо, нравилось поигрывать на нервах хозяев шикарных иномарок. Он пожевал губами, нехотя достал блокнот и прочитал:

— «Обе фамилии пострадавших не значатся владельцами «Хонды» с номером...».

Ворон издал хмыкнул. Фамилии, с точки зрения здравого смысла, не могли значиться ни владельцами, ни кем-либо ещё.

— Заявление об угоне будете писать?

Близнецы переглянулись.

— Подождём с заявлением, — сказал Тур.

— Мотоцикл водил наш младший брат, — пояснил Ворон. — По доверенности. Выясним обстоятельства угона, тогда всё напишем.

— Дело ваше. Но имейте в виду: угонщикам 12 и 10 лет, живут в деревне Лебедево. За ремонт с них брать нечего. А по форме привлечём, если заявление будет.

Пока Ворон договаривался с гаишниками о временном приюте пострадавшей «Хонды», Тур набрал домашний номер. Звонок дважды сорвался, но на третий раз в трубке вместо коротких гудков раздались шорохи, похожие на слова.

— Ты слышишь меня, Ки? — произнёс он, невольно понизив голос до шёпота. Непривычно было разговаривать по телефону с привидением.

«Да!»

Тур отдернул сотовый от уха.

— Очень хорошо. От Лиса нет вестей? — он предусмотрительно отвёл аппарат подальше прежде, чем раздался громоподобный ответ.

«Нет. Звонил чудик, к которому катался Тур. Я не пойму, кто из вас на связи, поэтому буду говорить в третьем лице, — обязанности секретарши Кикиморе явно понравились, и она исполняла вверенную роль добросовестно, но чрезмерно торопливо. — Так вот. Я почему-то поняла, что это не ваш звонок и трогать телефон не стала. А автоответчик принял сообщение: Туру сказали спасибо со всякими грубыми нежностями и спросили, нашёлся ли братан. То есть по-нашему — Лис. Меня, кстати, это тоже интересует».

— Лис не нашёлся. Но одно точно — на мотоцикле навернулся не он.

«Это радует. Ты всё-таки Ворон или Тур?»

— Второе верно. Аккуратно положи трубку и действуй в том же духе.

«Есть!»

Ворон сел в машину.

— Ну? Какие идеи?

— «Хонду» обнаружили в кювете около трёх часов назад. Прибавим час на развлечение мальчишек, — Тур посмотрел на электронный циферблат. — Итого — четыре. Наверное, он пешком домой топает.

— Тогда есть шанс подхватить его на дороге. Поехали.

Улицы, улицы, шоссе, съезд с оживлённой трассы. Сельские домишки. Автобусная остановка. Пустая асфальтовая дорога, прорезавшая лес. Тур сбросил и без того невысокую скорость. Поворот направо...

Надежда потухла у ворот особняка.

* * *

Закат разрисовал небо малиновыми разводами. Шумно вздыхал сосновый бор, и грустно вторили ему сосны и осины, отрезанные от собрата высокой оградой, опутанной паутиной сигнализации и электросиловых проводов.

— Ветрено завтра будет, — обронил Ворон и отошёл от окна.

— Что? — Тур очнулся от невесёлых дум.

— Солнце в красные облака село. К ветру, — пояснил брат. — Прокачусь-ка я до города. Вдруг встречу.

Он направился к выходу из гостиной.

— Бесплезно, — Тур не пошевелился. — Если бы он мог, он давно бы вернулся домой.

— Ты чувствуешь что-нибудь?

Тур отрицательно качнул головой.

— Это то, — заговорил он, — что Марина назвала «два плюс один». Лис при нас, но глубже мы его не впустили.

Ворон выдохнул беспомощный стон. Ночной разговор крутился в голове во всех плоскостях, и плоскость реальности отходила на всё более далёкие рубежи с каждым новым витком.

— Тур, давай ненадолго представим, что Лис не выдумал историю с лисицей.

— Допустим факт превращения: человек — зверь — человек? — Тур удивлённо поднял брови.

— Нет. Допустим, что какая-то ситуация в мироощущении Лиса выглядит как превращение. Ведь, в конце концов, каждый воспринимает мир в соответствии с собственной системой координат.

— Это называется шизофрения.

— Пускай называется. В истории полно случаев, когда иное мировоззрение клеймили шизофренией. Что будет делать Лис, решив опять стать лисом?

— Уйдёт в лес, разумеется. Ты куда клонишь? Думаешь, он уехал за город, бросил мотоцикл и отправился в лесную чащу?

— Именно. Мотоцикл обнаружили недалеко от Никулино. Самая что ни на есть окраина. Смотри, — Ворон сел к терминалу и вызвал карту области. Нашёл курсором «мыши» нужный квадрат, щёлкнул, и Никулино с окрестностями выросло до величины экрана. — Кругом лесной массив. До ближайшей деревни пять километров, а дальше на юго-запад сплошные леса и болота.

Тур безо всякого энтузиазма подошёл к компьютеру и остановился у брата за спиной.

— Возможно. Но меня твоё объяснение не убеждает. По телефону он обещал приехать домой сразу после занятий.

— Наобещать он мог всё что угодно. А сотовый, кстати, оставил в универе. Для очистки совести, — возразил Ворон.

— Сумку он забыл, — не сдавался Тур. — Я говорил с его преподавателем. Тошный тип, но у меня нет оснований ему не верить. Парень психанул, когда его безапелляционно обвинили в списывании, и выскочил из класса. Никто же не верит, что у него идеальная фотографическая память. Ворон, согласись, у Лиса не было оснований сбежать из дома. Ведь ваш ночной разговор закончился в твою пользу.

— Я его озадачил и только. Мне вообще не следовало оставлять его одного! За остаток ночи он мог накрутить себе всё что угодно.

— Ворон, — брат немного повысил голос, — мы признаём у Бориса психические расстройства или не признаём? Если да, то я принимаю твою версию и ищу варианты лечения. Если нет, значит, с парнем что-то случилось.

У Ворона по спине пробежал неприятный холодок.

— В первом случае нам придётся признать, что у нас обоих тоже мозги не в порядке. Что твои руки и мой взгляд — это туфта, нет никакой Кикиморы...

«Я есть!»

— Ки, заткнись, — отмахнулся он и продолжал. — Кажется, пора звонить по больницам... Тур?

Тот смотрел в экран. От лица отхлынула кровь.

— Лебедево.

— И что?.. Вот придурок! — Ворон хлопнул ладонями по коленям. — Ки, выйди отсюда сейчас же!

«Это зачем ещё? Я и так знаю, что моё бывшее вместилище закопали на Лебедевском кладбище».

— Мент сказал, что мальчишки-угонщики живут в Лебедево, — проговорил Тур, не сводя взгляд с электронной карты. — Четыре километра от Никулино по шоссе и около трёх по просёлкам. Сходится.

Ворон вздрогнул.

— Ну что, туда?

— Только не ты, — Тур удержал его за плечо.

— И не ты.

«А давайте — я!»

— Ки, заткнись!

Это прозвучало из двух уст в один голос. После чего близнецы долго смотрели друг на друга. Страх Ворона перед кладбищами, причина которого потерялась в былых годах, с недавних пор крепко сковал и его единоутробного брата.

— Есть вариант получше, — сообщил Ворон. — Гоша. Пусть-ка отлепит свой большой зад от кресла и немножко пошевелится ради меня. Он мне давно кое-чем обязан.

«А кто такой Гоша?»

Кикимора отделилась от стены, и её синеватый контур плавно подплыл к Туру.

— Подполковник дорожно-патрульной службы, — пояснил Тур. — Зимой он угодил в неприятную историю с угрозой громкого вылета из органов. Ворону пришлось попотеть, чтобы исправить положение... На чём сговорились?

— Он пошлёт туда патрульную машину, — Ворон опустил трубку на рычаг. — О результатах сообщит.

С действиями Гоша не торопился, и терпение Полозовых иссякало столь же быстро, как росла тревога. Масло в огонь подлила Кикимора.

«О, гляньте-ка! Опять появился! — выпалила она и прилипла к стеклу. — Ну, давай, попробуй сунуть сюда нос!»

В гостиной зашевелились мелкие предметы. Братья как по команде кинулись к окну.

На дорожке, ведущей к центральному крыльцу особняка, покачивалась бледная непропорциональная фигура. С некоторой натяжкой в неестественно большом контуре головы угадывалась рабочая каска.

«Он каждую ночь сюда приходит, — доложило домашнее привидение. — Первый раз припёрся вместе с психом, которого я шлёпнула током, и пока тот выл, как недорезанный, этот устроил экскурсию по дому. Это он Лиса к рубильнику заманил, а когда я шороху навела, исчез куда-то. Позавчера привёл ещё двоих. Вас дома не было, и мне

пришлось самой с ними разбираться. Ох, и показала я им кузькину мать по полной программе!»

— В серверной он орудовал? — перебил Ворон, вглядываясь в фантомный лик незваного гостя.

«А я почём знаю! Я у Тура в кабинете болталась всю ночь. Но теперь я тут, и они в дом не пройдут».

— Твоё присутствие их пугает? — уточнил Тур.

«Я их пугаю! Это наш дом, и он мне нравится».

Незримое, неосязаемое человеческими органами чувств поле вмиг заполнило всю гостиную, потекло по коридорам, лестницам, добралось до подвала и чердака и вязким вихрем вывалилось на двор. Фигуру призрака затрясло, он быстро отступил, осел и покатился по дорожке вместе с опавшими сосновыми иголками, пылью и мелким мусором.

В комнатах предупреждающе мигнул свет.

— Ки, устройшь замыкание, я тебе кузькину мать покажу! — крикнул Ворон.

Звякнул телефон. Ворон моментально забыл об угрозе, нависшей над электрической сетью, и бросился к аппарату.

— Полозов. Слушаю... Да... Понял, да. Спасибо... Нет, пока рано, но если вдруг что... Да, конечно. Надеюсь, обойдётся.

Тур тяжело вздохнул.

— Никого они не нашли, — произнёс Ворон и опустился на стул. — Я уже не знаю, что думать. Леший заманил или русалки. Или бес попутал.

— Придётся принимать во внимание и эти версии, — медленно проговорил Тур.

— Ты веришь в нечистую силу?

— А ты не веришь? — Тур усмехнулся.

«Уф, я его выдворила. И больше он сюда не сунется», — Кикимора, очень довольная собой, сделала дымчатый круг почёта под толчком гостиной.

Ворон беспомощно развёл руками.

— Верю, куда теперь деваться.

* * *

Если уж не везёт, то не везёт во всё. Так решил Лис, когда всухую провалил зачёт, не нашёл ни единого признака якобы проведённого Туром ритуала над могилой Натальи Степановой и не обнаружил свою «Хонду» на парковке. Могильщик, усмехаясь, наблюдал за растерянным парнем издали, и, наконец, подал голос.

— Твои колёса тут стояли?

— А? — Лис обернулся.
— Вот тебе и «А!». Я-то гадал, откуда у мальчишек такой крутяк.
— Куда они поехали?
— Покатаются, вернут. Из Лебедева пацаны. Топай туда, может, ещё найдёшь.

Он отбросил окурок и скрылся в служебной подсобке.

Лис остался один. Молчаливое кладбище, редкий перелесок, вырубка, пустая дорога. Маршрутные такси заезжали сюда только по выходным. Юноша вздохнул и пошёл по обочине в направлении деревни.

Автобус укатил из-под самого носа. Лис полчаса проторчал на остановке, так и не решившись пройтись по дворам и поспрашивать про мотоцикл. Настроение упало ниже нуля. За незачёт братья влепят наверняка. За потерянную «Хонду» влепят точно. А за нарушенное обещание явиться домой вовремя он получит от Тура лавину презрения и то же от Ворона, но в сопровождении оплеухи. И никаких шансов оправдаться у Лиса не было, поскольку сотовый телефон вместе с сумкой и зачёткой он забыл в аудитории после конфликта с преподавателем.

— До города подбросить?

Лис подскочил от неожиданности. Машина затормозила перед автобусной остановкой так тихо, что он не слышал даже шума мотора. Из салона выглядывал рябой улыбчивый парень.

— Далек тебе, приятель?

— На Долматово, — ответил Лис.

— Садись, нам по пути.

Кто-то открыл заднюю дверцу. Лис, не раздумывая, принял приглашение. Автомобиль бесшумно тронулся с места и помчался вперёд. Юноша огляделся. В машине было трое: за рулём — белобрысый и рябой «качок» лет двадцати пяти, того же возраста чернявый усатый тип рядом на сиденье, и справа от водителя молчаливый человек в рабочей робе и строительной каске, безразлично уставившийся в окно. Сосед по сиденью закинул ногу на ногу, и Лису пришлось максимально отодвинуться к дверце. На вызывающую ухмылку он ответил нерешительной улыбкой и сделал вид, что всецело занят изучением своих пальцев.

— Чего так далеко забрался? — весело спросил рябой.

— Навещал кое-кого, — ответил Лис. — На кладбище.

Усатый выдал сочувствующее «о-о!» и переглянулся через зеркало с водителем. Лису вмиг стало неуютно.

Автомобиль выскочил на Окружную. Лис полагал, что они направляются в город, но машина вырулила в левый ряд и помчалась на се-

вер, лихо обгоняя грузовые фуры.

— Кажется, нам всё же не по пути, — рискнул высказаться юноша.

— Долматово по Бежецкому направлению.

— А как же! Сейчас, заправлюсь. И повернём.

У Лиса по спине пробежал мелкий озноб. АЗС осталась как раз на повороте в город. Следовательно, ни о каком бензине речи быть не могло.

— Давайте я лучше на автобусе поеду, — промямлил Лис.

— Уже в штаны наложил? — прохрюкал усатый, не слишком сдерживая нездоровый смех.

Усмехнулся и водитель. Пассажир в каске продолжал молча созерцать обочину шоссе.

Лис отвернулся, всячески скрывая накативший страх, и попробовал рассуждать здраво. Ничего особенного вроде бы не происходило. Ему никто не угрожал, не делал попыток отобрать деньги. Да и зачем двум холёным парням на импортной тачке обворовывать молоденького студента?

Цифра «два» получалась сама собой, и Лис тревожно покосился на третьего попутчика. Что-то не клеилось в мозгах. Он сделал усилие, загнал коленную дрожь вглубь тела и тут подумал такое, что дрожь рванула наружу и превратилась в настоящий «колотун»: водитель, обратившись к нему на остановке, перегнулся через пассажирское сиденье так, будто оно пустовало!

В нос ударил озон.

«О, нет!» — то ли произнёс, то ли подумал Лис.

Невещественный пассажир обернулся. Широкое восковое лицо, перекошенное судорогой, расплылось в улыбке, и стеклянный глаз победно подмигнул жертве.

«Я его вижу!» — вопреки всем страхам пронеслась восторженная мысль.

— Эй, приятель.

— А?

Лис повернулся — и упёрся носом и губами в грязную вонючую тряпку. Слабое сопротивление было моментально подавлено. Острые пальцы вцепились в основание затылка, взвыла потревоженная шишка, и к этому букету болезненных ощущений добавился короткий укол, будто в шею впились оса. В глазах поплыло. Отрывистый хохот заглушил все внешние звуки, и последнее, что успел сделать Лис, это дать волю забытым рефлексам. Инстинкт вывернул рассудок наизнанку — пади как мёртвый!

День пятый

Ворон сидел в салоне БМВ, стараясь не смотреть на одноэтажное здание с замазанными окнами, куда минуту назад вошёл Тур. Это было третье за прошедший день. Первые два сигнала на поверку оказались ложными. К счастью.

В школьном дворе, расположенном через дорогу от комплекса городской больницы, горланила детвора. Справа — жизнь, слева — смерть, а между ними узенькая пустая улочка. И прогнившие пни на газоне среди молодой майской травы.

Тур сосредоточен. Ни движением, ни взглядом не выдаёт волнения. Входит в холодное помещение...

Ворона опять пробил озноб. Дыхание участилось. Детский смех и девчачий визг провалились в глухую бездну.

Кто-то подошёл к машине.

— Нет здесь твоего. Не ищи.

В холодных стенах одинокого здания Тур расслабился. Из его груди вырвался облегчённый вздох.

— Да, уже знаю, — прошептал Ворон и быстро глянул в сторону говорившего.

Тот застыл. Нечёткие черты лица медленно сложились в гримасу страха.

— Отпусти, пожалуйста.

Ворон поспешно прикрыл глаза.

— Прости, я не нарочно. Иди своей дорогой.

— Да... Теперь я вижу мою дорогу...

Хлопнула дверца.

— Поехали отсюда. Ненавижу морги, — Тур нервно набросил полу плаща на колени. — Ворон?

— А я ещё одного призрака видел, — сообщил брат и повернул ключ зажигания.

— Поздравляю, — Тур кивнул без тени иронии. — А я сразу четырёх. Там.

Он показал на печальное здание.

— Тур, что с нами происходит? — едва слышно спросил Ворон.

— Мы опять столкнулись со смертью лицом к лицу. И уже не имеем права не замечать её.

— Увы. Твои слова следует принимать буквально.

Тур грустно улыбнулся и запустил руку в карман, где удобно устроилась пачка сигарет.

* * *

Большая прозрачная капля. Раскачивается, искрится и медленно сползает по травинке. Ветерок, и с ним сытный аромат. Лисица потягивает носом. Хлоп. Капля падает на морду. Зверёк фыркает и замирает. А вот и звук. Приятный звук, обещающий неплохой завтрак. Мгновение — мышцы собраны — бросок. Мокрый мох едва успевает тронуть проворную лапу. Прыжок. Когти впиваются в кору. Рывок, вверх! Отчаянный писк.

Немногим ведомо, что лисицы способны лазить по деревьям, особенно если дерево немного наклонено. А кому неизвестно, те — жертва.

Хруст тоненьких костей. Прозевала пташка, пожадничала, выклевывая жука, и сама стала добычей.

Вкусно!

Чих! Пёрышко отлетело в кусты. Розовый язык проворно смахнул с носа несъедобные птичьи одёжки.

Трусцой, трусцой, спешить некуда. Целый день впереди. Солнце припечёт — можно будет подумать о дневном отдыхе. Выбрать открытое местечко, осмотреться и вздремнуть в тишине и покое.

Стоп. Уши ловят знакомые ноты. Уж не беда ли в соседском семействе? Тройной взлай и короткий вой — самка тявкает. Тоскливо! Никак овдовела.

Лисица замирает и прижимается к кочке. Грохотало в темноте — помнит. И раньше грохотало, а после лохматый, пахнувший человеком, гнался по пятам. Плохо. Страшно.

Самка затягивает унылую песню. Бойтся. Подсобить бы! Лис ведёт носом, поворачивает морду. Щенки, небось, глаза только-только открыли, а уже без кормильца остались. Ладно если поблизости холостой самец найдётся. Сам в молодые года три чужих выводка вырстил. А вот своей семьи так и не заимел.

Проворные лапы в чёрных «сапожках» вьют замысловатый след. Ельник прячет в тени рыжую спину и пышный хвост с белой кисточкой на конце.

Опушка. Рыжий зверёк замирает и долго неподвижно сидит на бугорке, вслушиваясь в лесные шорохи. Чужой запах предупреждает: дальше не смей — мои владения!

Ветер принёс отголоски лая. Другой голос — пронзительный, не терпеливый. Нашёлся папашка. Тройной взлай и вой в ответ. Самка откликнулась. Значит, ложная была тревога.

Лис встаёт, потягивается и понуро уходит под ароматную завесу

ельника. Не нужен он там. Семейство в сытости и спокойствии пребывает...

Покачиваются гигантские травинки перед мокрым холодным носом. Жук ползёт по одной, подрагивают прозрачные крылья, готовые в любой момент унести хозяина подальше от опасности.

Клац!

Не успел взлететь крылатый. Сомкнулись лисьи зубы.

Не ахти какая еда, но сойдёт. Ягодам да грибам ещё время не пришло, а лесное зверье осторожничает. Каждый своё гнездо бережёт. Или нору. Придётся довольствоваться тем, что рядышком. А повезёт — так изловить добычу покрупнее.

Слушай, вынюхивай, опять слушай и беги. Через рощицы и буреломы, по кочкам и оврагам. День ото дня. От ночи до утра. Такова лисья жизнь...

Лис очнулся от холода и с удивлением обнаружил, что идёт. Открытие пагубно сказалось на координации. Он шатнулся. Под ногу подвернулся сук, и парень рухнул в лужу, притаившуюся в траве. Вода отрезвила моментально. Шум в голове преобразовался в мерное шуршание сосновых ветвей, зелёные пятна в глазах собрались в формы кустов, зарослей осоки и растопыренных хвощей, а в нос вонзился освежающий дух влажного мха.

— Где я? — ахнул Лис и сел.

В ту же лужу, как выяснил секунду спустя. Джинсы, уже мокрые на коленях, теперь пропитались водой от ремня до манжет.

Первая паника улеглась, и юноша с опаской огляделся по сторонам. Плотной стеной вокруг поднимались разноцветные стволы: рыжие сосновые, белые берёзовые, чёрные, бурые и серые, покрытые мхом и гладкие, как античные колонны. Ниже обосновался гибкий кустарник, казавшийся издали непроходимым, и высокая гордая осока. Землю укрывал мягкий ярко-зелёный ковёр, состоящий преимущественно из сфагнома и кислицы. А на кочках, куда просачивались солнечные лучи, жались мелкие бледные цветы.

Лис с трудом сглотнул горький комок. Он не помнил, когда и как забрёл на болото. Из памяти нехотя выбрались кладбище, попутка и усатый парень с нахальными глазами. Потом оса, впившаяся в шею и... ухмыляющийся заложный. Призрака парень усилием воли отодвинул на задний план. Болото выглядело реальным, кровоподтёк от укула над ключицей также не вызывал никаких мистических мыслей, и

Лис решил, что ему всадили наркотик. Поразмыслив, он воткнулся в следующий вопрос: зачем пацанам в иномарке понадобилось затевать эту бессмысленную операцию? Вколоть первому встречному дозу, которая, кстати, стоит приличных денег, завезти в тьмутаракань и просто бросить?

Он вспомнил про компьютерную гонку Ворона, поразмыслил и отчаянно замотал головой.

— Если бы хотели отомстить, то убили бы, — сказал он вслух и на всякий случай ощупал себя.

Из куртки высыпались сосновые иголки, брякнули ключи от «Хонды», и в мох бесшумно спикировал использованный шприц. Лис поднял его двумя пальцами, рассмотрел и презрительно откинул. Какая доза считалась смертельной, он всё равно не знал.

— Тур бы разобрался, — продолжил он свой монолог и запнулся.

Тур. Ворон. Они понятия не имеют, где черти носят младшего брата.

— Вот это влип! — выдохнул Лис.

Из-за сосновых крон выглядывал оранжевый диск. Солнце плыло на запад. Он судорожно отогнул рукав и посмотрел на часы. Циферблат подмигнул зелёными цифрами: 18:24. Лис сморщил нос. Вроде бы в попутку он сел около пяти вечера. Воодушевлённый, он решительно вскочил и быстро, насколько позволяли заросли, двинул назад. Или, по крайней мере, в ту сторону, откуда, как ему казалось, пришёл на болото. Бестолковое путешествие по хлюпающим кочкам и невидимым лужам продолжалось долго. Ноги в промокших насквозь башмаках гудели от напряжения, а частое тяжёлое дыхание вызвало в глазах появление печально знакомых зелёных пятен. Но он упрямо шагал до тех пор, пока ноющие мышцы окончательно не отказались подчиняться.

Недоумение сменилось новым приступом паники. Сдерживая нездоровую дрожь, Лис опять обратил взор на циферблат. 18:52. А чуть ниже — «май, 26, ср.». «Ср.» — означает «среда». Несколько секунд он тупо смотрел на бесстрастный хронометр. Зачёт проходил во вторник, это сомнениям не подвергалось. Вторник был вчера.

Лис привалился к древесному стволу, набрал в грудь побольше воздуха и закричал. Глухое эхо умчалось в чащу.

— Эй, кто-нибудь! — повторил он.

Голос сорвался. А лес продолжал безразлично раскачивать в пространстве шорохи и шелест своих обитателей.

Юноша опустил на землю, обхватил руками колени и уронил голову на грудь. Показалось — всё кончено раз и навсегда. Бессмыслен-

ная поездка на кладбище. Беспечное решение сесть в попутку. И глупый конец.

Почему? За что?.. За что, человек?

Грохот.

Сердце колотится в горле. Уши прижаты. Ветер несётся позади вместе с оскаленной, брызжущей слюной смрадной пастью. Гончак — как сама смерть. С ним не совладать.

Кусты, трава, валёжник, кусты. Ушёл?.. Не тут-то было. Видать, прыть уже не та.

За что, человек? Я не враг тебе, не соперник!

Грохот. Огонь.

В глазах — огненный круг.

Кто я?.. Отец, я помню твоё заклятье! Я выиграю свою судьбу.

Кровавый след на опавших листьях. И откос.

Рыжий комок кубарем летит к чёрной воде. Быстрая река хватает измученное тельце и несёт по течению. Куда?

Он отчаянно бьёт лапами по безжалостным волнам.

Вы там, сзади! Удивились? А я осилю. Я помню, зачем я здесь!

Холодная вода — мёртвая вода. Кровь стынет — рассудок живёт.

Пади, как мёртвый.

Пади и восстань. Восстань — оглянись. Оглянись и помни

Мудрость отцов: в юности — жизнь, у жизни мощь — корни.

* * *

Дефицит электроэнергии в городе остро ощущался преимущественно в ночные часы. Улицы в жилых кварталах не освещались, а фонарные столбы служили разве что тормозом для подвыпивших водителей. Близнецы Полозовы помнили, когда это начиналось. В начале девяностых, возвращаясь в убогую однокомнатную квартиру, Владимир от души материл сначала «перестройку», потом «ГКЧП», а после «рыночную экономику». Впрочем, благодаря последней дела у братьев в один прекрасный день лихо двинулись в гору. Пациент Всеволода, вытащенный молодым хирургом с того света на удивление умудрённым коллегам, оказался весьма влиятельной особой. А когда в доме появился первый собственный компьютер, Владимир громко заявил о себе, ловко заткнув за пояс всё заводское ВЦ. С тех пор прошло полтора десятка лет. В нынешней своей благоустроенной жизни Всеволод и Владимир Полозовы не часто вспоминали о безрадостной юности и суровых годах становления. Но окрепшее в боях и невзгодах чувство плеча на-

всегда стало мощной цитаделью их непоколебимого братского союза.

Короткое путешествие по мрачному кварталу жилого микрорайона напоминало путешествие в прошлое. Одноликие девятиэтажки, выбитые двери подъездов, бездомные кошки на помойных ящиках притупляли рассудок и дразнили тугой змеиный комок, медленно просыпающийся внутри — злость. Обрушить длань тёмной судьбы на беспомощную, погрязшую в нищете и насилии человеческую массу. Стереть с лица земли всё, что превратило жизнь народа в убогое существование, и всё, что не способно тому сопротивляться! Ворону показалось, одно ничтожное усилие воли, и жестокое желание исполнится вопреки логике, рассудку, вопреки самой реальности. Он внутренне содрогнулся и глянул на Тура, шагающего рядом. На бледном лице не отражалось ни тени эмоций, но Ворон не сомневался, что близнеца посетила похожая мысль.

— Буду говорить я, — произнёс Тур. — Ты на взводе, это нехорошо.

Ворон согласился. Чтобы спустить курок его запутанных, как гадюки в сентябре, нервов, сейчас хватило бы одного неаккуратного слова.

У подъезда поджидал высокий вальяжный субъект, на вид ровесник Полозовых. Приблизившихся близнецов он заметил, но встречать не торопился. Беспечно сделал последнюю затяжку, «отстрелил» окурок в кусты, забросил на плечо джинсовую куртку и тогда только прошёл вперёд несколько шагов. Владимир Полозов протянул ему руку.

— Привет, Славик. Быстро ты задачку решил.

— Школа твоя, работа моя, — Славик широко улыбнулся. — И без паники. Теперь я всё делаю чрезвычайно чисто.

— Самоуверенность тебя погубит, — покачал головой Всеволод Полозов.

— А я вправду мужик умелый! — посмеялся Славик и пожал руку второго близнеца. Повинуясь движению рельефных мышц, наколка на предплечье — весёлый чертяга с трезубцем — криво усмехнулся.

— Надеюсь, нас ты не прослушиваешь на своей станции? — осведомился Владимир Полозов.

— Обижаешь! Я не любопытный. Я только ради дела. А кроме того, есть хорошая поговорка: не руби сук, благодаря которому не сел. Двигайте за мной, — он сбросил игривый тон. — Клиент готов. Подан тёпленький.

Полозовы поднялись на третий этаж.

Из коридора квартиры, являвшейся целью ночного путешествия, пахнуло папиросным смрадом, прокисшим пивом и сладковатым душ-

ком косметики. В приоткрытой комнате слева всхлипывала женщина.

— Смолкни, дура! — гаркнул Славик в щель и захлопнул дверь. — Она никого не видела, — приглушённо добавил он и по-хозяйски двинулся на кухню.

Братья проследовали за ним.

— Вот он. Мы его слегка обработали. Рыпаться не будет. И ответит на все вопросы кристально честно.

Увидав вошедших мужчин, белобрысый парень на полу беспомощно приоткрыл окровавленный рот и из последних сил вжался в батарею. Поработали с ним основательно, судя по результатам, оставшимся на толстощёком лице.

— Клёпа, выйдем, — Славик кивнул напарнику, сидевшему перед жертвой верхом на табурете.

— Не нужно, — Всеволод Полозов удержал приятеля взмахом руки. — У нас секретов нет.

Славик расплылся в дружеской улыбке.

— Поболтаем в тесной компании. Да, хрюшка?

Белобрысый издал согласный звук, оправдывающий привешенное прозвище.

Владимир Полозов встал в дверях так, чтобы тень приглушила поразительное сходство близнецов. Всеволод Полозов прошёл в центр грязного помещения.

— Кто такой? — осведомился он.

— Салага! Наркота, девчонки. Мальчики. Любитель казино. Папенькин сынок, — пренебрежительно отозвался Славик.

— Я не знаю, зачем мы его подхватили! — вдруг выпалил «папенькин сынок». — Честно, мужики. Мы как... Мы как... Просто так получилось! Мы ничего не хотели!

— Стоп, — обрубил Всеволод Полозов. — Сначала.

Услужливый Клёпа с удовольствием пошевелил внушительными бицепсами. Белобрысый испуганно поёжился и торопливо заговорил.

— Мы ехали с Игорьком из Лотошино. Товар там взяли, понимаете? Около Лебедева видим, мальчишка на остановке сидит. Я притормозил.

— Он голосовал?

— Нет. Просто я... мы... Игорёк ляпнул, что парнишка хорошенький.

Ворон на пороге потянулся к очкам. Грозовой взгляд бушевал под чёрным стеклом, рвался наружу, готовый растерзать мерзавца прямо сейчас. Тур понял, что творится за спиной, и шагнул на линию огня. Рука Ворона опустилась, очки остались на месте.

— Дальше.

— Мы его посадили. Мы ничего такого не хотели! Мужики, ну поверьте! Я не знаю, что Игорьку в башку въехало. И доза-то была детская...

Глаза торгаша наркотиками отчаянно забегали между мрачным визитёром в чёрных перчатках и Клёпой, поигрывающим литыми мускулами.

— Дальше! — Всеволод Полозов повысил голос, не замечая, как руки сами собой сжались в кулаки.

Белобрысый хватал воздух разбитым ртом, не решаясь продолжать. Клёпа помог ему коротким пинком.

— Он у нас... Ну, не дышал. Игорёк в него даже дуть пытался. Ну, как врачи. Мы же ничего не хотели такого! Просто... просто бес попутал! Ну, мужики...

Ворон дёрнулся вперёд.

— Эй, спокойно. Нам жмурик тут не нужен, — шикнул на него Славик.

— Дальше, — глухо потребовал Всеволод Полозов.

И Клёпа опять «включил» словоохотливость рассказчика.

— Мы его ну... в лесу. Шприц в карман сунули, чтобы вроде он сам. Игорёк далеко тащить отказался. Он змей до хрена боится. Ну, мы его... возле дороги положили, за кустами.

— Где? — лицо, обрамлённое чёрной бородой, вмиг окаменело.

— Ну... за Медным.

— Точнее!

— Там просёлок такой есть. Просека. На юг, кажется. Ну, километров шесть. Сначала по шоссе, потом грунтовка. И колея там ещё, — белобрысый торопился так, будто от скорости повествования зависела его жизнь. — Он холодный уже был...

Ворон сорвал очки.

— Себя и имя своё забудешь!

Парень шарахнулся назад. Чугунная батарея загудела от удара, и гул покатился по стоякам в соседние квартиры.

Славик, невольно отступивший от Владимира Полозова, перевёл взгляд на пленника и спокойно подытожил.

— Угробился, — затем снабдил сообщение соответствующими комментариями.

Непутёвый наркоторговец неподвижно сидел на полу с идиотской гримасой на лице. Изо рта на холёный подбородок текла жидкая кровавая слюна.

Владимир Полозов отвернулся и оперся плечом на дверной косяк. Всеволод Полозов тревожно, но неподвижно наблюдал за близнецом и, убедившись, что вспышка гнева угасла, обернулся к мешкообразному телу. Несколько секунд внутри его боролись врач и человек, только что узнавший об убийстве младшего брата. Тур не определил, кто из двоих победил, когда снимал перчатку и наклонялся к пострадавшему. Пальцы прикоснулись к рыхлой шее. Пульсация. Ладонь моментально похолодела, и чужая жизнь покорно поползла наружу. Тур отдернул руку.

— Пока живой, — произнёс он.

— Поехали, — обронил Ворон.

— Пожалуй, я составлю вам компанию, — мрачно предложил Славик.

— Спасибо, но это лишнее, — вздохнул Всеволод Полозов.

Славик неопределённо пожал плечами.

— Ты уверен?.. Жаль, что так с мальцом вышло. Давайте-ка оба домой. Игорька я вам завтра доставлю. Если хотите, по частям.

— Он того не стоит, — глухо ответил Владимир Полозов. — Не марайся о дерьмо, Славик. Ты и так много для нас сделал.

День шестой

Лис сидел на кочке до тех пор, пока озноб не превратился в крупную дрожь. Мышцы спины свело. Юноша изогнулся и вскрикнул. Что-то, давно забытое телом, тянуло рефлекс к фантомному безрезультатному движению.

Свернуться бы клубком, закрыться от морозящего дождя пушистым хвостом, забыть про сосущий в желудке голод и уснуть.

Травинка с каплей перед острым носом. Удачная охота. Лай взволнованной лисицы. Это было. Когда? Сегодня утром? Годы назад? Или во сне?

Оскаленная пасть гончей. Стремительная осенняя река...

Лис по крупицам выуживал из воспалённой памяти обрывки пёстрых видений: чужие, но знакомые голоса, гигантские предметы и запах человеческого жилья, руки, бережно перевязывающие израненное звериное тельце.

Тур спросил однажды: «Откуда у тебя на спине рубцы?» Лис не посмел тогда сказать: а ты вспомни лиса, из которого вынимал свинцовые дробинки и удивлялся, почему же зверь безропотно доверяет твоим рукам. Пришлось солгать: «С дерева на штакетник свалился».

— Я нашёл дорогу к дому тогда, найду и сейчас, — тихо произнёс

Лис и встал, опираясь о берёзовый ствол.

Выпрямился, расправил плечи и замер, будто лисица, выслушивающая округу. Звуки вечернего леса обняли слух и потекли в сознание.

Визгнула муха в паутине. Шаркнула змея. Зашевелилась белка в дупле. Далеко-далеко чавкнула трясина. Совиные крылья хлопнули на ветру...

В глазах поплыло. Лис дёрнулся и потряс головой. Где, что, когда, как далеко? Звуки шуршали в ушах, сотни тонких запахов щекотали ноздри. Лисица умела расшифровать всё, что впитывали чуткие звериные органы. Человеческий мозг беспомощно метался в хороводе непривычных ощущений, и сознание качалось над бездной, задыхаясь под гнётом навалившейся извне информации.

Лис двинулся вперёд наугад, как будто надеялся встретить по пути какую-нибудь разумную идею. Мышцы ломило, но он упрямо шёл по болоту, невзирая на накатившую дурноту. В сумраке показалось, что слева мелькнула тропинка. Лис, игнорируя лужи, повернул, пробился сквозь бурелом и остановился на сухом пригорке. Перед глазами развернулась прикрытая ночной сенью рощица. Тени стволов распластались на земле жутковатыми зигзагами.

В спине появилась неприятная дрожь. Лис судорожно оглянулся. Никого. Рощица впереди поманила тихим шуршанием листовых крон. Под ногами сухая земля. Остаться здесь, в относительном комфорте или идти дальше, надеясь, что за уродливыми деревцами появится долгожданная опушка?

Пока он размышлял, в носу защекотал отчётливый дух псины. Лис оцепенел. Собака или волк? Слух уловил ритмичное дыхание. Запах усилился: мокрая шерсть, зловонный смрад из пасти и диковатый страх. Лис осторожно оглядел кустарник, но никого не рассмотрел в темноте.

Если собака, значит охотник рядом. Если волк, авось удерёт. И юноша громко крикнул в лес:

— Эй, там!

Зверь не шевелился.

Лис отчаянно вслушивался в ночь. Ни шагов, ни треска сучьев. Получается, зверь один. И голос его не спугнул.

— Опаньки, ядрён-батон! Ты откуда тут взялся?

Лис подскочил. Сердце выдало сумасшедшую чечётку, и кровь ударила в голову так, что в глазах забегали искры.

Человек совершенно бесшумно приблизился к юноше и обошёл вокруг, точно рассматривал музейный экспонат.

— Как вы меня напугали, — не своим голосом выговорил Лис.
— О, это я могу! — тот засмеялся. — А ты, это, сынок, разве видишь меня?
— Вижу, — запнувшись, ответил парень.
Бесшумный незнакомец почесал лохматую седую голову и цокнул.
— Опаньки.
Лис справился с бурным дыханием и в свою очередь рассмотрел собеседника. Дед как дед. Клетчатая рубашка, грубая безрукавка, брезентовые штаны и высокие резиновые сапоги. Лицо крупное, морщинистое, чуть помятое, но взгляд трезвый, даже бодрый. Сизый носкартофелина — такой индикатор объёмов принятого вовнутрь алкоголя — лихие усы и трёхдневная щетина. На вид деду было к семидесяти, но Лис сбросил пяток на специфический деревенский образ жизни. В целом мужик казался крепким, как бывалый охотник.
— А где ваша собака? — ляпнул Лис.
— Что, боишься пёсика? — мужичок расплылся в хитрой улыбке.
— Ай-ай, а ведь большой мальчик... Погодь-ка, — улыбка исчезла, и её место заняло неподдельное удивление. — Ты как собаку учуял?
— Носом, — огрызнулся Лис. Беззлобная ирония деда ему совсем не понравилась.
— Опаньки. Значится, ты меня увидел, а мою Галку унюхал?
Лис собрался с духом и пошёл в атаку.
— Ваша собака прячется вон в тех кустах, — он махнул рукой на заросли. — Я её не боюсь. Это она меня боится. Она одичала одна.
— Опаньки... — дед сурово сдвинул густые брови.
— Никакие не «опаньки». Ты призрак. Но я тебя вижу и слышу, потому что я сын Огненного Змея, хранителя царства, кое в народе зовут «Тридесатым».
— Ух...
Блазень мгновенно оказался в десятке метров от собеседника.
— Постой, дед, не уходи, — Лис пошёл за призрачным охотником.
Под ногой угрожающе хлюпнуло, и он запоздало понял, что впереди трясина.
— Эй, Болотник, — он посмотрел на застывшего деда и попятился. — Брось свои штучки! Меня не проведёшь.
Хотя — Лис это понимал — Болотник почти добился успеха: ещё шаг, и жертва ухнула бы в прожорливую топь. Со всеми предосторожностями юноша вернулся на сухую гриву и сел под деревом. Глаза горели от усталости, в затылке стучала кровь, но слабость он упрямо не

признавал.

Пыхтение из кустарника переместилось ближе к человеку.

— Галка! — спокойно позвал Лис, дабы продемонстрировать болотнику свою лояльность.

Собака на полусогнутых выбралась на бугорок, принялась и заворчала. Лис тоже принялся и определил, что пёс продолжает побиваться. Прежде он имел дело с собаками исключительно в роли загоняемого. Как вести себя в роли старшего, человека, он не знал, но интуитивно нашёл метод наладить контакт с одичавшим животным.

— Галка, иди ко мне, — он протянул руку ладонью вверх. — Иди, девочка! Ко мне!

Собака подползла к человеку, осторожно обнюхала руку и завилала хвостом. Лис рискнул погладить её сначала по грязной морде, а осмелев, и по загривку. Пальцы нащупали старый кожаный ошейник с металлическими заклёпками.

— Эй, Дед, снял бы ты с неё этот хомут. Смотри, шерсть на шее совсем сопрела.

Болотный дух медленно поплыл над трясинной в направлении гривы, где сидел Лис.

— А ты хороший человек, сынок, — произнёс он.

— Я буду называть тебя Дед. А ты зови меня... Лис.

— Опаньки! Глупый ты или сильный, если мне своё имя назвал? — призрак погладил усы, ещё раз оглядел юношу и ответил на свой вопрос сам. — Сильный.

Лис промолчал. Собака тем временем доверительно прижалась к его ноге, положила морду на колени и подставила холку, мол, почешу. Юноша автоматически запустил руку в огрубевшую шерсть.

— Давно ты здесь, Дед? Год? Два?

Болотник присел рядом с юношей. При этом ни одна травина не пошевелилась.

— В позапрошлую осень утоп. Прямохонько во-он там. Тама где-то тело моё и гниёт.

— Тело в болоте не гниёт, — поправил Лис. — Торфяные слои действуют мумификации.

— О! Студент, что ль?

— Люблю читать, — уклончиво ответил парень, вспомнив про проваленный зачёт и мрачные перспективы на экзаменах. Если таковые для него состоятся. — А что ж ты в Переход не пошёл?

Болотник вздохнул, как живой человек.

— А её куда ж я брошу? — он показал на собаку. Та подняла голову. — Видал, она меня чувствует. Три года её растил. Хлеб на двоих делили. И вот нате — с пьяных глаз решил у деревца нужду справиться, да и ахнулся... Галатея, девочка...

Он сделал движение, будто смахнул что-то с ресниц.

— Галатея? — Лис присмотрелся к собаке.

В кинологии он был, мягко говоря, не силен, но с некоторым сомнением определил овчарку. Хотя в его представлении овчарки были либо чёрно-серые, либо чёрно-рыжие, а шерсть этой казалась радикально чёрного окраса.

— Дочка на день рожденья привезла из Москвы. Сказала — клеймёная, из питомника. У Галатеи даже пачпорт есть. Но по мне — что пачпорт, что не пачпорт, главное, чтобы собака преданная была. Галка хороша! Как под ружьём работала!.. Слушай-ка, Лис. Возьми её себе.

— Я?

— Она тебя приняла. Никогда к чужим не шла, а тебе, это, даже ошейник снять позволила. Возьми, сынок! — призрак молящими глазами взирал на юношу. — Ты добрый парень. Я спокойно уйду, зная, что Галка с тобой. Надоело, знаешь, над болотом шляться. И одиноко.

— Так шёл бы в деревню.

— Опаньки! Ну ты, сын змея! — дух презрительно фыркнул. — Не учил папаша букварю? Как же я тебе с гиблого места уйду? Да, это, через гать и по болоту?

— Со мной пройдёшь! — осенило Лиса.

Болотник нерешительно почесал макушку.

— Оно, конечно, не плохо бы... Да нечего мне дома делать. У меня Галка только и была. Жёнка, пухом ей земля, померла давно. У дочки своя семья.

Лис опустил голову.

— А мне одному отсюда не выбраться, Дед.

— Заблудился? — посочувствовал болотник.

— Да, дурацкая получилась история.

Блазень задумчиво окинул взглядом топь, подмигивающую редкими болотными огоньками.

— Так и быть. Выведу. Но ты, это, пообещай Галку домой забрать.

— Обещаю, — Лис улыбнулся и погладил притихшую собаку. — Идём?

Дед недоверчиво на него покосился.

— Устал ведь.

— Устал, — признался Лис. — Но братья за меня волнуются. Чем скорее найдусь, тем им лучше будет.

Болотник закричал, как заправский дед, и восхищённо хлопнул ладонями по коленям. Звук, разумеется, не последовало.

— «Братьям лучше будет!» А тебе-то самому?

Юноша покраснел.

— Ну-у, я и так понятно.

— Тады пошли. Не знаю, правда, как энто у меня получится...

— Дай руку! — Лис решительно сжал кисть призрака.

«Ворон не обманул! — мелькнуло у него, когда густое холодное пространство оказалось в ладони. — Я увидел и почувствовал! Значит, они всё-таки поверили!»

* * *

БМВ круто свернул с дороги и вломился в придорожный кустарник. Мотор заглох. Тур обхватил рулевое колесо и уронил голову на руки. Ворон, дрогнувший в момент резкого торможения, выпрямился и опустевшими глазами посмотрел на близнеца. Рассудок обмяк. Обвисли нервы. Тело безвольной статуей возвышалось над сиденьем. А за окном стелилась ночь. Ветер подгонял чёрные тучи и осыпал дорогу бисером мелкого дождя. «Дворники» не работали, и скоро по стеклу побежали тонкие ручейки.

— Позвони домой, — прошептал Тур, не поднимая головы.

Ворон автоматически достал сотовый. Пятый гудок. Шестой. Трубку не поднимали. Ворон перевёл взгляд на аппарат, опомнился и судорожно нажал «сброс».

— Что? — брат вяло обернулся.

— Я номер Лиса набрал, — выговорил Ворон и с трудом сглотнул дрожащий ком.

Воцарилось молчание. Наконец, близнецы, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. У обоих в глазах блестели неподвижные капли.

— «Два плюс один» мы почти сложили в «три», Тур.

— «Почти»... И опоздали.

Оцепенение разбилось под камнем обронённых слов.

— Я не верю, что его нет! — воскликнул Ворон и встряхнул брата за плечо. — Тур, мы найдём. Мы вернём его. Твои руки и твоё сердце однажды вернули меня. Ты помнишь?

Врач нервно отвернулся.

— Ты прекрасно понимаешь, что мануальная терапия здесь не поможет.

— К чёрту терапию. Ты собственной волей удержал меня среди живых!

Ворон осёкся, осознав, что сам загнал в тупик пламенную, но слепую надежду. «Удержать в живых» в корне отличалось от «вернуть из мёртвых».

Он выскочил из машины и прижался лицом к мокрому металлу, как к стене безысходности. Оставалось лишь смириться с очевидным и...

Нечто внутри вспыхнуло, облив тело и мозг огненной волной.

*Сизый смрадный туман. Хруст опавших ветвей.
Мёртвый дуб-вековик. И одно слово — верь.
Факел, брошенный в топь за последним мостом.
Саван — шкура быка. Кровь. Слеза. Взгляд. И стон.*

— Брат!

Ворон с трудом разлепил веки. Оказалось, он сидит на обочине, прислонившись спиной к борту машины. Тур стоял на коленях перед ним и торопливо массировал пальцами его виски. Перчатки валялись рядом.

— Что это было?

— То же, что происходит с тобой при виде мертвецов и кладбищ. Похоже на эпилепсию. Как ты?

— Я что-то... чувствовал.

Лицо Тура мгновенно побелело.

— Брат, война и смерть навсегда остались позади, и с ними ненависть, которую мы убили.

Ворон оперся о плечо близнеца и тяжело поднялся с земли.

— Нельзя закрыть глаза на прожитую жизнь, — с натугой выговорил он. — Нам нарисовали пустую цель, и мы, будто оловянные солдатики, скакали вокруг этой цели и метали в неё копья. Мы обязаны помнить хотя бы это. Иначе кто-нибудь опять вздумает вертеть нами, словно безмолвными игрушками.

Тур отвернулся. Над дорогой на востоке, где остался город, как ранняя заря, поднималось блёклое искусственное свечение.

*Перекрёст трёх дорог. Там завет древних рун,
Песнь надежды поёт над плитой Гамаюн...*

— Что ты сказал? — Ворон напрягся всем телом.

— Я? — изумился Тур. — Мне показалось, что ты...

Оба непроизвольно оглянулись по сторонам, но ни призраков, ни кого-либо живого не заметили.

— Прозвучало чьё-то имя, — напомнил Ворон и испытующе по-

смотрел на брата.

Тур сдвинул брови. Почудившаяся фраза распалась на сотни крошечных осколков, и мозаика не желала складываться в слова.

— Я тоже не расслышал, — вздохнул Ворон, хотя Тур так ничего и не произнёс. — Я за руль.

— Справишься с управлением?

— Будет лучше, если я займу мозги чем-нибудь деятельным, — отозвался Ворон. — Чёрт!

Из-под ноги в кювет юркнула шуршащая стремительная стрела.

— Гадюка, кажется.

— Приложилась? — походя поинтересовался Тур.

— А мне-то что, — Ворон занял водительское кресло. Брат сел рядом на пассажирское.

Мотор зарычал, гравий фонтаном брызнул на дорогу, и БМВ с рёвом выбрался на шоссе. Бело-голубой свет ксеноновых фар рассеял темноту на два ровных пласта.

Указатель «Медное. 10 км» вспыхнул впереди спустя четверть часа.

— Не гони, — Тур нарушил молчание. — Дождёмся рассвета. Ночью мы... не найдём.

Ворон с трудом, но внял рассудку. Автомобиль завернул на пустую стоянку, где обычно парковались для мелкого техосмотра транзитные фуры. Тур достал телефон.

— Как дела, Ки? — спросил он в трубку ровным, наигранно спокойным голосом. — ...Нет, пока не нашли, но приблизительно известно, где он... Почему ты решила, что я обманываю?.. Ки, не выдумывай. Всё в порядке. Будь умницей.

— Следующий раз я буду звонить, — буркнул Ворон, старательно делавший вид, что пытается заснуть.

— Почему?

— Ты врать не умеешь.

* * *

Озноб и ломота волнами окатывали тело. Лис тяжело переставлял ноги. Его качало, как тростник на ветру, и казалось, на следующий шаг сил не найдётся вовсе.

— Сынок, может, это, полежать тебе?

Уставший от упрямства парня, Дед уже не настаивал на привале, а лишь предлагал.

— Дойду. Ты же говоришь, немного осталось.

— Ядрён-батон! Пять километров немного — днём по дорожке. А

ночью в чаше да с лихорадкой — это целая бесконечность!

— Бесконечность не бывает целой по определению, — пробормотал Лис.

Дед навернул три яруса изысканного фольклора и дёрнул юношу за руку.

— Остановись, дурень! Или я к твоим братьям полумёртвую тень приведу!

Лис не понял, сам он споткнулся, или же болотник изловчился сгрести его в охапку и усадить, но так или иначе он очутился под раскидистыми лапами ели. Отяжелевшая голова склонилась к земле.

— Дед, я должен идти... — он сделал слабую попытку приподняться.

— Лежи, ёрш неугомонный!

— Ты только не пропадай, — прошептал Лис. — Держись за меня.

— Да я-то удержусь. Нашёл, о чём беспокоиться. А коли что, Галка доведёт. Эва как носом работает... Э-эх, — Дед осторожно провёл несуществующей рукой по рыжим кудрям. — Спи, сынок, а я в твоём сне буду. Никуда не уйду.

* * *

— Слева, справа! Колея, просека! Да тут их десяток, этих просек!

Ворон с размаху хлопнулся на поваленное дерево и нервно вытер ладонью вспотевшую шею. Туру удалось придержать свои эмоции за узду. Что-то шевельнулось в траве. Он осторожно двинулся на звук, присел на корточки и провёл рукой по сочным стеблям осоки.

— Странно.

— Что? — Ворон подался вперёд.

— Да вон там торчит столбиком.

Ворон проследил за взглядом брата и заметил толстую чёрную змею, покачивающуюся возле пня в стойке кобры.

— Было бы странно, если бы она показала нам, где.

Он не уточнил, что именно «где». Слова «тело» и «труп» негласно перешли в разряд табу.

— Холодно сегодня, а она вылезла, — неохотно пояснил Тур.

— Стоп. Минутку...

Тур ждал.

— Змеиный и прочий яд, алкоголь, никотин нам с тобой параллельно. Правильно? — глаза Ворона, не спрятанные под очками, оживлённо блеснули.

— Экспериментально установлено, — поддакнул Тур, чувствуя, куда направлена мысль брата.

— Наркотик фактически тот же яд!
— Да, но Лиса мы не тестировали. К тому же, его аллергия на подавляющее большинство лекарственных препаратов говорит против твоей версии.
— Тур. Он не погиб.
— Я хочу надеяться, но... — Тур тяжело вздохнул.
Чтобы приглушить нахлынувшую боль, он переключил всё внимание на змею. От протянутой руки гадюка не шарахнулась, напротив, потянулась к человеку, будто намеревалась прильнуть к горячей ладони.
Тур... Ворон...
Тур зажмурился.
— Ты чего?
Ворон моментально очутился рядом с братом.
— Подожди... Слова... «надежду поёт... Гамаюн».
— Гамаюн?
Под порывом холодного ветра зашумели сосны.
Не сводя друг с друга взгляда, близнецы медленно поднялись на ноги.
— Гамаюн у славян — это птица, вещающая о судьбе тем, кто способен услышать тайное, — произнёс Ворон.
— Брат, возможно, я уже не в своём уме, — заговорил Тур и показал на землю, — но Лис ушёл вот с этого места в позапрошлую ночь.
— Живой!
Тур не разделил восторг близнеца.
— Ему худо. Ты чувствуешь?

Автомобиль судорожно подпрыгивал на ухабах лесной грунтовки.
— И это называется дорога! — Ворон вывернул руль, чтобы не угодить очередной раз в тракторную колею.
— Три километра осталось. Потом деревня и шоссе, — Тур сверился с картой. — Поднажми. Мы уже где-то рядом.
— Если бы у нас был вездеход или хотя бы что-то полно-приводное!
Необозначенная на карте развилка заставила остановиться.
— Ну и куда? — Ворон продолжал сжимать рычаг передач. — Как в сказке: налево пойдёшь, коня потеряешь, прямо пойдёшь... и так далее.
— Каменной плиты посередине не хватает, — бросил Тур и опять обратился к карте. — Думаю, нам всё-таки налево. В деревню попадём уже по шоссе.
К надрывным завываниям машины примешался техногенный звук,

принесённый лесным эхом. БМВ прополз метров тридцать, когда звук преобразовался в отчётливое гудение мощного мотора. Братья оглянулись. К перекрёстку с противоположной стороны приближался большой крытый фургон. За ним, расшвыривая грязь, двигался экскаватор на колёсном ходу.

— Эти что тут делают? — насторожился Ворон.

Фура притормозила на повороте, неуклюже развернулась и, пошатываясь из стороны в сторону, покатила по грунтовке, только что промешанной колёсами БМВ. Экскаватор повторил манёвр. Гул моторов удалился.

— Нас заметили, — предупредил Тур несколько тревожно.

— Представляю степень их удивления.

Заляпанная глиной и грязью иномарка продолжила движение.

— Порожний грузовик и экскаватор среди леса? — Тур непроизвольно оглянулся, но развилка уже скрылась за деревьями.

— Это не наша проблема, — процедил Ворон сквозь зубы. — Наша — прямо по курсу в обlique во-он той лужи...

В деревне, куда заехали Полозовы, «рыжеволосого парня лет двадцати» никто не видел. Услыхав, что юноша потерялся в лесу, сутулый тракторист с россыпью угрей на болезненно желтоватой физиономии выразительно посмотрел на приезжих и усмехнулся:

— Тады хана. Городской из болота не выйдет. У нас эвон местные и те пропадают.

Надежда, навеянная таинственной песней мифической птицы, отступила перед реалистичной картиной действительности.

— Лис утверждал, что бегал лисом семь лет, — вдруг сказал Ворон, когда брат сел в машину.

Тур устало взглянул на близнеца.

— Мы хватаемся за соломинки.

— А что ты предлагаешь делать? Он где-то здесь. Он жив!

У Всеволода Полозова предложений не нашлось.

— Гамаюн, — проговорил, как позвал, Ворон.

Молчание.

— Туда, — Тур показал направление рукой.

— Ещё дальше от магистрали?

— Если я ошибаюсь, следующий ход твой.

— Ты не ошибаешься, — прошептал Ворон.

За окнами опять потекла дорога. Тур внимательно следил за неглубокими кюветами, обрамляющими ленту узкого шоссе. Ворон взгляды-

вался в пуганицу кустарников.

— Голосуют, — предупредил он, первым заметив на дороге одиночную фигуру.

Тур вздрогнул.

— Это не Лис. Но тормозни-ка.

Ворону подсказки не требовались.

Пожилой усатый мужичок удивлённо уставился на иномарку.

— Опаньки! Никак увидали!

— Подбросить? — осведомился Всеволод Полозов.

— Ну... — тот заметно растерялся, — мне-то никуда не надо. А вот парень тут...

— Борис! — выкрикнул Владимир Полозов и выскочил из машины.

Тур откинулся на сиденье, чтобы сердце, доселе сжатое ледяными тисками, успокоилось в груди. На это потребовалось не больше секунды. Он оказался на обочине, когда близнец вломился в заросли придорожной ольхи.

— Сюда!

— Спасибо, — выдохнул Всеволод Полозов и сжал плечо пожилого человека.

Рука в перчатке вспыхнула так, будто он дотронулся до кипящего котла.

— Ёрш твою... — ахнул мужичок.

Образ его завибрировал.

— Всё равно — спасибо вам, — выговорил Тур, прямо глядя на блазень.

— Ты это, своё пламя-то побереги для братишки, — запинаясь, ответил изумлённый Дед.

Тур подоспел к близнецу, когда тот поднимал вялое тело Лиса на руки.

— Бредит, — сообщил Ворон. — Слышишь?

Горячие губы юноши шевелились, выдыхая вместе с жалобными хрипами еле слышные слова.

Тур торопливо снял перчатки.

— Наркотики? — нетерпеливо уточнил Ворон.

— Не похоже. Усталость, переохлаждение, стресс и, как следствие, высокая температура. Неси его в машину.

Наклоняясь за обронённой перчаткой, Тур наткнулся на чёрную псину, на которую в суете не обратили внимания.

— Привет, привет, — он походя погладил ткнувшуюся в руку мор-

ду и тут осознал, что собака живая, а не блазень, как по инерции отложилось в сознании.

— Дверцу открой! — крикнул Ворон с дороги.

Замок щёлкнул самостоятельно.

— Везите его в больницу, — посоветовал Дед, вытащив нематериальную руку из-за поднятого стекла.

— У нас свой доктор. Всё в порядке будет.

Владимир Полозов, наконец, обратил внимание на присутствующего.

— Чёрт подери! Откуда вы только берётесь!

Подоспел Тур. За ним трусил чёрная собака.

— Это ты парня вывел из болот? — продолжал Ворон, укладывая Лиса на заднем сиденье.

— Добрый у вас братишка, — улыбнулся призрачный дед. — Хорош будет мужик!

Тур, успевший сесть в салон так, чтобы юноша лежал у него на руках, прислушался к невнятному бормотанию.

— Он что-то про собаку... Просит забрать домой, вроде бы.

— Это? — Ворон оглянулся на виляющее хвостом животное. — Твоя овчарка, Дед?

— Моя была... Галка, девочка, иди с ними. Не обидят тебя. Полюдски приласкают, не то что я теперича...

Собака будто поняла, что грядёт расставание. Поискала носом хозяина, попяtilась и тоскливо завывала.

Старшие Полозовы дружно посмотрели на Лиса, на грязную худую псину, на призрачного деда, под ступнями которого не пригибалась трава. Решение пришло одно на двоих.

— Поехали, — Ворон показал привидению на распахнутые двери автомобиля.

— Куда мне ехать? — блазень сделал попытку отпрянуть, но только завибрировал на месте. — Эй, отпусти, парень! Отпусти!

— Постой. Не бойся, — обладатель чудесного взгляда вдруг догадался, что означает его взгляд для неприкаянного духа. — Смотри, Галка без тебя никуда не пойдёт. Ты не совершил последний переход из-за собаки? Так? И что тебе мешает остаться с ней до конца?

— Дед, давай садись, — поторопил Тур.

— С вами, что ль? — опешил болотник.

— Места много, с Кикиморой не подерётесь, — уверил Ворон и добавил себе под нос. — Дурдом с привидениями. Великолепно.

День седьмой

После двухдневных скитаний Лис почувствовал себя под крышей родного дома, как в надёжной бронированной крепости. В центре неподдельного внимания, окружённый тёплой заботой, он наслаждался спокойствием и уютом, невзирая на отвратительное самочувствие. Когда Тур спросил: «Как ты, малыш?» Лис ответил: «Мне хорошо». И то была чистая правда.

А ночью посыпались приятные неожиданные сюрпризы. Жар отступил, повинувшись целительным рукам старшего брата, и Лис получил возможность воспринимать окружавшее чётко и детально.

— Дед? — пробормотал он, разглядев за спиной Тура клетчатую рубашку и безрукавку.

— Он самый! — отозвался блазень. — Ты, это, языком не болтай. Болей по правилам. Я с тобой уже страху-то натерпелся, ядрён-батон!

— А? — удивился Лис.

Тур подсел к юноше на край кровати.

— Деду удалось донести тебя до дороги.

— Во-во, — поддакнуло болотное привидение. — Я сосновую иглолку прежде поднять не мог! А пришлось семьдесят кэгэ на плечах волочить. Уф.

— Тур, как вы меня нашли?

Врач поспешно удержал руку пациента и поправил капельницу.

— Кружили по дорогам, пока Дед не остановил нас в лесу. Ты не вертись пока.

— А Галка здесь?

«Галка! — передразнила Кикимора и выплыла на середину комнаты. — А со мной поздороваться не хочешь? Я тебе, придурку, в спортзале орала, как проклятая, чтобы за рубильник не хватался. Какого хрена ты позволил чужаку тебе уши залепить?»

— Эй, ребята, давайте без грубостей, — предупредил Тур.

— Ки!

— Лис, сделай одолжение, не дёргайся, — доктор Полозов строго посмотрел на больного.

Лис откинулся на подушку и расплылся в улыбке. Он сейчас готов был выполнить всё, что скажет старший брат. Даже если его пошлют достать с неба луну.

— Ты, это, Ки, не будем мешать людям, — объявил Дед.

«Но я...»

Возразить она не успела. Дух болотного утопленника поймал при-

зрачный шлейф её «тела», ловко намотал на локоть и вышел через закрытую дверь.

«Лис, мы утром поболтаем!» — донеслось из коридора.

— Мне это не снится? Правда, Тур?

— Не волнуйся, — брат усмехнулся. — Теперь тишина в доме будет редким гостем.

Лис с удовольствием расслабился под одеялом, но тут вспомнил про шприц.

— Тур, мне, кажется, что-то вкололи, прежде чем бросить в лесу, — начал он осторожно.

— Я знаю. Но беспокоиться нет причин. Анализы у тебя чистые, ты крепкий парень.

— А зависимость от наркотиков?

Тур доверительно нагнулся к юноше. В карих глазах сверкнула ласковая хитринка.

— За всю нашу жизнь Ворону и мне ни разу не удалось даже упиться до чёртиков. Хотя было дело, пробовали. Нет ничего удивительного в том, что ты — наш кровный брат — невосприимчив к наркотическим веществам. Мы привезли тебя домой двенадцать часов назад. За это время я многое успел проверить. Поверь мне, всё в порядке.

— Но я не помню, как забрёл на болото, — не унимался Лис.

— Ты не просто забрёл. Ты прошёл около двадцати километров по лесу, старательно обогнув две деревни, которые оказались на пути. Вот этого я объяснить не могу. Ворон считает, что ты представил себя лисицей и петлял по буреломам, как заправская рыжая патрикеевна.

Лис отвернулся.

— Думаете, я спятил? — буркнул он и закашлялся.

Тур опустил ладонь на его грудь и, убедившись, что приступ кашля не повторится, ответил.

— Нет, не думаем. Более того, я уверен, что твоё уникальное свойство представляться лисом, уберегло нас всех от очень больших неприятностей. Похитители приняли тебя за мёртвого, испугались и оставили в лесу. Лисицы — мастера подобной маскировки. Даже бывалые охотники попадались на их уловку.

— Откуда ты знаешь про похитителей?

— С одним из них мы уже поговорили.

— И что с ним стало?

Лис испугался не на шутку, представив, что мог наделать разъярённый Ворон своим взглядом.

— Жить будет. Физически, по крайней мере, — холодно сообщил Тур.

Юноша вздохнул и задумался. «Представил себя лисом», «крупно повезло», «кружил по дорогам» — удобное объяснение в образовавшейся семейной идиллии. Но было ещё кое-что, несказанное: шрамы на спине, заложный в попутке и имена братьев, в отчаянии посланные через неведомый Переход.

Врач тем временем убрал отработанную капельницу и принёс стакан отвратительно пахнущего настоя. Лис мужественно выпил и, невзирая на тяжесть в голове, рискнул поднять тему призрака.

Тур выслушал, не перебивая, прошёлся по комнате и остановился перед постелью брата.

— Руководить действиями человека — совсем не то, что нажать кнопку на компьютере или швырнуть вазу в телевизор, — произнёс он. — Давай обсудим этот вопрос, когда ты оклемаешься.

— Не веришь, — горько усмехнулся Лис.

— Малыш, это устаревшая категория. Речь идёт не о «веришь — не веришь», а об осмыслении фактов, лежащих за границей привычного восприятия действительности. Но я хочу, чтобы ты крепко поверил вот во что: никогда, ни при каких обстоятельствах ты не останешься один. Живые или мёртвые, Ворон и я будем вместе с тобой так же, как мы друг с другом.

— Всегда живые! — испуганно выпалил парень, ибо в этот момент от брата повеяло опасным холодком.

Тур улыбнулся.

— Пусть так, вещей Гамаюн.

Лис вытянулся в струнку.

— Ты...

— Потом, малыш. Спи. Тебе сейчас нужно больше спать, чтобы выздороветь побыстрее.

Тёплая рука тронула рыжий висок, и у Лиса в глазах закружились мягкие объёмные сны. Или они оевали уставший мозг с тех пор, как он выпил лекарство?

В отсутствие хозяев дома накопилась гора нерешённых вопросов в виде десятка телефонных звонков на автоответчике, кучи электронных писем, нескольких счетов и прочей бытовой мелочи, включая пустой холодильник. Дополнительно Ворон обнаружил утором на мониторе любимого компьютера прилепленный скотчем лист бумаги с подроб-

ной инструкцией по уходу за больным и напоминанием о собаке, которую, по мнению Тура, следовало выводить на прогулку трижды в день.

Ворон решил начать с самого простого: спустился в холл, где ему навстречу вскочила с места Галатея, открыл входную дверь и свистнул.

— Давай, гуляй, девочка. Весь парк в твоём распоряжении.

Следующим номером он навестил Лиса, обнаружил, что юноша крепко спит, вернулся к себе и занялся автоответчиком.

Пять звонков содержали настойчивую просьбу перезвонить. Ворон прикусил ус. На Белякова он работал частенько, но после аферы с таможенным сервером связываться с постоянным клиентом не хотелось. Дважды звонила Марина, обеспокоенная отсутствием ежедневных писем, ещё один звонок принадлежал коллеге доктора Полозова, который интересовался, как долго ему придётся работать на две бригады. Последнее сообщение принадлежало Славику.

Будучи уверен, что Тур уже поговорил с Мариной, Ворон решил в первую очередь пообщаться с приятелем, оказавшим близнецам столь существенную помощь в поисках младшего брата. Однако Славик на вызов не ответил. Владимир Полозов повертел в пальцах карандаш, подумал и послал СМС-сообщение: «Мы дома». Не успел он докурить сигарету, разбирая свалку писем в электронной почте, как сотовый настойчиво запищал.

— Отыскали? — спросил Славик без предисловий.

Он не осведомился, кто из близнецов у аппарата. Это Ворона насторожило.

Услыхав, что младший Полозов нашёл живым и практически невредимым, Славик выразил свой восторг короткой непечатной репликой.

— Что у тебя? — поинтересовался Ворон.

— Буря в стакане.

— По нашему делу?

— Фигня. Зато наметился один превосходный проект. Перезвоню. Бывай. И привет мальчишке.

Туманное объяснение совершенно не удовлетворило Ворона. Он последовательно, шаг за шагом, выстроил в памяти события сумасшедшей ночи. Вроде бы они с братом нигде не наследили. Белобрысый малый остался жив, что уверенно констатировал Тур и...

«Себя и имя своё забудешь».

Реплика возникла спонтанно, будто кто-то невзначай завернул мысль в ненакатанную колею. Ворон выпрямился и посмотрел на свои очки, лежащие на коробках с компактными.

— Я ж не собирался испепелить его на месте, — он усмехнулся, вспомнив, как Лису однажды померещился огонь в его глазах.

Но новости в местной Интернет-прессе он всё-таки просмотрел. Колонка «Происшествия» состояла из нескольких косноязычных сообщений об авариях на дорогах и небольшой статьи под заголовком «За отцов страдают дети». В первом абзаце корреспондент красочно описывал доблестные подвиги какого-то деятеля из числа городских «шишек» и его самозабвенный труд во благо родного края. Во втором говорилось об угрозах в адрес честного и порядочного избранника народа. А в третьем расписывалась трагедия, постигшая образцовую семью. Ворон дважды перечитал этот абзац. Сын героя статьи «обнаружен утром в четверг жестоко избитым, с полной потерей памяти в результате серьёзной черепно-мозговой травмы. Врачи оценивают состояние пострадавшего как тяжёлое. По факту разбойного нападения возбуждено уголовное дело».

Ворон вздрогнул, рефлекторно потянулся за очками и, поймав себя на этом движении, с досадой плюнул. Не хватало ещё поверить в магическую силу собственного взгляда. Вполне достаточно двух привидений в доме и заложных на «тропе войны».

* * *

Лис пробудился около полудня.

— Тур, — позвал он.

В спальне никого не было. Юноша посмотрел на часы, вздохнул и неуверенно вылез из постели. Попутка, болото, чёрная овчарка, Дед, Кикимора, обрывочные реплики ночного разговора витали между сном и явью. Голова шумела в такт раскачивающимся деревьям за окном, а желудок настойчиво требовал горячего завтрака, вернее — обеда, учитывая показания хронометра. Лис напялил широкий домашний халат и, пошатываясь, вышел в коридор. В доме было тихо. Он доплёлся до комнат братьев и сунулся в дверь.

— Ворон.

И здесь никого. В сознание ворвался поток самых невероятных предположений, от которых у парня по спине побежали мурашки. Кто, когда и как привёз его домой? Не заложные ли напали на братьев? А может быть, три отчаянных дня ему просто приснились?

— Тур! Ворон! — крикнул Лис и побежал вниз.

Запугавшись в полах длинного халата, он едва не скатился по ступеням, с трудом удержался на ногах, а в гостиной споткнулся о сложенное вчетверо одеяло. Не потрудившись задуматься, что сей пред-

мет делает на полу, Лис выскочил на крыльцо.

Низкие тучи висели над крышей, обещая в скором времени обильный дождь, а холодный порывистый ветер гонял по округе запах отцветающей черёмухи. Все окна фасада были наглухо закрыты, равно как и ворота особняка, просматривающиеся за деревьями. Парк — участок леса, оставленный в качестве естественного заграждения — показался Лису ещё гуще и темнее, чем обычно. А опустив взгляд под ноги, юноша с ужасом заметил возле дорожки отчётливые следы когтистых лап.

— Где я? — пробормотал он и попятился.

Из-за угла здания раздался надсадный вой, не похожий ни на один природный звук.

За спиной почудился безликий серый терем, и там...

*где нет ни начала, нет ни конца,
Усердная пряжа — тень без лица —
Вьёт бесконечную жёсткую нить
Из пряжи, зовущейся
ненависть.*

— Нет, — Лис замотал головой. — Это не наша судьба!

В кустах мелькнула огромная морда с вываленным наружу алым языком. Он застыл, не в силах пошевелиться.

— Лис! Какого чёрта ты попёрся в парк!

Ворон шагал к крыльцу, на ходу вытирая тряпкой руки.

На дорожку выскочила чёрная собака, завиляла хвостом и бросилась к юноше.

Наваждение улетучилось, словно дым.

— Ворон!

— Привет, путешественник! — брат обнял его одной рукой. От рубочей куртки несло бензином и машинным маслом. — А ну, в дом живо! С меня Тур три шкуры спустит, если у тебя подскочит температура.

— Ворон, это же Галатея! — восторгу юноши не было границ. — А где Дед?

— Дрыхнет в кресле в гостевой. В отличие от Кикиморы, он считает, что привидение не должно отличаться от своей человеческой ипостаси.

Ворон усмехнулся собственной шутке.

— А... а что там выло? — Лис затормозил на пороге.

— Твоя раздолблённая «Хонда». Налажу, не волнуйся... Галка, домой! — он проследил, как собака проследовала по коридору в холл. — Да-а. Нужно как-то научить её вытирать ноги.

Лис увидел на паркете отпечатки мокрых собачьих лап и рассмеялся.

Узнав, что Тур на работе, а Ворона вызвал на деловую встречу «постоянный клиент», Лис опять забеспокоился.

— Я с тобой поеду! — заявил он.

— Как же! — брат застегнул пиджак. — Тур велел держать тебя в постели весь день и не выпускать из дома. Кстати, в списке процедур седьмым пунктом значится баня.

— Спасибо за предупреждение, — Лис передёрнулся. Домашнюю сауну он на дух не переносил.

— Не скучай, я вернусь через пару часов.

— Ворон, пусть хотя бы Дед с тобой прокатится, а?

— Чего ты так боишься? — брат встал перед юношей.

— Заложного, — отважился признаться Лис и тихо добавил: — Того, погибшего от дефибриллятора.

— И что он со мной сделает? Кирпич на голову скинет или подстроит аварию на дороге?

Юноша побледнел, и Ворон пожалел о вылетевших словах.

— Шучу, — быстро пояснил он. — Всё, конец дебатам. Я уже опаздываю. А ты присмотри за Кикиморой, если она вздумает хозяйничать на кухне. Вчера она спалила тостер. Не хотелось бы лишиться и других приборов.

* * *

Владимир Полозов всегда славился своей пунктуальностью. За это среди особого рода знакомых его и прозвали «Лорд». Славик однажды пошутил: мол, доведётся коротать время в местах, не столь отдалённых, и кликуха прилипнет намертво, не отдерёшь.

Сегодня «Лорд» опоздал ровно на три минуты.

— А я думал, ты не приедешь, — постоянный клиент не преминул отметить неординарное событие.

— Зачем я тебе опять понадобился?

— Присаживайся, дело есть.

Владимир Полозов оглядел пустующее летнее кафе, неодобрительно хмыкнул и уселся в пластиковое кресло. Матерчатый навес хлопал на ветру, как парус в океане. Над Волгой кружили тучи, и морозящий дождь пританцовывал во вчерашних лужах, разукрашенных зелёной плёнкой пыльцы.

— Умеешь ты места для встреч выбирать, Беляков, — заметил он. — Может, на пляж завернём? Там уютнее, кажется.

— Не раскиснешь, — огрызнулся толстощёкий крепыш и бросил на столик прозрачную папку-уголок. — Мне нужно знать всё про этого типа.

— Это не мой профиль, — хакер не удостоил бумаги взглядом.

— Твой. Или ты думаешь, я тебя позвал, чтобы на твою физиономию полюбоваться?

Владимир Полозов брезгливо покосился на один единственный лист в розовом конверте.

— Он общается исключительно через Интернет, — продолжал заказчик. — Никто не знает, кто он. Но нагадить успел достаточно. Лезет в мою сферу, понимаешь?

На лице программиста появилась заинтересованность.

— Ты хочешь, чтобы я выяснил, где он заправляет?

— Что делает, на кого работает, кто у него рядом.

— По этим вот е-майлам? — Владимир Полозов усмехнулся. — Ты в своём уме? Да тут отряда хакеров не хватит!

— Поэтому я и обратился к тебе, — показательная улыбка задринула сизый маленький нос между пухлых выбритых щёк.

— Иди ты к чёрту, — хакер встал.

— Орешек не по зубам, Лорд?

— Я не идиот, чтобы ломать зубы о бульжники.

— погоди, — Беляков поднялся. — ещё кое-что есть.

Он обошёл столик и остановился перед программистом, задрал голову так, чтобы видеть лицо собеседника.

— Два моих парня занимались с ним два месяца, — конфиденциальным тоном сообщил он. — Но недавно с ними произошла досадная неприятность.

— Какая именно? — насторожился Владимир Полозов, хотя видимых причин для тревоги вроде бы не было.

— Ты берёшься или нет?

— Меня интересует, что случилось с твоими пацанами, Беляк.

— Я вынужден был их отстранить, — крепыш опять улыбнулся.

Собеседник понял, что означает эта хищная мимика.

— За что?

— Не твоё дело, — обрубил заказчик и, подумав, смягчился. — Ребятки возомнили себя крутыми. Не исключаю, что их перекупили. Они скрыли от меня кое-какую информацию, связались напрямую с поставщиками и потащили товар через мои каналы от своего имени. Я их предупредил и даже дал неделю для подтирки задницы. Они не справились.

Смутная догадка заставила Владимира Полозова ещё раз взглянуть на бумаги.

— Парни работали с материальными предметами? — уточнил он. — Программёра у них не было?

— Недавно они взяли в долю какого-то придурка. К сожалению, мой человек нажал на него сильнее, чем требовалось.

Владимир Полозов снял очки, достал платок и неторопливо протёр чёрные стёкла.

— Накрылся бизнес медным тазом? — как будто между прочим уточнил он и прямо взглянул на собеседника.

Тот поёжился, не понимая, почему вдруг стало некомфортно полному холёному телу, и вместо законного в такой ситуации «не твоё дело», принялся объяснять.

— Товар мы вывезли. Кое-как подтереться они всё-таки успели. Но их тупой хакер навёл шухера. Мой канал вышел из дела. У меня четыре договора повисли!

— Что за товар?

Крепыш побледнел, но продолжал углубляться в откровенность.

— Химия из Европы. Проблемы утилизации, как всегда. Мы помогаем. Не безвозмездно, конечно, — круглое лицо приобрело бардовый оттенок и покрылось разноцветными пятнами. — Душно что-то стало...

Он начал садиться в кресло. Владимир Полозов придержал ногой лёгкое сиденье, наострившееся отъехать по влажному полу кафе прямо из-под круглого зада посетителя.

— Что твои «деятели» выяснили?

Беляков поднял глаза. Владимир Полозов стоял перед ним, засунув руки в карманы. На лице красовались зеркальные чёрные очки.

— Выяснили? — он несколько секунд собирался с мыслями. — Ах, да. Проклятое пиво! Так вот: есть имя — Бер. Фамилия или кликуха — не знаю. Профессионал вроде тебя. Клиентура питерская, наши давние конкуренты. Под чьей крышей ходит — неизвестно, но крыша серьёзная.

— Хорошо. Я возьмусь. Сколько?

Беляков удивлённо заморгал, и, сообразив, что долгожданное согласие получено, суетливо полез в портмоне.

— Это задаток, — он протянул хакеру пластиковую карту. — Обналичишь сам. По мере поступления информации ко мне тебе будут поступать гонорары. Всё честно. Ты меня знаешь.

— И твоих головорезов тоже, — усмехнулся Владимир Полозов.

— Брось! Когда я тебя подставлял? — Беляков заулыбался, забыв

о непонятной дурноте, едва не свалившей его с ног.

— Я пошутил, — объявил Владимир Полозов и взял папку. — Последние напутствия будут?

— Мне нужна от тебя только информация. Выводы я буду делать сам. И никакой самостоятельности, Лорд. Я не хочу терять зарубежных партнёров из-за дурацких ошибок компьютера.

— Компьютер — это железо. Оно не ошибается. Ошибаются люди, Беляк. Бывай.

По городу Владимир Полозов ехал аккуратно, даже затормозил на жёлтый сигнал светофора. Возле продуктового супермаркета БМВ припарковался, строго следуя указаниям дорожных знаков, а при выезде из переулка пропустил тархтящий на весь квартал «Запорожец». И хотя головная боль отпустила вскоре после разговора в кафе, правила дорожного движения соблюдались исключительно ради спокойствия Лиса.

Но настроение качалось из плюса в минус, как маятник. С одной стороны предстоящая работа обещала быть сложной и интересной. С другой — Ворон не мог точно сказать, зачем ввязался в предложенное дело. Ему удалось собрать из обрывков цельную картину приключения с таможенным сервером. Но при этом он использовал приём, в реальность которого до конца так и не верил. О том, что от его тяжёлого взгляда людей пробивает дрожь, он знал давно. И просто носил очки, не задумываясь о причинах и следствиях. Однако к сознательному применению уникального свойства прибегал лишь в самых драматических ситуациях. Причём не всегда успешно. Зато сегодня без угрызений совести, без натуги и длительного шума в голове воспользовался врождённым талантом только для удовлетворения любопытства.

Впереди показалась яркая «зебра» и группа пешеходов на тротуаре, терпеливо ожидавшая просвета в бесконечном потоке машин. Обычное явление на улицах города. Ворон притормозил, мигнув стоп-сигналами тем, кто нёсся позади, и остановился. Пешеходы, осторожно косясь на иномарку, поспешили через дорогу. Досаду других водителей он почувствовал затылком и усмехнулся: подождут. Сейчас ему хотелось сделать что-то мало-мальски полезное для серой человеческой массы, обременённой житейскими проблемами. Он следил за суетливо проходящими людьми. Мелькнуло: ведь вот так же каждый день с работы домой и опять на работу ходит Марина. Каждый день улыбается читателям, выслушивает грубости продавцов в полугосударственных магазинах, понуро смотрит в сумраке на бесполезную лампу

— следствие всеерного отключения электроэнергии и на булькающий пустотой кран, забывший про существование горячей воды. Сколько раз близнецы звали любимую женщину в свой дом, столько же слышали ответ: «У вас свой особый мир. А я привыкла жить, как все обычные люди. Пусть наши встречи будут для нас троих доброй сказкой».

Владимир Полозов вздохнул. Перед ним лежали два мира, разделённые монументальной стеной, называемой «уровень жизни». Вероятно, поднимись они с братом ещё на одну ступень — откроется третий «мир», а за ним есть четвёртый, пятый. Где-то существует и тот, куда «простым смертным» не забраться никогда — мир неограниченной власти: мировая политика, концепции управления обществом и прочее, и прочее.

Перед машиной прошёл последний запоздавший пешеход — молодая женщина с объёмным пакетом в руках. Она оглянулась на тонированное ветровое стекло БМВ, и по её губам водитель прочёл: спасибо. Образ монументальной стены, выстроенный рассудком, вдруг превратился в призрачный туман. Сзади раздражённо просигналили. БМВ медленно тронулся с места.

Потекла дорога, а в голове продолжали витать разрозненные мысли о людском бытии. Мир, разделённый в плоскости социальной, в другой, духовной плоскости представился единым и нерушимым — как лес, где жили и травы, и мхи, и корабельные сосны, и жалкая бледная ряска.

Резкий гудок выдернул Владимира Полозова из запутанных троп философских измышлений. Слева на обгон по встречной полосе нёсся чёрный «Мерседес». Яркую картинку экстравагантного содержания на заднем стекле Владимир Полозов рассмотреть не успел. Он и сам часенюшко топил газ так, что зашкаливал спидометр, но сейчас не было никакой охоты играть в догонялки с дорожным наглецом. Он добыл из бардачка первый попавшийся компакт, вложил его в магнитоу, и в салон потекли мягкие волны «Лунной сонаты». Ворон удовлетворённо кивнул: десять минут спокойного созерцания окрестностей. Думать о делах он будет дома.

Планам не суждено было осуществиться. Бетховен звучал не более минуты, до следующего изгиба шоссе...

* * *

«Лис, а Лис!.. Хватит спать! Ну, Лис! Вставай, Ворон приехал».

Парень открыл один глаз. Туманная плёнка обволокла диван со всех сторон.

— Это ты, Ки?

«Вставай давай! Я не знаю, что там с Вороном, но он какой-то пристукнутый... Эй! Я же не буквально! Лис, подожди!»

Юноша выскочил в холл и застыл на пороге. Брат сидел на тумбочке, бесцельно вертя в руках очки.

— Ворон, что с тобой?

— Ничего, — тот тяжело поднялся на ноги. — Как ты себя чувствуешь?

— Я? Да я тут при чём? Ты на себя посмотри! — задохнулся Лис. — Ты же белый, как... как...

— Бывает, — отозвался Ворон, прошёл мимо в гостиную и, не обращившись, сообщил. — Там в гараже Дед с пакетами воюет. Поможешь? Иначе продукты до кухни не скоро доедут.

Лис, привыкший выполнять прямые указания старших братьев, растерянно остановился на перепутье.

«Я же говорю, что-то случилось!» — грохнула ему в ухо Кикимора.

— Не вопи, — поморщился юноша и решительно пошёл за братом. — Ворон!

— Ну, чего тебе?

— Может, я Туру позвоню? — растерялся Лис.

— Мы недавно говорили. Ладно, — Ворон протёр рукой лицо. — Что там у нас в планах твоего лечения? Кажется, луковый отвар?

— Не заговаривай мне зубы! — взвился парень и неожиданно для себя преградил брату путь к лестнице. — Ты являешься домой сам не свой и хочешь, чтобы я сделал вид, будто ничего не замечаю?

— Ты при всём желании этот вид не сделаешь, — ответил Ворон, глядя в пол. — Ничего страшного для нас не произошло. Просто я... увидел смерть. Авария на дороге. «Мерс» гнал за сто сорок и въехал под встречный «Камаз».

— А ты? — опешил Лис.

— Я, как видишь, прибыл домой невредимым, — усмехнулся брат и пошёл наверх.

Лис заметил, как дрожит его рука, вцепившаяся в перила. На середине лестницы Ворон споткнулся и, не попытавшись удержать равновесие, опустился на ступеньку.

В гостиной зазвонил телефон.

Ворон не отреагировал. Лис подсел к брату и положил руку на плечо.

Телефон продолжал настойчиво вызывать абонента.

— Возьми трубку, — не поднимая головы, произнёс Ворон.
— Обойдутся, — отрезал Лис и тронул его локоть. — Ты как?
— Пустяки, — Ворон выпрямился. — Накатывает иногда. Знать бы, почему.

Лис мог бы поведать всё о причинах странных припадков, но благоразумно промолчал.

В этот момент включился автоответчик и предложил оставить сообщение. На том конце провода предложение было принято.

— «Ты слушаешь, Полозов? — зашепелявили динамики. — Ты видел дерьмо, которое осталось в тачке под грузовиком? То же останется от одного из твоих братцев, если сунешься в дела Бера. Ты понял? От одного — самого близкого тебе брата. Он будет лежать на дороге окровавленным куском мяса. Холодный и мёртвый. И ты будешь смотреть на его труп, как на свой собственный. Понял? Будешь долго смотреть и знать: это из-за тебя. Из-за тебя он лежит мёртвый и холодный. Если сунешься в дела Бера. Ты понял?»

Зачастили гудки.

Лис вспомнил, что дышать всё-таки необходимо, и шумно глотнул воздух. На Ворона он боялся посмотреть. Брата трясло, и под своей рукой юноша чувствовал его бешеный пульс...

*Из битвы в битву шла война
без цели.
Горели земли. И сердца
горели.
Пылала ненависть кругом
слепая.
Смеялась смерть, на кровь и боль
взирая.*

— Это не вернётся! — Лис вскочил. — Ты не орудие Смерти, Ворон! Ты проводник на отцовских мостах!

Ворон медленно поднял голову. Пустой свинцовый взгляд упёрся в лицо младшего брата и, мгновение спустя, вспыхнул. Лису показалось, будто его окатило пламя.

— Ты как меня назвал? — выговорил Владимир Полозов.

— Ты проводник в Переходе, — расправив плечи, внятно ответил Лис. — Ты сейчас опять скажешь, что у меня в голове фантазий больше, чем мозгов, но...

— Нет, Гамаюн. Не скажу.

— А?.. — слова застряли у Лиса в горле.

Белизна — след пережитого стресса — осталась на лице Ворона,

но в глазах светился тёплый глубокий уголёк.

— Спасибо, брат. Привёл в чувство. А сейчас, — он уверенно поднялся, — я хочу кое-что проверить.

Лис сглотнул застрявший вопрос и проводил Ворона взглядом. Изумление медленно переросло в испуг: Владимир Полозов решительно шёл к телефонному аппарату. Зашуршала лента автоответчика. «Ты слушаешь, Полозов?..» — опять начал шантажист. Ворон прокрутил запись до конца, не дрогнув.

— Лис, набери Тура. Скажи, у нас порядок, и дай мне трубку, — велел он и направился к кухне.

— Да? А он мне поверит? — вырвалось у юноши.

Ворон махнул рукой, мол, действуй, а сам скрылся под аркой.

Как и предполагал Лис, Тур ему не поверил и потребовал подробных объяснений.

— Ну, я уже не знаю, что тут к чему, — стушевался юноша. — Пусть Ворон рассказывает, — он сунул сотовый брату, который вернулся в гостиную вместе с озадаченным Дедом.

Ворон не стал распространяться на тему угрозы.

— Тур... нет, я в норме... Лис... Да погоди ты! Дело есть. Пусть Дед с тобой поговорит.

Болотное привидение нерешительно прикоснулось к аппарату.

— А чо говорить-то?.. Тур, ты, это, на работе?.. Да почём я знаю! Мне тут напоручали всякого...

Ворон бесцеремонно отнял у него мобильник.

— Тур, ты его слышал?.. Отлично... Потом, близняшка. И не волнуйся! Приедешь вовремя?.. Да, перезвоню, — он оборвал связь и быстро набрал новый номер.

Телефон в гостинной призывно заверещал. Дождавшись, когда автоответчик милым механическим голосом закончит свой монолог, Ворон опять вручил сотовый Деду.

— Говори что-нибудь.

— Ты чего удумал-то? — насторожился блазень. — Пушай Кики-мора балуется. Эва, диктора нашёл!

— Давай-давай. В аппарат говори! — поторопил Ворон и оглянулся на тумбочку с телефоном.

Дед озадачено нахмурился и кашлянул.

— Ну, это... Раз, два, три, четыре, пять. Хватит уже?

— Да. Спасибо.

Ворон занялся автоответчиком.

«Лис, а Лис, чего это он?» — выплыла из пространства Кикимора. Тот же вопрос сморщил призрачное лицо Деда.

Юноша посмотрел на привидений, пожал плечами и приблизился к брату. Тот как раз отмотал пленку.

— У тебя идея какая-то? — осторожно спросил Лис.

— Тихо.

Телефон пискнул. Послышался далёкий голос Ворона: «Говори что-нибудь». Затем последовала пауза. Опять Ворон: «Давай-давай. В аппарат говори!» И снова пустые шорохи из динамиков.

— Не проходит. Странно, — Ворон задумчиво сдвинул брови и, заметив ожидающий взгляд брата, запоздало пояснил. — Мне показалось, звонил один мой знакомый, ныне покойный. Но эксперимент опроверг мою гипотезу. Призраков техника не записывает. То есть их речь, если она звучит, поступает в наше сознание с помощью какого-то особого рецептора, а не обычного органа слуха. Или же вообще минуя всякие рецепторы. Как чистая информация.

— Ворон, с тобой всё в порядке? — поинтересовался Лис и в следующую секунду спохватился: фраза прозвучала слишком неоднозначно.

— К сожалению, — усмехнулся тот. — Знаешь, если бы мог, я бы сейчас надрался в стельку. Но проверено: ничего не выйдет... — он прошёлся по гостиной. — И всё же это был Паша! Одно из двух: либо Беляк соврал и Пашу не убрали, либо...

«Паша научился болтать по телефону», — подсказала Кикимора.

— Ки, заткнись, — шикнул Лис.

«Но я же разговаривала с Туром из дома! Как, по-вашему, моя «чистая информация» могла пролететь по телефонным проводам без участия мембраны и декодера?»

— Эва, грамотная, — восхитился Дед.

«Я, между прочим, целый год в ПТУ училась. И даже лучше, чем в интернате», — гордо заявила Кикимора.

— Она права, — вдруг подтвердил Ворон. — Телефон выполнял функции театрального реквизита. Без аппарата мы не смогли бы абстрагироваться до восприятия её «голосочка» на большом расстоянии.

— А почему, если она «шепчет», мне кажется, что у меня уши лопнут от децибелов? — спросил Лис.

— Для неё «шёпот» — лишь строго направленный поток информации, а твой мозг расценивает это как громкий звук, — пояснил Ворон нетерпеливо и, убедившись, что вопросы брата временно исчерпаны, вернулся к своей проблеме.

Лис стиснул зубы, когда мерзкий шепелявый голос в третий раз наполнил гостиную. Оставалось лишь удивиться, как Ворону удалось взять себя в руки настолько, чтобы без тени эмоций снова прослушивать гадкие угрозы.

— Хреново, — подытожил Дед. — Сынок, может тебе, это, лучше не лезть к этому самому Беру, чтоб ему неладно было?

— Ну, нет, — глаза хакера недобро блеснули. — Я его сделаю! А если он к братьям хоть палец протянет, я его на тот свет лично провожу.

Дед, а Дед? Почему ты можешь ходить, где хочешь, а я нет? Это потому, что в тебе много информации о жизни, а во мне мало?.. Что «ну-у»? Да или нет? Слышь, Дед, а давай тогда я буду дом изнутри охранять, а ты снаружи!

Почему это я хитрю?.. Фи, сдалась мне баня! Подумаешь, нос на секундочку сунула! Они меня даже не заметили... Ну да, да — полюбовалась! Завидно? Ворон вон какой красавчик, а ты, старый пенёк... Ай!

Дед, я же шучу! И никакая я не мартышка! Я Кикимора!

Дед, ты куда? Мне тоже телефонный гад не нравится, но мы-то с тобой что сделаем?

Минуточку. Как это ты Тура найдёшь? Ведь там, за стеной дома, для нас сплошной туман и никаких тропинок. Какой мостик?.. А-а! Я поняла! Главное, одного из хозяев разглядеть. Я с тобой... Опять нет? Дед, мне же скучно!.. Завтрак я уже приготовила, микроволновку сами включают...

Ну, ладненько. Так и быть, обещаю сидеть дома. Ты только осторожнее там.

Как это «зачем»? А если тебя чужак с дорожки собьёт?.. Конечно, конечно, ты у нас очень старый и очень умный. Ладненько. Топай.

День восьмой

Сетка на экране телевизора в ординаторской сменилась изображением циферблата. Секундная стрелка невозмутимо завершила свой круг, и бодрые такты марша возвестили о начале работы первой программы.

— Два часа осталось, — молодой хирург потянулся в кресле. — Всеволод Васильевич, как думаете, всё на сегодня или ещё кого привезут?

— Посмотрим, — доктор Полозов отошёл от окна. — Подышу свежим воздухом.

Он прихватил со стола пачку сигарет и направился к двери.

— Всеволод Васильевич, а курить вредно, — посмеялся коллега.

— Кому как.

— Всеволод Васильевич, я давно спросить вас хотел, — голос начинающего врача догнал у порога, — как вы выдерживаете круглые сутки в перчатках, да ещё и просто так их носите?

Доктор Полозов обернулся.

— Хирург обязан беречь руки, — сказал он. — В наших руках человеческая жизнь.

Рассвет украсил небо лазурными лентами. День обещал быть погожим. Свежий южный ветер раскачивал берёзки у крыльца больницы, и на его невесомых крыльях на север России спешило лето. Тур затаился и почувствовал лёгкое угрызение совести, когда облачко табачного дыма устремилось в пространство, наполненное ароматом цветущей природы. Грустная усмешка чуть-чуть приподняла чёрные густые усы. Этот дым что капля в море. Он посмотрел в направлении вагонного завода. Сизые клубы окуривали небо и, замаскировавшись под тёмные облака, терялись в вышине. Природа безропотно терпела...

Смутное беспокойство тронуло грудь. Тур рефлекторно потянулся в карман халата за сотовым, но вспомнил, что оставил аппарат в ординаторской вместе с портмоне. Прислушался к телу. Ворон лежал на спине, закинув за голову руку. Обычная его поза во сне. Лис? Тур сосредоточился, но почувствовать младшего брата не удалось.

Он притушил окурок, ещё раз окинул взглядом пустой больничный двор и... Двор, как выяснилось, уже не пустовал.

— Дед?

Блазень, только что маячивший на автостоянке размазанной болотной тенью, возник прямо перед Всеволодом Полозовым.

— Опаньки! Удивился? — Дед весело подмигнул.

— Что произошло?

Тур торопливо оглянулся. К счастью, посторонних рядом не оказалось.

— Да ничего, ничего не произошло, — успокоил его Дед. — Вот, это, решил проведать.

— Как ты сюда добрался?

— Да понятно, как! Ворон и Лис тама, ты тут. Ну, я и добрался. Топал себе и топал промеж вами, как по мостику. И даже кое-что нашёл по пути.

— Отойдём-ка, — близость основного корпуса больницы не вдохновляла Тура к общению с призраком.

— Ты, это, не бойсь, никто меня не увидит, — уверил Дед.

— Зато увидят медика, беседующего с пустотой, — хмыкнул доктор Полозов и пошёл к автомобилям. — Как дома дела?

— Угомонилось усё опосля вчерашнего. Даже Кикимора.

— Вот что, Дед. Давай подробно про «вчерашнее».

Бывший болотник с удовольствием пустился в пространные объяснения. Ничего нового Тур не узнал, разве что воспринял историю в болотных красках.

— Понятно, — он опёрся о капот своей «шестёрки».

— А про мою находку не желаешь узнать?.. Ага, значит — желаешь. Да ты не беспокойся пока. В общем, так дело было. Пошёл я кругами около дома. Потом по дороге пошлялся и вдруг чую, как будто след какой-то. К дому не приближался, точно говорю. Зато около аварии так ярко воняло, что я понял: был тут кто-то вроде меня.

— «Мерседес» разбился на Бежецком шоссе, — напомнил Тур.

— А мне что! С тех пор, как Лис меня услышал и из болота вывел, ты за руку взял, а Ворон взглядом огрел, я шляюсь запросто, лишь бы ваши следы в тумане виднелись. Словом, я этого олуха нашёл.

— Кого?

— Гада, который по телефону звонил. Валяется, голубчик, за бензоколонкой. Пустой и холодный.

Тур качнул головой.

— Призрак валялся холодный?

— Опаньки! Да не призрак, ядрён-батон! Юнец наколовшийся. Обе руки с мёртвыми дырками. Из них смерть прям на глазах сочилась, как через решето. Я дух-то искал, но нету его душонки. Зато след другого рядышком увивался: от шоссе, до телефонного козырька, потом за бензоколонкой.

— Дед, ты хочешь сказать, — Тур говорил медленно, ибо известие плохо укладывалось в голове, — что какой-то призрак использовал наркомана как зомби? Заставил устроить себе аварию, а потом позвонить нам домой?

— Про аварию не знаю. Но звонил он. К телефону его тень прилипла.

Тур отвернулся.

— Третий за неделю... Хорошо организованная банда призраков, — повторил он слова Ворона и попытался рассмеяться. — Полная чушь!

— Чушь может оно и чушь, но домой я поеду с тобой, — заявил Дед. — А пока тута подожду.

— Пожалуй, ты прав, — Тур принялся искать ключи, опять забыв про оставленное в отделении портмоне.

— Иди-иди, лечи, — заявило привидение из запертой «шестёрки». — Твоя машина, значит, мне туга как дома. Уютненько.

* * *

Дед долго ворчал, узнав, что рабочий день доктора Полозова непредсказуемо удлинился.

— Сдались тебе ихние авторитеты! — бубнил он с заднего сиденья, когда «шестёрка» наматывала километраж по улицам города. — Совести у них нету! Человек с дежурства, а его дёргают по всяким пустакам.

Брюзжание за спиной в конце концов Туру надоело.

— Дед, меня вызвал пациент. Какая разница, кто именно: вор в законе, мэр, директор, работяга или вчерашний урка! Болезнь равняет всех. Надолго мой визит не затянется, уверяю.

— Э-э, сынок, есть разница, — призрак потряс в воздухе несуществующим пальцем. — Простые люди в больницу ходят, в очереди сидят, рецепты получают. А у твоих пациентов личный врач — ты. Служишь ты им, вот что.

Тур неопределённо пожал плечами.

— Каждый чему-то или кому-то служит.

— Опаньки! «Чему-то», «кому-то». А ты подумай-ка на досуге: чему и кому.

— Я служу медицине, — отрезал доктор Полозов. — Всё. Приехали. Подождёшь?

— А куды ж я денусь, — Дед сердито потрянул длинными усами. — Топай.

Всеволод Полозов вернулся через полтора часа. Сел за руль, оглянулся на дремавшего болотного духа и молча завёл машину.

— Братьям-то хотя бы позвонил? — поинтересовался призрак, не пошевелившись.

От Деда истекало неясное осуждение, и Тур почувствовал себя неудобно.

— Позвонил, конечно. Скоро дома будем, — как мог мягко сообщил он. — По дороге заглянем в магазин для животных. Какой корм Галатея предпочитает? «Чаппи» или «Педи-гри»?

— Моя девочка отродясь это импортное дерьмо в рот не брала, — фыркнул Дед. — Лучше кость гавюжьё ей купи. Счастлива будет, после мышек-то да всякой лесной мелочи.

Тур ещё пару раз пробовал заговаривать с Дедом, но тот отвечал неохотно, и он оставил призрачного ворчуна в покое.

При приближении к автозаправочной станции Дед оживился.

— Вот, вот тут дело было, — заявил он. — Видал, следы от колёс за забором. Небось, ментовка подъезжала. Забрали покойничка.

— Я уточню.

С этими словами Всеволод Полозов завернул на заправку.

Сейчас, когда ночь со всеми её секретами уступила место на земле бодрому субботнему дню, рассказ вездесущего болотника казался не-лепой выдумкой. Доктор Полозов поймал себя на том, что с удовольствием объявил бы все последние приключения сумбурным сновидением. Он непроизвольно оглянулся на машину в тайной надежде не заметить в салоне седые усы и внимательные старческие глаза, подёрнутые плёнкой неведомого потустороннего мира. Деда он действительно не увидел. Но причиной тому было тонированное стекло «шестёрки».

Близнецов Полозовых на заправке знали все работники без исключения, но различали сугубо по маркам транспортных средств: если подкатил синий БМВ — один, если белый «жигуль» — другой.

— Когда ж вы себе машину поменяете?

Это дежурное приветствие Всеволода Полозова раздражало, но он, как обычно, улыбнулся пареньку в жёлтом «форменном» комбинезоне и ответил:

— Ходит пока, и ладно.

Специальные вопросы не потребовались. Пока счётчик бесстрастно отмерял литры, хозяин «Жигулей» узнал всё, что произошло на трассе за истекшие сутки. А заодно и про погибшего наркомана. Посочувствовав невольному свидетелю, впервые столкнувшемуся с «занудными ментами», он продолжил свой путь.

— Ты, это, сынок, полегше, — Дед ёрзал над сиденьем. — Не топипись.

Тур взглянул на призрака через зеркало над лобовым стеклом.

— Что тебя беспокоит?

— След энтот. Вьётся, гад, где-то рядышком.

— Шепелявый?

— Не пойму я. Как будто он, а может и не он. Кикимора, это, мне про одного шустрого мужика в каске рассказывала. Кажись, и на него похоже.

В груди противно ёкнуло. Тур рефлекторно сбросил скорость до семидесяти. Колючий холод впился в пальцы.

Весёлое солнце жарило асфальт. Сочные заросли травы оккупировали обочины. Гордо покачивались подросшие озимые на поле. И ни единого признака беды, ни намёка на злобных привидений, духов и прочую нечисть.

Тур мысленно выругался. А что, собственно, он ожидал узреть? Смерть с косою или демона с рогами?

— Брось, Дед, — запоздало отозвался он. — Всему есть предел. А каждого пня бояться — паранойю недолго заработать.

Издали через поле до дороги докатилось эхо гулкового хлопка.

— Слыхал? — привидение мгновенно оказалось на пассажирском сиденье рядом с водителем.

— Да. И что?

Мимо как ни в чём не бывало пронеслись автомобили.

— На выстрел похоже, — медленно произнёс Дед. — В лесу стреляли.

— Охотники, наверное.

— Ядрён-батон! Какие тебе охотники? — бывший болотник растёкся над креслом. — Где ты охотников в дорожных перелесках видел? Прямо езжай.

— Дед, успокойся.

— Прямо езжай, говорю! Неладно там.

Тур усмехнулся и вдруг изменился в лице. Призрачная боль вспыхнула глубоко внутри и взорвалась ужасом.

— Наш дом в другой стороне, — проговорил он.

Очевидное не успокоило ничуть.

Дед «мигнул»: растворился, и тут же собрался в привычный облик.

— Ворон штангу качает, Лис с Галкой играет во дворе.

— Чёрт... — Тур прибавил скорость. — Померещится же.

Впереди показалась развилка. Основное шоссе гладкой лентой уходило вперёд, а влево изгибалась знакомая избитая дорога. «Жигули» начали притормаживать. Дед молчал. Тур чувствовал на себе его выжидающий взгляд.

На решение оставалось несколько секунд. Слева — дом, впереди — чужая глеющая боль.

Он выжал сцепление и передёрнул рычаг передач. «Шестёрка» помчалась вперёд. Дед удовлетворённо крикнул.

— Давай, сынок. Авось, одним на том свете меньше будет.

Трасса ухнула под горку и растянулась вдоль редколесья. С другой стороны открылся вид на местный спортивный аэродром. Навстречу

«шестёрке» то и дело проскакивали автомобили. Дачник на старом «Москвиче» лихо пошёл на обгон. Пропыхтел и остался позади рейсовый автобус.

— Дед, видишь что-нибудь?

— В лесу стреляли. Эхо лесное было, — сказал болотник. — Я б заглянул туда, да ухватиться не за что. Не знаю тама ничего... Опаньки! Глянь-ка.

В зеркале заднего обзора мелькнула мальчишеская фигурка. Парнишка отчаянно махал руками и возбуждённо кричал вслед водителям, проезжавшим мимо. Никто не останавливался.

Тур включил левый поворотник. Как назло, встречная полоса оказалась забита машинами, причём каждый считал своим долгом гнать под сотню.

— Откуда их прорвало? — процедил Тур.

Мальчишка отважился выскочить на шоссе. Подвернувшаяся возле «Волга» резко вильнула и помчалась дальше. Дед разразился непередаваемой бранью.

Тур плюнул и вдавил газ. «Шестёрка» взревела, круто развернулась, промчалась по встречной полосе и подрезала блистательную иномарку. Комментарии на тему манёвра, безусловно, прозвучали, но доктора Полозова менее всего волновало сейчас мнение других водителей о своей персоне. Пятьсот метров до мальчишки он преодолел за считанные секунды и резко затормозил.

— Дяденька! — пацан, белый как полотно, просунулся над опущенным стеклом. — Дяденька, помогите! Там у нас... мы...

Всеволод Полозов вышел из салона, встал перед перепуганным ребёнком, и горячие руки в тонких кожаных перчатках сами собой опустились на тощие плечи.

— Что случилось?

То ли от этого прикосновения, то ли под воздействием мягкого голоса мальчик успокоился настолько, что смог кое-как обрисовать происшествие.

— Мы думали, он игрушечный. В кустах валялся, чёрный такой. Димка курок нажал, а он выстрелил. В Генку!

— Показывай, где.

Паренёк, на вид ему было лет одиннадцать, с готовностью закивал. Доктор Полозов достал из машины свой «дипломат».

— Дед, идём. Мне понадобится твоя помощь.

Возражения он выслушивать не стал и быстро развернул блазенья

за мальчишкой.

Всеволод Полозов никогда не загадывал заранее, что и в каком объёме ему предстоит предпринимать для спасения пациента. Про невозмутимость хирурга в больнице слагали легенды. Он хладнокровно входил в операционные, молча принимал отчёт врача приёмного покоя, осматривал больного и лишь потом составлял план предстоящих действий, причём бригада узнавала о его намерениях лишь в ходе операции. Со стороны многие расценивали эту манеру как полное безразличие к коллегам и к родственникам больного. И никому не ведомо было то, истинное, что творилось в душе человека, волею коварной судьбы знавшего в лицо саму смерть. Впрочем, Всеволод Полозов не подпускал воспоминания слишком близко.

То же происходило и здесь, на полянке, покрытой белым пухом одуванчиков, где порхали безмятежные бабочки и вздрагивало окровавленное детское тело.

— Дед, посмотри, как там второй мальчишка, — вполголоса велел Тур и наклонился над хрипящим ребёнком.

Коронное спокойствие хирурга едва не спасовало перед развернувшейся картиной. Мальчик лет девяти с проникающим ранением груди распластался в траве. Бурлящие вздохи выплёскивали на подбородок кровавую слюну, посиневшие губы отчаянно хватали воздух, а в открытых невидящих глазах отражалась небесная высь. Если бы старший приятель не догадался прижать рану скомканной рубашкой, мальчик умер бы от потери крови до того, как подоспела помощь.

Всеволод Полозов медленно стянул перчатки и опустил ладони на худенькую грудь. Этот приём он использовал крайне редко, не считая тех случаев, когда ему доводилось выхаживать братьев. На Ворона подобная терапия действовала беспроигрышно, на Лиса — как правило, беспроигрышно, но другие пациенты либо не получали никакой пользы, либо эта польза сводилась к частичному улучшению кровообращения и чуть более ускоренной регенерации тканей в послеоперационный период. И вдруг в его руках вспыхнул жар. Точно такой же, как если бы он прикоснулся к близнецу. Призрак живительного огня проникал в тело из земли, из неба и травы, из сотен крошечных жизней, гудящих и звенящих вокруг. Проникал и, обернувшись через открытое сердце, превращался в целительное пламя.

Тур встрепенулся и, усилием отбросив наваждение, взглянул на раненного мальчика так, как свойственно было хирургу Полозову. Чудесный пассаж своё дело сделал: кровотечение остановилось, и губы

ребёнка заметно порозовели. Однако до выздоровления было ещё очень далеко. «Дипломат» — современная версия медицинского саквожа — содержал все необходимые инструменты для оказания первой помощи. Однако Всеволоду Полозову сложившаяся ситуация внушала серьёзные опасения. Он прикинул, сколько времени потребуется «скорой», чтобы доставить пострадавшего в больницу, проанализировал вариант доставки мальчика к хирургам на своей машине, и, наконец, остановился на третьем. Не выгодном для себя, зато наиболее безопасном для раненого.

— Дяденька, вы врач? — подал голос паренёк, позвавший на помощь.

Всё время, пока Тур занимался с пострадавшим, он стоял немым столбиком поодаль, не решаясь произнести ни звука.

— Да. Не бойся, будет жить твой друг.

Сказав это, хирург понял, что поставил точку в своём решении.

Сотовый Ворона долго не отвечал.

— Где его носит? — проговорил Тур и собрался снять вызов.

Но Дед появился возле и шепнул: бежит, бежит уже.

— Во... — Тур осёкся, вспомнив про присутствие посторонних. — Срочно готовь операционную... Нет, дома объясню. Пациент — мальчик девяти-десяти лет, проникающее ранение груди, большая кровопотеря. Рассчитай наркоз и подготовь установку для анализа крови. И ещё, брат, — Тур подмял губой ус: то был единственный признак его волнения. — Найди мне всё по детской грудной хирургии. Лучше наглядные пособия. Буду через 10 минут.

Ворон медленно опустил руку, стиснувшую мобильный телефон.

— Не было печали, черти накачали!

В кабинет ворвался Лис.

— Тур звонил? Где он?

— Он подстреленного сюда везёт. Но это ещё не всё, — Ворон упёрся кулаками в бока и оглядел компьютеры так, будто искал виновника среди двух выключенных мониторов. — Раненый — ребёнок!

— И... что теперь?

— Будем считать, анатомия детишек не слишком отличается от взрослых, — бросил Ворон и шагнул к стойке с компакт-дисками. — Вот что. Лис, помогай. Это электронные библиотеки, — Ворон показал на шкаф. — А это — компьютер. Выбери всё по указанной проблеме.

— Я? На твоём компе?

— У меня в операционной дел по горло. Действуй.

Лису польстило и то, что Ворон доверил ему своё рабочее место — святая святых, и то, что Тур, выскочив из машины, первым делом заинтересовался о его самочувствии. Однако остаток дня юноша провёл в обществе Деда, Кикиморы и чёрной овчарки: в операционную его не пустили. Впрочем, он не слишком огорчился. Вид крови и открытых ран вызывал у него массу неприятных ощущений.

Галатее опять понадобилось на улицу. Привыкшая к дикой вольной жизни, собака медленно осваивала правила домашнего общежития. Лис выпустил её во двор, а сам присел на крыльце. Погода стояла великолепная. Рыжее солнце сияло над макушками сосен, а истосковавшаяся по теплу и свету земля упрямо тянула к себе поредевшие предвечерние лучи. Но бледный ломоть стареющей луны уже занял своё место в лазурном небосводе, терпеливо дожидаясь неминуемых сумерек.

Ароматы хвои, влажной коры и цветущей сирени наполняли парк. Лис с удовольствием втянул носом любимые запахи, встал и собрался позвать собаку, но тут в нос пробился слабый запах жасмина. Юноша замер. Июльский дух в конце мая развеял умиротворённое настроение в один миг.

Он быстро посмотрел по сторонам. Принюхался. Жасмин благоухал где-то за воротами. Под коленями надсадно заныло.

— Дед. Ки, — позвал он.

Призрачные домочадцы не объявились, зато страх уверенно заявил о себе, прокатившись по спине колючим ознобом. Вслед за ним пришёл стыд. Пуганая ворона и куста боится — эта роль Лиса не устраивала. Он передёрнул плечами, разгоня мурашки, и двинулся к забору. Утром он сотворил в парке обряд защиты дома от заложных, но теперь манипуляции с еловыми ветками и осиновыми палками показались несусветной глупостью. Тем более Дед, шныряя туда-сюда, сам того не желая, поставил Лису «незачёт» по практической части спецкурса «языческие ритуалы».

— Кто здесь? — спросил юноша в пустоту.

Жасмин хлынул в ноздри с утроенной силой, и за решёткой ворот Лис разглядел нечто, похожее на блёклое облачко пылицы.

— Кто ты? — Лис сделал ещё одну попытку установить контакт, поскольку почувствовал, что ароматный пришелец не замышляет ничего худого.

В сознании возникли неразборчивые образы, похожие на слова. Парень подался вперёд...

Гавкнула овчарка. Лис вздрогнул. Собака сиганула через дорожку

и помчалась дальше, увлечённая погоней за майским жуком. Запах жасмина потерялся в воздухе.

— Подожди, не уходи! — крикнул юноша и осёкся: на узорной решётке притулилась белая бабочка.

Заскрипел гравий.

— Лис, они приедут минут через двадцать, не раньше, — Тур щёлкнул зажигалкой. — Я сам встречу.

— Кого?

Тур вынул изо рта сигарету.

— Я вызвал «скорую». Разве ты не слышал?

— А что с мальчиком?

— Всё будет хорошо, — сигарета вернулась в исходное положение. — Состояние стабильное. Жизнь вне опасности.

«Спасибо...»

— Я не знаю, кто это, — ответил Лис на изумлённый взгляд Тура.

«Спасибо, люди добрые... За внучка спасибо. Мир дому вашему и согласию».

Белая бабочка растворилась в неподвижном воздухе.

— У нас гости? — поинтересовался Ворон, приблизившись к братьям.

— Бабушка навестила внука, — ответил Тур и улыбнулся своим мыслям.

— Вот как?

Лис, наблюдая за ним краем глаза, решил, что Ворон либо устал и не имеет желания забивать голову новостями, либо научился понимать близнеца без слов. Второй версии он установил высший приоритет.

— Тур, ты представляешь, во что мы влезли? — продолжал Ворон. — Дай-ка огоньку... Нет, ты подумай: они привозят пацана в больницу, обнаруживают следы виртуозной операции и двигают сюда с грандиозной проверкой! Налоговую я беру на себя. А что мы будем делать с санэпиднадзором? А лицензия на химическую лабораторию?

Тур продолжал улыбаться, и Лис подумал, что значительно раньше «грандиозной проверки» состоится грандиозный скандал.

— Мы жизнь человеку спасли, — произнёс Тур.

— А то ты раньше этого не делал, — хмыкнул Ворон.

— То было иначе, — Всеволод Полозов неосознанно расправил плечи, глубоко вдохнул чистый хвойный воздух и, под внимательным взглядом близнеца, как будто смутился излишнему пафосу. — Не стоит волноваться о том, что ещё не произошло. Коли грянет — отобьёмся.

Закон парных случаев доказывал своё право на существование не однажды. Очередной раз он проявил себя в доме Полозовых. На исходе ночи, когда Тур закончил наведение порядка в медицинских комнатах и операционной, раздался телефонный звонок. А через полчаса ему привезли пациента. Иностранец, упившийся «до положения риз» в компании русских коллег, обязан был в девять утра прибыть на чрезвычайно важную встречу в работоспособном состоянии. Процедура для Тура была не нова, и всё же он попробовал для ускорения процесса пустить в действие свои руки. Не вышло ровным счётом ничего. Ладони остались холодными. И не просто холодными: даже обычное тепло живого тела не пожелало участвовать в отрезвлении гуляки.

— Оставь, и так очухается, — высказался Ворон, поднятый с постели ради наблюдения за неожиданными гостями.

Доктор Полозов справился с задачей медицинскими средствами. Приведённого в чувство «клиента» посадили в машину и увезли представлять боссам в назначенное время. Проводив беспокойных посетителей за ворота, близнецы переглянулись. У обоих возникла одна и та же мысль: нынешним же вечером вся работа пойдёт насмарку, ибо удачные сделки, обычно, отмечают по полной программе, а учитывая день недели — воскресенье — и подавно.

— Мы его больше не увидим, — вслух ответил на обоюдное предположение Тур. — Самолёт — лучшее средство для изгнания алкогольного опьянения.

Ворон скривился:

— Я помогу тебе убраться в «палате».

День девятый

Лис давно привык к образу жизни старших братьев, но с некоторых пор что-то в семье неуловимо изменилось. Он попробовал найти определение новым ощущениям, однако кроме стандартного: обстановка потеплела — ничего не подвернулось. Причин тому он насчитал не менее десятка, но не рискнул поставить в общий ряд одну, ради которой готов был вылезти вон из собственной шкуры. Непризнанная пачка, как падчерица, ютилась на пороге и не смела заглянуть в дом.

Лис не ожидал от наступившего воскресенья особых мероприятий, но дела находили его то там, то здесь. Ворон предложил проверить исправленный мотоцикл. Вскоре Кикимора, наловчившаяся в сортировке вещей в кладовой, потребовала Лису в напарники. Затем Дед изъявил

желание прогуляться с Галкой по лесу, и Лис с удовольствием составил ему компанию. А перед обедом Тур огорошил младшего брата вопросом:

— Тебе попадались какие-либо упоминания о способностях злого управителя чужим телом?

Юноша сумел удержать изумление при себе.

— Нет. Но я поищу!

— Действуй. Есть идея устроить сегодня военный совет... И кстати, — Тур в несвойственной ему манере помедлил с продолжением, — в похоронном обряде славян как-то фигурировала шкура животного?

Лис сжался, не поверив своим ушам. Из-за наглухо запертой двери в прошлое пробился тоненький лучик надежды.

— Да, — ответил он, всеми силами стиснув волнение. — В дохристианский период наряду с традиционным сожжением существовал обряд захоронения убитого воина в шкуре жертвенного быка. Бык считался символом плодородия. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что это является доказательством веры наших предков в перерождение после смерти.

— Реинкарнация у славян?

— Явных подтверждений вроде бы нет, но фольклорные источники содержат косвенные упоминания. Например, в северных районах России записана такая легенда: покойный является во сне своему брату в ночь, когда у того родился сын, и говорит — я вернулся.

— Интересно, — Тур пригладил бороду. — Ну а «переход», о котором ты периодически нам твердишь, это зафиксированный термин или твои личные понятия?

Лиса так и подмывало воскликнуть: давай без обиняков — не о фактах и терминах, а о том, что должно быть поднято из забвения!

Но язык будто окаменел.

— Переходом называют состояние между жизнью и смертью, а также между рождением и началом жизни. Это поверье пришло из язычества и получило развитие в христианской религии. Христианство дополнительно обозначило точный срок перехода — сорок дней.

Ответ получился лекционно-сухим. Лис отвернулся. Поезд ушёл, и попрекать себя за нерешительность было поздно.

— А мы стоим на этом переходе, как на заставе, — Тур задумчиво повторил слова младшего брата, за три года прижившиеся на слуху. — Не понимаю, почему ты хватаешь «двойки»? Эрудиция у тебя достаточная, память прекрасная, в специальных вопросах разбираешься от-

менно. Из тебя получится хороший историк.

Лис тяжело вздохнул. Менее всего он ожидал такого поворота разговора.

— Пойду про заложных уточню, — проговорил он и удалился, повесив нос. Был бы на месте рыжий хвост с белой кисточкой, подмёл бы все ступеньки на широкой лестнице.

То, что Тур назвал «военным советом», началось в гостиной отчётом Ворона о событиях, произошедших за последнюю неделю. Цельная картина приключений с таинственным номером в изложении Владимира Полозова напоминала детективную историю среднего качества. Кое-что для братьев оказалось новостью, и рассказчика выслушали с интересом.

— Получается, мы чуть было не сыграли против Белякова? — уточнил Тур.

— Поделом ему! — злорадно усмехнулся Ворон. — Прошляпил двух рукодельников у себя под носом, послал психа с пистолетом вытрясти из парня сведения о «лишнем» товаре. Обратился бы сразу ко мне, обошёлся бы без мокрухи. Хотя в конце концов все остались при своём. Пашу и его приятеля убрали за самодеятельность, псих-киллер ненароком убрал их программёра, мы случайно выключили из игры этого самого киллера. Я вычистил таможенный сервер от их долбанной краски, да так, что таможня перегрызлась с комбанком в столице. Товар успешно прибыл по назначению без документов. Вот и всё.

Цепочка выглядела стройно, звенья ловко цеплялись друг за друга и подводили тему к логическому завершению. Но тут рот открыл Лис.

— Братцы, может, это и не моё дело, — начал он осторожно и, заметив внимание близнецов, приободрился, — но, по-моему, здесь было сказано слишком много о случайностях.

— И что? — Ворон потянулся за очередной сигаретой.

— А то, что так не бывает, — прямо заявил юноша. — Наёмнику поручили всего лишь узнать номер партии товара, чтобы перехватить его на таможне до проверки. Почему исполнитель вдруг спятил и пристрелил программиста, который, по твоим же словам, вообще был «не пришей кобыле хвост» в операциях Паши?

— Чёрт его знает! — Ворон прикурил. — Нервы у мужика были шаткие, это я лично проверил. Наверное, парень от него сбежать попытался, а он сгоряча выпустил ему в живот полную обойму. Опомнился, сообразил, что за труп ничего, кроме нагоняя, не получит, вспомнил

про наш адрес и припустил сюда.

— Ну ладно, — Лис временно уступил «фланг» и начал атаку на «передовой». — В таком случае объясни, кто и зачем мешал тебе взлезть к таможенникам на сервер?

— Обнаружили один взлом и устроили ловушку, — Ворона задела по больному.

— Призраки? — невинно уточнил Лис и тем самым нанёс удар с тыла.

— Да при чём тут призраки! — Ворон занял круговую оборону. — На каждого хакера рано или поздно найдётся грамотный системный администратор.

— Наш компьютер распотрошил заложный! — Лис без оглядки пустил в бой заготовленные резервы.

— Который мстил за свою безвременную кончину, — напомнил Тур. — Это твои собственные слова, Лис. Заметь, кончина состоялась после его неудачного контакта с программистом. Следовательно, афера против Белякова никак не связана с мистическими явлениями.

В нападении Лиса проявилась обширная брешь. Юноша растерялся, но тут неожиданно подоспело подкрепление в лице Кикиморы.

«Эй, минуточку. Вы кого имеете в виду под «заложным»? Бандюгу с пушкой, что ли? Да он сюда носа больше не казал! Я его в первую же ночь с треском выставила. Пусть мстит, где хочет и кому хочет, но не в нашем доме! Здесь другой шлялся. Лис, ты его чуял. У тебя в носу озоном пахло, помнишь? Он сначала того, поджаренного током, привёл, а потом ещё двух каких-то. Вас как раз дома не было. Я эту команду насили выставила. Даже мебель пострадала тогда... Чего вы все на меня уставились? Тур, Ворон, вы ведь его видели на аллее. Большой такой, в рабочей каске».

— А что ж ты раньше молчала? — Лис вскочил на ноги.

«Я ж думала, ты про него и толкуешь. Про озонового...»

— Великолепно, — Ворон откинулся на спинку дивана. — Сейчас мы договоримся до мафиозной организации заложных, которая поставила себе цель сжечь нас с этого света. Надеюсь, шантажист Паша выступает единолично?

Лис тревожно посмотрел на братьев. В упрямстве с Вороном мог тягаться только Тур. И от мнения Тура сейчас зависело, будет его близнец иронизировать дальше или прислушается к рассудку.

— В сказках говорится, что заложные подчиняются чертям, — вдруг сказал Тур. — Верно, Лис?

Тот согласно кивнул. Тур продолжал.

— Под «чёртом» понимают потустороннюю силу более высокого ранга, нежели простые навьи.

Лис опять вынужден был согласиться.

— В таком случае, кто выступает в этой роли здесь и сейчас? И по какой причине мы попали под столь пристальное внимание оных?

Юноша почувствовал себя студентом, тонушим на экзамене, а Ворон уставился на близнеца.

— Ты серьёзно?

— Я рассматриваю ситуацию с позиции Лиса, — пояснил Тур. — Итак, вопрос поставлен.

Тонуть так тонуть. Лис набрал в грудь побольше воздуха и выдал.

— А причина в том, что мы — дети Огненного Полоза, охраняющего царство мёртвых. И мы представляем реальную угрозу тому, кто использует заложных для воздействия на мир живых.

Ворон оставил в покое свои усы и подытожил.

— Приехали.

Тур вздохнул и покачал головой.

— Я пас. Вопросов больше нет.

— Братцы, вы достаточно видели и слышали! — в отчаянии воскликнул Лис. — Найдите же силы заглянуть в себя! Память — это единственное наше оружие. Поймите, я говорю это опять, потому что не хочу, чтобы кто-то из вас стал жертвой заложных! Отец дал нам в наследство уникальные способности, а вы отказываетесь от родства из страха перед собственным прошлым. Та, кто назвалась Пятницей, покровительницей усопших, сплела вам жестокую нить судьбы. Под её неусыпным оком вы играли в бесконечную войну друг с другом, тешили её тщеславие, и мощь её росла, питаясь вашей ненавистью. Да, это было. Но ведь вы победили! Каждый из вас победил её волю внутри себя, и отец открыл вам Переход, чтобы здесь, на этом свете, вы создали заставу сродни той, что охраняет Огненный Змей там! — он указал пальцем в пол.

— Лис, я просил тебя выяснить возможности заложных относительно зомби, — сказал Тур так, будто пропустил пламенную речь брата мимо ушей. — А ты чего начитался?

Юноша уронил руки, активно участвовавшие в процессе повествования, и плюхнулся на стул.

— Непробиваемо, — одними губами прошептал он.

В кресле возле телефонной тумбочки послышалось старческое

кряхтение. Дед явился из тени лестницы в центр гостиной.

— Шумишь ты слишком, — проворчал он и подошёл к близнецам. — Уж извиняйте, но я тут слышал всё.

— От тебя и Ки нам скрывать нечего, — сказал Ворон. — А эту песню, — он кивнул на младшего брата, — мы слышим время от времени в разных вариациях.

— Песня она может и песня, — Дед почесал макушку, — а вот сила у вас особая есть. Вчерась Тур меня так в оборот взял, что я пикнуть не мог.

Всеволод Полозов удивлённо вскинул голову.

— Ты о чём?

— А то не заметил? — усмехнулся Дед и обернулся к Ворону. — Как мальчишка про раненого рассказал, Тур мне — пошли, мол, помогать будешь. Ну, я, это, отбрехаться хотел. Туманно там было впереди. И боязно. А он меня — хватать по спине. После я уж ни перечесть, ни упираться не мог. Пришлось ошалевшим стрелком-малолеткой заниматься.

— Извини, Дед, — произнёс Тур. — Я не подумал, что близость чужой смерти вызовет у тебя страх и неприятные эмоции.

— А что я! Я не в обиде. Мёртвым смерть не помеха. Да и не резон мне, это, пужаться беды. Я вот за прошлым пошёл, а будущее нашёл. Галке и без меня нынче сытно и тепло. Авось вам теперь пригожусь. Дом хороший отстроили, а от людской жизни прячетесь. И батьки рядом нет, чтобы подсказать, что-де хорошо, а что плохо. Рановато, видать, из-под родительского крыла выскочили.

Дед хитро глянул на притихшего Лиса, переместился в излюбленное кресло и чинно растворился в складках покрывала.

— За прошлым пошёл, а будущее нашёл, — еле слышно повторил юноша, однако близнецы смотрели друг на друга, будто беседовали внутри своей пары, и символическую фразу не восприняли.

На стеллаже зашуршали газеты.

«Лис, а Лис, — позвала Кикимора. — Пусть они тут советуются дальше. А у меня к тебе куча вопросов!»

Лис вяло поднялся с дивана. Вмешательство Деда решающей роли не сыграло, и он пришёл к выводу, что пока целесообразно ретироваться.

— Мне к занятиям пора готовиться, — заявил он. — Почти неделю в универе не был.

— Десять минут тебе погоды не сделают. Сядь, — вдруг распорядился Тур. — Ворон, что будем решать по поводу твоего последнего заказа?

Владимир Полозов нахмурился.

— Нас пытались припугнуть, — медленно сказал он. — И не кто-нибудь, а ребята с того света. Признаюсь, мне не по себе. Но отступить я не хочу.

Юноша затаил дыхание. Получалось, что Ворон просил поддержки. Такое он слышал впервые. И впервые его голос призван был участвовать в общем решении.

— Лис?

— Они пугали, потому что сами нас боятся! — опомнившись, с жаром воскликнул Лис.

— Думаю, мы сумеем за себя постоять, случись угрозе вылиться в действия, — кивнул Тур.

— Мишенью наметили тебя, брат, — произнёс Ворон, и его карие глубокие глаза стали чёрными, как грозовая ночь.

— Двум смертям не бывать.

— Тур!

Лис непроизвольно отодвинулся от братьев.

— Прости, — Тур тряхнул каштановыми кудрями и виновато улыбнулся. — Прости, близняшка. Я ценю свою жизнь, тем более она — часть твоей.

* * *

Одна и та же страница электронного документа висела на экране без малого полчаса.

«Лис, а Лис, ты читаешь или нет? Я уже наизусть всю таблицу партсъездов выучила!»

— Я их не понимаю! — парень хлопнул ладонью по столу.

«Партсъезды? А чего тут понимать! зубри, и всё!»

— Тура и Ворона не понимаю, — Лис скроил кислую мину. — Раньше они меня просто не слушали. Теперь вообще чушь какая-то выходит. Что ни говорят, всё звучит двусмысленно! А как только я рот открываю, замыкаются друг на друге, будто сиамские улитки в одном панцире, и ничего к себе не подпускают.

«Лис, послушай, — Кикимора вдруг стала серьёзной. — Если бы детдомовской пэтэушнице месяц назад сказали, что она грянется насмерть с мотоцикла, а её дух обретёт долгожданный дом у трёх сыночек Огненного Змея, знаешь, куда бы она остряка послала? Это нормально. Пока живёшь как человек, всё остальное кажется ерундой. А ты двум взрослым здоровым мужикам вешаешь на уши потусторонние байки об их загробной жизни. Представляешь, каково им придётся, если они признают, что были мёртвыми! Как они с живыми людьми

общаться будут? С Мариной своей, с пациентами, с клиентами?»

— И что мне делать?

«Запастись терпением. Дед говорит, ты же вещей. А вещей никогда не признавали сразу».

— Отец предупреждал меня, — Лис тяжело вздохнул.

«Погоди, ты же ещё не проиграл. И у тебя есть союзники — я и Дед. Так что давай рассказывай».

— О чём?

«Как о чём? О себе! Про близнечиков я уже достаточно наслушалась. А вот ты — серая лошадка. Для начала меня интересует: ты действительно их родной брат?»

— Да, — Лис не выразил особого желания возвращаться к злощастной теме.

«Хм. Ты им больше в сыновья годишься».

— Так получилось.

«Где получилось? — Кикимора не унималась. — Здесь или там?»

Лис пожал плечами.

— На том свете нет ни времени, ни возраста. Я появился за кольцами Огненного Полоза вскоре после братьев. Я помню женщину, которая объявила себя Пятницей, покровительницей убогих и обделённых. Мне сказали: иди и назови её матерью. Но она оттолкнула меня. Тогда отец забрал меня к себе и дал новое имя.

«Гамаюн?» — осторожно уточнила внимательная слушательница.

Лис вздохнул.

— Да. Имя вещей птицы. Я существовал в самом сердце отца, хранителя человеческой памяти. И наблюдал. Огненный Змей стремился забрать у Пятницы силы, которые она собрала, питаясь гневом и враждой близнецов. Собственно, они служили ей с одной целью: насыщать её царство ненавистью. Мощь Пятницы выросла настолько, что она сумела дотянуться до верхнего мира, и Огненный Змей не мог ей помешать. Она прочно отгородила себя от естественной памяти земной. Я видел, как в её руки стекаются тысячи пропавших душ. И чем дальше — тем больше. Этим духам не суждено было воссоединиться с пращурами. То, откуда приходит в жизнь человеческий дух, слабело. На моих глазах истончалась нить поколений людских. Дети удалялись от родителей, родители не принимали опыта дедов. И я уже не знаю, одна ли женщина скрывалась под ликом и именем Пятницы. Может быть, их было много? Может быть, за сотни лет всё, что ненавидело жизнь, собралось под тем страшным гладким платком из чёрного шёлка...

«Да полно тебе, Лис! В каждом поколении говорят, что раньше было лучше, но ничего до сих пор не рухнуло. Тем более по воле какой-то Пятницы».

— Ни одно поколение до сих пор не зачёркивало другое! А ты посмотри, что делается здесь! Экономика уничтожает стариков, политика рубит под корень материнство, экология уродует детей, а новая мораль сводит любовь к похоти и животному сексу. Войны, наркота, безнаказанность насильников, отчаяние, бедность, изобилие, которое опустошает души — а в результате миллионы заложных. Кому это надо? Зачем? — он замолчал, уткнувшись взглядом в полированную поверхность письменного стола.

«Ладненько. Не переживай. Ты про себя давай колись. Как ты от отца ушёл?»

— Когда Тур и Ворон порвали нить своей судьбы и выбрали одну вместо двух разных дорог, Огненный Полоз показал им Переход. Я остался один. Впрочем, они и прежде меня не замечали. Я заявил отцу, что намерен объявить войну Пятнице и её заложным. Отец не позволил мне встать на путь гнева. Сказал: «Коли за людей радеешь, ищи братьев. У каждого из вас часть моего огня. Зажжёте своё пламя в мире людском, установите заставу на Переходе, будет живым жизнь, а мёртвым — путь в Память Земную». Я пообещал: построим Заставу. Тогда отец предостерёт: «Лихо придётся. Семь лет бегать тебе рыжим зверем по лесным тропам, прежде чем себя живого вспомнишь. А живой увидишь, что непомнящие не слышат гласа вещего». Я согласился на всё.

«Значит, отец превратил тебя в лисицу? — Кикимора уселась на монитор, приняв облик крошечной безликой девочки. — И ты семь лет был лисом?»

— Ки, я уже не знаю, что было, а чего не было. А братья, по-моему, никогда не признаются, даже если что-то и помнят. На этом свете свои правила. Чуть в сторону отойдёшь — диагноз «шизофрения», и вперёд в психушку. В середине прошлого века даже за иные полтивзгляды туда направляли. Вон я на зачёте попытался преподу свою теорию язычества представить, и что? «Придётся на следующей неделе, Полозов». В прошлом году вообще допорились до осенней пересдачи.

«И как?» — наострилась Кикимора.

— Никак. Тур приехал в универ, поговорил с кем-то при участии «зелёных», и всё в порядке. А разве это порядок?

«Да-а, Лис, тяжёлая у тебя доля, — привидение растеклось по комнате. — Сочувствую».

— Спасибо и на этом.
«Не вешай нос. Теперь я с тобой! Хочешь, на зачёт вместе пойдём? Такое кино устроим!.. Ой, куда это Деда потянуло?!».

* * *

В двухкомнатной «брежневке» стояла невыносимая духота. Утомлённое тело требовало отдыха, но сон качался над постелью и лишь одурманивал сознание минутными провалами и жаркой дымкой дрёмы. Владимир Полозов сделал последнюю попытку заснуть: отодвинулся от Марины и брата, шептавшихся слева, и уткнулся в подушку. Скоро стало нечем дышать.

— Вот уж не думал, что пыл страсти способен так нагреть помещение, — с этими словами он перевернулся на спину.

Марина звонко рассмеялась и нежно провела ладонью по его плечу.

— Влад, ты же мокрый, как после бани! Я сейчас балкон открою.

Она выскользнула из-под простыни и исчезла в темноте. Повевало ночным холодком.

Всеволод Полозов шумно вдохнул и раскинулся на кровати, задев близнеца рукой.

Марина встала над мужчинами — хрупкое тонкое тело, изумительное творение искусницы-природы, и яркие счастливые глаза.

— По-моему, кому-то из нас необходима чашка крепкого кофе.

— Мы опять помешаем тебе выспаться, — Владимир Полозов виновато поднял брови.

— У меня выходной, — успокоила Марина и грациозно накинула простенький халатик.

В кухне зашипела газовая горелка.

— Богиня, — пробормотал Тур.

— О, да... С ней я чувствую себя как... — Ворон обнаружил, что не находит соответствующего слова.

— Это ты мне объяснить пытаешься? — спросил его близнец.

Братья весело переглянулись.

Тур поднялся. В потёмках звякнула пряжка ремня.

— Брюки не перепутай. Мои слева, — предупредил Ворон, слезая с кровати, и сам себе ответил. — Впрочем, какая разница.

Тур согласно хмыкнул, поскольку собирался сказать то же самое.

Владимир Полозов вслед за братом вышел на кухню.

— Почему у тебя так жарко? — поинтересовался он и дотронулся губами до румяной щеки женщины.

— Отопление включили, — Марина поёжилась от щекотки, когда

жёсткая борода коснулась её шеи.

Всеволод Полозов молча открыл форточку.

— Завтра лето, какое может быть отопление!

Хозяйка квартиры пожала плечами.

— Мне подруга на днях объяснила: когда у них на ТЭЦ остаётся запас топлива, сэкономленный зимой, в общих интересах его сжечь. Иначе на следующий год дадут в меньшем объёме. А если год будет суровым, то мы просто останемся без тепла.

— Полный идиотизм!

Марина стояла спиной к близнецам и не поняла, кто из двоих высказался.

— Так мы и живём, милые мои господа, — ответила она и поспешно сняла с огня джезvu. — Весело и смешно.

— Ничего себе шулки, — нахмурился Всеволод Полозов. — Давно пора принимать решительные меры.

— «Мера» у нас одна, Володя: не потерять себя во всеобщем бедламе, не поддаться нагнетаемой злости, сказать «нет» создаваемой безысходности, жить и смело смотреть в будущее, полагаясь на силу своей души и немножко на Бога.

— Непротивление злу насилием, — усмехнулся Владимир Полозов.

— Ой, не люблю я Льва Николаевича! — Марина демонстративно поморщилась. — Действенное противление злу, на мой взгляд, это человеческое внимание ко всему, что тебя окружает. Можно сетовать на судьбу, — она аккуратно налила кофе в три маленькие чашечки, — можно кричать о безобразиях. Но это ничего не решит. Зато когда каждый сумеет побороть опустошённость внутри себя, сумеет воспитать в своих детях, — она чуть заметно запнулась, — уважение к жизни, к семье, к соседям, к людям вообще — вот тогда никакие политические игроки не сумеют воспользоваться нами.

Заметив непонимание, женщина развела руками.

— Это моё личное убеждение или заблуждение, как хотите... Итак, господа, кофе подан. А где ваши сигареты?

Ворон спохватился.

— В каком-то из пиджаков.

Он отправился в спальню, где осталась одежда.

Сквозняк раскинул тюль на балконе. Белые занавески, белые точки звёзд в небе, белые глаза...

Ворон молниеносно обернулся. Огненный взор вонзился в блёклую тень.

— Стоять, гад... — прошипел он сквозь зубы.
От беззвучного вопля заложило уши, но ничего другого призрачному соглядатаю не удалось. Бесформенный, он качался вместе с тюлем, пригвождённый к бетонному полу балкона.
Шаги в прихожей.
Ворон растерялся. Войди сейчас в комнату Марина, недоумённых вопросов не избежать.
Скрипнула дверь.
— Брат?
Ворон не рискнул пошевелиться.
Тур проследил за его взглядом и медленно подступил к привидению.
— Осторожно, — предупредил Ворон, когда близнец протянул руку к незваному гостю.
На фоне звёздного неба появилось рыжее свечение. В пространстве разразился новый вопль. Тур отдернул ладонь. Призрак бурлил и продолжал беззвучно голосить.
— Закрой глаза... Порядок.
Ворон шатнулся и ухватился за стул.
— Мы его поймали, — произнёс Тур не совсем уверенно.
Его руки больше не источали призрачный свет, а глаза Ворона потухли, вернув свою человеческую суть. И тем не менее, привидение дрожало на балконе, делая слабые попытки выбраться из невидимой ловушки.
Марина дожидалась на кухне.
— Вас только за смертью посылать, — встретила она мужчин.
Тура обдало холодным потом. Ворон покосился на него, чувствуя, что близнец дрогнул отнюдь не от упоминания о смерти. Мысль кинулась на поиски ответа. Блазень на балконе. Телефонная угроза. Марина... Он изменился в лице и поспешно отвернулся.
— Мойте руки перед едой, — Владимир Полозов смахнул с побелевшего лица крупные капли пота. — Пойду умоюсь.
И быстро глянул на близнеца: прикрой. Тот задал Марине какой-то незначительный вопрос.
В ванной комнате Ворон открыл кран до предела, невзначай посмотрел на себя в зеркало и решил прежде всего использовать умывальник по прямому назначению. Холодные струйки потекли по лицу и застряли в бороде. В результате следующего действия рассудок встал на дыбы, и голова мгновенно налилась свинцом. Сознание уступило место тому, что неожиданно проснулось внутри.

— Дед... Дед... Дед...

Ворон твердил имя болотника до тех пор, пока перед глазами не заметались алые круги.

— Оп-паньки... Э, Ворон!

— Молодец.

Он привалился к дверному косяку.

— Ты это, сынок, поаккуратнее! Ты чего это?

Болотная сырость пахнула в лицо.

— Дед, скажи Лису, чтобы позвонил на сотовый Тура. Поторопись, друг, пока твою дорожку не замело...

В раковине журчала и журчала вода. Ворон отлепился от косяка и тяжело наклонился к живительной струе. Усы, борода и лихая чёлка, свалившаяся на лоб, обильно пропитались влагой.

В кухне запищал сотовый. Ворон облегчённо вздохнул, нашёл рукой полотенце и ткнулся в мягкую материю лицом. Стало значительно легче.

— Влад, Борис звонит, — сообщил Всеволод Полозов слишком наиграно, как показалось близнецу.

Марина обеспокоенно следила за мужчинами.

— Что еще? — Владимир Полозов изобразил неудовольствие чуть естественнее.

— Система охраны выдала сигнал тревоги. Либо к нам кто-то лезет, либо твоё изобретение опять сбоит.

— Та-ак. Воскресные взбрыки электроники, — программист развел руками и оглянулся на Марину.

— Прошлый раз дело было в субботу, — напомнила она.

— Ну что, будем надеяться на сбой? — предложил Всеволод Полозов, держа телефон так, чтобы Лис мог слышать разговор.

— Дай-ка, — брат взял у него сотовый. — Борис, ты в состоянии проверить сервер?

— Вы что там, с ума спрыгнули? — зашептал Лис в трубку. — Я ни слова не сказал про сигнализацию!

— Сам ты «призраки»! — огрызнулся Владимир Полозов.

Лис осёкся.

— Я тебя правильно понял? — испуганно спросил он.

— Правильно. Ладно, сейчас приедем. Ничего пока не предпринимай.

Марина встала.

— Каждой главе нашей сказки когда-то приходит конец, — улыбнулась она.

— А мы будем следовать примеру «Тысячи и одной ночи», — Вла-

димир Полозов обнял женщину и нежно поцеловал в висок.

Всеволод Полозов тем временем завернул в спальню. Он плохо представлял себе, что делать с лазутчиком-привидением теперь: отклеить от бетона и взять в охапку, или вести под взглядом Ворона как под дулом пистолета. Проблема разрешилась значительно проще.

Звёзды вдали, белый тюль, одинокое светящееся окно в доме напротив. И ничего более. Блазень удрал.

Во двор близнецы спускались медленно и независимо друг от друга подыскивали предлог, чтобы вернуться в квартиру к Марине. Ничего подходящего не нашлось.

— Сейчас нельзя оставлять её одну! — воскликнул Ворон, когда оба остановились возле автомобиля.

— Минутку. Мы какой версии придерживаемся? — Тур попытался притушить разгоравшийся запал, но не успел.

Ворон спустил заложных во главе с «Пашей» со всех русских этажей. Тур подождал, когда словесный кульбит докатится до последнего, и поинтересовался.

— Ты успокоился?

— Да, — буркнул Ворон.

— Тогда давай соображать. Призраки...

Фраза повисла в воздухе. Ворон моментально обернулся на взгляд брата.

— Я что-то вижу, — пробормотал он прежде, чем в сознании уложилась зафиксированная картина.

По тёмному пустому переулку ковыляло привидение.

— Не упускай его! Я за руль, — скомандовал Тур.

Взревел мотор. Огненный взгляд Ворона опоздал на миг. Невесомая субстанция, напоминающая тень пьяного прохожего, отчаянно кинулась за угол. Тур вывернул руль, и автомобиль в считанные секунды оказался на улице. Призрак трепыхался впереди и сохранял прежнюю дистанцию, хотя, как виделось братьям, двигался значительно медленнее машины.

Мелькнули огни проспекта. БМВ вырвался из полутьмы переулков, а заложный продолжал катиться по трамвайным путям по направлению к центру города.

— Топи газ! Я его теряю! — крикнул Ворон.

Остались позади рассечённая рельсами площадь и неухоженная высокая набережная.

Навстречу промчался одинокий автомобиль. Призрак заметался и вдруг свернул на бульвар. Тур направил машину следом, ничуть не заботясь о «кирпиче» над поворотом.

— Вруби дальний свет! — вдруг осенило Ворона. Яркая бело-голубая полоса захватила привидение в невидимые силки. — Он движется строго по коридору: рельсы, аллея, фонари. Видишь, он уже наш!

Тур сбросил скорость.

— Ты как? — он краем глаза следил за братом.

— Пока в норме. В сквер его гони!

Водитель изловчился развернуть машину так, чтобы фары нарисовали призрак указанное направление. При этом БМВ оказался поперёк улицы. Завизжали тормоза, и бампер звонко «поцеловался» с высоким поребриком. Пассажиров тряхнуло.

Блазень застыл в воздухе.

— Попалась, мерзкая душонка, — процедил Ворон сквозь зубы.

Он в два шага пересёк тротуар, перемахнул через низкую ограду сквера, продолжая пристально смотреть на трепещущее марево, приблизился к нему вплотную и заглянул в фантомное лицо.

— Привет, Паша.

Далекое надсадное «а-а-а» тронуло слух. В сумраке проявились отчётливые контуры приземистого тела, и на гравий тяжело осело подлое бледное существо человеческой наружности.

«Отпусти-и-и, па-адла», — донеслось как из глубины пустого колодца.

— Грубить не советую, — Ворон недобро усмехнулся.

— Что с ним делать будем? — спросил Тур.

Ворон помедлил и рискнул отвести взгляд от блазенья.

— Заберём в тихое местечко и там поговорим.

Тур озадаченно оглядел заложного со всех сторон, наклонился и поднял за шиворот. Контуры фигуры остались блёклыми, но создалось впечатление, что призрачный пленник оторвался от земли и принялся перебирать в воздухе невесомыми ногами.

— Паша, значит? Вот и познакомились.

«Отпустите, мужики, — взмолилась туманная муть. — Я всё расскажу. Только отпустите».

— Расскажешь! Куда ж ты денешься, — грозно подтвердил Ворон.

Усевшись за руль, он вопросительно повернулся к брату и вполголоса спросил.

— Идеи есть?

Привидение, чудесным образом уместившееся в кулаке Тура, почувало неуверенность Полозовых и принялось шепеляво канючить:

«Мужики, отпустите. На фига я вам сдался? Я ж всегда номер второй. Не знаю ничего, делаю, что говорят. За что купил, за то продаю. Ну, отпустите».

— Помолчи, — оборвал Тур и обратился к близнецу. — Давай к дому.

* * *

Лис схватил телефон, чуть только раздался первый гудок.

— Полозов!.. Тур, это ты?..

Выслушав брата, он удивлённо уставился на аппарат.

«Чего у них?»

Карандаш покатился по столу.

— Не понял, — пробормотал Лис точь-в-точь как иногда Ворон. — Тур, вы наркомана заловили, что ли?.. — он посмотрел на Деда, вытянувшегося в кресле, на Кикимору над столом и замотал головой. — Тур говорит, они поймали дух покойника.

Сотовый ответил далёкой резкой репликой, принадлежавшей, безусловно, Ворону.

— Бери мою машину, — донёсся из динамика голос Тура, — и поезжай на Глазково. Будем ждать на повороте к Тверце. Остальное — на месте.

— Ты это, не рассуждай, — вмешался Дед. — Старшой сказал — езжай, значит езжай.

Лис домчался до пункта назначения за рекордно короткое время и не успел придумать ни одного нормального объяснения странному вызову. Увидав братьев, он понял, что «нормальное объяснение» не требуется. БМВ с включёнными фарами и распахнутыми настежь дверцами замер посередине просёлочной дороги возле спонтанно организованной помойки. Тур прохаживался по обочине шоссе. Ворон стоял неподалёку, прислонившись спиной к кривой сосне, а напротив него на ржавом скелете сенокосилки сидело привидение.

— Познакомься, это Паша, — Ворон показал на заложного. — При жизни был одним из двух шустряков, которые едва не «обули» Белякова.

«Мужики, говорю же: не знал я ничего, — шепелявый голос прорвался сквозь размеренное шуршание рощицы. — Напарник предложил взять товар. Я понятия не имел, что он дорожку Беляку перебежал».

Лис моментально узнал вещавшего, вернее — его шипящие инто-

нации, звучащие на автоответчике.

— Тот самый шантажист? — осведомился юноша.

«Отпустите!.. Дважды за одно не наказывают. Отпустите!» — завопил заложный и сжался до размеров футбольного мяча.

— Ответишь на вопросы — отпустим, — сказал Ворон таким тоном, будто собирался добавить «может быть». — Итак, первое: кто велел тебе доставить телефонное сообщение?

«Мне велели. Я сделал, — торопливо сообщил Паша. — Я ничего не знаю!»

— Кто? — нажал Ворон.

«Мне велели. Велели!»

Близнецы дружно посмотрели на младшего брата. Лис стоял за «спиной» призрака в роли растерянного наблюдателя и никак не ожидал вопросительного взгляда в свою сторону.

— Как ты догадался зомбировать наркомана? — включился в допрос Тур, определив, что помощи от Лиса пока ждать не приходится.

«Мне указали тело, куда я должен был временно поместиться. Скажи, что говорить по телефону. И всё! Велели, я сделал».

— Кто тебе велел? — глаза Ворона угрожающе потемнели.

— Постой! — Лис выскочил вперёд, поскольку тяжёлый взгляд брата не обещал ничего хорошего. — Он не в состоянии определить, кто ему приказывает. Человеком он привык просто следовать указаниям. Такова его информационная эссенция: быть ведомым.

«Я хочу быть первым!» — вдруг объявила обиженная эссенция.

Лис встал прямо перед призрачным пленником и своей спиной отсек опасный взор, нацеленный в бледное человекообразное пятно.

— Тебе обещали, что ты будешь первым?

«Да. Я буду первым. Не в той, так в этой жизни!»

— Хорошо. А на каких условиях ты купил право стать первым?

«Мне велели сделать три дела».

— Первое — телефонный звонок, да? — Лис вошёл в раж.

«Да».

— Каково второе?

«Мне велели найти путь к женщине».

Тур невольно сжал кулаки, глаза Ворона погрузились в свинцовый туман. Лис не видел братьев, однако точно знал, что происходит у него позади. Поэтому спешно бросил следующий вопрос.

— А третье?

«Мне скажут потом».

— «Потом» для тебя не будет, дохлая скотина, — Ворон дёрнулся вперёд, однако близнец удержал.

— Он уже мёртвый, — процедил Тур сквозь зубы. Свой гнев он удерживал с трудом.

«Я не мёртвый. Я буду первым. Всегда и во всём!»

Мысли Лиса разбежались в разные стороны. Теоретически он знал, что одержимый дух успокаивается в процессе молитвы — у христиан, окутанный заговорами — у язычников, и в результате целого списка различных ритуалов в каждой из существующих религий. Но мыслимо ли совершить какое-либо религиозное таинство в предрассветный час на помойке в обществе двух убеждённых атеистов, вдобавок разозлённых деяниями объекта успокоения?

Пока Лис отчаянно искал приемлемый выход из неразрешимой ситуации, Ворон разразился отборным матом. Тур отступил, ибо близнец выплеснул эмоциональный накал за двоих. Бестелесный пленник остался без визуального надзора и немедленно воспользовался лазейкой.

— Не уходи! — крикнул Лис.

Старшие Полозовы заметили попытку побега, и Ворон добавил к уже прозвучавшим высказываниям одно, прямо относящиеся к матушке покойного.

«Не смей поминать мою маму!» — возмутилась информационная ипостась убитого перекупщика. — Она была лучшая мать из всех, потому что была моей матерью!»

— Эй, Паша, стой! — Лис просветлел, озарённый спасительной идеей. — Стой. Ты уже первый.

«Засохни, салага! — вырвавшаяся из плена невесомая муть качалась над пустырём. — Теперь не возмёшь!»

— Ты уже первый, — как мог спокойно повторил юноша. — Твоя мама ждёт тебя. Единственного и самого лучшего сына.

От реки подул мёрзлый ветерок. У Лиса зачастило сердце. Это дуновение, пришедшее с другого берега, он помнил хорошо, с раннего детства. Так открывался Переход.

— Для своей мамы ты всегда и во всём — первый и самый главный. Оглянись, посмотри. Она зовёт тебя.

Последнее было чистейшим блефом. Но пока призрачная субстанция впитывала эхо с той стороны света, Лис быстро обернулся к братьям.

— Ворон, покажи ему мост.

— Что?

— Покажи ему дорогу в земную память, — Лис от возбуждения тяжело дышал. — Он уйдёт навсегда, и никакого третьего задания уже не будет. Ворон, сосредоточься. Ты обязан помнить!

— Что ты несёшь? — глухо произнёс Тур и тревожно посмотрел на близнеца, на лбу и щеках которого неотвратимо проступала снежная белизна.

— Тур, держи его. Держи дверь открытой! — не унимался юноша. Близнецы не двигались.

— Тур! Ворон! Ну же! — прошипел Лис.

«Мама. Mamочка! — шепелявый Паша растёкся от умиления, будто ребёнок, и тронулся навстречу неведомой стороне, звавшей издалика. — Я иду, мама!»

Ключья бледного тумана опустились на землю и растаяли в объятиях утренней зари.

Ворон пошатнулся и рефлекторно полез в карман за чёрными очками. Тур обнял его, предупредив неизбежное падение, вынудил сесть на землю и прижал ладонь ко лбу, мокрому от проступившего холодного пота. Лис попятился.

— Всё закончилось, успокойся. Мы оба здесь, — Тур наклонился к уху близнеца. — Оба. Слышишь меня?

Ворон не шелохнулся, и Лис перепугался не на шутку.

— Что с ним? — пробормотал он издали.

— Ворон, очнись, — Тур не заметил вопроса. — Близняшка, давай, возвращайся.

Тот выдохнул глухой стон и с трудом приподнял голову.

— Что, опять припадок? — выдавил он едва слышно.

— Похоже. Держись, сейчас отойдёт.

Пальцы Тура аккуратно скользили по виску брата.

— Где Паша?

Тур оглянулся в поисках ответа, но пояснять происшедшее взялся Лис.

— Кажется, ты всё-таки проводил его в Переходе. Он канул в память. Ну, в царство информации, которое охраняет наш отец...

— Лис. Замолчи, — грозно перебил Тур.

Губы юноши дрогнули. Но не от обиды, а от страха перед сгустком ярости, ринувшимся на него вместе с категоричным требованием.

— Он нашёл Марину, — тихо произнёс Ворон. Глаза его, тусклые и холодные, смотрели в пустоту светлеющего неба.

— Он унёс с собой информацию о ней, — робко вставил Лис и по-

косился на Тура. — Те, кто велел ему найти, ничего не получили. Ведь они заложные, им нет дороги в память.

Ворон опустил веки и расслабился на руках близнеца.

— В эту байку я поверю с удовольствием.

Тур вздохнул, как выгнал из себя тяжёлые капли тревоги.

День десятый

Возвращаясь из операционной, доктор Полозов заметил возле ординаторской заведующего, отчитывавшего медсестру. Резкая жестикаляция и багровый оттенок лица предвещали беспокойный день персоналу отделения, и хирург замедлил шаг, намереваясь дождаться, когда начальник скроется в своём кабинете. После двух подряд экстренных операций не было ни малейшего желания попадать под горячий язык шефа, склонного заводиться по любым пустякам с пол-оборота.

— Полозов!

Отчитанная с ног до головы Лидочка моментально выпала из зоны внимания.

— Полозов, зайдите в мой кабинет немедленно!

Заведующий зашагал по коридору в полной уверенности, что его приказ будет сию секунду исполнен. Доктор Полозов, впрочем, спешить не стал.

— Всеволод Васильевич, — Лидочка подпорхнула к хирургу. О полученном нагоняе напоминали теперь только пурпурные ушки, украшенные крошечными серьгами. — Говорят, вы жизнь ребёнку спасли в субботу?

Доктор Полозов тревожно посмотрел на удаляющийся белый халат, полы которого едва поспевали за журавлиными ногами.

— Это преувеличение, — обронил он.

— Всеволод Васильевич, вы скромничаете! Вам с вашими-то руками!..

Она захлебнулась, не найдя в запасе слов, которыми могла бы выразить свой восторг.

— Полно вам, Лида. То же самое сделал бы любой врач.

— Операцию умирающему мальчику на дому? Всеволод Васильевич, мы уже всё-всё знаем, — Лида открыто заулыбалась.

— Вот как? — доктор Полозов помрачнел.

— В перинатальное позвонили из детской областной, — зашепила бойкая медсестра. — У одного доктора там жена работает. К ним милиция приезжала, узнавали обстоятельства, потом сюда заявились, а

вы как раз на операции были. В общем, мы вас все поздравляем! Это потрясающе. Такая профессиональная смелость!

До настоящего момента Всеволод Полозов был уверен, что о его вынужденном «подвиге» коллеги не узнают. К разговору с представителями органов он морально подготовился, но поздравления Лидочки стали сюрпризом.

— Как мальчик себя чувствует? — спросил он, чтобы извлечь хоть что-то полезное из вездесущих слухов.

— Прекрасно! Говорят, уже бегаёт по палате. Его мать жаждет вас увидеть.

— Полозов!! — прогремело с другого конца коридора.

— Похоже, он тоже жаждет меня увидеть, — усмехнулся хирург и громко ответил. — Иду.

— Он сегодня не в духе, — Лидочка не уловила иронию.

— Я заметил.

Заведующий отделением, где работал доктор Полозов, славился в больнице вспыльчивым нравом и отвратительным характером. Хирург-дежурant никогда не прислушивался к сплетням в коллективе и понятия не имел, как довольно молодой и весьма посредственный врач занял столь видный пост. Прямых конфликтов с начальником Полозов не имел и был несколько удивлён состоявшейся «чисткой на ковре». Причиной, как он и предполагал, стала домашняя операция.

После четвёртой вариации на тему «как вы посмели рисковать репутацией больницы», двух упоминаний о местных газетах и одном о письме, которое кто-то собирался направить главврачу, доктор Полозов догадался, что именно взвинтило шефа.

— Я не вижу предмета для обвинения, — сохраняя невозмутимость, заявил он, когда шеф смолк, чтобы перевести дух. — Мальчик жив и скоро будет здоров. Следовательно, «если бы» в данной ситуации не является аргументом.

— Какая разница — здоров или не здоров! — бухнул молодой заведующий, приподнявшись над столом. — Вы нарушили правила проведения операции!

Всеволод Полозов сжал кулаки, ибо чувствовал, как не защищённые перчатками ладони превращаются в куски льда.

— Ради жизни человека нужно нарушать правила! Если вы считаете мою дальнейшую работу в вашем отделении угрозой своей репутации, — он отчётливо выделил «вашем» и «своей», — я готов подать заявление об уходе.

Уродливый блик ярости продолжал кружить над огорошенным начальником, но здравомыслие вернулось и вместе с ним осознание сказанного и услышанного.

— А вы, оказывается, обидчивый, Всеволод Васильевич, — заведующий выдавил из себя усмешку и опустился в кресло. — Когда я вызвал вас к себе, я не планировал оголять ставку дежуранта.

— Разумеется, — доктор Полозов скрестил руки на груди. — Однако мне с этого момента будет неприятно работать под началом медика, предпочитающего писанные кем-то правила здоровью людей.

Всеволод Полозов отдавал себе отчёт в том, какую оплеуху закатил своему непосредственному шефу и какого врага получил в его лице. Остановившись возле открытого окна в рекреации, он расстегнул ворот хирургической пижамы и вздрогнул от холода собственных пальцев. Негодование отступило, и досада оскоминой осела во рту. Нужно ли было вообще отвечать человеку, занятому исключительно собственной персоной? Последняя фраза породила в нём гнев и ничего более. И причиной тому стали не слова, прозвучавшие подобно обвинению, а сам факт отпора, данный начальнику подчинённым.

Гордость предъявила рассудку ноту протеста в виде шальной мысли, отпечатавшейся на высоком лбу глубокой складкой: уж не следовало ли прикинуться беспомощным ягнёнком и тихо уйти, потупив взор?

Всеволод Полозов посмотрел на свои руки, покрывшиеся синюшными пятнами. Обычно он списывал странные изменения эпидермиса на последствия ожогов, полученных во время армейской службы в Афганистане. Хотя с высоты медицинского опыта прекрасно понимал несостоятельность этого вывода. Истина не допускалась до сознания. А время откровения с самим собой неуклонно приближалось, подстёгнутое мистическими явлениями последних девяти дней...

Гордыня, гнев, зависть, тщеславие, жадность, эгоизм и чёрствость впитываются в человеческую сущность и легко овладевают теми, чьё ядро не готово противостоять извечным порокам. Укрепив занятые позиции, то, что испокон веков звалось Злом, делает человека послушной марионеткой в театре экономических игр, социальных переворотов, политических лабиринтов. Бешеный информационный век заглатывает личности, переваривает и выплёвывает единую податливую массу.

Всеволод Полозов, не склонный к абстракциям, в первый момент отринул наплывший образ. И задумался. Лис упрямо твердил о памяти земной, где живёт сила предков, доверенная человеку при рождении. В то время как «непомнящий корни свои» неизбежно сгинет в горниле

обезличенного социума. Это показалось более материальным, нежели предыдущее.

Измышления плавно перетекли в область личных проблем. Интуиция царапалась в сердце: в чём-то всё-таки он был не прав. Начальник завидовал успехам и талантам коллег, это знали все в отделении, это понимал и Всеволод Полозов. Но, устроив разнос дежуранту сегодня, заведующий говорил о «лице коллектива» и «чести отделения». Дежурант вступил в единоборство с начальником и поставил себя вне коллектива, когда без тени сожаления заявил о возможном увольнении.

Поймав себя на банальном пережёвывании состоявшейся «на ковре» разборки, Всеволод Полозов снова подумал о младшем брате. У юноши хватало сил и смелости осмысливать глобальные человеческие проблемы. И пусть выводы его выглядели слишком фантастическими, сам факт такой попытки требовал уважения. А он, Всеволод Полозов, считавший себя умудрённым жизнью человеком, поспешил отодвинуться от коварных вопросов, оставшись один на один с личным представлением о человеческом бытии.

Он посмотрел на посиневшие кисти рук — непризнанный индикатор душевного состояния.

Откровенность вырвалась из темницы рассудка: «Поддавшись пороку, я встаю на его сторону со всей своей непознанной мощью». Ментально пришёл на память недавний эпизод с белобрысым торговцем наркотиками. Брат-близнец выплеснул ярость взглядом, а он сам едва не вынул человеческую жизнь одним прикосновением руки. Той самой руки, которой спас незнакомого мальчика.

— Полозов Всеволод Васильевич?

Он вздрогнул от неожиданности.

— Совершенно верно.

Хирург повернулся лицом к говорившему. Уверенная осанка, расправленные плечи, прямой взгляд и деловито поджатые губы. Не хватало только погон на светло-бежевой «ветровке». Встреча была неизбежной, Всеволод Полозов это понимал, но как не вовремя она состоялась!

Милиционер в штатском вытащил удостоверение.

— У меня к вам несколько вопросов. Вы позволите?

Доктор Полозов намеревался возразить, сославшись на неотложные дела, но, взглянув на мента повнимательнее, изменил решение. Непринуждённое «вы позволите?», открытое приятное лицо, свободно опущенная рука располагали к общению. Он подумал было о прекрасной психологической подготовке стража порядка, но не стал развивать

эту мысль. В конце концов, какая разница, кому давать показания.

— Слушаю вас.

— Прежде позвольте... — оперативник легко перешёл на неофициальный тон. — Знаете, я уже говорил с хирургом в детской больнице. Он утверждает, что вы сотворили чудо. Мальчишка с утра скачет по палате, как нормальный здоровый пацан.

Всеволод Полозов чуть заметно нахмурился. В ладонях кольнуло, и мёрзлость вяло потекла прочь. Он допускал, что операция прошла успешнее, чем ожидалось. Но чтобы ребёнок встал на ноги спустя всего сутки после тяжёлого ранения?

— Что ж, я рад, — доктор Полозов поправил усы. — Но «чудеса» не мой профиль. Я сделал то, чего требовали обстоятельства.

— Вам виднее, конечно, — представитель правоохранительных органов вернул на лицо деловое выражение.

Понаблюдав за несколько суматошными движениями и выслушав мнение по поводу вечно терявшихся бумаг, Всеволод Полозов окончательно уверился в неподдельной искренности оперативника. Наконец, из папки был добыт искомый документ. Им оказалась крупная фотография пистолета.

— Вы знаете, что это такое? — милиционер неуклюже приступил к сбору показаний.

— Пистолет Макарова, полагаю, который ребята приняли за игрушку.

— Вы и в типах оружия разбираетесь!

Всеволод Полозов сдержал улыбку, вызванную наивным изумлением собеседника.

— Я специализировался на огнестрельных ранениях.

— А мы-то удивлялись, что вы догадались приложить к пациенту пулю! — вырвалось у мента. — Хм, — он запоздало сообразил, как прозвучала реплика с точки зрения специалиста, и поспешно продолжил расспрос. — Вы видели пистолет у детей?

— Нет. Меня интересовал раненый.

— Понятно, — оперативник кашлянул. Вопросы вроде бы были исчерпаны. Но любопытство подсунуло последний, не имеющий значения для протокола. — Кстати, почему вы остановились на дороге? По словам приятеля пострадавшего ни один водитель, кроме вас, не затормозил. А вы даже специально развернулись.

— Мальчик выглядел испуганным. За пять минут до этого я слышал звук, весьма похожий на выстрел. Напрашивался очевидный вы-

вод: случилась беда.

— Спасибо.

Всеволод Полозов изумлённо поднял бровь. Это было замечено.

— Побольше бы таких людей, как вы, — пояснил оперативник и протянул врачу руку.

Не ответить на рукопожатие доктор Полозов не мог. Сердце ёкнуло: перчаток, даже обычных хирургических, сейчас не было. Мент не обратил внимания на заминку. Руки сомкнулись в коротком мужском приветствии. В ладони полыхнул жар.

Из ординаторской выскочила Лидочка.

— Всеволод Васильевич! В приёмный вызывают!

— Извините. Желаю удачи, — доктор Полозов быстро пошёл в вестибюль.

Кисть импульсивно источала тепло. Тур незаметно сжал кулак, ибо не мог определить, какие именно ощущения испытывает перед лицом тревожной аномалии. До сих пор столь жаркие выплески происходили только при общении с братом-близнецом. Этого милиционера он видел первый и, вероятно, последний раз. И тем не менее, нечто неведомое отворилось внутри, и наружу хлынуло то, что долгие годы было достоянием лишь незыблемого братского союза.

* * *

— Давайте зачётку, Полозов, — преподаватель снова перевернул в пальцах шариковую ручку и чертыхнулся, когда обнаружил, что держит её над бумагой «вверх ногами». — Увидимся на экзамене.

Ехидное замечание Лиса не смутило.

— До свидания, — вежливо попрощался он, протиснулся между столами и под внимательным взглядом кафедральной секретарши поднял с пола полупустую сумку.

— Вот теперь я вижу, что у вас нет шпаргалок, — сообщил в спину студенту скрупулезный доцент.

— Я не пишу шпаргалки, — буркнул Лис через плечо.

— Похвально, похвально. А скажите-ка, у вас правда такая чудесная память на цитаты?

Юноша вздохнул. Преподаватель латинского языка в прошлом году заставил его предъявить доказательства феномена. Процедура напоминала допрос с пристрастием, и от воспоминаний о пережитом унижении Лиса передёргивало до сих пор.

— Вы хотите дать мне книгу, чтобы я, прочитав абзац, дословно повторил его? — угрюмо уточнил Лис. — Как в цирке?

Препоd побагровел.

— Идите, Полозов, — грозно распорядился он.

Лис с удовольствием выполнил указание.

Звонок обрушился на него в коридоре. Закончилась очередная пара, и из аудиторий повалили шумные молодёжные группы. Одни обсуждали последние лекции и бестолковое расписание, другие громко спорили по поводу предстоящего зачёта, кто-то ругал руководителя диплома, не удосужившегося явиться на консультацию. Учебные проблемы, житейские проблемы, смех и увлечённые дебаты. Лис отошёл к стене. Он слышал всех, но умышленно не сортировал в уме слова, фразы, монологи и диалоги. Студенческая жизнь протекала перед ним единым шумным потоком. И, как всегда, протекала мимо.

Наблюдая за юношами и девушками, Лис неожиданно обнаружил в яркой говорливой массе тихое серое пятно. Молодой человек, усталый и осунувшийся, сидел на подоконнике и безразлично смотрел в распахнутое летнее небо. Рядом с ним, опасно накренившись наружу, высилась стопка тетрадей и книг. Лис вытянул шею, чтобы повнимательнее рассмотреть одинокого студента. Сработала фотографическая память: с этим парнем он столкнулся в дверях кафедры, когда входил пересдавать зачёт.

Мелькали плечи и спины, разрезая обзор на кадры.

Студент сидит на подоконнике.

Лежат книги.

Студент подтягивает колено к груди.

Книжная пирамида замирает в падении.

Студент оборачивается...

Лис тряхнул головой. Мелькали плечи и спины. А на подоконнике шелестела страницами одна единственная тетрадь.

Девичий вопль врезался в деловой гомон. И тут же его подхватили несколько голосов на улице. А на Бориса Полозова хлынул морозный ветер.

— О, нет...

Он кинулся к злосчастному окну, распихивая локтями удивлённых студентов. Третий этаж. Что там внизу, клумба?.. Нет, асфальт. И на асфальте нечто, похожее на большую тряпичную куклу.

— Фига! — лопнуло над ухом Лиса.

— Где? Где?

— Кто это?

— Он живой?

Вокруг закружилось любопытство.

— Эй! «Скорую» вызывайте!! — сообразили, наконец.

Лис с трудом выбрался из-под человеческой массы, вдавившей его в подоконник, и попятился к стене. Все окна в считанные секунды были заняты. Многоголосый, ранее ровный шум ошетинился вопросами и междометьями. Тембр его поднялся на несколько тональностей.

Юноша отчаянно закрыл ладонями уши, но зрительский азарт воткнулся в нос ни с чем не сравнимым духом адреналина. А вместе с ним до мозга добрался издевательский душок победительницы-смерти.

— Полозов!

Его бесцеремонно встряхнули за плечи.

— Полозов, что с вами?

Лис обнаружил прямо перед собой того самого преподавателя, которому только что сдал зачёт.

— Я видел... как... — Лис сделал над собой усилие и разорвал оковы, наброшенные ужасом. — Из окна упал. Парень. Насмерть.

Историк оглядел орущий коридор, взял белого как мел студента под руку и повёл на кафедру. Лис шёл автоматически, не совсем понимая, что от него хотят.

— Вероника Николаевна, этого юношу следует отпить чаем, — Бориса Полозова передали удивлённой секретарше. — У нас произошло неприятное ЧП. Я скоро вернусь.

Доцент удалился.

Автопилот отказал, когда Лис обжёт чаем рот. Закашлявшись и покраснев от неожиданной боли, он фыркнул, встряхнулся и натолкнулся на уже знакомый подозрительный взгляд тучной полнощёкой дамы.

— Извините...

— Что случилось-то? — осведомилась секретарша. — Что это там орало?

Лису пришлось расшифровать «неприятное ЧП».

— Господи! — ахнула женщина и моментально превратилась из неприступной секретарши в заботливую тётку. — Ты не волнуйся, не спеш. Ещё чайку подлить? Ты весь трясешься!

— Ничего... Я просто... не люблю смерть.

— А кто ж её любит! Ну, надо же! Беда какая!

Дверь распахнулась и захлопнулась за спиной преподавателя.

— В голове не укладывается, — доцент опустил на стул возле студента, и предусмотрительная секретарша подпихнула ему под руку вторую чашку. — Это Петров был.

— Бог мой... — дама прижала ладонью покрашенные губы. — Неужели он после...

— Полозов, как это произошло?

Лис перевёл на преподавателя взгляд. Вместо привычной ухмылки на морщинистом лице поселилась растерянность.

— Он, наверное, задумался и забыл, где сидит. Потянулся за упавшими книгами и... — Лис опустил глаза.

*Вещей птицы судьба
Людям истину петь:
Горькой правды слова,
Нежеланную весть...*

Рассудок требовал ограничиться сказанным, а грозное дыхание с той стороны света, шевелящее рыжие кудри на затылке, не позволяло молчать.

— Ваш дипломник очень расстроился, — медленно заговорил Лис. Истина, слово за словом, всплывала в уме и неумолимо вытекла на язык, — когда вы не допустили его к предзащите.

— Что? — голос преподавателя провалился в сжатое горло.

— Юрий Иванович, вашей вины тут нет, — Лис отважился посмотреть на доцента. — Парень просто потерял контроль над собой. Это был несчастный случай... И никак не самоубийство.

Гробовое молчание рухнуло вместе с пронзительной репликой секретарши.

— А ты откуда знаешь про предзащиту?

Пока мозг Лиса метался в поисках ложного ответа, историк тяжело поднялся со стула.

— У вас, Полозов, кроме феноменальной памяти ещё и феноменальное правдолюбие. Це-ню.

Последнее проскрежетало, как металл.

Лучше бы я молчал! — полыхнуло в голове у Лиса.

Но исправить положение было жизненно необходимо, поскольку все сказанные «не» возымели строго обратное действие.

— Юрий Иванович, честное слово, Петров и не помышлял ни о чём таком из-за дипломной работы! — вскочил Лис. — Я слышу, что было и что будет! Я... могу вам доказать.

Как доказать? Лис почувствовал, как в глазах вот-вот поплывёт. Лягнуть что угодно, лишь бы человек не остался на всю жизнь с грузом собственной вины?

И тут помимо воли вырвалось:

— Вы напрасно беспокоились утром. У вашей дочери все в поряд-

ке. Она сейчас позвонит.

Ошарашенная секретарша отшатнулась от студента.

— Откуда?.. — побледневший историк повернулся к Лису.

Раздался телефонный звонок.

— Я пойду. Спасибо за чай.

Юноша пулей вылетел из кабинета.

Едва не скатившись по лестнице, он пробежал по второму этажу и ворвался в потоковую аудиторию. К счастью, там оказалось пусто. Лис рухнул на скамью и распластался по высокой парте.

— «Горькой правды слова, нежеланную весть», — пробормотал он и сжал руками голову. — Это неправильно! Зачем было вообще что-то говорить!

«Да чего ты? Он не при чём. Я сам дурак».

— Петров? — Лис живо огляделся. — Ты где?

«У тебя на бороде», — огрызнулось нечто в пространстве, и на скамейке слева проявился облик погибшего.

Он выглядел точно так же, как десять минут назад на окне. Ни голубоватой дымки, присущей Кикиморе, ни дрожания контуров, подобного Деду, не наблюдалось. Лис подвинулся, уступая призрак место.

— Тебя как зовут?

«Николай. Слушай, ты мне в одном деле помочь можешь?»

— Конечно!

«Прыткий! Я же ещё не сказал, что мне нужно».

— А я всё равно смогу помочь, — выпрямился Лис.

«У меня такое чувство, будто я уже сто лет здесь кругами шастаю. Сколько времени прошло?»

Лис вспомнил шатания Кикиморы, которая первые трое суток путалась во временных и пространственных границах.

— Десять минут. Не волнуйся, пока ты не ушёл в Переход, время будет мешать. Выбери себе ориентир. Например, меня.

«Странный ты. Все вокруг как молоко, но тебя я вижу. Другие только шум издают, а ты со мной говоришь».

— Зови меня Борис, — представился молодой Полозов. — Как тебе помочь?

«Мне домой нужно попасть. К отцу. Прощения попросить».

— Поссорились?

«Нет. Он хотел, чтобы я учёным стал. А я даже диплом проср... В общем, не вышло из меня ничего».

— Понятно, — Лис встал. — Пошли. Провожу.

«Я из района. Далековато туда».
— Это не проблема!

* * *

Ворон осушил пятую по счёту кружку крепкого кофе, растёр пальцами виски и вновь обратился к компьютеру. В доступе было отказано в сотый раз. Что, впрочем, ничуть не удивило. Понедельник — день тяжёлый, а в совокупности с бессонной ночью — и подавно. Ночная погоня за призраком пагубно сказалась на «здоровье» автомашины, попытка взломать почтовый сервер провалилась, написанная второпях программа для отлова таинственного Бера среди чатов и гостевых книг выдавала ахинею. И в довершение всех бед овчарке вздумалось поиграть сотовым телефоном, оставленным на цоколе гаража.

— Не хочешь, значит? — Ворон устало посмотрел на список команд, призванных пробить защиту чужого сервера. — Ладно. Крути дальше.

Он запустил следующий цикл подбора администраторского пароля. В принципе эта операция могла затянуться на месяцы. Но за неимением интенсивных методов Ворон предпочитал пользоваться экстенсивными до тех пор, пока в голову не залетит оригинальная идея.

— А мне пора заняться чем-нибудь без участия мозгов, чтобы «процессор» отдыхал, а «внешние устройства» работали, — сообщил он трудяге-компьютеру.

Выбор занятий оказался не велик: разобранный передняя подвеска БМВ в гараже, спортивный тренажёр в подвале и стиральная машина-автомат, из которой давно пора было вынуть чистое бельё. Пока Ворон раздумывал, в какую сторону дома направить свои стопы, телефонный аппарат в гостиной надсадно загудел. Он неуверенно потянулся к трубке. «Междугородка» вызывала не часто, и это уже настораживало.

— Полозов. Слушаю... Лис, это ты? — Ворон облегчённо вздохнул, услышав на другом конце провода искажённый помехами голос брата, и в следующую секунду нахмурился. «Междугородка» и Лис как-то не вязались в сознании. — Погоди, погоди! Ты откуда?

Лис покосился на призрачного подопечного, терпеливо ожидавшего своего проводника, и, понизив голос, сообщил:

— Я с вокзала пробовал звонить, но твой сотовый не отвечал, а Всеволод на операции. Я в Вышнем Волочке. Влад, ты только не ругайся сразу, хорошо? Понимаешь, в универе произошло ЧП... Нет, я не при чём! То есть, я в порядке! Кое-кого сопровождаю... Ну, так

надо. Я вернусь к ночи, наверное...

Тут уже Ворон позволил себе высказаться от души и в адрес «ЧП», и в адрес неугомонного Лиса.

— Кого ты там сопровождаешь? — закончил он и прибавил для убедительности парочку любимых выражений.

Ответ братишки заставил его надолго замолчать.

— Влад, ты слушаешь? — забеспокоился Лис. — Я серьёзно... Я обещал помочь... Нет, мотоцикл я оставил на стоянке около вокзала в Твери... Какие поезда?

— Всё, конец дебатам, — оборвал Ворон и выложил брату своё неукоснительное решение, — никаких электричек, понял? Я за тобой приеду. Делай, что обещал, и жди меня... Где там у них людное место?.. Вот-вот. Около театра. Это тебе твой новый приятель подсказал? Отлично. Мобильник с тобой?.. Я позвоню.

Опустив трубку, Ворон чертыхнулся, а вспомнив, что ретрансляторы сотовой связи исправно работают далеко не в каждом районном центре, саданул кулаком по стене.

— Ты, это, чего? — из пространства возник Дед. — Из-за машины, что ли?

Вторая проблема облила Ворона, как ушат холодной воды.

— Ненавижу понедельники, — выговорил он.

В гараже БМВ укоризненно глянул на хозяина белыми дисками фар. Ворон с тоской осмотрел автомобиль. Чтобы заменить детали в подвеске и выправить бампер, требовалось не так уж много времени, но запчасти отсутствовали, а часовая и минутная стрелки нагло вытянулись по диаметру циферблата: шесть вечера.

— Ладно. Час на перекладных до областной больницы и полтора по шоссе на «шестёрке» до Волочка, — рассудил Ворон вслух. — К полуночи вернёмся.

«А можно я с тобой?» — встряла Кикимора.

— Ты домашняя, вот и сиди дома. Дед, это и тебя касается. Эх, почему до сих пор телепортёр не изобрели!

* * *

Городок утопал в свежей зелени. Воздух благоухал чистотой и, насыщенный влагой, омывал лица прохожих заботливым крылом. Узкие улочки и каналы, мосты и грунтовые дорожки уводили в маленькую российскую Венецию, созданную три века назад отважной мыслью крепостного инженера. Лис готов был наслаждаться уютом ухоженной

природы бесконечно. Молчаливый памятник художнику в парке вызвал лавину внутреннего восторга. В камне жила добрая память о талантливом человеке, некогда создавшем школу живописи для простого люда. Лис полубовался на работу двух юных художниц в сквере, погладил уродливого льва-недомерка, охранявшего аллею, и долго стоял на гранитной набережной канала, пытаясь представить, как давным-давно тут проходили гружёные баржи.

«Борис, — окликнул юношу призрак-Николай, — я дом найти не могу. Кругом одни мосты, как прутья в клетке!»

Лис опомнился, быстро огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости пусто, отозвался вслух.

— Не волнуйся. Посмотри, какой чудесный вечер! Природа и город, как сама память. Каждая мысль, поступок, взгляд — это информация, которая оседает на деревьях, мостовых, домах. Жаль, что человек не умеет её читать. Это была бы самая объективная история, оставленная земной памятью!

«Может оно и так, но мне к отцу надо засветло, пока в стельку не надрался после работы».

Слегка огорошенный, юноша посмотрел на погибшего студента.

— Почему ты решил, что твой отец напьётся?

«Алкаш потому что. Но ты не подумай, я его и такого всегда любил. У нас мужики через одного пьют по-чёрному».

— Хм... Давай адрес. Я сам искать буду, — вздохнул младший Полозов. — А мосты не тебя одного с толку сбивают. Даже в народных поверьях такое есть: перенести покойника через мост или перекрёсток, чтобы дорогу назад забыл.

Восторженность опустилась в тёмные воды реальности. Монументальный театр, обшарпанный забор школы, пошатывающийся пешеход, окрылённая молодая парочка, белокаменная церковь над каналом, дряхлая нищенка с гремящей сумкой пустых бутылок, пузатый владелец новенькой «Лады», грязный велосипедист, памятник в тихом сквере — всё перемешалось в один путанный клубок. Но осталось чувство красоты, осевшее глубоко в душе, невзирая на возмущения рассудка и принципы здравого смысла.

А почему бы нет? — решил Лис, когда попытки не замечать нежелательные элементы обзримого пространства не увенчались успехом. — Они все и есть этот город!

В доказательство фантазия стёрла с улицы пьяницу, петлявшего по тротуару. Вместе с ним испарились школьная ограда и театр. Без велоси-

педиста с граблями, привязанными к раме, из глаз пропала старая пожарная вышка и чудесный зелёный мыс, врезавшийся в водные магистрали.

Лис улыбнулся.

— Всё правильно, — тихо доложил он сам себе.

«Ты о чём?»

— Всё ещё о природе и истории... Смотри, кажется, это твой дом.

«Батька... Я пойду, Борис. Спасибо!»

— Иди. Пусть дорога твоя будет гладкой. Не навий ты. И не родители. Но предки примут тебя в свой вечный дом. А когда-нибудь тебе откроется новый Переход, и возвестит о нём первый крик рождённого.

Лис наблюдал, как дух плывёт над травой, слышал его виноватое «пап, прости» и удивлённый мужской бас за забором: «Кать, ты чего сказала-то?» Над деревянным домом взлетела одинокая птица. Ветром вздохнула земля. С ветки сорвалась нечаянная капля...

* * *

Понедельник, которому осталось царствовать всего четыре часа, преподнёс Ворону последний, самый неприятный сюрприз. «Шестёрка», начавшая путешествие на четвёртой передаче, закончила «за упкой» на полпути до цели. Прокопавшись в моторе до темноты, Владимир Полозов сдался.

К счастью, сотовый, со следами собачьих зубов и кое-как замотанный изолентой, сработал, несмотря на порядочное расстояние от города. Тур откликнулся на вызов.

— Я заглох. Намертво, — сообщил Ворон брату. — Если Лис позвонит, передай, пусть топает в гостиницу... Зачем тебе-то приезжать?.. Мне тоже сие не нравится, но две няньки слишком много для одной бестолковой рыжей морды.

Тур придерживался другого мнения, и переубедить его не представлялось возможным. Ворон закрыл аппарат, удручённо посмотрел на приборную панель «жигулёнка» и пробормотал:

— Чем быстрее мы тебя заменим новой моделью, тем лучше для всех. Откатался, друг. Хватит.

* * *

Лис мчался в темноте, не разбирая дороги. Топот позади то приближался, то отставал. Собственное бурное дыхание глушило звуки, а отдельные выкрики за спиной казались оружейным грохотом. Сбоку мелькнула тень. Юноша шарахнулся в сторону, споткнулся и понял, что проиграл. Отвратительный едкий запах дурмана навис над ним

вместе с телом догнавшего, а пинок ускорил неминуемое падение.

Рассчитывая удрать от компании, воняющей перегаром и табаком с примесью веселящей «травки», Лис не учёл направление. Следовало бежать через парк назад, к театру, где он безуспешно прождал Ворона до полуночи. Но коварные мосты увели его во тьму робких дремлющих улиц, заканчивавшихся пустырьём.

Избиение грозило состояться немедленно. Не позволив жертве встать, группа подростков-акселератов, выкрикивая бессмысленные ругательства, обступила лежащего. Кто-то ударил его ногой в бок. Лис охнул и тем самым вызвал бурю звериного восторга у искателей острых ощущений. Второй удар пришёлся в лицо. Сознание на несколько секунд отключилось, а очнувшись, Лис обнаружил, что с него пытаются снять кожаный пиджак. Обрушилась обида. Так глупо попасться в лапы накурившихся хулиганов, и это после первого в жизни самостоятельного освобождения заложного!

Он отчаянно извернулся, сумел вскочить и в результате короткой борьбы вырвался из рук грабителя. Рассудок подсказал: беги со всех ног. Геройствовать Лис не собирался. Он ринулся вперёд, но не сделал и трёх шагов, как врезался в высокого молодца, выросшего как из-под земли.

— Поберегись!

Юношу сгребли в охапку и отставили в сторону.

Следующая сцена могла претендовать на комедийное представление, кабы не мощные ручищи неожиданного спасителя. Оригинальные реплики, основанные на великолепном наборе нецензурной лексики, сыпались налево и направо вместе со звонкими оплеухами. Всё, что разобрал Лис в шумной перебранке, была фраза: «Тебя предупреждали!» Парень размахивал руками, будто гонял мух. В роли последних выступали недавние наглецы, причём сопротивление их было до того жалким, что Лис не сдержал нервного смешка.

— Что у тебя забрали? — обернувшись, спросил блюститель порядка.

При этом он держал за шиворот не успевшего ретироваться пацана.

Лис проверил карманы. Сотовый был на месте. Кошелёк и ключи тоже.

— Ничего. Они не успели, — ответил он и вынужден был сплюнуть, ибо во рту, как оказалось, скопилась солёная масса.

— Повезло тебе, Феня, — великан обратился к барахтающейся жертве. — Следующий раз руки переломаю.

Угроза, высказанная мирным размеренным басом, действовала

отменно. Лис сделал для себя вывод, что его спаситель пользуется в городе неподдельным авторитетом.

— Спасибо, — произнёс он, когда Феня — последний из шайки — был отпущен на все четыре стороны.

— Пожалуйста, конечно. Да не за что, — откликнулся местный гигант, приближаясь к Лису. — Фю-ють! Как тебя отделали!

Он бесцеремонно взял юношу за подбородок. Лис шумно засопел. Ссадина на левой половине лица горела, и тяжесть под глазом превратилась в пульсирующую боль.

— Фингал, — пояснил здоровяк. — Мать, небось, выплет?

— Нет матери, — Лис нахмурился. — И я не здешний. Меня зовут Борис.

— А я Дима, — представился спаситель и прищурился, разглядывая в темноте нового знакомого. — Ты где остановился?

— Я не планировал останавливаться в вашем городе. Так вышло. Брат приехать за мной обещал, но, наверное, с машиной что-то случилось.

А про себя подумал: «Надеюсь, только с машиной».

— Я на вокзал пойду, — закончил он.

— Не. На вокзале тебе делать нечего. Ещё в ментовку загремишь. Ко мне домой пойдёшь. Маманька у меня ворчливая, но ты внимания не обращай.

— Неудобно как-то, Дмитрий, — отступил Лис. Потрогал заплывший глаз и добавил. — Тем более в таком виде.

— Не знаю как у вас, а у нас тутешних не принято человека ночью на улице бросать, — воспитательным тоном заявил гигант Дима. — Будешь моим гостем.

Идти пришлось недолго. Дима остановился перед деревянным домишком, выходящим фасадом на набережную канала, и открыл скрипучую калитку.

— Громко не говори, — шепнул он. — Соседи спят уже.

— Ты отсюда шум услышал? — удивился Лис, оглянувшись в темноту.

Всю дорогу он тщетно искал признаки каких-либо призраков, навий или заложных. Но на сей раз никакой нежити поблизости не водилось.

— Отсюда не слышно. Вода всё глушит. С работы я шёл, из мастерских. Ты заходи, не стесняйся.

Лиса впустили в тёмные сени. Щёлкнул выключатель.

— Да-а. Ну и морда у тебя! — хмыкнул хозяин, оглядев юношу при свете тщедушной лампочки.

Лис в свою очередь внимательно изучил местного великана.

Огромный, блёкло-рыжий и рябой — первое, что бросилось в глаза. Затем он заметил грубую татуировку на мощном запястье, крестик под распахнутым воротом, шрам на щеке и несколько глубоких морщин.

— Дима, ты? — раздалось из-за занавески.

Пожилая женщина выглянула в коридорчик и, увидав гостя с синяком в пол-лица, проворчала:

— Опять ковой-то притащил! Ну что тебе до этих наркоманов! Пусть бы все перемерли!

— Не шуми, мам. Иди спать, — парень нахмурился. — Мы не мешаем.

Голос его звучал ласково, но вместе с тем властно. Мать пробурчала что-то неразборчивое и послушно скрылась в своём углу, отделённом от горницы цветастой занавеской.

Парень вздохнул.

— Грешно она говорит, — удручённо пояснил он. — Извини.

— Она не от сердца сказала, а от ума, — поспешил успокоить его Лис.

— Неужто усёк? — Дима смерил гостя недоверчивым взглядом.

— Это же очевидно. Она волнуется за тебя, хочет, чтобы ты никогда не попадал в дурные истории, и, естественно, старается отодвинуть потенциальную опасность. Отсюда и пожелание: «перемерли». Ведь смерть является образом стопроцентного устранения объекта, в частности, опасности, которую она видит в наркоманах.

— О, завернул! — пробасил рыжий великан. — Давай-ка морду умой, а потом поужинаем. Вижу, мама картошки наварила. В самый раз будет.

Лис долго воевал с бренчащим ручкойником, стараясь производить как можно меньше шума. Неловкость, сопровождавшая его с момента приглашения в чужой дом, постепенно переросла в тотальное неудобство. Лису казалось теперь, что кто-то постоянно наблюдает за ним издали. Он даже пару раз оглянулся, но ничего не заметил: ни реального, ни мнимого.

Дима поставил перед юношей полную тарелку картофеля, пышущего паром и обильно политого маслом.

— Наворачивай, не стесняйся. Мамка у меня готовит классно!

Лис не понял, в чём заключается кулинарное искусство хозяйки, до тех пор, пока не отведал овощи. Как Диминой маме удалось создать из банальной отварной картошки столь вкусное блюдо, оставалось тайной.

— Ты про мою маманьку всё точно расписал, — сообщил Дима, уплетая ужин за обе щёки. — Она для меня старается. А я каждый вечер Богу молюсь, чтобы побольше жизни ей оставил. В церковь не хожу, не умею. Сам молюсь.

Лис осторожно покосился на крестик, прильнувший к широченной груди Димы, и поискал глазами образа. Иконы в доме отсутствовали, зато на комодике он заметил небольшую чёрно-белую фотографию в деревянной рамке, на которой в полный рост был запечатлён видный мужчина в униформе железнодорожника.

— Я так рассудил, — не замечая поисков гостя, продолжал парень, — если я буду по-хорошему с людьми, то Бог меня как бы услышит... Ты так не думаешь?

— А? — Лис встрепенулся. — Почему же. Всё может быть. Ведь, в конце концов, Бог у каждого внутри.

— Точно! Хорошо ты говоришь. Грамотно. Учишься где?

— На истфаке. Второй курс пытаюсь закончить.

— Я тоже подумывал куда-нибудь поступить. Но везде деньги нужны. Мне не по карману. Мать бы обеспечить. На лекарства много тратится, и вообще — мало ли что. Как скажут ей на операцию ложиться, придётся опять в долги влезать.

Лис опустил глаза. В словах Димы не было ни толики упрёка, но юноша неожиданно почувствовал себя виноватым. На его памяти денежный вопрос для Полозовых никогда не был камнем преткновения. Он знал про счета, разбросанные по нескольким банкам и тщательно контролируемые Вороном. Слышал про какие-то акции, упоминаемые, как правило, вместе с именем Павла Симеоновича по прозвищу «Декан». Имел представление о статьях дохода обоих близнецов. И ему доселе не приходило в голову сравнить этот доход с финансовым состоянием рядовой семьи.

Что-то мягкое скользнуло по ногам. Лис дрогнул от неожиданности. Из-за стола показался пушистый серый хвост и вместе с ним его обладатель — огромный полосатый кот. Юноша откинулся на спинку стула, и кот, издав довольное «мр-р», легко запрыгнул ему на колени.

— Какой зверь! — восхитился Лис. — Вас можно ли погладить, сударь?

Дима уставился на гостя, как на восьмое чудо света.

«Сударь» не возражал, более того — потёрся головой о руку Лиса: мол, всегда пожалуйста.

— Ну и дела! — к Диме вернулся дар речи. — Дикарь, ты шо, бе-

лены объелся?

— Я что-то делаю не так? — насторожился Лис.

— Да не ты, а этот! Он сроду к чужим не подходил. Во даёт! Глянь, уже и играть с тобой готов. Эй, Дикарь, детство вспомнил?

— Может быть, он есть хочет?

— Не! Мама его кормит до отвала, и мышей в погребе тьма, — Дима водрузил локти на стол и подпёр кулаком скулу. — Ты, видать, хороший парень, Борис.

Лис скромно пожал плечами и предложил коту:

— Не желаете ли к хозяину переправиться?

Кот не желал. Облизал лапу и улёгся на коленях гостя.

— Я Дикарю по гроб жизни обязан, — вдруг проговорил Дима. — Он меня, можно сказать, на путь истинный вернул.

— Как это? — осведомился Лис.

Он проявил внимание не случайно. Гостеприимному гиганту хотелось рассказать нечто такое, что, вероятно, ни разу не слышали даже его друзья. И Лис взял на себя роль терпеливого слушателя.

— Это странная история. Хошь верь, хошь нет, — Дима встал и добыл из буфета мятую пачку папирос. — Ты куришь?.. Я так и знал. А я вот балуюсь, когда накачивает... Я Дикаря котёнком нашёл. В зоне дело было. Иду однажды помойку выносить и вижу: сидит возле бака комочек шерсти. И жалобно так — «мя». Я и не думал ничего тогда, взял его в руки. А как к груди прижал, понял — не брошу ни за что. В зоне, знаешь, тоска страшная. И всегда настороже — и днём, и ночью. Чуть слабость покажешь, сожрут. А тут вдруг мне как с небес: клочок чего-то мягкого и доброго. Я за него даже в карцер угодил. В камере два гада ему глаза чуть не выкололи — просто смеха ради. Я их отделал. Благо кое-чему научили, пока в десанте служил. А в карцере вообще чудо получилось. Как Дикарь ко мне пробрался, до сих пор в толк не возьму. Где-то щель нашёл, наверное. Мы с ним вместе трое суток перекастовались, я его от охраны прятал под рубахой. В камеру вернули, а там меня письмо ждёт от матери: отец помер. Братва по-тихому меня одного оставила. Уважали личные чувства как-никак. Я читаю в сотый раз, слёзы градом, не поверишь! Никогда не плакал раньше. А Дикарь передо мной на нарах сидит. И так смотрит, будто... Представляешь, в этих вот глазищах как бы взгляд отца на секунду возник. Укоризненный такой взгляд. Я с тех пор зарёкся: если уж кулаки в ход пускать, так хотя бы не по дури или, Боже упаси, по пьяни. Вернулся по амнистии через два года, работать устроился. Мне всякое

предлагали, тут у нас желающих много чужими руками своё благополучие строить. А я вспомнил тот взгляд батькин и послал всех по-дальше. И матери поклялся: второй раз не сяду.

Лис слушал и незаметно для себя гладил пригревшегося на коленях кота. Слова проникали в сознание, оборачивались образами и цельные картины сменяли одна другую. То, что Дмитрий чувствовал сердцем, Лис теперь знал наверняка: на миг, растянутый в дни, месяцы или годы, дух родителя объединился с первородной звериной сущностью и оставил себя своему сыну.

— У-у, как я тебя заговорил, — Дима хлопнул по столу ладонями. Лис встрепенулся. — Совсем из башки вылетело: ты ж с утра на ногах. Давай-ка спать. На моём диване ляжешь.

— Мне бы как-то братьям о себе сообщить, — юноша вздохнул и достал телефон. — Вдруг уже связь наладилась?

— Это мобильник у тебя? — с некоторой завистью спросил Дима. — Покажь поближе, а?

Лис передал ему аппарат. Сотовый утонул в грубой огромной ладони. Великан осторожно нажал цифру, полюбовался на результат, возникший на дисплее, усмехнулся на выдохе и вернул мобильник владельцу.

— Удобная штучка.

Лис виновато улыбнулся. Тверь и Вышний Волочёк разделяло около двухсот километров, зато жизни там и здесь казались разделёнными бесконечной пропастью. Пропасть эта тянулась через множество измерений — социальное, бытовое, информационное, образовательное, технологическое. Одно лишь не поддавалось никаким расстояниями и барьерам: измерение человечности.

Дима с любопытством наблюдал, как юный гость манипулирует аппаратом.

— Не работает? — сочувственно спросил он.

Лис удручённо качнул головой.

— До брата дозвониться не могу. Попробую другой номер...

Призывные гудки в трубке длились с полминуты. Лис намеревался уже снять вызов, но вдруг пискнул сигнал ответа. Юноша радостно кивнул Дмитрию, мол, повезло.

— Всеволода Васильевича можно к телефону? — торопливо заговорил он, когда постовая медсестра сонно пробормотала официальные координаты отделения. — Ой, подождите. Вы не могли бы ему передать?.. Да, это Борис Полозов. Он ждал звонка, да?.. Передайте, пожа-

луйста: я в Вышнем Волочке, утром буду на вокзале. Сейчас нахожусь у друга...

— Адрес пусть запишет, — подсказал хозяин и назвал улицу и дом.

— Да, спасибо! — Лис закончил разговор и победно потрепал на-
вострившегося кота. — Получилось!

Кот зевнул и как ни в чём не бывало свернулся на облюбованном
месте.

— Отцу звонил? — поинтересовался Дима.

— Брату. Другому брату, в смысле, — пояснил радостный Лис. —
По ушам я, конечно, получу за самодеятельность, но зато они оба бу-
дут спокойны.

— Ну и слава Богу, — безо всякой иронии подытожил новый
товарищ.

День одиннадцатый

Обстоятельства складывались поразительно удачно. Доктор Поло-
зов сдал дежурство строго по графику. На парковке, где «ночевали»
автомашины сотрудников больницы, он заметил знакомого врача из
урологического отделения. Разговорчивый коллега немедленно сооб-
щил, что отправляется к теще, чтобы забрать жену и дочку. Услыхав,
где именно проживает теща, Всеволод Полозов едва сдержал радост-
ный возглас. Коллега оживился.

— Конечно, подброшу! Садитесь!

По дороге пришлось выслушать все семейные, больничные, го-
родские, политические и прочие новости, но это неудобство было су-
щим пустяком. В половине десятого утра Тур прибыл на автовокзал
уездного городка.

Из последнего телефонного разговора с Вороном где-то в середине
ночи он знал, что тот решил добираться до пункта назначения любыми
средствами. В этих условиях найти брата в незнакомом городе каза-
лось серьёзной проблемой, однако Всеволоду Полозову опять повезло.
Распроцавшись с коллегой, он оглянулся по сторонам и увидел близ-
неца, направлявшегося ему навстречу.

— Рванул всё-таки, — тоном укоризны, смешанной с облегчением,
выдал Ворон.

— Нежданно-негаданно подвернулась попутка. Ты давно тут?

— Около часа. Я чувствовал, что ты близко. Решил подождать. Я узнал насчёт улицы. Пошли. Кажется, Лис все ещё у своего нового друга.

— С чего ты взял? — удивился Тур.

— Знаешь, когда так классно везёт, то везёт во всё, — усмехнулся Ворон и сплюнул через левое плечо. — Чтобы не сглазить.

У Тура внутри шевельнулось беспокойство. Он посмотрел на людей, заполнивших тротуары, на пятиэтажки, соседствующие с деревянными избами, на автомобили, проносящиеся по шоссе.

— Я об этом тоже подумал, — сказал Ворон. — Но заложных поблизости нет. Я уверен.

— Обжёгшись на молоке, дуем на воду, — заметил Тур.

Улица, которая значилась в адресе, записанном постовой медсестрой, нашлась без особого труда. И вместе с ней легко нашёлся Лис. Он стоял у калитки и разговаривал с молодым мужиком огромного роста, таким же рыжим, как он сам.

— Смотри, как спелись, — буркнул Ворон.

— Разборка будет дома, договорились? — предупредил Тур, поскольку знал, что у брата не задержится парочка крепких выражений. — Борис!

Лис непроизвольно вобрал голову в плечи, а Дима уставился на двух одинаковых мужчин, различавшихся между собой лишь наличием солнцезащитных очков. В костюмах и при галстуках они смотрелись на полудеревенской улице как агенты из западного боевика.

— Крутые у тебя братишки, — выговорил Дима и отступил к открытой калитке, рассудив, что провожать гостя на вокзал уже не придётся.

— Привет! — Лис делал всё, чтобы казаться невозмутимым. — Влад, Всеволод, познакомьтесь, это Дмитрий. Он меня выручил вчера.

Ворон снял очки и дружелюбно кивнул местному великану, а Тур, увидав здоровенный синяк на лице младшего брата, моментально забыл и о Диме, и о причитающейся Лису взбучке.

— Эй, не здесь, — шикнул парень, но брат бесцеремонно поставил его перед собой, снял перчатки и приложил ладонь к пострадавшему глазу.

— Спасибо, Дмитрий, — сказал Ворон рыжему громиле, под ногами которого увивался большой серый кот. — Надо понимать, ты мальчика отбил?

Тот смутился, как школьник перед благодарным директором.

— Да пустяки. Жаль только, врезать ему успели.

— До свадьбы заживёт, — Ворон усмехнулся. — Куда он влип?

— Есть тут у нас одна шайка-лейка. Курят травку, на дискотеках дебоширят. К проходим обычно не лезут. Может, он им что ляпнул сначала, не знаю. Одно хорошо: вовремя дёру дал.

Тур тем временем отпустил младшего брата, и Лис, растирая щёку с пожелтевшим остатком кровоподтёка, отошёл в сторонку.

— Спасибо, — Тур протянул Дмитрию руку.

Лис внутренне вздрогнул: брат не надел перчатку.

Ничего не подозревавший парень пожал протянутую ладонь. Кот внимательно глянул на доктора Полозова. Лис мог поклясться: в глазах Дикаря в этот миг полыхнула мысль.

— Будете в наших краях, заходите, — Дима широко улыбнулся. — Мы с мамкой гостям рады. Бывай, Борис!

Он махнул на прощание рукой, и младший Полозов чуть не ахнул: вокруг мощной ручищи ярко сиял огненный абрис, точь-в-точь такой же, какой полыхал сейчас над ладонями Тура.

Тёмные волны, заключённые в вековой гранит каналов, мерно текли от трудолюбивой Волги к древнему Волхову. А по улицам российской Венеции струилась жизнь в облике погружённых в свои заботы прохожих, нарядных старшеклассников, неторопливых велосипедистов и редких автомашин. Солнце гордо блестело в чистом безоблачном небе, плясало в стёклах домов, подгоняло стремительных стрижей и взывало к буднему дню лучистым криком: радуйтесь, лето пришло!

— Ты представляешь, что ты сотворил? — Лис, долго копивший в себе эмоции, захлебнулся восторгом. — Тур, ты передал ему часть своего живительного таланта!

Близнецы красочно переглянулись. Лис расценил их пантомиму как, увы, привычное недоверие.

— Тур, послушай, я видел огненный свет над его руками!

— Угомонись, — спокойно ответил брат. — Я знаю.

— А?

— «Бэ», — передразнил Ворон. — У парня за спиной стояла могучая сила. Неужели, не заметил?

— Я ничего ему не передавал, — пояснил Тур. — Это его собственная мощь ответила нашей доброй воле.

— Но он же понятия не имеет, как этим пользоваться! — воскликнул Лис. — У него мать больна, ему необходимо знать, как ей помочь.

— Лис, помнящий владеет силой, родившейся с ним из памяти

предков. Не твои ли это слова? Знать тут нечего. Достаточно верить. А этот парень умеет верить, не сомневайся.

Юноша остановился.

— Тур, у тебя что-то произошло? — осторожно спросил он.

Доктор Полозов улыбнулся братьям.

— Всего лишь выдался случай поразмыслить.

— Кажется, я отстаю, — подытожил Ворон.

— Так давай, нагоняй! — ляпнул Лис.

Ворон задумчиво снял очки и, прищурившись на солнце, оглядел юношу с ног до головы. Лис приготовился грудью встретить напор тяжёлого взгляда, но вместо ожидаемых неприятных ощущений почувствовал нечто сродни щекотке.

— Нагоняй получишь дома, — пообещал Ворон. — А пока выкладывай подробно, что вчера случилось в универе.

* * *

Лис не понял, чем «общий» вагон отличается от «плацкарта», кроме стоимости за проезд, но с мнением братьев согласился полностью: только по великой нужде можно пользоваться услугами пассажирских поездов. В конкретном случае такая нужда имела место. Билетов в купе в районном центре почему-то не продавали, а ближайшего «скорого» поезда пришлось бы ждать в два раза дольше, чем электричку.

Запахи в вагоне довели Лиса до тошноты. Редкостный букет из кислого пива, гнилых тюков, перегара и пота. Другие компоненты сортировке не поддавались.

Тур и Ворон третий раз за час отправились в тамбур курить.

— Можно, я с вами? — промямлил Лис, посчитав, что лучше уж вдыхать сигаретный дым, чем омерзительную атмосферу вагона.

В тамбуре возобновилось обсуждение покупки новой машины. Лис прислонился к грязной стене и прикрыл глаза. Грохот колёс, приглушённые голоса братьев, мало-мальски свежий ветер напомнили ему о скопившейся усталости. Подкралась дрёма. Лис перестал различать близнецов, и диалог принял облик забавного монолога человека, спорящего с самим собой.

Гулко хлопнула дверь. Лис вздрогнул. Высокий пожилой машинист в форме прошёл мимо Полозовых и на ходу обронил:

— Выходите на ближайшей станции. Поезд по назначению не придёт. Вы не можете этому помешать.

Спор оборвался. Дымящиеся сигареты застыли в пальцах.

— Мы все это слышали? — озадачено спросил Ворон.

Лис опомнился первым, ринулся в вагон и застыл в проходе. Пассажиры сидели на своих местах. Кто похрапывал, кто переговаривался, кто глазел в окна. Но никого в железнодорожной форме в видимом пространстве не было.

— Призрак машиниста. Прекрасно, — тихо сказал Тур. — Идеи есть?

— Выходим! Вон уже станция приближается! — воскликнул Лис.

— Стоп. А вдруг всё с точностью до наоборот? — удержал его Ворон. — Не поезд «не придёт по назначению», а мы не придём, если вылезем сейчас?

— Нет, он нас предупредил об опасности, — зашептал Лис. — Я, кажется, узнал! На фотографии в доме у Димы. Это был его отец!

— Принято. На выход, — скомандовал Тур.

Последний вагон мелькнул за семафором и скрылся из вида. Полозовы растерянно проводили отбывший поезд и дружно посмотрели вокруг. Полупустая платформа, типовое здание вокзала, выцветшее расписание электричек, привокзальная площадь, заставленная торговыми палатками — так встречал приезжих ещё один уездный городишко.

— Грядёт экскурсия по области «автостопом», — буркнул Ворон.

— Погоди, — Тур поморщился. — А что мы, собственно, не могли предотвратить? И почему?

— Он сказал: «Поезд по назначению не придёт», — медленно произнёс Лис. — Братцы, это что же получается? Кто-то готовил катастрофу, чтобы... чтобы...

— Пришить всех разом, — закончил Ворон. — Ловко. Собрали нас троих подальше от дома и решили отправить на тот свет в компании двух-трёх десятков пассажиров, чтобы не скучно было в последнем пути.

— Надеюсь, поезду теперь ничто не грозит, — пробормотал Тур.

— По-моему, заложный на такое не способен, — нерешительно вставил Лис.

— Почему же? — обернулся к нему Ворон. — Подтолкнул бедолагу-студента в окно, а потом понеслось. Предвидеть твои действия было несложно, ты всегда сломя голову кидаешься на помощь. Понятно, что после приключения с попуткой я бы сделал всё возможное, чтобы лично вернуть тебя домой. Попортить «шестёрку» труда не со-

ставляло, и меня ловко затормозили. Затем чудесным образом налаживается сотовая связь, и ты звонишь Туру. Его коллеге подсовывают идею срочно сгонять к теще и обеспечивают таким образом прямой транспорт до пункта сбора.

Увлечённое разъяснение было прервано сильным громкоговорителем, сообщившим о заканчивающейся посадке на электропоезд до Твери.

Тур подошёл к расписанию, болтавшемуся на стене здания вокзала, сверился с хронометром и махнул братьям.

— У нас есть шанс безопасно добраться до дома.

Через пару минут Полозовы сидели на жёстких лавках электрички: Лис у окна по движению, близнецы напротив. Запыхтели автоматические двери, грохнули колёса, и перрон медленно потёк за стеклом. Ворон пересчитал пассажиров в вагоне.

— Не густо. И как её вообще не отменили?

— Прекрати, — взвился Лис. — Ты специально меня пугаешь?

Ворон неопределённо хмыкнул и покосился на близнеца.

— А ты что скажешь?

— К чему бы ни стремились наши невидимые недруги, в одном они достигли успеха: довели кое-кого из нас до тихого психоза, — Тур неодобрительно посмотрел на братьев. — Нельзя же в каждом пне волка видеть! И скажи на милость, — он обратился непосредственно к Ворону, — чем мы так насолили этим самым заложным, чтобы затевать против нас операцию областного масштаба?

— Короче, ты считаешь, всё это глупости, — подытожил Ворон, причём, как заметил Лис, сделал это с облегчением.

Если бы Тур сейчас чётко ответил — да, Полозовы успокоились бы надолго. Но ответа не прозвучало. Тур задумчиво смотрел в окно.

* * *

— Конечная остановка, вставай.

Лис удивлённо посмотрел на старшего брата: холодный взгляд, холодная рука. Он открыл было рот, чтобы удивиться, но тут бледное лицо, обрамлённое чёрной бородой, расплылось, и из белой тени возник ухмыляющийся лик, взиравший на юношу из-под блёклой рабочей каски пустыми стеклянными глазами.

— Нет!

Кошмар лопнул.

Тур вопросительно поднял бровь. Во сне вздохнул Ворон, пристроившийся на плече близнеца.

— Почему так мёрзло стало? — Лис поёжился, посмотрел на брата

и, натолкнувшись на глубокий неподвижный взгляд, осторожно сжал руку в перчатке. Кисть была ледяная.

— Малыш, держись за что-нибудь, — тихо произнёс Тур.

— Зачем? — у Лиса ёкнуло сердце.

— Впереди что-то нас ждёт. Ворон, проснись, — он мягко тронул голову спящего.

Мерный гул колёс прорвал резкий надрывный гудок. Вагон шатнулся, зашипели тормоза. Пассажиры толкнуло вперёд, и электричка замерла на путях. Народ засуетился. Ворон молча шагнул к окну, поднял стекло и, встав на скамью, высунулся по грудь наружу. Тур не двинулся. Лис затаил дыхание.

Брат спрыгнул на пол вагона.

— Крушение, — выговорил он. — Тот самый, в котором ехали мы, завалился и горит.

Лис зажмурился. Под сжатými веками вспыхнула сумрачная бездна. Он увидел толпу растерянных, испуганных, объятых болью душ, плугавших на границах света. Распахнутый Переход звал их на встречу с пращурами. Но другой — плоский, будто нарисованный на пустоте — тянул в невидимую даль, и скорбная женщина в чёрном одеянии встречала заблудившихся распростёртыми объятиями.

— Она уводит заложных в собственную информационную сферу, — прошептал Лис.

— Держись возле меня, — скомандовал Тур.

— А?

Брат повторять не собирался. Вышел в проход вагона и громко объявил.

— Граждане, впереди на путях авария. Если среди вас есть медики, прошу вас помочь. Я врач. Я иду на место крушения.

— Все, кто готов оказать помощь, идёмте! — подхватил Владимир Полозов.

Народ моментально притих. Близнецы оглядели людей, чуть ли не синхронно повернулись к выходу и решительно направились к голове поезда.

В следующем вагоне призыв повторился. Лис, выполнявший роль массовки, ожидающе взирал на ошарашенных пассажиров.

— Я медицинская сестра! — вскочила юная барышня и, невзирая на шиканье двух испуганных подружек, вышла вперёд. — Я в медучилище учусь.

Встали два работяги и ни слова не говоря направились за Полозо-

выми и студенткой-медсестрой.

В трёх вагонах по пути к электровозу к команде присоединились молодой ефрейтор срочной службы, папаша большого шумного семейства, несколько молодых парней в спортивных костюмах и пожилой мужчина, заявивший, что служил в пожарной части.

— Куда вас несёт?! — помощник машиниста, висевший на подножке локомотива, поспешно влез назад на площадку. — Уже давно вызвали, кого следует. Эй!

Владимир Полозов бесцеремонно отодвинул его с дороги и спрыгнул на гравий. Метрах в трёхстах от остановившейся электрички в чистом зелёном поле под ласковым летним солнцем развернулась трагедия. В чёрных клубах дыма, ползущего по насыпи, мерцали языки пламени. Горели два последних вагона. А весь состав во главе с локомотивом беспомощно ссыпался под откос длинной уродливой грудой. Люди, казавшиеся издали маленькими и жалкими, растерянно сновали возле опрокинутых вагонов, сидели и лежали в траве, другие бессознательно отползали и ковыляли к перелеску, не заботясь ни о неподвижных телах возле насыпи, ни о разбросанных, будто мусор, мешках, чемоданах и тюках.

— Дело дрянь, — сквозь зубы процедил бывалый пожарник.

— Поторопимся, мужики, — бросил Владимир Полозов.

Они побежали к заваленному составу. Лис не надеялся, что вся собранная команда последует их примеру, и был немало изумлён, обнаружив рядом с собой и добросовестного папашу семейства, и работяг-ремонтников, и даже запыхавшуюся студентку-медсестру.

Заметив людей из электрички, несколько пассажиров, мечущихся возле последних горящих вагонов, бросились к ним, как к спасителям.

— Это МЧС?! Вы из МЧС? — бессмысленно кричал чумазый от гари проводник.

— Там моя жена! Умоляю, помогите!! — вырвался вперёд мужчина со следами ожогов на лице.

В своём безумном броске он попал прямо в руки ефрейтора и вис на его плечах, сотрясаясь в рыданиях.

— Шок, — констатировал Всеволод Полозов и скомандовал. — Кто имеет хотя бы элементарную медицинскую подготовку, за мной.

— А мы займёмся эвакуацией оставшихся в вагонах, — подхватил его близнец.

— Вы из МЧС? — опять проорал проводник.

— Успокойся, скоро тут будут и МЧС, и врачи, и пожарные, —

удивительно спокойно сообщил ему Владимир Полозов и обвёл взглядом всех, кто обступил добровольцев.

Проводник умиротворённо кивнул и опустился на землю возле лишившегося сознания пассажира, чья жена, вероятно, погибла в огне.

— Кроме пожара, будьте готовы тушить панику, — предупредил Владимир Полозов и зашагал к рухнувшему поезду.

Спортсмены, ефрейтор, два ремонтника и пенсионер-пожарник уверенно направились за ним, как за боевым лидером.

Всеволод Полозов в свою очередь взял правее, в поле, где копошились раненые и уцелевшие. Лис несколько секунд колебался, к какой команде присоединиться ему. В медицине он был, мягко говоря, не силён, а соваться под руку Ворону зарёкся ещё неделю назад.

— Крови не боишься, парень? — спросили рядом.

— Нет, вроде, — соврал Лис.

— Тогда нам туда, — многодетный папаша показал ему на медиков.

— Вы тоже врач? — осведомился Лис уже на ходу.

— Стоматолог. Но доктор прав: нужно использовать любой шанс, чтобы спасти людей.

Масштабы катастрофы проявлялись из статичной картины вместе с ужасом, висевшим над шокированными, израненными, полуживыми и полумёртвыми. Всеволод Полозов, чётко следовавший своим принципам, прогнозов не строил. Но и он дрогнул, когда спустя десять минут интенсивной работы мысли, воли и горячих рук понял, что в числе пострадавших — каждый третий. Уложив на траве очередную пациентку, беспокойную женщину с черепно-мозговой травмой, он выпрямился и оглядел фигуры людей, разбросанные вдоль развалившегося поезда под железнодорожной насыпью. До прибытия спасательной команды по самым оптимистическим подсчётам оставалось минут двадцать, учитывая расстояние до города и инертность захваченных врасплох начальников. Ровно столько же прошло с момента крушения. И на беду среди выживших в аварии не оказалось никого, сохранившего хладнокровие и способного мало-мальски грамотно оказать первую помощь пострадавшим попутчикам. Паника выбила из строя даже тех, кому посчастливилось отделаться мелкими синяками и царапинами.

— Доктор! Сюда!

Всеволод Полозов профессионально улыбнулся успокоившейся женщине:

— Всё будет хорошо.

И побежал на зов.

Студентка-медсестра сидела на коленях возле стонущего молодого человека и двух его потрёпанных приятелей. Те, видимо, хотели оттащить товарища подальше от железнодорожного полотна, но, напуганные его отчаянным криком, оставили свою затею.

— Посмотрите, по-моему, это перелом позвоночника, — прошептала девушка, когда врач наклонился к пострадавшему.

Всеволод Полозов вздрогнул, ладони мгновенно похолодели, а в глазах покатались кадры, бывшие реальностью пятнадцать лет назад. Рушатся строительные леса. Человек летит вниз. Падает навзничь и остаётся неподвижным. Собственный вопль — брат!.. Холодная больничная палата...

— Требуется иммобилизация, — доктор Полозов говорил автоматически. — Справитесь?

— Да.

— Умница. Как вас зовут?

— Оля.

— Добро пожаловать на практику, Оля. Из вас получится отличная медицинская сестра.

«Лирическое отступление» было жизненно необходимо: Тур сумел отодвинуть от себя коварную память. Но тревога вонзилась в сердце, вырвавшись из пространства настоящего времени.

— Доктор! — окликнули слева.

И тут же справа донёсся голос Лиса.

— Всеволод! Здесь человек погибает!

— Оля, организуйте этих молодых людей, пусть найдут подручный материал: палки, ветки, ремни. Зафиксируйте тело раненого, — распорядился доктор Полозов и поспешил к младшему брату.

Парнишка, над которым суетились Лис и какая-то девушка с кровоподтёками на лбу, хрипел и вздрагивал в приступах кровавого кашля. Частое поверхностное дыхание со свистом вырывалось из груди и оседало на посиневших губах алой пеной.

— Я пульс не нахожу! — воскликнул Лис.

Всеволод Полозов глянул на брата, такого же белого, как его пострадавший сверстник.

— Не паникуй.

— Он выживет? — пролепетала девушка, взиравшая на врача, как на бога.

— Конечно. Ничего страшного, — он попытался изобразить уверенность, хотя прекрасно понимал, что спасти юношу может только

хирургическое вмешательство, причём немедленное. — Переведите его в полусидячее положение... Вот так, правильно. Так и держите, пока не прибудет помощь. Я сообщу медикам, чтобы его забрали в больницу в первую очередь.

— Доктор!! Ну, где же вы!

К нему бежал нескладный худощавый мужчина средних лет.

— Борис, найди что-нибудь холодное, — велел Всеволод Полозов, отступая от брата и его подопечного, — и приложи к груди раненого.

— Холодное? Да где ж я найду?

Лис растерянно оглянулся на пропитанное солнцем поле и далёкий кудрявый лес.

— Ищи средства, а не оправдания. Действуй!

— Доктор, там старика вытащили... Там столько крови!..

— Доктор! Пожалуйста, здесь помогите!

Доктор Полозов прикрыл глаза. Даже если бы ему сейчас удалось раздвоиться или растроиться, он не успел бы везде. А команда спасателей так и не появилась ни со стороны Волочка, ни со стороны Твери.

На помощь пришёл стоматолог. Старика он взял на себя и живо разобрался с открывшимся кровотечением, оказавшимся на поверку не столь ужасным, как привиделось попутчикам. Всеволод Полозов тем временем помог спортсмену и ефрейтору из «команды» брата опустить на землю пассажира с раздавленными ногами, извлечённого из-под обломков купейного вагона. Жизнь безвозвратно уходила из некогда красивого сильного тела вместе с тёмно-бордовой кровью, залившей изуродованные конечности.

— Необходимо наложить жгут, — произнёс врач.

Ефрейтор воспринял сказанное, как команду. Вскочил, выдернул из форменных брюк широкий ремень и протянул хирургу.

— А смысл есть? — осторожно спросил молодой спортсмен.

— Пока раненый жив, нужно бороться за его жизнь! — отрубил доктор Полозов. — Даже если кажется, что все шансы исчерпаны.

Он провёл все необходимые действия собственноручно и распорядился отнести несчастного ближе к локомотиву, куда по его указанию добровольные помощники оттаскивали тяжело раненых.

Глухая пауза, вызванная усилием воли, окутала сознание. Тур прикрыл глаза, отсёк подступившие эмоции и заставил себя максимально расслабиться. Он давно забыл, что такое настоящий человеческий сон. Отдых для него многие годы выглядел именно так: недолгий покой тела, мозга и души.

Пора возвращаться.

Он вострепнулся и по привычке бросил взгляд на часы. Если предположить, что сигнал о крушении поступил на диспетчерские пульта без промедления, реакция железнодорожных служб затягивалась уже на сорок пять минут. За это время можно было уже дважды добраться до места трагедии как из районного, так и из областного центра. Кольнула тревога: а поступил ли по назначению сигнал?

Всеволод Полозов посмотрел вокруг. Шок отпустил людей. Те, кто остался невредим или получил незначительные травмы, следуя примеру самодеятельной спасательной команды, взялись помогать раненым. К ним присоединились пассажиры электрички, машинист которой всё-таки рискнул нарушить правила и открыть двери вагонов. Заметив двух боевых бабусь в классических деревенских платочках, доктор Полозов улыбнулся. Одна, круглая, как большой мягкий мяч, сновала между рыдающих женщин, успокаивая каждую поочередно. Вторая обнимала девочку-подростка и старалась увести её от чего-то, лежащего подле.

Улыбка исчезла из-под чёрной бороды, когда Всеволод Полозов понял, что именно застыло в траве у ног ребёнка. Взгляд выхватил из рассеянной человеческой массы другую композицию: мужчина на коленях над неподвижным человеческим телом. И ещё, и ещё... Тела одинокие или оплакиваемые близкими лежали в поле. Вот двое приволокли новый труп, извлечённый только что из покорёженного вагона.

Вдалеке, там, где до сих пор вяло поднимался дым, мелькнула хорошо знакомая фигура. Владимир Полозов вёл очередную группу добровольных помощников.

На открытых ладонях явственно проступил жар. Тур опустил взор на свои руки и, как ожидал, увидел тот самый призрачный абрис, о котором утром взахлёб твердил Лис. Зародилась шальная мысль — если бы только суметь охватить этим жаром, как крылом, всех, кто сейчас страдал от боли и ран! Уберечь живых. Вернуть мёртвых!

За спиной возникло ощущение движения.

— Она всё равно будет моей девчонкой!

Тур круто обернулся. Парнишка, которого тщетно выхаживали Лис и незнакомая девушка, гневно зыркнул на врача и поплыл вверх по насыпи.

— Так нельзя. Иди один. Иди с миром, — прошептал ему вдогонку Тур, но слова увязли в горячем дымном воздухе.

Блазень продолжал удаляться, не двигаясь с места. А на рельсах, где в солнечных лучах угрожающе блестел не то реальный, не то при-

зрачный разлом, качалось марево из пяти человеческих теней. Тур напрягся. Глаза моментально заволокло едкой пеленой. Он не смог рассмотреть визитёров с того света, но успел заметить на одном из них полупрозрачную строительную каску.

Слева, там, где рухнули хвостовые вагоны, разлетелись испуганные крики. Что-то гулко лопнуло, и зашипел горящий пластик. На Тура нахлынула боль. Не своя, но до ужаса близкая. Прокатилась по левой руке и заскреблась в предплечье. Сердце ответило сумасшедшей дробью, и дыхание застряло в груди.

— Ворон...

— Доктор! — с другой стороны к нему, спотыкаясь, бежала тучная женщина в изорванной форме проводницы. — Мне сказали, вы доктор! Пожалуйста! — она схватила его за руку и потащила за собой. — У него сердце отказало!

Всеволод Полозов оглянулся назад, где недавно безобидные останки поезда изрыгали в небо чёрный дым. Двое — вроде бы спортсмены из электрички — спрыгнули с опрокинутого вагона и кубарем покатались по земле. Старый пожарник отчаянно размахивал руками и призывно кричал кому-то, оставшемуся внутри. В небо взметнулось пламя.

— Скорее! — торопила врача взволнованная проводница.

Доктор Полозов принял решение...

Владимир Полозов потряс головой и снова осмотрел холодный труп. Доселе он был уверен, что на помощь звал живой человек. Он даже отчётливо видел движение, когда заглядывал сюда сверху из разбитого окна.

— Эй, командир! — окликнули снаружи. — Никого нет! Только мёртвые.

— Не спускайтесь, я проверю! — отозвался Владимир Полозов.

Было не просто перемещаться по вагону, где вместо потолка над головой торчат столики и боковые спальные полки, а полом прикидывается правый борт, разделённый исковерканными переборками. Ворон перебрался через два барьера — ранее стенки между купе плацкарта — и обнаружил тела погибших. В ушах появилось противное шипение. Рассудок стиснул эмоции, не позволив сознанию утонуть в опасном вареве вскипевших чувств.

— Есть кто живой?! — громко крикнул самодеятельный спасатель.

Свой голос он услышал ясно, но шипение в ушах не прекращалось. И источником его была отнюдь не собственная разгорячённая голова,

уже не однажды подводящая хозяина несвоевременной отключкой.

Владимир Полозов ухватился за край переборки и, подтянувшись, оглядел вагон.

— Чёрт подери...

В тамбуре молча бушевало пламя. Что вспыхнуло и когда, уже не имело значения, ибо хлипкая дверь, обитая пластиком, шипела и пузырились от жара, разгулявшегося в замкнутом пространстве.

— Вылезай оттуда! — заорали сверху.

— С удовольствием, — пробормотал Ворон и поискал глазами разбитое окно.

Как назло, над двумя ближайшими секциями купе рамы и стёкла уцелели.

— Посторонись!

Владимир Полозов нырнул между спальных полок и сгруппировался. Вниз посыпались осколки: товарищи наверху из самых благих побуждений освободили ему дорогу... а заодно обеспечили новый приток воздуха в загоревшийся вагон. В следующую секунду капитулировала тамбурная дверь. Пламя хлынуло в коридор, жадно облизало половой, а в данный момент «настенный», ковёр и понеслось на свободу. Снаружи раздались испуганные крики, и инстинкт самосохранения мигом сдул нерадивых помощников с наблюдательного пункта.

Удушающий запах горячей пластмассы обрушился в отсек, где находился единственный, пока живой человек. Огненная ловушка грозила захлопнуться в ближайшие полминуты. Однако хладнокровие Ворона не покинуло. Представив спланированный манёвр в деталях, он глубоко вдохнул ещё относительно чистый воздух, выскочил из своего укрытия, одним махом взлетел на переборку, опёрся о кронштейн спальной полки и... Опора резко ухнула вниз. Ворон шатнулся — жар ударил в лицо, отбросил назад в коробку перевёрнутого купе, а «розетка» разбитой пивной бутылки вонзилась в левую руку.

«Понедельник затянулся», — подумал он и удивился собственному спокойствию.

Но тут отчаянный кашель встряхнул контуженное тело. В глазах поплыло от злого дыма, ворвавшегося в легкие, и боль искрами заметалась между чёрных и алых пятен, застеливших взор. Последней точкой в незавидном положении стал ухмыляющийся оскал труп, смотревшего на пленника из несуществующей пустоты.

— Не возьмёшь, тварь, — прохрипел Ворон. — Не возьмёшь!

Огонь навис над головой, на миг застыл, будто в раздумье, и ра-

достно ринулся в выбитое окно. Ворон представил факел, вспыхнувший над вагоном, и состояние Тура при виде этой яркой во всех отношениях картины. Мысль о том, что близнец вот-вот останется в этом мире один, сработала подобно энергетическому заряду.

— Нет! — выкрикнул он огню и поднялся в полный рост между плавающих стенок купе. — Мы вернулись сюда, чтобы жить!

Пострадавший, к которому привела доктора Полозова проводница, лежал на земле в двух шагах от локомотива. Серьёзных ран Тур при беглом осмотре не заметил. Это подтвердила и подоспевшая чуть раньше юная медсестра Оля.

— Он машинисту помогал, — торопливо сообщила проводница. — Он начальник поезда. Когда всё произошло, он за рацией вернулся. Потом людей выводил. Упал вдруг. У него сердце... О, господи!

Она тяжело села на насыпь, закрыла лицо руками и затряслась в рыданиях.

Всеволод Полозов разорвал на лежащем синюю форменную рубашку и нащупал артерию. Пульс отсутствовал.

— Зрачок широкий, на свет не реагирует, — отчиталась Оля. — Клиническая смерть, да?

— Вследствие острой сердечной недостаточности, — добавил доктор Полозов автоматически. — Приготовьтесь: непрямой массаж сердца и искусственная вентиляция лёгких. Пять на два. Начали!

После двух серий он понял, что измотанная девушка, усердно выдыхавшая воздух в приоткрытый рот пациента, сама, того гляди, потеряет сознание.

— Контролируйте пульс, — велел он помощнице. — Дальше я один.

Человек не возвращался. Всеволод Полозов, отгонявший от себя мысли о боли брата, подумал вдруг, что целительная сила рук иссякла, залитая страхом за жизнь Ворона. Но выбор был сделан пять минут назад, когда он пошёл к незнакомому пациенту.

— Ну, давай же, давай! — шептал врач, ритмично вжимая грудную клетку бездыханного. — Тебе нужно жить!

Огонь облепил одежду, повис над каштановыми кудрями и распахнул телу горячие объятия. Но Ворон не ощущал жара. Раскалённый воздух не обжигал лёгкие. Отвратительный дым не терзал грудь удушьем.

Зачарованный, он смотрел на застывший пожар будто изнутри не-

видимого кокона.

«Спасайся, парень!»

Ступор выпустил рассудок из цепкого захвата. Ворон опомнился. Протянул руку в замершее пламя, взялся за расплывшийся край спальной полки. Рывок, упор, прыжок. Он качнулся под порывом ветра, удержал равновесие и, отскочив к краю заваленного вагона, спрыгнул вниз. Кувырнулся в траве и, как заправский акробат, тут же вскочил на ноги.

«Живи, парень! И я буду жить. Твой брат возвращает меня в жизнь».

Невесомая сфера отделилась от тела Ворона и собралась в фигуру плотного мужчины, на голове которого красовалась фуражка железнодорожника.

— Вы...?

Ворон хотел спросить «кто», но слова прилипли к пересохшим губам.

«Я там, — призрак махнул рукой на голову поезда. — Извини, мне пора. Может, когда увидимся. Но, чур, живыми!»

Владимир Полозов молча кивнул и медленно опустился на землю. К нему подбежали, принялись трясти, звать, задавать вопросы. Кто-то плеснул водой в лицо. Он только вяло повёл рукой, мол, отстаньте. А сам провожал взглядом уплывающего спасителя. Происшествие не укладывалось в голове: информационная ипостась умершего обернула собой живое человеческое тело. Закрыла от огня? При всём уважении к потусторонним силам, Владимир Полозов не мог смириться с неральным ответом. Но ни одного серьёзного ожога на себе он не чувствовал. Под опущенными ресницами протекли невнятные кадры только что состоявшегося события: застывший огонь, остановившийся воздух, замершее время.

«Я был в переходе, — шевельнулась догадка. — Там протекли минуты. Здесь промчалось одно мгновение».

Знакомый звон в голове грозил превратиться в очередной ступор, служивший клином между рассудком и организмом. Ворон напряг мускулы, дабы не позволить себе отключиться. И тут резкая боль в руке мгновенно отрезвила тонущее сознание. Он вспомнил про разбитую бутылку, разлепил веки и посмотрел на распоротое предплечье. Окровавленный осколок торчал чуть ниже локтя.

— У кого-нибудь пояс или ремень остался?

Вопрос был законный. Названные предметы одежды пустили на перевязочный материал в первую очередь. Мужчины, обступившие пострадавшего организатора спасательных мероприятий, изумлённо

установились на него сверху вниз. Никто не ожидал, что человек, чудом выбравшийся из горящего вагона, продемонстрирует непоколебимое самообладание.

Шустрая бабуся протиснулась к раненому.

— Сейчас, сейчас, сынок! — она сняла с головы косынку и бережно отёрла кровь.

— Братана его приведите! — крикнул кто-то из спортсменов.

— Без паники, парни, — Владимир Полозов прижал рану и легко поднялся. — Это не смертельно.

Он натолкнулся на настороженный взгляд пенсионера-пожарника и, сделав вид, будто ничего особенного не приключилось, продолжал:

— Мы все вагоны прочесали, кажется? Тогда давайте-ка переводить раненых к локомотиву. МЧС должна быть тут с минуты на минуту, — он посмотрел вдаль и кивнул сам себе. — Уже едут!

Все как по команде оглянулись.

— Не прошло и часа, — проворчал пожарник и, пока остальные искали на горизонте признаки спасательной службы, подозрительно смерил Владимира Полозова с ног до головы. — Умелые у тебя ангелы-хранители. Ты хоть понимаешь, что изжариться мог в этом проклятом вагоне?

— Понимаю. Забудь.

Пожарник отступил под странным колючим взглядом.

— Точно, прибыли! — объявил он, запоздало заметив приближающийся поезд.

— Помогите там. Я отдышусь немного, — сказал Владимир Полозов и, придерживая раненую руку, пошёл к бело-чёрному столбу, оставшемуся от старого ограждения железнодорожного полотна.

Хотелось поскорее привалиться к чему-либо устойчивому, поскольку в голове вновь поднялся шум, вполне объяснимый и естественный на сей раз.

— Доктор, есть пульс! — воскликнула Оля.

Всеволод Полозов сделал последнюю контрольную серию реанимационных мероприятий и в изнеможении сел возле ожившего.

— Посмотрите, нет ли у него в карманах валидола или каких-то других лекарств, — произнёс он.

В поле началось суетливое движение. Доктор Полозов перевёл взгляд на железнодорожное полотно.

— Спасатели едут, — он вытер пот со лба. — Теперь всё будет

хорошо.

Он встал.

— Доктор, куда вы? — почему-то испугалась юная медсестра.

— Проверю, нет ли пострадавших в пожаре. Оставайтесь с пациентом, Оля.

Он шёл мимо людей, потянувшихся навстречу долгожданному поезду. Тело ощущало неподвижность близнеца. Воображение немедленно нарисовало десяток ужасающих сцен, и, сделав несколько шагов, Тур сорвался на бег.

— Ворон! — забыв об осторожности, крикнул он.

Но тайна имени не пострадала: никто теперь не обращал внимания на высокого мужчину со следами чужой крови на сером пиджаке. Среди потрясённой измученной человеческой массы, узревшей конец своим бедам в облике невозмутимых сотрудников МЧС, он больше не был доктором-спасителем и стал одним из сотни пассажиров, волею судьбы оказавшимся на месте крушения.

— Ворон.

Он увидел брата.

— Я в норме, — Ворон оторвал голову от полосатого столба.

Тур воспринял его слова, однако не успокоился, пока не осмотрел близнеца профессионально.

— Ты ни с одним пациентом не чикаешься так, как со мной, — поморщился брат, но сопротивляться не посмел.

— Терпи, осколок вынимаю, — предупредил врач.

Кровь хлынула из глубокой раны и секунду спустя покорно оставилась, повинувшись целительному жару заботливых рук.

— Болит?

— С какой стати? Когда ты мне боль причинял?

— Слушай, давай-ка без бравады! — доктор Полозов повысил голос. — Это что, шутки, по-твоему? — он показал глазами на окровавленное предплечье.

Ворон обезоруживающе улыбнулся.

— Тур, успокойся.

Врач опустил голову. Нервы, вырвавшиеся из-под пресса могучей воли, заставили сердце отбивать в груди лихую чечётку.

— Брат, запомни, — выговорил Тур тихо, — если на моих руках окажутся два тяжёлых пациента и одним из них будешь ты, мне будет глубоко плевать, кто второй.

Ворон привстал, притянул близнеца к себе и заглянул в глаза.

— Ошибаешься. Что бы ни произошло, ты останешься трезво мыслящим врачом. Я это знаю точно, как то, что следом за ночью приходит день, за зимой — весна, а за смертью — жизнь. И я тебя не подставлю. Два как один. Так было много лет, так есть и будет всегда.

Тура передёрнуло. Всё приключившееся сегодня с братом вдруг стало достоянием его собственной памяти как реальное, но не распознанное.

— Я не хотел говорить сейчас, — продолжал Ворон негромко, — но вижу, придётся. Дух человека, которого ты откачивал, пока я торчал в горящем вагоне, пришёл ко мне на помощь.

Брат молчал.

— Ну, хватит. Взбодришься, — Ворон выпрямился. — И давай не будем про «если бы».

— Не будем, — согласился Тур. — В конце концов, бывало и хуже. Я подумал о другом. Снова и снова мы попадаем под влияние *той* стороны света.

— Наверное, настала пора кое-что признать.

— Мне страшно это признавать, — медленно произнёс Тур и испытующе посмотрел на близнеца. — Как и тебе. Но Лис прав: пока мы стоим, упёршись лбами в собственные ворота, каждый, кому не лень, может безнаказанно дать нам пинка... Я видел заложных на путях. Крушение поезда было не случайным.

— Они заманили меня в вагон, который мог вспыхнуть в любую минуту, и вспыхнул, когда я меньше всего ожидал такой фишки, — в свою очередь сообщил Ворон.

— Почему это происходит?

— Я не знаю. Но мы вернулись на этот свет после... Помнишь Афган?

— Помню, — эхом отозвался Тур. — Но даже если допустить, что мы тогда... — он прямо взглянул на брата, — погибли, почему огонь памяти земной выбрал именно нас, чтобы вернуть на этот свет в новой ипостаси?

Ворон устало передёрнул плечом.

— Понятия не имею. Хотя, если учитывать, чем заканчивались наши детские потасовки, кое-что прояснится. Мы быстро мирились, и ты стирал ладонями наши ссадины и синяки. Я считал это в порядке вещей и удивлялся, почему у других мальчишек фингалы цветут больше недели.

Тур задумчиво усмехнулся.

— Зато под твоим взглядом ходили строем все деревенские собаки.
— Ага. А как я заставил алкаша искупаться в отстойной яме? Батяка потом меня отдубасил до потери сознания.
— А меня взгрела мать за то, что не заступился... Странно. Мы с тобой никогда не вспоминали детство. Как будто умышленно отрезали от себя родные корни.
Они умолкли. Мысли продолжали течь в одном русле, и высказываться вслух больше не требовалось.
— Тур, — вдруг сказал Ворон, — не пора ли закончить терапию?
Доктор Полозов спохватился и разжал ладони, сомкнутые на предплечье брата. Края рваной раны заметно подтянулись.
— Скверно, — вздохнул он.
— Брось! Это же не финка под ребром!
— Тогда я держал тебя с первых минут и всю ночь. А сейчас, — Тур оглянулся на спасателей, приступивших к выполнению своих обязанностей, — мне нужно быть в больнице. Минимум треть пострадавших привезут в наше отделение.
— Действуй, близняшка, — подмигнул ему Ворон. — За меня не волнуйся. Мы с Лисом будем ждать тебя дома.
— Только после того, как я наложу тебе повязку. Пойдём-ка к санитарному вагону. И сделай одолжение, не спорь со мной.

День двенадцатый

Чёрно-белый сон терзал мозг разрозненными обрывками хроники минувших дней — близких и далёких. Отдельные сцены появлялись так, будто под закрытыми веками крутилось документальное кино. Другие, опутанные жестокой фантазией, загоняли сознание в душные провалы, и чёрный огонь, подступая к границам яви, иссушал губы и вытягивал из груди слабые стоны.

Ворон приоткрыл глаза, перевернулся на бок, рефлекторно щадя раненную руку, но так и не проснулся окончательно. Хроника продолжала течь кадр за кадром.

«Вы показали сегодня прекрасные профессиональные качества, — доктор Полозов улыбается молодой медсестре Оле, взирающей на него снизу вверх отважными серыми глазами. — Вот моя визитка. Будут проблемы — звоните». Вместо картонной карточки в пальцах

брата Ворону чудится змеиная чешуйка, сверкающая золотом в лучах летнего солнца.

«Мы обязаны были вывести их в переход! — кричит Лис. — Как вывели Пашу! А теперь у Пятницы в руках сотни новых заложных...» В поле вспыхивает огненный круг. Исчезает железнодорожная насыпь, вагоны и пятнистые комбинезоны спасателей. Вокруг встаёт тёмный осенний лес. Горит фантомный костёр, а в центре его бьётся рыжий зверёк с облезлым хвостом. Ворон видит свою руку, протянутую в огонь. Два одинаковых голоса: «Гамаюн!», и через стену пламени переходит рыжеволосый юноша. Деревья и поляна превращаются в наполненный людьми зал аэропорта. «Борис. Борис Полозов!» Рыжий парнишка с тощей сумкой на плече замирает, оглядывается и торопливо шагает сквозь толпу пассажиров...

«Не смей соваться в дела Бера!» — ухмыляется изувеченный труп.

Трещит телефон, и не поднятая с рычага трубка шепеляво вещает: «... Он будет лежать на дороге окровавленным куском мяса. Холодный и мёртвый. И ты будешь смотреть на его труп, как на свой собственный»...

«Рядовой Полозов!» — «Брось, сержант. Они неделю друг с другом не разговаривают». — «Взвод! По местам!»... Рёв мотора. Пыль. Раскалённое солнце. Затаившиеся скалы. Горячий воздух обжигает грудь. Вздрагивает каменная земля. Грохот валится сверху. Валится всё: камни, борт БТР, рыжая пыль, солнечный свет, кровавая плоть. Крики замирают в кромешной тьме...

По расчерченному клетками старомодному ковру расставлены оловянные солдатики: войско русских витязей и чужие рыцари в рогатых шлемах. Гремит гонг. Ворон видит себя ярким блондином на белом разгорячённом коне, в золотом шлеме и красном плаще. Солдатики-витязи — послушные одноликие шеренги — поднимаются за спиной, готовые двинуться в бой против чёрной тучи теней, выстроившихся вдоль тёмного леса. Чёрный лидер поднимает меч, и розовое солнце затягивается грозowymi облаками. Сыплются стрелы, гремят щиты, ломаются копьё...

Неподвижный лик чёрного лидера — знакомый, но неподлинный — качается под ресницами.

«Один живой! Носилки сюда!»... Один? Бьётся очнувшаяся мысль: почему один?.. На расчерченную белыми клетками площадку падает с неба иссиня-чёрный тюльпан. Гремит металл. Открываются огромные ворота в холодную тьму.

Грузовой отсек самолёта. «Нет! Он живой, слышите! Живой!»

Ворон застонал. Плечи конвульсивно дрогнули под воздействием отчаянного импульса, посланного сном.

Одиноким солдат мечется между чёрных бесформенных мешков. Топот позади. Крики. Соппротивление. Рывок. И снова собственный голос: «Он будет жить! Будет жить! Жить...» Металлическое эхо остывает на камнях...

Руки судорожно сжимали измятую подушку. Пот заливал обнажённый торс, струился по шее на грудь и стекал по щекам вместе с солёными каплями, сочащимися из-под сжатых век.

— Ну-ну, сынок. Ты это, успокойся, — невесомая рука Деда ласково тронула мокрый лоб. — Плохое уходит в прошлое. Пушай себе идёт в историю. Было оно, конечно, но вы победили, справились. Отдыхай. Никуда твой близнец не денется. Эвон, со скальпелем над столом стоит. Дело делает. А ты спи. Успеешь наработаться с утра.

Ворон не расслышал слов и не почувствовал прикосновения, однако кошмарные видения поблёкли, а сознание плавно опустилось в глубины сна.

«Лис, а Лис. Я чего-то не понимаю: зачем этой злыдне Пятнице столько заложных? Ворон говорит, что от меня одной куча неприятностей. А я всего лишь его машину починить попробовала...»

— Ты не заложная, — отгрызнулся Лис, только что обжжённый об сковородку. — А Пятнице нужны верные слуги, поэтому она провоцирует безвременную смерть, — он тяжело вздохнул и добавил: — И я ничего не могу сделать один.

«Опять всё на себя вешаешь? Тоже мне, спаситель мира. Иди-ка за стол. Я сама тебе завтрак принесу».

— Что это на тебя нашло? — Лис изумлённо искал глазами прозрачную подружку.

«Приступ хозяйственности. А для сковороды, между прочим, существуют прихватки».

Омлет плюхнулся в тарелку, туда же отправился кусок хлеба, и блюдо поплыло к столу.

— Спасибо, Ки. Ты делаешь успехи.

«Лопай лучше. А то опоздаешь в свой универ. Кстати, почему твои братцы не наймут какую-нибудь служанку? По-моему, теперь это считается нормальным».

— Ну, знаешь, в нашем доме всякое бывает, — Лис взял вилку. — Привезут Туру какого-нибудь простреленного, упившегося или по-

резанного, а в доме посторонний. Ещё наступит, чего доброго.

«А, понятно!»

Лису показалось, что Кикимора обрадовалась.

«Я тоже лишних ушей не люблю... Лис, а Лис. А что такое земная память?»

Юноша чуть не поперхнулся.

«Могу я повесить эрудицию или нет?» — пояснила Кикимора.

— Ну конечно, — Лис растерянно оглядел кухню. — Память это память. Информация, энергия. Я точно не знаю, на что она похожа. Но она существует как единое пространство, не доступное пока человеческому восприятию. Когда кто-то умирает, накопленные им знания, чувства, в общем, всё духовное, перемещается по переходу в мир, который в русских сказках называют «тридцатым царством», у восточных славян — Ирий-садом, в христианстве — Раем, у скандинавов — Валхаллой. Названий много, но память земная всё равно остается единой. Оттуда растёт будущая жизнь.

«Круговорот веществ в природе», — подсказала призрак.

— Не в природе, а в бытии, и не веществ, а информации, — Лис оседлал любимого конька и, забыв про омлет, пустился в теории. — В круге бытия существуют три перехода: из жизни в смерть, из смерти в память, и из памяти в жизнь. Каждый переход имеет свой срок. Например, из смерти в память информация идёт сорок дней. Столько же из рождения в жизнь. Это наиболее полно отражено в христианстве. Исключения составляют заложные. Раньше я думал, что им не дают уйти в Переход какие-либо внешние факторы вроде влияния Пятницы. В народе говорили: заложные поступают во служение нечистой силе. Но, глядя на тебя и Деда, я понял, что сильная личность способна сама определить судьбу своей информационной ипостаси после физической смерти тела. Возьмём погибшую девчонку из детдома, которая определила своё информационное ядро. О чём она мечтала всю жизнь?

«Жить в уютном доме со своей семьёй!» — бодро отозвалась Кикимора.

— Верно. Вот ты и нашла дом. С другой стороны — Дед. Он слишком любил своего единственного друга — Галку и остался на этом свете с целью обеспечить собаке маломальскую безопасность. А теперь, похоже, — Лис воровато оглянулся на стены, нет ли где поблизости ворчливого болотника, — вздумал выступить в роли нашего батьки.

«А что, тебе не нравится?» — Ки хихикнула, и капельки воды из слабо завёрнутого крана поддержали её весёлой дробью.

— Да нет, пусть. Дед умный. Лишнего не скажет, плохого не посоветует.

«И хвост накрутит, если придётся».

Лис фыркнул, засунул в рот остатки завтрака, быстро проглотил и встал из-за стола.

— Ладно. Я пошёл.

«Эй, Лис, у меня вопросы ещё не закончились».

— А у меня скоро занятия начнутся.

Он отправился в холл, но Кикимора не отставала.

«Ну, на один ответ, пожалуйста!»

— Валяй.

«Как заложные умудрились разобрать рельсы и опрокинуть поезд?»

Лис уронил руки.

— Не знаю.

«Я в доме всё могу без проблем, — продолжала Кикимора, — и постирать, и убраться, и обед сделать. А во дворе только метлу вижу, и то не всегда».

— Никто специально рельсы не разбирает, — насупился Лис. — В наших условиях, когда вся страна висит на волосок от «несчастливого случая», достаточно иной раз просто дунуть, чтобы какой-нибудь котёл взорвался, самолёт упал или атомная станция выплюнула в атмосферу порцию радиации. В девяностых наше правительство распродало всё, в том числе и совесть. А человек без совести, без корней, как пустой сосуд — заливай туда любую гадость и получишь требуемый результат. Посмотри, там Ворон ещё спит?.. Нет, не буди. Передай ему и Туру, что я, наверное, загляну в библиотеку. Идея одна есть.

* * *

Таксист подозрительно покосился на пассажира, потребовавшего остановить машину на обочине пустой дороги, но ничего не сказал. Тур расплатился и вышел на шоссе. До особняка оставалось чуть больше километра. Дождавшись, когда такси скроется из вида, он закинул мятый пиджак на плечо и направился к дому напрямик, по лесной тропинке.

Ноги гудели от усталости. Без малого сутки доктор Полозов провёл в операционных, не считая предшествующих тому драматических событий. Напоследок пришлось выслушивать витиеватые речи заведующего, вынужденного объявить дежурному благодарность от лица главврача больницы. За сверхурочные хирург получил дополнительный выходной и распоряжение явиться на очередное дежурство

через четыре дня.

Мысли самовольно выдернули из памяти недавний скандал «на ковре» у шефа. Тур хмуро усмехнулся. Он ускорил шаг, решив, что приятной прогулки в таком расположении духа не получится, и тут услышал звонкий мальчишеский голос.

— Тётя Нина! Это он!

Тур не сразу понял, что внимание привлекла его персона, и остановился лишь после того, как заметил двух велосипедистов: молодую женщину и мальчика, свернувших на тропинку с просёлочной дороги. На велотуристов колоритная пара не походила совсем, поскольку на руле у парнишки болталась объёмная деревенская авоська, гремящая на каждой кочке, а простенькая ситцевая юбка дамы была явно не предназначена для спортивных прогулок.

— Всеволод Васильевич? — женщина бросила велосипед и подбежала к доктору Полозову.

— Чем обязан?

— Я вас искала, чтобы за Гену моего вам спасибо сказать, — она покраснела от волнения и торопливо продолжала. — Вы простите великодушно, что адрес ваш нашла. В больнице мне про вас сказали. Я вчера заезжала, да не застала никого.

Она отважилась поднять глаза на изумлённого хирурга.

— Всеволод Васильевич, я так вам благодарна! — голос её дрогнул, и возбуждённые глаза наполнились влагой. — Если бы не вы, не было бы моего Геночки в живых. Спасибо вам. Спасибо! Вы ему жизнь спасли! — слёзы градом потекли по раскрасневшимся щекам. — Простите, я так изнервничалась. Господи... Я за вас до конца дней своих молиться буду. Вы мне сына вернули!

Всеволод Полозов, наконец, догадался, о чём идёт речь, и с опозданием узнал мальчика, стоящего в сторонке. Это был тот самый подросток, который привёл его к раненному ребёнку.

— Всё хорошо, успокойтесь, пожалуйста, — он взял женщину за плечи.

Не однажды доктор Полозов имел дело с родственниками своих пациентов, но такую бурю горячей благодарности встречал впервые.

— Всё будет хорошо, — повторил он и почувствовал, как банальная фраза приняла какой-то особый смысл.

— Спасибо вам, — прошептала молодая мать и смущённо отодвинулась от непривычно тёплых рук. — Мне сказали, Геночку выпишут домой на следующей неделе.

— Вот и отлично, — доктор Полозов улыбнулся.

— Я тут гостинец вам приготовила, — она засуетилась, махнула своему сопровождающему, торопливо перехватила у него сумку и протянула врачу. — Пожалуйста, возьмите. Это наше, деревенское. На здоровье.

Смушение достигло апогея, и высокий дрожащий голос сорвался.

Тур взял авоську, в которой звякали банки, и ласково тронул руку признательной матери.

— За здоровье вашего Гены, — произнёс он.

Тропинка обогнула молодой ельник и тонкой лентой поползла между сосновых стволов навстречу высокому каменному забору. Приближаясь к неприметной калитке, Тур обнаружил вдруг, что усталость давно покинула тело. До неожиданной встречи в лесу он чувствовал себя разбитым и выжатым до предела. Теперь от негативных ощущений не осталось ни следа. Любопытства ради он заглянул в пакет: две банки варенья, мёд и что-то белое — не то сметана, не то творог. Ему, дежуранту, не ведущему палаты, подарки доставались реже, чем обычным врачам в отделении. Но содержание подношений оставалось стандартным: либо бутылка коньяка, водки или вина — в зависимости от финансовых возможностей пациента, либо конверт с «энной» суммой. Это считалось в порядке вещей. Однако такого искреннего бесхитростного гостинца, вручённого в сопровождении материнских слёз благодарности, доктор Полозов не получал никогда.

— Она воспитает доброго человека, — проговорил Тур.

Из-за забора нетерпеливо залаяла Галатея, почувывая возвращение нового хозяина. Тур набрал код на панели электронного замка и открыл калитку. Собака радостно запрыгала перед ним, неистово виляя чёрным мохнатым хвостом.

— Наконец-то! — проворчал Дед, когда Тур появился на пороге.

— Почему ты здесь? — насторожился Тур.

Призрак качался в воздухе над постелью спящего Ворона.

— Кошмары евоные разгоняю. Неугомонный! Вчерась, как на этом вашем драндулете домой вернулся, нет чтоб по примеру Лиса носом в подушку! За компьютер понадобилось. Часа два проторчал перед экраном, потом, это, опять на мотоцикле поехал куда-то. Вернулся и полночи в гараже копался. Я его гнал-гнал спать, а он всё одно: отстань да отстань. Вот уж шило в заднице!

— Не беспокойся, Дед, — Тур подсел к близнецу, слегка отодвинув привидение. — Он сильный парень.

Призрак опустился на пол, одёрнул фантомную безрукавку и тем самым поправил свои контуры.

— Сильный-то сильный, — проговорил он назидательно, — да на каждого силача слабость найдётся. Ты это вот, вообще не спишь, зато его ужасы смерти преследуют.

— Что ты хочешь этим сказать?

Дед хитро прищурился.

— А то, что страху в вас обоих много. Друг друга потерять боитесь.

Тур отвернулся.

— Теряли. Потому и боимся, — прошептал он.

— Опаньки! — довольный, Дед прихлопнул ладонями. — Ты это брату скажи, как мне щас отважился сказать. Просто сядьте друг перед другом и по очереди каждый другому расскажите вслух то, что внутри прячете: и про войну, и про всё остальное.

— И что тогда?

— Страхи уйдут! А силы, которые у страха в плену, на свободу вырвутся. Страхи-то, они это, тут, — Дед постучал пальцем по своей невесомой голове. — Бывайте пока, а у меня делишки по дому поднакопились.

Он чинно развернулся и просочился сквозь стену в коридор.

— Зачем здесь Дед болтался? — подал голос Ворон.

— Тебя караулил, — улыбнулся Тур. — Как дела?

Ворон с удовольствием потянулся и доложил.

— Подобрал ключик к одному очень важному серваку и поставил парочку ловушек. Скоро будет первый улов. Машина уже на ходу, а твою «шестёрку» доставят к вечеру, я договорился... Э, чем я так тебя развеселил?

Тур беззвучно смеялся.

— Меня в первую очередь интересовало твоё самочувствие.

— С какой стати?

— Дед прав по поводу шила, — Тур потрепал близнеца по плечу. — Вижу, что ты в порядке.

Он направился в свою комнату, оставив брата в недоумении.

Минуту спустя Ворон, безусловно, вспомнит о повязке на своей руке, об изрезанной кошмарами тяжкой ночи, об огненной западне в опрокинутом вагоне и о смерти, разгулявшейся в мирном поле, рассечённом железнодорожным полотном. Вспомнит и уберёт эти воспо-

минания в отведённую им ячейку сознания. До поры до времени.

* * *

К вечеру от пожелтевших газетных строк стало рябить в глазах. Лис с трудом досмотрел последнюю подшивку и тяжело вздохнул. В толстой тетради, куда он тщательно вписывал все выуженные из прессы факты аварий за последние пятнадцать лет, оказалось заполнено всего пять страниц. Никакой закономерности составленная хроника не продемонстрировала, и Лису ничего не оставалось, как признать несостоятельность своей гипотезы о повсеместном влиянии заложенных на техногенные катастрофы. Вывод следовал один и самый неприятный: вчера поезд рухнул исключительно для Полозовых.

Лис вышел из отдела периодики и в раздумье остановился посередине холла. На лестнице, ведущий к читальному залу, образовалась длинная очередь, и вид беспокойной студенческой толпы, разбавленной мрачными фигурами пожилых читателей, отбил всякую охоту заниматься подготовкой к предстоящему экзамену.

— Борис!

Лис побрёл к выходу, не приняв во внимание оклик, ибо совершенно забыл, что его официальное имя звучит именно «Борис».

— Борис, — юношу тронули за плечо.

Лис дрогнул и чуть было не отскочил. О его рассеянности и забавной с виду манере шарахаться от людей среди однокурсников ходили анекдоты. Над ним подшучивали, иногда излишне бесцеремонно. И на сей раз, оборачиваясь, Лис не сомневался, что увидит кого-то из сокурсниц, вздумавших разыграть очередную сценку на потеху подружкам.

Но заготовленная аскетическая мина съехала с лица, когда Лис обнаружил рядом невысокую суховатую женщину с взволнованными тёплыми глазами.

— Марина Николаевна, — выдохнул он и поспешно опустил взгляд. — Здравствуйте.

Он всегда старался держаться подальше от дамы старших братьев. Она в свою очередь ощущала его неприязнь, однако не видела тому оснований. Лис, впрочем, и сам не мог бы точно сформулировать причины. Года два назад Ворон поднял эту тему в специальной беседе с младшим братом. «Мне всё равно, спит она с вами обоими разом или по отдельности, — выдал Лис тогда. — Мне её просто жаль. Она не знает, кто вы на самом деле». Откровение не сошло Лису с рук, тем более Тура в тот момент дома не было. Страсти, как водится, угасли быстро, но стена, выстроенная Лисом между ним и женщиной близнецов,

осталась до сих пор.

— Здравствуй, Борис. У тебя есть минутка поговорить?

Юноша медленно кивнул, а сам насторожился. Что-то в облике Марины Николаевны показалось ему несвойственным обычному её образу.

Библиотекарша отвела Лиса к окну.

— Борис, что у вас случилось? — тихо спросила она.

— Где? — откровенно не понял парень.

— Что случилось дома? — уточнила Марина.

Лис заметил, как она всеми силами борется с предательской дрожью в голосе.

— Ничего, Марина Николаевна, — он пожал плечами.

— Я звонила вчера и сегодня. Вчера к аппарату не подходили, а сегодня кто-то поднимает трубку, но молчит. Сотовые Влада и Всеволода не отвечают совсем, а е-майлы просто возвращаются, как будто я ошиблась с адресом.

— А, вот в чём дело! — Лис изобразил самую беспечность. — Всеволод дежурил два дня подряд. Влад сервер перенастраивал. А его соловый Галка пожевала.

— Кто?

— Галатея, овчарка. Мы собаку случайно подобрали, теперь у нас живёт. Весёлая псина. Вы не волнуйтесь, я сейчас домой позвоню.

Лис полез в карман за своим мобильником.

— Подожди, Борис, — женщина внимательно изучала юношу. — По-моему, ты меня обманываешь.

— А?

— Что-то случилось с Владимиром?

Лис сделал вид, что внимание его привлекла подмигивающая лампа под потолком.

— Почему вы так решили?

— Сегодня в новостях опубликовали статью о крушении поезда недалеко от Твери. Писали о самоотверженных действиях пассажиров, в том числе о человеке, который вытащил пострадавших из горящего вагона, и о враче, спасшем десяток жизней, благодаря своевременно оказанной помощи. Я чувствую, что речь идёт о твоих братьях. Борис, пожалуйста, скажи мне правду, — в её глазах как будто блеснула одинокая слезинка, и в этой крошечной капле выплеснулись все переживания, сомнения и страхи хрупкой незащитной женщины.

Лиса окатил стыд за вопиющее невнимание Тура и Ворона к человеку, который испытывал к ним обоим самые нежные чувства. Оправ-

даний он не нашёл. Близнецы сотню раз могли позвонить Марине Николаевне и домой, и на работу. Один короткий немногословный звонок, призванный отместить волнительные переживания и пустые предположения. Но братьям не пришло в голову это сделать.

— Марина Николаевна, вы напрасно волнуетесь, — Лис решил исправить положение как можно скорее. — Я правду говорю. Мы были на месте крушения. Влад лазил в эти проклятые вагоны. Руку порезал об стекло, но ничего ужасного там не произошло. Честное слово! Если бы они знали, что в газетах такие статьи появились, они бы вам сразу позвонили. Сейчас, подождите, — он принялся щёлкать по кнопкам сотового, — они наверняка дома... Вот, я же говорил!

«Ты чо орёшь?» — пришёл бессловесный ответ.

— Ки, это ты?.. Зачем ты трубку взяла?

«А что мне ещё было делать? Он трезвонил с утра до вечера. Ворон спал, Дед строго-настрого велел его не будить. Ну я и беру, чтобы заткнулся. Кстати, сейчас я чуяла, что ты звонишь».

— Ки, подожди минутку, — Лис опустил аппарат и бодро сообщил Марине. — Всё прояснилось, Марина Николаевна. Трубку брала моя подружка. Она у нас недавно живёт и про вас не знает. Иначе бы она сразу Влада разбудила... Ки, позови кого-нибудь.

«С Дедом хочешь поговорить?» — хихикнула Кикимора.

— А где близнецы?.. Купаться?.. Во дают! Ладно. Вернутся, скажи, я скоро приеду. Пока, — он с чувством придавил кнопку «конец соединения» на мобильнике. Аппарат пискнул, но Лис не обратил внимания на сигнал, обозначающий отключения всякой связи.

Марина прикрыла глаза и опустила плечи.

— Слава Богу, — проговорила она тихо. — Никогда больше не буду верить дурацким снам. Спасибо, Борис.

На Лиса накатила волна джентльменства:

— Марина Николаевна, вас подвезти? У меня мотоцикл на стоянке.

— Я сегодня работаю до позднего вечера, — улыбнулась библиотекаря. — А ты поезжай домой.

Она скрылась за дверью кабинета с вывеской «Библиографический отдел», а Лис победно оглядел просторный холл библиотеки, где сновали озабоченные, деловые, унылые и просто безразличные читатели. В груди разлилось приятное чувство удовлетворения, за которым совершенно потерялся тонкий голосок притупленной интуиции, призывающей: разгляди мёртвых среди живых! Парень живо сбежал вниз по лестнице, выскочил на улицу и, неумело насвистывая, пошёл к набе-

режной Волги, где оставил мотоцикл.

Во избежание повторных угонов Ворон установил на «Хонде» охранную систему собственного производства. Лис вспомнил про наличие суперсигнализации, способной, по словам брата, поднять на ноги весь город, когда потянулся к шлему, пристёгнутому на руле. Поиск ключей занял несколько минут. Обшаривая собственные карманы, Лис чувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Оглядываться он не стал, дабы не спровоцировать нежелательную встречу с подозрительной компанией, как получилось в парке районного городка.

Ключи, наконец, нашлись. Лис облегчённо вздохнул, и тут позади раздались звонкие шаги.

— Приветик. Кажется, я тебя знаю, хотя мы вчера так и не познакомились.

Лис прежде узнал голос, а уж потом его обладательницу. Это была та самая девушка, которая отчаянно рыдала над своим умирающим парнем возле разбитого поезда. Тур сказал про него — обязательно выживет, но, увы, прогноз не сбывся. Лис, считавший доктора Полозова корифеем в любом медицинском вопросе, заподозрил его во лжи. Не распознать смертельную угрозу Тур не мог и, тем не менее, не сделал даже попытку помочь пострадавшему. По этому поводу Лис намеревался серьёзно поговорить с братом.

— Привет, — Лис присмотрелся к девушке.

Вчерашнюю ссадину на лбу прикрывал телесного цвета пластырь. Других признаков пережитой трагедии в облике её не наблюдалось. Борис Полозов никогда не утруждал себя изучением молодёжной моды, но даже без специальных сведений мог сейчас сказать, что девица одета с претензией на последний писк, особенно если учитывать макияж.

— Вы удачно добрались до дома? — спросил Лис.

Она вытаращила обведённые фиолетовыми тенями глаза.

— Ты со мной на «вы»? Совсем что ли!

— Извини, — растерялся юноша.

— Тебя как зовут? — девица решила взять инициативу на себя.

— Борис. А тебя?

— Лора. Вообще-то Алёна, но я ненавижу это имя. Поэтому — Лора. Я сегодня одна.

Лис не понял намёка.

— Мне жаль, что так вышло с твоим парнем.

Она передёрнула плечами.

— Каждому своё. Я напугалась, конечно, когда всё полетело под

откос. Но мне повезло. А ему — нет. Знаешь, давай больше про это не вспоминать. Жизнь хороша, когда её используешь по назначению. Не хочешь прогуляться куда-нибудь?

— У меня сессия.

— У меня тоже! — она рассмеялась. — Может, в честь такого совпадения пригласишь меня в кафе?

Лис колебался несколько секунд. Поведение девицы его заинтриговало. На последствие шока это не было похоже, хотя он и старался оправдать вчерашнюю пассажирку в собственных глазах. Другие объяснения не подворачивались на ум.

— Пойдём, приглашаю, — решил Лис.

Идти пришлось недолго. Кафе располагалось в двух шагах от набережной в городском саду.

— Мне пиво, — объявила Лора и, когда юноша заказал себе колу, опять вытаращила глаза. — Ты пиво не пьёшь?

— Я за рулём, — нашёлся Борис Полозов.

У кассы он обнаружил, что в кошельке только крупные купюры. Пришлось разменять «пятисотку» к нескрываемому неудовольствию уставшей барменши.

— Как ты меня узнала? — спросил Лис, когда оба сели за столик.

— Девчонки в кино пошли, а я фильм уже видела. Решила проветриться немного. Смотрю, с мотоциклом возишься. У тебя шевелюра уж больно приметная! — Лора звонко рассмеялась.

Лис окончательно уверился в том, что девица не разыгрывала беспечность и не прятала за раскованностью последствия пережитого стресса.

— Извини, я всё-таки спрошу, — Лис решил возобновить тему поезда. — Тот парень, разве ты не с ним вместе ехала?

— Женька? Мы в одном классе раньше учились. Гуляли иногда, — в её голосе протянулась напряжённая нотка. — А вообще он зануда был.

— Зря ты так о мёртвых, Лора.

— А что он мне сделает теперь? — Лора хмыкнула и глотнула пиво. — Отпад! Ты далеко отсюда живёшь?

— Далеко, — он смотрел на безоблачное небо, заплывающее мягкими вечерними тонами.

— С родителями? — не унималась девица.

Лис отрицательно качнул головой.

— Мотоцикл у тебя крутой. Я такие только на картинках видала.

— Братя в прошлом году подарили, — автоматически отозвался юноша, всматриваясь вдаль.

Что-то особое появилось в поле зрения. Пятно — не пятно, силуэт — не силуэт. Лис осторожно повёл носом. За духом воды, деревьев и измятой газонной травы притаился еле заметный запах горелого масла.

— А ты где живёшь? — спохватился Борис Полозов, заметив, что пауза в разговоре затянулась.

— В общаге, — Лора, видимо, потеряла интерес к общению.

Дух горелого масла отчётливо закружился в воздухе прямо над столиком кафе. Лис напрягся.

— Хочешь, я тебя на мотоцикле отвезу, — предложил он поспешно.

— Хочу. Ща, токо пиво допью.

И она лихо приложилась к бутылке. Лис отвернулся. Первое его знакомство с телевизором началось с рекламных роликов. Братья откровенно морщились: зачем ты смотришь всякую ерунду! А он, едва-едва освоивший забытые человеческие ощущения, как лунатик, не мог оторваться от отвратительной картины, в которой молодые люди обоих полов смачно вливали в себя содержимое бутылок под весёлые мелодии и громогласные комментарии. После подобных кадров Лиса жестоко тошнило, и Ворон поставил диагноз: скрытое притяжение рекламы ловко действует на юношеский мозг, но мудрый организм реагирует всеми доступными средствами, чтобы оградить сознание от коварного внушения.

«Она всё равно будет моей девчонкой!»

Лис вздрогнул. Горелое масло отсекло резкий запах девичьих духов и окутало ничего не подозревающую Лору. Девушка закашлялась. Лис вскочил как на пружине.

— Что с тобой?

— Поперхнулась... просто. Уф.

— Поехали кататься, — Лис взял её за руку и торопливо оглянулся.

Она удивлённо уставилась на юношу.

— Слушай, а ты странный парень.

— Не страннее, чем все остальные, — Борис Полозов продолжал с опаской осматриваться вокруг.

Горелое масло отступило, но возле мотоцикла рассеянный душок появился вновь.

— Держись крепче, — предупредил Лис. — Но не вздумай помогать. Сиди спокойно, даже если машина начнёт вилять.

— Знакомые слова! — Лора засмеялась. — Думаешь, меня первый раз катают?

Её руки грациозно опустились на бедра юноши. Лис передёрнулся

и напрягся. Согласно урокам Ворона, пассажиру следовало обхватить водителя за пояс, если уж он не желает или не может держаться за специальный поручень. То же брат продемонстрировал вчера на практике, когда они вдвоём возвращались с вокзала домой.

Лис решил не делать Лоре замечание по поводу её посадки и аккуратно отъехал со стоянки. Встречный ветер отшвырнул противный запах далеко назад, однако на перекрёстке, пока мотоциклист пропускал машины, мчащиеся по «главной» дороге, горелое масло догнало беглецов.

— Евгений, отстань от Лоры, — едва слышно прошипел Лис. — Серьёзно говорю: оставь её в покое.

«Она будет моей девчонкой навсегда!» — грянуло в ушах.

— Я не позволю её забрать.

«Она будет моей девчонкой!» — повторил одержимый дух.

— Куда мы едем? — крикнула Лора.

— Катаемся!

Лис крутанул газ и направил мотоцикл на улицу, перпендикулярную проспекту. Перекрёсток призрака не остановил. Горелое масло продолжало витать поблизости. Не помог и слалом по переулкам.

— Борис, давай рванём на шоссе, — предложила девушка, когда мотоцикл затормозил на углу. — На полной скорости! Давай?

— Поздно уже, — проговорил Лис и, стараясь не шевелить ноздри, втянул в себя воздух. — Лора, Женя знал, где ты живёшь?

Девушка отпрянула.

— Да что ты к нему прицепился? — она хлопнула мотоциклиста по спине.

— Потому что я пока не знаю, — Лис попытался свести вопрос к шутке.

Лора фыркнула.

— Да ну тебя! Отвези меня в общагу, и закончим на этом.

— Адрес не называй, просто покажи, — поспешно предупредил Борис Полозов.

Следуя в указанном направлении в сопровождении эскорта из запаха горелого масла, Лис неожиданно обнаружил в голове новую идею.

— Держись! — скомандовал он пассажирке, круто развернул мотоцикл и погнал на безлюдную площадь, служившую в дневные часы местом прогулок жителей окрестных домов, а в прежние времена — плацдармом для митингов и общенародных выступлений неформалов.

Следующий манёвр вызвал серию оглушительных девичьих визгов. Первый прозвучал, когда рычащая машина едва не задела фо-

нарный столб, а остальные один за другим пронзали вечерний воздух по мере увеличения скорости мотоцикла, трижды прокатившегося вокруг пресловутого столба.

«Она будет моей!.. Будет... Будет...»

Призрачный преследователь метался в кругу выхлопных газов, оставшихся в воздухе после неординарной выходки противника.

— Остынь, голубчик, — усмехнулся Лис в шлем и обратился к Лоре. — Куда дальше?

* * *

«Где ты болтался?! — Кикимора накинулась на Лиса в гараже. — ”Скоро буду”! Мне тут допрос с пристрастием устроили из-за тебя!»

— Извини, Ки. Возникли непредвиденные дела.

«Какие ещё дела?!»

— Девушку одну провожал.

Лис протёр шлем, водрузил его на полку, полюбовался наведённым порядком и лишь после этого заметил, что Кикимора молчит.

— Ки, ты где?

«Так. Приплыли, — привидение проявилось возле плафона электрической лампы в виде маленького густо-синего шара. — Ещё раз: что ты делал?»

— Девушку провожал, — удивлённо повторил Лис.

Шар растёкся туманом. Свет в гараже мигнул и погас.

— Ки, ты чего?

Пространство не ответило. Лис на ощупь пробрался к стене и принялся шарить в поисках рубильника.

— Лис! — позвали из темноты.

— Я тут не при чём. Она опять электричество вырубил!

Вспыхнула лампа. Тур опустил пульт дистанционного управления и выжидающе повернулся к младшему брату.

— Где пропадать изволил?

— А что? — оцетинился Лис.

— Одиннадцатый час ночи, — грозно сообщил Тур. — Поздно для работ в библиотеке. И почему сотовый отключил?

— Ой, — юноша схватился за карман, куда засунул аппарат. — Я нечаянно... — и, вспомнив про разговор с Мариной, пошёл в атаку. — А вы могли бы быть повнимательнее к своей даме! Она вас сутки разыскивала, между прочим.

Атака увенчалась успехом. Суровая тень покинула лицо брата.

— Мы уже всё уладили. И, признаться, не без твоей помощи.

Лис приосанился.
— С Мариной Николаевной приятно общаться, — сказал он и чинно прошествовал в тамбур, соединяющий гараж с жилым крылом дома.
— Двигай ужинать, дипломат, — усмехнулся Тур.
И уже в гостиной уточнил:
— Надеюсь, у тебя всё в порядке?
— Экзамен утром, а так ничего, — откликнулся Лис. — Хотя...
Тур, — юноша подошёл к брату, — помнишь парня, к которому вчера я тебя позвал?
— С лёгочным кровотечением? — доктор Полозов сдвинул брови. — Помню.
— Ты сказал его девчонке, что всё будет хорошо.
— Лис, ничего другого я не имел права сказать в той ситуации.
— То есть, ты признаёшь, что солгал? — юноша прямо посмотрел ему в глаза.
— Да. У молодого человека практически не было ни единого шанса.
— А твои руки? — голос Лиса едва заметно дрогнул.
— Я подошёл слишком поздно. Всё, что можно было сделать в той ситуации, это облегчить страдания умирающего. Поэтому я и послал тебя искать что-либо, заменяющее лёд.
— Пока я бегал, он умер.
— Я знаю, малыш, — вздохнул старший брат, замялся на секунду и продолжил. — Я видел его. Он остался на земле и пообещал забрать девушку.
— А?
Тур взял Лиса за плечо.
— Догадываюсь, что ты собираешься сказать. Но послушай: как мы могли оставить живых пострадавших без помощи и заниматься проводами духов погибших? Пойми, мы пришли на этот свет, чтобы жить для живых.
Лис согласно кивнул и побрёл в свою комнату переодеваться. Он был на середине лестницы, когда смысл последней фразы брата достучался до рассудка.
— Тур, что ты сказал?
Парень едва не сиганул вниз через перила.
— Что живые должны жить для живых, — повторил Тур.
— Нет. Это не так прозвучало в первый раз, — Лис захлебнулся собственной скороговоркой.
Тур покачал головой.

— Умойся и спускайся ужинать. Я буду в серверной.

Ворон тщательно проверил содержимое лог-журналов, убедился, что все следы несанкционированного доступа уничтожены, и лишь после этого завершил сеанс связи. Пальцы проделали виртуозное «па» над клавиатурой, и индикатор копирования плавно проплыл по экрану. Хакер отсоединил сетевой шнур.

— Перестраховываешься, — не то спросил, не то констатировал Тур.

— Бережёного, как говорится... — Ворон хмуро усмехнулся. — Выход в Интернет теперь только отсюда, — он указал на компьютер, не так давно служивший сервером для всего дома, и хлопнул по корпусу другого, установленного рядом. — А это наш новый локальный сервер, познакомься. Домашняя сетка извне не доступна физически. Понимаю, это не всем удобно, но ничего: бег по лестнице — хорошее физическое упражнение.

— Лис тебе завтра популярно объяснит все минусы новой дислокации, — предупредил Тур.

— Сначала он мне объяснит, где сегодня шляется.

— Оставь. Он охранял девицу с поезда от призрака её погибшего дружка.

— Так... — Ворон плотно сжал губы.

— Это первая ласточка, — продолжал Тур. — Не удивлюсь, если прилетят другие.

— Ты лучше почитай, что насочиняли в прессе! Как бы к нам газетчики не слетелись. А я пока займусь моим уловом.

Ворон вышел из серверной и поднялся к себе. Комната, служившая близнецам гостиной, с недавних пор призвана была выполнять функции объединённого кабинета, поскольку вместе с реорганизацией домашней сети программист устроил тотальную перестановку техники. В результате на письменных столах, оттяпав добрую половину площади, разместились два компьютера: личный Тура, и его собственный, некогда обитавший в спальне.

Просмотр копий чужих писем быстро наскучил, хотя Ворон и провёл черновую сортировку для исключения откровенного барахла. Из сотни попавших в ловушку посланий он в итоге выделил пять, причём три представляли собой обрывок переписки какого-то дилера с фирмой под названием «Бер», а два других, подписанные «Чижик-Пыжик», напоминали интернетовские забавы студентов и буквально содержали следующее: «Куда пропал, косилапый?» и «Встретимся в кро-

ватке завтра как обычно».

Ворон щёлкнул по «иконке» Интернет-браузера. Компьютер задумался и вывалил на экран окно ошибки. Программист ругнулся, вспомнив, что собственноручно отрубил от глобальной сети все домашние терминалы, вызвал программу для передачи локальных сообщений и отстучал на сервер: «Тур, посмотри, нет ли где сайта фирмы Бер». В ответ пришло: «Жди, сделаю». Ждать, сложа руки, Ворон не любил, и открыл файл интернет-конференций, добытый совершенно легально.

Фирма «Бер» фигурировала в текстах. Из прочитанного Владимир Полозов уяснил, что она занимается поставкой изделий из натурального меха, а дилер нашёл новые точки сбыта и готов обсудить детали договора. Сообщения датировались апрелем текущего года, и к последнему прилагалась ремарка с предложением завершить диалог в конференции по другому адресу. Причины не уточнялись, но адрес был дан строкой ниже.

Окно внутренних переговоров, загнанное в угол экрана, оставалось пустым. Ворон собрался напомнить о своей просьбе, но скрипнула дверь, и Тур предстал перед братом собственной персоной.

— Результаты запроса совпадают с твоим поиском, — сообщил он, подходя к своему письменному столу. — Ничего нового.

— Значит — пусто, — Ворон оттолкнулся от стола, и подвижное кресло услужливо отъехало на полметра. — С утра подумаю, как усовершенствовать программу отлова. Адреса, данные Беляком, оказались на поверку полной лажей.

Тур неопределённо пожал плечами, протянул брату пачку сигарет и мельком глянул на экран.

— А это что?

— Веб-конференции. Скопировал, что попало под руку. Там ерунда.

— Ты уверен? — Тур внимательно просмотрел текст. — Это же писал один человек. И вопросы, и ответы.

Ворон подался вперёд.

— Почему?

— Опечатка повторяется. В вопросе слово «партия» набрано с двумя «п», а в ответе «неплохой» — два «е» и «пусто» опять с лишней «п».

— Да ну, случайность, — неуверенно возразил хакер. — И вообще — зачем разговаривать с самим собой, если ты не «шиз».

— Например, чтобы запудрить тебе мозги, — медленно произнёс Тур.

Ворон посмотрел на брата, прикурил и подтянулся вместе с кре-

слово к компьютеру. В тексте письма, вызванного на экран, ему сразу бросилось в глаза «заинтересованность» с двумя «е» после «р».

Он выдохнул застоявшийся в горле дым.

— Ты даёшь, близняшка!

— Глаза ещё не замылились, — отозвался Тур. — Покажи-ка на всякий случай, что у тебя там ещё клюнуло на удочку.

Он опёрся на плечо брата и наклонился к компьютеру.

— Тут опечаток нет, — предупредил Ворон.

— Зато есть обращение «косолапый», — пробормотал Тур и решительно включил свой терминал.

Ворон удивлённо приподнял бровь и, обнаружив на собственной физиономии мимику, свойственную близнецу, поспешно протёр ладню лоб.

Тур экспериментировал в текстовом редакторе.

— Смотри сюда, — позвал он. — Допустим, человек набирает текст по правилам машинописи. Буквы «е» и «п» находятся в зоне указательного пальца левой руки. А если этот палец не работает по какой-либо причине, то зона достаётся среднему. Когда в слове за «п» или «е» следует клавиша, предназначенная конкретно для среднего пальца, привычный ритм сбивается и возникает опечатка. Приблизительно так, — Тур продемонстрировал результат.

— А если он понятия не имеет о правилах машинописи?

— Тогда моя гипотеза летит к чертям, но проблема остаётся: то, что должно быть диалогом, составлял какой-то косолапый умник с целью подсунуть тебе ложную информацию.

— Это я проверю, — Ворон встал и, разминая мышцы шеи, покрутил головой. — Ладно, я на боковую и... Тур. Что ты сказал про умника?

Брат оглянулся.

— Ты о чём?

— Ты сказал «косолапый умник». Письмо! — он рванулся к монитору.

Почтовая записка: «Куда пропал, косолапый?» — приобрела совершенно новый смысл. Ворон опешил.

— Тур, адреса верные, — прошептал он. — Смотри, это их переговоры! Человек с дефектом руки — косолапый. Косолапым называют мишку, медведя. Бер по латыни — «Медведь»! Ах, паскуда! Это он мне про фирму лажу пустил.

— Похоже. А как ты расшифруешь «встретимся в кроватке»?

— Кроватка — это чат. Молодёжная болтушка в Интернете. Вот

уж где его искать никто бы не стал! Тур! — хакер потряс брата за плечо. — Ты не представляешь, какой валун помог мне сдвинуть с места. Всё. Он мой!

— Хорошо бы заложных этого не поняли, — сорвалось у Тура.

— К чёрту заложных. Мы в реальном мире живём, — отмахнулся Ворон. — К тому же, — добавил он, — Кикимора и Дед сюда чужаков не пустят. Тем более у нас теперь есть Галатея.

Тур напустил на себя ледяное спокойствие, как обычно в моменты эмоциональных выплесков брата.

— Зачем собаку-то приплёл?

— Собаки, особенно чёрные, охраняют вход в царство мёртвых, — бросил Ворон, щёлкая по клавишам. — Значит, навьи их боятся. Как осинových колов, еловых веток и прочей атрибутики, которую Лис разбросал по всему парку.

— В Интернет отсюда не войдёшь, — предупредил Тур, догадавшись, к чему приведут брата торопливые операции с клавиатурой.

— Точно, — Ворон остыл. — Утром продолжу.

Фантомное создание, похожее на остановившуюся во времени струйку сигаретного дыма, висело над подоконником. Тур не заметил бы его, кабы не тихое хныкающее колебание пространства, преобразованное рассудком в соответствующий звук.

— Ки?

Он подошёл к окну.

«Ну чего ещё?» — огрызнулось привидение.

— Ты плачешь, девочка? — удивился Тур.

«Тебе какое дело?»

— Начнём с банального: ты спряталась в моей комнате и хлопала носом...

«Нет у меня носа! И вообще. Ничего нет. Вон у тебя и твоего близнечика есть Марина. У Деда — Галка. Лис себе девчонку нашёл. А у меня ничего нет».

Тур провёл рукой по бороде и тем самым прижал улыбку.

— Давай-ка разберёмся, хозяйюшка.

Из фантомного облака удивлённо вырисовалась голова с кипой путаных волос.

«Хозяйюшка? Почему хозяйюшка?»

— А как же. Ты взвалила на себя весь наш холостяцкий приют и успешно управляешься с делами, которые для мужика, что пудовая

гиря на шее. Разве не так?

«Так! — Кикимора встала на подоконнике в облике маленькой девчушки в комбинезоне и рубашке с закатанными по локоть рукавами. — Мне нравится у вас хозяйничать».

— Кстати, Ворон не нашёл свой пиджак. А я свой, — невозмутимо продолжал Тур. — Ты не знаешь часом, где наши костюмы?

«Это те, в которых вы поезд спасали? В помойке! Неужели я допущу, чтобы вы надели этот кошмар ещё раз? Всё, что было в карманах — на столе в кабинете. И вообще: завтра же отправляйтесь в город и купите себе нормальную летнюю одежду».

Желаемый результат был достигнут. Кикимора напрочь забыла о своих выдуманных горестях и теперь, подобно добросовестной экономке, осыпала Тура всяческими советами. Выслушав десяток, не меньше, он перенаправил информационный поток в новое русло.

— Умница, Ки. Лис не зря говорит: ты заткнёшь за пояс любую современную девчонку.

«Серьёзно?» — насторожилась Кикимора.

— Ещё бы. Он рассказал про Лору, ту самую, которую охранял от призрачного домогателя сегодня вечером. У девицы, похоже, восемь пятниц на неделе. Её парень погиб, а ей — всё нипочём. Зато теперь влюблённый дух её преследует.

«Она Лису не подружка?» — синеватый туман фонтаном взвился к потолку.

— Нет, конечно. С одной стороны нас с Вороном беспокоит безразличие Лиса к противоположному полу. А с другой — пусть лучше пока один, чем вот с такой перелётной пташкой. И, к слову: он оставил Лоре наш телефон. Сомневаюсь, что она вообще распознает опасность, но если вдруг позвонит, имей в виду.

«Учту, — заверила Кикимора и спохватилась. — Тур, тебе постель разобрать? Поздно уже».

— Нет, спасибо, малыш. Ты знаешь, я не сплю.

«Тур, а можно спросить... Почему?»

Взор помутневших карих глаз замер во тьме ночи.

— Однажды я выспался на всю грядущую жизнь.

«Ну, хотя бы приляг, — торопливо предложила Кикимора, будто испугавшись продолжения темы. — Ты же двое суток на ногах!»

— Это можно. Но вчера я получил потрясающий заряд энергии, — мутная дымка исчезла с его лица.

«От Ворона?»

Тур отрицательно качнул головой.

— Мама ребёнка, которого мне пришлось оперировать, сказала мне «спасибо». Возможно, я раньше просто не замечал истинные чувства людей, или в той женщине таилось нечто особенное... Так или иначе, малыш, но доброта и искренность — источник силы человеческой. Это я ощутил на себе.

День тринадцатый

Ну вот, часик отдохнул, и опять его куда-то понесло.

Тур, а можно я с тобой?.. Ура!

Ух, ты! Вот это фигурка, не хуже, чем у Ворона. Вот, значит, чем он вместо сна-то занимается!

Эй, эй, осторожнее со штангой!

Хотя, кому я это говорю? Интересно, надолго у него хватит терпения выжимать эту штуку?..

Да-а, похоже, надолго...

Тур, ты бы Лиса к спорту приучил. А то ходит, как хлюпик... Кто «плохо обучаемая система»? Лис?..

А что, я не смеюсь. Просто весело! Ты на турник, да? Тогда я штангу поправлю. Немножко сюда и... Ай! Мамочки!

Тур, отпусти меня, со мной всё в порядке... Конечно, уверена! Если на призрака шлёпнется даже тонна кирпича, ничего не произойдёт... Так-то лучше. А с тобой моей братии опасно иметь дело! Не руки, а раскалённые клещи!

Стой, я сама всё уберу! Кикимора я или не Кикимора... Видишь, теперь получилось.

— Тур! — Лис ворвался в тренажёрный зал и, споткнувшись о мат, с разбегу навалился на брата.

— Что с тобой? — изумился Тур и поставил его на ноги, как манекен.

— Я думал, здесь что-то рушится, — выговорил Лис, одёргивая пижаму.

Воздух под потолком затрясся от призрачного хохота.

— Ки осваивает штангу, — улыбнулся старший брат. — Пробежаться до речки не желаешь?

Лис передёрнулся и отчаянно замотал головой.

— Ворону предложи, он всегда рад размяться. А мне пора собираться в универ.

— Не задерживайся. Мы сегодня подключаем новый сценарий

«Полосы препятствий», — Тур непринуждённо стянул пропитанную потом майку и взял спортивную куртку, висевшую на шведской стенке.

Смех под потолком оборвался.

— Договорились, — Лис вышел в коридор.

«Лис, а Лис», — Кикимора заслонила проход невесомой плёнкой.

— Ты куда вчера провалилась? — юноша укоризненно посмотрел на привидение.

«Извини. Я тебя неправильно поняла, но Тур мне всё разъяснил про Лору. Ты мне вот что скажи: мне показалось или у Тура на груди и впрямь такой огромный шрам?»

— Небольшой рубец. Он говорил, ранили в Афгане, — насупился Лис.

«Нет. Я видела огромный шрам. Это опять его память?.. Лис, а Лис, ну куда ты? Я права?»

— Ки, не трогай это пока, — вздохнул он. — Я чувствую, очень скоро память придёт, и захлопнуть у неё перед носом дверь они уже не смогут. Но не зови её раньше времени. Я и так им кучу неприятностей устроил, когда заставил открыть для «Паши» переход.

«Лис, — беззвучный голос Кикиморы доверительно приблизился к лицу собеседника, — Тур когда-то... умирал? Он не спит, потому что когда-то взаправду был мёртвым, как сейчас я и Дед?»

— Тихо ты! — Лис испуганно оглянулся на дверь спортзала. — Молчи насчёт этого, поняла? Что б ни слова!

«А я надеялась, что ты всё это придумал, — из пространства повеяло сострадание. — Быть мёртвым, когда на земле остались дом и родные, фигово».

— Это просто когда-то было. Раньше, давно, понимаешь? причём учти: на том свете, где мы были, нет смерти в человеческом представлении. Тур получил страшную рану в решающем сражении, и Морена-смерть усыпила его навсегда. Отец унёс его тело в свои владения и похоронил по древнему обычаю: под корнями векового дуба в шкуре быка. Тогда-то Ворон и вырвался из-под могучей воли Пятницы. Сбросил солнечную личину Симаргла и стал самим собой. Невзирая на проклятия той, кому служил, он прошёл через семь топей и семь мостов и нашёл брата. Я не видел, как именно он разбудил его. Но знаю точно: он поклялся разделить с близнецом свою жизнь, и Огненный Полоз показал им обоим Переход на этот свет.

«Как греческие Диоскуры!» — по коридору развеялась струя умиротворяющего тепла.

— Близнечные мифы — известное явление в фольклоре, — отозвался Лис.

«Опять ты про фольклор! — возмутилась Кикимора. — Ты что, сам себе не веришь?»

— Фольклор — это память людская, — академическим тоном заявил Борис Полозов. — Пятница, кстати, хорошо его изучила, прежде чем создать собственное царство из убиенных душ. Ведь души умерших по сути и есть Память. В одном она ошиблась, и эта ошибка спасла близнецов от жестокой судьбы.

«Как это?»

— Я говорил тебе: Пятница построила свой мир на человеческой ненависти и в качестве постоянной подпитки заставила Тура и Ворона изо дня в день сражаться друг с другом. Как видишь, это сценарий большинства близнечных мифов — один близнец хороший, другой плохой, они воюют, и добро, в конце концов, побеждает.

«А ошибка?»

— Ошибка состояла в том, — Лис возобновил движение в направлении своей комнаты, — что она не удосужилась узнать их истинные имена, и поэтому перепутала роли. Ворону она вручила образ Симаргла, бога очистительного огня, помощника Перуна и Мокоши, огненного воителя, зажигающего сердца отважных воинов. А Тура сделала Змиуланом, предводителем сил тьмы и повелителем туч. В то время как по-настоящему Ворон — проводник смерти, а Тур, бык — источник жизни и плодородия. То есть, каждый из них изображал свою противоположность.

«Ничего не понимаю! Неужели имена формируют судьбу людей?»

— В той или иной степени. Считаю, я описал тебе катализатор ситуации. А то, что Тур и Ворон вырвались с того света, это их личная заслуга: добрая воля, искренняя преданность друг другу и братская любовь.

«Красивая сказка», — на стене вырисовались два девичьих глаза, хлопающих ресничками.

— Какая тебе сказка! — возмутился Лис.

«Ну, история, — поправилась Кикимора. — Надо же это как-то называть! История из тридесятого царства! Ты не пробовал её записать?.. Ты что, опять обиделся?»

— Нет. Я собираюсь умыться и позавтракать, — отчеканил парень. — И очень прошу не совать нос в душевую. Признаю, до атлетических фигур старших братьев мне далеко, но это не повод для смешков.

«А... а я думала, ты меня просто стесняешься», — плюхнула призрак.

Лис скривил нос и ничего не ответил.

* * *

День начался с деловых разъездов. Доктора Полозова вызвал личный пациент. Не успел Тур сесть в «шестёрку», как в гараж спустился Ворон, помахивая брелком с пультом и ключами от БВМ.

— Еду в Заволжский настраивать комп, — объяснил он брату.

— Опять чадо порезвилось? — сочувственно спросил Тур.

— В натуре, — Ворон ловко изобразил интонацию их общего знакомого. — Но нет худа без добра. Заодно договорюсь, чтобы пригнали тебе новый «жигуль».

— Близняшка, умоляю, только не «десятку». Я ненавижу эти новомодные «кроссовки» на колёсах.

Ворон расхохотался.

— Но «девятки» в этом гараже не будет никогда.

Весёлый спор был разыгран от начала до конца. Оба это понимали, поскольку личные пристрастия трепетно соблюдались в любых условиях.

Пока Всеволод Полозов занимался с пациентом, брат-близнец позвонил ему трижды. После последнего звонка Тур догадался, что Ворону не даёт покоя телефонная угроза. Выезжая на проспект, он невольно стал осторожничать. В результате на перекрёстке «шестёрку» опасно «подрезали», мотор заглох на повороте через трамвайные пути, а отъезжавшая от остановки «маршрутка» обрызгала лобовое стекло жирной грязью из остатков большой лужи. Всё это сопровождалось нервозностью Ворона, которая билась в висках и не позволяла сосредоточиться.

— Так дело не пойдёт, — сказал Тур сам себе, остановил автомобиль возле тротуара и взял сотовый. — Жду тебя около «Дома быта», — без предисловий сообщил он брату. — ...Нет, с машиной всё в порядке. Но нам обоим будет спокойнее, если домой отправимся дружным тандем.

БМВ подкатил через полчаса, и Ворон виновато выбрался на тротуар.

— Я после поезда успокоиться не могу, — признался он.

— Проблема, — согласился Тур. — Всюду ходить парой нам не позволяют обстоятельства.

Ворон выразительно хмыкнул, но ответить ему было нечего. Уникальное свойство близнецов чувствовать друг друга на любом расстоянии сыграло с ними злую шутку.

Тур вспомнил о вчерашнем наставлении Деда и посмотрел на

брата. Нет. Сейчас не время и не место, чтобы поднимать из забвения затаившиеся страхи.

— Славик меня нашёл, — Ворон переключился на новую тему, однако тяжёлая складка на лбу осталась, следовательно, остались и тревоги.

— Что нужно этому «голубому берету» опять? — Тур постарался придать голосу непринуждённый тон.

— Решил поиграть на нервах чиновника, сынка которого мы с тобой вогнали в счастливое детство.

Тур нахмурился.

— Снова шантаж?

— Видимо. Я участвовать отказался сразу, поэтому детали он мне не объяснил.

— Смотри, как бы он нас не засветил.

— А мы тут при чём? Не мы же работаем на сотовой станции и занимаемся втихаря прослушиванием чужих разговоров!

— А не ты ли помогал ему собирать «коробочку»?

— Только программное обеспечение. И моего «копирайта» на нём нет. К тому же, это было год назад.

Оба дружно посмотрели на антенну ретранслятора, гордо возвышавшуюся над самым высоким зданием города.

— Лучше б ты его не от пьянки, а от авантюризма вылечил, — ответил Ворон на мысли брата.

Тур усмехнулся.

Славик объявился в Твери несколько лет назад. Как раз в то время, когда близнецы Полозовы стремительно раскручивали каждый свою карьеру. Бывший армейский приятель приплёлся к ним на квартиру без гроша в кармане, побитый, злой на весь белый свет, в стельку пьяный и совершенно опустившийся. По негласному решению братья приняли участие в его судьбе. Славик преобразился. Поменяв три или четыре профессии, он осел на наиболее выгодном для себя месте работы. Тут и начались новые проблемы. Фантазии ему было не занимать, но в каждое дело он бросался подстать лихому десантнику: головой вниз и без оглядки. Дважды Владимир Полозов «отмывал» приятеля программными средствами. Потом пригрозил: вляпнешься снова, пальцем не пошевелю. Не подействовало. Славик вляпался так, что угроза лишения свободы нависла над его головой предельно низко. Тогда Всеволод Полозов, мысленно стиснув зубы, пошёл на компромисс с медицинской этикой и сфабриковал Славике железное алиби с помо-

щью химии и лекарственных препаратов.

— Я ему сказал, что выпутываться будет сам, — сообщил Ворон. — Он согласился.

Тур неопределённо повёл бровью.

— Свежо предание... Как насчёт сегодняшней тренировки? Настроить успеешь?

* * *

«Полоса препятствий», установленная в тренажёрном зале, представляла собой цепь плоских фигур, выскакивающих из-за «углов» по случайной схеме, контролируемой компьютером. Ворон называл своё изобретение «тренировкой на выживание». Фигуры, снабжённые элементарной электроникой, крутились, перемещались по помещению на металлических тросиках и изображали вооружённых киллеров. С недавних пор они даже «стреляли», то есть выплёскивали струю красной краски в направлении специальных датчиков, закреплённых на спортивных костюмах игроков. Изобретатель обещал в скором времени разработать функцию рукопашного боя, хотя успех затеи казался сомнительным. Для столь сложной игры требовались не фанерные силуэты, а, по крайней мере, управляемые манекены с манипуляторами.

— Готово, — сообщил Ворон, проверив программу.

— Что нового? — осведомился Тур, поигрывая метательным ножом.

— Бьём на поражение. Иначе поднимутся повторно, поскольку я учёл в программе тяжесть ранения.

— А тросы не запутаются, как в прошлый раз? — встрял Лис, занявший единственное зрительское место в зале: возле компьютера за кривым обломком пуленепробиваемого стекла.

— Помолчи-ка лучше, — грозно посоветовал Ворон, и Лис уяснил, что шутки больше не принимаются.

«Можно, я тоже посмотрю?» — Кикимора размазалась по стене.

— Мы это, тихонько, сынки, — заискивающе вставил Дед, возникший из-под пола.

Тур и Ворон взяли пневматические пистолеты, заткнули за ремни по паре метательных ножей, переглянулись, кивнули друг другу, и Ворон запустил программу.

«Что они делают?» — Кикимора влезла прямо в ухо Лису.

— Синхронизируются, чтобы максимально чувствовать другого.

«А бывало, что они проигрывали?»

— Через раз кого-то одного обязательно «подстреливают». Они

проходят сценарий до тех пор, пока не выйдут из «боя» целыми оба.

— Тесновато тут, — посетовал Дед.

— Коридор задействован и окна. До парка Ворон ещё не добрался, но, чую, скоро и двор станет стрельбищем. Ш-ш. Смотрите.

Спектакль начался с серии «автоматных очередей», выпущенных из дальнего угла зала. Противника, притаившегося за тренажёром, «снял» Тур. Ворон перебежал на два метра вперёд, увернулся от «киллера с ножом» и свалил макет выстрелом в упор. Брат прикрыл его, уничтожив «стрелка» в дверном проёме.

Наступило затишье.

— Сбой пошёл, что ли? — Ворон высунулся из-за картонного навеса.

— Берегись!

Тур броском сменил дислокацию и открыл огонь по двум фигурам, выскакивающим из-за шкафа, как чёртики из табакерки.

— Задели? — спросил он, почувствовав, как близнец растирает ногу.

— К штанге приложился. Осторожно, слева!

Лис, которому на мониторе была хорошо видна расстановка и перемещения «противника», ёрзал на стуле, но реплики выдавать не смел. По его примеру помалкивал и Дед, успевший исследовать зал лично. Заинтересовавшись механизмом очередной модели, он зазевался и внёс свою лепту в увлекательное представление.

— Человек на линии огня! — мгновенно среагировал Ворон и кинулся через проход.

Дед был сбит с ног и отлетел к стене в объятиях «спасителя».

— Э, ты, супермен! Кости бы мне переломал, кабы были кости! — возмущился бывший болотник.

— Кости потом посчитаешь, — бросил Ворон и едва не угодил под обстрел очередного персонажа.

Струя краски разбилась о стену. Вторая достигла цели. Вернее — «случайного прохожего»: Дед получил «пулю» в живот.

— Тур, сюда! — Ворон вошёл в роль.

Хохот из «зрительного зала» превзошёл допустимые нормы, но остался без внимания.

Ворон прикрыл близнеца «прицельным огнём», и Тур добросовестно исполнил роль врача.

— Ну ты, сынок, полегче! — бубнил Дед, пока ему оказывали «первую помощь». — Как дети малые, право слово!

— У меня последняя обойма, — предупредил Ворон. — Пора заканчивать.

Тут программа всё-таки выдала сбойную ситуацию. Фанерный силуэт выехал из-за шведской стенки и, вместо того чтобы среагировать на электронные индикаторы Тура и Ворона, повернулся к игрокам «спиной» и принялся палить в противоположном направлении. Пока автор программного обеспечения с досадой следил за «роботом», Тур разобрался с противником проще: всадил в его «жизненный датчик» нож.

Следующая сцена служила для отработки техники уничтожения снайпера. Механизм поливал краской перегородку, за которой притаились оба игрока, и не подпускал к себе ни на шаг.

— Ловко, — выдохнул Ворон.

— Прикрывай. Я его сниму.

Ворон выпустил подряд половину обоймы, а Тур выскочил в проход и классически, с вытянутой руки, произвёл всего один выстрел. В следующее мгновение он уже был на полу, то есть вне зоны обстрела. Лису показалось даже, что «снайпер» его всё-таки достал.

Наступила тишина.

Тур приподнялся.

— Всё, кажется.

— Какого чёрта ты подставился! — напустился на него Ворон.

— Я был уверен в тебе, — прозвучал обезоруживающий ответ.

Динамик хрюкнул.

— Гонг не сработал, — программист кисло взглянул на компьютер, установленный в «зрительном зале». — Лис, что там на мониторе?

— Полная победа! — объявил юноша. — С первого раза чисто!

Близнецы осмотрели друг друга.

— Порядок! — кивнул Тур. — Дед, вылезай. Будем считать, что тебя забрала «скорая».

Привидение выплыло из-за матов, держа в руке пласт краски.

— А в пионерских лагерях «зарницы» бывали... — начал он.

Тур повернулся, чтобы ответить, но тут почувствовал за спиной движение. Рефлекс работал моментально.

— Брат!

Он сбил близнеца с ног, рухнул вместе с ним на пол и в падении почувствовал, как сзади в плечо ударила липкая струя.

— Тур?

— Стреляй! Меня задели.

Ворон высвободил руку с пистолетом и пальнул в покачивающийся силуэт. Фанера повалилась.

— Это что ещё за фокусы! — гаркнул он, вскочив на ноги. — Кто

игру включил?

Тур поднялся, с сожалением осматривая облитую краской левую руку и плечо.

— Сквозное. Пробита подключичная артерия, кровь необходимо остановить в течение двух-трёх минут. Раздроблена ключица, следовательно, осколки могли повредить лёгкое. Серьёзно повреждено сухожилие.

— Да хватит. Всё ясно, — оборвал Ворон. В груди у него противно заскребло от медицинских итогов происшествия. — Это не в счёт. Игра окончена, финальный свисток прозвучал. Лис, твоя работа?

Он грозно двинулся к зрителю.

«Эй, стоп! — вмешалась Кикимора. — Всё честно. Вы ещё не ушли с поля боя!»

— Так это ты, дорогуша, вносишь новые правила?

«Я!»

— Хорошо, пусть мы ещё не ушли. Но этот был убит, — Ворон показал дулом пистолета на фанерного бойца с вырубленным «жизненным индикатором».

«Так вы же должны теперь учитывать не только живых, — возразило привидение. — Представь, что дух поднял своё тело и выстрелил. Почему бы нет?»

Ворон растерянно оглянулся на Тура.

— Она права, — развёл руками брат. — Мы продули. Ничего, потом повторим с учётом изменившихся условий. А теперь давай меня реанимировать.

— Ты кончай так шутить! — взорвался Ворон. — Тебе вообще следовало беречь себя, а не меня. Кто у нас врач, чёрт подери?

— И я, по-твоему, должен был спокойно созерцать, как тебя расстреливают? — Тур вскинул голову.

— Но не лезть же под пули!

— А если иначе тебе разнесут череп?

— А что мне с тобой раненным делать?! Всё, что я умею в качестве медика, это давать наркоз, следить за электроникой и подавать тебе лотки с инструментами.

— Наркоз мне противопоказан, это ты должен знать как дважды два. А перевязать сможешь. Дальше я сам разберусь.

— Ты разберёшься? Да ты сам только что диагноз поставил! Тебе шок обеспечен, я уже не говорю о потере сознания!

— Эй, сынки, вы это, увлеклись чересчур, — Дед встал между

близнецами. — Хватит играть.

— Игра — модель поведения на поле боя, — вздохнул Ворон и осуждающе покосился на Тура.

Тот подмигнул.

— Изначально под «реанимацией» я имел в виду душ. Идём, отмоешь меня.

«А я отмою полы!» — вызвалась Кикимора, чувствовавшая себя виноватой в разразившейся перепалке.

Братья ушли, а Лис, до сих пор сидевший возле стола с компьютером, уронил голову на дрожащие руки.

«Лис, а Лис? Ты чего?» — струхнула Кикимора.

— Что-то произойдёт, — прошептал юноша. — Я видел. Реальное. Похожее...

— Сынок, ты это, не надо! — опешил Дед. — Не сбудется никогда. Тьфу, тьфу! Взгляни в зеркало, и скажи «не-бу-дет»!

К зеркалу возле шкафа Лис подошёл. Но вместо панацеи получил новую порцию ужаса. За спиной, там, где остался перемазанный краской спортзал, в зеркале появилась совершенно иная картина. Белая лампа, белый стол, человек на столе, такой же белый, как обволакивающие его простыни, неподвижные руки, облитые кровью. А другой такой же — с отчаянным горящим взглядом — склонился над лежащим.

— Вы бы это, со своими моделями хоть мальчика пожалели!

Дед расхаживал перед старшими Полозовыми, сидящими рядком на диване как два нашкодивших ученика.

— Дед, в конце концов, всякое может случиться! — высказался Тур. — Никто из нас не застрахован. А с Лисом всё в порядке. Бурное воображение не идёт ему на пользу, согласен, но парень взрослый, должен смотреть на жизнь как мужик, а не как кисейная барышня.

— В зеркале он что-то углядел, — хмыкнул Ворон в сторону.

— Вот и углядел! — Дед упёрся руками в бока. — Парень-то — веший. Вы б лучше помолчали да выводы сделали. Умники!

— Ладно, конец дебатам, — Ворон поднялся. — Что бы нас ни ожидало, знай, Дед: пока бьётся хоть одно сердце, мы оба будем живы. И даже легионы заложных тому не помешают!.. Было дело, мы теряли друг друга, — он сглотнул, но не позволил своему голосу дрогнуть. — И сумели найти! Двух раз вполне достаточно для наработки опыта.

Тур медленно поднял указательный палец и поправил.

— Ворон, один раз: ты — меня. Я тебя *туда* не отпустил, а ты

крепко за меня держался. Значит, научились без второго дубля.

— Вот-вот, — согласился брат. — И на сём закончим.

— Это уже совсем другой разговор! — заулыбался Дед.

А Тур подумал, что сейчас, выплеснув вслух то, что годами пряталось в душе, ни он сам, ни его близнец не ощутили прежнего страха. «Сработало Дедово наставление», — мелькнуло в голове, и он благодарно взглянул на мудрого друга.

* * *

«Киси» и «Пампусики» болтали на фривольные темы с «Квайкерами», «Султанами» и «Мастдаями» в самых многообразных выражениях. Мигали и крутились «смайлики», призванные выражать настроение виртуальных собеседников, орфографические ошибки обильно рассыпались по репликам, разноцветные строки появлялись на экране со скоростью то пулёмтной очереди, то ползущей черепахи. От чтения бестолковой перекрёстной беседы у Ворона начали закисать мысли. Больше двух часов он созерцал экран чата, но ни «Чижик-Пыжик», ни «Косолапый» не объявились.

Пойманные в течение дня электронные письма также не принесли существенной информации, из чего хакер заключил, что предоставленные ему адреса почтовых ящиков исполняли вспомогательную роль. Впрочем, Ворон вздохнул, глупо было надеяться, что подпольные коммерсанты станут общаться на профессиональные темы в открытой сети.

«Как вы раньше отчищали вашу дурацкую краску?! — возмущение Кикиморы прокатилось по гостиной и ворвалось в открытую дверь серверной. — Я пять тряпок извела, пока отчистила зал!»

— Обычно мы использовали растворители производства Тура, — сообщил Ворон, с удовольствием отвернувшись от монитора. — Краска, кстати — тоже его работа.

Немая ярость сгустилась перед его лицом.

«Ты... ты! Негодяй! Это ты в отместку за мой выстрел? Да?!»

— Что это ты вдруг? — Ворон развалился в кресле.

«Почему мне про растворитель не сказали?!»

— Я полагал, ты разбираешься в химии.

Мышь подскочила над столом вместе с ковриком.

— Эй! Полегче, — Ворон поймал манипулятор и вернул на место.

Взгляд упал на экран.

«Чижик-Пыжик: привет, Косолапый», — повисло на окне чата.

«И не подумаю угомониться! Я тебя...»

— Ки, заткнись!

Ворон сосредоточился на компьютере. Полтергейст благоразумно утих.

Груда реплик вывалилась в «переговорную» зону, и среди них долгожданный ответ:

«Косолапый: Чижик-Пыжик, уже поставили, отмечай. Три рюмки на Фонтанке для тебя».

Вновь потянулось ожидание. Ворон поглядывал на окно, где его программа добросовестно записывала адреса интернет-протоколов всех, кто находился в чате.

Со следующей порцией говорильни появился ответ «Чижика» — встретимся за рюмочкой?

Затем, после солидной паузы, Косолапый отозвался: я завязал на пару дней.

В слово «пара» забралась лишняя «п».

— Ну же, поболтайте ещё! — прошептал хакер, следя за скачущими строками «айпишников» в своём журнале. — Мне выборка нужна!

Тут кто-то влез в зашифрованный диалог: Косолапый, меня пригласишь?

Объект слежения не отреагировал, более того — вышел из чата, о чём уведомила мелкая строчка администраторского сообщения. Остался «Чижик», и Ворона осенила отличная идея. Он спешно зарегистрировался в чате под именем «Душка», и набил строку: «Чижик, возьми меня с собой. Представляешь, сначала це-два-аш-пять-о-аш, а потом девочка».

Он затаил дыхание. Шансы получить ответ были ничтожно малы, но всё-таки, как ему казалось, были.

«Чижик: умненькая Душка».

— Есть! — Ворон тряхнул кулаком, быстро опустил пальцы на клавиатуру и задумался: что такого следовало написать, чтобы разговор продолжился?

«Скажи: а ещё я люблю коктейли», — подбросила Кикимора.

Ворон прикусил ус и кивнул.

— Пойдёт.

Реплика отправилась в чат.

«Чижик: Душка, ты пряткая штучка».

«Пиши, — Кикимора возникла над плечом программиста. — Мне нравится тянуть их из трубочки. И сосать...»

— Ки, это уже слишком, — возмутился Ворон.

«Пиши, говорю! А то упустишь».

— Пиши-ка сама! — предложил хакер. — Мне есть, чем заняться.
«Да? Можно?.. Ура!»
Клавиши вынесли на экран подготовленную реплику.
«Ага! Опять ответил!» — привидение радостно подпрыгнуло над столом.
— Умница, Ки, — похвалил Ворон, но вчитываться в ответ не стал. — Продержи его в чате ещё на десяток реплик. Мне необходимо отследить адрес.
«Есть, сэр!»
Следующие сообщения Кикимора не набирала, а каким-то образом вплёскивала в строку, будто сама мысль оседала на клавиатуре и отражалась письменным аналогом с помощью мягких податливых клавиш.
«О, ко мне ещё двое цепляются!» — обрадовалась призрачная домохозяйка.
— Преуспеваешь, — обронил Ворон, мельком глянул на «творчество» помощницы и почувствовал, как к лицу прилила кровь. — Ки, ты не слишком ли увлеклась виртуальным сексом?
«Ты лучше за своими программами присматривай. Пока я живая была, ко мне парни вообще не подходили, так хоть теперь оттянусь!.. Смотри, мне уже телефоны предлагают! Правда, не знаю, в каких городах страны».
— Попробуй добыть телефон у Чижика!
Клавиатура прошуршала ещё раз.
«Не, он мне хочет мыло послать».
— Скажи, что завтра адрес дашь. Назначь время на чате.
«А ты успел его заловить?»
— Успел.
Кикимора душевно попрощалась с виртуальными кавалерами, и Ворон снял соединение. В его глазах переливались азартные всполохи.
— Спасибо, Ки. Ты прелесть!
«Честно?»
— Ещё бы! И... прости за растворитель. Это я предложил Туру промолчать.
Привидение раздулось от избытка чувств, обвило голову и грудь хакера и потёрлось о его щёку.
— Как ты додумалась увлечь Чижика столь щепетильной темой? — полюбопытствовал Ворон, когда фантомные нежности иссякли.
«Он назвал меня “штучка”, пребывал в хорошем настроении, ну и... В общем, мне показалось, что он падок до девочек».

— Не слишком логично, но сработало!

«Логично или нет — вам, мужикам, судить. А у женщин развита интуиция, это куда надёжнее, — серьёзно заявила Кикимора, помедлила и пощекотала программиста лёгким сквознячком. — Ворон, я могу потом ещё в чате поболтать? Пустишь? Я ничего лишнего не брякну, не волнуйся».

— Поболтаешь обязательно. Но сейчас мне нужно обработать результаты.

День четырнадцатый

Обнаружив на кухне Тура, Лис блаженно зажмурился: завтрак обещал быть вкусным.

— Тебе помочь? — он заглянул через плечо старшего брата и отпрянул.

На разделочном столе возле тостера стояла клетка с двумя белыми крысами.

— Если тебя не затруднит, отнеси подопытных в мою лабораторию и по дороге разбуди Ворона, — сказал он.

— По дороге туда или назад? — уточнил Лис, осторожно взявшись за ручку клетки.

Тур, выразительно прищурившись, посмотрел на брата.

— Ясно, лучше по дороге назад, — засмеялся юноша.

Ворон спустился к завтраку через десять минут. Лис успел изойти слюнями, глядя на аппетитные тосты с куриным паштетом, овощное рагу и сладкий творожный пудинг.

— Наконец-то все в сборе! — воскликнул он, когда брат сел за стол.

Тур внимательно оглядел близнеца.

— Ты вообще-то спать ложился?

— Разумеется. Лис подтвердит, он меня с постели поднял, — Ворон протёр глаза.

— А ты спустил на меня всех собак и заявил, что заснул всего час назад! — напомнил Лис, оторвавшись от пудинга.

— Не пропустит случая наябедничать, — Ворон стукнул пальцами по столу. — Я Чижика-Пыжика отловил.

Последнее предназначалось для Тура. Лис уставился на брата-программиста, решив, что прозвучала какая-то хитроумная шутка. Затем перевёл взгляд на его близнеца, и понял, что никаких шуток не предполагалось. Самое время было придержать при себе всяческие высказывания и навести уши.

— В какой степени? — осведомился Тур.

— Всё личное дело. Плюс его переговоры с Европой.

Над обеденным столом застыло изумление.

— Кикимора помогла удержать Чижика в чате, — невозмутимо продолжил хакер, насладившись немим восхищением слушателя. — Остальное пошло как по маслу. Этот дурень чатился на офисной машине. Там я его и опознал. Он числится экономистом в туристической фирме. Наверное, задержался под предлогом подбить месячные итоги. Кадровые файлы оказались прямо на сервере. Ногтём взломал. Дополнительно попались несколько зашифрованных e-майлов. С ними-то я и провозился до утра.

— Мои поздравления, — высказался Тур. — Белякову повезёшь лично?

— Естественно. Договорюсь и туда-обратно. Страховка не нужна, — Ворон многозначительно подмигнул близнецу. — Занимайся реактивами и крысами в своё удовольствие.

— Беляков, по-видимому, будет счастлив.

— Как знать! — Ворон проглотил тост и прихлебнул кофе. — Догадайся с трёх раз, с кем этот Чижик общается?

Тур опустил вилку.

— Неужели всё те же, с лакокрасочными материалами?

— В десятку! Они ведут переговоры о сбыте товара, который пока получает Беляк. Причём, как я понял, предлагают значительно большую сумму за один и тот же объём поставок.

— Почему?

— Ну, ты от меня слишком много хочешь! — Ворон рассмеялся. — Это уже просто не моё дело.

— Ворон, — встрял Лис, — зачем ты вообще работаешь на Белякова? В городе куча организаций, которые рады были бы видеть такого спеца, как ты, в своём штате. К тому же это честнее.

— Ты помалкивай, правдолюб, — улыбка на лице Ворона превратилась в кривую усмешку. — Меньше всего мне светит быть в чьём-то штате. Я сыт по горло годами рутины на заводском ВЦ. А у Белякова, малыш, я могу заниматься творчеством. Где бы ещё мне пришлось по трём дохлым «мылам» ловить Питерскую мафию?

— А ещё за это хорошо платят, — язык Лиса, как обычно, перебежал дорожку осторожности.

— Существенное замечание. Деньги в наше время — определяющий фактор прогресса, — без эмоций отозвался Ворон.

— Прогресс создают люди, а не их деньги, — не унимался Лис.
— В конечном итоге. Но посуди сам: без такой аппаратуры, как у нас, могли бы мы с Туром оттачивать квалификацию? А обеспечить тебе образование?.. То-то. Если голова есть на плечах, богатством её не испортишь. А наш доход, надо сказать, далеко не поднебесный. Кстати, Тур. Машина будет через неделю.
— И что ты всё-таки заказал?
— Увидишь.
— Она хотя бы отечественная?
Ворон рассмеялся.
— Ты хотел нашу марку, значит, будет наша. Но учти, если раздолбаем и эту, я буду настаивать на втором БМВ.
— Сделаю всё, чтобы машина прожила подольше, — откликнулся Тур.
Завонил телефон. Ворон встал и пошёл к аппарату.
— Будем откровенными: машины бью в основном я, — хохотнул он и поднял трубку. — Полозов. Слушаю... Нет. Минутку... Борис, это тебя!

Лис ни разу в жизни не ходил на свидания с девушками, поэтому приглашение Лоры, прозвучавшее утром по телефону, вызвало массу разнообразных эмоций от тревоги и удивления до волнения и робости. Худшее состояло в том, что разговор невольно слышали старшие братья и по результатам его сделали противоположные выводы.

— Одейся бы ты поэлегантнее, — советовал Тур, когда Лис, стоя возле своей «Хонды», напяливал на голову шлем.

— Так сойдёт, — возразил Ворон, критично осмотрев джинсовый костюм юноши. — И имей в виду, малыш: приличные девчонки не вызывают парня на свидание.

— У неё что-то произошло, — в десятый раз начал Лис. — Она сказала, что ей беспокойно. А это означает, призрак где-то рядом.

— Поезжай аккуратно, — напутствовал Тур. — Если что, немедленно звони.

Лис завёл мотоцикл и выехал из гаража. Галатея облаяла рычащее транспортное средство и, насканивая на колёса, проводила его до ворот.

— Возможно, он ей действительно приглянулся, — Тур пожал плечами на вопросительный взгляд брата.

— Заарканила на вечерок, — Ворон скроил кислую мину. — Надеюсь, Лис знает о существовании презервативов.

— Ну, ты сразу! До этого не дойдёт. И нельзя сбрасывать со счетов

её призрачного ухажёра. Я его видел лично.

— Это мне тоже не нравится, — обронил Ворон, достал из нагрудного кармана очки и водрузил на переносицу. — Ладно, я к Белякову. Посмотрю, на что похожа его дача.

* * *

Лора нервничала. Лис и так, и этак пытался выяснить причины её нервозности, но ничего конкретного не добился. Они вдвоём погуляли по городскому саду, съели мороженое, и Лис рискнул пригласить девушку в кино.

— А который час? — спохватилась она и, услышав ответ, отрицательно мотнула головой. — Не, не успею. В четыре меня кое-где ждут.

— Я отвезу, — предложил юноша.

Она странно посмотрела на спутника и расхохоталась.

— Я думала, ты хотя бы спросишь, кто ждёт!

— Если бы ты хотела дать мне эту информацию, ты бы сразу сказала, — заметил Лис.

— Чудик ты! — Лора снисходительно посмотрела на Лиса, прикусила губку и, отвернувшись, спросила. — Борис, а ты мне не одолжишь немного денег до завтра?

— Конечно.

— Мне надо рублей... пятьсот. Понимаешь, я в долг влезла месяц назад. А сегодня обязательно надо вернуть. Мне родители вечером привезти должны...

От девушки пахнуло ложью. Лис незаметно фыркнул, прогоняя прелый запах вранья из чутких ноздрей, и как можно естественнее ответил:

— Без проблем. Куда ехать?

Узнав, где назначена встреча, Лис насторожился. Этот загородный район, кроме природных красот и прелестей летнего отдыха, снискал в народе и дурную славу. Вокруг него роились шумные истории о мафиозных разборках, собачьих боях и безобразиях цыган.

— Кому ты звонишь? — почему-то испугалась Лора.

Лис приложил мобильник к уху в ожидании ответа.

— Домой, — обронил он. — Всеволод, это я... Нет, всё в порядке. Я сейчас за город еду.

Он назвал пункт назначения, выслушал сомнения брата по поводу целесообразности прогулки, невнятно пообещал быть осторожным и отключил связь.

Следуя указаниям пассажирки, Лис миновал деревню, свернул на просёлочную дорогу и выехал к озеру. Карьер, когда-то служивший

для добычи песка и со временем наполнившийся водой, издавна был любимым местом воскресного отдыха горожан. Сейчас погода не располагала к купанию, и пляж пустовал. Лишь в перелеске вокруг костерка собралась небольшая группа молодых людей.

Бритые, длинноволосые, покрытые татуировками и просто грязные, они выглядели, как бесполовая вялая масса. Горланил магнитофон, сотрясая округу ритмичным грохотом ударников. Двое, в одном из которых угадывалось существо женского пола, смеялись и дёргались, будто изобрели танец в положении сидя. Тут же стояли разномастные мотоциклы и жёлтая автомашина с подбитой фарой.

Лора сняла шлем, тряхнула волосами и помахала кому-то рукой. Навстречу поднялись два наголо бритых парня в потёртых рваных джинсах. Завязался странный разговор. Лис поймал себя на том, что не понимает ни смысла, ни даже отдельных слов. Жаргон превратил речь в тягучую жижу звуков.

— Это кто ещё? — прозвучала, наконец, членораздельная реплика, и к Лису двинулся высокий молодчик с блестящими глазами.

Другой, казавшийся повыше и покрепче, вернулся к костру.

— Он со мной, — Лора торопливо встала между приятелем и Борисом.

— Деньги привезла?

— Привезла. А ты мне дашь?

Бритый прожевал слова и поманил Лору пальцем.

— Давай сюда.

Лис мысленно сосредоточился, заставил бурное дыхание спрятаться в груди и решительно шагнул вперёд.

— Держи, — он протянул Лориному кредитору купюру.

— И ты за это дерево ещё хочешь? — бритый презрительно хмыкнул, наклонился к Лоре и поддел её за подбородок.

— Повेशливее можно? — напустив на себя побольше манерности, вступился Лис.

— Ах, какой цыплёнок!

Торговец намеревался похлопать юношу по щеке, но наткнулся на блок. Лис защитился от грубых нежностей, как от удара в голову. Урок Ворона он выполнил на «отлично». Парень отступил.

— Борис, пожалуйста, — зашептала ему в ухо Лора и дрожащей рукой вцепилась в его плечо, — мне очень надо.

Лис опустил глаза. Станный запах, который он принял за дух лжи, вновь появился рядом, и теперь уже в его истинном значении со-

мневаться не приходилось.

— Колешься? — спросил он тихо.

— Нет-нет. Я только нюхаю. Я брошу, обязательно. Но сейчас мне надо.

Лис вздохнул и пошёл за бритым к костру.

— Эй, сколько она тебе должна? — спросил он, стараясь подражать манере Ворона. Хотя плохо представлял себе, как бы брат повёл себя в сложившейся ситуации.

Продавец назвал сумму. Остальные не удостоили нежданного гостя вниманием.

— Договорились, — юноша достал бумажник.

Лора перехватила его руку, готовую протянуть деньги и вскрикнула.

— Не так, чудик!

Бритый усмехнулся и торг пошёл по принятым здесь правилам.

Лис не стал смотреть, как Лора, глаза которой жадно разгорелись при виде конвертика с долгожданным порошком, будет реализовывать преподнесённое ей «лакомство». Отвращение, поднявшееся к горлу, затмило прочие ощущения. Лис старался уберечь обоняние от обилия тошнотворных запахов, наполнивших ни в чём не повинный лесок.

— Угощайся, — вдруг сказал кто-то у костра. — У нас так заведено: первый раз бесплатно.

— Нет, спасибо, — автоматически отозвался Лис и вздрогнул: слишком знаком был ему этот голос.

Осторожно обернувшись, юноша бросил взгляд на говорившего. Смуглое узкое лицо, чёрные усы, цепкий взгляд.

«Опять влип», — пронеслось в голове.

На поваленном дереве рядом с бритоголовым сидел тот самый тип, который инициировал похищение в попутке. Со слов братьев Лис знал, что этого звали то ли «Гарик», то ли «Игорёк», и в отличие от своего белобрысого приятеля он не попался в руки старших Полозовых, когда те разбирались с похитителями.

— Лора, — Лис всеми силами прижал накатившую дрожь, — если ты закончила, поехали.

Усатый приоткрыл рот, выставив на обозрение жёлтые кривые зубы, и подался вперёд.

— Так рано? — расхохоталась девица. — Чудик, останься со мной! Тут так хорошо!

Усатый поднялся, отодвинул пошатывающуюся Лору и сделал к Лису несколько шагов.

— Смотри-ка, как девочке хорошо. Оставайся, поболтаем, — произнёс он, будто автомат. А у самого на лице клокотал страх.

Лис спешно принялся. Но кроме, увы, знакомой «вони» наркотиков не учуял ничего: ни озона, ни горелого масла. Зато из-за спины потянуло пряным духом болот...

*Мох рыжий, чаруса, осока —
Помни свой край родной,
Где птицы гнездятся высоко,
А травы шуршат чешуёй.*

Юноша уверенно расправил плечи. Волнение и предательская дрожь в коленях пропали, как дым.

— Ну что ж, с тобой я поболтаю, — произнёс Борис Полозов.

Усатый отпрянул.

— Ты... Ты же...

Ужас на мгновение завладел его личностью, однако власть инстинкта самосохранения была недолгой. Чужая воля скрутила рассудок.

— Так не пойдёт, — продолжал Лис. — Я хочу говорить с тобой, Игорёк, а не с тем, кто торчит в твоих мозгах, будто ржавый гвоздь. Ну-ка, представь нас друг другу.

Рука усатого совершила нервную дугу и нырнула за пазуху. Лис приготовился к отражению атаки, суть и причины которой пока не понял, но тут на пригорке рявкнул заглушённый мотор. Лис поднял глаза на дорогу. Он успел заметить старшего брата, выскакивающего из тёмно-синего БМВ. В следующий миг что-то блестящее ринулось в грудь. Мышцы мгновенно сжались, и тело, вдруг ставшее не своим, вынесло Лиса в сторону. Финка цели не достигла. Более того, в своём лисьем броске юноша умудрился подставить нападавшему подножку, и тот плашмя рухнул в высокую прибрежную траву.

— Влад, я в порядке! — закричал Лис, ибо понял, что снятые очки и остановившаяся белая маска на лице брата не сулят добра всем присутствующим.

Навстречу Владимиру Полозову встали два бритых.

— Чего тебе, интеллигент?

— Сейчас объясню, — угрожающе спокойно ответил он. — Борис!

Лис решил, что целесообразно приблизиться, ибо спорить на расстоянии десятка метров друг от друга было проблематично. Оглянувшись на усатого, матерившегося поодаль, он подбежал к брату.

— Влад, я...

— Заткнись. Марш к мотоциклу.

— Ты, интеллигент! Не трогай моих клиентов! — бритый решил применить силовые методы убеждения и двинулся на приезжего.

— Влад, не связывайся, — зашипел Лис.

Это ему не следовало говорить.

Ворон бросил взгляд на младшего брата и, как тому показалось, впитал в себя всё, что произошло за последние часы. Глаза его потемнели, будто небо перед грозой.

Пауза была недолгой.

Гроза разразилась.

Когда бритый и его более или менее трезвый приятель навалились на «интеллигента», Лис подумал, что брат всё-таки получит пару тумачков. В следующую секунду ему пришлось устыдиться своего недоверия. Наркопродавца Владимир Полозов вырубил прямым ударом в лицо, второго грохнул о ствол сосны так, что посыпались шишки.

Одурманенная компания частично очнулась от коварных грёз. Какой-то мордастый пацан даже рискнул вмешаться в драку, но тут же отлетел назад, попал рукой в уголки костра и истошно завопил.

— Влад! — Лис сделал ещё одну попытку остудить пыл разгневанного Ворона.

— Живо к машине!

Грозовой взгляд ударил в грудь юноши, будто воздушная струя.

— Влад, сзади!

Он круто развернулся. Усатый с финкой замер. Лис видел, как из-за его спины метнулось прочь что-то дымчатое. Освобождённое сознание окунулось в пучину действительности и принялось барахтаться на волнах страха, удивления и недоумения, что сполна выразилось на лице. Несчастный медиум готов был выпустить из рук нож, ибо не понимал, когда и зачем достал оружие. Но ослеплённый яростью Ворон не заметил белого флага капитуляции.

— Твой ужас идёт за тобой!

На полянке полыхнул огонь. Завизжала очнувшаяся от кайфа девчонка.

Хохотала Лора. Гремел магнитофон. Матерился мордастый пацан. Кто-то танцевал среди горящих углей. Оргия ползла к высшей своей фазе.

— Заводи и вперёд, — велел Ворон, приближаясь к имитированной автостоянке.

Отчаянный вопль пронёсся над озером. Владимир Полозов сделал вид, что сие его не касается абсолютно. А Лис невольно обратился на крик. Усатый сидел на земле, перехватив кисть руки. Из горла его вы-

рывались звериные стоны, а на физиономии застыла гримаса, подобная лику оплавленной восковой фигуры. Гвалт, беснующийся над поляной, на мгновение отступил, и лисий слух поймал тонкое удаляющееся шуршание змеиной чешуи. Возле воды качнулась оса.

Лис встряхнулся. Реальность выглядела по-прежнему.

— Чудик, я тебе позвоню! — раскрасневшаяся и нездорово весёлая, Лора помахала ему ручкой.

Владимир Полозов резко изменил вектор движения и встал перед девицей.

— Слушай, крошка, — он бесцеремонно взял её за острый подбородок. Точно так же, как недавно бритоголовый. — Позвонишь — пеняй на себя. Ясно? — он встряхнул удивлённую наркоманку. — Приеду я и лично сверну твою куриную шейку.

Более кайфовая девочка его не интересовала.

— Влад, им надо помочь!

— Заткнись!

Лис понял, что спорить бессмысленно, а не подчиняться опасно для здоровья. Он последний раз взглянул на растерянную Лору, напялил шлем и медленно выехал на просёлочную дорогу. Сзади взвыл мотор БМВ.

До города Лис двигался буквально под конвоем. Взгляд брата буравил его затылок, и парню казалось, что только шлем спасает от возгорания рыжие волосы на буйной голове. Увильнуть не удавалось. Стоило лишь слегка сбросить скорость, раскатистый гудок подбрасывал мотоциклиста на сиденье, заставляя руки выкручивать газ. Тандем миновал заводские корпуса и выехал на улицу. Тут Лис предпринял решительные меры: свернул к тротуару и затормозил.

— Что ещё? — Ворон опустил стекло с пассажирской стороны салона.

— У меня бензин заканчивается.

— Раззява. Вали на заправку. Сто метров проедешь, надеюсь.

Об отсутствии финансов Лис решил сообщить уже на бензоколонке, где в этот час царил оживление. Он верно рассудил: в присутствии людей Ворон не станет гневаться слишком откровенно, тем более вблизи горючих материалов. Несмотря на своё щекотливое положение, Лис всё же подумал о причинах странного пожара на берегу озера. С одной стороны, угли, разметавшиеся при падении незадачливого драчуна, могли угодить на сухую траву и сосновые иголки и тем самым содействовать пламенному завершению сцены. С другой, огонь в гла-

зах брата выглядел слишком материально.

* * *

— Эвон, едут, — сказал Дед и, кряхтя, как заправский старик, поковылял вверх по лестнице.

Тур не двинулся с места, пока «Хонда» и БМВ не остановились перед парадным подъездом.

Ворон взбежал к дверям первым и на вопросительно поднятую бровь брата ткнул пальцем в направлении понурого Лиса.

— Пусть он тебе докладывает.

Пропел сотовый. Близнецы синхронно схватились за свои аппараты.

— Мой, — предупредил Ворон. — Полозов. Слушаю... Да, чёрт подери! Да, я... Ничего. Кроме твоих проблем у меня полно собственных. Что надо?.. Принято... Я тебе уже сказал: такие вещи быстро не делаются. Будут новости, позвоню... — он закрыл мобильник и хмыкнул. — Разбежался! Завтра ему всё подавай.

— Беляк?

— Да. Хочет, чтобы я влез на сервера государственной регистрации электронной подписи, содрал пароли и вытащил ему из закрытой сети сделки питерских торгашей.

Тур присвистнул.

— Я ничего не обещал. Сказал, что прежде прозондирую почву.

— Ворон, мне это не нравится. Сколько раз ты висел на волосок от больших неприятностей? Два? Три?

— Ну, вспомнил! С тех пор я стал умнее. И вообще — Бог не выдаст, свинья не съест.

— Смотря какая свинья.

— Слушай, когда ты отделаешься от привычки надумывать себе проблемы! — возмутился Ворон и шагнул за порог.

Тур вздохнул.

Брат вернулся на крыльцо.

— Извини, близняшка. Клятвенно заверяю: ФСБ меня больше не заловит. Буду крайне осторожным хакером. Ради тебя.

Тур взял близнеца за плечо.

— Договорились. Приводи себя в порядок, а с ним, — он показал глазами на Лиса, — я побеседую.

Ворон ушёл в дом. Прикосновение Тура сделало своё дело: раздражённость, вызванная дурацкой выходкой младшего брата и усиленная нахальным поведением Беляка, улетучилась. А холодный душ смыл остатки испорченного настроения. Он спустился в гостиную, когда объяснительная речь Лиса подходила к концу.

Не замечая присутствия Ворона, юноша излагал Туру оставшиеся факты.

— Я ему сказал: «Этим людям надо как-то помочь!» Тур, они же не всегда кололись! Они были нормальными ребятами, пока не свернули на гибельную тропу. А он мне — «они уже не люди, а нелюди»!

— Нормальные ребята наркоманами не становятся, — ответил Тур. — И помочь им может только наркодиспансер.

— Ворон мог бы им внушить, что колоться плохо!

— Малыш, подумай, сколько таких мальчишек и девчонок живут сейчас по всему миру. Даже если Ворона стократно клонировать, не хватит на всех. Только дурак будет целый день бегать с тряпкой, подтирая лужу под протекающим краном.

— Чего? — опешил Лис.

— А умный, — продолжал Тур, — найдёт течь и залатает трубу. Ты понимаешь меня?

— И где, по-твоему, эта труба? — усмехнулся юноша.

— Ну...

— Вот именно! Везде! Начиная с социальной обстановки, кончая правительством, которое не в состоянии обеспечить ни исполнение законов, ни трудоустройство молодёжи.

— О, завернул! — не выдержал Ворон и таким образом разрушил своё инкогнито. — За рубежом и законы исполняют, и с трудоустройством у них всё в порядке. А наркомания процветает. Жизнь в нереальном калейдоскопе и красивая смерть. Черта времени!

— И ты не собираешься с этим бороться? — Лис вскочил.

— А как? — Ворон уселся на диван. — Вспомнить всё о себе, обрести великую силу вселенной и снизить на мир в облике новых богов?

— Будешь злиться, из тебя не бог получится, а дьявол! — выбросил Лис. — Над тобой такой факел гнева висел всю дорогу, что я не знаю, как до дома доехал целым. А те двое вообще столкнулись на перекрёстке!

— Стоп, — Тур поднял руку. — Кто столкнулся? Ворон?

— Я не заметил.

— Видал! — Лис от возбуждения втянул воздух сквозь зубы, и на

физиономии его появился забавный оскал. — Он даже не заметил! Две машины тюкнулись так, что звон по всему шоссе стоял. А та, в которую впечатались, за нами ехала, между прочим!

Близнецы посмотрели друг на друга. Лис смолк, обнаружив, что его сообщение развернуло мысли братьев в какое-то новое русло.

— Что-то нас заложные давно не беспокоили, — медленно проговорил Ворон.

— Помяни чёрта, он и явится, — с той же интонацией продолжил Тур. — Они не знали до сих пор, чем ты занимаешься.

— То есть, я вынес данные за порог дома, и эта информация была впитана? Каким образом?

— Ты говорил с Беляковым.

— Я не заметил заложных.

— Я тоже сегодня не заметил заложных! — высказался Лис. — А они были на поляне. Один — непосредственно внутри Игорька. Ты его выгнал своим огненным взглядом.

Ворон поморщился.

— Ещё скажи, что я костёр разжёл взглядом.

— И скажу!

— Лис, довольно, — оборвал Тур и вновь обратился к близнецу. — Вероятно, авария была спровоцирована для тебя.

— Или я сам её спровоцировал, — отозвался Ворон, глядя в пол. — Я не контролировал глаза и был зол, как чёрт.

Тур задумчиво осмотрел притихшего Лиса с ног до головы.

— Не исключено. Наш «Иванушка» и меня довёл до ледяных рук. Одним только рассказом, заметь. Удивительная способность рисковать шкурой попусту.

Лис отвернулся, сопоставил только что прозвучавшее «Иванушка» и чуть раньше — «дурак» в контексте с лужей и решил обидеться.

— Сам влезаю в истории, сам и вылезать буду, — объявил он. — Я не младенец, и сопли подтирать мне не нужно!

— Ты не младенец, — согласился Тур. — Ты двадцатилетний юнец с гиперсамоуверенностью. А это на поверку гораздо хуже.

— Не позвонил бы ты Ворону, я бы самостоятельно выпутался, — буркнул Лис. — Я почти вытянул из Игорька того, кто им управляет! И без кулаков, кстати.

— Вот как? — усмехнулся Ворон.

— Да. Я просто вспомнил то, где живут наши корни. И перестал бояться этого ублюдка.

Лис победно оглядел промолчавших братьев и, встряхнув рыжий чуб, удалился из гостиной.

День пятнадцатый

Субботнее дежурство выдалось на редкость спокойным. Всеволод Полозов без помех поговорил по телефону с Мариной и получил её согласие на участие в воскресном пикнике. Затем вызвал близнеца по своему.

— Лис так и не позвонил, — сообщил Ворон не без тревоги в голосе.

— Ладно, не трогай его. Пусть сам кувыркается. На пользу пойдёт. А коли что-нибудь натворит, расхлебаем.

— Тяжёлая это работа — заниматься воспитанием несовершенно мыслящих, — изрёк Ворон.

Через час дежурного хирурга вызвали в приёмный покой.

— Всеволод Васильевич, как хорошо, что вы сегодня в отделении! — врач приёмного облегчённо вздохнула.

Для доктора Полозова подобная ремарка новостью не являлась. В больнице его знали не только как великолепного хирурга, но и как эрудированного, грамотного специалиста и безотказного коллегу, у которого всегда можно спросить совета.

— Что здесь? — хирург поправил резиновую перчатку и подошёл к топчану, где лежал бледный худощавый мужчина. Под полузакрытыми глазами его собрались желтоватые синяки, а сухая кожа обвисла множеством складок, состарив лицо на десяток лет.

Возле больного стояла крупная женщина, не столько озабоченная, сколько сердитая.

— Доставили по «скорой» из поликлиники посёлка Медное с подозрением на желудочное кровотечение, — сообщила врач. — Общая слабость, потливость. Жалобы на боли в животе. С утра тошнота и рвота. В рвотной массе кровяные прожилки.

— Анамнез?

Врач заглянула в амбулаторную карту.

— Вчера провалился в какой-то овраг, — она устало пожала плечами. — Со слов жены — в состоянии алкогольного опьянения.

— На рогах домой припёрся! — вмешалась толстуха. — Грязный, как свинья. Опять обожрался самогону. Эвон, весь проспиртованный.

— Не пьяный я был, — тихо отозвался больной, не открывая глаз.

— Вы можете описать, что с вами случилось? — доктор Полозов присел на стул возле топчана.

— Не помню я, — мужчина с трудом разомкнул веки. — Приняли по сто, потом я в лес пошёл за жердями. Забор поправить хотел. Свернул где-то, наверное. Очухался в карьере, в таком дерьме!

Он болезненно сморщился и прижал слабой рукой ввалившийся живот.

— Не пьяный, как же! Да от тебя до сих пор гадостью воняет! — возмутилась жена. — Говорила дураку: не хлебай что попало! Его в прошлом году в инфекционное привозили, думали, желтуха! Я тут со стыда чуть не сгорела, пока с врачом объяснялась.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — обернулся к ней доктор Полозов. — Проведём анализы и, если ничего страшного нет, отпустим домой. А пока позвольте, я вас осмотрю, — он наклонился к больному.

Осмотр не занял много времени и закончился серией рвотных потуг, встряхнувших тело незадачливого любителя самогона. Пока подоспевшая медсестра занималась пострадавшим, врач приёмного покоя отвела хирурга в сторонку.

— Всеволод Васильевич, я, право же, не знаю, что писать в приёмном статусе.

— Я сам напишу. Перевозите в хирургию.

— Вы забираете его? — доктор выпрямилась, будто с плеч её сняли непосильный груз.

— Да. Понаблюдаю, посмотрю анализы, и если что, ночью возьму на стол. Вы чувствуете запах от его тела и волос?

— Да. Краска какая-то.

— Краска... — медленно повторил Всеволод Полозов. — Где вы живёте?

Жена больного оглянулась, несколько секунд рассеянно хлопала глазами и, наконец, сообразив, о чём её спросили, назвала деревню.

— Доктор, надолго вы его?

— Завтра всё станет ясно, — ответил хирург, а сам подумал: как странно женщины прячут свой страх: одну проблему они ловко скрывают за другой, более удобной и безобидной. Действительно, на фоне предварительного диагноза поселкового фельдшера отравление самогоном, с точки зрения деревенской бабы, казалось житейской мелочью.

Результаты гастроскопии оказались обнадеживающими. Доктор Полозов составил список назначений, лично проследил за исполнением, отправил анализы в лабораторию с пометкой «срочно» и взялся за

приёмный статус. Интуиция подсказывала ему, что данный случай не потребует операционного вмешательства. Но застраховаться следовало, иначе заведующий не упустит момента вызвать дежуранта на ковёр.

Закончив с бумагами, он ещё раз навестил больного. Мужичок чувствовал себя значительно лучше: лежал под капельницей и отпускал шуточки медсестре.

— Сегодня вам вставать не рекомендуется, — хирург остудил бойкого остролова. — Вижу, вы молодцом, но слушаться будете меня.

— Вас слушаться — с удовольствием, доктор. Это не жёнкины указания исполнять.

Всеволод Полозов сохранил строгий профессиональный вид.

— Давайте попробуем восстановить картину вчерашнего происшествия. Итак, что представлял собой овраг, где вы очнулись?

— Да карьеры это. Мы туда раньше ходили за песком. А год назад тама свалку сделали. Добра немного, но вони!

— Какого рода добро?

— Ну... пакля всякая, хорошо между брёвен забивать. И порошок цветной. От него крысы враздохнут. Зимой начали бочки какие-то привозить. Целенькие мы с соседом прибрали. Ломиком поддели крышки, дело плёвое, и готово. В хозяйстве, знаете, сгодится.

— Что было в бочках?

— А шут его знает. На олифу похоже. Знаете, такое, доски под покраску покрывать.

Всеволод Полозов понимающе кивнул.

— А потом, — мужик поёрзал на койке, укладываясь поудобнее, — весной уже, размыло всё, и такое дерьмо получилось! В него-то я и ахнул со всей дури.

— Припомните, не могли ли вы глотнуть жидкость из карьера.

— Не! А на харю попало точно. Вчерась до ночи отмывался. Доктор, это у меня от той гадости живот скрутило?

— Вероятно. Как далеко карьер от деревни?

— Пяток километров. Да туда вся округа ходила. У нас людишки хозяйственные! — пациент подмигнул.

— Зачем вы туда завернули вчера?

— У меня бывает. Вы вот, наверное, городской. В лесу не ходили. А там всякое случается. Как говорят, леший завёл. Ну и... стопочка была не одна. При жёнке говорить не стал, башку бы оторвала. Но мы на троих этак...

— Ясно. Отдыхайте. Утром вас переведут в терапевтическое отделение.

ние.

Доктор Полозов возвратился в ординаторскую, обнаружил на столе отчёт из лаборатории, быстро просмотрел результаты и нахмурился. Диагноз врача из Медного не подтвердился. Однако интуиция не отпустила из сознания проблему, логически исчерпанную. Тур прислушался к близнецу: Ворон сидел за столом, медленно листая толстую книгу.

Рука сама собой потянулась к сотовому.

— Есть минутка поговорить?

— Ещё один странный случай? — осведомился брат на другом конце беспроводной связи.

— Пожалуй, в чём-то странный. Не понимаю, что мне не нравится. Деревенский мужик провалился в какой-то карьер с лакокрасочными отходами...

— И у тебя краска? — оживился Ворон. — Похоже на семейную напасть... Эй, ты почему молчишь?

Тур встрепнулся.

— Слушай, как называлась деревня, куда мы заезжали в поисках Лиса? Я тогда к трактористу подошёл с вопросами.

— Не помню, но это легко выяснить.

— Подожди, ещё посмотри по карте, сколько километров от этой деревни до развилки, где мы видели фуры.

— Тур, что тебя так беспокоит? — голос Ворона стал тревожным.

— Ничего конкретного, к сожалению. Мужик поступил с токсическим отравлением, хотя утверждает, что только перемазался в каком-то масле. Биохимический анализ крови показал потрясающее превышение нормы трансаминаз и билирубина...

— Стоп. Теперь то же самое только по-русски, — беззастенчиво перебил брат.

— Что? А, извини. Короче, печень самого подзаборного алкоголика выглядит лучше. Понимаешь, единичное отравление никогда не вызовет такую картину через сутки после попадания токсина в организм.

Теперь надолго замолчал Ворон.

— Если мы об этом поговорим дома, никто не умрёт? — спросил он, наконец.

— Нет. Надеюсь. У тебя есть идеи?

— Можно сказать и так. Ладно. Не забудь про пикник!

* * *

Лис догадывался, что близнецы сговорились предоставить ему полную свободу действий, но вместо ожидаемого удовлетворения на

сердце скреблась досада. Он так долго трудился, чтобы добиться взаимопонимания с братьями, а вчера сам, своим бескостным языком, перечеркнул достигнутые результаты. «Неуд» на экзамене стал логическим итогом подавленного настроения.

— Да, Дед прав, — Лис обратился к большой чёрной галке, разгуливающей перед скамейкой в университетском сквере, и процитировал: «Прежде чем бороться со всемирной неустроенностью, необходимо навести порядок в собственной натуре».

Птица посмотрела на студента внимательным круглым глазом и вернулась к прерванному занятию — исследованию пустого пакета из-под хрустящей картошки.

На поясе призывно пропел сотовый. Лис обрадовался. Звонить ему сейчас мог только один из братьев.

— Да!..

Восторг сошёл на нет, когда в трубке ответил незнакомый женский голос.

— Это Борис Полозов?

— Я слушаю, — Лис на всякий случай огляделся по сторонам и осторожно покосился на дисплей аппарата. Номер абонента был неопознан.

— Говорит Света, подруга Лоры. Она просила тебе передать, что она ждёт тебя на набережной около старой лодочной станции.

— Минутку. Какая ещё станция? — удивился Лис.

— На набережной около старой лодочной станции, — вяло повторила Света.

Лиса так и подмывало спросить: ты нанюхалась или накололась — ибо бесцветный голос мог принадлежать, по его мнению, только наркоманке.

— Лора рядом с тобой? Я хочу с ней поговорить.

— Лоры нет. Она просила передать.

— Хорошо. В котором часу она будет на набережной?

— Она ждёт на набережной.

Заторможенная девочка повесила трубку.

Лис недоумённо посмотрел на онемевший аппарат.

— Что ей ещё надо?

Он выбрал из списка номер Ворона, но, подумав, от звонка отказался. Причин тому было две: обещание брата свернуть девочке шею и вчерашнее заявление о младенце и соплях. И если первое выглядело как обычное сотрясение воздуха, второе задевало личную гордость Лиса.

— Я сам разберусь, — пробормотал юноша и решительно встал со скамейки.

Мотоцикл не завёлся ни с третьего, ни четвёртого раза. Лис плюнул, поставил сигнализацию и отправился на свидание пешком. На площади, где бронзовый вождь указующим перстом направлял народ в светлое будущее, юношу начали одолевать сомнения в правильности выбора сугубо личного направления. Набережных в городе было предостаточно, а лодочных станций он мысленно насчитал не менее четырёх, и каждую можно было смело называть старой. Зародилась идея позвонить Туру и осторожно узнать его мнение о задачке. Но тут острый слух уловил перебранку двух мальчишек в переулке.

— Не попрусь я туда!

— Тупой совсем? На этом берегу! За детской больницей. Около лодочной станции!

Лис удовлетворённо кивнул. Само провидение подсунуло ему ответ. Избавленный от сомнений, Борис Полозов отправился на набережную.

Асфальтовая дорога круто ушла под горку, а дальше, под своды тополиной аллеи, повела каменистая грунтовка, предназначенная для пеших прогулок. Взмокший от быстрой ходьбы под жарким солнцем, Лис блаженно вдохнул прохладную тень и расстегнул ворот рубашки. Прохожих рядом не было, а церемониться с внешним видом перед Лорой он не собирался.

Девушка появилась на дорожке. Лис не заметил, где она пряталась, и усмехнулся про себя. Видимо, угрозу Ворона наркоманка восприняла серьёзно. Воровато оглянувшись, Лора сделала несколько шагов навстречу юноше.

— Приветик, — она стыдливо опустила глаза.

— Странная манера назначать встречу без точного места и времени, — Лис неодобрительно смерил её взглядом. — Кто эта Света?

— Соседка из общаги. Ты без мотоцикла?

— Не завёлся, гад.

— Хорошо, — Лора почему-то улыбнулась. — Так даже хорошо.

Лис приблизился к девушке, но та торопливо отступила.

— Я хотела прощения попросить. Я не смогу отдать тебе деньги.

— Думаешь, я не понял?

Где-то наверху, в кроне деревьев, раздалось сердитое «га-а». Девушка поёжилась.

— Сухо тут, — пробормотала она.

— Сама место выбрала.

— Давай по берегу прогуляемся немного. Мне не очень хорошо после вчерашнего.

— Догадываюсь.

Вальяжность, разыгрываемая Лисом, сработала против его галантности. Лора юркнула на шаткую лестницу, уводящую вниз, к воде, не предоставив юноше возможность совершить спуск первым и подать ей руку.

Песчаная кромка растянулась под откосом, образовав дикий невос-
требованный пляж. Кое-где были видны костровища любителей уединения и россыпь мусора — неотъемлемого спутника цивилизации.

— Борис, тот крутой с бородой, он тебе кто?

— Брат. Ты как до дома доехала?

— Подвезли, — она отмахнулась. — Тебе влетело?

— Не так, чтоб очень. В конце концов, я совершеннолетний.

— Это тот брат, который тебе мотоцикл подарил? — полубопыт-
ствовала Лора.

— Один из двух.

— Он всегда так поступает с теми, кто его задел?

— Нет, конечно, — Лис вздохнул, — просто он за меня волновался. Если бы твой усатый поставщик не кинулся на меня с ножом, всё бы обошлось. Лора, ты не боишься промочить ноги?

Девушка шла по мокрому песку, не замечая, что речная волна на-
катывает на её босоножки.

— Нет! — она беспричинно рассмеялась.

Лис ожидал увидеть на её щеках прежний румянец, но лицо наркоманки оставалось белым, как мел.

— Лора, а ты не думала завязать с наркотиками? Я узнал, это лечится, как любая болезнь.

— А, не важно, — опять отмахнулась девица. — Тебе это брат рассказал? Он кто по профессии?

— Тот, который рассказал — хирург. А тот, кого ты видела — программист.

— Ты им, наверное, снова доложил, куда пошёл, — усмехнулась Лора.

— На сей раз нет, — отрезал Лис.

— Борис, а чем этот программист занимается?

Лис остановился.

— Что-то мне не нравится твоё настроение.

— Приревновал? — она хихикнула. — Брось! Давай искупаемся!

— Ты что?

— Давай. Прямо так! В одежде! Знаешь, как классно!

Она забежала по колено в воду. Коротенькая юбочка, впрочем, пока осталась сухой.

Лис растерялся. Девушка вела себя слишком нездорово, и это могло кончиться очень нехорошо, особенно если ей вздумается нырнуть.

— Лора, вылезай оттуда. Во-первых, вода холодная, а во-вторых, ты сейчас не в форме, чтобы плавать.

— Хм! — она демонстративно вышла и скривила нос. — Я думала, с тобой весело.

Подул ветерок. Лис по привычке повёл ноздрями и насторожился. От Лоры не пахло ни духами, ни наркотиками. В воздухе витал лишь дух речной воды.

В кустах заверещали воробьи. Лора съёжилась и метнула гневный взгляд в сторону беспокойных птиц. Лис рефлекторно отступил.

— Знаешь, красавица, — произнёс он. — Развлекайся-ка одна. Мне давно пора домой.

— А то братики отшлёпают! — издевательски протянула Лора.

— Уважать заботу близких должен каждый, у кого есть семья, — сказал Лис. — Раз оторвёшься от ствола, и фю-ють, как лист неприка-
янный, так и сгинешь в чужих даях. Подумала бы ты об этом на досуге.

— Оторвись, попробуй! Это классно! — после секундной паузы завелась странная собеседница. — Давай!

Она наклонилась и, зачерпнув воды, брызнула на юношу.

— Давай!

Водные процедуры повторились, и Лис почувствовал вдруг, как что-то тянет его прямо в реку.

— Эй, прекрати!

— Давай!

Лис зажмурился, закрыв голову и лицо от новой порции воды, встряхнулся, глянул на Лору и остолбенел. Рядом с девушкой, невозмутимо держа её за руку, стоял Николай — студент, насмерть разбившийся под окнами университета.

— Я птиц с детства люблю, — улыбнулся он. — Что ж ты, сын Полозов, русалку не распознал? Я за тобой от самого универа слежу, хоть бы меня заметил.

— Николай! — обрадовался Лис. — Откуда ты взялся?

— Оттуда. Сказали — иди, пока дорогу помнишь, выручай приятеле-

ля. И я тут как тут.
— Спасибо, — Лис неуверенно приблизился к воде.
Лора пронзительно завизжала.
— Не бойся, я её держу, — уверил потусторонний товарищ. —
Расспрашивай, пока в ней какая-то информация осталась.
— Кто тебя послал за мной? — Борис Полозов смело вошёл в реку
и встал перед русалкой.
— Не знаю его, не знаю!
— Кто звонил мне через твою Свету?
— Не знаю его, не знаю!
— Лора, посмотри на меня, — велел Лис и, когда та подняла пу-
стые белые глаза, спросил: — Как ты умерла?
Русалка поникла, лицо её застыло, тоска опустилась на плечи.
— Утонула, когда мы после карьеров на Волгу заехали. Никто не
заметил.
— Зачем ты вызвала меня?
— Мне велели увести тебя в омут.
— Что тебе обещали взамен?
— Вечный кайф.
— Ну, это легко устроить, — Лис усмехнулся. — Кто-нибудь ждёт
тебя по ту сторону света?
Белые глаза русалки наполнились влагой.
— Наверное... Женька. Он приходил в прошлую ночь. Приходил и
плакал. Представляешь, парень... плакал...
Облик Лоры качнулся вместе с речной волной, а с берега пахнуло
горелым маслом.
— Николай, ты сумеешь провести по своей дорожке двоих? — шё-
потом спросил Лис.
Бывший студент кивнул.
— Доставлю в лучшем виде. А ты, друг, впредь себя от братьев не
отделяй. По одному вас троих как курей почикают, глазом моргнуть не
успеете. Застава крепка единством. Вам испытание предстоит. Призрак
рукотворный идёт в город, чтобы умерщвлять живых и калечить nero-
ждённых. Прощай!
Запах цветущего болота вырвался из-под речных вод, окутал неве-
щественных собеседников, разметался по узкому пляжу и упал к ногам
Лиса веткой душистой ольхи. Заворожённый, юноша поднял её, по-
смотрел вокруг и не увидел ни русалки, ни своего потустороннего те-
лохранителя. Дух горелого масла тоже исчез.

Весело подмигивало из волжских вод летнее солнце, бежала синяя рябь, шумели деревья, ловко приросшие к крутому берегу, трясла серёжками прибрежная ольха. Лис перевёл взгляд на ветку в руке и грустно улыбнулся.

— А пусть ты будешь подарком отца, — вдруг сказал Лис ветке и покосился на ольховый куст, раскинувшийся рядом. — Я же могу позволить себе думать именно так.

Овчарка доблестно облаяла мотоцикл, и, признав Лиса, кинулась извиняться. Собачье приветствие не могли не услышать в доме, однако юношу никто не встретил ни в холле, ни в гостиной. «Плохой знак», — решил он, подготовил оправдательную речь и решительно завернул в серверную, рассчитывая застать там Ворона.

Клавиши на клавиатуре плясали сами собой. Лис изумлённо открыл рот, но в следующую секунду догадался, кто хозяйничает на компьютере.

— Ки, чем занимаешься?

«Отстань. Мне разрешили».

На экране висело пёстрое окно молодёжного чата.

— Тебе делать больше нечего? — Лис скривился.

«Я создаю себе виртуальный имидж. Мне Ворон даже персональную страничку сделал. Хочешь посмотреть?»

На экран выплыло новое «окно»: ярко-оранжевое, исписанное зелёными и синими буквами. Вчитываться в крикливые заголовки Лис не стал.

— Идея твоя? — на всякий случай спросил он.

«А что? По-моему, здорово получилось!»

— А фотографию ты откуда взяла?

«Мы с Вороном составили её из кусочков. Ничего мордашка?»

— Если убрать серьгу из носа, будет неплохо. Ладно, болтай.

Лис вышел, тоскливо оглядел просторную гостиную, где вчера состоялось бурное семейное разбирательство, и издал тяжкий вздох. По его подсчётам старший брат уделил не менее часа своего времени за-бавам Кикиморы. А он, Лис, был наказан одиночеством.

— Явился не запылится, — Дед выплыл из-под плинтуса, отёр руки о штаны и переместился к юноше. — Ну, как день прошёл?

— Фигово, — признался Лис.

Дед крякнул.

— Ты, это, иди брату покажись. Он извёлся тут, тебя ждавши.

— Кто извёлся? Ворон? — Лис кисло усмехнулся.
— Делай, что говорено, умник. Вот, учи вас всех. Одна в компьютере застряла, другой шляется, где попало...
Ворчание удалилось вслед за Дедом в стенное перекрытие.
Лис поднялся на второй этаж, поразмыслил перед закрытой дверью и решил заглянуть в кабинет братьев. Первое, что бросилось ему в глаза, был выключенный компьютер. Второе — спина Ворона, склонившегося над книгой.
— Ты чего не за пультом? — испугался Лис.
Ворон вздрогнул от неожиданности.
— Фу-ты! Оставь свои лисьи повадки!
— Я не нарочно, — Лис отступил за порог. — Поздороваться зашёл.
— Так иди сюда, тихоня, — Ворон закинул руку на спинку кресла. — Экзамен сдал?
Юноша прошёл в кабинет, остановился перед братом и честно признался:
— Нет.
Ворон поддёрнул большим пальцем ус.
— Не переживай, пересдашь.
На душе у Лиса потеплело от мягкого сочувствующего голоса.
— А ты чем занимаешься? — поинтересовался он.
Брат закинул руки за голову и потянулся.
— Решил тряхнуть стариной, — он показал глазами на открытую книгу.
Лис осторожно повернул талмуд, дважды прочёл титульную страницу и недоверчиво посмотрел на брата.
— Алгебра?
— Она, родная. Основа криптографии, фундамент всех шифровальных алгоритмов! Я обещал Туру, что больше никогда не попадусь на крючок ФСБ. В первый и, к счастью, единственный раз меня отмазал Декан. И только потому, что Тур пригрозил оставить старика с его раком наедине. Это было пять лет назад. Но про меня не забыли, не сомневаюсь. Я проанализировал свои шансы, и понял, что засвечусь в любом случае, если воспользуюсь серверами регистрации электронных сделок.
— А Беляков? — насторожился Лис, присаживаясь в пустующее кресло Тура.
— Я ему не верю, братишка. Поэтому обойдусь без его подозрительной «крыши». Всё сделаю через Бера. Это интереснее, чем лезть

на сервера официальных служб.

— А не проще с этим вообще завязать? Зачем тебе сдался Бер? Мало в стране таких дельцов?

— Дело в том, что Бер — не делец. Он посредник и неплохой хакер. Это во-первых. А во-вторых, не каждого сетевого взломщика опекают заложные. Кабы не тот дурацкий звонок, я б, наверное, давно послал и Беяка, и Бера ко всем чертям. Но теперь — фиг.

Владимир Полозов достал сигарету и прикурил. Лис заметил его движение в свою сторону: Ворон по привычке протягивал огонёк близнецу, обычно сидящему слева в кресле, которое сейчас занял младший брат.

— Зачем вы курите? — полюбопытствовал Лис. — Ведь вы не воспринимаете действие яда, тем более никотина.

— Занимаем творческие паузы, — сквозь зубы ответил Ворон. — И не «вы не воспринимаете», а «мы».

Лис в полной мере прочувствовал это «мы», прозвучавшее для него синонимом «заставы». И вдруг спохватился:

— Ворон, я чуть не забыл! С той стороны света нам передали: призрак рукотворный идёт в город, чтобы умерщвлять живых и калечить нерождённых.

Сигарета замерла в ровных длинных пальцах.

— Что?

— Ну... Огненный Змей. Память. Рай, ад, тридцатое царство — как хочешь называй, — Лис поднял глаза и обнаружил, что акцент был сделан вовсе не на обозначение источника, а на сам факт сообщения. — В общем, я лучше сначала всё расскажу...

Пепел дважды упал на стол. Тонкая дымная спираль вилась над кончиком сигареты, и то было единственное движение в замершем пространстве.

— Малыш, ты понимаешь, как близко ты был от...

Лису показалось, что голос брата звякнул о фрамугу окна.

— Какого чёрта ты закрываешься от нас?! — громыхнул Ворон.

Юноша сжался, опасаясь увидеть в глазах брата извергающийся вулкан.

— Ты умеешь видеть что-то из будущего! Почему же ты слеп к тому, что у тебя под носом!.. И я-то... Да, дьявол из меня получился тот ещё.

До последней фразы Лис полагал, что его просто ругают. Но откровение Ворона развернуло сцену совершенно в иной плоскости.

— Нет! — вскинулся юноша. — Твои слова ничего не значили! Это я дал ей деньги на порошок. Значит, я и виноват в том, что она погибла.

Ворон нервно притушил недокуренную сигарету и встал.
— Оба хороши. А ты врежь мне в следующий раз по морде, если я только заикнусь о намерении увести кого-то в мир иной.
— Это будет сложновато, но я попробую.
Старший брат невесело рассмеялся.
— Тогда пошли тренироваться. Сегодня отрабатываем нападение.
— Мне б защиту усвоить, — вздохнул Лис, у которого заныли все мышцы при одном упоминании о спортзале.
Он поплёлся за братом и в коридоре вспомнил.
— Ворон, а как быть с телом Лоры? Может, в милицию позвонить?
— Ага. Точно, — в карих глазах сверкнул хитрый огонёк. — Ко мне тут русалка зашла поболтать и сказала, что её бранные останки покоятся на дне Волги где-то напротив доков.
— Да, глупо, — согласился Лис.
Ворон потрепал его по курчавому затылку, крепкой рукой прижал рыжую голову к своему плечу и шепнул:
— Плоть уйдёт в землю, а дух отправился истинной дорогой в Память. Теперь для девчонки это самое главное.

День шестнадцатый

Лис не ожидал, что приглашение на пикник прозвучало серьёзно, и растерялся, когда Тур сказал:
— Ты ещё не готов? Отчаливать пора.
В машине на заднем сиденье рядом с Мариной Николаевной он чувствовал себя неуютно. Женщина заметила его скованность, подбросила один вопрос, второй, втянула в общий непринуждённый разговор, и вскоре Лис думать забыл о своём поначалу некомфортном положении.
На светофоре, незадолго до выезда из города, Владимир Полозов, как положено, остановил автомобиль.
— Видали! Артист.
Реплика относилась к лихому мальчугану на велосипеде, который, подражая мотоциклистам, деловито затормозил возле тротуара.
— О, боже! — омертвевшим голосом выдавила Марина.
Близнецы как по команде развернулись к женщине, а Лис прилип к окну.
— Показалось, — пробормотала она, силясь сложить дрожащие губы в улыбку. — Влад, зелёный свет.
Ворон неохотно вернулся к управлению, а Тур продолжал тревож-

но разглядывать подругу. Лис в свою очередь уставился на лихого велосипедиста, странно посмотревшего на БВМ. Попутная автомашина встала в правый ряд, загородив мальчишку. Когда же обзор открылся вновь, пацана с велосипедом и след простыл.

— Показалось что, Марина? — осторожно уточнил Всеволод Полозов.

— Да так, пустяки, — в её ласковых глазах поднялась забытая грусть. — Мальчик на моего Ванюшу был похож. Он мне снился недавно. Хороший такой, будто живой. И всё мне: «мама, мама, я тебя не брошу, заботиться буду». Прямо как взрослый.

— Значит, у него всё хорошо, — улыбнулся Владимир Полозов в зеркало.

— Ты веришь в загробную жизнь, Влад?

— Ничто не создаётся из ничего, — ответил он. — Ведь что мы все в конечном итоге?

— Структурно организованная живая материя, — изложила Марина.

— Нет. Мы — информация, организованная в живую материю.

Она засмеялась.

— А что на это скажет наш хирург?

Всеволод Полозов был застигнут врасплох.

— Ну, пожалуй, я бы согласился, — медленно проговорил он. — Если рассматривать человека в плоскости... души или энергетике, мы придём к необходимости признать существование единого информационного поля природы.

Лис вытянулся, осторожно изучил профиль старшего брата и рискнул вставить.

— И не только человека. У всего живого в той или иной степени есть связь с информационным полем. Без этого мир бы просто рухнул.

— А люди, значит, не ощущают это поле? — уточнила Марина с интересом.

— Некоторые ощущают, но обычно не могут объяснить свои ощущения, — быстро ответил Борис Полозов. — Так говорю, Влад?

— Угу. Только не заводись на тему шаманов, колдунов и полтергейстов. Не пугай Марину.

— О, вот уж полтергейстом меня не напугаешь. Не далее как вчера я участвовала в спиритическом сеансе.

Желаемый эффект был достигнут: по салону молча расплзлось всеобщее удивление. Марина рассмеялась.

— Младшая дочка моей соседки увлеклась вызовом духов. Зашла к ним вечером, а девочки Пушкина вызывают с помощью блюда.

— И как, вызвали? — с сомнением спросил Всеволод Полозов.

— Думаю, нет. С литературой у девочек неважно, мягко говоря, а уж с литературоведением и подавно. Спрашиваю их: вы хотя бы помните, когда Пушкин родился? Не помнят. Говорю: а завтра ему 205 лет исполняется. Глазёнками хлопают: правда, тётя Марина? Так мне обидно стало за Александра Сергеевича, что дома я всю поэму «Руслан и Людмила» перечитала. Зато ночью и русалки с лешими снились, и кот учёный на заборе вместо дуба, и Черномор заодно... Борис, а как ты думаешь, что такое сны?

Юноша деловито сдвинул брови.

— Сон — это личная память, отражение действительности, в том числе и неосознанной действительности, через подсознание человека или животного. Прочитанная книга предстаёт перед вами в сновидении, облачённая в ваши собственные образы. Например, кот, которого вы представили на заборе, а не на дубе. Ведь дуб с цепью реально никогда не видели. Это, конечно, поверхностное объяснение. А вот если смотреть глубже, получится, что сон, как экран телевизора, проецирует сигналы очень далёких уголков мозга. То, что находится вокруг вас, не всегда попадает в сознание, но сущность ваша воспринимает всё и частично транслирует рассудку через сновидения.

— Интересная теория, — проговорила Марина и, задумавшись, отвернулась к окну.

Лис вопросительно посмотрел на братьев, наблюдавших за пассажирами через длинное зеркало над лобовым стеклом. Близнецы в ответ дружно кивнули, мол, молодец, корректно решил щекотливый вопрос.

БМВ нёсся по узкой дороге, минуя деревеньки и посёлки, а за открытыми окнами тёк гостеприимный лес, зовущий в хвойную прохладу крошечными пешими тропинками и песчаными просёлками.

— Борис, — вдруг возобновила разговор Марина, — можно узнать твою версию о существовании призраков? — и, заметив, как насторожились старшие Полозовы, весело погрозила им пальцем. — А вас я уже слышала. Вы законченные реалисты.

Оба синхронно пригладили бороды и переглянулись. Лису предстояло отбиваться одному.

Это самый сложный экзамен, который мне приходилось сдавать! — мысль отчётливо прописалась в его рыжих растерянных глазах.

Осторожнее! — предупредил взгляд Тура.

— Ну... Призрак — это часть информационного поля, — заговорил юноша, тщательно подбирая слова. — По какой-то причине ука-

занный кусок поля... — он покосился на Ворона, скривившегося от грубого обращения с терминами, — в общем, часть поля, сохранившая логическую упорядоченность и вместе с тем способность к восприятию реальной действительности. Таким образом, у информационной ипостаси умершего остаётся личность.

— И способность управлять своей информацией, — Владимир Полозов не удержался от подсказки.

— А также способность воздействовать на живой мир, — добавил Всеволод Полозов.

Марина удивлённо обернулась на близнецов.

— Когда это вы изменили своему коронному материализму?

— Вскоре после твоего совета прислушаться к высказываниям Бориса, — признался Владимир Полозов.

А Лис в свою очередь ошеломлённо уставился на библиотекаршу.

— Василиса Премудрая, — вырвалось у него.

В салоне машины грохнул хохот.

Владимир Полозов долго колесил по просёлкам, ежеминутно уверяя, что привезёт спутников на великолепное место, выбранное для воскресного пикника.

— А дорогу обратно мы найдём? — усомнилась Марина, потерявшая счёт поворотам и развилкам.

— Безусловно, — уверили её Полозовы: трое в один голос.

— Какая солидарность! — восхитилась подруга.

Место действительно оказалось превосходное. Чистый сосновый лес, благоухающий свежей травой влажный луг, плавно переходящий в речную низину, и синяя река с берегами, поросшими низкорослыми ивами, осокой и камышом.

— Тверца... — Марина сладостно вдохнула чистоту. — Она быстрая! Есть много трактовок её названия, но я склонна принять эту. Быстрая. Как наша жизнь.

— И такая же коварная, — пробормотал Борис, которому поручили развлекать женщину, пока старшие братья занимаются дровами для костра. — Вон там — омут. Видите, вода как будто кружится на месте. А вот там, должно быть, мелководье: рыбёшки косяком над песком ходят.

— Ну и зрение у тебя, Боря.

— Зрение не очень, зато слух хороший, — ответил Лис и, сообразив, что такие детали непосвящённым знать не желательно, неуклюже открыл новую тему. — Марина Николаевна, купаться будете?

— В омуте? — засмеялась женщина.

— Ну что вы, — он смутился. — Здесь слева заводь неплохая. Там вода теплее.

Она сомкнула руки на груди и неудобно поёжилась.

— Я не люблю купаться. Сколько лет прошло, а всё равно боюсь.

— Из-за сына? — осторожно спросил Борис Полозов.

— Моего Ванечку на дороге сбили. Катался, пострел, на велосипеде, меня не слушался, а отцовской руки не знал. Двенадцать лет ему было. Я как почувяла тогда, домой рано прибежала. А его нет и нет. Потом сообщили. Водителя, который его... не нашли, так всё и закончилось.

— Простите, — пролепетал потрясённый Лис.

— Ничего, — она тронула его плечо. — Зато твои братья мне жизнь спасли. Оба. Они не рассказывали?

— Нет.

— Меня подруга на Селигер пригласила. Они с мужем заядлые туристы. А я непутёвая такая оказалась. Пошла за водой, вся в себе — это вскоре после гибели Ванечки случилось — да так и ухнула головой вниз. Пикнуть не успела, видимо, ударилась обо что-то. А очнулась, до сих пор смешно вспоминать: смотрю — два лица. Одинаковые. Бороды мокрые. Волосы мокрые. Я минут пять всерьёз считала, что у меня в глазах двоится. Подруга после рассказала, как всё случилось. Их стоянка была недалеко от нашей. Увидали утопающую, один за мной нырнул, вытащил. А другой по всем правилам откачал. Так мы и познакомились.

— А я и не знал, что вы так долго вместе, — проникся Борис Полозов.

— Иногда вместе, — тихо поправила Марина. — Но братья у тебя хорошие. Тебе есть на кого равняться и с кого брать пример.

Костёр послушно разгорелся, и Владимир Полозов принялся нанизывать на шампуры мясо, приготовленное для шашлыков. Борис был призван в помощники, а Всеволод Полозов пошёл к машине, оставленной на лесной опушке. Марина видела, как он достал из багажника забытую сумку, повернул назад и на полпути остановился, внимательно разглядывая что-то в траве. Она несколько минут наблюдала за другом и, сдавшись под напором любопытства, направилась к нему. Заслышав шаги, он встрепенулся.

— Видела подобное когда-нибудь? — он показал рукой на пригретый солнцем валун, возле которого шуршало нечто тёмное.

— О, господи!

Женщина отшатнулась, прижав ладони к груди. Под камнем шеве-

лился клубок чёрных змей.

— Не пугайся, они играют, — Всеволод Полозов присел на корточки и повёл над гадюками рукой. — Крайне редкое явление в начале июня. Обычно это происходит в десятых числах сентября.

— Володя, отойди, — прошептала Марина, отступая на несколько шагов.

— Змея не нападает на человека, если её не побеспокоить.

— По-моему, ты их беспокоишь. Всеволод!

Он постучал ногтями по валуну.

— Змеи глухи по природе, но они ощущают вибрацию.

— Всеволод! Кому нужно это мальчишество! Это же гадюки, они ядовиты!

Всеволод Полозов отрицательно качнул головой, не отрывая завожженного взгляда от чёрных шипящих тварей. Поднёс ладонь к самому клубку и улыбнулся, когда одна змея плавно обвила его кисть и потянулась вверх по обнажённой руке. У Марины перехватило дыхание.

— Удивительные древние создания, — он аккуратно погладил пальцем плоскую головку с немигающими холодными глазами. — Их пустынные сородичи используют энергию солнца и превращают её в энергию движения непосредственно. Другие «видят» жертву на огромном расстоянии даже сквозь вещественную преграду. Третьи обладают потрясающим терпением и ждут свою добычу в засаде месяцами.

— К вопросу о терпении, — сумела выговорить Марина. — Моё кончается. Убери змею.

— Слушаюсь и повинуюсь!

Всеволод Полозов повернулся к камню и опустил руку, на которой устроилась гадюка. Однако змея уходить не спешила. Тогда Тур, заняв позицию так, чтобы Марина не видела его лица, наклонился к существу.

Помнишь? Помнишь? Помнишь?

Камень и трава качнулись в глазах. Тур напрягся.

— Помню, — шевельнулись его губы.

Осилишь? Осилишь? Осилишь?

— Мы — твоя застава. Благослови нас, отец.

Змея зашипела и впилась в его кисть. Затем сорвалась в траву и скрылась под камнем.

— Всеволод! — возглас Марины прорвался сквозь невидимый заслон.

— Я её отпустил, — он обернулся как ни в чём не бывало.

— Что у тебя на руке? Она ужалила?

Всеволод Полозов спешно стёр две кровавые капельки.

— Грязь какая-то. Чувствуешь, шашлыками запахло.

Возле костра орудовал Лис. Ворон стоял рядом в полный рост, напряжённый, готовый в любую секунду броситься к брату.

Марина подозрительно осмотрела Всеволода Полозова и решительно подняла оставленную в траве сумку.

— Я змей уважаю, — пояснила она и переложила ношу из руки в руку. Казалось, сумка помогала ей удерживать спокойствие. — Но лучше, когда нас разделяет определённое расстояние...

Она двинулась вперёд, внимательно глядя себе под ноги.

Тур сделал шаг следом и вдруг запнулся. Звуки вновь скрылись за барьером, в ушах загудела кровь, и перед глазами стремительно пронеслись кадры памяти: пустой грузовик на лесной дороге, разговор с Вороном: «отходы хоронить помогают, представляешь?», чёрные угри на желтоватом лице тракториста в деревне, столбики анализов вчерашнего пациента.

— Хлоранке... Диоксины.

— Что? — Марина обернулась и побледнела, увидав застывший взгляд друга. — Влад! Влад, сюда!

Владимир Полозов ринулся к близнецу.

— Влад, его ужалили!

— Марина, что с тобой? — Всеволод Полозов изобразил изумление, чуть заметным движением плеча предупредил поспешные действия брата и спокойно показал женщине свои руки. — Успокойся. Меня никто не тронул.

— Он со змеей играл, — всхлипнув от возбуждения, пожаловалась Марина Владимиру Полозову.

— Ну и что? — Ворон упёрся взглядом в её взмокшие глаза. — В начале лета змеи не ядовиты, это во-первых. А во-вторых, Всеволод часто работает со змеиным ядом. Неужели он допустит, чтобы его укусили!

— Будем считать, что выброс адреналина пойдёт мне на пользу, — слегка обиженная, женщина заторопилась к костру.

Ворон сдул со лба упавшую чёлку.

— Ты совсем офонарел? — грозно осведомился он, обращаясь к близнецу.

— Мы получили благословение отца... Ворон, я решил задачку: призрак рукотворный — это диоксины в отходах, которые завозит сюда Беляков. Диоксины подобны призракам: они невидимы, их труд-

но обнаружить, они внедряются в организм животных, накапливаются и остаются там на десятилетия. Вызывают поражение печени, нервной системы, ослабляют иммунитет и половые функции, и, что самое страшное, корёжат ДНК. Новорожденные-уроды, детский церебральный паралич, болезнь Дауна — это лишь начало перечня! При попадании большой дозы в организм человека проявляется болезнь, известная с середины двадцатого века как хлоранке. Наиболее очевидные симптомы: разрушение сально-фолликулярного аппарата кожи и гнойные угри на всём теле. Это описано в различной литературе, в том числе при исследовании экологической катастрофы в Уфе и Чапаевске на заводе гербицидов. Диоксины — ксенобиотики. Их в принципе не было в природе, пока человек не развил производство с применением полихлорфенолов — удобрения, антибактериальные препараты, целлюлозно-бумажная, лакокрасочная промышленность.

— Стоп. Ты хочешь сказать, что эту гадость везут к нам из Европы и просто сбрасывают в карьер?

— Да. И я думаю, что кроме узкого круга лиц об этом не знает никто. Иначе бы тут такое началось!

— Не понял, — Ворон оглянулся на Марину и Лиса, собиравших в траве рассыпанные кем-то из них фрукты, и продолжал: — На фига тратить столько денег на перевозку мусора в другую страну?

— Насколько я знаю, — Тур медленно двинулся к костру, увлекая за собой брата, — уничтожение диоксиносодержащих продуктов «по правилам» — весьма дорогостоящая процедура. Их требуется сжигать при температуре 1200 градусов в течение нескольких часов или, на худой конец, закрывать в герметичных бетонных саркофагах подобно радиоактивным отходам. А теперь представь, что в каком-то производстве вдруг обнаруживается фатальное нарушение технологии, повлекшее превышение всех допустимых норм содержания диоксинов в продукции. Согласно экологическому законодательству, в Европе за подобные ошибки можно сесть за решётку. Допустим, что ты руководитель фирмы. Что ты будешь делать, если у тебя рыло в пуху?

— Избавлюсь от продукции, конечно.

— Если ты начнёшь компанию по поиску подходящего способа захоронения брака в своей стране, что будет?

Ворон остановился, а Лис у костра наострил уши. Марина напряжения не заметила.

— Теперь всё ясно, — пробормотал Ворон. — Будет большой шум и большое пятно на репутации. Или даже небо в клеточку.

— Вот именно. Им выгоднее заплатить новорусским дельцам огромные деньги и умыть руки. Благо заразится не их родная земля.

— А нашим сволочам, значит, выгодно, получить деньги и на всё остальное наплевать?

— Получается так, — Тур сдвинул брови. — Не хочется в это верить, но...

— Я из Беляка душу вытрясу!

— Не пори горячку. Кроме Беляка здесь полно и более крутых «авторитетов». И есть ещё Бер с его заложными. И вообще, нам необходимо прежде всего доказать существование диоксинов на свалке.

— А мужик у тебя в больнице? Это не доказательство?

— Увы, нет. Диоксины на то и призраки, что их следов просто так не обнаружить. Мужик у поставят «цирроз печени», немного удивятся анализам и свалят всё на самогон. Может быть, обругают в прессе районных руководителей за нарушение санитарных норм при организации свалки, и всё.

— Влад, Всеволод, — окликнула Марина. — Готовы ли вы к приёму пищи? Что-то у вас слишком озадаченный вид.

— Я имел неосторожность вспомнить о работе, — развёл руками Всеволод Полозов. — Обещаю, больше не повторится.

Близнецам удалось согнать с лиц озабоченность. Лис вертелся, как юла, пытаясь взглядом, жестами и мимикой вытянуть из братьев хотя бы часть сухого остатка их разговора.

— Дома, — еле слышно ответил ему Тур.

Владимир Полозов поднял тост:

— За прекрасную даму!

После обеда на лоне природы, сопровождаемого хорошим красным вином, Марина вспомнила про бадминтонные ракетки. Игра продолжалась до тех пор, пока воланчик не улетел в воду. Воспользовавшись случаем, старшие Полозовы с удовольствием искупались, отметив изумительную чистоту воды, а их подруга невзначай обронила:

— А известно ли вам, что в бассейне Тверцы расположены водозаборные станции?

— Где именно? — Ворон оторопел.

— Под Медным где-то. Оттуда в город поступает питьевая вода. Влад, что с тобой? У тебя такое лицо, будто сейчас грянет мировая катастрофа!

На въезде в город Борис Полозов прозрачно намекнул, что без проблем отгонит БМВ домой, а утром заедет за братьями, однако близнецы сделали вид, что намёка не поняли, к тихому разочарованию Марины. Машина остановилась прямо перед подъездом большого пятиэтажного дома. Бабки на лавочке прервали разговор и устремили подозрительно-любопытные взгляды на двух одинаковых мужчин и одну женщину, прощавшихся возле иномарки.

— Буду ждать продолжения сказки, — шепнула Марина своим кавалерам, наклонившимся к её румянному лицу. — Пока!

Она скрылась в подъезде, и глазастые соседки возобновили прерванную беседу.

Тур вздохнул и сел за руль. Ворон помедлил, внимательно оглядел открытые окна и балконы, подмял губой ус и открыл пассажирскую дверцу салона.

— Я за мамой присмотрю, — отчётливо раздалось рядом.

Возле разбитого поребрика тротуара стоял мальчик с велосипедом. Лицо его мерцало в тени раскачивающейся липы.

Пока Тур и Ворон оторопело взирали на юную информационную ипостась, Лис пулей выскочил из машины.

— Ваня!

Мальчуган приосанился.

— Я сам смогу защитить маму. Я уже взрослый.

— Защитить от кого? — Лис присел перед призраком-ребёнком на корточки.

— От того, кто следил за тобой в библиотеке, пока ты с мамой говорил. Они теперь встают за спинами людей, у которых нет позди своего. Поэтому ты не заметил, — не обращая внимания на остоленевшего собеседника, мальчик поправил ногой педаль и сел в седло. — Я буду стоять у мамы за спиной и буду её беречь.

Ветер откинул ветви липы, и лицо призрачного защитника проявилось из тени. Серьёзные детские глаза — точная копия зелёных очей Марины — деловито сверкнули. Велосипед мгновенно переместился на другой конец двора и скрылся за углом.

День семнадцатый

Травяные заросли вдоль прокатанной колеи радовали глаз ярко-зелёными тонами, на полянках пестрели цветы, трудились пчёлы, исследуя нежные лепестки, томно раскачивались сосны, вздыхали тёмные ели, беззаботно журчал в овраге тоненький ручеёк.

— А правильно ли мы идём? — спросил Ворон.
Машину братья предусмотрительно загнали в заросли недалеко от перекрёстка просёлочных дорог.

Тур сверился с картой и утвердительно кивнул.

Лис принялся к ветру.

— Я чую какой-то запах. Тур, чем пахнут диоксины?

— Диоксины, малыш, сами по себе не пахнут, — мрачно отозвался тот. — Более того, даже смертельная доза их настолько мала, что до девяностых годов прошлого века лишь несколько лабораторий во всём мире в принципе могли определить их наличие в продуктах и организмах.

— Ты же сказал, что возьмёшь пробы? — удивился Лис.

— Возьму, — Тур поправил за плечами рюкзак. — Но не смогу провести анализы самостоятельно. Поэтому я и звонил сегодня Киселёву. Он пообещал помочь.

Лис не стал уточнять, кто такой Киселёв. У старших братьев было столько знакомых, что юноша давно потерял счёт именам, фамилиям, кликухам и прозвищам, фигурирующим в разговорах. Первое время он расспрашивал о каждом новом персонаже, дабы выстроить для себя картину жизни Тура и Ворона на этом свете. Но братья обычно были скупы на подробности, и Лис в конце концов окончательно запутался в хронологии событий.

Ветер сменил направление. Сосны над головой недовольно заскрипели, а из ветвей кустарника, обрамлявшего лесной овраг, вырвалась оголтелая стайка пташек.

— Фу-у! — Лис зажал рукой нос. — Вот это уже вонь.

— Спрячь моську в воротник, — посоветовал Ворон и ускорил шаг.

Через пять минут быстрой ходьбы впереди показался просвет. Колёса распластались, превратившись в исковерканную колёсами площадку, с которой открывался вид на злополучный карьер. Экскаваторы выгрызли кусок холма, и теперь заброшенные песчаные разработки напоминали корявый полумесяц, плавно уходящий в низину. Справа виднелся старый, изрядно заросший пологий съезд, служивший когда-то трактом для грузовых машин. Вновь накатанная дорога обрывалась на самом высоком «берегу» котлована. И чем ближе подступали исследователи к оборванному краю, тем мрачнее становились их лица.

— Вандалы! — потрясённый, Лис высунул нос из-под ворота рубахи.

Груз сваливали прямо с обрыва, не заботясь ни о целостности тары, ни о дальнейшей судьбе содержимого. Огромная лужа маслянистой жидкости разливалась на дне. В ней увязли несколько бочек без

каких-либо маркеров. Там же валялись тюки с материалом, похожим на паклю, и размякшие коробки, из которых высыпался яркий густой порошок. Большая груда бочек высилась левее, непосредственно под обрывом, а дальше виднелись растрёпанные пакеты и мешки, содержимое которых разлетелось и расплылось по грязному водоёму, оставшемуся после весеннего паводка.

— Сталкер. Зона, — изрёк Ворон и снял с плеч рюкзак. — Раньше начнём — раньше закончим. Тур, внизу налюбуйтесь на пейзажи, одевайтесь.

Близнецы достали высокие резиновые сапоги и плотные плащи с капюшонами, приобретённые по пути в магазине «всё для рыбалки». Лис отошёл — таково было решение братьев: спускаться должны двое. Третий страхует наверху.

— Вы поаккуратнее, ладно? — нерешительно напомнил он. — Чёрт знает эти диоксины. Вдруг и вас проймёт.

— Если искупаемся, точно проймёт, — хмуро усмехнулся Тур. — Этот яд не вырабатывает ни одно живое существо. И ему нет противоядия.

Старшие Полозовы прошли вдоль обрыва влево, подыскивая подходящее место для спуска. Лис наблюдал за ними, пока оба не скрылись в молодом ельнике, отвоевавшем у светолюбивых сосен затенённую мокрую низину. Через несколько минут две одинаковые фигуры, издали похожие на призраков средневековых еретиков, показались возле водоёма на дне котлована. Трижды щёлкнул затвор фотоаппарата.

Лис обхватил ствол кривой сосны, корни которой частично висели над карьером, и, насколько позволяла страховка, заглянул вниз, где орудовали новоявленные сталкеры.

— Поживее вы там, — пробормотал он. — Ну, взяли образцы, и хватит!

Его, разумеется, не слышали. Парень нервно встряхнулся, тонкий длинный нос мелко задрожал, втягивая воздух крошечными порциями. Незнакомые отвратительные запахи раздражили слизистую оболочку, и последовала закономерная серия отчаянных чихов. Отфыркиваясь, Лис подумал, что с удовольствием нанюхался бы сейчас даже сигаретного дыма.

— Куда вас несёт! — простонал он, заметив, что братья направились к бочкам и тюкам, сваленным под обрывом.

Один из близнецов поднял голову в капюшоне, и махнул наблюдателю рукой. Это, вероятно, означало: не волнуйся, у нас порядок.

— Ну да, конечно, — проворчал Лис.

Он сделал два бесцельных круга по площадке, отмахиваясь от назойливых мух и слепней, когда понял вдруг, что жужжание в ушах порождено отнюдь не крылышками наглых кровососов. Застыв на месте, он прислушался. Кровь отступила от гладких щёк, покрытых юношеским белым пушком.

— Тур! Ворон! Машины! — заорал он прежде, чем сообразил, что его голос разлетится по всему лесу.

Рычание моторов мерно приближалось.

— Братцы! — процедил Лис сквозь сжатое горло.

Один из них отошёл из-под откоса, чтобы разглядеть оставленного «на стрёме».

Лис подпрыгнул от возбуждения, взмахнул руками, как бы обрисовывая опасность, и ещё раз крикнул:

— Машины!

Брат показал в сторону леса, это означало — исчезни немедленно.

Механический гул неумолимо надвигался. Лис поискал глазами укрытие. До ельника было метров сто, однако близость зловонного водоёма создавала опасность шумных извержений воздуха из лёгких. Юноша глянул на сосну. Высокая, сучковатая, она одиноко скособочилась над обрывом. Решение созрело в следующий миг. Лис подхватил полупустые рюкзаки, закинул их подальше от дороги — авось не заметят, а сам быстро проследил взглядом предстоящий путь наверх. Человеческие мускулы надсадно заныли под командованием нечеловеческих рефлексов. Стартовый бросок был истинно звериным, а взлёт — подобен стреле. Оказавшись на одном из самых высоких, но крепких суков, Лис весело подумал: лисицы ни разу не забирались так далеко от земли. Дальше веселиться ему не пришлось: на поляну выехали крытый брезентом грузовик и защитно-зелёный «газик».

Пока грузовик разворачивался, а двое из «газика» осматривали карьер, Лис отчаянно искал глазами Тура и Ворона. Со своего наблюдательного пункта он мог рассмотреть почти весь котлован, в том числе и ту часть, которая скрывалась под откосом. Тем не менее, братьев он не увидел. Испуг проступил на лбу холодными каплями пота. Добежать до ельника близнецы не успели, в этом Лис был уверен, поскольку чувство расстояния и скорости его не подводило никогда. Мелькнула мысль — спрятались между бочек. Он решил принять пока это хлипкое объяснение, поскольку иного в запасе не оказалось.

Тем временем небритый молодой парень откинул борт грузовика,

обнажив штабель безымянных бочек. А два других из «газика» запрыгнули в кузов.

— Пряма так кидаем? — уточнил кто-то из них.

Первая бочка с грохотом скатилась вниз и полетела под откос. Лис тревожно проследил за её полетом и так же беспокойно проводил вторую и третью. Четвёртой почему-то не хватило инерции для классического падения, и она, шмякнувшись о край обрыва, рухнула в котлован вместе с пластом грунта.

Юноша вздрогнул, поймав в себе чужое движение, и покосился на отдалённую грудку измятой и изъеденной ржавчиной тары, где, по его мнению, скрывались старшие братья.

Следующая пара бочек покатила по площадке и неуклюже сорвалась вслед за предшественницами. Раздался отчётливый плеск — какая-то из двух угодила в масляную лужу.

Тяжёлый жестяной грохот прекратился. Лис наострил уши. Не без труда переведя подслушанный разговор на русский язык с русского непечатного, он узнал, что «с играми покончено» и «пора работать по уму». После этого грузчики и шофёр чинно перекурили, а затем взялись прилаживать к кузову дощатые мостки для разгрузки «по уму».

Чужое напряжение в теле росло с каждой минутой. Лис на всякий случай покрепче вцепился в сук, на котором лежал, ибо не мог понять, какие именно мышцы посылают в мозг болезненные импульсы.

Бочки продолжили свой последний путь. Теперь каждая, скатываясь с деревянных настилов, описывала одну и ту же дугу и громко приземлялась на «тела» своих сопартийцев. Когда до конца разгрузки оставался всего один ряд — это Лис хорошо видел сквозь крону сосны — в технологии случился сбой. Масляный след растёкся по поляне, и ядовитые отходы отправились в карьер отдельно от тары.

У Лиса заныли оба плеча, а секунду спустя — спина.

Грузчики лениво слезли с машины, в вольных выражениях обсудили головотяпство изготовителей бочек и опять закурили.

Боль в теле достигла звукового предела. Лис сжал зубы и, морщась, выдохнул тихую шипящую ноту. Стало чуть легче. Он осторожно изменил позу, но это не решило проблему. Тут только он догадался, что проблема изначально принадлежала не ему лично.

— Тур, Ворон! — прошептал он. — Где вы?..

Ворон ухватился за плечо брата.

— Да, дурацкая была идея, — пробормотал он, вжимаясь в песча-

ный откос грудью и бёдрами.

— Держись, — шикнул Тур и немного подтянулся вверх.

Корень, торчащий из песка, подозрительно захрустел.

Первая бочка пролетела в метре от притаившихся исследователей и грохнулась на дно котлована. Рассыпчатый грунт потёк из-под ног.

— Чёрт! — Ворон почувствовал, как опускается вместе с песком.

Тур извернулся и ухватил близнеца за плащ.

Второй и третий «снаряд» Ворон проводил взглядом, находясь практически в подвешенном состоянии. Четвёртая бочка ахнула за спиной так близко, что он вскрикнул. Воздушная волна толкнула в сторону, нога в неуклюжем резиновом сапоге соскользнула, и инерция повлекла тело вниз.

— Держись за меня! — шепотом крикнул Тур.

Его единственным якорем сейчас был сосновый корень.

Ворону ничего не оставалось, как схватиться за плащ брата. Влажная резиновая перчатка и такой же фактуры ткань плаща невзлюбили друг друга сразу.

— У меня проблемы, — выговорил Ворон, борясь с земным притяжением.

С обрыва сорвалась очередная жестяная машина, просвистела перед людьми и плюхнулась в лужу, подняв фонтан ядовитых брызг. Тур успел отвернуться. Ворону облило спину.

— Два, как один, — произнёс Тур.

Близнец понял его мысль.

Наверху очень вовремя образовалась пауза. Стараясь породить минимум звуков, Ворон кое-как подтянулся, цепляясь за плечо и полу плаща брата, и, оказавшись рядом с ним, крепко обхватил его торс одной рукой. При этом ему удалось найти маломальскую опору для левой ноги. Тур в свою очередь обнял Ворона за талию и максимально вдавился в песок всем корпусом. В отличие от близнеца, его позиция оказалась немного устойчивее, поскольку стоял он спиной к откосу и держался за естественную скобу, образованную сосновым корнем.

Движения, чувства, нервы, дыхание, сердцебиение медленно синхронизировались. Два тела действовали будто одно: единый баланс, единое чувство опоры, общее распределение веса и одна на двоих боль взбунтовавшихся мускулов.

Наверху вновь загромыхало. Падение каждого «снаряда» сопровождалось теперь взлётом маслянистых брызг. Ворон исхитрился поправить свой капюшон. Спина взвыла от натуги, удерживая спасительный

тандем.

Лопнувшая бочка ринулась вниз, орошая откос зловонными кляксами. Тур не понял, что заставило его за секунду до этого спрятать лицо под капюшоном брата, но действие стало своевременным. Обоих окатило с ног до головы, и тягучие струйки потекли по прорезиненным плащам.

— Сколько у них осталось этой дряни? — пробормотал Ворон на ухо Туру.

— Не знаю. Лис просигналит отбой.

Звук отъезжающих машин близнецы не восприняли. Зато разлетевшееся по пространству — Тур! Ворон! — вытряхнуло сознание из застывшей спайки.

Оба съехали на дно карьера и остались неподвижно лежать на грязном песке. Левая рука Тура отказывалась подчиняться владельцу, натруженные мышцы спонтанно подрагивали, будто до сих пор удерживали вес двух мужских тел. В спине Ворона в такт его дыханию выстреливали электрические разряды. Казалось, что позвоночный столб вот-вот лопнет под давлением лёгких, требующих чистого воздуха, вместо которого вокруг носились пары олифы и песчаная пыль.

Сверху посыпались сосновые иголки и песок.

— Ворон! Тур!

— Порядок, малыш, — прошептал Ворон и медленно принял сидячее положение.

Поднялся Тур.

— Это там мы висели полчаса? — проговорил он, переведя взгляд на почти вертикальный откос карьера.

Ворон оглядываться не стал.

Осторожно огибая лужи жидких отходов и раскатившиеся бочки, они прошли к центру котлована и лишь тогда обернулись. Лис стоял на краю обрыва на четвереньках, высматривая братьев.

— Сейчас ка-ак превратится в лисицу, — сказал Ворон. На смешок не хватило сил.

— Если тут не окажется диоксинов, можешь спустить меня со всех своих этажей, — проговорил Тур.

— Знаешь, — Ворон медленно поднял глаза на солнце, — я бы хотел, чтобы не оказалось. Но что, чёрт подери, человеческое желание против бескомпромиссной реальности!

* * *

Лис слонялся между серверной Ворона и лабораторией Тура и всякий раз, приоткрывая двери, с ужасом ожидал обнаружить у братьев

какие-либо проявления отравления. Признак такового он увидел через час, однако объектом, подвергнутым воздействию токсина, оказалась белая крыса.

— Косвенно моя версия подтверждается, — обронил Тур, отодвигаясь от микроскопа. — Ей хватило ничтожной дозы даже грязного образца.

Юноша отвернулся от клетки, где издыхало ради науки несчастное существо.

— С тобой всё в порядке? — неуверенно обратился Лис к брату.

— Конечно, — Тур стянул перчатки и сел к компьютеру, — не волнуйся.

Дежурная реплика вывела Лиса из равновесия.

— Если бы вы полезли туда хотя бы в респираторах, я бы, возможно, не волновался! — воскликнул он.

— Малыш, — брат тепло посмотрел на юношу, — мы — застава. Слабость одного непременно скажется на всех. Это закон команды. Поэтому ни один не должен и не будет скрывать ни скверное самочувствие, ни личные проблемы. За себя и Ворона я ручаюсь.

— Угу, — Лис скроил кислую мину. — Когда позапрошлой зимой Ворон разбил машину, я только в марте случайно узнал о том, что он попутно разбил и башку.

— Пусть позапрошлая зима останется в прошлом, — отрезал Тур. — Сегодня условия изменились. Я очень надеюсь, что ты это понимаешь, а врать заставляет тебя лишь твоя непревзойдённая обидчивость.

— Будешь при вас обидчивым, — не унимался Лис. — Информацией вы со мной не делитесь, ничего серьёзного не поручаете. Чуть что, так сразу: «Лис, держись возле меня» или «Лис, замолкни» или...

— Братишка, мне придётся брать анализы у тебя.

Лис опешил.

— Чего?

— Один из первых признаков хлоранке — нервозность. А ты демонстрируешь сейчас нечто подобное.

— Тур, я в порядке. Честно! Не забивай себе голову пустяками! Я только... только... — он вздохнул. — Просто я из-за вас страху натерпелся, пока на дереве сидел.

— Я знаю, — Тур открыто улыбнулся, и Лис понял, что его разыграли. — По поводу респираторов ты беспокоишься напрасно, — продолжал старший брат. — Диоксины — нелетучие соединения. Они оседают на частицах пыли, грязи, пепла, но сами по себе в воздухе не витают. Разумеется, мы все получили небольшую дозу. Но, учитывая

наши врождённые особенности, могу с уверенностью сказать, что ничего фатального не произошло.

Пискнул динамик компьютера.

«Лис у тебя? Скажи ему, тут дело есть» — прибыло сетевое сообщение от Ворона.

«Уже идёт», — отстучал Тур на клавиатуре и подмигнул младшему брату.

— Действуй.

Итоговое совещание состоялось в гостиной сразу после ужина. Вскрытая проблема волновала всех домочадцев, исключая четвероногую охрану, мирно похрапывающую на своей подстилке.

— Материальных улик у нас мало, — говорил Ворон, периодически запуская кольца дыма в потолок, — но для газетчиков достаточно одних фотографий. Клынут, будьте спокойны. Пусть поднимут шум. А когда Киселёв даст результаты анализов, пошлём их в природоохранную прокуратуру вместе подробным отчётом и с номерами машин.

Лис поёрзал в кресле. Прячась на сосне и наблюдая за разгрузкой, он не удосужился обратить внимания на номерные знаки грузовика и «газика». «Раззява», — бросил ему Ворон по дороге домой, когда обнаружился столь существенный пробел. Позднее Лис реабилитировался. Обладая уникальной фотографической памятью, он сумел воссоздать под закрытыми веками всю сцену до деталей, и, таким образом, «вычитал» необходимую информацию из собственного подсознания. Вознаграждение за труды превзошло его ожидания. «Истинно лисье свойство, — заметил Тур. — Удивительно, малыш, как ты сохраняешь связь со своей фантомной ипостасью!» Юноша прекрасно осознавал, что означает эта фраза. Братья никогда бы не сказали прямо: да, мы верим, ты бегал в шкуре лиса семь земных лет. Да и сам он уже уверенно этого бы не сказал. Но косвенно признание прозвучало. То был ещё один шаг к достижению заветной цели.

«Эй, слушайте, к чему столько сложностей? — встряла Кикимора. — Да приведите туда ментов за ручку. Пусть сами смотрят!»

— Ты, это, помалкивай, — буркнул Дед. — Они ж на Беляка работают. А он во всём и виноват. Ментов приведут, и сами под монастырь.

Призрак искоса глянул на Ворона и неодобрительно покачал лохматой головой.

— Не в этом дело, Дед, — отозвался хакер. — Если Беляк узнает, что свалку раскопали мы, нам подкинут парочку киллеров. По штуке

на каждого. Это его личный стиль работы.

— Брось, — возразил Тур. — Я нужен Декану, ты нужен мне, следовательно, Декан быстро заткнёт и Беяка, и его подручных.

— Постфактум нас с тобой не устроит, — хмыкнул Ворон. — И, кстати, ты знаешь, как крепко Беяк завязан на Декана?.. И я не знаю. А из последнего разговора с Беяком я уяснил, что он не слишком-то держит в курсе дел своё «московское начальство». Беяк водится с местными ворами в законе. Ему декановская «крыша» выгодна до поры до времени.

— Ворон, Тур, вы ведь сами кого угодно по асфальту раскатаете, — браво вмешался Лис. — Какие могут быть киллеры?

— Такие, как тот с пистолетом, который притащил нам собственноручно пристреленного парня, — усмехнулся Ворон. — Забыл? Сколько там было выстрелов в упор, Тур? Пять?

— Вроде того, — Тур прижал окурочек в пепельнице. — Против лома нет приёма, малыш.

— Если нет второго лома! — брякнул Лис. — А у вас их целых два.

«Эй, народ, а можно без ужастиков? — взмолилась Кикимора. — Лучше сделайте так, чтобы про вас не узнали. Я помогу! Я в сети работать научилась!»

— Чатиться ты научилась, это точно, — улыбнулся Тур.

— Интернет нам не поможет, — Ворон встал. — В прокуратуре полтора старых компьютера, а сетка и вовсе рядом не лежала. Письмо в газету я завтра отвезу. Посмотрим, что получится.

— Время бы не упустить, — напомнил Тур. — Лис, как там твои мелиоративные изыскания?

Юноша выпрямился в кресле, будто на экзамене перед преподавателем. Изучить местность ему велел Ворон. За два прошедших часа, пересмотрев кучу электронных текстов и карт, кое-какие выводы он сделал.

— Я пока не всё понял, — начал он, — но вроде бы получается, что грунтовые воды под свалкой расположены близко. Теоретически диоксины могут просочиться в водопроводные коммуникации.

— Ты так же начинаешь ответ на своих зачётах? — поморщился Ворон. — Тогда я не удивляюсь «двойкам». Если знаешь предмет — держи хвост пистолетом и излагай! А нет — ври, но уверенно. А то «пока не понял», «вроде бы»!

Студент тяжело вздохнул, согласно склонил голову и принял совет на вооружение:

— Через год-полтора, если свалку не ликвидируют, диоксины распространятся на поверхности в радиусе 10 километров. Это я взял из экологических таблиц. Водозаборные сооружения находятся в восьми километрах от карьера. Как поведут себя грунтовые воды, я не знаю. К тому же, — Лис всё-таки сорвался с уверенной тональности, — в таблицах везде требуется указать долю диоксинов в загрязнённом материале. Я пока взял среднюю, как делают на опытах с гербицидами.

— Точную цифру мы получим через два-три дня, — подсказал Тур. — Но меня смущает то же, что озадачило Киселёва. Отходы лакокрасочной промышленности в экологической проблеме диоксинов никогда не стояли на первом месте, подобно пестицидам и гербицидам. Однако убойная сила этой дряни оказалась на поверку огромной. Крыса не продержалась и часа: церебральный отёк и паралич задних конечностей проявились без промедления. Такое ощущение, что создатели олифы, из которой я взял образец, внедрили в продукт какой-то аналог гексахлорфена — бактериального препарата, запрещённого ещё в семидесятых годах прошлого века из-за его высокой токсичности. В России его производство закрыли в 1988.

— Гексахлорфен — это не та ли штука, которую объявили революционным открытием для медицины и фармацевтики? — обернулся Ворон. — Я что-то читал в сети о скандале, развернувшемся в США после гибели тридцати детей от детской присыпки.

— Именно, — подтвердил Тур. — Не исключаю, что кому-то пришлось в голову изобрести краски, спасающие дом от лишних бактерий.

— Опаньки, как перестарались! — воскликнул Дед и от возмущения утоп в пол по пояс. — Кто ж им позволил, этим изобретателям?

— Экономика, Дед, доходы считает, а не людей, — изрёк Лис. — Человек им нужен для статистики покупательской способности.

— Чур тебя! — болотник замахал руками.

Лис передёрнул плечами.

— Может быть, я и не прав.

И осёкся, заметив одинаково потемневшие глаза близнецов.

— Будем пока думать, что не прав, братишка, — тихо произнёс Тур, однако в голосе его не было ни толики уверенности.

День восемнадцатый

На «пятиминутке» доктор Полозов молча выслушал мнение заведующего о субботнем пациенте и о квалификации районных врачей, «направляющих в центр что попало». Обвинять дежуранта шеф не рис-

кнул, поскольку в приёмном статусе придаться было не к чему. Узнав, что больной переведён в гастроэнтерологическое отделение с диагнозом «цирроз печени», Всеволод Полозов украдкой вздохнул. Всё получилось так, как он предполагал. Теперь не было смысла обращать внимание непосредственного начальника на подозрительную свалку, указанную в анамнезе.

Заявление на очередной отпуск заведующий прочёл с неудовольствием, резко заметил, что такие бумаги подаются за две недели, а не за пять дней, однако визу поставил. На сём общение с начальством закончилось.

И всё же нахальная идея, зародившаяся по дороге на дежурство, Всеволода Полозова не покидала. Более того, изрядно мешала ему в операционной, не давая должным образом сосредоточиться на работе. Во второй половине дня, улучив момент, когда в ординаторской никого не оказалось, он позвонил в приёмную главврача и попросил встречи по профессиональному вопросу. Секретарша ответила отказом и посоветовала обратиться к начмеду. Хирург предпринял другую попытку добиться аудиенции с руководителем больницы: спустился на первый этаж в его кабинет лично. Не помогло: секретарша стояла на своём, как скала, покрытая колючками. Нарываться на конфликт он повременил.

Завернув в коридор кардиологического отделения, доктор Полозов уединился в холле и достал сотовый. Из ответной реплики стало ясно, что настроение у близнеца великолепное. Он бодро сообщил, что вместе с Лисом отвёз письма в три наиболее популярные в городе газеты.

— В электронных СМИ я сам всё опубликовал, — закончил Ворон свой отчёт, и Тур почувствовал, как он подмигнул кому-то рядом, видимо, Лису.

— Отлично. А мне сегодня вот что в голову пришло: нужно взять анализы у всех жителей окрестных деревень. Если наша версия проходит, у всех должны обнаружиться признаки повышенного содержания диоксинов в организме.

Сотовый ответил озадаченным дыханием.

— Как ты это представляешь? — осведомился Ворон, переварив идею брата.

— Хочу убедить главврача дать мне санкцию на полевую поездку.

— Мы засветимся.

— Результаты будут переданы в санитарно-эпидемиологическую службу. Какая разница, кто инициировал исследования? Я устрою так,

чтобы причиной считали анамнез в истории болезни.

— Ну-у, давай, — не слишком уверенно согласился Ворон.

Тур слышал, как Лис возле брата бурно противился, ссылаясь на вездесущих заложных.

— Волков бояться — в лес не ходить, — поднажал Тур. — Там сотня людей, которым, очень вероятно, нужна медицинская помощь.

— Когда отправляемся?

— Необходимо твоё присутствие здесь завтра в девять утра. Без очков.

Ворон понимающе хмыкнул.

— Кого будем убеждать? Начальство? — уточнил он.

— План у меня есть.

Тур закрыл мобильник и внимательно осмотрелся. В холле, кроме пожилой женщины в больничном фланелевом халате, никого не было. Доктор Полозов пошёл к выходу на лестницу, но тут открылась дверь ближайшей палаты, и две медсестры выкатили носилки с телом, закрытым простынёй. Покрывало зацепилось за щеколду и поползло на пол прежде, чем медработницы заметили беспорядок. Хирург остановился в нескольких шагах от холодного тела. Мёртвое лицо старушки приковало взгляд. Смерть вдавила морщинистые щёки вглубь черепа, заострила ровный прямой нос, припорошила белой невещественной пудрой тонкие губы и расписалась синевой под навсегда закрытыми глазами.

Тур неожиданно поймал себя на том, что едва ли не любителю некогда красивым старческим ликом. Сердце дрогнуло в его груди. Не-что тёплое присутствовало возле покойницы. Незримое и неосязаемое.

Бледная женщина на цыпочках приблизилась к каталке и бережно накинута на тело старушки простыню. Медсестры невозмутимо развернули неуклюжие носилки и повезли умершую в сумрак коридора.

— Как же так, баба Прося? Как же так?

Доктор Полозов перевёл взгляд на взволнованную даму преклонных лет. Она заметила его внимание.

— Она поспать прилегла после обеда. Только поспать! Ничего-то у неё не болело. Мы вечером с ней собирались в «дурачка» сыграть. И вот... Доктор, почему?

Больную пробил крупная дрожь. Хирург поспешно взял её под руку.

— Так бывает, к сожалению, — он почувствовал, как в ладонях скапливается привычный жар. — Вам нужно успокоиться. Где ваша палата? Я провожу.

Женщина испуганно замотала головой, и слёзы вопреки её воле

брызнули из красноватых глаз.

— Я не могу туда сейчас. Не могу.

Доктор Полозов поискал глазами медперсонал отделения, но постовая медсестра на своём месте отсутствовала.

— Присядьте, пожалуйста, — он мягко, но настоятельно, повёл пациентку к дивану в холле.

— Доктор, вы не представляете, как она любила жить! — тяжело дыша, бормотала женщина. — В свои семьдесят с лишним лет, подумай только! И вот... вдруг...

— Успокойтесь, — Тур бережно провёл ладонью по влажной дрожащей руке больной и незаметно задержал пальцы на запястье, просчитывая пульс. — Для пожилого человека умереть во сне — благо. Недаром говорят: кого Бог любит, того во сне к себе берёт. Баба Прося, я уверен, прожила долгую жизнь и прожила её достойно.

— Да... да... — под действием чудотворных рук женщина почувствовала себя увереннее. — Мы с ней в палате познакомились. Какая она забавная бабушка! Господи... Представляете, доктор, она всё помнит. Вот вы, врачи, говорите про старческий склероз, а у неё голова светлая, будто у молодой.

Всеволод Полозов понимающе кивал, а сам следил за коридором, где, по его мнению, должна была бы вот-вот показаться медсестра. Состояние больной внушало ему серьёзные опасения.

Та тем временем продолжала, не обращая внимания на жестокую одышку.

— Она мне каждый день про дочку свою рассказывала. Представляете, её Любочка в детстве рисовала розовое солнце. Все дети — красное или жёлтое, а она — розовое. Ей говорят: так не бывает, а она — будет розовое. Представляете? Упрямая девочка. Она учёным стала.

— А где сейчас дочка бабы Проси? — спросил Тур, чтобы отвлечь женщину от осознания нарастающей боли в груди, которую он всеми силами старался сейчас отодвинуть, удерживая кисть больной в своих руках.

В коридоре мелькнул белый халат. Доктор Полозов, вознамерившийся уже уложить пациентку на диване и самостоятельно принять меры по купированию приступа стенокардии, призывно взмахнул медсестре. Та заторопилась.

— Умерла её дочка, — голос больной утонул в возобновившемся потоке слез. — Баба Прося не верит, говорит — ушла. А я поняла: погибла.

— Ну-ну, не волнуйтесь, — повторил хирург, уступил место возле

пациентки медсестре и тихо распорядился. — Обеспечьте полный покой, нитроглицерин немедленно, а я позову дежурного врача.

— Вы случайно не из... — начала медсестра, изумлённо осматривая синий медицинский костюм хирурга.

— Случайно из хирургии, — отрезал доктор Полозов. — Займитесь пациенткой, коллега.

Закончив экстренную операцию, Тур долго стоял на крыльце больницы с сигаретой в руке и смотрел на малиновый закат, расплывшийся над лесом. Розовое солнце не выходило из головы, равно как и странное ощущение тепла, возникшее внутри при виде умершей старушки. Он ожидал явления её призрака в той или иной форме, однако пространство дышало одиночеством. Всеволод Полозов возвратился в отделение без каких-либо выводов и с тревожной мыслью: не разучились ли мы видеть гостей с того света?

Ответ на волнующий вопрос он получил через час. Работая над операционным столом, он краем глаза наблюдал туманное мерцание возле кварцевой лампы, и нечто незвучавшее билось в ушах: помоги ему, пожалуйста, помоги! Когда состояние оперируемого больного стабилизировалось, мерцание и мольбы прекратились. Никто из бригады, разумеется, привидение не заметил, зато горячие руки хирурга вызвали беспокойство заботливой Лидочки, помогавшей ему снять окровавленные перчатки.

— Всеволод Васильевич, вы хорошо себя чувствуете? По-моему, у вас жар.

Тур непринуждённо отшутился и даже позволил медсестре прикоснуться к своему лбу. Лидочка осталась удовлетворена.

День девятнадцатый

Пока Владимир Полозов поджидал брата во дворе клиники, к нему дважды обратились: здравствуйте, Всеволод Васильевич. Для простоты он просто кивал в ответ. Третьей жертвой поразительного сходства близнецов стала юная барышня, спешащая к дверям больницы с автобусной остановки.

— Всеволод Васильевич! Я так и знала, что обязательно вас встречу!

Он непринуждённо снял очки и мило улыбнулся девушке, направившейся к нему.

— Увы, мадемуазель. Владимир Васильевич.

Она удивлённо остановилась. Владимир Полозов показал на боль-

ничное крыльцо.

— А Всеволод — вот он идёт!

Девушка оглянулась, несколько секунд следила за приближающимся доктором Полозовым, перевела взгляд на его брата-близнеца и, слегка покраснев, рассмеялась.

— Ой, извините. Я не узнала.

— А я, кажется, вас узнаю, — начал Владимир Полозов.

— Оля? — продолжил за него Всеволод Полозов. — Рад видеть. Какими судьбами?

— Я на практику сюда напросилась. Но к вам в хирургию только после третьего курса направляют, — она виновато передёрнула узенькими плечами.

— Не всё сразу, коллега, — улыбнулся доктор Полозов. — Была бы цель, найдётся и решение.

— Я побегу. А то, кажется, опаздываю.

— Удачи вам, Оля.

Близнецы проводили девушку весёлыми взглядами.

— Шустрая девчоночка, — заметил Ворон.

— Ты бы её тогда, на поле, видел! — кивнул Тур. — Умелая и бесстрашная. Не каждая в её возрасте сохранила бы самообладание. Ну, ты готов?

Ворон спрятал очки в карман и усмехнулся.

— Каков план? Входим в кабинет и...

— Нет. Вхожу я. А вот чтобы я вошёл, тебе придётся мне помочь.

— А почему не вместе? — удивился Ворон.

— Он должен принять решение сам, без постороннего воздействия. Откажет, значит, будем искать другие пути, — Тур протянул брату белый халат. — И постарайся сделать так, чтобы на нас двоих внимания не обращали.

Ворон стряхнул со лба непослушную чёлку и хитро прикусил ус, задев, как близнец тем же самым движением поправляет свою причёску.

— Тебе не кажется, что мы ещё не расцепились после карьера?

— Не вздумай от моего имени с медсестричками лясы точить, пока я буду у главврача, — Тур выразительно глянул на брата.

— Когда я последний раз так шутил? — Ворон разыграл обиду.

— В Рождественские праздники.

Планёрка закончилась в половине десятого утра. Заведующие отделениями стали выходить в коридор, а Ворон, улучив момент, про-

скользнул в приёмную. Главврач беседовал в дверях кабинета с кем-то из руководящего звена больницы, секретарша возилась с бумагами возле шкафа. Заняв позицию так, чтобы свет из окна не падал на лицо, Ворон дождался окончания разговора и обратился к начальнику клиники по имени-отчеству.

— В чём дело? — начал было тот, но под пронизывающим взглядом человека в белом халате онемел.

— Дело весьма серьёзное, — заговорил Ворон. Контролировать секретаршу затылком было нелегко, но пока удавалось. — Пожалуйста, уделите ему несколько минут вашего времени. Обсуждение состоится немедленно. В вашем кабинете.

Главврач качнул головой. То было не согласие, а попытка развеять мистические чары, опутавшие мозг.

— Немедленно. В вашем кабинете, — нажал Ворон. — Речь идёт о жизни и здоровье людей.

Сзади заскрипели дверцы шкафа.

— Проходите, — выговорил главврач.

Ворон дал знак близнецу. Тур появился в приёмной в тот момент, когда секретарша переносила папки из шкафа на стол.

— Доктор Полозов! — сердито воскликнула она.

Ворон стремительно обернулся.

— Здесь никого нет.

Несколько мгновений секретарша испуганно смотрела на двух «докторов Полозовых», затем на лицо её наплыла тень умиротворения, и она взялась спокойно перелистывать бумаги.

— Действуй, — шепнул Ворон брату. — Жду на улице.

Всеволод Полозов шагнул в кабинет.

— В чём дело? — повторил главврач и изумлённо огляделся, не понимая, когда оказался за своим рабочим столом и почему перед ним сидит рядовой доктор.

— Как я уже говорил вам, — Всеволод Полозов сделал вид, что продолжает прерванную речь, — в истории болезни пациента, поступившего в хирургическое отделение в субботу, упоминается свалка производственных отходов. Я провёл дополнительные исследования и пришёл к выводу, что недалеко от посёлка Медное без надлежащих мер безопасности сбрасывают высокотоксичные химические вещества. Вот копии анализов пострадавшего, взгляните. А это — фотографии свалки. Она находится в трёх-пяти километрах от деревень. Жители используют отходы в бытовых целях. У меня есть все основания

утверждать, что химикаты содержат огромную концентрацию тетрахлордибензол-п-диоксина.

— Минутку, — главврач озадачено разглядывал фотографии, — извините. Я не уловил смысла. Вы доктор Полозов, если не ошибаюсь?

Хирургу пришлось ещё раз подробно изложить обстоятельства, при которых пациент попал в его отделение.

— Этот вопрос вы могли бы решить с вашим заведующим.

— Увы, нет, — Всеволод Полозов пошёл ва-банк. — Я обращаюсь за поддержкой к вам. Лично. Мне нужна медицинская машина и ваше разрешение на исследование в лаборатории клиники биохимических анализов крови всех жителей окрестных деревень.

Главврач поднял ошарашенный взгляд на хирурга.

— Вы в своём уме?

— Я готов сам выехать на место и провести необходимые процедуры. Более того, оплатить все материалы и препараты. Эти анализы должны быть сделаны. Я уверен, большинство сельских жителей в той или иной степени подвержены действию диоксина. А это означает, что их нервная и иммунная системы, липидный обмен, кроветворные и половые органы постепенно разрушаются. Посмотрите на процент билирубина в крови моего пациента. Его печень просто разлагается. И так будет через год у каждого второго его соседа. Люди погибают.

— Нет. Минутку. Нет, — главврач протёр лоб. — Всё, что вы говорите, безусловно, настораживает, но это дело облздрава и санэпиднадзора, а не областной клинической больницы. Я не имею права самолично организовывать столь обширные проверки.

— Я думал обратиться в вышестоящие инстанции, — сказал Всеволод Полозов. — Однако первое, что потребуют там, это прямых доказательств наличия угрозы. А доказательства — анализы, которые необходимо собрать. Замкнутый круг, не правда ли? Поэтому я прошу вашей помощи.

— Я не могу взять на себя подобную ответственность, — собеседник поднялся из кресла и нетерпеливо прошёлся по кабинету.

Всеволод Полозов тоже встал, стараясь не упускать из виду выражение лица главврача. Тот продолжал:

— Доктор, поймите, то, что вы хотите предпринять, это не операция ребенку на дому, в которой вы победили. Не «пан или пропал»! Это акция, по крайней мере, районного масштаба. Всё, чем я могу помочь, это позвонить в облздрав и передать копию истории болезни. А решение будет принимать руководство области.

Тур понял, что пора разыгрывать козырную карту. Имя-отчество, произнесённое особо призывно, заставило главврача поднять глаза на собеседника.

— Я был на свалке, — заговорил Всеволод Полозов. — Я видел, как токсичные отходы растекаются по округе. Там всюду ручьи и болота. А в восьми километрах — водозаборные сооружения города. Это всё, — он указал на стол, где жизнерадостно блестели гляncем портреты рукотворной смерти, — идёт сюда, в наши квартиры, в наши семьи, в больницы, детские сады, в родильные дома. Люди будут болеть, не ведая о причинах. Диоксины разрушают ДНК. Значит, через несколько лет чаще и чаще будут рождаться младенцы-уроды.

— Вы сгущаете краски, — торопливо отсёк главврач. — Но я позвоню в облздрав. Вас это устроит?

— Нет. Я достаточно хорошо знаком с бюрократической машиной. Звонок не решит ровным счётом ничего. Дайте мне санкцию на проведение исследований, а потом уже звоните во все колокола.

— Я же сказал! У меня нет таких полномочий! — реплика прозвучала не столько сердито, сколько отчаянно.

— Вы и ваши дети будете пить эту воду! — Всеволод Полозов повысил голос. — Неужели вы этого не понимаете? Катастрофа не заставляет себя ждать.

Кровь стучала в висках Тура, руки без перчаток горели, источая едва заметный огненный ореол, а за спиной виток за витком разворачивалась невидимая человеческому глазу холодная тень, подобная телу гигантской змеи. Тур застыл, когда влажный дух болота коснулся плеч. Замер Ворон где-то во дворе больницы, пристально глядя в пустоту. Оцепенел и человек в кабинете. Секундная стрелка на настенных часах замедлила свой бег и остановилась в наступившем безвременье.

*Разорван круг, мосты наведены.
Былое зрит остывшими очами
На мир живых. На тех, кто за плечами
Без страха слышит голос старины.*

Духи прошлого и грядущего. Они поднимались из распахнувшихся врат запредельного царства и шли, шли, шли вперёд по незримому мосту сквозь живые тела, предметы и стены. Голоса их таяли в тишине, лица и образы стекались в единый абрис, а след растворялся в человеческой памяти. И казалось, нет этому потоку конца...

Мерно тикали часы. Главврач задумчиво смотрел на фотографии,

разложенные на столе.

— Наверное, вы правы, доктор Полозов, — медленно, со вздохом произнёс он. — Мы слишком поздно замечаем, что катастрофа случилась. И примеров тому множество. Взять хотя бы печально известные Уфу и Чапаевск с их химическими производствами. Это не Чернобыль, конечно, но смертей там предостаточно. Да-да, я иногда заглядываю в прессу, — он мрачно усмехнулся. — Слава Богу, гербициды у нас в области не производят. Откуда, по-вашему, тут взялась эта свалка?

— Из Европы, — ответил Всеволод Полозов и сделал шаг к стульям.

В голове шумело так, будто вокруг шипели сотни змей. Ворон только что плюхнулся на скамейку, благо такая возможность у него имелаась.

— Вы полагаете, это произвол? — руководитель клиники резко выпрямился.

— На определённом уровне, — Всеволод Полозов многозначительно взглянул на собеседника.

Главврач медлил с решением. Тур более не настаивал. От руководителя требовалась немалая смелость, чтобы выйти за рамки отведённых ему полномочий. Ему предоставили всю имеющуюся информацию и с этого, и... с того света. Выбор оставался за человеком.

— Когда вы намерены выехать на место? — тихо уточнил главврач.

— Завтра утром.

— Я поговорю с главврачом Медновской больницы и отдам распоряжение нашей лаборатории, чтобы снабдили вас всем необходимым и затем провели исследования в кратчайшие сроки. Машина будет ждать вас на стоянке. А как быть с медперсоналом, ума не приложу. Слишком деликатное получается мероприятие.

— Я справлюсь один.

— Ну что ж, не будем афишировать то, что ещё не подтверждено фактически. А в одиночку работать всё-таки не удобно, — главврач задумчиво постучал пальцами по столу.

— В клинике есть практикантки из медучилища, — вспомнил Всеволод Полозов. — С вашего разрешения я бы привлёк к работе одну из них. Девушка толковая и, что важно, испытанная. Она помогала пострадавшим на месте крушения поезда.

— Да-да, вы ведь и там побывать успели, насколько мне известно. Доктор Полозов, — главврач неожиданно улыбнулся, и мягкие морщинки разрисовали его лицо забавным орнаментом, — что-то в последнее время вы часто попадаете в интересные истории.

— Каждый человек до определённого момента живёт в собственном благоустроенном коконе. Но приходит время выбора: оставаться вечной личинкой или вылететь в мир, полный волнений, опасностей и неординарных решений. Для меня этот момент наступил совсем недавно.

— А для меня, невзирая на мои годы, кажется, только что, — устало кивнул руководитель клиники. — Собственный кокон ведь тоже относительное понятие... Успехов вам. Держите меня в курсе.

— Обязательно. Спасибо.

* * *

Предстоящий экзамен виделся Лису самым неприятным в жизни. Проблема заключалась не в знании или незнании предмета — тут Борис Полозов чувствовал себя более чем уверенно. Сдавать предстояло дипломному руководителю погибшего Николая, с которым однажды у Лиса состоялся тяжёлый разговор.

Погода хмурилась, и в потоковой аудитории висел полумрак. Студенты норовили спрятаться за спинами товарищей, шуршали конспектами лекций, выспрашивали друг у друга ответы по непроработанным темам. Экзамен предполагался письменный, и у тех, кто успел занять места на галёрке, имелся реальный шанс сдать. Бориса Полозова вопрос шпаргалок не волновал, однако он устроился именно на галёрке, дабы не смущать преподавателя своей персоной.

Наконец, экзаменатор вошёл в аудиторию. Молча разложил билеты на кафедре и лишь после этого поздоровался со студентами. Затем последовало распоряжение подходить за вопросами согласно списку.

— Полозов, а вы почему здесь? — реплика нарушила монотонную процедуру.

Лис отдёргнул руку от билетов.

— Если бы вы посещали консультации, — продолжал доцент без тени эмоций, — вам бы не пришлось сегодня рано вставать. У вас «автомат».

Аудитория с завистью вздохнула.

Не веря своим ушам, Борис Полозов забрал сумку и вернулся к кафедре с зачёткой. В пустой строчке гордо прописалось «отлично», скреплённое размашистой подписью историка.

— Можете идти. Свет включите по дороге.

— Спасибо, — пробормотал ошеломлённый студент и засунул зачётку в карман.

Вернее — мимо кармана, о чём возвестил отчётливый шлепок и смех девчонок в первом ряду. Наклоняясь за зачёткой, Лис дополнил

тельно выронил и сумку. Смешки зазвенели по всей аудитории, а сокурсник, сидевший ближе остальных к дверям, рассчитывая услужить экзаменатору, решительно направился к разломанному выключателю. Опершись о холодную батарею, он потянулся к кнопкам, и...

Лис отчётливо ощутил сладковатый запах смерти, знакомый ему с той майской ночи, когда Кикимора посодействовала драматическим событиям в медицинских комнатах Тура.

— Стой! — крикнул он так громко, что доцент и девушка, берущая билет, дёрнулись, как от толчка. — Не трогай рубильник!

Студент рефлекторно отпрянул. А Лис теперь не только чуял, но и видел бледный контур, уплывающий вглубь стены.

— Что случилось, Полозов? — грозно сдвинув очки, обернулся преподаватель.

— Юрий Иванович, выключатель не исправен. Коротит, — пробормотал Лис, следя за исчезающим призраком.

Доцент побледнел. Предыдущий опыт общения с Борисом Полозовым достаточно убедительно показал ему, что юноше нужно верить в любых случаях. Услужливый студент, заметив окаменевшее лицо преподавателя, уставился на выключатель со сломанной клавишей, перевёл взгляд на батарею, о которую только что опирался бедром, и, нерешительно усмехнувшись, попятился.

— Дойдите, сообщите на вахту, пусть электрика пришлют, — сохраняя видимое спокойствие, распорядился экзаменатор, обращаясь к испуганному добровольцу. — Спасибо, Борис. Вы свободны. А мы продолжим.

Аудитория притихла, ожидая какого-либо объяснения странной сцены. Однако преподаватель комментировать ситуацию не собирался, и огласил следующую в списке фамилию.

Борис Полозов выскочил в коридор и, не дослушав мнение сокурсника о своей выходке и поведении препода, ринулся туда, где проталкивался сквозь пространство несостоявшийся диверсант.

— Остановись! — сквозь зубы бормотал Лис. — Да замри же ты!

Призрак прибавил прыти. Преследователь пробежал вслед за ним до лестницы и ринулся вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Как не хватало ему сейчас огненного взгляда брата! Но тратить драгоценные секунды на телефон он не мог.

— Стой ты, бедолага! Я же тебе помочь хочу!

Привидение просочилось сквозь двери и замерло в вестибюле, угонив в яркое пятно электрического света. Лис шумно вздохнул.

— Куда удираешь?

«Я замочу тебя, малёк!»

— Угомонись, — юноша доброжелательно улыбнулся. — Давай лучше обсудим наши позиции. Тебе дали задание меня убить?

Спокойный тон, без толики злобы и раздражения, склонил духа к продолжению общения.

«Нет! Я прикончу вас всех и уйду!»

— Подожди-ка, ты хочешь сказать, что просто собираешься отомстить мне и моим братьям? — нахмурился Лис.

«Да!»

Лампа под потолком мигнула, и призрак тотчас воспользовался лазеркой. Выскользнул из разорванного круга в тень и с удвоенной скоростью бросился прочь. Борис Полозов кинулся следом, промчался мимо сонной вахтёрши на проходной и выскочил на улицу. Информационная ипостась бандита удирала в направлении руин студенческой общаги, поставленной на капитальный ремонт лет двадцать назад. Лис оценил опасность. «Недострой» был прекрасным местом для организации несчастного случая. Однако юношу это не остановило.

— Эй, мститель, я всё-таки тебя не понял! — крикнул Лис в пустоту, когда оказался под сводами многоэтажной каменной коробки. — Я думал, ты Беру служишь.

Он старался вложить в голос как можно больше добродушия, ибо заметил, что отрицательные эмоции только усиливают ярость — основу спектра эмоций погибшего.

«Вы меня убили! Из-за вас я облажался!» — донеслось сверху, и в Лиса полетел кирпич.

Юноша отпрыгнул под прикрытия арматуры.

— Слушай, ты сам пристрелил программёра Паши. Мой брат ничего бы сделать не смог, даже если бы ты остался жив. Парень умер ещё у тебя в машине. Так что извини: облажался ты сам, без посторонней помощи.

Густое невидимое пространство повисло перед Лисом между двух покосившихся балок.

«Я был лучшим!»

— Охотно верю. Бер тоже так считает?

«В гробу я видал твоего Бера! Я на него больше не работаю!»

— Почему?

«Он приказал вас не трогать».

— Очень мило с его стороны.

«Я был лучшим. Из-за вас я облажался. Я убью!»

— Кого, парень? — Лис пошёл прямо к невидимому мстителю. — Ты знаешь, кто мы?

«Рождённые смертью!»

— Верно. А теперь подумай-ка: разве можно убить тех, кто рождён на том свете?

Призрак опомнился, однако ловушка уже захлопнулась. Цель, удерживавшая заложного на земле, рассыпалась прахом. Лис удовлетворённо кивнул.

— Видишь, тебе нечего делать здесь. Иди туда, куда уходят все.

Пахнуло озоном. Лис не двинулся, хотя сердце громко ухнуло в груди. Появления призрачного начальства он никак не ожидал.

«Вернись!» — приказало что-то внутри камней.

«Да пошёл ты!» — отозвался призрак бандита.

«Вернись! Матушка-Пятница требует».

В ответ разразилась тирада с упоминанием всяческих матерей и нелицеприятных действий, на них направленных.

На голову Лиса посыпалась кирпичная пыль. Здравый смысл настоятельно советовал поскорее дать дёру, но юноша упрямо стоял на месте, надеясь подслушать как можно больше информации из невещественного источника.

«Ты поклялся служить!» — гремел озоновый дух под сводами бывшей общаги.

«Договаривались — три за троих! Я выполнил, а вы меня поимели!»

«Тебе отдадут твоих обидчиков. Когда время придёт».

«Дерьмом торгуешь! Передай своей матушке и её затраханному криворукому лоху...»

У Лиса завяли оба уха, пока призрак-киллер диктовал курьеру изощрённое послание. Под конец пространного монолога озоновый совершенно потерялся под натиском бестолковой ярости.

— Эй, крутой, — Лис рискнул подать голос. — Сворачивай-ка дискуссию и отправляйся в дорогу. Тебе пора.

Остатки эмоций призрака изменили адресацию и вылились на Лиса хаотичной горой бессвязных образов. После чего привидение гордо раздулось, заполнив собой капитально изуродованное здание, и лопнуло, рассеявшись на тысячи невесомых частей.

* * *

— По-моему, это и называется «кануть в небытие», — пояснил Лис братьям, завершив красочный рассказ.

Он сидел на диване в гостиной напротив близнецов, обращаясь то к одному, то к другому.

— Ну, что вам опять не понравилось? — воскликнул он, так и не дождавшись положительного отзыва. — Не мог же я бросить погоню и трезвонить вам на сотовые!

— Разумеется, нет, — откликнулся Тур.

— Молодец. Вёл себя в соответствии с обстоятельствами, — вздохнул Ворон. — Одно плохо: обстоятельства слишком путаные. И главное, что мне не нравится, это поведение Бера. С какой стати ему вздумалось оставить нас в покое? Неужели пронюхал, что мы под Беляка копаем?

— Похоже на то, — согласился Тур. — Он помогает кому-то перебить у Белякова клиентуру, а рассекречивание свалки — самая что ни на есть выгодная для него ситуация.

— Я выгащил из сети номера банковских счетов, — напомнил Ворон. — Он прекрасно понимает, что я способен двинуть и дальше.

— Это же криминал! — воскликнул Лис.

— Я ведь не говорю, что буду это делать, — посмотрел на него Ворон. — Я сказал «способен». Мне пока не понятно, на кого Бер работает. Специалист он классный. В его комп я пролезть не смог. Как и он в мой.

— Обменялись «любезностями» дистанционно? — уточнил Тур.

— Всю ночь гонялись друг за другом с переменным успехом. Я получил массу удовольствий, — хакер хохотнул. — Давненько мне не попадался достойный противник.

Его близнец неодобрительно покачал головой, но высказаться не успел. Перебил Лис:

— Ты передал Белякову новые данные?

— Нет ещё. И вообще собираюсь хорошо подумать, нужно ли это делать. Чёрт с ними пока. Малыш, лучше давай-ка повтори: что там было на тему рождённых смертью?

Большой вопрос резанул каждому по сердцу.

— Так сказал заложный. И это правда, — Лис тяжело вздохнул. — «Озоновый» говорил о Пятнице, как о верховной госпоже. Бера обозначили вторым номером в этой иерархии.

— Кто же этот Бер? — произнёс Тур, вставая.

— Скоро выясню. Меня другое сейчас интересует: что значит «рождённые смертью» и при чём тут матушка-Пятница? — врубил Ворон. — Лис, валяй свою версию. И не бойся, обещаем выслушать без ком-

ментариев. Верно, Тур?

Тот кивнул, и две пары карих глаз под чёрными дугами густых бровей обратились к младшему брату.

Лис испустил ещё один тяжкий вздох.

— Братцы, я не знаю.

— Ладно, колись. Сказано же: выслушаем любую фантастику, — Ворон откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на затылке.

— Я правда не знаю. Пятница взяла вас во служение по воле Огненного Полоза. Она дала вам имена и использовала вашу сущность по своему уразумению. А меня не приняла вообще. Но кто она такая, я не имею ни малейшего понятия. Даже не могу представить её облик. Просто чёрная тень. Холодная, как зимний туман. Всегда в чёрном платке.

— Подожди, — вмешался Тур. — Она — мёртвая женщина. Так? Значит, когда-то она была живой. Где она жила? Как жила? Почему в её руках оказались бразды правления потусторонним миром?

— Не миром, а частью, которую она собрала сама, — поправил Лис. — Истинная Память — это наш отец, Огненный Полоз. Он хранит царство мёртвых. А Пятница построила своё собственное. На ненависти и ради ненависти.

— Ясно. Тупик. Но одно мы всё-таки извлекли из опыта, — заговорил Ворон. — Заложные блуждают по земле до тех пор, пока у них есть цель. Пример тому — Паша, которого ты, Лис, ловко обставил.

— Почему обставил? Когда я понял, что его мама пребывает в ином мире, я просто подвёл его к иному значению первенства. Это же не ложь!

— Ладно, ладно, молодец, — нетерпеливо перебил старший брат. — Цель киллера-недомерка ты тоже подрубил под корень. Следовательно, чтобы уничтожить Пятницу, нужно просто встретиться с ней с глазу на глаз и вынуть из этой информационной среды навязчивую идею. Какова цель Пятницы, Лис?

— Братцы, клянусь, не знаю! — воскликнул парень. — Я видел, как она вдыхала вашу ненависть, видел, как её руки выхватывали из Верхнего мира заблудившихся духов. И больше ничего.

— А что отец?

— По-моему, отец её жалел, — юноша низко опустил голову. — Жалеть и любить у русского народа в прежние времена означало одно и то же.

В стекло постучались первые крупные капли дождя. Фрамуга хлопнулась, повинуясь невидимой руке домашней хозяйки. Заскри-

пела дверь в прихожей: Дед впустил нагулявшуюся Галку. Из кухни плавно выплыл поднос с кофейными приборами.

«Я стол накрою, ладненько?» — смутилась Кикимора, заметив, что с её появлением в гостиной прервался разговор.

— А ведь они не заложные, — Тур показал глазами на две синеватые тени, мелькающие в дверях кухни. — Они остались с нами по доброй воле... Кикимора, Болотник... Вам не кажется странным, что все понятия и персонажи, окружающие нас, имеют прообразы в русском фольклоре?

— Царство мёртвых, разделённое по национальному признаку, — усмехнулся Ворон. — Ловко.

— Нет, брат. Я не об этом. Информация Памяти отражается в земных реальных образах. Полагаю, у Огненного Полоза много ликов. Египтяне наверняка отождествили бы его с Анубисом, греки — с Аидом, христиане — с Сатаной или Богом в зависимости от его влияния на окружающую среду в каждый конкретный момент.

— Оставь в покое христианство! — вмешался Лис. — Наши языческие пращурьы никогда не делили сущее на добро и зло и были абсолютно правы. У них даже не создались понятия, хоть как-то близкие к представлениям ада и рая, а душа — каждая душа — почиталась священной, ибо давала информацию для рождения новым душам. В том и состояла естественность язычества: природа, люди, прошлое, будущее и настоящее — всё едино. А христианство возвысило единоличного Бога, пристегнуло к нему антипода, а на трон посадило его величество Индивидуализм.

— Ты поаккуратнее с заявлениями, — заметил Ворон. — У тебя ещё куча сессий впереди. Когда защитишь «докторскую», тогда и размахивай своими идеями во всеулышание. А пока слишком-то из рамок не вылезай.

Лис фыркнул и отвернулся.

— Я хочу сказать, — Тур продолжил свою мысль, — что в нашем случае мы имеем дело с устоявшимися образами, основанными на знаниях и представлениях субъекта, повлиявшего на нас информационно. Допустим, Пятницы. Логично предположить, что женщина, создавшая собственное царство мёртвых, прекрасно знала русский фольклор. То есть была при жизни либо историком, либо филологом. Возможно, имела научные работы.

Лис почувствовал, что близнецы смотрят на него.

— Вы мне предлагаете поискать её труды в библиотеках? — он

возмущённо подскочил на диване. — Издеваетесь?

— Почему только тебе? — многозначительно заметил Ворон.

«Кх, — Кикимора осторожно ткнула ложкой по чашке. — Кофе подан. А я удаляюсь».

— Спасибо, Ки.

— Эй, детка, не забудь маску на сервере запустить, — крикнул Ворон вдогонку привидению.

«Я тебе не ламер какой-нибудь!» — донеслось из серверной.

— Много ты ей позволяешь, — сказал Лис, направляясь к столу. — Смотри, грохнет систему.

— Локалка от Интернета отключена, а остальное не так страшно, — ответил программист. — К тому же, девчонка аккуратная. Пусть развлекается. Тур, каков план на завтра?

День двадцатый

Выездная лаборатория начала работу в деревне, где проживал недавний пациент доктора Полозова. Владимир Полозов, изображавший некое должностное лицо из областного центра, сухим формальным тоном изложил причины прибытия медицинской бригады, и удалился в «шестёрку», где за рулём ёрзал Лис.

Медиков встретили радушно, охотно приняли объяснение по поводу проводимой акции и выстроились в очередь возле машины с красным крестом. За два часа работы врач и юная медсестра выслушали массу жалоб, относящихся и не относящихся к предмету исследования.

— Всеволод Васильевич, — улучив момент, Оля придвинулась к хирургу, — у меня складывается впечатление, что у всех здесь ослаблен иммунитет. Честно скажите, мы ищем СПИД? Поэтому вы постоянно напоминаете мне проверять перчатки?

— Почему вы решили, что мы что-то ищем? — осторожно осведомился доктор Полозов.

— Потому что единичные случаи гепатита не требуют таких масштабных проверок, — девушка смело взглянула на врача. — Я сама в детстве переболела желтухой. Родители сдали анализы, квартиру обработали хлоркой, но соседей и ребят из нашего двора не проверяли. И даже в школе ничего похожего не проводилось.

— Молодец, — похвалил медсестру Всеволод Полозов. — Верно подмечено. Но СПИД тут не при чём.

— А что тогда? — большие серые глаза студентки озадаченно распахнулись. — Или мне нельзя это знать?

Всеволод Полозов был сражён наповал. Оля смотрела на него просто и открыто. На юных круглых щёчках играл румянец, густые чёрные ресницы невинно подрагивали, алый бантик приоткрытых губ расцвечивал лицо узором детской непосредственности, но взгляд оставался по-взрослому серьёзным.

— Можно, девочка, — тихо сказал доктор Полозов. — Но любое знание требует ответственности. Особенно в медицине.

Она ждала. Тур видел, что даже отказ в информации будет встречен с пониманием, однако отказать не мог. Слишком мало было на этом свете людей, которым братья Полозовы рисковали доверять, а интуиция, вопреки рассудку, выдвинула Олю на первое место в коротком списке.

— Хлоранке.

Девушка недоумённо заморгала, несколько раз беззвучно повторила незнакомое слово и сникла.

— «Акне» вроде бы «угорь» по-латыни, — неуверенно произнесла она. — «Хлорные угри»? Я никогда не слышала про эту болезнь.

— Девяносто процентов дипломированных врачей про неё не слышали, — успокоил студентку доктор Полозов. — А название вы расшифровали абсолютно верно.

— Можно? — в машину заглянул запоздавший мужичок.

— Проходите, пожалуйста, — Оля деловито достала стерильный пакет и обернулась к пациенту.

Всеволод Полозов внимательно следил за выражением её лица. Ничто не выдало смятения, охватившего юную медсестру: ни глаза, ни мимика, ни движения тонких проворных рук. Тракторист, на щеках и шее которого обильно рассыпались чёрные угри, сел на предложенное место и закатал рукав.

Пока доктор Полозов беседовал с немногочисленными жителями деревни, норовившими немедленно узнать всё о своем здоровье, и раздавал рекомендации, сводившиеся большей частью к рецептам фитотерапии, Владимир Полозов в качестве разминки прошёлся по улице. И чем внимательнее он разглядывал сельские строения, тем тяжелее становилось на сердце. Заборы, дома, а иной раз даже сараи блестели свеженькой разноцветной краской. Заглянув за штакетник крайней избы с яркими наличниками и таким же вызывающе пёстрым крыльцом, он заметил в огороде три печально знакомые бочки, приспособленные под резервуары для полива грядок.

Попытавшись завязать разговор с хозяйкой на тему её образцового

домишки, «должностное лицо» получило бесцеремонный отпор.

— Как могём, так и благоустроиваемся, — проворчала пожилая толстая бабёха. — От вас, властей, дождёшься! Поселковый магазин и тот закрыли. Наши мужики вон сами привозят, чо надо, и продают.

Владимир Полозов оставил на месте свои очки и вернулся к «ше-стёрке».

— Лис, как я выгляжу? — вполголоса спросил он, расслабив узел галстука.

Борис Полозов, скучавший в роли шофёра, поднял глаза.

— Как представитель областного аппарата, — усмехнулся он, уловив, откуда надуло несвойственный старшему брату вопрос. — Сидел бы ты в машине. А то спутаешь Туру все карты.

— Встречают, как говорится, по одежке. А одеты мы сегодня поразному, — нравоучительно сказал Ворон, но предложение Лиса принял: устроился на пассажирском сиденье. — На кого ты там любишь-ся? — осведомился он, заметив, что юноша опять уставился в окно.

— А? — Лис вздрогнул. — Ни на кого.

Ворон быстро перехватил его взгляд. Оля закрывала дверцу медицинской машины.

В следующей деревне забор анализов прошёл не столь гладко, как предполагалось. Версия с гепатитом в этом населённом пункте не проходила, поэтому Владимир Полозов выдал вторую заготовку о якобы полученных «сверху» указаниях провести плановые профилактические исследования. Моложавая дачница устроила скандал, наотрез отказавшись сдавать кровь «неизвестно зачем». Однако именно её чадо среднего школьного возраста вызвало у доктора Полозова вполне обоснованное беспокойство. Под воздействием холодящего взгляда «должностного лица» дачница сдалась, а Тур с помощью Оли убедил её показать ребёнка участковому врачу без промедления. Оля при этом проявила поразительные способности ладить с детьми и по завершении конфликта шёпотом сообщила доктору Полозову.

— Всеволод Васильевич, мальчик мне рассказал про какую-то свалку. Это как-то связано с тем, чем мы занимаемся?

— Увы, да, — на сей раз он не стал вдаваться в подробности.

В село, стоявшее по плану братьев Полозовых третьим пунктом, решили не заезжать. «Круговая оборона» под напором горластой горожанки и поддержавших её деревенских соседок довела Ворона до жестокой головной боли. К тому же солнце давно перевалило за полдень, и самое время было подумать о забытом обеденном перерыве. Обе ма-

шины — белая «шестёрка» и медицинский «рафик» — свернули с грунтовок на просёлок и заехали в лес.

— Возьми Олю на себя минут на десять, — сказал Ворон Лису, отлепив затылок от валика заднего сиденья автомобиля. — Оклемаюсь, потом обед устроим.

Борис Полозов с готовностью кивнул и выскочил из машины.

— Видал, как припустил! — хитро прищурился Ворон, когда близнец подсел к нему, снимая перчатки.

— В его возрасте мы бы тоже за ней припустили, — улыбнулся Тур и опустил ладонь на лоб брата. — Расслабься пока. Массовый гипноз без личных последствий тебе не удаётся.

Без белого халата, в джинсах и лёгкой кофточке Оля казалась на фоне огромных медноствольных сосен робкой дюймовочкой. Она с наслаждением вдыхала прохладный лесной дух, с затаённым восторгом рассматривала едва-едва побелевшие лепестки зацветшей земляники на солнечном пригорке, с любопытством искала глазами трудолюбивого дятла в хвойном поднебесье. Борис Полозов наблюдал за девушкой издали. По негласному соглашению они отправились на эту короткую прогулку вдвоём, но он не смел вмешаться в ностальгическое уединение Оли ни словом, ни движением. Даже старался ступать так, чтобы не хрустнул ни один сучок. А она впитывала лес всем существом. И чем дольше Лис любовался девушкой, тем глубже убеждался, что Оля здесь не случайная гостья, а вернувшийся к истокам путник своей судьбы.

«Косу бы ей, — подумал Лис. — Хороша бы была коса».

Оля обернулась. Он поспешно спрятал взгляд в траве.

— Мы не очень далеко забрели? — спросила девушка, приближаясь к своему сопровождающему.

— Нет-нет, какие проблемы, — пробормотал Борис Полозов.

— Я почти два года не была в лесу, — продолжала она. — А раньше с папой часто ходила и за грибами, и за ягодами... Слышите, кукушка! Раз... два... три...

— Не считайте! — воскликнул Лис. — Она на мёртвом дереве сидит, дурное наговаривает. У вас долгая и счастливая жизнь впереди.

— Вы умеете гадать? — удивилась Оля.

— Нет, — юноша покраснел, но продолжение требовалось незамедлительно, и он вздохнул. — Просто я знаю.

Молчание затянулось, и Лис рискнул посмотреть на спутницу. Ока-

залось, Оля терпеливо ждала, когда он справится со своим смятением.

— Тогда я с удовольствием буду просто верить в ваше пророчество, — улыбнулась она. — Но счастье человек делает себе сам. Так мой папа говорил. И я в этом уверена.

— Да, вы правы, — невнятно ответил Борис Полозов.

— Что-то случилось? — насторожилась Оля.

Он вздрогнул. Она не могла слышать разговора старших Полозовых, а те как раз беспокойно обсуждали, следует ли аукать «отсутствующую молодёжь».

— Пора к машинам возвращаться, — произнёс Лис. — Нас, того гляди, искать пойдут.

— Ой, — Оля взглянула на наручные часики, — нам же анализы в клинику отвозить. Это я загулялась, извините.

— Ну что вы! — искренне не согласился Борис Полозов. — Всё успеем. Вам ведь тоже отдохнуть нужно, — он опять потупился. — Вам сегодня такая работка досталась!

Юная медсестра поправила волосы, слипшиеся от долгого пребывания под белой шапочкой.

— Мне очень повезло сегодня, Борис, — сказала она серьёзно. — Всеволод Васильевич предоставил мне такую великолепную практику, какая ни одной второкурснице не снилась! Я теперь в любую вену с закрытыми глазами попаду. Он меня научил... Вы тоже будущий медик?

— Нет, — Лиса передёрнуло. — Я на истфаке в университете.

— Изучаете анналы истории?

До Бориса Полозова, наконец, дошло, что его всячески стараются «разговорить». Неожиданно он почувствовал себя рядом с Олей так же, как с Мариной Николаевной. Представив, как его нелюдимость выглядела в глазах девушки-сверстницы, он решил реабилитироваться любой ценой и принялся расписывать особенности современной исторической науки. Оля слушала внимательно, однако Лис скоро заметил, что подробности ей непонятны, а потому не интересны.

«Кто из меня никогда не получится, — тоскливо подумал юноша, — так это донжуан, причём даже в самом упрощённом варианте».

Между деревьев показалась просёлочная дорога и автомашины, стоящие на обочине. На полянке чуть в стороне Ворон накрывал «стол»: расставлял одноразовую посуду на большой скатерти, расстеленной прямо в траве. Прогулка на двоих заканчивалась, и Борис Полозов тяжело вздохнул.

И тут из кустарника потянуло до боли знакомым запахом.

— Лисица, — пробормотал Лис. Лицо его мигом просветлело, и он обернулся к притаившемуся зверьку. — Мы, оказывается, забрели на её территорию.

— Где? Где? — зашептала Оля.

— За можжевельником, видите?

Оля не видела, как, впрочем, и Борис Полозов.

— Мы её спугнули? — еле слышно продолжала девушка.

— Нет пока. Она наблюдает. Где-то недалеко её дом и лисята. Она вышла на охоту, чтобы добыть им еду.

— Как вы ласково о ней говорите!

— Конечно, — обмолвился Лис, а сам осторожно пошевелил ноздрями.

— Не пойму, где же самец? Неужели она одна?.. Мне всегда было больно смотреть, когда они оставались одиночками. Всегда хотелось помочь.

Увлёкшись своим сокровенным, он уже не замечал восхищённых серых глаз, взиравших на него с ожиданием и изумлением.

— Мне кажется, вы можете её позвать, — прошептала Оля.

— Могу, — обронил юноша.

— А она не обидится, если поймёт, что я просто хочу на неё посмотреть?

Лис встрепенулся.

— Я никогда не видела лисиц близко, — серые глаза блестели мольбой. — Борис, может быть, она подойдёт?

— Я попрошу её, — ответил юноша, бесшумно отступил в сторону лисицы и присел на корточки.

Взлай получился с первой же попытки.

Лисица ответила тройным тьяканьем и закончила коротким нетерпеливым воем.

Лис позвал настойчивее. Непривычный звук саднил человеческое горло, однако «акцент» пушистую собеседницу не смутил. Она отозвалась снова, и из можжевельника показалась остренькая пегая мордочка с широкими раскосыми глазками и проворным чёрным носом. Огромные уши, как локаторы, повернулись к людям.

Лис выдал отрывистую призывную трель.

Взлай в ответ прозвучал как согласие. Лисица выбралась из кустов и потрусилась к человеку. Лис не шелохнулся, предоставив ей возможность тщательно обнюхать себя.

— Она хвостом виляет! — вырвалось у Оли.

— Это от страха. Она чуть-чуть боится, — приглушённо ответил Борис Полозов. — Видите, хвост повис, значит, её уже ничто в

нас не пугает.

И он протянул лисице руки.

Та приблизилась ещё на несколько шагов, окончательно успокоилась и позволила поднять себя над землёй.

— Ну вот, познакомьтесь, — Лис расплылся в победной улыбке. Голос его скрежетал в иссушенном горле, и потому показался Оле чем-то средним между человеческим и лисьим.

— Я думала, лисы рыжие, — проговорила девушка, заворожённо приближаясь к юноше, на руках которого доверчиво притих дикий зверёк.

— Не обязательно. Бывают серые или пегие, как она, — Лис ласково погладил кумушку. Лисица зажмурилась. — Ей три года. У неё уже второй выводок: пять лисят.

— А где её... супруг?

Борис Полозов дёрнул носом.

— Есть партнёр. Напрасно я волновался. Даже если и не отец лисят, то хороший отчим. В лисьих семьях так принято: негоже мать одну оставлять. А ей главное, чтобы лисята росли сытыми и здоровыми, поэтому она принимает того самца, который способен прокормить семью.

— Вы про них всё знаете. Поразительно!

— Я их люблю, — произнёс юноша. — Оля, хотите её погладить? Она разрешает.

— Правда? — девушка бережно провела пальцами по спине лисицы. — Какая мягкая шерсть!

— К зиме будет в два раза гуще, — Лис устроил рыжую сестрёнку поудобнее. — Давайте предложим ей пообедать с нами? — вспомнил он. — Тур утром курицу жарил...

— Кто? — удивилась Оля.

Лиса обдало холодным потом. Ничего более нелепого с ним ещё не приключалось. Брякнуть он мог что угодно и где угодно, но никогда тайное имя брата не срывалось с языка всуе.

— Да это я так, — выговорил он и опустил глаза.

Спрятав взгляд от собеседницы, он невольно обратился к другой — молчаливой и чуткой. И опешил. Лисица смеялась. Подёргивались чёрные жёсткие усы, частый тихий свист вырывался из подвижного тонкого носа, а в рыжих с хитринкой глазах играли задорные солнечные блики.

*Братским единством застава крепка,
За стенами — будь спокоен.
Но мудрое слово идёт сквозь века:*

Один в поле не воин.

— Борис?

— А?.. Извините, задумался.

Оля тронула его руку, на которой устроилась лисица.

— Борис, мне думается, что у вас, у Всеволода Васильевича и у Владимира Васильевича за плечами стоит могучая добрая сила. Поэтому люди и даже звери доверяются вам. Это чудесно! Но, к сожалению, так редко встречается в нашем окаменевшем мире.

Лисица получила угощение, благодарно покружилась возле людей и исчезла в лесу.

— Лисят побежала кормить, — улыбнулся Владимир Полозов.

— Борис, вернись к делам земным, — окликнул младшего брата Всеволод Полозов.

— А?

Две пары ласковых карих глаз наблюдали за ним с противоположного конца «стола». Сообразив, что от него требуется, Лис оглянулся на девушку и поспешно предложил:

— Оля, вам колу или квас? Есть кофе из термоса, горячий.

* * *

Доктор Полозов и его помощница, забрав штативы с пробирками, отправились в лабораторию, а Ворон и Лис остались дожидаться в машине за воротами областной больницы.

— Ну что, свела рыжая кумушка? — вдруг спросил Ворон.

Юноша вздрогнул.

— А ты... — начал он и осёкся.

Брат был абсолютно прав. Не появившись лисица на поляне, прогулка завершилась бы ничем.

— Дерзай, — усмехнулся Владимир Полозов. — У девушки глубокая душа. Мы с Туром не будем возражать, даже если ты пригласишь её в гости.

— Как? — глаза у Лиса вылезли на лоб. — К нам в дом?

— Почему бы нет?

Буря чувств расписала лицо юноши алыми разводами.

— Спасибо, — пробормотал он. Подумал и рискнул спросить. — Ворон, а о чём обычно надо говорить в таких случаях?

Старший брат рассмеялся.

— Чудо ты рыжее! Будь самим собой, и всё.

Лис мысленно пережевывал следующий вопрос, приготовился к его озвучению и...

— А вот мы и Марина, — опередил брат, — совсем другое дело. Она знает Всеволода и Владимира, но не Тура и Ворона. Это ты заруби на носу раз и навсегда.

Глухой голос и притушенный взгляд в зеркале над лобовым стеклом заставили Лиса поёжиться.

— Не понимаешь, почему я столь категоричен? — Ворон обернулся.

— Ты что, мои мысли читаешь? — опешил юноша.

— Все твои мысли у тебя на физиономии. Я тебе уже не однажды говорил. Лисом семь лет бегал, а хитрости так и не выучился. Впрочем, ладно. Не о том речь. Надеюсь, ты всё уяснил.

— Нет, не уяснил, — Лис решительно выпрямился. — Нас трое или опять «два плюс один»? Как я могу быть «самим собой», если вы не снимаете свои маски!

— А разве я что-то сказал о наших «масках» применительно к Оле? — прищурился Ворон.

Лис невольно распластался по спинке сиденья. Язык силился сгенерировать ответную реплику, но остроумием он никогда не блистал, а всё остальное могло быть расценено как грубость. Поэтому Лис нашёл в себе силы промолчать.

Владимир Полозов повернул ключ зажигания. Мотор «шестёрки» заурчал. Лис запоздало заметил приближавшихся к машине медиков и выскочил навстречу.

Доктор Полозов ненавязчиво предоставил младшему брату право открыть перед девушкой дверцу салона, а сам уселся на пассажирское место рядом с близнецом.

— Всеволод Васильевич, — Оля продолжила прерванный разговор, — мне всё-таки неудобно. Мне на другой конец города, я бы сама добралась.

— Не может быть и речи! — вступился Владимир Полозов.

«Шестёрка» вырулила на шоссе.

— Я в посёлке комнату снимаю, — добавила Оля, извиняющимся тоном.

— А почему не в общежитии? — удивился Борис.

— Да мне сподручнее. На первом курсе общагу не давали, вот я и поселилась у одной бабульки. Мама разрешила. Прижилась, как говорится. Помогаю ей, чем могу, особенно зимой. Даже уколы делать приходилось. У нас, знаете, вообще медицинская семья, — Оля покоси-

лась на старших Полозовых. — Бабушка медсестрой всю жизнь проработала, дед был военным врачом. И отец тоже.

— Был? — вырвалось у Лиса.

Она потупилась.

— Папа два года назад в Чечне погиб.

— Извините, — пробормотал Борис Полозов.

Оля грустно улыбнулась.

— Жизнь есть жизнь. Когда-то она обрывается в обозримом пространстве. Вы сочтёте меня фантазёркой, наверное. Но я верю, что жизнь как таковая бесконечна. Не зря же индусы придумали символ: змея, кусающая свой хвост. А если представить не просто кольцо, а кольцо объёмное, то получится, что мы, пока живём, видим всего одну плоскость.

Она поискала глазами понимание, такового не обнаружила и обратилась непосредственно к Ворону.

— Владимир Васильевич, вы, как я слышала, математик, верно?

Тот неоднозначно качнул головой.

— Согласно диплому — да.

— Тогда вы точно знаете про ленту Мёбиуса. Она бесконечна в обеих плоскостях.

— Положим.

— А теперь представьте, если кто-то светит на ленту фонариком. То, что видно в пятне света — жизнь. Всё остальное — жизнь, которая существует, но которую человек не может воспринять иначе, как через сон.

— А вы в душе тоже математик, Оля! — высказался доктор Полозов.

— Да нет. Просто папа научил, — чуть-чуть покраснела девушка. — Извините, если глупость скажу, но всё-таки скажу. — Она вскинула глазки. — Я считаю, что медицина и математика — самые близкие отрасли знаний. И вы тому яркое подтверждение.

— Мы? — близнецы переглянулись.

— Ну, вы очень похожи, — Оля смутилась. — И тем не менее, один из вас — врач, другой — математик.

— Программист, если точнее, — поправил Владимир Полозов.

— Тем более! — оживилась юная медсестра. — Медицина анализирует, а программирование синтезирует. Это две стороны познания в целом.

— Минутку, — заинтригованный, Ворон оглянулся на собеседницу через плечо. — Врач работает с живой материей, а я с мёртвой.

Ответ у Оли был готов заранее.

— А помните в сказках: ворон приносит убитому витязю мёртвую и живую воду. Мёртвая вода лечит раны — синтезирует, а живая — обращает в жизнь.

Лис так бы и следил за беседой в немом изумлении, но увлечшийся Ворон не заметил брешь в асфальтовом покрытии, и машину ощутимо трянуло.

— За дорогой смотри! — юноша дёрнулся в сторону, прижав пассажирку к спинке сиденья.

— Прошу прощения, — Владимир Полозов вернулся к управлению.

Лис поспешно отодвинулся от девушки.

— Кажется, я вас отвлекаю, — виновато проговорила Оля.

— Мы как-нибудь обязательно продолжим этот разговор, — выпалил Лис и с надеждой посмотрел на братьев.

— Безусловно, — отозвался доктор Полозов.

* * *

«Ну, как?» — Кикимора встречала братьев Полозовых на пороге.

— Шестнадцать, — бросил Ворон.

«Чего шестнадцать?» — атмосфера в прихожей удивлённо сгустилась.

— А чего «как»? — усмехнулся Ворон.

Воздух ответил смачным хлопком.

«Опять издеваешься! Нашёл мишень для шпилек! Я тут из кожи вон лезу, а меня ни во что не ставят! Вот иди и сам свой автоответчик проверяй. Ничего докладывать не буду!»

— Ки, у нас был трудный день, — заметил Тур, снимая ботинки.

«Ужин я приготовила, — гордо откликнулась невещественная хозяйка. — Но я требую уважения к своей персоне, и ещё...»

Ворон оглянулся на брата, терпеливо выслушивающего требования Кикиморы, и направился в гостиную вслед за подозрительно прихитшим Лисом.

— Киселёв звонил, — сообщил он близнецу, успевшему за рекордно короткий срок договориться с привидением о её правах.

— И?

Ворон включил запись.

«Полозов, откуда ты добыл это дерьмо? Ты представляешь, что это такое?! Я такой концентрации диоксинов отродясь не видел! Перезвони мне».

Тур взял трубку.

Разговор затягивался. Кикимора сновала между кухней и гостиной,

делая вид, что всецело занята хозяйственными заботами, но внимание её было привлечено исключительно к телефонной беседе. Всеволод Полозов ограничивался короткими репликами, но тональность разговора легко угадывалась по его помрачневшему лицу. Дед тревожно следил за Туром из своего любимого кресла. Ворон прохаживался взад-вперёд, нервно пожёвывая давно не стриженные усы. Галатея, подчиняясь настроению хозяев, нетерпеливо скребла лапой свою подстилку.

— С меня причитается. Спасибо... Не бери в голову. Я всё понимаю, — закончил Всеволод Полозов.

Трубка возвратилась на рычаг.

«Ну?» — вырвалось из сумрака коридора.

Тот же вопрос застрял в глазах Ворона.

— Основное было на автоответчике, — пояснил Тур со вздохом. — Никаких официальных бумаг Киселёв дать не может. Его уже вздрючили за самостоятельность с нашими пробами. А он к тому же растрезвонил о диоксидах по всей лаборатории.

— Это же Киселёв! — Ворон развёл руками.

— В общем, подписей и печатей у нас нет. Анализ крови я заберу в лучшем случае завтра после полудня.

— Опиши ситуацию с точки зрения химика. На грамотное письмо и без печати обратят внимание.

— Если найдётся грамотный читатель письма, — Тур криво усмехнулся.

— Брат, даже с тем, что у нас имеется, нужно выходить на «органы», — поднажал Ворон. — И немедленно!

«Лис, а Лис, там, в гостиной, близнечики опять в дебаты ударились! — Кикимора бодро выплыла из стены комнаты. — Эй, тебе разве не интересно?»

— А?

Юноша рассеянно взглянул на блазень.

«Лис, тебе опять влетело?»

— Нет. С чего ты взяла?

«С твоей мордашки. Тебя как будто мешком по башке огрели!»

Лис встряхнулся и растянул губы в улыбке.

— Всё в порядке, — сообщил он.

«Ты что, влюбился, что ли?» — беззастенчиво спросила Кикимора.

— Во, сказанула! — взвился парень. — Никуда я не влюбился...

Ручки и карандаши в карандашнице весело стукнули друг об друга.

«Ой, завирать-то! А ну, колись. Она какая?»

— Отвяжись, — Лис насупился.

«Ладненько. Потом расскажешь, — смилостивилась призрачная подруга. — И учти, я ревновать не собираюсь. Не дура же я, в конце концов. Ведь я тебе как сестра. Правда?»

Лис поднял глаза. Кикимора висела перед ним невидимым облачком, и о присутствии её говорил сейчас лишь тонкий неопределённый аромат. Лис непроизвольно потянул носом. Пахнуло уютом. Ненавязчивые запахи горячего камня и свежей хвои, тёплого хлеба, кофе и сигаретного дыма, электроники и книжной пыли, сладковатый — бензина и едкий медицинский душок сплелись в многоликий букет. Так представился чуткому обонянию родной дом.

— Правда, Ки, — тихо ответил Лис.

День двадцать первый

— Да как же я тебе пройду туда, где не был ни разу, ядрён-батон! — Дед возмущённо приподнялся над креслом. — И это, распишусь на бумажине?

— Я буду стоять под окном. Прокуратура на первом этаже и...

Тур отрицательно качнул головой. Ворон замолчал.

— Идея неплохая, но, увы, не реализуемая, — подытожил доктор Полозов и посмотрел на часы. — Всё, время вышло. Мне пора на дежурство. Отложим до завтра.

— Удачи! — запоздало среагировал Ворон.

Лис поднялся, посчитав, что вопрос исчерпан. Обсуждение в столь ранний час, по его мнению, и должно было закончиться ничем, поскольку трезвые мысли ещё не проснулись, а изощрённые фантазии, навеянные сном, в семействе не приветствовались никогда.

«Ворон, а Ворон, — подала голос Кикимора, — давай я отнесу заявление. Пусть Лис вместе со мной пройдёт по кабинетам, а я потом по той же дорожке, только одна. А?»

— Прокуратура берёт к рассмотрению либо письменные документы, присланные почтой, либо личные заявления граждан. Личные, — Владимир Полозов подчёркнуто повторил ключевое слово. — То есть, представленные личностью. Дед худо-бедно на эту роль потянет. С моим участием. А вот ты, детка, не подходишь. Извини.

Чайная ложка печально звякнула о блюде.

— Ворон, — Лис оживился, — если уж ты так не доверяешь почте, что мешает просто записаться на приём к прокурору? Я могу сходить,

например.

— Например, нам мешает наша звучная фамилия. Как только Беляк пронюхает, что Полозов — не важно, который именно — наведывался в природоохранные органы... Короче, сам вычислишь результат. И, кстати, что ты ответишь прокурору на первый же законный вопрос: каким боком вы, молодой человек, связаны с упомянутой деревней и этой самой свалкой?

— Слышь-ка, Ворон, — позвал Дед из кресла, — почто вы вокруг своих персон крутитесь? Пошли бы в сельсовет, объяснили всё, подсказали, как бумажину написать и куды делегацию отправить. Народ-то, он, знаешь, за своё здоровье не меньше вашего радеет.

— Народ? — Владимир Полозов обернулся к призраку. — Я этот народ насилу убедил анализы сдать. Ради их же здоровья.

— Э, погоди, — Дед прищурился, — ты разве хоть одной мыслью дал им понять, зачем взаправду к ним медики прикатили? Не дал. А я, это, вам сразу сказал: нечего в прятки играть. Начали хорошее дело, так заручитесь людской помощью. Для людей, но без людей — это, помнится, ещё в семнадцатом году проходили. Чего получилось-то?

— Ты ещё Французскую революцию вспомни, — Ворон опёрся ладонями о стол и нехотя поднялся.

— Французскую не знаю, а про нашу родимую от своего деда много чего слышал, — не унимался болотник. — И про то, как хороших мужиков в тьму-таракань ссылали, и как повсюду пожары пылали, и про продрозвёрстку тоже, и про...

— Стоп.

Дед, застигнутый на взлёте эмоций, замер над креслом, будто плакатный оратор на трибуне. Ворон медленно развернулся к призраку лицом.

— Пожары пылали, говоришь... Так. История подождёт.

Лис с опаской покосился на старшего брата. Слишком уж горячими были его глаза.

— Дед, ты нам поможешь?

Болотник поёжился под огненным взглядом.

— Ты это, полегше. Я ж не отказываюсь. Просто не могу. Не могу я пройти, куда не знаю дороги.

— Дед, — Ворон быстро приблизился к призраку и присел на корточки перед креслом. Огненная буря в бездонных глазах сменилась букетом ярких искр, — мы пойдём вместе. Ты обернёшь меня собой.

— Оп-паньки!

— Одному блазению это удалось. Он забрал меня в свою локальную информационную среду, как в Переход, и я оказался вне времени и вне огня. А теперь я пойду под прикрытием твоей информации, с твоим лицом, но не промеж берегов того и этого света, а непосредственно в существующей реальности. Сам поговорю с прокурором, покажу фотографии и подпишу любые бумаги. Они устроят проверку, и, убедившись в правоте наших слов, откроют дело. И порядок! Более ничего не требуется. Главное, запустить этот чёртов бумажный механизм!

Образовалась недоуменная пауза.

— Ворон, — неуверенно вмешался Лис, — а не проще последовать совету Деда и сходить в сельсовет?

— Лис! — Владимир Полозов гневно глянул на брата. — Я тебе потом объясню про сельсовет. Договорились?

Вторая часть реплики была сказана вкрадчиво милым тоном, и юноша поспешил исчезнуть из поля зрения автора сумасшедшей идеи. А тот вновь обратился к болотнику.

— Решайся, Дед. Давай. Ведь получится!

— Ты это, сынок, пыл-то поубавь, — озадаченный, болотник втёк в кресло. — Я попробую, конечно, но вдруг чо не так пойдёт?

— Я буду без очков, — обезоруживающе улыбнулся Ворон.

Из машины Ворон позвонил брату в больницу, и телефонный спор затянулся на полдороги. Доктор Полозов совсем не приветствовал замысел близнеца. Более того, считал поход в прокуратуру преждевременным на фоне изменившихся обстоятельств. А именно, результатов анализов из лаборатории, которые в данный момент лежали на столе главного врача областной больницы. По словам Тура, главврач, потрясённый итогами проверки, уже готовил письмо в облздравотдел администрации и в службу санэпиднадзора. Ворон, в свою очередь, доказывал необходимость скорейшего объявления проблемы диоксинов сразу нескольким инстанциям независимо друг от друга. Под пламенным напором близнеца Тур отступил. Лис расслышал его невнятное: «Вероятно, ты прав».

— Ты его не убедил, — заметил Лис, когда брат убрал сотовый.

— Формально убедил. А фактически — жизнь рассудит. Кому-то следует уступать в таких ситуациях. Ради дела. Тормози. Приехали.

Борис Полозов послушно подвёл машину к тротуару.

Ворон аккуратно достал из кармана невесомые перчатки и тщательно натянул на кисти. Затем задумчиво снял очки.

— Держи, — чёрные окуляры оказались в руках Лиса. — Дед, готов?
— Э-эх, — вздохнуло привидение. — Придумал тоже! Это тебе не игры с фанерками.

И ворчливое пространство сгустилось над Владимиром Полозовым. Тот непроизвольно поёжился.

— Порядок. Держись, Дед. Начинаем.

Из шикарного тёмно-синего БМВ тяжело выбрался сгорбленный старик в высоких резиновых сапогах. Он медленно пересёк проезжую часть, потоптался возле приоткрытой двери государственного учреждения и шагнул вовнутрь.

У Лиса азартно перехватило дыхание. Много бы он дал сейчас за то, чтобы проследовать за братом в рискованную авантюру. Прикрывать тыл было весьма почётным заданием, но, увы, чрезмерно скучным.

Поползли тягучие минуты. Лис то и дело поглядывал на пешеходный переход, где, по его мнению, вот-вот должен был показаться брат.

Вдруг требовательный стук в окно разбил натянутое ожидание.

В первый момент Лис растерялся. Никаких указаний для подобной ситуации у него не было. За тонированным стеклом маячила наглаватая рыхлая физиономия, а чуть поодаль, на тротуаре, высился лобастый детина в чёрной майке. Единственное, что отличало этот экземпляр от плеяды таких же «шкафов с золотыми печатками», был яркий дугообразный шрам над правой бровью.

Стук повторился. И юноша, сдерживая участившееся дыхание, медленно опустил стекло.

— Проблемы? — спросил он и удивился грубости собственного голоса.

Наглаватая физиономия поспешно отстранилась.

— Твоя тачка? — вопрос прозвучал неуверенно.

— Какие проблемы, спрашиваю? — огрызнулся Лис. На сей раз умышленно.

— Извини. Обознался.

«Шкаф», тупо созерцавший номерной знак машины, что-то сказал приятелю, и оба удалились в направлении платной автостоянки.

Лис поспешно закрыл окно. Похвастаться успехом было некому, поему он ограничился ободряющим кивком самому себе.

Высматривая бесформенную фигуру возле здания, где располагался следственный отдел прокуратуры, Лис теперь периодически обращал взор на часы. Старший брат и его призрачный помощник отсутствовали уже тридцать минут. Лис начал подумывать о звонке Туру,

который, безусловно, контролировал сейчас действия близнеца.

Хлопнула дверца.

Лис подскочил, как ужаленный.

— Ты откуда? — вырвалось у него.

Ворон тяжело плюхнулся на сиденье. Следом за ним в салон втёк Дед.

— Поехали.

Юноша торопливо повернул ключ зажигания.

— Всё в норме, — продолжал брат. — Не спеши. Выруливай куда-нибудь за город. Мне отдышаться нужно.

— Ты это, Ворон, голова как? — поинтересовался всключенный Дед.

Собраться в свой обычный вид он не успел и раскачивался по салону, будто сказочный джинн с туманным «хвостом» вместо ног.

— Бывало хуже, — буркнул Ворон.

— Что случилось? — рискнул полюбопытствовать Лис.

— Сплоховал я, — удручённо доложил болотник. — Сорвался, старый пень! В самый нужный момент стёк в пол! Ты уж прости, сынок.

— Справились, Дед. Порядок, — Ворон улыбнулся и, не отрывая затылка от высокой спинки сиденья, слегка повернулся к потустороннему другу.

— Он это, четырём бабам разом доказывал, что его тама нету, — пояснил блазень Лису. — А бабы, они, знаешь, глазам-то как верят!

— Главное, я успел им «паспорт» показать до того, как сбой пошёл, — вставил Ворон и ослабевшей рукой поднял красную картонку, игравшую роль документа. — Всё. Эта партия за нами.

* * *

Доктор Полозов открыл дверь ординаторской и приостановился на пороге. В кабинете вокруг накрытого праздничного стола собрался едва ли не весь персонал отделения, включая заведующего.

— Всеволод Васильевич! — молодой хирург, работавший в бригаде Полозова, а ныне числящийся в отпуске, радостно выскочил на встречу. — Присоединяйтесь!

— По какому случаю пир? — осведомился Всеволод Полозов.

Подобные сборища новостью для него не являлись. Коллектив с удовольствием отмечал дни рождения, официальные праздники и прочие приятные события. Однако на сей раз нечто особенное сияло над присутствующими.

— У меня сын родился! Представляете! Мальчишка родился! — воскликнул врач.

Тур почувствовал, как в ладонях вспыхнуло живительное тепло.

— Всеволод Васильевич, с вас тост! — потребовала раздумывавшая Лидочка.

Усаживаясь за стол, он заметил приготовленный для него прибор. Поджидавшая своего часа рюмка была тотчас доверху наполнена традиционным прозрачным напитком, и яркие взоры коллег обратились к доктору Полозову.

— Когда на свет появляется человек, — негромко начал он, — где-то в небосводе загорается новая звезда. То отражение пришедшей в мир живой души. И чем сильнее становится человек, тем ярче сияет его звезда. Пожелаем, чтобы звезда новорождённого горела долго и озаряла небо подобно солнцу.

За столом раздались дружные аплодисменты.

Добрые слова и искренние улыбки сопровождали весёлую трапезу не менее часа. Всеволод Полозов улучил момент, когда Лидочка выскочила за посудой, вышел следом и, остановив её около «се-стринской», поинтересовался о подарке.

— Мы деньги собрали, — шёпотом доложила медсестра. — Что успели. Он хоть бы позвонил заранее!

— Вложите заодно, — Всеволод Полозов передал ей две фиолетовые купюры.

Лидочка ахнула.

— Никому ни слова, — предупредил он.

Конверт вручили в сопровождении пламенной речи кого-то из штатных хирургов и завершили поздравление очередной стопкой. Доктор Полозов осушил свою и не без тревоги украдкой оглядел компанию. У большинства сотрудников рабочий день подходил к концу, а дежурной бригаде предстояло работать до утра. Но это обстоятельство, похоже, ничуть не смущало празднующих. Не понравилось доктору Полозову и настроение начальника. Чем больше звучало ободряющих слов в адрес молодого отца, тем мрачнее становилось лицо заведующего.

— Ну, ребята, вы даёте! — реплика сорвала брэнчащий перезвон бутылки. Врач заглянул в конверт. — Это ж даже на коляску хватит с гаком!

— Теперь тебе трудиться и трудиться, — вдруг оживился заведующий. — Без отгулов и выходных. Отцовство — дело непростое.

— Материальное придёт, — перебил Всеволод Полозов, приподнимаясь. — А я предлагаю выпить за то, что всегда сопутствует человеку. За то, что является великим богатством каждого: за родителей.

Нет будущего у того, кто не помнит прошлого. Память предков, вставшая за спиной с рождения, сопровождает человека на жизненном пути. Хранит от невзгод, дарит мудрость и духовную силу. Отец, помни корни свои и научи сына нести эту память по долгой дороге жизни.

Над столом повисла тишина. До притуплённого алкоголем сознания присутствующих медленно доходил смысл прозвучавших слов.

— Всеволод Васильевич, — выдохнул молодой хирург, — вы прям... как... Я это навсегда запомню. Как здорово сказано! Спасибо, Всеволод Васильевич!

Он залпом осушил стопку. Остальные последовали его примеру, и посыпались разрозненные хвалебные реплики в адрес автора неординарного тоста. Заведующий метнул недобрый взгляд на дежуранта. Доктор Полозов ощутил холодок, коснувшийся правого плеча, и осторожно посмотрел в сторону начальника. Над ним висела вязкая чёрная плёнка. Тур напрягся, готовый ухватить незваного призрачного гостя и скомкать в кулаке, однако в следующую секунду понял, что потусторонних субъектов поблизости нет. Тьму и мёрзлость источал дух человека, зажатого в тиски зависти и бессмысленной злобы на весь неустроенный для его персоны мир.

Затрещал телефонный аппарат.

— Хирургическое! — весело крикнула в трубку врач, сидящая ближе других к телефону.

Выслушав сообщение, женщина изменилась в лице.

— Из приёмного нам везут, — проговорила она и тревожно посмотрела на старшего дежуранта.

Всеволод Полозов поднялся.

— Встречу.

— Огнестрельное проникающее брюшной полости, — медленно продолжила невольный диспетчер.

Члены дежурной бригады нерешительно принялись вставать из-за стола.

Доктор Полозов невозмутимо кивнул и направился к дверям.

— Я не разрешаю вам оперировать! — вдруг выкрикнул заведующий.

Сотрудники отделения растерянно застыли на своих местах.

— По какой причине? — спокойно осведомился хирург.

— Вы пьяны, Полозов.

— Один и тот же процесс не для всех заканчивается одинаковым результатом.

Он вышел в коридор и уверенно зашагал в предоперационную.

Положение было более чем неприятным, Всеволод Полозов это прекрасно понимал. Однако тратить драгоценные минуты на споры с начальником не собирался. Равно как не стал утруждать себя анализом причин беспечного поведения бригады за праздничным столом.

Грохнула дверь ординаторской, и по коридору прокатилась сбивчивая дробь быстрых шагов.

— Полозов!

Он вынужден был остановиться. Заведующий нагнал его в рекреации.

— Я не позволю вам!..

— Прекратите, — оборвал хирург. — Вы прекрасно видите, что я трезв.

— Если вы переступите порог операционной, я немедленно звоню начмеду! Вас вышибут из больницы завтра же!

— Завтра и обсудим. А сейчас я должен быть с пациентом. Вы радуете за отделение, не так ли? Уверяю вас, репутация его не пострадает.

Помощник хирурга, анестезиолог, Лидочка и вторая медсестра приблизились к доктору Полозову, невозмутимому, как скала, и к взбешённому заведующему, пританцовывающему от возбуждения.

— Коллеги, — врач обратился к членам своей бригады, — я прошу вас готовиться к операции.

Приближаясь к дверям, за которыми мерцали синие кварцевые лампы, он слышал за спиной тишину. В сознании осела горькая мысль: придётся работать в одиночку. Это было не ново для доктора Полозова. Многолетний опыт операций в домашних условиях научил его успешно выполнять функции всех сотрудников бригады — от медсестры до реаниматолога. И всё же тяжёлая капля задела сердце. Бригада. Коллектив. С каждым шагом он удалялся от них безвозвратно, как будто опять уходил в Переход. Оставлял позади людей, яркие лица и открытые души которых вдруг рассмотрел сквозь туманную завесу безразличия, ещё недавно плотно висящую перед глазами.

«Ты не спасёшь его. Он уйдёт за мной», — холодный кровавый взгляд мелькнул в темноте.

— Я не отпущу без боя человеческую жизнь.

«Он мразь! Он подставил меня, и он умрёт. Ты не вытащишь его, док».

— Ты знаешь, кто я?

Кровавый след на стене зашипел.

«Здесь знают всё. Но ты один. Ты не победишь в этом бою. Не будь дураком, док. Отступи сейчас, пока не взял в руки скальпель».

Мразь подохнет, а ты отмоешься. Я даже помогу тебе отмыться. Я не хочу тебе зла. Мне нужен он».

Тур неопределённо усмехнулся, а сам подумал, что призренный мститель мыслит логично. Если он возьмётся оперировать один и проиграет, шумных последствий не избежать. Заведующий не преминет свалить прокол отделения на одного «пьяного» дежуранта. Если хирург отступит перед операционной, дело кончится общебольничным скандалом. И тогда он подставит под удар всю бригаду, но в первую очередь руководителя отделения, допустившего пьянку на рабочем месте. Это последнее недалёковидный молодой начальник ещё не понимает.

«Ты видишь, как паршиво складываются обстоятельства?»

— Сгинь. Я не продам человеческую жизнь за личное благополучие.

Всеволод Полозов толкнул перед собой двери, и синий кварцевый свет упал к его ногам.

И вдруг позади, в коридоре, стукнули об пол звонкие тапочки медсестры Лиды. Загудели половицы под тяжёлой поступью рослого анестезиолога, и эхом откликнулись шаги другого врача. Доктор Полозов замер на мгновение. В груди жарко воспрянуло сердце. А над руками, охватив пальцы, кисти и предплечья, вспыхнул призрак солнечного огня, как салют преодолевшим порог неуверенности и страха.

День двадцать второй

Ворон бросил смятую травину, и река проворно унесла стебелёк в журчащие просторы.

— Повезло фирмачу! А твоей бригаде и подавно.

Тур откинулся на прибрежный песок.

— Мы делали общее дело. Они стойко выдержали восьмичасовую операцию. После праздничной выпивки это было непросто.

— Догадываюсь. Но знаешь, опять и опять удивляюсь твоему профессиональному упрямству. Ты прекрасно видел, что у мужика шансы остаться в живых были близки к нулю. Зачем ты полез, да ещё и без перчаток? Ты же фактически просто прикрыл задницу своего придушоного заведующего.

— Мы спасли человека, Ворон. Не важно, кто он: мразь, гений, пьяница или президент. Он живой человек. А про зава я думал меньше всего. Кстати, он сам всё испортил. Сгоряча позвонил начмеду.

Ворон повернулся к близнецу.

— И что? — на лице расписалось нескрываемое любопытство.

— Догадайся с трёх раз, — Тур подмигнул.

— Сдаюсь без боя. Слишком много красочных вариантов на горизонте.

— Бригаде объявили благодарность.

Ворон сморщил лоб. Тур повёл бровью в его сторону, но уточнять пока не собирался.

— Не понял... Ага! — он просветлел. — Так это ты с начмедом разговаривал в час ночи?

— Именно. Она совсем недавно была оперирующим хирургом. После звонка шефа бросила все дела и поднялась к нам в операционную отстаивать честь клиники. Присутствовала до конца. Потом мы поговорили.

— А как твой шеф себя чувствует теперь?

— Это его проблемы. Я сдал дежурство и отправился в отпуск.

Ворон рассмеялся.

— Я тобой восхищаюсь, близняшка! Итак, отмечаем начало твоего отпуска?

— На счёт «три». До того берега и обратно!

Разрешение на «шестёрку» Лис получил сразу же, как только объяснил Туру, куда собирается поехать.

— Вы договаривались о встрече? — удивился старший брат.

— Нет. Но я её найду, — уверенно заявил юноша.

Он действительно не сомневался, что найдёт Олю. И не где-нибудь, а в огороде небольшого частного домишки. Картина, представшая перед его глазами в реальности, точь-в-точь повторяла ту, спонтанно возникшую утром перед вещим взором. Оля в спортивном костюме и косынке, из-под которой виднелись густые пряди тёмно-русых волос, сидела на корточках возле цветочной клумбы и тщательно выпальывала сорняки. Бабуся, хозяйка дома, копалась поодаль в грядках клубники.

Лис бесшумно приблизился к калитке.

— День добрый.

Оля подняла голову.

— Борис?

Борис Полозов заранее заготовил не менее десятка речей для этого случая, но в результате произнёс незапланированное:

— Вот заехал предложить вам субботнюю прогулку.

Бабуся недоверчиво оглядела молодого гостя, осталась удовлетворена увиденным и невозмутимо вернулась к своим грядкам.

— Я бы с удовольствием, — девушка опустила глаза, — но я бабушке обещала...

— Езжай, езжай, — хозяйка махнула ей рукой. — Сорняки не убегут. А кавалеры ждать не будут.

Реплика ввергла в смущение обоих. Оля безо всякой необходимости поправила косынку, а Лис потёр вспотевшую шею под воротом белоснежной рубашки. Посмотрев друг на друга, юноша и девушка улыбнулись.

— Я выйду через минутку, — сказала Оля.

— Спасибо, — вырвалось у Бориса Полозова. — Буду ждать в машине.

Вопрос, заданный недавно брату: о чём беседуют с девушками, решился для Лиса без специальных усилий. Через полчаса автомобильной прогулки по окрестностям города он не обнаружил ни набора условностей, присутствующих в разговоре первые минуты, ни налёта неестественности, ни чего-либо, утяжеляющего общение. Единственное, что мешало непринуждённому разговору, это необходимость постоянно следить за дорогой.

— Борис, давайте лучше пешком погуляем, — предложила девушка. — По-моему, вам совсем неуютно за рулём.

Лис признался, что машины недолюбливает, и охотно принял предложение. Исходив вдоль и поперёк весь центральный район города, молодые люди забрели на театральную площадь.

— Как вы относитесь к кино, Оля? — осведомился Лис.

Девушка поискала глазами афишную тумбу.

— Честно говоря, последнее время отрицательно, — несколько неуверенно сообщила она.

Борис Полозов проследил за её взглядом: «Дьявольское задание (мистический боевик)», «Кровавая резня в Манхэттене (боевик)», «Давай спать вместе (убойная комедия)». Он понял, что поспешил с вопросом.

— Пожалуй, я того же мнения, — согласился он. — Может быть, зайдём в кафе?

Но Олю привлекло нечто иное.

— Сегодня поют «Князя Игоря», — пробормотала она, вздохнула и пояснила. — Я оперу люблю. Вам это, вероятно, покажется старомодным.

— Ничуть! — оживился Лис и шагнул в сторону драмтеатра, над парадным подъездом которого растянулась строгая афиша с представ-

лением гастролёров из северной столицы. — Идёмте.

— Борис, я уже пробовала туда попасть, — Оля отвернулась. — Нам это не по карману. Даже самые дешёвые билеты стоят больше моей стипендии.

— Какие проблемы!

Девушка насторожилась.

— Вы успеваете и учиться, и работать?

— А при чём тут... — Лис осёкся. — В общем, пусть этот вопрос вас не беспокоит.

— Борис, мне просто неудобно, — она отступила.

Юноша растерялся. Нить взаимного контакта надорвалась и в самом неожиданном месте. «Будь самим собой», — всплыло наставление Ворона.

— Оля, — Лис набрался смелости посмотреть ей в глаза, — я пока нигде не работаю. Более того, братья оплачивают моё образование. У них есть такая возможность. Сегодня Всеволод и Владимир разрешили мне распоряжаться финансами так, как я считаю нужным. Мы с вами хотим попасть в оперу?

Она согласно склонила голову. Борис продолжал.

— Следовательно, никаких препятствий на пути вашего желания я не допущу.

И он отважно протянул девушке руку. Оля чуть заметно улыбнулась и вложила свою в открытую ладонь юноши. Лиса окатила горячая воздушная волна. Показалось, что за спиной из-под пылающего зноем асфальта поднялись горячие кольца Огненного Полоза. Он застыл, ожидая отцовского слова, но ничто извне не мешало человеческим чувствам, вспыхнувшим в глубинах молодого сердца.

— Идёмте, — уверенно повторил Лис, увлекая Олю под сень белых монументальных колонн театрального подъезда...

Из зала молодые люди выходили последними, не замечая, что крепко держат друг друга за руки. Магнетизм оперы отпустил впечатлительную пару лишь возле театрального сквера. Оля встрепенулась.

— Ария князя Игоря до сих пор у меня в ушах звучит, — проговорила она и обратила взор на задумчивый лик Пушкина, застывший в бронзовом молчании.

— Он, наверное, тоже думает о свободе и России, — выговорил Лис, вглядываясь в полуприкрытые глаза поэта.

— Или о своей чести, — подсказала Оля. — Этот памятник назы-

вается «Перед дуэлью».

Лис моментально представил трагедию на Чёрной Речке, и ему показалось, что сама смерть расписалась на угончённом лице, созданном талантливой рукой скульптора.

Под порывом ветра низко поклонились земле голубые ели, высаженные вдоль дорожек сквера, и серое небо, затянутое тучами, вдруг расцвело багряными красками заката. Безо всякой видимой причины у Лиса ёкнуло сердце.

— Дождь собирается, — Оля поёжилась.

Борис Полозов накинул на её плечи свой пиджак.

— Поедем куда-нибудь?

— Мне бы очень хотелось, но пора домой. Спасибо, Борис. Такого прекрасного дня у меня никогда ещё не было.

Он улыбнулся и бережно взял девушку под руку.

Что-то колючее опять шевельнулось в груди.

— Борис? — насторожилась Оля.

— Ничего-ничего. Просто... такое чувство, что дома как-то неладно, — он встряхнул головой. — Надеюсь, показалось.

— Вы меня пугаете, — прошептала девушка. — У вас потрясающая невербальная связь с братьями, и теперь...

— Ерунда, — Лис сделал на лице нечто вроде улыбки.

Он доставил девушку в посёлок, соблюдая все правила дорожного движения на опустевших улицах. Голова гудела в тон мотору, причём Лис к ужасу своему понимал, что это не его собственная боль. Оля почувствовала состояние товарища, но в салоне не прозвучало ни единого вопроса.

— Позвоните мне, — попросил Лис, когда девушка взялась за штатетник калитки. — Завтра позвоните, хорошо?

— Обязательно, — кивнула она. — Не волнуйтесь, Борис. Я думаю, у ваших братьев всё в порядке. Просто вы со мной чуть-чуть устали. До свидания.

Она ласково тронула его руку на прощанье и скрылась за калиткой.

Лис бросился к машине.

По Окружной он гнал, как сумасшедший. Стрелка тахометра несчастной «шестёрки» отчаянно шкалила, когда водитель изо всех сил жал газ, забывая про коробку передач. Мотор надсадно ревел в ответ.

— Ты только не подведи нас, — шептал Лис потрепанному «жигулёнку». — Умоляю, не подведи!

На перекрёстке, где пришлось затормозить, юноше привиделся

блазень. Что-то качалось под информационным щитом и силилось дотянуться до машины.

— Сгинь, — процедил парень сквозь зубы.

Куда последовала нежить, он не видел. Равно как не заметил огненного шлейфа, мчавшегося вслед за автомобилем. В первых струях дождя почудились холодные руки Пятницы. У Лиса помутнело в глазах.

Трасса. Виадук. Скорость. Дождь. Чужая серебристая машина и слишком знакомый профиль за стеклом. Машина врезается в отбойник и взлетает над пропастью. В небо взвивается столб огненно-чёрного дыма...

— Нет!!

Лис не понял, как оказался на обочине. Оглянувшись на «шестёрку» с распахнутой водительской дверцей, он медленно перевёл взгляд на шоссе. Из-за дождевой завесы пробились круглые пятна света. Секунду спустя мимо проехал рейсовый автобус, успешно миновал виадук и скрылся в мокрой мгле.

Юноша медленно вернулся в салон «жигулёнка». С опаской взялся за ключ, надавил на газ... Мотор охотно ответил. Лис облегчённо вздохнул. Видение растворилось окончательно, и взбесившееся сердце вернулось в свой привычный ритм.

* * *

Программа-дешифровщик медленно раскручивала клубок хитроумного кода. Ворон тоскливо смотрел на результат, всплывающий строка за строкой. Из всех вариантов этот казался лучшим, однако после четырёх корректировок алгоритма слабо верилось в правдоподобность относительно членораздельного текста.

Какого чёрта я в него вцепился? — мелькнула усталая мысль.

Программист тряхнул отяжелевшей головой и задумчиво взялся за толстую ручку кофейной кружки. У него в запасе имелось уже пять банковских счетов, три отчёта по сделкам месячной давности и номер пейджера какого-то исполнителя вроде «Чижика-Пыжика». Более чем достаточно для нетерпеливого Беяка.

Зашевелились жалюзи на закрытом окне.

«Ворон, ты скоро из сети вылезешь?»

— Подожди, детка.

«Ну, Ворон, тебе ведь уже надоело. А меня в чате ребята ждут».

— Сейчас ещё раз попытаюсь вломиться к Беру в комп, и если ничего не выйдет, Интернет твой до утра.

Ворон привычно ввёл маскировочные адреса, подвёл «мышь» к

кнопке «ОК», и вдруг отдернул руку.
— Ки, ты последняя в сети болталась?
«Я, а что? Вы меня тут одну бросаете на целый день! Что ж мне, без дела сидеть?»
— Ты маску вводила? — тихо спросил хакер.
«Конечно!»
— А почему я не вижу твоей строчки в протоколе?
«Ой-й. М-мамочки... — густая сфера, окружавшая Ворона, отпрянула. — Кажется...»
— Раззява!
Ворон торопливо открыл «окна» тестовых программ.
«Ворон, извини, пожалуйста. Я нечаянно. Я больше не буду!»
Пустота испуганно наблюдала за сосредоточенным лицом хакера.
— Всё в норме пока, — он отодвинулся от компьютера и нашёл глазами дымчатую кляксу, распластавшуюся под потолком. — Но умоляю, будь внимательнее.
«Клянусь!» — оживилось привидение.
Ворон вернулся к прерванному занятию. Бера он обнаружил быстро. Попортив друг другу два маршрута, хакеры разминулись в электронных просторах, но дуэль на этом не прекратилась. Ворон подбросил противнику «червяка», проползшего по серверам и «сожравшего» установленные соединения, а Бер в свою очередь ухитрился запустить на один из почтовых ящиков Владимира Полозова «мусорную бомбу».
— В отличие от тебя, косолапый, я не пользуюсь почтой для важных переговоров, — уведомил Ворон бесстрастный терминал и без сожаления уничтожил содержимое ящика полностью. — Ну как, угомонился?
Он прошёлся по нескольким конференциям, где противники взяли моду обмениваться словесными колкостями, ничего интересного не обнаружил и смеха ради отправил виртуальный шуп на сетевой адрес, который с большой вероятностью принадлежал серверу Бера.
«Пароль?» — вдруг откликнулся компьютер.
Ворон шумно втянул воздух и закусил ус. Долгожданная удача? Хитрая ловушка? Фатальная оплошность неприятеля?
Пальцы замерли над клавиатурой.
«Пятница», — неуверенно легло на экран в транслитерации.
«Доступ запрещён», — отпечаталось в ответ.
Ворон попробовал то же, но по-английски. Затем прописными буквами.

— Так сто лет можно подбирать, — проворчал он себе под нос и ни с того ни с сего ввёл: «Симаргл».

Экран на мгновение погас.

«Введите команду», — предложил открывшийся компьютер.

— Чёрт побери! — ахнул Ворон. — Ну, привет, Бер. Не ожидал от тебя такой бряки.

Для начала он снял все лог-журналы и адресные книги, а заодно выпотрошил директории, напоминающие хранилища электронной корреспонденции. Соединение сохранялось. Кое-как придерживая азарт за узду, Владимир Полозов сделал копию структуры электронного пространства и, пока CD-привод с урчанием прописывал информацию на диск, подsunул ротозею-хакеру программу, призванную вылавливать пароли.

— Если ты и это не заметишь, ты совершенный ламер, — бормотал Ворон. — Куда ж ты там смотришь?

Он взялся за второй вражеский диск. От напряжения перед глазами пронеслись ярко-алые искры. В ушах гудел десяток далёких колоколов, но Ворон проигнорировал тревожные сигналы организма. В списке мелькнули файлы, в именах которых явно просматривались даты.

— Отлично!

Он ввёл команду копирования. Не сработало. Хакер удивлённо тряхнул головой и скривился от нарастающей боли в затылке. В следующую секунду причину сбоя он определил: в строку команды вкралась синтаксическая ошибка. Ворон повторил набор. Пальцы слушались плохо, но он для простоты списал сей факт на собственную поспешность.

Ограбление всё ещё оставалось незамеченным.

Ворон приостановился.

— Шлёпнули тебя там, что ли? — произнёс он.

Возбуждённая фантазия немедленно проиллюстрировала мысль красочной кровавой картиной погрома в квартире противника-программиста: коричневый ковёр, расчерченный крупными клетками, розовое солнце за грязным окном и алые кровавые пятна.

Кровь.

Ворон уставился в тусклый монитор и несколько раз сморгнул. Кровавая пелена не пошатнулась. Он отвёл взгляд от компьютера, оглянулся на стены, столы и потолок. Краснота, будто стёкла цветных очков, продолжала висеть перед глазами, а предметы и мебель плавно

поплыли в разные стороны.

Он ухватился за край стола, автоматически протянул руку к диску-воду и нашёл пальцем кнопку. Щелчка выехавшего диска он не услышал. Гул в ушах затмил все внешние звуки. К горлу подпрыгнул кислый комок.

Вернись ко мне, сын мой!

Ворон задержал дыхание. На полевшем мониторе мерцала неясная тень.

Вернись домой, мой богатырь. Коварный Змиулан-змея обманул тебя. Забери то, что отдал ему, и возвращайся... Возвращайся с победой. Твои воины ждут тебя...

Ворон вскочил. Поручень подвижного кресла выскользнул из-под руки, оставив огорошенного хозяина безо всякой опоры.

Вернись...

Ему показалось, что невидимые клешни цепко обвили бунтующую голову.

Забери то, что отдал змею. Возвращайся ко мне, мой огненный Симаргл.

Отчаянный всплеск затухающего сознания вытолкнул наружу зажатые в сердце слова.

— Два как один...

Дверь серверной распахнулась с оглушительным треском.

— Ворон!

— Не подставляю... брат...

Тур подхватил обмякшее тело и опустил на пол.

— Ворон, что с тобой?!

«Смотри, смотри! На экране! — компьютерный стол качнулся, будто от мощного толчка. — Этот гад его убить хотел! Ну, всё, мерзавец! Ты — покойник!»

Тур рывком расстегнул ворот рубахи близнеца и прижал ладонь к его груди. От рук стремительно уходило тепло.

— Нет! Ворон, очнись!

Он подхватил брата под плечи, намеревался встряхнуть и вдруг замер. Нельзя! Ещё не осознав причин и последствий, Тур аккуратно прислонил вялое тело к широкой тумбе и быстро опустил холодную руку на побелевший лоб брата. Вместо оглушённого ужасом человека на сцену действий вышел бесстрастный профессионал.

— Ворон, ты чувствуешь меня, я знаю. Соберись, близняшка. Дыши ровнее... Молодец. Не двигайся, успокойся. Всё будет хорошо.

Он мягко обнял его голову студёными ладонями. Ворон издал нечленораздельный звук, близкий к стону.

— Всё будет хорошо. Ты сильный тренированный парень, — неторопливо продолжал Тур.

— Ядрён-батон! — ахнули в дверях. — Сынки!

— Дед, принеси лёд, — распорядился доктор Полозов, не оборачиваясь.

— Бегу. Уже бегу!

Призрак выполнил бы поручение гораздо быстрее, кабы не спешил. Холодильник открылся с десятой попытки, морозильная камера упрявилась ещё дальше. Но половину лотка Дед всё-таки доставил по назначению.

— Что делать-то? — пробормотал он, глядя как Тур, завернув ледяные кубики в салфетку, методично прикладывает компресс к вискам и лицу Ворона.

— Мне нужна ампула неофелина и шприц, — обронил доктор Полозов, глянул на перепуганное привидение и переиграл сценарий. — Дед, побудь с ним минуту.

— А вдруг что случится? — простонал болотник.

— Всё будет хорошо, — уверенно повторил врач.

Дед неуклюже присел возле больного. Болотная сырость наполнила атмосферу помещения, коснулась безвольного тела, потекла в лёгкие. Ворон шевельнулся.

— Сервак... отключи... монитор... — слова тяжело осели на посиневших губах.

— Ты это, молчи, сынок, молчи. Щас чо-нибудь соображу... Ки! Поди сюда!

Кикимора не ответила. Зато в серверную, неуверенно виляя хвостом, зашла Галатhea. Приблизилась к человеку, призывно заскулила и принялась вылизывать покрытое испариной лицо. Вернувшийся Тур мягко отстранил овчарку. Сквозь приоткрытые веки Ворон безучастно наблюдал за блестящей иглой, нырнувшей в вену. На выбеленной коже показалась крошечная алая капля. В ушах грохнули забытые колокола.

— Тур... Она... — Ворон сделал попытку податься вперёд.

Тур придержал брата, опустился на пол рядом и подставил своё тело в качестве имитации спинки кресла.

— Ничего у неё не выйдет, близняшка. Будь спокоен. Минут через десять я перенесу тебя на диван, договорились? А пока расслабься и

постарайся не двигать головой.

— Что со мной? — Ворону, наконец, удалась более или менее стройная фраза.

— Ничего страшного. Небольшой спазм сосудов, — уверил доктор Полозов.

— Врёшь, — брат сумел улыбнуться.

— Слегка, — признался Тур.

— Бер атаковал... — Ворон поморщился, поскольку кислый комок опять зашевелился в горле. — Что-то на мониторе.

Тур оглянулся на чёрное стекло экрана. Лохматая голова Деда торчала из-за системного блока, при этом болотник, понося на чём свет стоит любительницу чатов, воевал с норовистым сетевым фильтром и его красной кнопкой.

— Не думай об этом пока, — посоветовал Тур. — Утром разберёмся.

* * *

— Ворон! Тур! — крикнул Лис, едва переступив порог.

— Ты это, тихо, — Дед возник перед ним в коридоре. — Не шуми.

— Дед, что... — юноша задохнулся от невесть откуда накатившего страха, отодвинул привидение и бросился в гостиную.

Ворон лежал на диване, укрытый по грудь ворсистым пледом. В его ногах пристроилась Галатея. Лис опешил не столько от болезненного вида брата, сколько от выходки собаки, которой ни разу доселе не приходило в голову залезть даже в кресло. Чёрная псина приветственно вильнула юноше хвостом, но свой пост не оставила: продолжала добросовестно исполнять роль грелки.

— Ворон... — пробормотал Лис.

— Не буди его, — раздалось от окна.

В полутьме парень разглядел прямую неподвижную фигуру второго брата.

— Тур, что случилось? — запинаясь, спросил он.

Тур медленно притушил сигарету и устало подошёл к столу, на котором поблёскивали в рассеянном луче уличного фонаря пустые ампулы, валялись шприцы и коробки из-под лекарства.

— Основные неприятности уже позади, — он опустился на стул, сохраняя в поле зрения спящего близнеца.

Лис приблизился и, растерянно глядя то на одного брата, то на другого, остановился посередине гостиной.

— А если честно? — помимо воли извернулся его язык.

— Гипертонический криз.
— У Ворона? — Лис вздрогнул.
Тур прикрыл ладонью лицо.
— Он был на волосок от инсульта.
Лис подступил к брату и осторожно взял его правую руку, плетью лежащую на коленях. Кисть была прохладной, однако, не ледяной.
— Кто это сделал? Пятница?
Тур неопределённо пожал плечом.
— Ворон работал в сети. Вероятно, что-то ему подсунул Бер. Дед отключил компьютеры.
— А где Кикимора?
Брат тяжело вздохнул.
— Не знаю.
— Тур, не волнуйся, — жарко зашептал Лис. — С Вороном всё будет хорошо. Помнишь, как он отдал тебе часть себя? Теперь у вас одна на двоих могучая жизнь.
— Всё дело в том, малыш, — врач не шелохнулся, — что инсульт обычно не заканчивается смертью. Зато человек перестаёт быть человеком и превращается в биологическую массу.
— Ты это остановил! — воскликнул юноша. — Успел же! Успел?
Тур наконец посмотрел на младшего брата.
— Успел.
На диване приподнялась потревоженная движением Галатея.
— Лис? — послышался неуверенный голос Ворона. — Как дела?
— У меня? — парень опешил. — Нашёл о чём заботиться!
— Не вставай, — предупредил Тур издали.
— У меня шея одеревенела, — Ворон приподнялся, и Лис счёл своим долгом оказаться рядом. — Я в норме. В ушах звенит, а остальное без проблем. Девчонку нашли?
Тур отрицательно качнул головой, и Лис понял, что текущий набор ЧП не ограничивается состоянием здоровья старшего брата.
— Куда она делась? — на всякий случай спросил он.
— Ворон убеждён, что она кинулась в драку с Бером, — ответил за близнеца Тур.
— Я должен компьютеры проверить, — заявил Ворон.
— Утром!
— Сейчас.
Лис поспешил отодвинуться, поскольку назревал нешуточный спор. Впрочем, доктор Полозов уступил быстро.

— Вставай осторожно, — предупредил он, придерживав близнеца за плечи и контролируя ладонью его затылок.

— Я в порядке, — уверил хакер и, шатаясь, поднялся на ноги. — Подстрахуй меня.

Страховка пригодилась, поскольку Ворона ощутимо штормило. В дверях серверной Тур неожиданно для Лиса передал брата ему, а сам прошёл вперёд и сел за пульт.

— Устрой его в кресле. Ворон, а ты диктуй, что делать.

Ворон рассмеялся.

— Хитрец! Лис, учись.

— В другой раз, — юноша решительно усадил программиста по дальше от компьютеров.

До высшего сетевого пилотажа Туру было далеко, однако основные операции он выполнил чётко и результативно.

— Хорошо. Маршрут остался нераспознан, — кивнул хакер, выслушав отчёт оператора. — Теперь запусти тест. Я хочу выяснить, какая зараза вывела меня из строя.

Скоро программа-диверсант была обнаружена.

— Не вздумай Enter нажать, — предупредил Ворон. — Оклемаюсь, разложу её по косточкам.

— Как она попала к тебе на комп? — осведомился Лис, неотступно дежуривший возле кресла брата.

— Подозреваю, при содействии Кикиморы. Вчера она забыла надеть маску на сервак. Возможно, Бер покопался на дисках. Представляю его разочарование! Кроме системы я ничего здесь не держу. Зато с его компа я содрал много полезного.

— Почему программа не сработала сразу, как только ты включил монитор? — спросил Тур, механически пролистывая содержимое пускового модуля в режиме просмотра.

— А он засаду устроил! — осенило Лиса. — Ему важно было атаковать именно тебя, Ворон, а не меня или Тура. Поэтому он дал команду на выполнение только после того, как обнаружил тебя в сети. И ради этого сам играл ва-банк, подставив тебе в качестве приманки весь свой компьютер.

Близнецы переглянулись.

— Логично, чёрт возьми, — согласился хакер. — Остался последний вопрос. Где Кикимора? Дед!

— Ну чего тебе, шило в заднице, — пробурчал призрак. — Тур, ты это, вколлот бы ему снотворное, пусть дрыхнет. Целее будет.

— Снотворное на него не действует, — сообщил врач, продолжая рассматривать коды программы так, будто надеялся найти среди тысяч незнакомых символов нечто неординарное.

— Дед, ты девочку чуешь? — перебил Ворон.

В серверной повеяло болотной тоской.

— Нету её нигде, ядрён-батон! Всё облазил.

— А если её захватила Пятница? — прошептал Лис.

— Всё может быть, — Тур закрыл «окно» просмотра и выключил монитор.

— У меня лимит исчерпан, — предупредил Ворон. — Пора на боковую.

— Я найду Кикимору! — вызвался Лис.

— Один — не смей, — одёрнул Тур. — Я спущусь через десять минут.

Он помог близнецу встать и увёл на второй этаж, в спальню.

День двадцать третий

Лис всеми силами удерживал сознание в облаке сна. За его границами растекались звуки и движения, пасмурная духота нового дня, не обещавшего ничего ободряющего, проблемы, тревоги, знакомое ощущение собственного бессилия и непривычная пустота домашних стен. Прошедшей ночью, как ни старались братья призвать заблудившегося духа, результатов не добились, хотя юный Полозов перепробовал все описанные ритуалы, ему известные, а Тур беспрекословно следовал его указаниям.

Часы в коридоре просигналили полдень. Лис перевернулся на другой бок. Тягучая дрёма, обнаружив лазейку, просочилась из-под одеяла и уползла прочь. Он полежал несколько минут, надеясь изловить обрывок сновидения и удержаться в своём шатком убежище, однако пробуждение состоялось, и пришлось открыть глаза.

— Ки? — юноша обратился в пространство.

Ответа, как и следовало ожидать, не поступило.

Мрачный, с тяжёлой головой, Лис спустился в гостиную. Неубранная посуда на столе и кучка окурков в пепельнице напомнили об отсутствии призрачной хозяйшки. Лис вздохнул, машинально взял с тарелки давно остывший тост, превратившийся в настоящий сухарь, и засунул его в рот.

— Доброе утро, малыш, — окликнули из холла. — Присоединяйся. Тут свежие мысли нужны.

— А Ворон где? — спросил Лис оборачиваясь.
Брат красноречиво хмыкнул.
— В следующий раз проснись, прежде чем вставать.
— Учту, — Лис ничуть не смутился, обнаружив свою ошибку. — Рад тебя видеть!

Ничто в облике Ворона не напоминало о вчерашних событиях, лишь на щеках, очерченных чёрной аккуратной бородкой, осела едва заметная бледность.

— Оля звонила утром, — сообщил брат. — Тур не стал тебя будить.

Лис моментально покраснел до корней волос. В карусели свалившихся на Полозовых неприятностей он совершенно забыл о девушке. В памяти вспыхнул недавний разговор с Кикиморой и её беспардонное: ты что, влюбился?

«Наверное, нет, Ки, — мысленно ответил Лис и опустил голову. — Кабы влюбился, думал бы и днём, и ночью. Видимо, мне не дано».

— Что нос повесил? — спросил Ворон, приближаясь к младшему брату. — Тур развеял её тревогу.

— Какую тревогу? — вскинулся Лис.

— Ты вчера у неё на глазах панику поднял. Разве не так? Юноша надулся.

— Ну-ну, извини, — Ворон хлопнул его по плечу. — Я хотел сказать: почувял беду. Кстати, — он заговорщицки понизил голос, — если вдруг зайдёт разговор с Мариной, имей в виду: со мной ничего не произошло. Абсолютно ничего. Усёк?

— Так и быть, совру, — промямлил Лис и, не обратив внимания на неодобрительный взгляд брата, повернул на кухню. — Вам кофе заварить?

Вопрос повис в воздухе, поскольку в этот момент из серверной раздался голос Тура.

— Ворон! Отработало. Есть картинка!

Лис не понял, о чём идёт речь, но каким-то образом оказался перед монитором раньше брата-программиста. На экране застыло женское лицо. Идеально овальное и кукольно-гладкое.

— Похоже, анимация, — продолжал Тур и в доказательство активизировал просмотр. — Не волнуйтесь, безвредно. Я проверил.

— На себе проверил? — нахмурился Ворон, искоса следя за искусственными движениями немых губ.

— Что это такое? — спросил Лис. — Игрушка?

— Если бы! — усмехнулся хакер. — Оно было прошито в про-

грамме Бера в качестве иллюстрации. Своеобразный вирус. Рассинхронизирует монитор так, что мелькание определённого количества строк начинает давить на сознание.

— Серьёзно? — осторожно уточнил Лис и посмотрел на Тура.

— Теоретически подобное возможно, — врач задумчиво кивнул. — Однако о практическом применении этого метода я не слышал. Либо Бер — гений, либо не обошлось без заложных Пятницы, либо Ворон просто получил предупреждение от собственного организма за ночные бдения, литры кофе и беспощадную эксплуатацию мозгов.

Он укоризненно посмотрел на близнеца. Тот сделал вид, что всё сказанное его не касается, и, невольно повторяя интонации Тура, заговорил:

— Эта физиономия, — он показал на экран, — вещала голосом Пятницы. Я не понял смысла, но ощущение осталось мерзкое. Кажется, она назвала меня каким-то именем. Огненный... Нет, не вспомню.

— Симаргл, — тихо подсказал Лис.

— Как?

Близнецы дружно обернулись к младшему брату. Прежде, чем открыть рот, Лис тщательно пересмотрел свои позиции и, невзирая на жгучее желание ещё раз изложить братьям забытую историю их существования на той стороне света, ограничился кратким пояснением:

— Она нарекла тебя Симаргл, а Тура — Змиулан. Это фактически два антипода в представлении древних славян. Симаргл является посредником между богами и людьми, зажигает сердца воинов, вселяет в них дух победы. По другой версии это божество — некий дублёр Мокоши, покровительницы очистительного огня, ставшей позднее прообразом Пятницы, заступницы убогих калек и несчастных женщин. А Змиулан — покровитель тьмы и туч, родственник Змея Горыныча, символ разрушительного пламени, соперник Перуна и Мокоши. Не знаю, какой именно версии придерживалась известная нам Пятница. Но битву Симаргла и Змиулана она сделала генератором собственной информационной сферы, которую накачивала ненавистью и гневом.

— То есть, ты подтверждаешь, что здесь... — Ворон запнулся, — побывала Пятница?

— Я чувствовал её, когда гнал домой, — ответил Лис, передёрнул плечи и поспешно добавил. — Но лицо на портрете я не узнаю.

— Лицо взято из какой-то компьютерной игры, — программист снял с экрана окно изображения. — Бер крупно пожалеет о своей выходке. А если Кикимора не найдётся в ближайшее время...

— Ворон, пожалуйста, не заводись, — остановил его Тур. — Давай лучше разложим наши позиции. Итак, чем мы располагаем?

— Я успел скачать с его компа десяток старых писем, содрал списки директорий диска и адресные книги.

— Списки? — искренне изумился Лис. — А почему не весь диск?

Ворон театрально схватился за голову.

— Ещё одна жертва Голливуда! Малыш, у него на винте не менее сотни гигабайт информации. Пропускная способность нашего канала — 256 килобит в секунду. А теперь посчитай, сколько мне потребовалось бы времени, чтобы вытянуть сюда содержимое его компа!

Проводить вычисления Лис не собирался, а заметив рассеянный взгляд Тура, устремлённый за окно, заключил, что на сей раз не одинок в своём невежестве.

— Ладно, проехали, — смилостивился хакер. — Оглавление диска тоже кое-чего стоит. Среди установленных пакетов — в основном, графические, анимационные и программы нелинейного монтажа. Следовательно, Бер занимается созданием визуальных эффектов. Вернее всего, для телевидения и рекламных компаний. Архив e-майлов это подтверждает. Кстати, в его почте я наткнулся на обрывок какого-то сценария.

— А ты не думаешь, что он может подбросить видео-бомбу на телеэкран? — ляпнул Лис.

— Слушай, мы о реальных вещах говорим, — отмахнулся Ворон. — В адресной книге серьёзных e-майлов я пока не заметил, но вот что интересно: он ведёт переписку с создателями русского сайта сатанистов, базирующегося на заграничном сервере.

— Разносторонний парень, — вставил Тур.

— Из «мусора» почты, — продолжал Ворон, взявшись за «мышь», — который я случайно прихватил при копировании, выловился закодированный список фамилий. Кое-что я расшифровал. Осталось выяснить, что это такое.

— Утром ты уже задавал этот вопрос, — напомнил его близнец. — Я нашёл похожий набор в Интернете: кандидаты в депутаты законодательного собрания какого-то региона.

Лис, перегнувшись через плечо брата, взглянул на монитор.

— Некоторые фамилии помечены, заметили? Точка в конце строки стоит.

— Братцы, держу пари, именно они избраны, — вдруг произнёс Тур.

— С чего ты взял? — неуверенно спросил Ворон.

— Письмо находилось в каталоге «отправленные», — слова одно за другим отлипали от тонких губ.

— Да, отправлено месяц назад, — подтвердил хакер.

— Его просили назначить депутатов.

В серверной на мгновение стало совершенно тихо.

— Тур, по-моему, ты вчера слишком перенервничал из-за меня, — Ворон сделал попытку ослабить натянутую тетиву невероятной догадки, но было поздно: стрела со свистом ринулась вперёд и угодила в цель.

Подскочил Лис.

— Не его просили, а Пятницу! Он — номер два. Он проводник её голоса, медиум! Ворон, подключи Интернет. Подключи! Я проверю.

— Что ты проверишь? — программист выхватил из-под рук младшего брата клавиатуру.

— Выборы состоялись в прошлое воскресенье в нескольких областях! Я читал в газете. Я помню список фамилий. Он совпадает с файлом!

— Слушайте, братцы, — Ворон растерялся, — мы же на пустом месте гипотезу построили.

— Не на пустом месте, а на информационном поле Мира! — разбушевался Лис. — Пусти меня в Интернет!

Ворону ничего не оставалось, как установить связь с провайдером и освободить брату место за компьютером.

Щелчки клавиш напоминали барабанную дробь солдатского оркестра. Паузы ожидания Лис заполнял собственным ритмом, воспроизводимым костяшками пальцев.

— Уймись, малыш, — обронил Тур через плечо.

— Извини... — автоматически отозвался юноша. — Есть! Точно! Я же говорил, фамилии те же самые, помеченные!

Лис победно встал перед близнецами.

— Вот вам и лакокрасочные отходы, — пробормотал Ворон. — Чёрт подери. Зачем ей в политику-то понадобилось соваться?

— Ей? — переспросил Тур.

Лис вобрал в грудь побольше воздуха, но, увидав растерянные лица старших братьев, шумно выдохнул заготовленную речь.

— Я думаю, Бер ловко водит нас за нос, — заявил хакер. — Всё это просто нереально.

— И мы — нереально? — всё-таки высказался Лис. — Мы — рождённые смертью, получившие вторую жизнь на том свете. Вы же поверили. Я чувствую, вы поверили!

— Не исключаю, что тут и кроется наша ошибка, — Тур опустил

взгляд в пол.

— Струсили, да? — вырвалось у Лиса.

— Эй, полегче! — предупредил Ворон, и в чёрных зрачках прокатился огненный сполох.

Предупреждение не произвело на Лиса должного впечатления.

— Пятница устроила свой мир по ту сторону живых и, обретя силу, открыла двери этого света, — словесный вихрь раскручивался с каждой секундой. — Я говорил, что такое рано или поздно случится. Она управляет через Бера. Вы видите? Управляет на уровне государственной власти! Вы представляете, что она может натворить? Мы усмотрели крошечную частичку айсберга. Подумайте о масштабах всей глыбы! Диоксины, наркотики, телевидение, диктовка государственных законов! Она поставила себе цель уничтожить человечество!

— Лис, успокойся и проверни назад всё, что ты изложил, — Тур скрестил руки на груди, крепко сжав в кулаки похолодевшие ладони. — Увидав один единственный список, источник, смысл и назначение которого нам не известны, ты выстроил глобальную теорию катастрофы. Это нормально?

— Ты первый сказал про назначение в выборные органы власти! — парировал Лис. — И, кстати, был абсолютно прав. Я чувствую!

— Так. Стоп. Доказательства на чувствах не строятся, — решительно перебил Ворон. — И вообще: нам какое дело, кого и как выбирают в Думу или куда-там-ещё. Умные люди давно знают, что игра в демократию во всём мире ведётся по правилам диктатуры олигархов.

— Что значит «какое дело»?! — юноша задохнулся от возмущения. — Мы остановить это обязаны!

Ворон тяжело опустился в кресло и прикрыл рукой глаза.

— «Взвейтесь кострами, синие ночи». Тебе только пионерского галстука не хватает. Хотя ты даже в пионерах побывать не успел, и спасибо за то Перестройке. Так что иди-ка на кухню. Ты ещё не завтракал. Запеканка в микроволновке тебя с утра дожидается.

— Ну нет, — Лис оскалился как заправская лисица. — Так просто вы от меня не отделаетесь.

— Уймись, — Ворон повысил голос. — У меня уже голова трещит по всем швам. Тур, оставь, — он вяло повёл плечом, когда ладонь брата опустилась на основание затылка. — Обычное дело. Вчера этот клетчатый ковёр и розовое солнце. Сегодня Лис на любимой трибуне...

Тур вздрогнул всем телом.

— Ворон, какое солнце?

Сквозь тёмные стёкла очков лениво шевелился кофейно-пасмурный день. Искусственные краски размазали площадку пустой парковки, лысую аллею и силуэты людей, время от времени возникавшие на крыльце клиники. У подъезда с визгом затормозила «скорая». За белой дверцей с красным крестом находилась чья-то беда, безмерно далёкая, не вызывающая ни малейших эмоций. Беда из маленького чужого мира, наглухо запёртого от посторонних глаз и ушей, и потому одинокого в своих страданиях.

Ворон проводил безучастным взглядом носилки под полотнищем белой простыни и отвернулся.

Природа разделила сущее на мёртвое и живое. Человеку эта градация показалась чрезмерно крупной, и из-под практичного ножа государственности появились социальные слои.

Ворон усмехнулся своему настроению, однако мысли продолжали течь в заданном русле.

Сытый голодному не товарищ. Зато голодные могут ощутимо встряхнуть жирующие классы, о чём неоднократно напоминает история. Могут. Но лишь когда объединятся в стаю, общину, коллектив, партию. И дабы этого не произошло, каждый социальный слой тщательно разделён на элементы, а каждый элемент, в свою очередь, надёжно упакован в фантик индивидуализма. Как конфетки в пакете: фантик необходим, чтобы конфетки невзначай не слиплись. Разделяй и властвуй. Старо, как мир.

Образ конфет, охваченных революционным бунтом, вызвал у Ворона тихий смешок. Занесло, не иначе. Вспомнились рассуждения Лиса о дереве и корнях, и он забавы ради мысленно пририсовал каждой конфетке длинные корни. Неожиданно картинка преобразовалась, и на аллегорической сцене появился мощный конгломерат, бурлящий и неуёмный, как вулканическая лава.

Приближение близнеца Ворон почувал затылком. Согнать усмешку с лица он не успел, и подошедший Тур вопросительно поднял бровь.

— Что тебя развеселило? — мрачно осведомился он.

— Так, ерунда. Выяснил?

Всеволод Полозов передал брату открытый блокнот.

— Историю болезни уже сдали в архив, — сказал он. — Это данные из журнала кардиологического отделения.

— «Прасковья Михайловна Гаврилова», — прочёл Ворон вслух. — «1927 года рождения. Город, улица, квартира...» И что это нам даёт?

— Да ничего, — Тур достал сигареты. — Плановая госпитализа-

ция по направлению районной поликлиники. Одинокaя старая женщина, ветеран труда, приехала в сопровождении то ли соседки, то ли попутчицы, которая даже врача не дождалась. В кардиологическом запомнили старушку за исключительную болтливость. О чём бы её ни спрашивали, ответ заканчивался рассказом о дочке, которая якобы живёт в Питере. Хотя в амбулаторной карте значится: родственников нет. Но питерский адрес врач всё же записал.

— Зачем? — Ворон автоматически просматривал ровные строки, оставленные в блокноте рукой брата.

— Так положено. В случае серьёзных осложнений или смерти пациента больница оповещает родственников и лиц, обозначенных в соответствующей графе.

— Это адрес либо коммуналки, либо общаги. Вместе с квартирой номер комнаты указан, — заметил Ворон.

Тур неопределённо развёл руками.

— Завтра я попробую добыть из больничного архива историю болезни. Но, честно говоря, сомневаюсь в целесообразности дальнейших изысканий. Посмертный эпикриз новой информации нам не даст, а паспортные данные перед нами, — он показал на свои записки.

— Не нравится мне твой минорный настрой, — Ворон расправил плечи. — Давай-ка пройдемся и ещё раз обсудим факты.

— Где ты видишь факты? — вздохнул Тур.

— А «розовое солнце»? Опять совпадение?

Тур промолчал.

— Предлагаю выбрать самое невероятное из всего невозможного. — Ворон взял инициативу на себя. — Допустим, ты прав, и Прасковья Михайловна Гаврилова действительно приходилась этой самой Пятнице родной матерью. Что женщина из её палаты говорила? «Людочка рисовала розовое солнце»? Значит, Пятницу на этом свете звали Людмила. Есть вполне реальный адрес. Остаётся установить, жила ли по указанному адресу какая-либо Людмила, и следующим шагом — выяснить её судьбу, окружение и прочее.

— Прокатимся в Питер? — Тур задумчиво пригладил бороду.

— Почему бы нет? Не забывай, Бер тоже обитает в северной столице. А если представить, что Пятница знала этого типа при жизни и избрала его помощником, находясь на том свете...

Близнецы посмотрели друг на друга.

— Ворон, мы рассказываем друг другу сказки, и оба пытаемся в них поверить. Зачем?

Ворон щелчком отправил в кусты окурок, неторопливо снял очки, зажмурился и помассировал пальцами вспотевшую переносицу.

— Знаешь, — тихо сказал он, не открывая глаз, — я хочу найти нашу Кикимору. Поверь в мою сказку: она рванула к Беру.

— По интернетовскому каналу? — грустно усмехнулся Тур.

— Да. В конечном итоге весь мир есть лишь то, что мы себе представляем. Ки не интересовало, где находится Бер. Она просто кинулась защищать меня от опасности. И оказалась в его компе. Только не говори, что я спрыгнул с ума.

— Не скажу, — брат улыбнулся. — Верни на место очки.

Ворон озадаченно приостановился.

— У тебя в глазах бьётся пламя, — пояснил Тур.

Прежде чем последовать рекомендации, Ворон сжал ладонь близнеца.

— А ты надень-ка перчатки. Твои руки горячие, как сам огонь.

— Может быть, это означает, что со сказками мы правы?

Полозовы повернули к машине. Ступая в ногу с братом, Тур вскоре заметил, что невольно укоряет шаг. Ворона толкали вперёд бурные мысли.

— Что-то вычислил? — уточнил Тур, когда оба подошли к автостоянке.

— Пытаюсь придумать связку для трёх объектов: мы с тобой, Лис и эта самая призрачная Людмила.

Тур задумчиво сжал губы.

— Если верить Лису, мы были даны ей в услужение Огненным Полозом, хранителем царства мёртвых.

Он выжидающе посмотрел на брата.

— Тогда придётся допустить, что мы побывали в царстве мёртвых, — неохотно откликнулся Ворон.

— Допустим. И чем же мы привлекли внимание так называемого отца? Змеиной фамилией? Особыми способностями? Или же на нас пал случайный выбор?

— Ты меня спрашиваешь? Тур, я не отвечу. Разве что ещё раз допросить Лиса.

— Если мы допускаем факт нашей *временной* гибели в Афгане в мае восемьдесят восьмого, — медленно произнёс Тур, — следует учитывать, что Лису тогда было неполных четыре года от роду. Что он может помнить с той поры?

Ворон напрягся.

— А что мы с тобой помним с той поры? Суровую мать? Нелюдимого батьку? Плаксивых сестричек мал мала меньше? Огород и корову, за которой приходилось убирать навоз? Мы уехали и даже ни разу не написали им. И если бы Лис не нашёл наш тверской адрес, мы бы совершенно забыли, где родились и где провели трудовое детство. Мы оторвались от корней, Тур. И нас просто-напросто взяли в заложные и наполнили новой начинкой.

Оба нервно вздохнули, не смея посмотреть друг другу в глаза.

— К счастью, одинаковой начинкой, — тихо произнёс Тур.

— Да? А Симаргл и Змиулан? — Ворон внимательно разглядывал асфальт под ногами. — Что-то в них мало общего.

Тяжёлый разговор провалился в долгое молчание.

— Знаешь, близняшка, — Тур положил руку брату на плечо, — давай так: ссориться по детской и юношеской дури свойственно практически всем. Верно? Но далеко не каждому даётся возможность прочувствовать истинно братское отношение друг к другу. Нам с тобой повезло. Тот злосчастный миномёт стряхнул с нас обоих скорлупу, а за пределами этого света нас, видимо, чему-то научили.

— Дали новые имена, а вместе с ними новые свойства, и отправили назад, — поддержал Ворон. — Остановимся на этом?

Тур согласно кивнул, обошёл автомобиль и занял место водителя. Ворон не спеша открыл пассажирскую дверцу.

— Тур.

Брат обернулся. Ворон сел в машину, в раздумье оглядел приборную панель, перевёл взгляд на лобовое стекло, затем в свинцовое небо и, наконец, продолжил.

— Я называл тебя так ещё за школьной партой.

Тур как будто ожидал именно этих слов.

— Да, близняшка, — согласился он. — А я всегда называл тебя — Ворон. Ладно, — он решительно завёл мотор. — Дома расспросим Лиса и вместе обсудим питерский адрес.

В холле, приласкав соскучившуюся Галку, Тур оглянулся на приоткрытую дверь серверной и вдруг сказал:

— А я бы на его месте сделал всё, чтобы нанести новый удар.

— Он считает, что надолго вывел меня из строя, — беспечно откликнулся хакер.

Возле стены колыхнулось марево, и навстречу близнецам выплыл Дед.

— Явились не запылились! Тута без вас телефон прям надорвался, звонивши. Кхе... это, а Лис где?

* * *

Идеи бывают разные. Встречаются такие, которые воодушевляют и окрыляют. Другие гложут и рвут на части, третьи ставят в тупик. А идея, забравшаяся в рыжую голову, оказалась типа «гонит и подстёгивает». В результате этого визита белая «шестёрка» визжала на всех поворотах, дважды проскочила на красный сигнал светофора, с ног до головы облила трёх пешеходов и на повороте с волжского моста «подрезала» огромный грузовик. Поскольку ДТП не случилось, Борис Полозов не счёл нужным задумываться об осторожности. Мысли о судьбе Кикиморы занимали большую часть его сознания. Оставшимся в голове местом завладело богатое воображение. Лис на все лады представлял, как некто тащит призрачную подружку на кладбище, как насильно возвращает ей имя, и бедная Ки оказывается в вечном плену своих бренных останков.

Мрачные фантазии улетучились, когда Лис понял, что прозевал поворот. Поток машин увлёк «шестёрку» вперёд, через площадь сталинской застройки, вдоль трамвайных путей, мимо опустевшего минимаркета дальше к промышленным корпусам. Оценив вынужденный маршрут, Лис успокоился. До кладбища он доберётся и этой дорогой, потеряв максимум пять минут.

Однако потерял он значительно больше. Уже при подъёме на виадук мотор старого «жигулёнка» подозрительно сменил обертон, а на спуске и вовсе заглох. Проехав за счёт инерции сотню метров, Лис вынужден был свернуть к тротуару.

Первая мысль — так не должно быть! — сменилась другой, более знакомой: а как иначе могла закончиться моя самодеятельность?

Досада вселенских размеров осела на плечи и сдавила горло так, что на глаза едва не навернулись слёзы. Лис испустил длинный тяжёлый вздох и полез в карман за сотовым, нашёл пальцем кнопку «записной книжки» и... Дисплей потухшим прямоугольником уставился на владельца. Владелец потухшим взглядом уставился на разряженный мобильник.

— А ещё хуже бывает? — спросил юноша вслух.

Некоторое время он неподвижно сидел за рулём, ожидая волшебного воскрешения двигателя или чудесного оживления аккумуляторов сотового телефона. Затем включил «аварийку» и нехотя вышел из машины.

Ни одного таксофона поблизости, естественно, не оказалось. Лис открыл капот и тоскливо оглядел автомобильные внутренности. С тем же успехом он мог рассматривать терминал управления космическим кораблём.

— Борис!

Мир мгновенно перевернулся с тёмной стороны на идеально светлую. А по телу пробежала лёгкая дрожь, будто под куртку забрался слабый тёплый ветерок.

Оля помахала ему рукой и, пропустив легковушку, пересекла улицу.

— Здравствуйте, — выдохнул Лис. — Как я рад вас видеть, Оля!

— Что-то случилось? — девушка с неподдельной тревогой заглянула ему в лицо.

— Нет-нет, — он для надёжности вытер ладонью лоб и глаза, чтобы остатки вселенской досады не представили его в жалостливых красках. — Я не смел надеяться на столь чудесное перевоплощение полосы невезения в счастливую удачу.

Оля покосилась на открытый капот «Жигулей» и рассмеялась.

— Вы думаете, мы вместе исправим мотор?

— Исправить его может только Влад, а у моего телефона аккумулятора «сели». Но мне просто приятно вас видеть.

— Мне тоже. Я звонила утром, Всеволод Васильевич сказал, что вы очень прозорливы и вчера действительно почувствовали какие-то проблемы.

Лис смущённо опустил голову.

— Не так страшен чёрт, как его малюют. Но моё присутствие оказалось весьма кстати. Оля, а вы почему здесь?

Девушка изумлённо приоткрыла губы.

— Я ведь живу недалеко. В аптеку ходила.

Уши у Бориса Полозова вспыхнули.

— Правильно. Я же не вовремя свернул, — он растерянно огляделся. — Ну, конечно! Это же посёлок Крупский.

— Борис, — Оля, помедлив, взяла юношу за руку, — по-моему, ваши проблемы всё ещё актуальны. Если вы не хотите рассказывать, я никоим образом не настаиваю. Но... вдруг помочь сумею?

Обстоятельства оставили на решение несколько секунд. Отсчёт пошёл. Лис заметался между «да» и «нет», что немедленно выразили его рыжие беспокойные глаза.

Неожиданно ситуация взяла тайм-аут. Из маршрутного такси, притормозившего поодаль, шумно вылез тучный пассажир и с его помо-

щью такая же объёмная, но крайне недовольная дама. Отмахнувшись от ворчащей спутницы, мужчина вознамерился повернуть в переулок, и тут заметил живописно-тоскливого юношу, распахнутый капот «шестьёрки» и встревоженную девушку.

— Загораем, молодёжь?

Борис Полозов насторожился, уловив явный душок алкоголя, а супруга добродушного прохожего разразилась нравоучительной тирадой на тему последствий пребывания за праздничным столом.

— Да отстань ты. Дай людям-то подсобить! — и толстяк решительно подошёл к аварийному автомобилю. — У-у, парень, где ж ты такую рухлядь откопал?

Он бесцеремонно отодвинул Бориса и заглянул в мотор.

— Мне, право, неловко... — начал Лис.

— Да ерунда! — мужчина профессионально снял какую-то крышку и полез глубже в капот. — Вот кабы ты врач был и больного на улице увидел. Подошёл бы? И я вот своего пациента углядел... Готово. Заведи-ка.

— Что, уже? — оstonбенел юноша.

— Заводи, заводи! — мастер рассмеялся.

Лис неуклюже шлёпнулся в кресло, не сразу нашёл ногой педаль газа и судорожно повернул ключ. Мотор охотно откликнулся.

Весёлый автомеханик вытер руки о брюки, вызвав тем самым отчаянные причитания супруги по поводу парадного костюма, и подмигнул Оле.

— Счастливого пути, молодёжь.

— Спасибо, — бодро ответила девушка.

— Спасибо большое! — крикнул Лис вдогонку случайному автoзнатоку.

— Как всё здорово получилось, — Оля обернулась к Борису.

— Даже слишком здорово, — пробормотал он и спохватился. — У вас есть время? Можем немного покататься.

— С удовольствием. Надо понимать, проблемы исчерпаны?

Тайм-аут закончился.

Лис задержал дыхание, приготовился соврать, и вдруг сообразил, что уже сделал шаг к опасному «да», пригласив Олю в машину.

Внутри мелькнуло ощущение сродни тому, которое испытывает спасающийся бегством лесной зверь.

— Не совсем исчерпаны, к сожалению. К тому же, — он вздохнул и решил изложить всё на прямоту, — проблемы лежат в плоскости,

которая... В общем, мне мало кто верит.

В глазах Оли вспыхнули серые огоньки любопытства. Борис Полозов продолжал.

— К паранормальным явлениям люди относятся двояко: безоговорочно верят или же не верят совсем и считают противоположное мнение издержками шизофрении.

— Я не буду спешить со вторым мнением, — серьёзно сказала девушка, — но в инопланетян не верю, предупреждаю заранее.

— С земными делами бы разобраться, — усмехнулся Лис. — Космические сказки культивируют, чтобы скрыть за ними гораздо более близкие и реальные чудеса. Вчера пропала моя... — он запнулся в поисках определения личных отношений с Кикиморой, — названная сестра. Она — заложная.

— Заложница? — торопливо переспросила Оля.

— Заложная — призрак убиенной, который за гробом доживает свой отписанный век. Она обитала у нас в доме. Даже хозяйство вела. Мы зовём её Кикимора, потому что в ней ярко проявляются свойства этого духа. Вчера ночью случилась очень опасная неприятность с Во... с Владом. Ки бросилась на выручку и исчезла.

Лис чувствовал, что не успевает мыслью за собственным языком, но остановиться боялся. Крошечная пауза могла стать концом не только сумбурного рассказа, но и контакта с Олей вообще. Поэтому, не задумываясь о чистоте речи, он старался распределить в минимальном времени максимум информации:

— Консолидировав данные нескольких источников, я сделал вывод, что теоретически кто-то опытный мог подчинить Ки своей воле. Для этого должны быть выполнены определённые условия, в том числе проводящему ритуал необходимо знать настоящее имя умершей. А имя мы похоронили месяц назад. Я направлялся на кладбище, где покойся её тело. Хочу посмотреть, не побывал ли там кто-нибудь другой.

— Борис, одну минутку.

Он поднял взгляд, с ужасом ожидая увидеть на лице слушательницы снисходительную усмешку или, того хуже, неподдельный страх.

— Я не совсем поняла, — Оля плохо сдерживала волнение, — вы собираетесь найти на могиле следы обряда или надеетесь обнаружить Кикимору? По-моему, первое просто невыполнимо, а второе маловероятно. Убиенная скорее пойдёт на место смерти, а не к останкам. И чаще всего призрак ищет родных и свой дом, тем более Кикимора — домашний дух.

— Оля, вы... — восторг Лиса выплеснулся через край и заблестел в глазах влажными искрами, — вы владеете этим вопросом?

Девушка нервно облизала губы.

— У меня тоже есть тайна, которую я ещё никому не открывала, — быстро заговорила она. — После гибели папы мне часто чудилось, что он входит в мою комнату и подолгу смотрит на меня. Я даже пыталась разговаривать с ним, и мне казалось, что я понимаю его беззвучные ответы. Потом я попробовала вызвать его дух согласно старинному ритуалу, который случайно вычитала в популярной книжонке. Видимо, я не должна была этого делать. Папа рассердился и больше не приходил ко мне. А я пыталась снова и снова едва ли ни каждую ночь. Чертила на полу круги и треугольники, использовала свечи и даже куриную кровь. Кончилось тем, что мама нашла у меня в столе книжки, догадалась, почему я хожу, будто больная, и устроила мне такой нагоняй! Мне до сих пор ужасно стыдно.

— Почему стыдно? — осторожно уточнил Лис.

— Я вызывала призрака по сатанинскому обряду. Книжка была учебником чёрной магии.

Она сникла, как провинившаяся школьница у классной доски.

— Клянусь, чёрной магией мы пользоваться не будем, — заверил Борис Полозов.

— Мы с тобой? — робко спросила Оля.

— Мы с тобой, — приосанился Лис. — Я не сторонник магии, но коли что — применю ворожбу.

В истинно рыцарском порыве он распахнул перед Олей дверцу машины, твёрдой поступью обошёл автомобиль и занял водительское кресло.

Неуютное кладбище, выползшее из лесочка в чистое поле, морось и недружелюбный ветер, сизое низкое небо и тугое безмолвие превратили нервы в комок колючей проволоки. В мокром шелесте листья Лису слышались замогильные голоса. Он ежесекундно оглядывался по сторонам, но то, что боковое зрение фиксировало как призрака, оказывалось в действительности тенью памятника или куста.

— Ты что-то чувствуешь? — шёпотом спросила спутница.

— Хотел бы почувствовать, да только никого здесь нет, — удручённо ответил Лис и тихо добавил. — И, кажется, не было.

— Это её могила? — Оля медленно приблизилась к холмику с единственным выцветшим венком и покосившейся табличкой. — За

ней не ухаживают. Ки была одинока?

— Воспитывалась в детском доме. В прошлом году сумела поступить в ПТУ и жила в общежитии. А вообще, мы её не расспрашивали специально.

— Борис, ты постоянно говоришь «мы». Это значит, — Оля помедлила, — твои братья тоже видят духов?

— Семейная черта, — Лис благоразумно придержал подробности при себе. — Подожди минутку. Ничего не говори. Я должен убедить-ся, что не ошибся.

Оля понимающе кивнула и отошла в сторонку, но серые внимательные глаза помимо воли жадно ловили каждое движение юноши. Лис догадался, что она ожидает увидеть. Он мог бы сейчас проделать несколько ничего не значащих пассов руками, изобразить парочку «колдовских» поз и прочее, присущее актёрам в импортных фильмах. «В этом мире достаточно притворства. Пусть будет скучно, но зато по-настоящему», — мелькнуло в уме.

Лис замер над могилой, прислушиваясь к явному и тайному пространству. Дождевая пыль тихо шуршала на листьях искусственных цветов, нетерпеливый ветер нервно перебирал проволочные остовы венков, тяжело вздыхала глиняным духом мокрая земля.

Далеко-далеко поскрипывали ворота.

В ноздри просочился прелый запах застоявшейся воды, и вместе с ним до слуха добралось тонкое звенящее эхо. Из сизого тумана вырисовалась узкая тропа и шаткий мостик, переброшенный через бездну. Кто-то крупный и большой на другом берегу сделал шаг вперёд.

— Ки? — у Лиса перехватило дыхание.

«Её нет. Одно лишь имя».

— Она не заходила? Ни разу?

«Ни разу».

— А другие были?

«Никого».

Лис вздохнул.

— Простите за беспокойство. Оставайтесь с миром.

«Постой. Прошу, просьбу передай моим. Пусть Дашеньку приведут. Не дали ей на деда посмотреть последний раз, побоялись. Так хоть могилу увидит. А я её отсюда разгляжу. Хочу своё ей оставить, пусть сильной и доброй растёт».

— Передам, — произнёс Лис.

Номер телефона прописался в сознании однозначно и чётко.

Юноша медленно отступил от могилы и направился к Оле, ожидавшей на аллее.

— Ки здесь не появлялась.

— Ты с кем-то говорил? — неудовлетворённое любопытство блесело на щеках ярким румянцем.

— Да, один из многих вышел на тот берег побеседовать. Я обещал позвонить его родственникам... — парень по привычке полез в карман за мобильником, но с досадой выдернул руку. — Фу-ты. Аккумуляторы...

Он смущённо усмехнулся и увлёк девушку к выходу с кладбища.

— Ты не делал ничего особенного, не чертил круг, — неуверенно заговорила Оля. — Так положено на самом деле?

— Заговоры и ритуальные мероприятия помогают сосредоточиться на контакте. Это необходимо тем, кто принял дар видения извне. А я с ним родился. Он во мне органически. Достаточно лишь прислушаться.

— Тебе не нужен проводник? — уточнила девушка серьёзно. — Везде пишут, что маг, обращаясь в царство мёртвых, заручается подержкой проводника из числа чистой или нечистой силы.

— Нет, — Лис остановился. — Я как-нибудь потом тебе расскажу. И знаешь, — голос слегка дрогнул, — мне кажется, я сделал глупость, когда привёз тебя сюда.

— Почему?

Он оглянулся на могилы.

— Боюсь, я стал твоим проводником. Тебя видели. Оттуда.

Оля загадочно улыбнулась. Определённая доля наигранности в её мимике присутствовала, но Лис и сам не прочь был покрасоваться перед подругой, поэтому безоговорочно принял её сценарий.

— Тебя не пугает то, что я сказал? — спросил он тоном удивления.

— Ничуть. У меня в роду по отцовской линии все женщины — ведьмы. Бабушка знала заговоры. Прабабушка, как мне рассказывали, умела наводить порчу, а её бабушку даже судили.

— За ведьмачество? — искренне изумился Лис, быстро просчитав в уме, что упомянутые события относятся, по крайней мере, к концу девятнадцатого века.

— Открыто об этом не говорилось, конечно. Но папа однажды дал мне книгу — исследование русской мифологии — и велел прочитать. Автора я не помню, но один из приведённых фактов, по словам папы, был взят из жизни нашего рода. В мае 1873 года в Самарской губернии ударили морозы. Каково было крестьянам, можешь себе представить.

Погибли посевы, пострадал скот. Причину напасти объяснила местная ведунья: двух замёрзших зимой мужиков похоронили по христианскому обряду, поэтому бог гневается. Ведунья — бабушка моей прабабушки — подговорила крестьян вырыть тела заложных и утопить в гиблом месте. Так и сделали, но на беду попались на глаза приставу. Тех, кто осквернил кладбище, судили. А они со страху выдали зачинщицу. Но, надо сказать, после совершения языческого обряда морозы кончились.

— Я тоже это читал! — просиял Борис Полозов. — У Зеленина в его монографии 1916 года. А что было потом с твоими предками?

— Их выслали на Урал. С тех пор нашу семью носило по всей России. А ты хорошо знаешь родовую историю?

Лис тяжело вздохнул.

— Нет. Вырос в Сибирской глуши. Родители никогда про дедов и бабушек не рассказывали. Соседи нас сторонились, а старшие братья и сёстры норовили по достижении совершеннолетия навсегда уехать из дома. Влад и Всеволод это сделали первыми. А я последним. И старуюсь не думать про детство.

Оля отвела взгляд.

— Это ведь грустно. В восемнадцать лет и сразу без папы и мамы.

— Но и ты живёшь у чужой бабули, — тихо напомнил Лис.

— Ну, я учусь в Твери. А мама у меня сложный человек. Но я её очень люблю, — решительно заявила Оля и вспомнила. — Ой. Я же должна бабуле лекарство принести. Она ждёт давно. Борис, поехали?

Обратный путь начался в молчании. Лис слушал ровный гул мотора и в тайне надеялся, что «шестёрка» опять задурит где-нибудь на пустой дороге и тем самым оттянет неминуемое расставание. Но машина бодро отсчитала километраж по широкому тракту московской окружающей, легко поддаваясь рулю, свернула на шоссе и устремила навстречу белым многоэтажкам жилого микрорайона.

— Борис, как ты будешь искать Ки теперь? — вдруг спросила Оля.

Он устало пожал плечами.

— Что-нибудь придумаю.

В рокот мотора вкрались фальшивые ноты. Лис наострил уши.

— Странно всё сегодня получилось, — продолжала девушка, не замечая затаённо восторженного взгляда спутника. — Я всего лишь вышла в аптеку, и вдруг встретила тебя, оказалась на кладбище и наблюдала общение с потусторонним миром. А потом оказалось, что у нас с

тобой много общего.

— В народных преданиях встреча часто упоминается как символ судьбы, — обронил Борис Полозов.

Мотор громко рявкнул и издал серию резких, похожих на кашель, звуков. Лис взял на себя роль переводчика.

— Кажется, у нас проблемы.

— Ой, опять?

— Извини, — стушевался водитель.

«Шестёрка» дотащилась до поворота, сползла на обочину и встала. Борис Полозов опустил руки.

— Придётся голосовать попуткам и просить позвонить домой, — сказал он.

— Мы не одиноки, — Оля показала вперёд.

На противоположной обочине припарковался элегантный бордовый «Фиат».

— Пойду попрошу у шофёра телефон, — Лис нехотя вылез из машины.

— Я с тобой.

Стукнула дверца. Но за мгновение до этого лисий слух поймал другой звук: глухой одиночный хлопок, напоминающий...

Пахнуло смертью.

Лис мгновенно похолодел.

— Ты слышала?

— Что?

— Как будто выстрел.

Оля огляделась. За редкой полосой кустов начинались насыпные холмы, о назначении которых приходилось только гадать, и край низкой кирпичной стены разваленного овощехранилища.

— Я дверь громко закрыла, — дрогнувшим голосом возразила девушка.

— Нет. Выстрел прозвучал раньше. Я посмотрю.

Лис решительно направился к «Фиату». Оля догнала секундой позже.

— Кому-то может потребоваться медицинская помощь, — объяснила она своё присутствие.

Юноша сдержанно кивнул. Номер бордовой иномарки он разглядел издали и к машине приближаться не стал. Спустился в неглубокий кювет и направился туда, где, по его мнению, раздался выстрел. Подруга не отставала.

Треснули сучья. Впереди за кустарником мелькнула мужская фигура.
— Автобус пропустили, — громко объявила Оля.

По шоссе проехал тупорылый «ПАЗ».

Борис Полозов обернулся на ожившую дорогу. Следом за марш-руткой промчались подряд четыре легковушки, и за поворотом послышалось напряжённое тарахтение традьяги-трактора. От обилия ближних звуков у Лиса заложило уши. Он потряс головой, поднял взгляд и вздрогнул. Прямо на него вышел молодой парень, а за его плечами...

...текла холодная сухая бездна. Отодвинув пасмурный летний вечер, отрезав живительный дух травы, бездна неподвижно мчалась из пустоты и оседала в нахальных глазах застывшими льдинками. Едкий колючий запах удовлетворения плавал вокруг крепкого тела, и ядовитый оскал — след выброшенных слов — перекошил человеческий лик.

Лис смотрел на убийцу. Убийца — на Лиса.

Лицо шевельнулось гримасой.

Юношу окатила дрожь. Догадался? — пронеслось в уме. Он поспешно спрятал взгляд.

Рука встречного приподнялась к поясу.

Лис оцепенел.

Тут задвинутые за край сознания звуки решительно напомнили о себе. Трактор добрался-таки до поворота и, завывая, принялся набирать обороты. Киллер быстро глянул на оживлённое шоссе, с некоторой натугой опустил руку, готовую вытащить оружие, и пошёл в направлении своей машины. Лис посторонился. На обочине хрустнул гравий. Загудел мотор.

— Борис, кто это? — шёпотом спросила Оля.

Юноша медленно повернулся лицом к отъезжавшему «Фиату».

— Убийца, — пробормотал он одними губами.

За лесополосой и травянистыми холмами ликовала смерть. Её ни с чем не сравнимый запах стелился над землёй, очерчивая точный маршрут к месту, где оборвалась чья-то жизнь.

— Он не будет заложным! — возбуждённо воскликнул Лис. — Скорее! Мы обязаны успеть!

Оля шумно сглотнула волнение и побежала за товарищем, ринувшимся сквозь кустарник.

— Не возмётся... Не возмётся, — на бегу шептал Лис, чувствуя, как где-то поблизости зреет мёрзлая дыра, и цепкие руки Пятницы разгребают плотный туман в поисках пути на этот свет. — Нет!

Он рванулся наперерез. Трава, кустарник, земля и небо сгнули во

тму. Откуда ни возьмись повалил дым, вспыхнул призрачный костёр, мелькнула и рассыпалась яркая плоская картина, изображавшая нечто пасторальное, и в тот же миг всё вернулось на свои места.

Лис замер, обнаружив, что уткнулся в кирпичную стену.

— Здесь он, здесь! — выкрикнула девушка, только что обогнувшая насыпь.

Борис Полозов повернулся на голос.

Человек лежал ничком в обширной луже и не подавал признаков жизни. Запыхавшаяся Оля наклонилась к притопленному телу и потянула за ноги.

— Помоги вытащить!

— Он мёртв, — сказал Лис, осторожно огибая лужу.

— А вдруг у меня получится? — возбуждённая, Оля не желала признавать очевидное.

— Получится что? Оживить убитого? — горько усмехнулся юноша, продемонстрировав мелкие, острые, как у лисицы, зубы.

Девушка отпрянула, медленно перевела взгляд на бездыханное тело и сникла. От её стараний труп изменил положение, и теперь была хорошо видна голова, вернее — оставшаяся её часть. Остальное превратилось в бесформенное месиво.

— Я слышал второй, контрольный выстрел, — удивительно спокойно объяснил Борис Полозов. — Первый был значительно раньше.

Он присел на мокрую траву и устало опустил плечи. Оля не пошевелилась.

— Борис, нужно звонить в милицию, — выдержав длинную паузу, сказала она.

— Да, пожалуй, — отозвался Лис. — Но давай подождём пару минут. Если с ним никто не придёт, значит, я всё-таки успел помешать Пятнице.

Девушка либо не расслышала, либо решила не уточнять, что такое «пятница» в понимании товарища. Она машинально поправила волосы, взлохмаченные порывом ветра, и пробормотала:

— Я... я не понимаю...

— Это потенциальный заложный, — вздохнул Лис.

Он отчётливо слышал, как кто-то незнакомый отчаянно скребётся на границе, цепляясь за обломанный мост. Оля пожала плечами, покосилась на покойника и, передёрнувшись, торопливо отошла к склону холма, откуда просматривалось занавешенное высоким кустарником шоссе. Будь Борис Полозов менее взволнован, он сполна бы оценил

выдержку и хладнокровие подруги. Но сейчас для Лиса жизнь текла как будто за матовым стеклом, а он стоял на своей заставе, ожидая атаки из глубин небытия.

— Слушай ты, рыжий, убирайся отсюда. Не торчи у меня на пути! — грохнуло рядом, и мертвец резко сел в луже.

Челюсть Лиса плавно опустилась вниз.

— Чего уставился? Пусти, говорю!

— Я тебя не держу, — отозвался Лис и на всякий случай помотал головой, отгоняя наваждение.

Но наваждение в лице покойника исчезать не пожелало. Более того, труп раздвоился, и копия его бодро вскочила на ноги. Лицо и голова выглядели целёхонькими, но джинсовая куртка, надетая поверх чёрной футболки, была заляпана кровью.

— Кончай мне лажу парить! Ещё раз мне дорожку перебежишь, и... — дух красноречиво навис над юношей, упёршись кулаками в бока.

Лис, проследивший за обоими кулаками, заметил на правом обрывок сочной татуировки. Основная часть изображения пряталась под рукавом.

— Ты уверен, что у тебя не осталось ничего на этом свете? — осведомился Лис.

Дух слегка растерялся. И тут Оля напомнила о своём присутствии.

— Борис! Пойдём на шоссе.

— Ещё минутку, — торопливо отозвался Лис.

— Девушку нельзя заставлять ждать, — нравоучительно произнесла информационная часть только что убиенного. — Отпусти меня и кагись подальше. Мне есть, чем заняться.

Оля изменилась в лице и осторожно потянулась в сторону, чтобы разглядеть нечто, стоящее перед юношей. Мгновение спустя последовал пронзительный визг.

— Оля! — Лис кинулся подруге. — Оля, ты чего?

— Там... там... — едва выдавила она.

Лис оторопел. Подруга смотрела прямо на привидение. И судя по реакции, видела его во всех деталях.

— Оля, это заложный, — как мог невозмутимо объяснил Борис. — Некоторое время он будет существовать на этом свете.

— Почему он такой... естественный? — срывающимся голосом спросила девушка.

— Он выглядит так, как сам себя представляет. Ведь призрак — это всего лишь информация, сконцентрированная на определённой цели.

— Моя цель — побыстрее свалить отсюда, — отчеканил дух. — Всё. Я совершенно свободен. И не желаю больше болтаться в этом гадюшнике!

— Ну и вали на все четыре стороны! — Лис повысил голос. — Оля, идём.

Он взял девушку за руку и направился в поле.

— Борис, куда мы? — забеспокоилась та.

— Пешком до города около часа. Чем до ночи ловить попутки, позвоним в милицию с первого же таксофона. А «Жигули» братья потом заберут.

— Эй, рыжий, погоди!

Борис Полозов раздражённо оглянулся.

— Что ещё? Сам сказал — свободен. Вот и наслаждайся свободой. А у меня своих проблем до кучи.

— Тут ты прав, проблем у тебя полный коробок, — хмыкнул призрак в джинсовке. — А у меня есть кое-что тебе в помощь. Баш на баш. Меняемся?

Яркие, будто живые глаза хитро блеснули. Лис растерялся.

— Что ты предлагаешь поменять? — спросил он.

— Я дам тебе идею и средство для её реализации, а ты окажешь мне услугу. Ну, как?

Лис сосредоточенно искал подвох.

— Рыжий, я играю без подставы, — серьёзно сказал блазень. — Помоги мне кое-что сделать, а я помогу тебе. Ты думаешь, чувак в «Фиате» слинял?

— А что? — струхнул юноша.

— У тебя машина на дороге? Тогда он срисует номер, выяснит, кто владелец, и уберёт свидетелей завтра, послезавтра или через неделю. У него кровный интерес: не замарать репутацию.

Оля тихонько ахнула и вжалась в плечо Бориса. Тот насупился.

— Ладно. Что я могу для тебя сделать?

— Лопух ты, но это исправимо, — призрак широко улыбнулся. — Слушай. Там в кармане осталось письмо, которое я не успел передать двум моим хорошим друзьям. Если оно попадёт в ментовку, у парней будут крупные неприятности хотя бы потому, что они меня давно знают. Достань конверт и уничтожь.

Лис посмотрел на изуродованный труп, на информационную его ипостась, тяжело вздохнул и пошёл к покойнику.

— А заодно, — беспечно продолжал призрак, — возьми мой сото-

вый. Разрешаю. Как тебе сделка?

— Очаровательно, — буркнул Лис.

Прежде чем приступить к исследованию карманов покойника, Борису Полозову пришлось вытащить из грязи окровавленное тело, а в довершение всех бед — перевернуть на спину.

— Подловил он меня, — комментировал издали призрак, ничуть не смущаясь плачевным состоянием своего бывшего вместилища. — Я подозревал, что меня заказали. Но от этого гада не ожидал. В приятелях ходили. Встретились, обсудили кое-какие дела, выпили пивка. Да не в кайф оказалось. Он мне что-то подсыпал. Я вырубился, а он меня сюда привёз и шлёпнул.

Оля бросила на блазенья пренебрежительный взгляд и взялась помогать Борису. Их общими усилиями письмо и мобильник вскоре были извлечены из недр отяжелевшей от грязи куртки.

— Бумагу сожги, — предупредил покойник. — Чтоб никаких следов.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Лис и брезгливо стряхнул с конверта чёрно-бурую массу. Адрес, написанный шариковой ручкой, практически не читался. Единственное, что углядел юноша, это характерное для абонентского ящика «а/я» в строке получателя.

Оля тем временем тщательно вытерла платком корпус сотового телефона и протянула аппарат Борису.

— Я не знаю, как им пользоваться, — смущённо пояснила она.

Лис, не задумываясь, набрал номер.

— Кому ты звонишь? — насторожился призрак. — Менты по «02» отвечают.

— Для начала — домой!

На его счастье мобильник работал исправно, и трубку домашнего телефона подняли после второго гудка.

— Это я, — начал Лис и затем долго выслушивал точку зрения Ворона о своём бесследном исчезновении. — Ты закончил, Влад? — подчёркнуто осведомился он, когда словарный запас брата иссяк. — А теперь слушай меня. Мы с Олей находимся рядом с Бурашевским шоссе. Здесь произошло заказное убийство. Киллера мы видели.

На том конце образовалась пауза. Лис представил, как близнецы выразительно переглянулись, и добавил, решив предвосхитить вопрос.

— Влад, он нас тоже видел.

Ответ содержал два этажа хорошо подобранных выражений в адрес убийцы.

— Влад, не волнуйся, он уже уехал. Но «шестёрка» заглохла и сто-

ит на дороге...

Лис запнулся, и насчитал три новых этажа. Уже в свой адрес. В трубке раздался треск.

— Влад?.. А, Всеволод!.. Нет, мы не на шоссе... Около покойника. Он нам мобильник дал... Да не покойник, а его призрак!

— Рыжий, ты с кем говоришь? — озадаченная физиономия блазень появилась перед Лисом.

— Отстань, — отмахнулся юноша. — Нет-нет, Всеволод, я не тебе.

— Ты не Полозов ли случайно? — не унималось привидение.

Его голос был услышан. Лис уловил сумбурные реплики близнецов. Затем последовало требование Тура описать убитого во всех деталях. Запрос показался совершенно несвоевременным, но юноша привык безоговорочно выполнять указания старших братьев и послушно начал:

— Высокий, жилистый, волосы короткие тёмно-русые, — он предпочёл рисовать словесный портрет с призрачной копии покойника, а не с его изуродованного оригинала. — Татуировка на руке... Чего у тебя там изображено? — это относилось непосредственно к духу.

Тот нетерпеливо закатал нематериальный рукав, и на Бориса Полозова глянул весёлый чёрт с длиннющим хвостом, пика которого красовалась на мощном кулаке.

— Наколка с изображением беса, — доложил Лис в трубку, выслушал ответ и удивлённо протянул мобильник призраку. — Хотят с тобой поговорить.

Блазень без колебаний взял предмет. Аппарат легко улёгся в фантомной руке, как будто навечно вжился в ладонь. Юноша отступил. Но то ли слух у него обострился до невероятных пределов, то ли призрак послужил ретранслятором, сам того не подозревая, так или иначе Лис слышал весь разговор.

Телефон перехватил Ворон.

— Славик, тебя поздравить или как? — без предисловий спросил он.

— «Или как». Эй, Лорд? Док?

— Первое верно.

— Понял. А каким образом ты со мной разговариваешь?

— Так же, как со всей вашей потусторонней братвой. Славик, где твой убийца?

— А хрен его знает. Вы лучше двигайте-ка сюда и забирайте своих голубков от греха подальше.

— Уже выезжаем. А ты прикрой ребят.

— Что?! Чёрт вас всех дери! Только я отделался от вашего меньшего брата, как ты меня пристегнул! Мы так не договаривались! Был бы я живой — всегда пожалуйста. Но сейчас я ни на кого работать не намерен! Я свободен! Слышишь?

Аппарат не ответил.

— Он давно трубку положил, — сообщил Лис издали.

Призрак в сердцах встряхнул мобильник, но отбросить предмет не сумел. Ещё раз потряс в воздухе рукой, удивлённо осмотрел телефон, превратившийся в продолжение ладони, плюнул и сердито оглядел юношу и девушку с ног до головы.

— Здрасьте, я ваша нянька. Во что играть будем?

— Кончай паясничать, — перебил Лис. — Всё, что от тебя требуется — предупредить нас, если появится киллер. А дальше моё дело.

Оля облегчённо вздохнула. Защита в облике друга представлялась ей куда надёжнее «призрачной». Лис почуял это затылком и приосанился. Дух-Славик без труда расшифровал пантомиму.

— Хорошо, герой. Посмотрим, что ты голыми руками против ствола сделаешь, — усмехнулся он. — Давайте топайте на шоссе. В людном месте он стрелять не станет. Свалились же вы на мою голову!

— Твоя голова лежит в луже простреленная в упор, — сообщил Лис в отместку за «няньку», «героя» и тому подобное.

— Борис, — шепнула Оля.

Он механически кивнул подруге и продолжал, обращаясь к духу.

— И мы, кстати, бежали сюда, чтобы помочь этому, — он показал на тело, — а не пререкаться с привидением.

— Борис! — рука девушки дрогнула в ладони Лиса. — Кто-то идёт...

Вместо логичного в данный момент страха юношу окатил стыд. Опасность он прошляпил классически, несмотря на непревзойдённый слух и лисье обоняние. Призрак испытал похожие чувства.

— Бегите на дорогу! Я его задержу, — опомнился он после секундного замешательства.

Однако Лис принял другое решение.

— Уведи его! — шёпотом крикнул он и бросился за угол разваленного овощехранилища, увлекая за собой Олю.

— Куда! Дурак! — раздалось вслед, но Лис не отреагировал.

Перемахнув через высокий цоколь, он подхватил девушку, поставил рядом с собой и лишь теперь огляделся.

Активная строительная деятельность здесь закончилась лет десять

назад. Возвести успели лишь две стены, причём одну кто-то уже частично разобрал на кирпичи. Вместо пола внутри так называемого здания произрастали все возможные виды окрестных сорняков во главе с крапивой. А единственным напоминанием о строительстве осталась жестяная ванна, вросшая в землю под тяжестью затвердевшего цемента.

Лису пришлось признать свою ошибку. Ничего общего с надёжным убежищем сие архитектурное творение не имело. Зато на ум совсем некстати приходила другая ассоциация: могильный склеп.

— Притаимся, — одними губами произнёс юноша.

Оля с готовностью закивала. И оба, будто мыши, юркнули в высокие заросли чертополоха, завладевшие самым мокрым и тёмным углом.

Ленивые минуты вили из нервов тугие верёвки. Порывы ветра за стеной периодически срывали тишину. Оля сжималась в комочек, заслышав утробные завывания. А Лис, доведя слух до исступления, вздрагивал при каждом шорохе песка по мокрым кирпичам. Через неопределённое время ему стало казаться, что всё происходящее — дурная игра воображения, что приближение «кого-то» Оле почудилось, и тонкий запах убийцы, вроде бы залетевший в нос — лишь фантомное чувство, порождённое страхом. Он тщательно принохался к пространству. Но влажные колючие стебли источали резкий пряный дух, отрезавший все иные запахи. Призрак Славика пропал бесследно. Не слышно было ни шагов, ни движений. Лишь ветер исполнял однообразную басовую арию, разгуливая между кирпичной стеной и склоном холма, будто по трубе.

— Борис, — губы Оли тронули его ухо, — а призрак мог его прогнать?

Юноша неопределённо качнул головой.

Время поползло дальше и, наконец, упёрлось в предел человеческой выдержки. Лис зашевелился.

— Борис! — девушка вцепилась в рукав его куртки.

— Сиди тут очень тихо.

Он начал привставать. Медленно-медленно, так, что мышцы сводило от напряжения.

Дух травы отступил. Длинный тонкий нос поймал запах мокрого кирпича и очень далёкий — крови. До слуха долетел одиночный «чавк» грязи. Из-за колючих зарослей выплыл край стены.

Лис продолжал подниматься.

Обзор расширился. Он втянул ноздрями воздух и...

Порыв ветра бросил в лицо отчётливый запах возбуждения. Вме-

сте с ним в поле зрения оказалась реальная мужская фигура и обляпанная кровью грудь призрака.

— Дурень! Не высовывайся! — заорал дух-Славик.

Лис от неожиданности громко приземлился на пригретое место. Человек за скосом разобранной стены резко обернулся на звук шлепка.

— Не шевелись! — Славик, казалось, вырос до гигантских размеров, пытаясь закрыть киллеру обзор.

Однако свидетели были замечены. Убийца поднял руку с чёрным предметом, зажатым в кулаке.

— Бегите! — скомандовал призрачный телохранитель.

— Он тебя не видит и не слышит, — предупредил Лис.

— Живо!

Оля вскрикнула и опрометью кинулась через крапиву и чертополох прочь от убийцы. Лис вскочил следом. Пахло горячим металлом. Что-то щёлкнуло, но выстрела не прозвучало. Юноша исхитрился оглянуться на бегу. Славик маячил перед киллером. Тот судорожно возился с пистолетом. Оставалось предположить, что причиной осечки стал именно призрак.

За выигранные секунды Оля успела добежать до обрыва стены и метнулась к холму. Лис проделал то же, но, прежде чем скрыться с линии огня, ещё раз обернулся.

Стрелка на прежнем месте не было.

Юноша побежал за подругой, хотя что-то внутри требовало остановиться и внять здравому смыслу. В чём заключался этот смысл, он сообразил с непростительным опозданием: парень с пистолетом за беглецами гнаться не собирался, а просто вышел им навстречу из-за угла строения.

— Оля! — Лис схватил её за плечо и отдернул в сторону.

Она поскользнулась, неуклюже плюхнулась на бок и, оглушённая, замерла, распластавшись в глиняной жиже. Борис Полозов на ногах устоял, развернулся, будто собирался кинуться на врага, и растерянно замер, воткнувшись взглядом в чёрное око смерти.

Уголки пухлых губ убийцы медленно ползли к щекам. Пистолет плавно поднимался в исходную точку...

Порыв ветра ударил в спину молодчика с оружием. Тот качнулся, однако позицию не изменил и, разумеется, не подумал оглянуться. А Лис отчётливо узрел, как позади бандита нагнетается неестественно тёмный туман.

*Они пришли. И память говорит
Из-за границ замёрзшего мгновенья.
Жди и внимай. Путь в вечное открыт.
Жизнь, смерть и сон едины в безвременье...*

Лиса пронзил жгучий холод. Там, где секунду назад высился насыпной холм, висел плотный ледяной мрак, в котором двигались безликие тени.

— Олежек, милый, не делай то, что задумал!

Седовласая женщина в бледно-розовом платье вышла из сумрака и встала за спиной киллера, судорожно перебирая пальцами кисейный платочек.

Дуло с натугой преодолело последние миллиметры и замерло.

— Олежек, послушайся маму. Последний раз послушайся! Не отнимай чужую жизнь!

Палец мягко повёл курок.

Лис рванулся прочь, но всегда послушное тело отказалось выполнять команду и лишь чуть-чуть подалось в сторону. Юноша в панике попытался ещё раз и ещё, пока не понял, что сам увяз в том же мгновении, что и убийца. Внутри безвременья жили лишь те, кто не существовал на этом свете.

— Ворон! Тур!!

Лис не знал, прозвучал его голос или сгинул в ожившей бездне, однако лучшей идеи в запасе не нашлось.

Глушитель заглотнул грохот выстрела.

— Олежек... — женщина закрыла ладонями вмиг опустевшие глаза. — Будь ты проклят, слепой убийца...

Время ринулось вперёд, и вместе с ним из плена вырвался обезумевший ветер. Лиса отбросило к стене...

* * *

На спидометре стабильно обрисовалось сто сорок.

— Дорога мокрая. Аккуратнее,— предупредил Тур.

Брат согласно кивнул, но стрелка спидометра поползла к ста пятидесяти.

Пригородные постройки пронеслись за окнами БМВ за считанные секунды. Въезд в черту города Ворона не остудил, разве что избитый асфальт вынудил его сбросить скорость до сотни. Улицы будто вымерли, и зрителями сумасшедшего ралли были лишь единичные пешеходы. Полозовы беспрепятственно пересекли волжский мост, миновали площадь, на лихом вираже обогнали по трамвайным путям одинокий

грузовик и вырвались на шоссе.

— Прямо-таки мёртвый сезон на дороге, — заметил Ворон.

— Нам везёт, — обронил Тур, перезаряжавший «ЗИГ-Зауэр». — Готово, — он передал близнецу оружие. — Держи у себя.

В ладонях покалывало. Тур откинулся на спинку сиденья, снял перчатки и потёр руки одна об другую. Не помогло. Тепло стремительно уходило. Он попробовал расслабиться, насколько позволяла обстановка, и определить причину странного самочувствия. Озноб переполз на плечи и вдруг хлынул к груди. Помимо воли опустились веки. Тур попытался поднять голову, но мышцы обмякли. Удивление переросло в испуг. «Ворон!» — губы остались немые.

Бесконечное свободное пространство подхватило сознание и понесло над землёй. Удалился высотный микрорайон, и однообразные серые «девятиэтажки» превратились в безалаберно набросанные спичечные коробки. Шоссе узким шнурком легло на зелёные поля, по которым рассыпались чёрные крошки окрестных деревень. А мягкий ковёр — огромный лесной массив — раскинулся до самого горизонта, украшенный синими лентами рек. Картина завораживала, пленяла, влекла выше и выше...

Тур!

Лес, шоссе, поле стремительно увеличились до своих реальных размеров, и нечто, являющееся в данный момент непосредственно Всеволодом Полозовым, сконцентрировалось над разрушенным кирпичным строением. Между стеной и высокой насыпью застыл Лис, а напротив него незнакомец, спускающий курок.

Тур отчётливо увидел траекторию выстрела. Сгусток воли метнулся вниз, к брату, но доселе податливое пространство преобразовалось в скользкую, будто жидкую массу. Трагическая развязка казалась неминуемой.

— Тур! Тур!!

Он из последних сил ударил в затвердевающий барьер. Тело содрогнулось. Левая ладонь судорожно сжалась в кулак.

— Тур, посмотри на меня!

Он так и сделал.

Чёрный контур и белое пятно.

Он сфокусировал взгляд. Чёрным оказались усы и борода близнеца, а белым — его лицо.

— Коллапс. Кратковременный. Не волнуйся, — выговорил Тур автоматически.

В груди обнаружилась горячая пустота, секунду спустя он вспомнил, что живому человеку необходимо дышать. От обилия кислорода кровь ударила в голову, отметив визит салютом из разноцветных пятен перед глазами.

— Я в порядке, в порядке, — Тур отодвинулся, насколько позволяло узкое кресло и крепкий торс брата, навалившийся слева.

— А если честно? — к Ворону вернулся дар речи.

— Кажется, я... заснул.

— Да? Ты выглядел, как...

Он прикусил едва не вылетевшее слово, рванул ключ зажигания и резко развернул машину, стоящую поперёк шоссе. Отголосок стресса клочкотал в груди в унисон с надрывающимся мотором.

— Не смей экспериментировать над собой! — вырвалось у Ворона помимо воли. — Тур, слышишь? Не смей!

— Специально я этого не делал и не сделаю, близняшка, — негромко ответил брат.

Дорога плавно изогнулась. Справа поднялась густая лесополоса, а с другой стороны раскинулось грязное ухабистое поле.

— Наш «жигуль», — Тур показал на обочину, где вдалеке сиротливо скособочилась злополучная автомашина.

Ворон подался вперёд, высматривая слева по курсу какие-либо признаки младшего брата и его подруги, но тут на шоссе откуда ни возьмись выскочил человек. Ворона изумило безрассудство мужчины, вознамерившегося остановить собственным телом мчащийся на полной скорости БМВ, а Тура — его одежда: синий медицинский халат.

Завизжали тормоза. Бампер замер в миллиметре от смельчака, причём тот не отступил ни на полшага.

— Туда! — врач показал на перелесок. — Они там!

Близнецы дружно переглянулись.

— Зачем он «скорую» вызвал? — начал было Ворон и осёкся. Медик исчез без следа.

— Блазень, — выговорил Тур и живо выскочил из машины. Брат последовал за ним.

* * *

Ветер, превратившийся в настоящий ураган, отшвырнул Лиса к насыпи и ринулся на киллера. Раздался истошный вопль. Хлопок второго выстрела, явно не прицельного, потерялся в раскатистом грохоте и гневных завываниях обезумевшей стихии.

Лис рискнул поднять голову. Над холмом висела туча пыли, одна-

ко ничего, что могло бы породить громоподобный гул, он не обнаружил. Разве что в глине валялись выдранные из стены кирпичи.

Кирпичи. Стена. Оля.

Лис окончательно пришёл в себя.

— Оля! — он юзом съехал со склона, вскочил и бросился в силикатную взвесь, оседающую на землю.

— Я тут! — она закашлялась.

— Ты, рыжий придурок! — гаркнул Славик. — Что тебе в кустах не сиделось!

Оля кинулась к другу. Лис струхнул: что делать, если девушка закатит истерику? Вполне законную со всех точек зрения. Но Оля осталась верна себе и только взволнованно всхлипнула.

— Я боялась, он в тебя попал.

Борис Полозов моментально во всех деталях воссоздал в зрительной памяти картину происшествия и содрогнулся. Попасть в цель киллер был должен. Просто обязан.

— Ты не ранен? — Оля с надеждой заглянула в его глаза. — Борис?

Лис побледнел. Но не по причине вдруг обнаруженной раны. Далёкий звук быстрых шагов резанул слух, заставив сердце отчаянно сотрясать грудную клетку.

— Он где-то здесь, — выдавил юноша, с ужасом глядя на насыпь, из-за которой вот-вот мог показаться убийца.

— Ой, нет, — пролепетала Оля.

Отчётливо щёлкнул предохранитель.

В поисках помощи взгляд Лиса зацепился за призрака. Славик стоял, прислонившись к стене, и с усмешкой наблюдал за подопечными.

— Ну что, герой, штанишки промочил? — поинтересовался он. — Вытри нос. Твои братья приехали.

Обида Лиса чуть было не превратилась в конкретное деяние: схватить кирпич и врезать этим кирпичом по наглой усмехающейся физиономии. Но вмешалась Оля.

— Прекратите! Ваше поведение отвратительно!

Её звонкий голос разлетелся по округе.

— Тише, матрёшка, — призрак примирительно двинулся к девушке. — Я хороший парень и я...

— Стой где стоишь!

— Ворон, — выдохнул Лис.

— Лорд, ты что, белены объелся? — Славик обернулся. — Ого, какая пушка!

Лис чуть было не расхохотался. Владимир Полозов держал на прицеле привидение.

Всеволод Полозов оценил обстановку более адекватно.

— Это Славик, — сказал он и пошёл к Борису и Оле.

— Братцы, как я рад вас видеть! — воскликнул Лис, всячески пряча страдальческую улыбку, представлявшуюся ему совершенно идиотской.

Славик с чувством выполненного долга оглядел собравшуюся компанию.

— Все на месте, целые и невредимые. А ты, Лорд, заткнись до того, как откроешь рот! Я не желаю задерживаться тут ни на минуту!

— Я хотел сказать тебе спасибо, — откликнулся Ворон.

— Всегда пожалуйста. Звоните на досуге! — призрак потряс рукой с мобильником и стал медленно удаляться.

— Куда ты? — опомнился Лис.

— С детства мечтал путешествовать по свету! — раздалось из запредельной дали. — Всем пламенный привет...

— Всеволод Васильевич, этот Славик и при жизни был таким же грубияном? — устало спросила Оля.

Близнецы переглянулись, и две пары настороженных глаз обратились к младшему брату.

— У неё ведьмы в роду, — объяснил Лис.

— Похоже, вы умотались, ребята, — сочувственно заметил Ворон.

Всеволод Полозов ненавязчиво развернул девушку в направлении шоссе.

— Славик был надёжным другом, — запоздало ответил он. — А это качество перевешивает прочие, неудобные для окружающих. Борис, идём.

Лис встрепенулся. Брат протянул левую руку, чтобы взять юношу за плечо, а ладонь без видимой причины осталась сомкнута в кулак, чего сам Тур не замечал.

— Что у тебя с рукой? — медленно произнёс Лис, не двинувшись с места.

В следующее мгновение догадка просочилась наружу вместе с первыми каплями реального дождя.

— Тур, что у тебя *в руке*?

Очутившийся рядом Ворон перехватил кисть близнеца и заставил разжать.

Безвременье, выстрел, дуло пистолета, зловещие глаза смерти на лице киллера в одно мгновение пронеслись перед Лисом.

— Тур, — беззвучно пробормотал он.

На ладони старшего брата покоился гладкий металлический цилиндр, похожий на миниатюрную башню с округлым куполом.

— Не сейчас, малыш. Дома поговорим, — шёпотом предупредил брат. И добавил, обратившись непосредственно к близнецу: — Я в норме. Клянусь.

Владимир Полозов шумно выдохнул забытый в лёгких воздух.

— Верю. Но кое-что ещё меня беспокоит: где тот, кто выпустил *это* в полёт?

Лис смирился с мыслью, что конца буйного дня не ожидается. Второе явление на белый свет «Sig-Sauer P226» он воспринял как должное и охотно выполнил команду переместиться в тыл, попутно забрав с собой Олю.

— Мне кажется, я вижу кошмарный сон, — призналась девушка.

— Ты хочешь оставить всё за чертой яви? — осторожно спросил Борис Полозов.

Она задумалась.

— Нет. Ведь тогда черта ляжет... между нами.

Ворон, держа пистолет наизготовку, метнулся за угол овощехранилища. Лис невольно шагнул вперёд. Тур, следовавший за близнецом, заметил движение младшего брата и знаком велел оставаться на месте.

— Кто твои братья?

Борис Полозов вобрал голову в плечи. Промолчать — значило солгать.

— Они военные? — уточнила Оля.

Лис возблагодарил судьбу за отодвинутый момент истины.

— Служили в Афгане. Но это давно было. А сейчас — просто хорошо тренированные мужики, которые вдвоём прошли огонь, воду и медные трубы.

— А я смотрю на них и пытаюсь представить отца. Ведь я не знаю, как он жил на войне. Он никогда не рассказывал. И даже не говорил мне, куда уезжает. И мама не говорила... Смотри, нас зовут.

Пейзаж, развернувшийся перед взором, на несколько секунд пригвоздил Лиса к земле. Первое, что бросилось в глаза, была цементная ванна, воткнутая в центр углубления, где совсем недавно красовалась огромная лужа и плавал простреленный труп. Ровная дорожка из битого кирпича тянулась в поле. Выбранные сорняки клоками валялись вокруг, а несколько деревьев, отбившихся от компании лесополосы, беспомощно покачивали корнями в воздухе.

— Что тут произошло? — чеканным голосом осведомился Владимир Полозов.

— Понятия не имею, — проговорил Лис, созерцая побоище.

— Ураган, — подсказала Оля. — Когда стена посыпалась, Славик меня аж в землю вжал, чтобы не унесло.

— Прицельный получился ураган, — усмехнулся Всеволод Полозов, поднимаясь с колен.

Оля ахнула.

Возле остатков стены лежал охотник за свидетелями. Дышал, время от времени издавал слабые стоны и рефлекторно приподнимал веки, тщетно разыскивая пустыми глазницами признаки дневного света.

— Он в шоке. Кровь я остановил. Жить будет, а вот заниматься отстрелом людей вряд ли, — доктор Полозов невозмутимо натягивал на руки чёрные перчатки. — Отъедем подальше отсюда, вызовем «скорую».

— А как это?.. — вопрос застрял у Лиса в пересохшем горле.

— Мощный порыв ветра метнул ему в лицо мелкие осколки кирпича, — пояснил Тур и точь-в-точь как молчавший близнец подозрительно посмотрел на младшего брата. — Удивительная стихийная меткость.

— А что вы на меня уставились? — ошетинился Лис. — Я тут не при чём! Переход открылся сам. И оттуда его, — юноша ткнул пальцем на ослеплённого киллера, — прокляла мать. За дело, между прочим.

— Ну и денёк, — Ворон вытер рукавом лоб, глянул на разрешившиеся дождём сизые тучи и подытожил. — Предмета преступления нет, поскольку труп сгинул, следов не будет через десять минут благодаря весьма своевременному ливню, а несчастный случай с исполнителем заказных убийств произошёл по вине разборчивого урагана.

— По-моему, всё складывается удачно, — Лис пожал плечами.

— Остался последний вопрос, — Тур задумчиво созерцал кустарник тщедушной лесополосы, — откуда взялся медик, остановивший нас на шоссе?

— Какой медик? — вскинулась Оля.

В уютном кафе недалеко от платной автостоянки посетителей было порядочно, зато любителей провести вечер на открытой террасе за пластиковыми столиками, влажными от брызг проливного дождя, оказалось всего четверо: два статных одинаковых мужчины, рыжеволосый парнишка и круглолицая молоденькая девушка. Двое последних походили на незадачливых туристов, выбравшихся из месива

просёлочных дорог.

— Оля, не волнуйтесь, на нас никто не обращает внимания, — Владимир Полозов вынул изо рта дымящуюся сигарету и улыбнулся. Чёрные очки небрежно раскинули дужки посреди кофейных чашек и картонных тарелок.

Девушка смущённо отвела руку от коротенькой причёски, украшенной заскорузлыми подвесками из мокрой глины в белой силикатной пудре.

— Да я так, — пробормотала она. — Я понимаю. Но странно всё. Ведь я видела. Наяву видела!

— Вы видели подтверждение вашей теории о бесконечности бытия, — заметил Ворон.

Оля задумчиво склонила голову.

— Про ленту Мёбиуса рассказал мне отец. Я в школе тогда училась. Мы даже склеили ленту из бумаги. Папа начертил на ней непрерывную линию и сказал: смотри, это линия жизни.

— Могучий символ, — произнёс Всеволод Полозов.

— Но почему папа не показался мне? — девушка вопросительно оглядела всех Полозовых поочерёдно.

— Его нет среди живых, Оля, — тихо сказал Лис. — Он существует как информация, то есть — память.

— А с памятью жить нелегко, — добавил Ворон.

— Почему же? — удивилась она.

— Помнить — значит нести ответственность за настоящее и будущее, — ответил Тур.

— Перед предками?

— И потомками, — продолжал доктор Полозов. — Ведь то, что ушло за грань жизни, даёт новую жизнь. И круг бытия не обрывается никогда. Верно, Борис?

Лис встрепенулся.

— Я чуть не забыл! Братцы, дайте сотовый, пожалуйста.

Ворон неохотно достал свой мобильник, передал младшему брату и ревностно проследил, как тот набирает номер. Тур приподнял правую бровь, но повременил с вопросами.

— Здравствуйте, — торопливо заговорил юноша, когда абонент ответил. — Вы меня не знаете, но я обещал вам передать. Покажите Даше могилу дедушки. Понятно, что вы боитесь травмировать ребёнка осознанием смерти. Но в этом знании кроется сила жизни. Не ограждайте девочку от её корней. Дед ждёт. Он очень просил увидеться с

внучкой. Пожалуйста, не откажите ему.

Мобильник пискнул, отметив конец разговора.

— Лис, а теперь поставь себя на место тех людей, которые выслушали твой монолог, — посоветовал Ворон.

Его тоскливая усмешка и сочувствующий взгляд Тура лучше всяких слов выразили отношение старших Полозовых к благим намерениям брата.

— Но вы даже не знаете, кому он звонил, — вступилась Оля.

— Он тоже не знает, — бросил Владимир Полозов. — И потому выполнил просьбу какого-то тоскующего духа с точностью до наоборот.

Мог бы и промолчать, — сердито блеснули глаза Лиса.

— Полно тебе, — вмешался Тур. — Будем надеяться, что у них хватит смелости уважить дедушку.

Тёмно-синий БМВ остановился возле калитки. Оля запахнула кофточку и, спохватившись, пощупала карман.

— Надо же, целая!

Она извлекла наружу предмет, послуживший поводом её воскресных приключений.

— Я шла из аптеки, — пояснила юная медсестра и, заметив внимание доктора Полозова, показала ему баночку с таблетками. — Нитросорбит. У бабули сердце побаливает последнее время.

В чёрной бороде Тура мелькнула улыбка.

— Дайте вашу руку, Оля, — произнёс он.

Лис, не веря своим ушам, уставился на брата. Насторожился безучастный до сего момента Ворон.

Оля удивлённо прикоснулась к протянутой ладони. Длинные прямые пальцы хирурга сжали девичью кисть. Оля обмерла. По её руке тонкой змейкой поползло живое тепло.

— Всеволод Васильевич, — прошептала девушка, не смея шелохнуться.

— Передайте это вашей бабуле. Пусть боль не беспокоит её.

— Всеволод Васильевич... вы... вы...

— Только не называйте его колдуном, — насмешливо предупредил Ворон, глянув в зеркало на ошарашенную пассажирку.

В пасмурном сумраке летнего вечера сверкнули две огненные искры.

— Я так и знала, — невнятно отозвалась Оля. — Спасибо, Всеволод Васильевич.

— До встречи, коллега.

Мягкая улыбка растворилась в зеркале.
Девушка растерянно кивнула и поспешно вылезла из машины, прижимая к груди неосязаемый подарок.
— Борис, — она задержалась возле калитки, — мы увидимся?
— Я приеду к тебе, — крикнул юноша через открытую дверь.
Автомобиль тронулся с места.
— Но без комфорта: верхом на мотоцикле, — добавил Ворон себе под нос.
Лис, разумеется, услышал, придвинулся вперёд и оперся о спинки передних сидений так, чтобы оказаться между братьями.
— Ругаться прямо сейчас будете? Или дома? — осведомился он.
И без промедления получил щелчок в лоб.
— Сиди, ловец неприятностей. И без нас с тебя хватит.
— Без вас я бы оттуда живым не ушёл, — совершенно серьёзно сказал Борис Полозов.
— Мы прибыли к шапочному разбору, — напомнил Ворон. — Благодарю силы природы за своевременное вмешательство.
— Ничего подобного. Силы природы всего лишь привели в исполнение проклятие его матери, — отчеканил Борис. — А за секунду до этого пулю поймал Тур. Тур, покажи. Где она?
— Лис, это нелепо, — тихо возразил Всеволод Полозов. — Я был в машине на шоссе, во-первых. Во-вторых, поймать пулю физически невозможно.
— Мы оба видели её у тебя на ладони! — подскочил юноша. — Ворон, ты ведь тоже видел!
— Что-то я видел. Но... — он прикусил ус. — Тур, эта штучка всё ещё у тебя?
— Я не помню, что с ней сделал.
— Ну вот, опять, — простонал Лис. — Братцы, что вам ещё нужно, чтобы понять, кто вы есть на самом деле?
Брови близнецов синхронно сомкнулись над почерневшими глазами.
— Наверное, время, малыш, — произнёс Тур.
— А я думаю, вы боитесь взять на себя ответственность. Ту самую, о которой ты сам сказал Оле. И можете не продолжать. Я умолкаю, — Лис гордо вскинул веснушчатый нос. — Чему я с вами научился, так это ждать.

* * *

Спорная тема более не поднималась, и Лис остался весьма доволен собой. Наблюдая за помрачневшим Туром, он решил, что сказал доста-

точно, чтобы братья всерьёз задумались о своих потенциальных сверхъестественных способностях. Лучшего примера, чем сегодняшняя ситуация, и представить было невозможно.

Лис в самых ярких красках расписал приключение Деду, однако ожидаемого одобрения не встретил.

— Ты это, лучше б о братьях подумал, — проворчал болотник.

— Но я же о них и думаю! — удивился Лис.

— Думать-то думаешь, да не той мозгой, — вздох, облачко болотного тумана отделилось от привидения и взлетело под потолок. — Тебя послушать, получится, будто человек обернулся призраком и поймал пулю, покамест другой на его мёртвое тело смотрел. А после, это, взял и ожил. Помозгуй-ка, каково обоим было?

— Ну тебя, Дед, — отмахнулся Лис. — Что бы тебе ни говорили, ты обязательно повернёшь всё в минус!

— Опаньки, — болотник тряхнул седыми лохмами. — А где ты видал, чтобы в природе один «плюс» значился? Возьми ты своё «всё» и пораскинь умишком. Нету такого там, чтобы только «плюс». Обязательно «минус» где-то найдётся. Иначе б мир кувырнулся в твой «плюс» и в тартарары кубарем. Вот я для тебя что?

— Плюс, — неуверенно ответил юноша.

— Ага. А для дочки моей — минус. С тех пор как без вести в болоте сгинул и числюсь «минусом».

Он натужно крикнул и побрёл в темноту коридора, а собеседник остался стоять на пороге своей комнаты с приоткрытым ртом.

Смутную тревогу, зарождённую витиеватой проповедью Деда, подогрел телефонный звонок. Лис наострил уши.

— Маринушка? Здравствуй, милая... Конечно... Конечно, помним! Да. Исправимся обязательно... Через полчаса. Непременно.

Лис усмехнулся и бесшумно закрыл дверь.

— Как с гусей вода, — прокомментировал он пустой комнате, вспомнил, что Кикиморы нет и поболтать не с кем, вздохнул и с размаху распластался на тахте.

Ворон опустил трубку.

— Я первым в душ.

Брат, стоящий возле окна спиной к гостинной, не пошевелился.

— Тур?

— Будет лучше, если ты поедешь один.

На дом опустилась глухая тишина.

— Тур, что с тобой? — голос Ворона раздвинул мёртвое молчание.

— Я не имею права разыгрывать из себя человека. Перед ней.

— Что?.. Что тебе взбрело?

Подвернувшийся на пути стул шершаво проехал по ковру.

Тур круто обернулся.

— Ворон, давай наберёмся смелости и примем вещи такими, какие они есть. Сегодня я был призраком и созерцал землю с высоты птичьего полёта. Потом Лис позвал. Я видел выстрел, бросился к парню и перехватил пулю прямо из Перехода.

— Тебе это приснилось, — выговорил Ворон.

— Сон — это окно в личную память человека. Мой сон — это смерть. Ты сам прекрасно знаешь, но не хочешь поверить. А ты вспомни семь мостов, гробницу в корнях мёртвого дуба, саван из бычьей шкуры. Это было.

— Не здесь.

— А здесь была засада душманов, взорванный БТР и гора трупов, под которой выжил ты один. И были чёрные пластиковые мешки вместо бычьей шкуры.

— Я нашёл тебя!

— Твоя вера и твоё безрассудство вырвали меня из объятий Морены там. Как было на этом свете, я представить не могу... Но совершив вместе с тобой переход в живой мир, я стал призрак, облачённый в плоть, сотканную из твоей жизни.

— Ты считаешь, я поступил безрассудно? — чёрные глаза-угли вспыхнули. — Я должен был смириться со смертью и продолжать жизнь один?

Тур неопределённо качнул головой.

Ворон в сердцах отшвырнул стул, застрявший между ним и братом, и шагнул вперёд.

— Я тоже побывал на той стороне. Это длилось всего миг, но я помню. Помню бесконечную войну на радость Пятнице, помню копьё солдата, пробившее чёрный панцирь Змиулана, позорное бегство болотных тварей и ликование войск Симаргла. А ещё пустоту, наступившую после победы. Я помню, как, стоя над омутом, увидел твоё отражение в воде и как прозрел, осознав, кто мы друг для друга. Я отринул имя и лицо, которыми заменили мне оборванные корни. И отправился через семь мостов с одной единственной целью: чтобы мы оба, вдвоём, плечо к плечу встали на одну дорогу и вернулись в мир живых живыми. А не призраками в саване из человеческих тел!

Тур низко опустил голову и прикрыл глаза. Ворон приблизился к нему вплотную.

— Брат, если ты считаешь, что нам это не удалось, значит, всё закончилось уже тогда, в Афганистане. А наше теперешнее существование — это призрачный сон, один на двоих.

— Нет...

— И я думаю — нет, — Ворон взял брата за плечо. — Мы ушли туда разными дорогами, а вернулись одной. Я понятия не имею, как физически сие объяснить, и искать объяснения не собираюсь. Придёт время, учёные разложат по формулам энергетику души, построят математические модели, создадут эмуляторы и так далее. А мы уже сейчас знаем, что есть смерть, а что есть жизнь, и что мёртвая память не чета памяти живой.

— Без смерти нас нынешних не было бы здесь, — тихо произнёс Тур.

— Верно. А ещё не было бы сотен спасённых тобой жизнью. А некоторые заблудившиеся души до сих пор слонялись бы в тумане. Но это же не означает, что мы мёртвые: ни я, проводивший Пашу по мосту, ни ты, открывшей мне двери туда. Просто мы знаем и умеем то, что не понимают другие. Мы — рождённые смертью, но рождённые для жизни.

— Ты хочешь сказать, — Тур медленно подбирал слова, — что мы обладаем некой силой, которую не в состоянии осознать умом?

— Приблизительно так, — Ворон с удовольствием посмотрел в ожившие глаза брата. Тот неуверенно улыбнулся. Ворон продолжал. — Сложность нашего положения я вижу только в одном: когда не имеешь под рукой теоретической основы, процесс познания сопровождается массой набитых шишек.

— И сколько же шишек по твоей шкале сложности набил сейчас я?

Ворон потрепал близнеца по голове.

— Одну. Но большую. Кофе сварить?

И получив утвердительный ответ, он направился к телефонной тумбочке. Тур прошёл на кухню, но в дверях остановился. Владимир Полозов взял трубку.

— Маринушка?.. Милая, прости. Не получается сегодняшняя наша встреча. Нет-нет, всё в порядке... Ну, как тебе сказать, — он глянул на брата, пригладил свободной рукой бороду и ответил как мог непринуждённо, — Всеволод неважно себя чувствует... Да нет, что ты! Просто мотались весь день под дождём...

Прозвучавшая в трубке просьба внесла некоторую долю растерян-

ности в обычно уверенный тон Ворона.

— Могу в принципе, но тогда мне придётся его разбудить.

Ошибка была столь банальна и безнадёжна, что Тур не поверил своим ушам. Ворон спохватился секундой позже.

— То есть поднять с кровати, — поправился он. — Маринушка, честное слово, ничего страшного. Мы перезвоним завтра. Ты работаешь?.. Целую. Дважды. Прости нас. Пока.

— Ты тоже не умеешь врать, — бесстрастно изрёк Тур.

Ворон отвернулся.

— Не хотел я, — буркнул он. — Как-то вырвалось.

— Если мы и впредь будем делать вид, будто ничего не происходит, такие бряки станут вырываться чаще и чаще. Не проще ли один раз сказать правду?

— А ты бы смог это сделать сейчас?

Тур отрицательно качнул головой и бесшумно удалился на кухню.

Ворон с горькой усмешкой посмотрел на коварный телефон. Кнопки, провода, аналоговый сигнал. В трубке звучит не голос, а именно сигнал, имитирующий слова, которые, будто призраки, мчатся в пространстве. Истинен ли их тон, правдива ли информация, за ними стоящая? И существует ли в реальности тот, кто их породил? Обмануть Марину не удавалось никогда. Было время, когда близнецы, шутки ради, изображали друг друга, общаясь с ней по телефону. Розыгрыш раскрывался после первых двух-трёх фраз, несмотря на полное сходство голосов и тщательную подделку интонаций. Как работал её природный «детектор лжи», оставалось загадкой. Но, что ни говори, до сих пор обман использовался лишь в качестве забавы.

Владимир Полозов успокоил себя мыслью, что при первой же встрече сумеет свести прозвучавшую ложь к неудачному розыгрышу, и опять обратил взор на телефонный аппарат. Мысль кардинально сменила направление: разговор с призраком Славика по сотовому, компьютер, модем, атака Бера, питерский адрес в истории болезни Прасковьи Гавриловой, Кикимора.

— Она там, — пробормотал Ворон. — Она обязана быть там!

Он ринулся в серверную.

Монотонный полумрак разверзся, и яркий квадратный глаз монитора предстал перед программистом, как врата в неведомый мир. По опущенным жалюзи рассыпался отблеск огненных искр.

— Давай же! — запрос помчался в просторы Интернета.

На экран выползла рекламная картинка, лениво проплыли буквы

заголовка, проявился фоновый рисунок и, наконец, возникла поисковая строка виртуального телефонного справочника.

Ворон торопливо ввёл данные. Началась обработка.

— Почему ты думаешь, что Бер живёт в той же квартире? — раздалось за спиной.

— Интуиция, — автоматически отозвался Ворон. — Погоди. А ты откуда знаешь, что я ищу Бера?

Он крутанул кресло и оказался лицом к лицу с братом.

— Интуиция, — в тон ему ответил Тур. — Смотри, результат.

Питерская справочная служба работала отменно. Вопрос законности предоставления столь подробной информации первому встречному остался за кадром, а перед интернет-искателями развернулся перечень фамилий, имён и даже годов рождения всех жителей указанной квартиры. А также один на всех телефонный номер.

Ворон присвистнул.

— Супер!

— И кто из них Бер? — остудил близнеца Тур.

В списке присутствовали двое Никитиных преклонного возраста, двое Медведевых, старый и молодой, Бобров тридцати восьми лет и дама с прибалтийской фамилией, год рождения которой явно напутали, иначе пришлось бы признать, что ей стукнуло 147 лет.

— Бер в переводе означает «медведь», а здесь есть «Медведев А.Ю.», — карие глаза Ворона победно сияли.

Он отправил страницу на печать.

— Слишком молод, — Тур с сомнением смотрел на экран.

— Мне рассказывали про парня, — брат достал из принтера распечатку, полюбовался результатом и продолжал, — который в неполные 17 успешно «обул» европейский банк. Так что «сети все возрасты покорны». Дай-ка телефон.

Тур поднялся, намереваясь сходить за мобильником.

— Да не сотовый, — нетерпеливо остановил его Ворон и, потянувшись через угловой стол, придвинул к себе стационарный аппарат. — На этом «анти-АОН» стоит, — пояснил он.

Пока он воодушевлённо щёлкал по кнопкам, Тур придирчиво разглядывал список.

— Добрый вечер, — Ворон приступил к общению с кем-то из жителей квартиры, — не могли бы вы пригласить...

Тур молниеносно выхватил у него трубку. Ворон изумлённо уставился на близнеца.

— Мишу Боброва, — закончил Тур и, остановив возмущения взмахом руки, сосредоточенно выслушал ответ. — Да... Да, очень жаль. Я давно не видел его... Да. Конечно. Как долго он будет в больнице?.. Обязательно заеду. Благодарю вас.

Ворон проводил взглядом телефонный аппарат, педантично установленный на место, и вопросительно поднял бровь. Тур усмехнулся, заметив собственную мимику на озадаченной физиономии близнеца.

— Ты был прав. Бер проживает в той же коммуналке, где жила Людмила, она же Пятница.

— Это у меня сомнений не вызывало. Но почему Бобров? И откуда ты взял «Миша»?

— «Миша» — из «Бер» и инициалов «М.А.». Медведев-младший на роль Бера не прошёл по возрасту. Сам посуди: нас комиссовали в конце мая 1988 года, после *происшествия*. Следовательно, Людмила к этому моменту уже была мертва. Мы с тобой предположили, что её потусторонняя связь с Бером основывается на реальном личном знакомстве. Могла ли она сделать ставку на человека, которого знала в возрасте до пяти лет? А вот Бобров М.А. — достойная кандидатура.

— Ладно, убедил. Что ещё тебе сказали? Как он угодил в больницу?

— Увезли на «скорой» с сотрясением мозга. Вчера в его комнате взорвался компьютер.

— Кикимора! — Ворон сжал губы. — Ах, девчонка!

— «Взорвался» — это со слов его соседки. Женщина пожилая, судя по голосу, — заметил Тур. — Вернее всего, в реальности дело обстояло проще. Я не сомневаюсь, что наша Ки могла устроить знатный погром. Но она бы услышала наши голоса сейчас, если бы находилась в квартире.

— Она там была, — вздохнул Ворон. — Уверен: была!

Скрипнула дверь. Лис приподнялся на тахте, сел и лишь тогда проснулся.

— Ты в состоянии воспринять информацию? — один из близнецов стоял на пороге. — Разговор есть.

Юноша нашёл ногой свалившийся тапок и со вздохом поднялся.

— Я всё слышал, — буркнул он.

Ворон критично оглядел младшего брата.

— Не похоже.

— Отправляйтесь к Марине Николаевне с чистой совестью, — Лис встряхнул рыжим чубом, и на ковёр посыпались мелкие крошки вы-

сохшей грязи. — Клятвенно заверяю: никуда не смоюсь и ничего не натворю. И вообще, я спать хочу.

— Понятно, — нахмурился Ворон. — Полагаю, дерзишь ты по причине плохого расположения духа. В таком случае, только один вопрос: когда у тебя экзамен?

— Послезавтра.

— Скверно. За день не обернёмся. Ладно. Отдыхай. И к сведению: мы никуда не собираемся.

Демарш привёл к желаемым результатам. Спускаясь в гостиную, Ворон услышал в верхнем коридоре быстрые шаги.

— Эй, а почему? — Лис свесился через перила. — Ворон, что значит «за день не обернёмся»?

— Ты, кажется, спать собирался, — напомнил брат.

Лис понял, что на него ловко накинута поводок. Гордость взбунтовалась и потребовала вернуться в комнату. А любопытство настоятельно советовало следовать в гостиную, откуда истекал знакомый кофейный аромат.

— Лис, не время валять дурака, — раздался голос Тура. — Двигай сюда.

Гордость и любопытство остались по-своему удовлетворены.

Тур встретил близнеца укоризненным взглядом, Ворон ответил едкой усмешкой, и на том невербальный педсовет закончился.

— В ближайшее время нам всем нужно съездить в Питер, — сообщил Тур.

— Зачем? — выпалил Лис, хотя ясно было, что брат следующей фразой сам пояснит декларированную необходимость.

— Чтобы поговорить с людьми, которые знали Пятницу при жизни, поискать следы Кикиморы и, возможно, установить личность Бера.

Лис хлопнулся на стул.

— А... как?..

Выслушав короткий рассказ о Прасковье Гавриловой и телефонном разговоре, он возмутился.

— И я узнаю это последним?! Вы что, раньше сказать не могли?

— Раньше ты изволил находиться в местной экспедиции, — напомнил Ворон, — а затем отлёживаться на диване.

Лис пропустил шпильку мимо ушей.

— Едем немедленно! — вскочил он. — Тур, Ворон! Кикимору нужно вернуть немедленно! Она не найдёт дорогу домой одна!

Ворон поморщился.

— Уймись. Кикиморы в коммуналке нет на данный момент. И где её искать, неизвестно.

— Это первое препятствие. А второе — твоя сессия, — добавил Тур.

— Да я этот экзамен... Пошёл он! Тут же речь о нашем друге идёт!

Задрезжал телефон. Ворон с удовольствием оставил разгорячившегося Лиса наедине с холодным спокойствием Тура, а сам подошёл к аппарату. Лис продолжал пламенно доказывать, что экзамен ему ни почём, пока не заметил, что брат внимательно вслушивается в короткие реплики близнеца.

— А вот нам и «третье препятствие», — сообщил Ворон, повесив трубку. — Беляк звонил. У него, похоже, дела — дрянь. Требуется максимальные результаты завтра, иначе грозит не заплатить вообще.

Он медленно возвратился к столу.

— Что у тебя есть? — осведомился Тур.

— Всё. Даже имя Бера, как ты догадываешься, — он хмыкнул и повертел в руках кофейную чашку.

— Значит, из Бера сделают лепёшку, — Лис потёр руки.

Его азарт остался без поддержки. Близнецы испытующе смотрели друг на друга.

— Михаила Боброва использует Пятница, — медленно произнёс Тур.

— А мы пока не определили её цель, — продолжил Ворон.

— И её планы.

— И методы борьбы с её целью.

Лис удивлённо следил за странной беседой, со стороны напоминающей задумчивый монолог человека перед зеркалом.

— Братцы, вы куда клоните? — не выдержал он. — Вы собираетесь выступить против Пятницы и её заложных?

— Почему «вы»? — встрепенулся Ворон. — Разве не мы троём намерены помешать её играм с человеческими душами?

На экране мелькали окна запросов, тексты статей, авторефераты монографий, библиотечные каталоги. То и дело принимался урчать принтер, увековечивая результаты поиска на бумаге. Лис хватался за каждую строку, где проскакивало упоминание либо фамилии, либо имени.

— Малыш, иди отдыхать, — в сотый раз предложил Тур.

— Я найду, — упрямо ответил парень, не отрываясь от монитора.

— Лис, я всего лишь предположил, что Михаил Бобров её сын. Кроме того, женщина нередко сохраняет девичью фамилию...

— По Гавриловой я тоже ищу.

— Гипотеза о филологической сфере деятельности Людмилы-Пятницы исключительно воздушная. Пойми, мы *не знаем*, кем она была. К тому же время у нас есть. Ворон решил не отдавать имя Бера Белякову, ты слышал.

— Тур, — юноша обернулся, — я доставляю вам одни неприятности. Могу я, наконец, сделать что-то путное для нас всех?

— Разумеется. Но утро вечера мудренее. Это даже Ворон понял.

Лис нерешительно отодвинулся от компьютера.

— А ты?

— А я как всегда, — горько усмехнулся Тур.

Нечто новое появилось в его тоне. Юноша искоса проследил за выражением лица старшего брата, но тот внешне оставался привычно спокоен, и Лис рискнул спросить:

— Вы с Вороном не поехали к Марине Николаевне из-за Кикиморы?

Тур нахмурился и неоднозначно качнул головой.

— Потом расскажу, малыш.

День двадцать четвёртый

Часы в гостиной пробили два по полуночи. Тур отодвинулся от компьютера, закинул за голову руки, потянулся, разминая затёкшее тело, и с тоской посмотрел на экран. Ни «Людмилы Бобровой», ни «Людмилы Гавриловой» в совокупности с «язычеством славян», «фольклором», «историей» и прочими близкими темами в Интернете не нашлось. Лис не поленился выбрать все ссылки на статьи и монографии по славянскому языческому фольклору, опубликованные до 1988 года, авторами которых были женщины с именами, начинавшимися буквой «Л». Список содержал два десятка различных фамилий. Тур успел выучить наизусть их все, пока искал метод отсеивания заведомо неподходящих. Однако за три часа работы ему удалось вычеркнуть лишь две строки. В одном случае автор жила и здравствовала по сей день, судя по свежим публикациям, а в другом дело решила биографическая справка дамы-профессора, родившейся в 1920 году.

Но, вопреки здравому смыслу, ощущение верно выбранного направления не покидало. Тур вновь обратил взор на распечатку. Одна из фамилий принадлежала таинственной Людмиле. Которая?

Он почувствовал на себе тяжёлый взгляд. Оглянулся. В серверной не было никого. Даже Дед дремал в полюбившейся гостевой комнате на втором этаже.

Тур разложил листы на столе. Которая?

«Л. Давыдова, Л. Кузнецова, Л. Осипова, Л. Старостина, Л. Рябова...» — медленно прочитывая строку за строкой, он вслушивался в глас интуиции, столь существенно помогавшей ему раньше. Но глас помалкивал. Зато нечто продолжало настойчиво давить в спину.

Всеволод Полозов резко обернулся. Опущенные жалюзи не впускали в серверную ни тусклый свет фонаря со двора, ни дождливый мрак беззвёздного неба. Однако что-то стояло по ту сторону и следило за человеком возле компьютера.

Тур приблизился к окну, помедлил и быстро раздвинул пластины современных штор. Отчётливо звякнул велосипедный звонок. Мелькнули гневные детские глаза, и невидимая фигурка замерла на аллее.

— Ваня?

Мальчик с велосипедом неподвижно стоял в темноте. Собственно, призрака Всеволод Полозов не увидел. Но тёмное пятно между двух сосен показалось гуще и плотнее окружающего пространства.

Недолго думая, Тур вышел в холл и направился к выходу на парадное крыльцо. В полумраке возле порога копошилось чёрное существо. Он вздрогнул, натолкнувшись на него взглядом, и в следующий момент узнал овчарку. Галка, заметив хозяина, выдала грозное предупреждающее «р-р» и царапнула дверь.

— Да, да, Галатея. К нам гости, — Тур погладил собаку и взялся за дверную ручку.

«Р-р-р!» — настойчиво повторила Галка.

— Спасибо, девочка, я всё понял. Иди на место.

Он ступил на крыльцо, не позволив собаке выскочить за порог. Из коридора раздалось тревожное «гав» и возобновился шторм дверей.

— Галатея, место! — Тур повысил голос.

Четвероногая охрана не угомонилась, и он поспешил спуститься на аллею, рассчитывая тем самым продемонстрировать овчарке своё доброе отношение к незваному гостю.

Призрак-Ваня приобрёл вид тени.

— Здравствуй, Иван, — обратился к нему Тур.

Тень переместилась ближе к воротам.

— Постой, — он пошёл за призраком. — Ты зашёл поговорить? Проходи в дом.

— Нет. Там собака, — ответила ночная тишина. — Иди ты сюда.

Тур приблизился к воротам. Ваня и его велосипед стояли за оградой.

— Иди сюда, — опять позвал призрак.

Тур опустил руку в карман, где лежал электронный ключ.

— Почему ты не хочешь войти? — осведомился он.

— Там собака. Я боюсь.

Всеволод Полозов оглянулся на тёмный особняк. В холле рычала и повизгивала запертая Галатея. Почему? Он перевёл взгляд на призрака и вдруг вспомнил гнев в детских глазах, мелькнувших сквозь пластины жалюзи.

Ключ остался в складках кармана.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл за тобой, Ваня? — осторожно спросил Тур.

— Да.

— Куда?

— Далеко.

Руки мгновенно похолодели. Холод коснулся губ и вырвался сухим затаённым вопросом.

— Насколько далеко, дружок?

Призрак несколько секунд помолчал и вдруг выпалил:

— Так далеко, где тебе место! Я думал, ты любишь маму. А ты такой же, как мой папка! Ты ей неправду сказал. Теперь она тревожится. Она всегда тревожилась, когда гадкий папка ходил к другой тётке, а маме врал про работу.

— Разве можно так говорить об отце? — сурово перебил Тур.

— Он гадкий, гадкий, гадкий!

Слабенький порыв ветра из-за ворот шевельнул каштановую прядь над вспотевшим лбом.

— Ты не прав, Ваня, — Тур сделал попытку вразумить юного призрака. — Как бы плохо ни поступал твой отец, он остаётся твоим отцом. Ну а мы зайдём к твоей маме и попросим прощения за ложь, прозвучавшую вечером.

— Нет! Вы такие же гадкие, как мой папка. Я сам буду беречь мою маму. Возвращайся туда, где нет живых, и никогда больше не приходите к маме. Иначе будете иметь дело со мной!

— Ваня, не спеши, — Тур решительно достал дистанционный ключ, — давай поговорим как мужчины.

Красный глаз приборчика нацелился на электронный замок. Призрак ребёнка ожидающе качнулся навстречу...

И тут в доме гулко хлопнула дверь. К воротам стремительно примчался грозный лай, а секунду спустя — разгневанная Галатея.

— Фу, нельзя! — крикнул Тур.

Но было поздно. Призрак с велосипедом исчез. Зато рядом появился другой, лохматый и напуганный.

— Дед, — Тур опустил руки, — что ты наделал?

— Опаньки! Наделал! Твою башку вытащил из мира духов, олух! — взбеленился болотник. — Ты думаешь, этот пацан просто так приходил? Ты глянь, какую дорожку он тебе приготовил. Глянь, глянь!

Тур неуверенно посмотрел за ворота. В ночной мороси мелькнула чёрная лента фантомной тропы, уводившей в никуда.

— Я это, разговор-то твой с братом слышал ведь, — виновато пояснил вездесущий блазень. — Ты опосля вчерашнего своего полёта на такую дорожку как встанешь, так и сгинешь. Нельзя вам поодиночке туды заглядывать. Хорошо Галка мальчика прогнала. Я б не сумел.

— Зачем? — растерянно обронил Тур. — Зачем он это сделал?

— Мамку защищает, — Дед деловито вздёрнул седые усы. — Мал ещё, чтобы чёрное от серого отличить. У детей всё так: либо да, либо нет, либо хорошо, либо плохо. Все такие были. Ты это, Галку-то похвали. Она хоть животина, а доброе слово понимает.

— Умница, Галатея, — Тур ласково потрепал овчарку по загривку и тепло посмотрел на призрака. — Спасибо, Дед.

* * *

Офис фирмы, где заправлял Беляков, располагался в одном из отреставрированных старинных зданий на живописном бульваре в центре города. Нынешний июнь не жаловал ласковой погодой, а ехидный холодный ветер, пособник его капризов, немилостиво разгонял по домам любителей пеших прогулок. Тротуары пустовали, и Владимир Полозов без зазрения совести загнал БМВ на пешеходную дорожку.

— Ворон, — Тур встрепенулся, — я всё-таки с тобой пойду.

Брат вздохнул.

— Слушай, мы уже договорились. Нет оснований для опасений. Ты же полчаса назад со мной согласился. Нечего Беляку напоминать лишний раз, что нас двое. Отдам ему диск и сразу же назад.

— Статью про свалку напечатали в сегодняшнем выпуске газеты.

— Ну и что? Почему он должен связать это со мной? — Ворон невозмутимо нацепил очки. — Всё. Конец дебатам. Я пошёл.

Тур механически загладил назад густую чёлку и спохватился. Его близнец, приближаясь к подъезду офиса, точно так же наводил маршфет в своей шевелюре.

Владимир Полозов козырнул охраннику, приподнявшемуся со стула, и безо всяких объяснений прошествовал прямо в кабинет с яркой

табличкой «Директор». Беляков, нещадно стиснув телефонную трубку, разносил кого-то из подчинённых. На звук открывшейся двери он поднял по-бычьему красные глаза, узнал вошедшего и резко ткнул пальцем в направлении кресла.

— Мне плевать, как ты это сделаешь! Понял? Всё!

Он швырнул трубку на рычаг и упёрся ладонями в край стола.

— Понедельник день тяжёлый? — осведомился Владимир Полозов.

— Давай, что привёз, — сипло выговорил Беляков и откашлялся.

Ворон непринуждённо взялся за обод очков, помедлил и передумал. Проблемы Беляка не стоили той головной боли, которая не преминет выставить организму счёт за использование огненного взгляда.

— Уговор в силе? — спросил программист.

— Что ты накопал? И не доставай меня ерундой.

— У-у, ты сегодня, как вижу, не в духе, — Владимир Полозов извлёк из кармана DVD. — Тут три десятка адресов и телефонов. Кое-какие счета, сделки.

— Ты выяснил, кто такой Бер?

— Он работает на владельцев сети магазинов строительных и отделочных материалов на Северо-Западе, развлекается взломом пиратских компьютерных продуктов, дружит с рекламными компаниями и отмывает чьи-то деньги, выступая как посредник для инстанций разного уровня.

Беляков шумно выдохнул воздух.

— Я спрашиваю, как его найти? Как его имя?

— Понятия не имею, — зеркальные стёкла надёжно скрыли тлеющие угли в глубине почерневших глаз. — Ты просил выяснить сферу его деятельности и контакты, а не личность. Всё выловленное — в файле «конкуренты». Распечатку сам сделаешь.

Заказчик нетерпеливо схватил диск и сунул в привод. Компьютер заурчал. Ворон краем глаза посмотрел на часы, закинул ногу на ногу и развалился в кресле. Для первого просмотра отводилось три минуты. Вполне достаточно, чтобы оценить значимость информации.

— Что значит «свежак»? — спросил Беляков на второй минуте пыхания в монитор.

— Вчерашние письма. Подтверждения о платежах. Выловил из его почты, — отозвался Ворон, а про себя добавил: «Из той самой, которую он не скоро просмотрит».

Напряжённое пыхтение сорвалось громкой бранью. Время знакомства с диском истекло.

— Это что?! Ты что мне подсунул?!
Владимир Полозов полюбовался своими пальцами и лениво ответил.
— Забыл предупредить: без пароля только демоверсия.
Беляков открыл рот, но высказаться не успел.
— Если «демка» тебя устраивает, с удовольствием продам всё
остальное, — закончил хакер. — За сумму, установленную тобой ра-
нее.
Заказчик натянуто засмеялся.
— Лорд, зачем тебе деньги? Ты ж любой счёт можешь на себя
перевести.
— А что, неплохая мысль, — Владимир Полозов изобразил заин-
тересованность. — Обмозгую на досуге.
Беляков заёрзал, приняв ответ за чистую монету, но развивать тему
побоялся.
— Отправлю платёж, как договаривались, — объявил он.
— Чек выпиши. Прошлый раз я твой перевод неделю ждал.
— К чему такая спешка? — подозрительность в тоне собеседника
от Ворона не ускользнула.
— Брат машину окончательно раздолбал. Пора новую тачку по-
купать.
— Не похоже что-то на твоего близнеца, — Беляков качнул круг-
лой головой.
Владимир Полозов вынужден был признать, что и без специаль-
ных напоминаний здесь отлично помнят: Полозовых двое.
— Всякое бывает, — он не стал уточнять, кто именно из братьев
посодействовал плачевному состоянию «шестёрки». — Ты черкай да-
вай на чеке, у меня времени мало.
Пока Беляков копался в документах, сопел и проверял какие-то ве-
домости на экране, хакер успел трижды демонстративно посмотреть на
часы. Наконец, распечатка выползла из принтера, директор не глядя
поставил размашистую подпись, и процедура закончилась.
— Порядок, — Владимир Полозов внимательно изучил подписан-
ный чек, взял с директорского стола шикарную авторучку и написал на
листе отрывного блокнота: «VER».
— Это что? — побагровел и без того пунцовый Беляков.
— Пароль к диску, — программист поднялся. — Понадоблюсь ещё
— звони.
Он не спеша направился к выходу. За офисным столом клочкотала
бессильная молчаливая ярость. Ворон сдержал смешок. Рассмеяться от

души он успеет в машине, когда расскажет брату о состоявшейся аудиенции.

Жалкая пародия на бетховенский «Элизиум» зазвучала за спиной из мобильного, когда Владимир Полозов взялся за дверную ручку.

— Да! — Беляков изготовился выплеснуть накопившиеся эмоции на ничего не подозревающего абонента, но на следующей же фразе тон его кардинально изменился. — Да-да, слушаю, извините бога ради... В прокуратуре?

Ворон приостановился и сделал вид, что шарит по карманам своего пиджака в поисках некоего важного предмета.

— Ума не приложу, каким образом, — испуганно продолжал Беляков, начисто забыв о присутствии постороннего. — Ну что вы, что вы! Конечно, я всё улажу... И с прессой тоже... Нет-нет, однозначно нет! Не волнуйтесь... Да... Да... Я постараюсь...

Ворон решил, что услышал достаточно. Кто именно звонил Беляку, оставалось лишь гадать. Но ясно было, что «шишка», перед которой грозный директор превратился в нашкодившего пацана «типа шестёрка», имела крупные размеры. И не вызывал никаких сомнений смысл разговора. Документы пошли по инстанциям, изрядно встряхнув чьё-то высокое кресло.

Шкафообразный охранник топтался на крыльце, внимательно разглядывая тёмно-синий БМВ. Владимиру Полозову пришлось слегка ткнуть его в спину, чтобы освободить себе дорогу. Тот обернулся, тупо уставился на посетителя офиса и вдруг загоготал, отчего кривой шрам над бровью из блёкло-бардового полумесяца превратился в пунцовый.

— Отпад! Цирк, в натуре!

Других слов он, видимо, не знал, посему Ворон посчитал ниже своего достоинства требовать объяснений.

Тур из-за стекла показал брату на пассажирское сиденье. Несколько недовольный рокировкой, Ворон сел в салон.

— Что ты в пиджаке искал? — неожиданно для брата спросил Тур.

— Манёвр прикрытия, благодаря которому я слышал очень забавный разговор. А тебя не интересует, как мои дела?

— Ты улыбался, значит, всё в порядке, — Тур, тревожно наблюдая за охранником, завёл мотор. — Этот тип ошивался вокруг машины минут пять, разглядывал номера. Я вынужден был выйти и пресечь наглость.

Ворон снял очки. Охранник на невысоком крыльце офиса продол-

жал зыркать в сторону иномарки.

— Наверное, близнецы ассоциируются у него только с цирком, — высказался Ворон, не спуская с громилы глаз.

Автомобиль съехал с тротуара на проезжую часть и, набирая обороты, тронулся вдоль аллеи.

— Не уверен, — покачал головой Тур. — Ладно, выкладывай, что тебя развеселило.

Пока машина колесила по перекрёсткам, Владимир Полозов успел красочно поведать брату о своей встрече с Беляковым.

— Напрасно ты его дразнишь, — прокомментировал Тур.

— Ну, опять! — Ворон почти обиделся. — Какая муха тебя укусила сегодня?

Брат вздохнул. Про общение с призраком-Ваней он не сказал, дабы не портить близнецу настроение утром. Теперь БМВ подрулил к библиотеке, следовательно, на рассказ времени не осталось.

— За розами схожу, — Тур вышел из машины и направился к цветочному ларьку на другой стороне переулка.

Ворон хмыкнул, как будто выдохнул из себя кислый осадок, оставшийся после разговора, захлопнул дверцу и небрежно щёлкнул электронным ключом. На ступенях перед входом в библиотеку молодой человек беседовал по сотовой связи.

Соговый.

Идея рухнула свыше и предстала в таких чётких и очевидных контурах, что хакер от неожиданности застыл, забыв опустить руку с дистанционным пультом, нацеленным на замок БМВ.

— Влад?

Он вздрогнул. Ладонь брата сжала его плечо.

— Завтра мы будем знать каждый шаг Беляка, — медленно выговорил Ворон.

— Зачем? — на выдохе спросил Тур.

— Я думал, ты поинтересуешься «как». Но я ещё не довёл до ума одну деталь. Шикарный букет. Знаешь, ты мастер выбирать подарки.

Резкая смена темы и тона Всеволода Полозова не успокоила. Он подозрительно оглядел близнеца и пригладил бороду.

— Давай всё-таки уделим немного времени Марине.

Владимир Полозов всеми силами старался не потерять нить пламенной беседы брата и их общей подруги, но идея нагло влезала в

мозги именно в тот момент, когда от него требовалось вставить слово.

— Влад, кто же из вас вчера «прихворнул»? — вдруг спросила Марина.

— А?

Коронная интонация Лиса, сорвавшаяся с губ Ворона, ввергла в смятение в первую очередь Тура.

— Маринушка, он заработался, — Всеволод Полозов поспешил исправить положение.

— Да, это заметно, — женщина поджала губы. — Влад, неужели твой компьютер не отпускает тебя даже здесь?

Она артистично взмахнула рукой, привлекая внимание мужчин к академической тишине и каменной прохладе, царящим под сводами библиотеки.

— Спокойно у вас сегодня, — заметил Всеволод Полозов, чтобы отвести разговор подалеже от рассеянного программиста.

— Праздничные дни студенты используют по назначению, в отличие от умудрённых компьютерных мужей, — сказала Марина и пояснила, заметив полное непонимание. — День России позавчера отмечался. Выходной, соответственно, перенесли на понедельник. И, кстати, я через неделю иду в отпуск. А ты, Володя?

— Он в отпуске, — сообщил Ворон.

— Вот как? — в её тоне прозвучала нотка изумления. — И какие у вас планы, господа?

Это последнее было сказано с укором. За пять лет знакомства ни один отпускной сезон они не начинали порознь. Ворон запоздало сообщил, что поспешил с ответом. Тур выдал бы ту же информацию куда более дипломатично.

— Как-то в голову не приходило, — Всеволод Полозов смущённо улыбнулся. — Пока Влад не сдаст заказ, я себя не почувствую отпускником.

— А если потряхнуть стариной, накинуть рюкзаки и вперёд на озёра? — оживился Владимир Полозов.

Искусственность от Марины не ускользнула.

— Я подожду вашего настоящего отпускного настроения, — улыбнулась женщина. — Как насчёт ближайших перспектив? У меня есть надежда встречать вас нынче вечером?

Близнецы переглянулись. Тур чувствовал, что брат намеревается развести руками и сказать «увы», однако не мог уловить, почему. Со своей стороны он делал всё, чтобы показать ему свою готовность.

— Видимо, нет, — Марина продолжала улыбаться, но в глазах появилась тоска. — Влад, Володя, — она чуть-чуть нахмурилась, — мне кажется, у вас что-то случилось. Это семейный секрет, или вы просто не хотите возлагать на меня свои проблемы?

— Какие могут быть секреты! — воскликнул Владимир Полозов.

Задумчивая библиотечка за столом контролёра очнулась от его возгласа и с любопытством посмотрела на коллегу и двух мужчин, объяснявшихся в холле возле дверей библиографического отдела.

— Когда дела цепляются одно за другое, — подхватил Всеволод Полозов, — создаётся впечатление нерешаемых проблем.

Он покосился на невольного зрителя, представил количество и качество сплетен, которые через час расплзутся по всей библиотеке, и подумал, что лучше было бы увести Марину в ближайшее кафе, а не заявляться вдвоём с огромным букетом на рабочее место члена женского коллектива.

Марина отвернулась к окну.

— Последнее время мне снятся дурные сны, — тихо сказала она. — Про вас. Наверное, я слишком мнительная.

— Маринушка, — Владимир Полозов нежно обнял её за плечи, — посмотри: мы здесь, живые и здоровые. Это же убедительнее, чем сон.

— А во сне я видела, как... — она запнулась, едва заметно побледнела, но всё-таки продолжила, — как вы встаёте из могилы. То оба вместе, то по очереди. Я в ужасе бегу прочь и просыпаюсь.

— Значит, жить долго будем, — тут же нашёлся Владимир Полозов, но непроизвольно отодвинулся от женщины.

Тур пригладил усы, задержал ладонь на бороде и вдруг отдернул от лица. Ворон напрягся, почувствовав даже без тактильного контакта, как холодеют руки брата. Дребезжащий звук пришёл секундой позже. За спиной библиотечки-контролёра появился мальчик с велосипедом, звонок которого издавал тонкую свербящую трель. Тур медленно повернулся к незваному гостю с той стороны света.

«Не смейте приближаться к маме!» — пространство дохнуло холодной сыростью.

«Не пугай её, Иван», — немой голос близнеца задел сознание Ворона.

«Уйдите от неё», — мальчик-призрак не шелохнулся.

«Ты встал на опасный путь. Подумай хорошенько. Твоя мама любит нас, и всё дурное, что ты желаешь мне и моему брату, она примет как своё».

«Она не будет вас любить. Она и папку в конце концов разлюбила,

а стала любить только меня!»

В информационный поток ворвался новый тон:

«А ты, похоже, не любишь свою маму, малец. Мало того, что не слушался её и угодил под машину на этом проклятом драндулете, так ещё мамино счастье хочешь отобрать. Сгинь от греха подальше, или...»

Глаза Ворона угрожающе польхнули.

«Не будет у неё с вами счастья! Вы мёртвые. Мёртвые!» — выпалил призрак и, ловко увернувшись от огненной стрелы, исчез в тени колонны.

Тур вопросительно выгнул бровь и наткнулся на точно такое же выражение на лице Ворона.

— Ой, завяли, — вдруг спохватилась Марина.

Она нерешительно взяла в руки букет и с удивлённым испугом тронула пальцами две почерневшие розы.

— Как же я просмотрел, — пробормотал Всеволод Полозов.

— Ничего страшного, — женщина сделала вид, что не замечает мёртвой черноты среди ярких алых лепестков. — В воду поставлю, оживут.

— Ты почему мне сразу про призрака не рассказал? — Ворон смачно захлопнул дверцу машины.

— Прости. Не хотел будоражить лишний раз, — Тур провёл ладонями по лицу. От прикосновения на бледной коже остались отчётливые следы неказистого массажа.

— Чёрт бы подрал этого мальчишку!

— Очки надень.

— Опять всё в глазах? — Ворон горько усмехнулся.

— Хорошо, Марина не заметила.

— Он ей про нас много чего покажет во сне. Не сомневайся.

— Предлагаешь изловить и отправить, куда следует?

— Мы нашу Ки до сих пор не сумели найти, а тут такой целеустремлённый защитничек. Да-а, нам явно чего-то на этом свете не хватает.

Ворон не рассчитывал на какой-либо ответ, поэтому последняя фраза прозвучала чисто риторически.

— У нас на этом свете нет цели, Ворон.

— Как это нет?

Он резко повернулся к брату и с запозданием осознал значение прозвучавших слов.

— Всё, что мы делали, мы делали исключительно друг для друга, — тихо добавил Тур. — И тем самым заперли себя в собственном мире.

— Месяц назад я бы согласился. Но не сегодня, близняшка. Взять хотя бы диоксины. Лично нам с тобой эта проблема — параллельно во всех отношениях.

— С диоксинами покончено. Единственное, что мне не понятно, так это поступки питерских фирмачей. Зачем перекупать втридорога то, чему прямая дорога в утилизацию?

— Чтобы сорвать куш и с лихвой покрыть расходы.

Ворон вывел машину на узкую улицу и, аккуратно объехав автомобили, выстроившиеся вдоль тротуара, направил БМВ по набережной Волги.

— Каким образом можно «сорвать куш» на негодном товаре? — насторожился Тур.

— Продать, например, — походя пояснил брат, отслеживая встречные машины на перекрёстке.

— Ты заметил, что сказал? Продать негодный товар?

— А кто знает про диоксины? Разольют по банкам, приляпают красивые этикетки и на прилавок.

Тур молчал, и до Ворона стал доходить смысл собственного предположения.

— Слушай-ка, а ведь это запросто, — он остановил машину и развернулся к брату.

— Ну нет. Никто не позволит выпускать на рынок такую краску, — Тур отчаянно качнул головой.

— Ты иногда бываешь наивнее, чем Лис! Позволят, не сомневайся. Какой-нибудь начальник за кругленькую сумму заткнёт рот первой же экспертизе, и порядок. А права покупателей у нас в стране сам знаешь где. Я, кажется, ещё не ответил, зачем нам нужно знать, что планирует Беляк. Так вот, отвечаю: чтобы он не сумел тормознуть прокуратуру и похоронить наше письмо. Кроме того, я хочу выяснить, какая именно «шишка» дала разрешение на организацию токсичной свалки.

— Тебя послушать, получится, всё в этом мире делается для получения выгоды, исчисляемой в баксах.

— А то нет?

— Главврач пошёл мне навстречу, не помышляя о деньгах, — возразил Тур.

— Правил без исключений не существует. Мы тоже влезли в эту авантюру не ради гонораров. Точнее, ты влез, а я, естественно, за то-

бой увязался. И знаешь, роль Робин Гуда мне почти нравится.

Тур усмехнулся. Самое время было напомнить и про «жертву Голливуда», и про «наивность Лиса». Но он сказал другое:

— Робин Гуд — импульс. В его времена этого хватало, чтобы встряхнуть нестабильные связи в структуре власти и вызвать определённую реакцию в обществе. Сегодня власть превратилась в монолит. Её «кристаллическая решётка» не допускает распространения столь слабой вибрации. Степень свободы элемента априорно ограничена. Никакому «Робин Гуду» не под силу синхронизировать движение миллионов электронов так, чтобы перестроить «решётку» и изменить качество кристалла.

— Если только этот «Робин Гуд» не управляет полем, в котором существует кристалл, — вставил Ворон и внутренне передёрнулся от воспоминаний о теоретической физике, с которой не ладил со студенческих лет.

— До образа поля я не дошёл. А наша застава призвана быть именно полем. Информационной средой, — Тур прищурился, будто придирчиво разглядывал свежую мысль. — Да. Именно. Но с оговоркой: поле образуется внутри кристалла, а не вне его.

«Физики нам только и не хватает до кучи», — раздражённо подумал Ворон, но вслух ничего не сказал.

Зато сказал Тур.

— Извини за физику, близняшка. А ведь хорошая модель получилась!

Ворон посмотрел в зеркало, не обнаружил никаких следов недовольства на своём лице, перевёл взгляд на брата и выжидающе выгнул бровь.

— Может быть, ты уже знаешь, какую фишку я запланировал для Беяка?

* * *

— Лис!

Борис Полозов, занятый изысканиями в Интернете, суетливо обернулся.

— Два вопроса: почему сегодня ночью сюда сумел пройти чужак-призрак и как сделать, чтобы к нам заходили только званые гости?

— Какой чужак? — Лис облизнул вмиг пересохшие губы и уставился на старшего брата.

— Тур расскажет. В общем, я буду звонить Славику. Будь добр, сделай так, чтобы Славик к нам прошёл, а всякая вредная шушера — нет.

— Я же для Кикиморы охранный круг разорвал, — пробормотал

Лис. — Эй! Ворон!

Но тот, одержимый своей идеей, скрылся в недрах дома. Зато в холле оставался Тур, и Лис обрушился на него с полной программой вопросов. Выслушав бесстрастный рассказ брата о призраке-Ване и предельно лаконичное повествование на тему злосчастной пули, Лис вспомнил вчерашний вечер и почувствовал себя бездушным сухарём.

— Тур, — он поднял на брата страдальческий взгляд.

— Когда-то давно ты сказал, что я, как врач, охраняю Переход между жизнью и смертью. Вчера мы наблюдали добуквенную иллюстрацию твоих слов.

Эмоции, переполнявшие Лиса, вдребезги разбились об обыденную невозмутимость Всеволода Полозова. У юноши создалось впечатление, что старший брат так до конца и не осознал происшествие. Подумавшись, перешёл в информационную ипостась, полетал призраком, выловил летящую пулю из реального пространства, успешно возвратился в тело, а затем повздорил на пороге того и этого света с несмышлёным привидением. Дело житейское!

Лис удручённо развёл руками.

— Тур, на этом свете тебя хоть что-нибудь способно удивить? — крикнул он, обнаружив, что брат как ни в чём не бывало направился в гостиную.

— На этом свете меня удивляет многое, — Тур обернулся через плечо. — И в первую очередь недалёковидность людей, разрушающих своими руками собственную жизнь в погоне за призрачным благоустройством оной. Народная мудрость гласит: не руби сук, на котором сидишь. Просто и понятно. Но большинство единиц нашего социума почему-то не причисляет себя к народу.

— Чего? — опешил Лис.

— Размышления вслух, — мимолётная улыбка скрылась в чёрной бороде. — Займись охранным кругом. Кикимора лазейку найдёт, ведь это её дом. А если к нам нагрянут полчища заложных Пятницы, даже Галатея не сумеет их остановить.

— Какие ещё полчища? — окончательно растерялся юноша.

— Те самые, которые ты помнишь в облике болотных тварей Змиулана и золотого легиона Симаргла, — ответил Тур с противоположного конца коридора. — Как бы они ни выглядели, они — заложные. И однажды эта объединённая команда может двинуться против нас, коли на то будет воля Пятницы.

— Ты шутишь, что ли? — светло-карие глаза испуганно распах-

нулись.

Брат неопределённо пожал плечом. Дверь за ним закрылась.

* * *

Процесс вызова духа-Славика ничем не отличался от обычного разговора по сотовому телефону.

— Не воображай, будто тебя оторвали от неотложных дел, — после очередной ответной тирады обрубил Ворон. — Двигай к нам и всё. Для тебя есть работа... Аналог той, которую ты завалил... Нет, никакого шантажа мы не планируем... Так, всё. Конец дебатам. Немедленно явись сюда!

Призрак явился. Просто возник из полутьмы прихожей под восхищённое «Опаньки!» Деда и остервенелый лай чёрной овчарки. Собаку успокоили не сразу, и потусторонний гость вынужден был просачиваться в гостиную сквозь стену, пока доблестная охрана грозно рычала на дверь.

— Не волнуйся, она тебя не видит. Просто чувствует непривычное колебание пространства, — усмехнулся Лис.

— Как турне, Славик? — поинтересовался Ворон. — Ты, кажется, осматривал мир с новой точки зрения?

— Турне прекрасное! На волнах сотовой связи я облетел уже весь белый свет, — заявил новоявленный путешественник с наигранным пафосом. — Жаль только, что ни черта на белом свете рассмотреть не могу, — мрачно добавил он. — А тут ещё вы со своим звонком. На фиг я вам сдался теперь?

Полозовы насмешливо поглядывали на неудачника.

— Эй, не смотри на меня своими дьявольскими глазами! — призрак в окровавленной джинсовке съёжился под взглядом Ворона. — Знал бы, кто вы такие, на пушечный выстрел бы не подошёл.

— Неужели испугался?

— И что ты знаешь о том, кто мы такие? — уточнил Тур.

— На той стороне мира специальных вопросов не требуется, — хмыкнул Славик и, повинувшись холодному взору, опустился на стул. — Только свистните, к вам вся неприкаянная братва строем пойдёт. О вас в *нашем* эфире такие слухи ходят!

Полозовы переглянулись. Причём наиболее изумлённым выглядел Лис.

— Ладно, не за тем тебя позвали, чтобы ты братву привёл, — заключил Ворон. — Узнаёшь? — он показал на стол, где одиноко лежала пластмассовая коробка с торчащими наружу проводами.

— О, «жучок»! — Славик соорил идиотскую мину и рассмеялся.

— В отличие от того, который использовал ты, этот преобразует сигнал в звуковые файлы. Поэтому сидеть с наушниками не придётся. Принцип такой: из потока отлавливается сигнал определённого абонента, создаётся «импег» и порционно направляется через связной сервер на мой почтовый ящик. Связь устанавливается на две-три минуты, поэтому заподозрить «жучка» на линии практически невозможно. В качестве страховки: если кому-то придёт в голову вскрыть коробку, «винт» будет отформатирован.

— Когда я просил сделать такую штуку мне, ты меня послал по-дальше, — укоризненно напомнил недавний шантажист.

— Шантаж — грязное, опасное мероприятие, — нахмурился Ворон. — Я тебя предупреждал. Ты не послушал. А когда палёным запахло, нас чуть не подставил своими бумажными воплями о помощи.

— «Чуть» не считается, — буркнул Славик. — Письмо написал. Признаю — я дурак. Спасибо мальчишке, вовремя подвернулся.

Лис принял благодарность молча.

— Славик, мы отвлеклись от темы, — Ворон постучал пальцами по столу. — Сейчас речь идёт не о шантаже, третий раз повторяю. А о получении жизненно важной информации. От тебя требуется пронести эту коробочку на твоё *бывшее* рабочее место и подсоединить по схеме. Тебе не впервой.

— И всё? — удивился любитель мобильных телефонов.

— Сделаешь, и свободен. Витай по миру на волнах эфира сколько тебе влезет.

Аллегория Славике не понравилась, и он не преминул отомстить:

— А могу я узнать, зачем вам, уважаемые демоны, — он с удовольствием глянул на одинаково поморщившихся близнецов Полозовых, — понадобилось подслушивать разговоры недобропорядочных граждан?

— Разумеется, можешь, — кивнул Тур. — Ты когда-нибудь слышал про диоксины?

* * *

В смазанных силуэтах ночного города с трудом угадывались очертания знакомых улиц. В детали маршрута Лис не вдавался. С нарочито деловым видом он сидел справа от Тура, периодически поглядывая в зеркало. Дух-Славик на заднем сиденье потерял интерес к его персоне, следовательно, грубоватых острот больше не ожидалось, и гордость, переполнявшая Лиса, выплыла наружу счастливой улыбкой.

«Я должен контролировать схему отсюда. А Лис поедет с тобой». (Это Ворон). «Зачем? Ведь дел всего — туда-обратно». (Тур). «Страховка не помешает. Тем более, мы — команда».

От одной этой фразы Лис моментально вознёсся на седьмое небо. А следующие события прямо-таки вывели его на околоземную орбиту. Старший брат бросил юноше свою куртку. «Одевай. И очки достань. В правом кармане». Славик съязвил: мол, неплохо бы бороду наклеить. На что Тур культурно, но безапелляционно указал призраку на отведённое ему место. По завершении коротких сборов, когда Всеволод Полозов и дух-Славик уже находились в машине, Ворон отозвал Лиса в сторону. «Туру отдай», — и в руке юноши оказался тяжёлый холодный предмет. Лис обомлел, но мимолётная улыбка из чёрной бороды отсекала накативший ужас. «Не волнуйся, это только для моего спокойствия».

Итак, братья признали команду в действии. Ему, доселе непризнанному бойцу заставы, поручили страховать опасное мероприятие. И, наконец, он впервые в жизни держал в руках настоящее оружие! Лучше, чем сейчас, Лис никогда себя не чувствовал.

— Славик, отсюда пойдёшь или подъехать ближе? — спросил Тур, сбросив скорость до минимума.

Лис мигом скатился с мечтательных высот победителя в постную действительность. Пришлось признаться, что, почивая на лаврах, он едва не проспал свою непосредственную миссию. За стеклом машины просматривались тёмные стены домов, обнявших сумрачный переулок. Лента электрических огней блестела между безликих неприветливых зданий в сотне метров правее.

— Рули прямо к воротам. Я через проходную тысячи раз ходил, увижу дорожку.

— Боишься заблудиться? — вставил Лис, полагая, что своим вопросом отыграется за все подколки призрака.

— Засохни.

Лис прикусил язык, ибо сгусток информации, выразившийся в одном прозвучавшем слове, мгновенно обрисовал состояние заложного. Всё, что окружало живущих и выглядело для них сугубо материальным, для призрака представляло собой густой непроходимый туман. Славик-мёртвый ощущал и «видел» лишь то, что было до автоматизма знакомо Славику-живому. Исключение составляли дом Полозовых, машина Полозовых и само присутствие Полозовых. Поскольку Полозовы имели над заложным неограниченную власть.

Лис заёрзал. Выступать в роли повелителя ему ещё не приходи-

лось, но откуда ни возьмись появилась вредная идея заставить призрака выполнить какую-нибудь пустяшную команду. Например, повелеть ему «утонуть» в диванном покрытии. Парень готов был созорничать, но тут наткнулся на укоризненный взгляд брата. По спине пробежал холодок. Показалось, Тур прочёл его мысли.

— Славик, — тихо заговорил Всеволод Полозов, поворачиваясь к призраку лицом, — пойми: всё, что мы делаем с тобой, это вынужденный шаг.

— Брось. Я ж не по службе, а по старой дружбе. И давай кончать побыстрее. Фигово мне здесь.

Автомобиль покотился вглубь переулка. И будто эхо далеко в темноте завёлся другой мотор.

Лис вытянулся.

— Слышал?

— Что?

— За нами кто-то едет.

Брат опустил стекло. Прохладная июньская ночь шуршала мутными тенями, вздыхала в подстриженной листве деревьев и вздрагивала от редких рыков автомашин, пронесившихся по центральной улице.

— Вряд ли, — Тур поджал педаль газа. — Какая-нибудь парочка уединилась в сквере.

БМВ подъехал к запертым воротам и остановился.

— Давай сюда «жука», — нетерпеливо поторопил дух-Славик.

Тур медленно достал из внутреннего кармана творение брата. Лис затаил дыхание.

Аппарат в руке Всеволода Полозова описал дугу над спинками передних сидений и... переключал в невещественные руки заложного.

— Братан тебе просигналит, когда связь пойдёт.

С этими словами Славик переместился на тротуар и, не оглядываясь, двинулся к дверям проходной. Спустя секунду тень его растаяла. Лис нахмурил лоб. Фольклор фольклором, а от физики никуда не денешься.

— Тур, мне показалось, или он протащил коробочку сквозь стену? — неуверенно спросил юноша.

— Он несёт с собой информацию о предмете, а не сам предмет, — неохотно прояснил Тур. — Когда Славик определит его место, я положу туда прибор через Переход.

И он показал младшему брату «жучок», зажатый между большим и указательным пальцами.

Челюсть Лиса плавно поехала вниз.

— Это то же, что с пулей?

Жила на шее Тура дрогнула, но Лис не заметил напряжения брата.

— Почти.

Юноша во все глаза смотрел на пластиковый корпус «жучка», но так и не отследил момент перемещения. Тур судорожно сомкнул ладонь в кулак.

— Сработало... Ждём сигнала Ворона.

Повеяло холодком. Лис передёрнулся и поднял стекло. Брат скрыл тоскливый вздох. Не открытое окно салона было причиной мёрзлого дуновения. Он незаметно для Лиса натянул на посиневшую кисть чёрную перчатку и взялся за руль.

Шины мягко шаркнули по влажному асфальту, машина поползла вдоль тротуара. Лис наострил уши. Тишина... И вдруг где-то в темноте заурчал чужой мотор.

— Тур, за нами «хвост»! — юноша завертелся на сиденье. — Тур, у меня отличный слух! Тормозни. Тормозни!.. Вот. Слышишь, они тоже остановились.

— Я помню про твой непревзойдённый слух, равно как про твои непревзойдённые фантазии, — довольно резко отозвался Тур.

Лис не потрудился определить причину раздражения старшего брата и по привычке просто обиженно надулся.

Тур достал сигарету. Лис краем глаза проследил за рукой в перчатке, вернувшей прикуриватель в гнездо приборной панели. Показалось, что пальцы брата чуть-чуть дрожат.

— Ладно, — юноша решил отставить обиду на задний план. — Я прогуляюсь здесь, рядом. Осмотрюсь.

Долговязая фигура с ярко-рыжей шевелюрой маячила на противоположной стороне улицы. Тур усмехнулся. В чёрной куртке Ворона младший брат выглядел как вертлявая ходячая вешалка. Он то прижимался к стене здания, будто изображал тайного агента, то, напротив, выскакивал на середину переулка и, исступлённо задрвав голову, втягивал носом городские запахи.

«Для него Переход видится романтической приключенческой картиной, — тоскливо подумал Тур. — Не следовало брать его с собой. Это не приобщение к команде, а дурацкая авантюра... Учитывая наличие оружия, вдвойне дурацкая».

Когда Ворон предложил взять пистолет, Тур наотрез отказался. Однако близнец проделал недозволительный, с его точки зрения,

приём: передал «Р226» через Лиса.

Раздражение нарастало с каждой минутой. Пустое одинокое ожидание. Мелькание Лиса, возмнившего себя новым Джеймсом Бондом. Сомнительный «хвост». Руки стали совершенно холодными. Тур размял правую, левой опустил стекло до предела, поправил зеркало и...

Автомобиль стоял поперёк соседней улицы. Мрачный силуэт с выключенными фарами и габаритными огнями.

Тур машинально отправил сигарету в пепельницу. Оглянулся. Чужая машина, замеченная в зеркале, не испарилась, подобно неприкаянному призраку. Более того, неестественное положение автомобиля относительно проезжей части наводило на мысль о слежке. Он прикинул область обзора, доступную наблюдателям. Получилось, что в подобной позиции им виден задний бампер БМВ и практически вся длина переулка. Следовательно, не составит труда определить, когда и в каком направлении поедет автомобиль по завершении операции.

«Всё-таки Беляк что-то заподозрил», — решил про себя Всеволод Полозов и мысленно обругал близнеца за необузданный язык и такое же любопытство. Затем возник вопрос: как себя вести в сложившихся условиях? И, наконец, третье, вызвавшее лёгкий озноб: почему они не пытаются скрыться из поля зрения? Ведь каждому известно о существовании зеркал заднего обзора.

Тур беспокойно посмотрел по сторонам. Лис прохаживался по тротуару напротив. Он ещё раз взглянул на отражение машины-«хвоста». Стекло переднего пассажирского места опущено. В салоне темно, однако виден продолговатый проблеск света на предмете, выглядывавшем наружу.

Ледяной пот потёк по спине. Рука непроизвольно потянулась к мобильнику.

Стоп.

Тур стиснул зубы. Любой звук, тем более характерный для «сотового» электронный перепев, на спящей улице моментально разнесётся в ночи. А если они собираются стрелять...

Всеволод Полозов, наконец, допустил до рассудка страшное объяснение и странной позиции чужой машины, и назначение предмета, замеченного в темноте. Тонированные стёкла делают водителя БМВ невидимым, значит...

— Лис. Вернись. Лис! — позвал Тур одними губами.

Юноша не отреагировал.

— Лис, вернись в машину немедленно, — как мог, тихо прошептал

Тур.

Брат повернулся, мельком глянул на БМВ, но призывного взмаха из салона не заметил и медленно побрёл по улице. Тур затаил дыхание. Лис остановился и принялся втягивать носом ночные запахи.

Большая стационарная мишень.

Тур схватился за ручку дверцы.

Нет. Заметив движение, они выстрелят без промедления.

Ворон в своём кабинете потянулся за сотовым. Почувствовал состояние близнеца.

Звонок сработает как катализатор!

Тур схватил свой аппарат и вдавил кнопку отключения.

Остаётся одна минута. Ворон, не дозвонившись ему, наберёт номер Лиса.

В зеркале движение. Кто-то в чужом автомобиле придвинулся к опущенному стеклу.

Тур представил в руках исполнителя взведённый пистолет и прицел, в котором стоял, ничего не подозревая, его младший брат.

Кровь ударила в виски.

Цена велика. Но это сейчас единственная допустимая плата за жизнь.

Холодная рукоять «ЗИГ-Зауэра» застыла в онемевшей ладони. Привычно, будто перед фанерно-компьютерным боем, снят предохранитель. Локоть упёрся в раму. Заныло левое плечо. Неудачный расклад: стрелять назад из-за бокового стекла машины. Но другого выхода нет.

Незнакомец с пистолетом в прицеле.

Когда?

Тур медлил. Крошечная капля сомнения звенела в рассудке: не ошибся ли? Если бы чуть ближе. Чуть светлее. Чуть виднее...

Ворон торопливо щёлкает по строкам «записной книжки» мобильного. Ищет номер Лиса.

Вот сейчас. Пора... Не опоздать бы! Ну же?

Пора.

— Эй, док!

Тур вздрогнул всем телом.

— Сдался тебе этот шестёрка. Подумаешь, машину заметил! Не бери грех на душу. Не стоит он того.

Всеволод Полозов медленно отодвинулся вглубь салона. Бурное дыхание рвалось наружу, но скрученные в пружину нервы как будто поселились в лёгких. В глазах поплыло.

— Убери ты свой ствол. В дерьмо влезешь, не отмоешься, — продолжал кто-то, стоявший на улице. — Слушай, док, я ж тебе плохого не хочу. Ты меня однажды с того света вернул. Помнишь? Меня порезали: четыре ножевых, одно под сердце. Ты мне ещё сказал: от ножа теперь точно не помру. Помнишь?

— Помню, кажется, — выдохнул Тур.

— Прав ты был, док. Не от ножа помер.

Блазень рассмеялся.

— Постой, — Всеволод Полозов всеми силами старался сохранить внешнюю невозмутимость, — кто в той машине? Почему они держат в прицеле моего брата?

— Док, езжай домой и проспись. У этого сосунка не то что ствола, финки нет! Сидит, вон, пиво из банки дует.

Ночное молчание разорвал отчаянный перепев сотового. Лис вздрогнул всем телом и суетливо полез в карман.

Тур опустил плечи.

— Спасибо.

— Ты как домой-то поедешь? — блазень сочувственно оглядел доктора Полозова. — Может, помочь чем? Я, к примеру, умею гаишникам мозги дурить. Враз дорожку расчищу!

— Не строит. А если хочешь помочь, — Тур с опаской посмотрел в зеркало на тёмный абрис любителя пива, — задури мозги этим ребятам. Чтобы они нас упустили.

— С удовольствием, док!

* * *

Ворон выслушал близнеца, не перебивая. Лишь взгляд его то и дело замирал на чёрном «ЗИГ-Зауэре», оставленном на столе. Лис помалкивал, тем более что его присутствие старшие братья во внимание не принимали.

— А ты куда смотрел? — вдруг громыхнуло в гостиной.

Лис опомнился. Реплика принадлежала, без сомнения, Ворону.

— Я? — уши моментально вспыхнули и приобрели багровый оттенок.

— У тебя под носом хозяйничали чужие заложные! — продолжал Ворон. — Ты понимаешь, что могло произойти, если бы не бывший пациент Тура?

— Ворон, оставь, — Тур тяжело вздохнул. — Не было там никаких заложных. В конце концов, действительность — это преломление объективной реальности через сферу индивидуального мироощуще-

ния. Мы списываем на заложных то, что остальные списывают на случайности.

— А на чей счёт ты запишешь пивную банку, прикинувшуюся пистолетом? — насторожился Ворон.

— На собственный. Я не сказал Лису, *что* для меня Переход. Я открыл его один. Без страховки за спиной, понимаешь? И оказался лицом к лицу с матушкой-смертью. Дальше всё стало накручиваться, как снежный ком. Ощущение одиночества, досада, злость. Пистолет в кармане. И надуманный страх. Вот вам и ствол вместо жестянки.

Лис и Ворон непроизвольно переглянулись. А Дед, обитавший в кресле, громко выразил вслух повисшее в тишине недоумение.

— Опаньки!

— Тур, прости, — неуверенно начал Лис.

— Малыш, ты не мог этого знать, — грустно улыбнулся старший брат. — Ты прекрасно помнишь все детали нашего бытия на том свете. Не сомневаюсь, это захватывающая история, достойная фантастического романа. Но ты не можешь представить, что происходило на этом.

Ворон бесшумно обошёл пустой обеденный стол и сел в пол-оборота к близнецу, опустив голову на плотно сжатый кулак. Лис испуганно замер.

— Уверяю тебя, — тяжело продолжал Тур, — ничего общего с костюмированным балом Пятницы здесь не было. Здесь шла война. Совершенно реальная, лживая, грубая и безжалостная. С обычными пластиковыми мешками для трупов. В один злосчастный день в таком мешке оказался я.

— Нет, — Лис рефлекторно отступил. — Тур, Ворон, нет! Вы — рождённые смертью, сыновья Огненного Полоза, хранителя царства мёртвых. Вы — живая память, застава отца на земле.

— Лис, — подал голос Ворон, — на тот свет попадают с этого света. Таков круг бытия. А с этого света туда можно попасть только одним способом. Ты видел, что происходит со мной в определённой близости от покойников?

— Это потому, что твой организм не признаёт в тебе проводника на мостах Перехода, — выпалил Лис.

— *Это с той стороны. А с этой всё гораздо хуже,* — вздохнул Ворон. — Двое суток я пролежал на дне ущелья, заваленный трупами ребят из нашего взвода. А рядом лежал мой брат-близнец.

— Братцы, — юноша шагнул в сторону одного, затем другого и в результате вернулся на прежнее место. — Братцы, я тоже жил у отца.

Хотя здесь ничего...

— Малыш, в восемьдесят восьмом тебе было всего четыре года, — произнёс Тур. — Болезнь, травма — что угодно. Ведь никто тебе об этом не рассказывал, а детская память коротка.

Лис растерянно подтянул к себе третий свободный стул.

— И что нам теперь делать? — пробормотал он.

— Помнить, — ответил Ворон. — И уметь поддержать, если вдруг кто-то из нас пошатнётся под натиском реальных или потусторонних бурь. Наша слабость в том, что мы были там, откуда не возвращаются. Как правило. Но мы вернулись. И создали исключение из правил. А это уже сила, на которой стоит застава.

День двадцать пятый

— Лис, поднимайся, на экзамен опоздаешь.

...

— Лис, чёрт тебя дери! Попробуй только на пересдачу загреметь!

Юноше показалось, что дистанция между предупреждением Тура и громкой побудкой Ворона составила не более пяти минут. Он отодрал голову от подушки, разлепил веки и буркнул в сторону приоткрытой двери.

— Я встал уже.

И тут взгляд упал на часы: четверть двенадцатого. Сон мгновенно улетучился.

— Ворон! Ворон, подожди, — Лис оказался на ногах. — Мне в универ срочно!

— Собирайся и бегом в машину, — раздалось из коридора.

На пороге спальни Лис спохватился: чуть не забыл мобильник. На лестнице вспыхнуло — портмоне! И, наконец, уже с крыльца он пулей мчался назад в свою комнату за зачёткой.

Мотор БМВ нетерпеливо гудел в ожидании рассеянного студента. Юноша плюхнулся на заднее сиденье.

— Ворон, поехали!

И тут сообразил, что за рулём сидит Тур.

— А вы куда? — вырвалось у Лиса.

Близнецы переглянулись и дружно перевели взгляды в зеркало над лобовым стеклом, в котором маячила растрёпанная рыжая шевелюра. Юноша непроизвольно отодвинулся.

— У нас что, проблемы? — осторожно уточнил он.

— Угадал, — усмехнулся Ворон. — «Жучок» сработал на все сто.

Беляк тормознул прокуратуру.

— Когда?

— Звонок расшифровали сегодня утром, — заговорил Тур. — Это плохая новость. Но есть и хорошая. Во вчерашнем выпуске региональных известий показали репортаж о знакомой нам свалке и громко заявили о начале журналистского расследования.

По выражению лиц братьев Лис определил, что «хорошая новость» хороша весьма относительно.

— И что теперь? — уточнил он.

— Ничего, — Ворон скептически пожал плечами. — Вякнут ещё пару раз и забудут. Я даже в честь этого видак на запись больше ставить не стану. Слышал бы ты ту ахинею, которую несли с экрана! Ни дать, ни взять — предвыборная кампания.

В салоне образовалась пауза. Лишь мерно гудел мотор, наматывая привычные километры шоссе.

Лис бесцельно рассматривал шершавую обивку пустого сиденья подле себя. Неудачный день. Мало того, что трижды вернулся, выходя из дома. Теперь обнаружилось, что их первое общее дело на грани провала.

Серая обивка автомобильного дивана... Серая обивка кресла. Резной подлокотник. Край шикарного дубового стола. Старческая рука не спеша опускается на кнопку селектора. Плавно течёт разговор. Слова, фразы... фразы... «Безобразия. Да-да. Ты вот что, мой мальчик: разберись-ка там. Что творят!.. Да-да, пусть по закону. От первой строчки до последней. А то, видишь, природу загадили, людей губят»...

Лис встрепенулся. Молчание в салоне.

— Братцы, — несмело начал он. — Всё нормально будет.

— Что «нормально»? — удивлённо обернулся к нему Ворон.

— Кто-то влепит Беляку по первое число, вот увидите! И свалку ликвидируют.

— И откуда, позволь спросить, такая уверенность?

Юноша закусил губу. Сказать, что вдруг, ни с того ни с сего, увидел какую-то сценку из будущего? Или из настоящего? А может быть уже из прошлого?

— Эй, Гамаюн.

Лис чуть было не подпрыгнул. Ворон, прищурясь, смотрел на младшего брата. В бороде Тура играла то ли усмешка, то ли улыбка.

— Не знаю откуда, — торопливо ответил парень. — Просто знаю.

— Ладно, принято, — неожиданно подытожил Ворон и, закинув

локоть на спинку сиденья, развернулся к Лису лицом. — Кажется, Гамаюн — женский образ. Или я ошибаюсь?

Лис отвернулся.

— Ну, женский, и что?

— Почему отец дал тебе это имя?

Лис насутился пуще прежнего.

— За определённые качества, я думаю, — произнёс Тур, наблюдавший терзания младшего брата через зеркало. — Надеюсь, смертоносным вихрем ты летать не умеешь?

— А? — Лис выпрямился.

Ворон засмеялся.

— Эх ты, спец по славянской мифологии. Словари читать внимательно нужно.

— Между прочим, это свойство данного мифического персонажа трактуется не однозначно, — буркнул юноша. — Традиционно ему приписывают только способность петь вещице гимны тем, кто способен услышать тайное.

— Ты, главное, не ошибись, кто способен «услышать тайное», а кто нет, — серьёзно сказал Ворон. — И кстати, не пора ли тебе сосредоточиться на экзамене?

Лис покорно опустил взор, полагая, что на сём разговор закончен. Но брат продолжил.

— На сегодня план таков. Ты сдаёшь свою историю чего-то-там...

— ...России, — автоматически вставил студент.

— Историю России. Наш доктор разбирается со своей пациенткой, а я ищу подступы к прокурору. Вечером мы вдвоём с Туром попытаемся вызвать её на доверительную беседу.

— Кого «её»? — встрепенулся Лис.

— Её — прокурора. Или ты полагаешь, что в погонах ходят только мужчины?

— Нет, конечно, — юноша потряс головой. — А зачем? Ведь всё уладится и так.

— Малыш, будущее строится в настоящем, — вступил Тур. — Нельзя сидеть сложа руки и ждать разрешения проблем свыше. Кто знает, быть может, без разговора с человеком, от которого зависит «мусорное дело», не будет будущего, виденного тобой.

— Короче, — подхватил Ворон, — сдашь экзамен, возьмёшь такси и отправишься домой. Нам не звони, мы временно отключимся. Сиди на телефоне дома. Уловил?

— А...

— Никаких «а». Лис, пожалуйста.

Тлеющие угли под чёрными арками бровей источали домашнее тепло. Ни малейшего нажима, ни блика ярости. Заворожённый, Лис подался вперёд.

— Хорошо, — пробормотал он, жадно ловя отблески необычных искр, зародившихся в глазах старшего брата.

Чёрные стёкла очков отсекали наваждение.

— Тогда конец дебатам.

* * *

На экзамен Лис опоздал. Не обнаружив свою группу в аудитории, указанной в расписании, он кинулся на кафедру в поисках преподавателя.

— Что ж вы так, Полозов? — снисходительно спросила экзаменатор, приняв торопливые извинения.

— Семейные обстоятельства, — срывающимся голосом объяснил Борис. — Я могу без подготовки, хоть на все вопросы подряд. Только, пожалуйста, не направляйте на пересдачу!

Серьёзная девушка, разговор с которой историк прервала ради нерадивого студента, многозначительно вздохнула.

— Оксана, это не займёт много времени, — обратилась к ней преподаватель. Та, крайне недовольная оборотом дела, привстала со стула. — Нет, нет, подождите здесь. Десять минут, не более.

Девушка по имени Оксана вызывающе отвернулась к окну.

Борис Полозов ожидал самых неприятных вопросов, памятуя о бурном коллоквиуме, на котором между ним и этой преподавательницей разгорелся нешуточный спор. Однако обошлось. Историк попросила рассказать об особенностях религиозных верований на Руси в Петровское время и, на радость студенту, позволила ему от души высказаться по поводу староверов и языческих древностей, ассимилированных в христианстве. Даже строгая Оксана, изображавшая ледяное безразличие, стала с интересом вслушиваться в пространные ответы юноши.

— Очень хорошо, — историк улыбнулась. — Я не сомневалась, что вы успешно сдадите экзамен, Борис Васильевич.

Лис насторожился: по имени-отчеству его называли крайне редко. В следующую секунду он догадался, что несвойственная преподам реплика прозвучала исключительно для недовольной Оксаны. Лис украдкой бросил взгляд в её сторону. Девушка держала на коленях объёмную папку, скромно озаглавленную «диссертация». Лис тут же пред-

ставил, как деловитая Оксана шествует по коридорам, как бы невзначай выставив на обозрение подписанный корешок. Вот, мол, смотрите, какая я.

Смешок он успешно скрыл, взял зачётку с ещё одним «отл», подтверждённым бисерной подписью, поблагодарил экзаменатора и направился к выходу.

Хлоп!

Лис обернулся.

Диссертация, вернее, содержимое папки рассыпалось по полу, на что побледневшая аспирантка смогла выдать только несчастное «ой».

Борис Полозов, разумеется, немедленно бросился на помощь.

— Осторожнее, там всё было разложено по темам! — задохнулась Оксана, удерживая на углу стола уцелевшую стопку бумаг.

— Ничего, ничего, — вмешалась преподаватель. — Не спешите...

Следующая фраза осталась для Лиса за кордоном слухового восприятия, поскольку взгляд вцепился в поднятый листок: «Л.Н. Старостина. Загадка Владимировых идолов: Симаргл — исследование происхождения имени и значения божества на основе сказаний о битве Симаргла и Змиулана».

— Вот она! — воскликнул Лис.

Аспирантка выхватила из рук юноши лист ксерокопии и принялась судорожно искать остальную часть статьи. Задавать вопросы было бессмысленно. Борис Полозов для порядка собрал близлежащие бумаги и, пробормотав что-то на прощание, выскользнул за коридор.

«Л.Н. Старостина». «Битва Симаргла и Змиулана». Лис и так, и этак тасовал в уме слова до тех пор, пока не обнаружил, что снова и снова возвращается к дверям кафедры. Требовалась дополнительная информация. Вламываться в деловой разговор преподавателя с аспиранткой второй раз за час было бы несусветной наглостью. И Борис Полозов решительно уселся на подоконник с видом: «ничто не сдвинет меня с этого места, пока я не получу все ответы».

Впрочем, с подоконника он соскочил спустя несколько секунд. Вспомнился несчастный дипломник, выпавший из окна две недели назад.

Через час, когда Лис совершенно потерял счёт времени, в кармане запел мобильник.

— Полозов. Слушаю, — подражая старшим братьям, отчеканил юноша, не сводя взгляд с закрытых дверей кафедры.

— Борис, здравствуй, — раздалось в трубке сквозь шорох помех и

«эхо» аппарата.

— Оля? — рука дрогнула, и по телу поползли волнующие мурашки. — Как ты?

— Странно, но всё в порядке. Я думала, ночь спать не буду. Но ничего. Только папа снился.

— Где ты сейчас?

— К приятельнице зашла. У неё дома телефон. Вчера хотела позвонить, да неоткуда было. Как у тебя дела?

— По-всякому. Давай встретимся! — бодро предложил Лис, но, вспомнив про наставления братьев, осёкся. — Вот только, где мне тебя найти...

— Я скоро буду дома.

— Сегодня я не могу, — Лис облизал губы. — Совсем не могу. А завтра? Давай, я завтра заеду?

Дверь кафедры стала приоткрываться. Лис заторопился.

— Оля, давай завтра.

— Хорошо. Ты спешишь?

— Да. Прости. Тут человек выходит, которого я жду. Прости. До завтра!

Аспирантка Оксана выплыла из кабинета в обнимку с папкой, с порога попрощалась, закрыла дверь и, полагая, что осталась один на один со своим сомнением, скроила недовольную гримасу.

— Извините. Могу я задать вам вопрос? — Лис сделал несколько шагов вперёд.

Девушка вздрогнула.

— Задавайте, — она смерила нежданного собеседника с ног до головы кислым придирчивым взглядом.

Борис Полозов выдержал это сканирование, не поведя бровью.

— Среди ваших материалов я заметил статью, которую очень давно ищу, — начал он твёрдо. — Не могли бы вы назвать мне источник?

— Чего? — аспирантка отступила.

— Выходные данные статьи Л.Н. Старостиной. «Загадка Всемирных идиолов» и так далее.

— Ах это. Я эти три бумажки из Питера еле дождалась!

Подтекст был простой: поди-ка поищи сам, коли такой умный. Лис моментально оценил обстановку и изменил тактику.

— Я не занимаюсь научной работой. Я только второй курс заканчиваю, — скромно улыбнулся он и опустил глаза. — Людмила Старостина умерла 15 лет назад. У нас дома, к сожалению, ничего не сохра-

нилось из её научных трудов.

На лице молодой аспирантки прорисовалось любопытство.

— Она ваша родственница?

Лис помедлил.

— Она оказала большое влияние на жизнь моей семьи.

— Ой. Надо же, — девушка рассеянно посмотрела по сторонам, увидела подоконник и быстро направилась туда. — Сейчас, минутку.

Папка с ярлыком «диссертация» была аккуратно размещена на плоской поверхности и лишь после этого открыта.

— Не то... не то... Ага, — аспирантка добыла три листа, сжатые скрепкой. — Есть на чём записать?

Имелось в виду: записать размазанное название издания в колонтитуле.

— Я запомню, — проговорил Лис и демонстративно сморщил лоб, как бы разглядывая номер.

Оксана открыла второй лист, затем третий. На последнем выходные данные более или менее читались.

— Да, запомню, — медленно повторил Борис Полозов, раскладывая в сознании фотографический отпечаток трёх страниц. — Большущее вам спасибо. И успехов на защите.

* * *

Престарелая мадам, матушка «влиятельного знакомого» Полозовых, затянула посещение врача на два с лишним часа. «Доктор, скажите, как мне быть: все говорят, что на Кипр мне нельзя. Сосуды, знаете ли. И сердце пошаливает. Как мне поехать на Кипр?» Доктор Полозов выслушал эту тему во всех возможных вариациях сотый раз. Отдых на юге пациентке был противопоказан, однако мнение «самого опытного врача в городе» (так представили Всеволода Полозова упрямой старушечки) не было принято во внимание. В конце концов, прозвучало возмущённое:

— Но мой сын заплатит вам любые деньги! Я хочу лететь на Кипр!

— Я поговорю с вашим сыном, — с трудом сдерживая резкость в голосе, ответил доктор Полозов и вышел.

Ворон, не дождавшийся звонка брата, нервничал, сидя на деревянной скамейке не то в парке, не то в каком-то заведении, открытом всем ветрам. Время было упущено. Тур это чувствовал. Оставалась надежда: упущено не бесповоротно.

Доктор Полозов садился за руль, когда в памяти неожиданно всплыл голос Деда: «Служишь ты им... Подумай на досуге: чему слу-

жишь и кому». Тур вздрогнул и огляделся. Разумеется, Деда он не увидел, но невольно посмотрел на шикарный элитный дом, гордо возвышавшийся на тихой безлюдной улице. «Я служу медицине», — мысленно повторил Тур. И поморщился от осознания лжи. В данном случае медицина стояла в стороне. Его использовали в качестве успокоительного, не более. А он честно отработывал обещанный гонорар, развлекая богатую старуху медицинскими доводами.

Ворон издали заметил брата и двинулся навстречу.

— Что так долго? Тяжёлый случай? — осведомился он, доставая зажигалку.

Тур молча вынул из кармана пачку сигарет. Закурил.

— Очень тяжёлый, — выпустив дым, ответил он в сторону.

Ворон снял очки, внимательно изучил близнеца и повёл бровью: мол, бывает.

— Если бы мы занимались лишь тем, чем хотели бы заниматься, мы были бы самыми счастливыми людьми на этом свете. Не переживай. Ни репутация, ни квалификация твои не пострадали.

Тур усмехнулся.

— Что мы пропустили?

— Обеденный перерыв. Не фатально. Я знаю, куда она отправится после работы.

Всеволод Полозов взял брата за плечо.

— Ты как?

Головной боли Ворона он не ощущал, но тревога проползла по спине ледяной каплей.

— Никаких проблем. Нашёл осведомителей. Видишь их?

Он весело показал в сторону парковых елей. В тени породистой хвои жались друг к другу два контрастных силуэта: долговязый и шарообразный.

— Кто такие? — насторожился Тур.

— Понятия не имею. Бродили здесь в парке независимо друг от друга. По пьяни замёрзли этой зимой, кажется.

— И что с ними теперь делать? — Тур кивнул на неприкаянных блазней.

— Пусть обитают на белом свете. Ничего у них за спиной нет: ни родства, ни корней. Так хоть, может, подружатся и друг дружке спины прикроют. Нароботают после смерти то, что в жизни пропили.

Ворон замолчал, прямо взглянул на слабые информационные

сгустки и медленно добавил:

— Пусть видят мир живых. И сами найдут потерянное.

Тур задумчиво снял перчатки.

— Найдут и возьмут в себя, коли смелости хватит.

— У нас с тобой есть сорок минут, — Ворон непринуждённо обернулся к брату. — Предлагаю завернуть в пиццерию.

* * *

Пыльный асфальт покрылся мелкой влажной сыпью. Женщина приостановилась, нервно вскинула голову и торопливо расстегнула сумочку. Достала складной зонт. На больших дымчатых очках, закрывавших большую часть острого удлинённого лица, осели дождевые капли. Зонт заупрямился, и дождь не преминул расписаться на тёмно-зелёном жакете и белом воротничке шёлковой блузы. Маленькие губы скривились, выражая досаду. Длинные аккуратные ногти, которые хозяйка, безусловно, тщательно берегла, мешали пальцам должным образом нажать защёлку. Женщина встряхнула непослушный зонт раз, другой, и вдруг испуганно замерла. Прямо перед ней будто из ниоткуда возникла фигура мужчины.

— Что? Что вам нужно? — страх облил белизной напудренные щёки.

— Извините, я не хотел вас напугать.

Она шумно выдохнула волнение.

— В таком случае — всего хорошего.

Забыв про нераскрытый зонт, она шагнула в сторону и едва не упёрлась в грудь преградившего ей дорогу. — Здравствуйте!

— Почему вы написали в отчёте, что претензии местных жителей не обоснованы?

Голос раздался сзади. Тот же голос, что принадлежал стоящему перед ней человеку.

Женщина испуганно сжалась.

— Потому что жалоба не имела под собой реальных фактов, — скороговоркой ответила она и попыталась оглянуться.

Что-то или кто-то не позволил ей обратить взгляд назад.

— Неправда. Вы были на свалке и своими глазами видели безобразия, которое там творится.

Она отчаянно посмотрела на человека в сером классическом костюме, молча стоящего перед ней. Фигура атлета. Руки, скрещённые на груди. На кистях — чёрные кожаные перчатки. Строгий тёмный галстук. И... тень вместо лица.

— Что вам нужно от меня? — пробормотала женщина.

— Профессиональный подход к делу, Инна Владленовна, — мягко произнёс человек без лица. — Вы — работник природоохранной прокуратуры. Прокурор. Вы видели данные, присланные вчера из лаборатории. Вы лучше других понимаете, что они означают.

— Я видела только любительские фотографии. Вы, наверное, сын старика? — она задохнулась торопливой речью. — Того пожилого человека, который был у меня на приёме? Он сказал, что его сын сфотографировал свалку, — воспоминания о реальном событии придали ей уверенность на несколько следующих секунд. И она продолжила чуть твёрже и разборчивее: — Передайте ему, пожалуйста, что опасности для жителей деревни нет. Это простая свалка. Позвольте мне пройти.

Тур не шелохнулся.

— Вы брали пробы лакокрасочных отходов, — раздалось за спиной. — Областная лаборатория представила вам анализ. А что такое диоксины вам, надеюсь, известно.

— Свалка находится рядом с зоной водозаборных сооружений города, — подхватил Тур. — Дайте делу ход, Инна Владленовна. Свалку необходимо ликвидировать, пока не грянула катастрофа.

— Послушайте, — женщина передёрнулась всем телом, — я не начальник. Это вообще не моя компетенция! Отойдите немедленно. Или я закричу.

— Кричать вы не станете, — спокойно ответили за спиной.

— От содержания вашего рапорта зависит поведение начальства. Почему вы боитесь сказать правду?

Прокурор неожиданно для Полозовых расправила плечи.

— Почему? У меня двое детей. Вот почему!

— Вам угрожали, — констатировали сзади.

— Инна Владленовна. Подумайте, ведь там в районе гораздо больше детей, и ещё больше в городе, — начал было Тур, но женщина отчаянно перебила.

— Я не имею права допустить, чтобы мои остались без матери!

Она решительно двинулась вперёд. Всеволод Полозов вынужден был отступить. Огненный взгляд его брата метнулся в погоню за вспыхнувшей волей и разбился о мощный щит, поднятый материнством.

Тур почувствовал, как стремительно леденеют руки и мороз ползёт по лицу. Ворон подался, как качнулся, в его сторону.

— Упустили...

И тут раздался звонкий детский голосок.

— Бабушка-а, смотри, дяденьки одинаковые!

Прокурор резко обернулась. Теперь, когда мистическая вуаль растворилась без следа, она отчётливо разглядела двух мужчин, похожих друг на друга, будто дождевые капли.

«Забудь!» — скользнула в голове чужая поспешная мысль.

В память впечаталась чёрно-белая картинка, всё равно что грубый «фоторобот».

Женщина попятилась, изо всех сил сжала нераскрытый зонт и быстро, почти бегом, бросилась прочь из парка.

Ворон зажал ладонью покрасневшие глаза.

— Всё. Мне её не достать.

— Она ничего не станет предпринимать, — торопливо успокоил его Тур. — Она слишком... О, нет.

Рука Ворона медленно опустилась, размазав по щеке дождевую влагу. Он мог бы и не оглядываться, ибо понял, кого увидел брат.

Марина в прозрачном «дождевике» под большим цветастым зонтом стояла на соседней аллее и заворожённо смотрела на близнецов-Полозовых. Объёмная хозяйственная сумка приткнулась возле её ноги, частично нырнув в лужу. А рядом на дорожке, весело позвякивая велосипедным звонком, сиял Ваня-призрак.

— Кажется, фортуна показала нам зад, — пробормотал Ворон.

— Мы обязаны ей всё объяснить, — Тур сделал шаг в направлении Марины.

Та опомнилась, подхватила сумку и, не замечая, что грязь брызнула на туфли и колготки, заторопилась к трамвайной остановке.

«Она теперь всё про вас знает! Она никогда не будет вас любить!» — дождевой поток обрушился на парк. Липы отчаянно застонали, хрустнул старый тополь, в ужасе прильнули к траве молодые клёны.

«Мама только моя! — блазень раздулся до великанских размеров и поднялся над вершинами елей. — Убирайтесь в своё змеиное болото! Мама никогда не будет вас любить!»

— Я вышвырну его с этого света! — Ворон рывком выпрямился, невзирая на шквалистый ветер, бивший в лицо.

«Я буду с мамой! А не ты!» — гремел призрак сквозь шум проливного дождя.

Глеющие угли в глазах яростно полыхнули.

— Ворон, нет!

Нарастающую боль в затылке Тур ощущал как свою собственную.

— Не мешай!

«Я буду с мамой! Я!» — блазень поравнялся с тучами, повис над

парком и трамвайной остановкой и исчез за стеной дождя. Никакого эффекта горящий взгляд на него не произвёл.

— Ворон, успокойся, — тёплая рука сжала окаменевшее в судороге плечо. — Успокойся. Он не враг нам. Он был сыном Марины.

Ворон обмяк, пошатнулся и рефлекторно сдёрнул узел галстука. Тур усадил брата на мокрую парковую скамейку, снял перчатку и бережно прижал ладонь к опущенной на грудь голове. Несколько минут прошло в молчании.

— Ну что, продули? — вдруг спросил Ворон.

— Эту партию продули, — согласился Тур, освободил близнеца от целительных объятий и на всякий случай посмотрел по сторонам.

Дождь выпроводил из парка всех — и гуляющих, и прохожих — поэтому на Полозовых некому было обратить внимание. Ворон с тяжёлым вздохом поднялся на ноги.

— Поехали домой.

* * *

Ворота гаража сомкнулись, и тусклый дежурный свет обнял покрытые дорожной грязью борта автомобиля. Тур и Ворон переглянулись, но ни один, ни другой не двинулся с места. Как будто оба намеревались сидеть в неудобной тишине бесконечно долгое время.

Грохнула металлическая дверь. Лис выскочил на площадку, увидел прибывших, бодро спустился на две ступеньки и приостановился.

— Тур. Ворон.

Никто не ответил. Лишь спустя десяток секунд дверцы машины синхронно распахнулись. Лис закусил губу. Чутьё не подвело. Братья пребывали далеко не в лучшем расположении духа.

— Привет, малыш.

Лис не понял, который из близнецов это произнёс, и невольно передёрнулся.

— Я вам кофе сварил, — сообщил он, тревожно наблюдая за старшими Полозовыми.

В гостиной Ворон мимоходом тронул кофейник и отдёрнул руку.

— Горячий.

Тур обратил удивлённый взор на юношу.

— Мы же не позвонили. Откуда ты знал, что мы вернёмся именно сейчас?

Лис пожал плечами.

— Знал, и всё... Вы бы переоделись. Мокрые с ног до головы.

Ворон странно улыбнулся, бросил очки на журнальный столик и

ни слова не говоря поднялся в свою комнату. Тур кивнул и последовал за ним.

— Ты это, — выплыл из порога Дед, — с открытиями-то своими не больно лезь. Вишь, прав был: чаво-то стряслось.

Ужин начался в полном молчании. Лис терпел, хотя любопытство в паре с тревогой так и норовили выдернуть язык из-за зубов.

— Ничего у нас не получилось с этой прокуроршей, — вдруг сказал Ворон. — Не думал я, что Беляк так круто на неё нажмёт.

— Она испугалась? — Лис вскинул голову.

— Да. А заодно и мы её порядком напугали, — Тур вздохнул. — Хотя по-настоящему она боялась только за своих детей. Парадоксально, но...

Продолжать он не собирался.

— Что ж тут парадоксального? — ляпнул Лис.

— Своя рубаха ближе к телу, — Ворон открыл пачку сигарет. — Понять её можно. Другое плохо, — он прикурил, протянул дымящуюся сигарету близнецу, а сам достал вторую и прямо взглянул на младшего брата. — Она нас видела. Обоих. И я не смог ей помешать.

— Это первая серьёзная неприятность, — заговорил Тур. — Есть вторая. Рядом оказалась Марина.

Лис моментально представил развернувшуюся в парке сцену: пламя в глазах Ворона, холодную маску на лице Тура и ужас, с которым Марина Николаевна узрела истинный облик людей, известных ей как Владимир и Всеволод Полозовы.

Тем временем над обеденным столом опять нависло гнетущее молчание. Только сигаретный дым лениво вился в воздухе двумя замысловатыми змейками.

— Братцы, — Лис откинулся на спинку стула, — давайте разберёмся, насколько хреново обстоят наши дела.

Две пары изумлённых глаз обратились к юноше.

— Ворон, ты полагаешь, прокурорша настучит на нас Белякову?

— Вряд ли, — осторожно отозвался тот, а сам продолжал внимательно изучать решительную физиономию младшего брата.

— Хорошо. Пусть номер с заявлением от имени Деда не прошёл. В конце концов, это не единственный путь. Есть ещё облздравотдел. Верно, Тур?

— Верно.

Интонация и мимика в точности повторили голос и выражение лица его близнеца.

— Тогда расслабьтесь по этому пункту, — подытожил Лис. — Оба. Пожалуйста!

— Что с тобой, малыш? — с неуверенной улыбкой спросил Ворон.

— Я вас едва узнаю с тех пор, как вы приехали, — признался Лис и, заметив проблески оживления, отважно продолжил. — А теперь по второму пункту. Тур, возьми телефон и позвони Марине Николаевне.

— Зачем? — опешил Тур.

— Просто позвони. Чтобы она вас услышала. Чтобы успокоилась!

Тур нахмурился и медленно притушил окурок. Ворон задумчиво прогулялся пятернёй в причёске, создав тем самым на голове экстравагантную каштановую шапку, и сообщил.

— Сегодня в парке побывал кое-кто ещё.

— Заложный Бера? — Лис вытянулся.

— Призрак мальчика с велосипедом. Не исключаю, что именно он заставил ребятёнка обратить на нас внимание дурацкой репликой.

— И, возможно, именно он привёл Марину, — закончил Тур.

— Минутку. Что-то я про мальчика с велосипедом мало знаю, — перебил Лис и струхнул. Слишком нахально прозвучала его последняя фраза. Да и выступление в роли лидера заметно затянулось.

Близнецы обменялись мимолётными взглядами. Лис прекрасно знал, какие информационные мощности кроются за подобной пантомимой, и приготовился принять заслуженную словесную оплеуху. Однако заговорил Тур. И заговорил абсолютно серьёзно.

Из его рассказа Лис узнал достаточно подробностей, чтобы получить ясную картину проблем, которые до сих пор окружали только старших братьев.

— Как думаешь, почему призрак её сына настолько силён? Мы проигрываем ему. И уже не первый раз, — закончил Тур.

Прежде чем ответить, юноша рассмотрел на столе всё: чашки, вилки, сахарницу, тостер, блюда и тарелки. А братья терпеливо ждали его слова.

— Ваня получил власть над своей матерью, потому что она сама дала ему эту власть, — наконец произнёс Лис. — Её сомнения дали ему власть.

— Сомнения в чём? — быстро вставил Ворон.

— В вашей к ней любви, — юноша поднял на братьев глаза. — Мы видели Ваню первый раз во дворе её дома, помните? Он был настроен дружелюбно. Потом прозвучала нечаянная, но неизбежная ложь. Марина Николаевна задумалась о глубине ваших чувств, представила

себя одинокой, и Ваня немедленно занял пустующее место в её информационной среде. Это легко исправить. Вы ведь любите её.

Близнецы молчали.

— Ворон, Тур, — похолодел Лис. — Вы её действительно любите?

*Два как один. Однажды избран путь
Смертям назло. Наперекор заветам.
Два как один. Но есть ли кто-нибудь
Превыше, чем один? И два?
И жизнь на свете этом?*

Шуршал дождь в сосновых кронах за приоткрытым окном. За забором постанывала под порывами ветра старая осина. Чавкала болотная поступь Деда на мокром крыльце. В рекреации возле кухни удовлетворённо ворчала овчарка, поглощая традиционную вечернюю косточку.

А в гостиной так и не прозвучало ответа.

* * *

До позднего вечера из холла периодически доносилась одна и та же монотонная мелодия телефонного аппарата. Близнецы поочередно набирали номер Марины. Заслышав брэнчание первых «нот», Лис в своей комнате наострял уши и долго слушал тоскливые безответные гудки. Ему давно стало ясно: трубку на том конце провода не поднимут. Это, безусловно, понимали и старшие Полозовы. И, тем не менее, продолжали атаковать бесполезный аппарат.

Чаша терпения Лиса переполнилась часам к десяти ночи.

— Братцы, — он, перегнувшись через балюстраду, выглянул в полутёмную гостиную. — Давайте я к ней поеду прямо сейчас.

Тур опустил трубку. Ворон откинулся на спинку кресла и таким образом узрел младшего брата на антресоли второго этажа.

— Уймись. За руль БМВ без меня ты не сядешь, а «шестёрка» в ремонте.

— Я на мотоцикле запросто!

— Лис, за окном проливной дождь, — подал голос Тур.

— Ну и что!

— Уймись, — повторил Ворон, но уже не столь апатично, как минуту назад. — Её нет дома. Или она просто не хочет с нами разговаривать, — он подавил вздох и, заметив, что Тур снова потянулся к телефонным кнопкам, произнёс. — Оставь телефон в покое. Завтра скатаем к ней прямо с утра, прежде чем ехать в Питер.

Тур согласно склонил голову, медленно прошёлся по гостиной,

погладил наострившуюся овчарку и остановился напротив брата.

— Ворон, мне не нравится твой вид. Сделай одолжение: отправляйся спать.

Тот вяло и безо всякой цели переложил листы распечатки на журнальном столике. «Л.Н. Старостина...» Статью, восстановленную Лисом по памяти, братья прочитали по несколько раз каждый. Однако ничего нового филологические изыскания относительно фольклорных персонажей им не дали. Разве что подтвердили, что фантомная госпожа Пятница при жизни была кандидатом филологических наук Людмилой Старостиной.

— Ладно. Так и быть, — Ворон легко встал из кресла. — Но не вздумай накачивать меня своей лекарственной «профилактикой». Никаких кризов я выдавать не собираюсь. У нас и без того дел полно.

Он направился к лестнице. Лис почувствовал некоторое облегчение: по крайней мере, к одному из старших братьев вернулись его обычные манеры.

Вдруг задрезжал телефон.

Тур моментально оказался возле аппарата, сжал телефонную трубку, но приостановился. АОН показал московский номер. Замер Ворон, не успевший подняться на ступеньку.

— Полозов. Слушаю, — прозвучал привычный твёрдый голос Всеволода Полозова. — Здравствуйте, Павел Семенович...

«Декан», — прочёл Лис по губам Ворона.

Юноша бесшумно спустился вниз.

Тур сосредоточенно выслушивал затянувшийся монолог. Не двигался и Ворон, на лице которого укрепилась точная копия маски остророжного недоумения, сковавшей лик близнеца.

— Ворон? Что там? — спросил Лис еле слышно.

Брат поднял указательный палец, мол, подожди.

— Да, спасибо, Павел Симеонович, — заговорил, наконец, Всеволод Полозов. — До завтра... Да. Обязательно. Ровно в шесть.

Трубка возвратилась на рычаг.

— Питер откладывается, — мрачно сообщил Тур. — Нас желает видеть Декан.

— Нас? — изумился Ворон.

— Нас с тобой завтра в шесть вечера ожидают на загородной вечеринке в летнем особняке.

Ворон присвистнул.

— Оп-ля! Удостоил.

— Не просто удостоил, — Тур нахмурился. — Он сказал, что имеет *к нам* деловое предложение. А попутно хочет поговорить со мной о своей проблеме.

— Братцы, — Лис приблизился, — а Беяк тут никаким боком не может быть?..

Ему не ответили.

— Лучше поехали в Питер, а? — умоляющим голосом предложил юноша. — Кикимору найдём. Ведь к Декану вы даже оружие взять не сможете.

И замолчал, осознав, как глупо прозвучали его слова.

— Не волнуйся, малыш, — натянуто улыбнулся Тур. — Декан — не та птица, чтобы заниматься провинциальными мусорными свалками. Наверное, речь пойдёт о третьей операции. Рецидив был неизбежен. Я видел это по результатам обследований ещё в апреле.

Лис с радостью принял бы версию брата за стопроцентную истину без каких-либо доказательств. Но Ворона объяснение не удовлетворило.

— Допустим — операция. Тогда зачем ему я?

День двадцать шестой

Лис подогнал БМВ к крыльцу, вылез из машины и испустил очередной тяжёлый вздох. Подобных вздохов в первой половине дня было уже достаточно. Старшие братья, встав спозаранку, отправились к Марине, а к полудню вернулись ни с чем. Оказалось, на работе она взяла отгулы на два дня. Дома её тоже не было. Причём престарелые соседки, обитавшие на лавочке, с готовностью сообщили, что Марина Николаевна рано утром уехала на вокзал. А это означало одно: вечером она молча смотрела на надрывавшийся телефон, где на дисплее АОН чётко светился номер Полозовых, и не брала трубку.

Переживая неудачи Тура и Ворона, Лис едва не забыл о собственной проблеме. Оля. Вчера в телефонном разговоре он пообещал заехать к ней в посёлок. Но возможность отсутствовала. Он даже заикнуться не посмел о том, чтобы пойти на свидание, когда братья отправлялись на столь рискованную, с его точки зрения, встречу. Дед посоветовал: ты только им скажи, мигом отпустят, да ещё благословят. Но Лис ничего не сказал.

Приоткрылась парадная дверь. Чёрная овчарка выскочила на крыльцо, повиляла хвостом в знак благодарности и помчалась в парк. Всеволод и Владимир Полозовы вышли из дома. Ни очков. Ни перчаток. Два как один. Неотличимые друг от друга. В тёмно-серых костю-

мах, с чёрными галстуками, стягивающими воротнички идеально белых новых рубашек, в чёрных надраенных до блеска ботинках. Волосы тщательно зачёсаны. Аккуратно подстрижены бороды и усы.

Лис замотал головой и зажмурился, чтобы вытряхнуть не к месту подвернувшуюся мысль: братья выглядели так, будто собрались в долгий нерадостный путь. К счастью, никаких страшных «картинок из будущего» не последовало. Лис отступил от машины, освобождая подход к водительской дверце. Ворон походя потрепал его по рыжим кудрям.

— Рано нас хоронить. Так что — выше нос.

— Это всего лишь деловая встреча, — поддержал Тур.

— Братцы, давайте я с вами! — выпалил Лис. — Я буду изображать вашего личного шофёра, телохранителя! Кого угодно!

Близнецы переглянулись. Ворон хмыкнул. Тур спрятал улыбку в бороде.

— Я вас прикрою, если что! — в отчаянии воскликнул юноша.

— Малыш, поверь, никаких эксцессов не ожидается, — нажал Ворон и для убедительности взял младшего брата за плечо. — На обратном пути позвоним.

— Лис, если вдруг позвонит Марина, — начал Тур и замялся.

— Скажи всё, как есть, — продолжил Ворон.

— Я скажу, что вы её искали. Удачи, братья.

Оба синхронно кивнули и сели в машину.

Лис напоследок вздохнул и не оглядываясь пошёл в дом.

* * *

Элегантный охранник подозрительно осмотрел подъехавший к воротам БМВ с тонированными стёклами. Как из-под земли появились двое других — такие же молодые, модные и аккуратные. Ни дать ни взять студенты престижного вуза.

— Надел бы ты очки, — бросил Тур, взявшись за ручку автомобильной дверцы.

— Обойдусь. Нас и без того приняли за «братков». Видал, как ошетинились? Э-эх, скомпрометировала себя марка БМВ в России. А ведь хорошая машина, — Ворон снял ладони с руля так, будто погладил баранку.

Близнецы вышли навстречу охранникам.

— Всеволод Васильевич и Владимир Васильевич Полозовы? — уточнил один из молодых людей перед воротами.

— Да. Полозовы, — поспешил подтвердить Тур, поскольку у Ворона на языке вертелась обычная в таких случаях шуточка про паспорт

и фотографию.

— Пожалуйста, проходите.

Охранник показал прибывшим на калитку.

— У них принято оставлять машины за забором? — шепнул Ворон брату, когда они друг за другом миновали узкую дверь в мощной бетонной ограде.

Во дворе представитель охраны, более улыбчивый, нежели его сослуживцы, пригласил гостей следовать по липовой аллее прямо к стеклянным дверям огромной веранды. Аллея была короткой, и путешествие под благоухающими кронами заняло не более четверти минуты. Но братья успели рассмотреть справа по движению широкую площадку, сплошь уставленную шикарными автомобилями.

— Что ему от нас надо? — тихо спросил Ворон.

— В это время и в этом месте? — пробормотал, как продолжил, Тур.

Ворон нахмурился, нашёл ладонь близнеца, удержал в своей и отпустил.

— Не вздумай кому-нибудь руку пожать, — предупредил он. — До смерти перепугаешь.

— Не волнуйся. Здесь нам руки пожимать не станут. Не та компания.

Как правильно поняли Полозовы, им предложено было войти в особняк через боковую, а не центральную парадную дверь. Однако, заметив приближение «неосновных» гостей, расторопный привратник кинулся вдоль застеклённой террасы навстречу и успел выполнить свои непосредственные функции.

Окинув взглядом блистательную толпу, заполнившую зал, Тур обратился к представителю обслуживающего персонала.

— Простите. Павел Симеонович где-то тут?

Из ответной реплики стало ясно, что банкет начался ровно час назад, где в настоящий момент пребывает хозяин, не известно, а всем гостям предложено развлекаться и отдыхать.

Бесшумный официант ненавязчиво скользнул возле вновь прибывших с подносом, уставленным бокалами, принял вежливый отказ и растворился среди чёрных фраков, белых костюмов, оголённых плеч, острых лопаток и неприкрытых талий. Фоном для невнятных мужских переговоров, девичьего смеха, звона хрусталя и демонстративного шуршания дорогих украшений звучала бетховенская соната.

Ну и? — взглядом спросил Ворон.

Тур едва заметным движением головы показал на кресла напротив маленького бара, только что освобождённые двумя деловыми господами.

Братья двинулись в намеченном направлении. Взоры «дорогих» гостей проскальзывали мимо, и Тур подумал, что приблизительно так же чувствуют себя призраки, потерянные среди живых: невидимые, беззвучные, но существующие.

Юная девица в красном платье, подчёркивающим все прелести фигуры, задержала взгляд на Вороне, затем заметила Тура и, приоткрыв рот, принялась теребить за локоть своего кавалера, увлечённо беседовавшего с партнёром. Кавалер, вернее, патрон, — ибо девица годилась ему в младшие дочери, — недовольно оглянулся, слегка удивился, рассмотрев близнецов, и как ни в чём не бывало вернулся к разговору.

Две дамы средних лет тем временем придирчиво рассматривали костюмы незнакомцев. Наконец, прозвучал вердикт: да что вы, даже не Германия.

С другой стороны Полозовы услышали мимоходный диалог: «А это ещё кто?», — «М-м, не знаю».

Среди серьёзных гостей преобладало мужское общество. Как водится, господа с бриллиантовыми запонками привлекали на подобные мероприятия юных особ для показа богатых туалетов, приобретённых, разумеется, на личные средства. Неудобство существовало одно: юные особы зевали от тоски. Появление в зале идентичных близнецов пришлось как нельзя кстати. Девицы беззастенчиво рассматривали их издали, а одна — та самая, в красном платье — продефилировала вдоль стойки бара, чтобы разглядеть уникальное явление в профиль.

Тур размял ладони, надеясь разогнать ледяную стынь, скопившуюся в кистях. Ворон тщательно прятал глаза, чтобы из-под чёрных ресниц ненароком не сверкнуло «бесовское пламя».

— Ещё десять минут на этой арене, и моё терпение лопнет, — вполголоса предупредил он брата.

— Подумай о чём-нибудь приятном. Или, чего доброго, сейчас дом подожжёшь, — ответил Тур.

— И ты туда же? — Ворон охотно вступил в словесную игру. — Я полагал, ты в этом вопросе не воспринимаешь Лиса всерьёз. И кстати...

Затрещала и звякнула галогеновая лампа на стене. Визгнула какая-то девушка, кто-то ахнул, кто-то рассмеялся.

— Кстати, я только пошутил, — с хитринкой в глазах предупредил Тур.

Ворон прижал губой ус.

— А жаль, — с такой же хитринкой сообщил он.

— Всеволод Васильевич, Владимир Васильевич, — вдруг прозвучало

чало рядом. — Добрый вечер. Павел Симеонович ждёт вас в кабинете.

Говорил низенький округлый мужчина лет сорока, подвижный и на вид добродушный. Взмахнув короткими руками так, будто хотел обнять желанных гостей, он повернулся и, призывно оглядываясь, направился к изящной деревянной лестнице, дугой восходящей на второй этаж.

Оказавшись вне досягаемости любопытных зрителей, Полозовы почувствовали себя значительно лучше. Провожатый распахнул перед ними широкую дверь и церемонно произнёс: — Прошу вас.

Навстречу вошедшим из глубокого кресла тяжело приподнялся высокий сухой старик. Тур, намеревавшийся произнести приветственное слово, опешил при виде стремительно прогрессирующих ухудшений, отразившихся на всём облике пациента.

— А я-то думал, Володя, ты мне что-нибудь хорошенькое про меня скажешь, — грустно засмеялся хозяин дорогого особняка.

— Здравствуйте, Павел Симеонович, — Всеволод Полозов поборол эмоции, недопустимые для профессионала. — Рад вас видеть. Вы помните моего брата?

— Конечно! — Павел Симеонович, за глаза именуемый «Деканом», улыбнулся Ворону. — Тоже Володя, да?

— Для удобства общения — Влад, — поправил Владимир Полозов.

Старик протянул ему руку. Ворон ответил на рукопожатие и тревожно покосился на близнеца. Декан намеревался от души поздороваться со своим хирургом-спасителем. Тур продолжал сдержанно улыбаться. Но в пространстве пронеслось отчаянное: выручай, близняшка.

В первый момент Ворону показалось, что брат хочет от него «давления на мозги»: мол, давно обнялись, поцеловались, поздоровались и уже разошлись. Он приготовился к реализации, но рядом вспыхнуло едва ли не кровожадное ожидание. Добродушный коротышка будто почувял заготовленный приём. И Ворон изменил тактику.

Декан берёт ладонь Тура в свои костлявые руки. Не успев удивиться мертвенному холоду, чувствует человеческое тепло. Тур улыбается. Что-то говорит старику.

Остывший взор спрятался под ресницами. Ворон изо всех сил старался сдержать бурное дыхание. В глазах кружился туман, а мозг, привыкший к логическим конструкциям, бунтовал перед лицом невероятного, ставшего вдруг очевидным. Огненный взгляд разрезал пространство, словно мост лёг между берегами, и по этому мосту от жаркого сердца в призрачно мёртвые руки перекинулось пламя жизни.

Недоумение за левым плечом проступило настолько отчётливо, будто зашуршала шёлковая ткань. Коротышка не получил желаемого. Но чего именно? Оглядываться Владимир Полозов повременил.

Хозяин вернулся в своё кресло, а гости разместились напротив.

— Кофе? Сигареты? — появился перед Полозовыми примелькавшийся округлый добрячок. — Вы, кажется, такие курите? Я не ошибся?

Он выложил на журнальный столик целенькую открытую пачку.

— Нет, вы не ошиблись, — медленно ответил Всеволод Полозов.

— Дымите, дымите, пока молодые, — махнул рукой Декан и спохватился. — Выскочило из головы совсем! Лёша, извини бога ради, — и показал на своего помощника. — Алексей Аркадьевич, мой личный секретарь.

— Можно просто Алексей, — скромно вставил тот и отступил в тень.

«Какой он тебе Алексей Аркадьевич? Как был Лёша, так Лёшей и остался. Экстрасэкс недоделанный!»

Ворон вздрогнул и непроизвольно обернулся на странный голос. На диване возле окна, по-хозяйски развалившись на подушках, сидела пожилая толстая женщина. Излив негодование, она отвернулась и засунула в рот длинный мундштук с дымящейся сигаретой.

Владимир Полозов осторожно покосился на брата. Врач внимательно слушал Павла Симеоновича и старательно избегал взгляда в сторону дивана. Секретарь Лёша, прилежно стоящий поодаль, участливо вздыхал, внимая невесёлым репликам своего патрона. Получалось, толстую женщину никто, кроме Полозовых, не слышал и не замечал.

Ворон стал наблюдать за блазнем. Та, сделав пару затяжек, зажала мундштук зубами и принялась тереть огромный перстень с рубином на указательном пальце левой руки. На каждом её пальце было что-то нанизано, однако мешал ей только рубин. Оставив тщетные попытки снять украшение, дама опять взялась за мундштук.

— Павел Симеонович, — заговорил доктор Полозов, — прежде чем принимать такое решение, я должен тщательно изучить результаты ваших последних функциональных исследований. Я наблюдаю вас не первый год, но теперь... В общем, целесообразность операции для меня пока не очевидна.

— Знал, знал, что ты так скажешь, Володя. Толя вот тоже не советует. Анатолий Абрамович, то есть. Но мне-то что? Пан или пропал. Может, — старик вкрадчиво понизил голос, — ты мне ещё годик-другой накинешь? Руки-то у тебя золотые, Володя.

— Я обычный хирург. Если опытный онколог не советует вам оперироваться...

— Володя, — перебил Декан, — Всеволод Васильевич, дорогой. Я прошу тебя.

Ворон с тоской смотрел на брата. Доктор Полозов понимал лучше всяких онкологов, к чему приведёт хирургическое вмешательство. Но доктор Полозов не мог отказать Декану.

— Толью я сегодня тоже позвал. Пойдём-ка, погитарим втроём. Лёша, а ты проводи Влада к Кутепову. Он уж заждался. Влад, — Декан обратился непосредственно к Владимиру Полозову и вдруг подмигнул. — Там о-ой какое дело намечается. Уверен, ты не устоишь. Такой мастер компьютерных авантюр как ты не устоит от предложения Кутепова.

«Ну вот и руководство к действию, — подумал Ворон, следуя за секретарём Лёшей к выходу. — Аукнулся мне федеральный сервак. Ловко. И ничего не поделаешь, коготок увяз давным-давно».

Блазень на диване вновь отреагировала.

«Что ж ты, старый пень, делаешь! Парней куда тащишь? Денег — куры не клюют, так хоть Господа побойся!»

Ворон остановился в дверях и быстро оглянулся.

Блазень заметила внимание к её месту на диване.

«Что смотришь? — горько посетовала она. — Ведь не видишь. И ведут-то тебя на грешное дело».

— Я вижу вас, мадам. И отлично слышу, — произнёс Ворон практически беззвучно, а усилием воли направил информацию непосредственно призрачному адресату. Это получилось у него гораздо проще, чем вызвать Деда из дома в квартиру Марины.

Его пауза в дверях затянулась, поэтому, сделав вид, что поправляет пиджак, он наигранно торопливо вышел в коридор к насторожившемуся секретарю Лёше.

Кутепов оказался мрачным серо-седым господином, резким в движениях и бесцеремонным в манерах.

— Итак, к делу, — заговорил он, едва дождавшись окончания длинного списка своих регалий, преподнесённого секретарём Лёшей. — Мне нужен квалифицированный программист, который реализует совершенно новый протокол передачи особых данных.

— Я математик-прикладник, — вставил Владимир Полозов.

— Тем лучше, — ремарка собеседника не произвела должного впе-

чатления. — Не будем опираться на существующие способы передачи информации по компьютерным сетям. Я работаю над созданием принципиально новой сети для передачи совершенно новой информации. Ваша задача — создать программные средства для хранения и транспортировки. А потом, возможно, для экспорта данных.

— Весьма конкретно, — съязвил хакер, а сам подумал, что на представителя ФСБ седовласый тип всё-таки не похож. — Алексей Аркадьевич назвал вас кандидатом социологических наук, если я не ослышался?

— Нет-нет, всё верно, — поспешил встрять секретарь Лёша. — Кроме того, господин Кутепов парапсихолог. И его настоящая работа направлена на формирование банка данных ушедшей, так сказать, энергетики.

В первый момент Владимир Полозов чуть было не расхохотался. В следующий — понял, что никто из присутствующих шутить не намерен. Дабы не портить отношения с протеже Декана раньше времени и памятуя о «экстрасексе недоделанном», он сохранил на лице деловое выражение.

— У вас есть наработки?

Кутепов вопроса не ожидал. Видимо, его агрессивность по отношению к собеседнику происходила как раз из презумпции «не поверит».

— М-м, наработки? Да, есть, — Кутепов водрузил на стол длинные узловатые пальцы. — Есть кое-что из опыта работы зарубежных коллег. Имеется некая теоретическая схема устройства для процесса «оцифровки», так сказать. Нечто вроде модема. Не моя, признаюсь. Я занимаюсь вопросами поиска данных и их формализации, выражаясь вашим математическим языком. Существенно помогает мне Алексей. Он собрал достаточный объём доступной в настоящий момент активной энергетики. Теперь задача — создать средство для хранения и передачи.

Владимир Полозов с наигранным изумлением посмотрел на скромно потупившегося секретаря. Кутепов продолжал:

— Алексей — экстрасенс. Кроме стандартного для их братии набора способностей, — он изобразил нечто вроде улыбки, — Алексей умеет отделять правду от лжи и видеть то, что мы обычно не видим.

— Вот как?

Ворону стоило определённого труда не выдать мимикой своё отношение к сцене, представшей его *лично*му взору. Толстая дама с мундштуком в пальцах, игнорируя стулья и стол, вызывающе прошествовала прямо перед экстрасенсом, остановилась и демонстративно выдох-

нула в его сторону сигаретный дым.

«Экстрасекс пузатый. Ничего он толком не видит!»

Ворон кашлянул. Дама осталась удовлетворена зрительской реакцией и гордо уселась на пустующий стул. Таким образом, за «столом переговоров» оказалось четверо заинтересованных лиц. Причём потустороннее лицо находилось как раз напротив Владимира Полозова.

— Хорошо, постановка задачи в целом прояснилась, — произнёс программист. — Повторю своими словами. Вы хотите, чтобы я написал протокол передачи призрака по сети и операционную систему для работы с душами умерших.

— Вы напрасно иронизируете! — моментально вскипел Кутепов.

— Я называю вещи своими именами. А теперь послушайте меня. Когда-то миллионы лет назад существо научилось произносить звуки и складывать их в слова. Появился человек — крошечная песчинка в великом многообразии природы. Слово помогло человеку передать его индивидуальное восприятие действительности другому человеку, способному понять слово. Много лет спустя появилась буква. И письменность стала моделью слова. Так продолжалось ещё тысячи лет, пока кому-то не пришло в голову создать модель буквы, выразив её в электронном варианте. Байт. Последовательность из восьми позиций, каждая всего из двух значений: либо «да» — либо «нет», либо «есть» — либо «пусто». И информацию, порождённую человеком, мы дружно упаковали в дециллионы таких вот ячеек с нулями и единицами.

— К чему вы ведёте эту... лекцию? Я вас не понимаю, — Кутепов нетерпеливо передёрнул плечами.

— Очень жаль. Я хочу сказать, что всё оцифрованное, написанное, сказанное — это модель действительности. А модель, как вам должно быть известно, хоть на микрон, а не дотягивает до оригинала. Оцифрованная симфония никогда не сравнится с живым звучанием. Самый талантливый стих никогда не покажет читателю всю гармонию чувств, бушевавших в душе поэта. И слово, даже самое правдивое, никогда не отразит истинное положение дел. Вот пример. Алексей Аркадьевич, я говорю вам: у меня в кармане лежит монета номиналом в два рубля. Это правда?

Лицо экстрасенса покрылось пунцовыми пятнами. Владимир Полозов чувствовал, как слабенький мёрзлый «щуп» ползает над сознанием. Очень отдалённо ощущение напоминало любопытство Кикиморы, которая первое время активно подглядывала за Полозовыми. Но её призрачное проникновение было естественным и тёплым. «Далеко

тебе, приятель, до настоящего контакта с информационной средой, — подумал Ворон. — Чтобы понять, как живёт океан, в него нужно окунуться с головой, а не разглядывать в лупу, сидя на берегу».

— Н-нет. Скорее всего, это неправда, — ответил, наконец, экстрасенс.

— А я не знаю, лежит там монета или нет, — откликнулся Владимир Полозов. — Понимаете, я сам не знаю. В моём мозгу нет модели для этой ситуации. Поэтому вы растерялись. То же самое произойдёт в случае реализации вашего проекта, — он прямо взглянул на Кутепова. — У преобладающего большинства людей не существует органа чувств, который бы предоставил мозгу данные об «ушедшей энергетике». Следовательно, любая модель, даже если кому-то удастся её создать, будет заведомо очень далека от истины. Вы соберёте банк данных собственного искривлённого представления о душах умерших. А если ещё попытаетесь его *куда-то* экспортировать... Ребята, я вам не завидую.

— *Умница!* — восхитилась призрачная дама.

Ворон прикрыл глаза в знак благодарности за комплимент.

Кутепов сник. Владимир Полозов подумал даже, что парапсихолог признал поражение. Но взор его вспыхнул и упёрся в пухлое лицо экстрасенса Лёши. То был гонец с просьбой о помощи.

— Владимир Васильевич, — секретарь нервно облизнул губы и вкрадчиво улыбнулся. — Вы правы, безусловно. Но ведь есть люди, которые имеют орган «шестого чувства». Не так ли?

— Вы, например, — в тон ему ответил Владимир Полозов.

— В частности. В частности. Право же, я не слишком силен в общении с потусторонним миром. Но вы и Всеволод Васильевич, и ваш младший брат...

Владимир Полозов приподнял бровь: мол, что дальше?

— Вы весьма успешно обращаетесь с паранормальными явлениями, — закончил Лёша.

— Какая новость! Неужели?

— Да-да. У меня надёжный источник информации.

Ворон откинулся на спинку стула. Мысль стремительно пронеслась в голове: кто, когда, как? Кто из заложных «настучал» на Полозовых этому типу? И зачем?

В глазах появился знакомый жар. Врезать бы ему, но хватит ли сил у *живого* организма подавить последствия назревающего поединка?

«Ах, негодник! Ах, шантажист! — вскочила толстая дама. — Да я тебе... я тебе сейчас, как в былые времена, нормальный подзатыльник закачу!»

«Подзатыльник», разумеется, вреда не нанёс, но за потоком разгневанной информации Ворон уловил спасительную идею.

— Ваш «источник» — это всего лишь модель в вашем собственном сознании, — снисходительно произнёс Владимир Полозов. — Алексей, вы, наверное, неплохой экстрасенс. Но в данном пункте вы крупно ошибаетесь. Ни я, ни мои братья никогда не имели дела с *пранормальными* явлениями. Всё, с чем мы сталкиваемся по работе ли, в быту — это обычные нормальные явления природы.

Экстрасенс изумлённо распахнул глаза. Как на ладони, перед ним лежала чистая правда.

— В общем, так, — Владимир Полозов встал. — Мне кажется, вам нужно пересмотреть постановку задачи. А то вы, ребята, извините, пытаетесь запихнуть луну в бутылку. Если настаиваете, написать такую игрушку я могу.

— В свободное время от взламывая государственных сетей? — отчаянно вставил секретарь Лёша.

Владимир Полозов ничуть не смутился.

— Не целый же день в серваке ФСБ хозяйничать. Лучший отдых — смена деятельности.

Он кивнул на прощанье остолбеневшему парапсихологу и вышел в рекреацию, поставив секретаря Лёшу перед новой дилеммой: правда или ложь содержалась в ответной фразе программиста.

Электронная музыка гремела где-то под ногами, из чего Ворон заключил, что гости дошли до той кондиции, когда начинаются танцы. Он быстро свернул за угол коридора, поискал глазами дверь кабинета Декана, за которой до сих пор проходило медицинское совещание, затем присмотрел для себя затенённый угол неподалёку и с удовольствием устроился под сочной пальмой. В качестве победного бонуса на столике возле деревянной кадки с заморским растением стояла пепельница. Ворон закурил.

«Где ж ты раньше был? Поставил бы их на место с их дурацкими идеями! Не запудрили бы они Паше голову».

— Мадам? — Ворон не оглянулся.

Она появилась перед ним, как отражение в стекле огромного окна. Смахнула будто проступившую слезу и нервно поднесла к губам мундштук.

— Как мне называть вас, мадам?

— Валентина Рувимовна я была.

— Супруга Павла Симеоновича?

— Его, его... — призрак расплылась по стеклу. — Почти двадцать лет я за ним хожу. Кричу, защитить стараюсь. Да пустое всё. Вот ведь надумал! Закрутили ему мозги все эти «экстрасексы»!

— Что он надумал, Валентина Рувимовна?

— На этом свете остаться, вот что! Не понимает, старый пень, какво тут в холоде и мраке ходить! Господи, Господи! И меня-то привязал.

— Привязал чем?

Она подняла руку с рубиновым перстнем.

— Этим вот. На палец мне мёртвой надел. Не хотел отпускать, мой миленький. А когда надевал, рыдал и остаться просил... Согрешила я. Осталась.

— Он хочет после физической смерти существовать призраком на этом свете? — пламенные глаза непроизвольно вспыхнули.

— Много чего ему за его деньги наобещали. Даже переродить обещали. Теперь он торопится нашу внучку замуж выдать, чтобы через её детей вернуться.

— Так не бывает. Круг бытия — един. И никто не срежет себе дорожку по секущей.

— А я что ему твержу? Твержу и твержу! А он не слышит. Раньше хоть во сне меня видел. А теперь...

— Не волнуйтесь, Валентина Рувимовна. Я провожу вас. А вы там, за мостами, встретите своего супруга. Обязательно.

— Господи... — блазень долго рассматривала Ворона из предвечерней дымки стекла. — Ты ж ангел во плоти!..

— Давайте этот вопрос оставим без внимания, — Владимир Полозов поспешно притушил сигарету. — Сейчас мой брат подойдёт. Он снимет ваше кольцо.

— Я туда попаду? Там хорошо? Правда?

— Там всё будет так, как вы желаете. Там живёт вечная память. Оттуда растёт всё живое и туда оно уходит по окончании пути.

Глухо стукнула дверь. Тур покинул кабинет в одиночестве. Увидел брата и быстро пошёл к нему.

— Всеволод, познакомься, — Ворон показал близнецу на привидение. — Это Валентина Рувимовна.

— Очень приятно, мадам.

Блазень выронила мундштук и умиленно всплеснула руками.

— Вы тот самый врач? Когда? Когда я встречу мужа?

Всеволод Полозов плотно сжал губы.

— Он настоял на операции. Мне придётся работать в моей опера-

ционной.

— Что? — Ворон на секунду забыл про потустороннего слушателя. — У нас дома? Он спятил?

— Это он остаться, остаться тут хочет! — испугалась блазень. — Ему Лёша в уши напел, что у вас дом особый и там живут призраки.

— Откуда Лёша знает про наш дом? — медленно спросил Ворон.

— Ходит тут один стервец. Про будущее этому «экстрасексу» рассказывает. Наставляет, как-что делать: что Павлу моему сказать, о чём предупредить, а о чём не говорить. Не так давно женщина вместе с ним явилась. Страшная женщина, будто прямо сделанная из ненависти и злости. Она заставила нашего экстрасенса себя увидеть и рассказала что-то. Что — не знаю, но он как на крыльях летает с тех пор.

Близнецы мрачно переглянулись.

— А Кутепов что за птица? — уточнил Ворон.

— Редко рядом с Пашей появляется. Всё чаще звонит. Издалека вроде. Противный он, — призрак зябка передёрнулась. — Пожалуйста, Пашу не оставляйте здесь. Я ему на той стороне дом приберу, всё самое лучшее найду. Доктор, пусть он ко мне придёт.

— Валентина Рувимовна, я врач. Я не могу дать согласие, чтобы мой пациент умер, простите. Это мой долг.

Она в отчаянии заломила руки и тем самым спрятала в ладони палец со злосчастливым перстнем.

— Я его не покину. Не покину!

— Валентина Рувимовна, подождите-ка, — вступился Ворон. — Всеволод, даже если операция пройдёт успешно, сколько ему останется? Год? Два?

— В лучшем случае — месяц. В самом лучшем. Необратимый процесс на исходе.

Доктор Полозов отвернулся.

Образовалась пауза.

Тур почувствовал, как по губам близнеца скользнула грустная улыбка. В следующий момент его робко тронули за плечо.

— Я его *там* подожду. Я его встречу, — прошептала призрак.

Тур посмотрел на рубиновый перстень, на брата, кивнул и аккуратно взял дрожащую руку женщины-блазень.

— Это кольцо покажет вам дорогу.

Перстень плавно сполз с толстого пальца и остался на ладони Всеволода Полозова.

— Проводи её, брат. Валентина Рувимовна, пусть всё у вас будет

хорошо. Идите с миром. И ждите мужа.

На гранях алого рубина вспыхнули искры. Перстень поплыл к окну, расцвёл радужными лепестками и стремительно взвился в небо. За ним потянулась яркая сияющая дорога, сотканная из летних облаков.

Освобождённая заложная ахнула, опустилась в облачные волны, и радуга понесла её в небытие и покой...

Полозовы долго молчали. Наконец, Тур спросил:

— Почему в небо? Когда мы провожали Пашу, твоим художеством была земля.

— Она верила в ангелов и рай. Какая разница, куда визуально направлен мост. Главное, пункт назначения один и тот же.

На пороге кабинета показался секретарь Лёша. Улыбался, однако улыбка эта была прилеплена на круглую физиономию, как вывеска «Всё в порядке, шеф».

— Отлично, — заметил Ворон вполголоса. — Похоже, он решил, что по вопросу «паранормальность и Полозовы» крупно облажался.

— Что ты ему наговорил? — насторожился Тур.

— Чистейшую правду, — Ворон усмехнулся. — Для нас призрак — явление нормальное?

— Конечно.

— Вот и я так сказал...

Декан встретил Всеволода и Владимира Полозовых, сидя за большим письменным столом.

— Вот и всё пока, — вздохнул он, оглядев остановившихся перед ним близнецов. — Увидимся в следующий четверг. Володя, я распорядился, чтобы тебе прислали всё необходимое. Позвони мне насчёт медперсонала. Как решишь, так и поступим. Влад, надеюсь, у Кутепова мы пришли к соглашению?

Владимир Полозов мельком глянул на Лёшу. Тот чувствовал себя не в своей тарелке. Видимо, истинные результаты беседы он скрыл. Насмешливый взгляд хакера заставил его интенсивно запыхтеть.

— Да, Павел Симеонович. Определённого соглашения мы достигли.

— Хорошо. Очень хорошо, — старик задумался. Полозовы и секретарь Лёша терпеливо ожидали окончания разговора. — Ах, да, — обрывки маски делового человека прикрыли рассеянность на высохшем лице. — Я слышал, у вас были какие-то проблемы, Володя?

— Ничего серьёзного.

— И всё же? Володя, не скромничай. Я ведь пока держу свои рули, — Декан опустил руки на два телефона, стоящие на столе.

Свалка, — вдруг пронеслось в голове у Ворона.

— Кое-что действительно есть, Павел Симеонович, — медленно начал Всеволод Полозов. — Недалеко от Твери местные дельцы организовали захоронение токсичных отходов. Пострадало много людей. Боюсь, областная больница не в силах убедить власти...

— О-о, о чём ты думаешь! — Декан рассмеялся. — Вот за что ты всегда нравился мне, Володя. Бескорыстие, оно, знаешь ли, нечасто сейчас встречается.

Старик нажал кнопку селектора.

— Найдите мне Николаева, ребята. И побыстрее...

Близнецы затаили дыхание. Столь простого решения задачи никто не ожидал.

Протянулась долгая минута, в течение которой «ребятки» очертя голову искали некоего Николаева. Затем Декан пространно поприветствовал подчинённого, поинтересовался здоровьем семейства и как бы невзначай изложил задание.

— Безобразие. Да-да. Ты вот что, мой мальчик: разберись-ка там. Что творят!.. Да-да, пусть по закону. От первой строчки до последней. А то, видишь, природу загадили, людей губят.

* * *

Серой змеей летела вперёд лента вечернего шоссе. Слева уплывал за горизонт красно-бурый шар солнца. Справа поднималась фиолетовая мгла, разбавленная сизыми пятнами облаков. Ворон встрепенулся. В салоне давно не было произнесено ни слова.

— Что делать будем? — спросил он.

— По какому из вопросов? — откликнулся Тур.

— По медицинскому, в первую очередь.

Доктор Полозов устало посмотрел на свои руки, лежащие на рулевом колесе.

— Не знаю, близняшка. Очевидно одно: хирургическое вмешательство сократит его жизнь. И это будет на моей совести. Не исключена также подставка. Ведь у Декана есть наследники. И преемники. Кстати, ты уверен, что Кутепов не работает ни на кого из них?

Ворон совершенно не был уверен, поэтому промолчал.

К воротам дома Полозовы подъехали затемно. Однако окна гостиной и комнат второго этажа не были освещены. Горел лишь дежурный фонарь над крыльцом.

— Куда он подевался? — Ворон тревожно оглядел фасад.
Тур значительно быстрее, чем следовало, въехал в ворота и резко затормозил на площадке перед лестницей.
— Борис! — открыв дверцу машины, позвал он.
Ворон выскочил наружу.
Из-за гаража раздался грозный собачий лай.
— Галка, поди сюда! — крикнул Ворон в сторону собаки.
Лай прервался. Овчарка показалась на дорожке, рыкнула, вильнула хвостом, но подойти не соизволила.
— Галатея, ко мне! — не на шутку забеспокоился Тур.
— Борис! Дед! — Ворон взбежал по лестнице и дёрнул ручку входной двери.
Заперто.
Он не сразу попал рукой в карман, где лежали ключи, вытащил брелочную связку и...
Из ступенек поднялся Дед.
— Ну, наконец-то. Целёхонькие! — выдохнул он, и над крыльцом повеяло парким духом болота.
— Где Лис?
— Тута он. Всё, всё нормально, — болотник торопливо замахал руками.
— Почему собака во дворе? — спросил Тур снизу.
— Добычу стережёт, — Дед хитро прищурился. — Ты это, пойдти, отними у неё евоные тряпки.
— Чьи тряпки? Дед, а ну давай выкладывай, что здесь было? — глаза Ворона грозно сверкнули.
В доме послышался звук быстрых шагов. Визгнула защёлка, и на крыльцо вылетел Лис.
— Братцы!
Ворону показалось, что младший брат намеревается стиснуть его в объятиях.
— Эй, полегче, — он на всякий случай отступил. — Лис, в честь чего световая маскировка?
— Галатея нарушителя подрала! — выпалил юноша.
— Надеюсь, никого зашивать не придётся? — откликнулся Тур.
— Он удрал, вроде. Братцы, я, честно, не знал, как лучше. Она лаяла, будто бешеная. Дед увидел парня на заднем дворе. Мы решили выпустить собаку. Он орал не своим голосом на весь лес.
Ворон взял брата за плечи и заглянул в лицо.

— Лис. Успокойся. Мы дома.

— Я звук мотора слышал. Тот же, как на улице, когда мы с Туром Славика десантировали, — продолжал юноша. — Да не смотри на меня так! Я в порядке!

Из-за гаража раздался утробный предупреждающий рык Галатеи и голос Тура: «Умница, девочка. Хорошо. А теперь отдай мне эту штуку... Фу, Галка! Фу!»

Дед нервно захихикал.

Ворон поспешил на помощь близнецу. За ним, с опаской оглядываясь по сторонам, двинулся Лис.

Галатея обиженно помахивала хвостом, стоя перед хозяином, а Тур критично осматривал джинсовые обрывки. Приблизившись, Лис разглядел пятна крови на кусках рваной ткани.

— Это была куртка, — подытожил Тур и отбросил собачий трофей.

Галатея вцепилась в добычу, улеглась на газон и принялась с ворчанием терзать грязные лоскуты.

— Когда произошло ЧП? — осведомился Ворон.

— Без четверти девять, — отрапортовал Лис. — Он камеру на задней калитке чем-то залепил и перелез через забор.

Ворон сделал шаг в указанном направлении, вспомнил про парадный костюм, окинул взглядом сумрачный двор и заявил.

— Завтра разберусь с камерой. И поставлю дополнительные.

— Дед, — Тур обратился к болотнику, хотя его персоны поблизости не наблюдалось. — Дед, слышишь?

— Вас всегда и всюду слышу! — блазень появился в поле зрения братьев Полозовых. — А ведь хороша Галка! Никогда её не учили воров брата. Так сама сообразила!

— К сожалению, она восприняла его не как вора, а как жертву. По правилам ЗКС собака должна задержать нарушителя, а не драть его на части. И тем не менее Галка молодец.

Галатея наострила уши, заслышав похвалу.

— Но впредь, — продолжал Тур, — овчарку на незваных гостей не натравливать.

— Почему? — обиделся Дед.

— Если владелец этой куртки, — Тур показал на лохмотья в собачьих лапах, — заглянул сюда не случайно, в следующий раз его приятели учтут наличие собаки и примут меры безопасности. Причём «меры» могут оказаться огнестрельными.

— Опаньки-и...

Лис непроизвольно вобрал голову в плечи.
— Что вам сказал Декан?
Близнецы переглянулись.
— Очень много интересного, — Ворон неоднозначно нахмурился. —
Пойдём-ка в дом. Есть что обсудить.

Нашпигованный тревогами день подошёл к концу. Однако сон, подкрадываясь к подушке, в ужасе улепётывал прочь, наткнувшись на накрученный комок нервов. Лис вертелся под одеялом, тщательно закрывал глаза, но спасительное забытьё проскальзывало мимо. Рассказ старших братьев кувыркался в уме во всех возможных плоскостях. Саднили всяческие предположения по поводу Беяка и его поведения в результате работы упомянутого Николаева. Но более всего Лису не давал покоя сегодняшний домашний инцидент. Старшие Полозовы сошлись на мнении, что Беяк установил за ними слежку, а вечерний гость полез в дом, чтобы убедиться в отсутствии хозяев. Тем более в одном из файлов, переданных подслушивающим устройством Ворона, оказался обрывок разговора Беякова с подручным. Молодой голос сообщил шефу, что «укатили в направлении Москвы оба». Затем подручный получил указание: «удостоверься».

Но ни Тур, ни Ворон не смогли с уверенностью сказать, что именно заставило Беяка уделить их персонам особое внимание. Деятельность врачей областной больницы находилась вне досягаемости местной мафии — об этом убеждённо заявил Тур. Сотрудник химкомбината Киселёв, который сделал анализ на содержание диоксинов в пробах со свалки и отказался дать письменное резюме, не был как-либо связан с тёмными структурами, а случайную утечку информации с его стороны Полозовы посчитали маловероятной. О походе в природоохранные органы никто не знал, поскольку Ворон явился туда под личиной Деда. «Жучок» на станции сотовой связи успешно выполнял свои функции и оставался необнаруженным. Неудавшийся разговор с прокуроршей был замечен Мариной, но никак не Беяковым.

Слишком много личных убеждений, — решил про себя Лис. Потом подумал о существовании блазней, о сомнительных занятиях парапсихолога Кутепова, о странных действиях заложных и о появлении перед секретарём Лёшей некоей призрачной женщины, по описаниям похожей на Пятницу. В довершение мыслительного процесса Лис ни с того ни с сего вспомнил об оставленном возле крыльца БМВ.

Идея отогнать машину в гараж приподняла юношу с постели. Он

сел, вставил ноги в домашние тапочки, поразмыслил на тему шума мотора среди ночи и реакции на сей акт уставших братьев и собрался уже вернуться под одеяло, как вдруг в памяти, будто наяву, вспыхнула сцена.

Два бритых «пацана» тупо рассматривают номер автомобиля, припаркованного недалеко от здания прокуратуры. Один стучит в стекло. «Какие проблемы, спрашиваю?» — собственный наигранно нахальный голос. «Твоя тачка?.. Извини. Обознался».

Лис пулей вылетел в коридор. Метнулся к перилам. Гостиная пуста. Братья ушли в свои комнаты.

— Тур! — шёпотом выкрикнул Лис и помчался в спальню старшего брата.

В кабинете — тяжёлый дух сигаретного дыма. Значит, после длительного «разбора полётов» в гостиной близнецы ещё не менее часа сидели за своим любимым журнальным столиком с одной пепельницей на двоих.

Лис приоткрыл дверь.

— Тур?

Брат лежал на кровати с закрытыми глазами. Белая простыня. Белая подушка. Белый лик.

В спальню светила полнощёркая луна.

Лис на цыпочках подошёл к окну и, стараясь не шуметь, задвинул шторы. Он прекрасно знал, что брат не спит. И всё-таки вздрогнул, услышав за спиной его голос.

— Что тебя беспокоит, малыш?

— Тур, я кое-что вспомнил...

Короткий рассказ закончился. Лишь тогда Всеволод Полозов открыл глаза.

— Почему ты считаешь, что это были парни именно из компании Беляка?

— А почему ты и Ворон считаете, что ни Киселёв, ни прокурорша, ни кто-то из областной больницы не могли так или иначе подбросить Белякову информацию о нас?

— Мы не говорили: «не могли». Мы решили, что это маловероятно.

Лис вздохнул и собирался с дежурным «ну, как знаете», покинуть спальню. Но Тур быстро приподнялся на локте.

— Как выглядел «шкаф», который рассматривал номерные знаки?

— «Шкаф» как «шкаф». Все они одинаковые! Шаровары, майка, кроссовки. Башка бритая, лоб большой. Над бровью шрам.

Тур сел на кровати.

— Над правой бровью дугообразный след от скользящего удара кастета?

— Ну да, похоже, — Лис сжался, почуввав назревающую развязку.

— Это был охранник Беляка. Когда Ворон сдавал заказ, а я ждал в машине, он весьма нахально интересовался нашим БМВ.

День двадцать седьмой

Прежде чем выпустить Лиса в город, Ворон проверил все выловленные разговоры Белякова за прошедшие двое суток. Никаких подтекстов в старых данных и ничего угрожающего в новых он не нашёл, и юноша был отпущен на свидание к Оле верхом на Хонде с единственным указанием: держи ухо востро.

— Пока вы оба дома, я за ним пригляжу, — уверил Дед, когда мотоцикл скрылся за воротами. — Между вами, сынки, я как по мостику гулять могу!

Заручившись призрачной поддержкой, Тур и Ворон с чистой совестью занялись домашними делами, а именно установкой двух дополнительных видеокамер на периметре ограды. Погожий летний день наложил свою ретушь на восприятие существующих проблем. Всеволод Полозов отодвинул на дальний план мрачные перспективы предстоящей хирургической работы, Владимир Полозов сыпал остротами в адрес Кутепова и его фантастической идеи, а про Белякова по негласному соглашению близнецы не вспоминали вовсе. Так продолжалось до тех пор, пока не закончился первый этап монтажа. Следующей задачей было отладить работу камер, и Ворон отправился в серверную.

Ощущая все движения близнеца, Тур добросовестно выполнял его команды: поверни, левее, правее, измени угол наклона и тому подобное. Неожиданно Ворон нагнулся к монитору и замер в этой нарядной позе на несколько секунд.

Вот он быстро придвигает кресло, садится удобнее и долго, внимательно изучает нечто на экране компьютера.

Тур соскочил с лестницы, приставленной к забору, и решительно направился в дом. Ворон почувствовал его приближение.

— Настырный, стервец, — прокомментировал он вслух, как только брат переступил порог.

— Кутепов?

Тур взглянул на монитор. В окне электронной почты светилось: «Предлагаю Вам познакомиться с имеющимися результатами. Кутепов»

Строчкой ниже были прописаны четыре группы цифр, разделённых точками, и два набора латинских букв.

— Что это? — удивился Тур.

— IP-адрес сервера, логин и пароль, — Ворон задумчиво почесал бороду. — Странно как-то. Зачем давать айпишник, когда давно существуют доменные имена компов?

— Засекречиваются?

— Ага. Хороша секретность! Послать пароль на почтовый ящик хот-майла.

Тур пожал плечами, мол, тут я уже ничем помочь не могу.

Ворон прикусил ус.

— Ладно. Заглянуть, что ли? — он вопросительно посмотрел на близнеца.

— Постой. Что Кутепов знает про твои способности?

— По общению с «паранормальным» миром? — усмехнулся Ворон.

— По общению с чужими компьютерами в международной сети.

Хакер задумался.

— В принципе, можно предположить, что знает всё.

— Тогда очень не советую открывать этот сервер из дома, — Тур выпрямился и скрестил руки на груди.

— Если ты думаешь, что они воспользуются методом Бера, то уверяю тебя: тогда получилась совершенно иная фишка. И второй раз подобный номер не пройдёт.

— Ворон, ты не единственный хакер в Интернете.

— Разумеется, — программист открыл окно браузера и набрал указанный в письме адрес.

— Ворон, мне это не нравится.

Брат погладил пальцем «Enter» и отвёл руку от клавиатуры.

— Мне тоже. Поехали в интернет-салон. Дед, что там Лис делает?

Вопрос был обращён в пространство. Спустя миг в серверной сгустились болотные пары, и возник контур привидения.

— Лис это, в кабинете каком-то. Разговаривает с мужиком. Вроде

как с учителем. А Оля его за дверью ждёт. Мы с ней даже друг дружку поприветствовали.

— Оля видела тебя? — переспросил Тур.

— Видела, а что такого? Хорошая девчонка! — Дед подмигнул Полозовым. — Пуцай водятся.

* * *

Борис Полозов бесшумно прикрыл за собой дверь и облегчённо вздохнул. Глаза его сияли восторгом и свободой.

— Сдал? — Оля встала навстречу.

— Четвёрку, но всё-таки поставил!

— Здорово всё получилось, правда? — обрадовалась девушка. — Ты ведь не готовился даже?

— Я вообще не думал, что он у меня пересдачу примет сегодня! Я знал его предмет. В прошлый раз, когда «пару» схватил, просто он не в духе был. Ну и повезло же! — Лис оглянулся на закрытый кабинет. — Теперь я на каникулах! Пошли отсюда поскорее.

Он взял Олю за руку. Она с готовностью последовала за ним, но, прежде чем повернуть на лестницу, ещё раз осмотрела коридор.

— Что? — моментально насторожился Лис.

— Да так, пустяки, наверное. Когда ты был на кафедре, мимо меня прошёл какой-то пожилой мужчина с длинными усами и поздоровался. Я подумала, сторож или вахтёр. Но почему-то на нём были резиновые сапоги. Знаешь, такие, как охотники носят...

— Дед? — обрадовался Лис. — Это наш Дед! Братья послали, чтобы за мной присмотрел.

Девушка медленно приоткрыла рот, с натугой улыбнулась и ахнула:

— Призрак?

— Да, наш добрый мудрый друг.

— А Кикимору можно увидеть?

Лис опустил голову.

— Ки мы так и не нашли ещё...

Юноша и девушка молча покинули холодные стены университета и вышли в сквер в объятия жаркого летнего дня.

— Лис.

Он вздрогнул и посмотрел на подругу. Та смутилась.

— Мне кажется, имя «Лис» тебе больше подходит, — как будто оправдываясь, объяснила она.

— Это моё имя. А «Борис» — только когда посторонние рядом. Оля согласно кивнула.

— Я учту. Лис, мне кажется, я могу помочь в поисках Ки.

— Каким образом? — парень приготовился уцепиться за любую идею.

— Например, я могу предсказать её поведение. Ведь мы обе девушки, приблизительно одного возраста.

— Оля, — Лис поспешно качнул головой, — Ки — призрак, информация о погибшей. Она — не живая, понимаешь? Не нужно сравнивать себя с ней.

— Но она — личность, благодаря тебе и твоим братьям. И её информация — это изначально информация девушки, — решительно возразила Оля. — Тебе не приходило в голову, что вы не можете её найти только потому, что не знаете, как она думает?

Лис взлохматил волосы на голове, затем почесал макушку, внимательно посмотрел по сторонам и, наконец, ответил:

— Я действительно не знаю, как и о чём думает Ки. Но чтобы прогнозировать её поступки, ты должна знать о ней много... всякого...

Он замылся, поскольку не посмел добавить «и знать о нас, Полозовых».

— Если это тайна, я даже спрашивать не буду, — почему-то испугалась Оля. — Просто не будем трогать эту тему, и всё.

— Нет. Для тебя никаких тайн нет, — поспешно уверил Лис. — Я не хочу, чтобы у нас с тобой были тайны друг от друга. Но... — он отвёл взгляд, — есть вещи, которые связаны не только со мной, Ки или Дедом. В общем, я попробую рассказать тебе про Кикимору так, чтобы не затронуть... в общем, интересы моих братьев. Хотя...

Запинки действовали Лису на нервы. В такие моменты он начинал прямо-таки ненавидеть себя за нерешительность.

— Хотя... в общем... — он вздохнул. — Оля, понимаешь, сказок на свете не бывает. На этом свете, по крайней мере. И не бывает «доброе» героя и героя «злого». Или там «хорошего бога» и «плохого бога». Я очень люблю моих братьев, но...

— Не всегда с ними соглашаешься, — помогла Оля. — По-моему, это нормально. Я тоже любила папу, но никогда не понимала, зачем он идёт на войну. Ведь в медицинской помощи нуждаются не одни лишь солдаты. Мама как-то обмолвилась, что иначе он не может заработать деньги. Я не хочу в это верить, но умом понимаю: скорее всего, мама права.

Лис заметно приободрился.

— У нас похожая ситуация. Оля, ты простишь меня за недоговорки?

— Конечно!
— Спасибо... — Лис подвёл подругу к скамейке и присел рядом. — Ки появилась у нас в доме в прошлое полнолуние...

* * *

В интернет-салоне посетителей оказалось немного. Большинство компьютеров пустовало, а скучающая девушка-администратор с тоской смотрела за окно, где призывно сияло раскалённое солнце. Владимир Полозов выбрал самый дальний терминал, по привычке быстро исследовал операционную систему и запустил браузер.

— Если я прав, мы никуда не попадём, — пробормотал он и нажал «Enter».

Тур напрягся, ожидая любой атаки из любой части света. Однако ничего экстраординарного не произошло. Браузер вывалил на экран пустое чёрное окно.

— Отлично, — подытожил Ворон.

— В каком смысле?

— Логин и пароль — полная фигня для отвода глаз. Они настроились на мой айпишник.

— Ты говорил, даже Бер не сумел добыть IP-адрес нашего домашнего сервера, пока Ки не допустила оплошность, — тревожно заметил Тур.

— Значит, там орудуют программёры покруче Бера. Или же у них хорошие осведомители.

Владимир Полозов запустил командную строку, и пальцы его пронеслись над клавиатурой. Тур потерял всякую надежду уследить за действиями брата.

— Ты имеешь в виду осведомителей типа заложных? — тихо уточнил он.

— М-м, — Ворон нетерпеливо качнул головой. — Погоди... Ага! А это что?..

Пока очередной запрос бороздил электронные просторы, хакер снизошёл до членораздельного ответа:

— Бер понятия не имел, каким видом интернет-связи мы пользуемся. Зато люди Декана прекрасно осведомлены о наших технических возможностях. В городе всего один провайдер, обеспечивающий радиоканал, а частных пользователей на нём — вообще по пальцам посчитать. Следовательно, определить выделенную зону IP-адресов ничего не стоит. Скорее всего, они задали диапазон айпишников... Опля! Кажется, у ребят руки из зада растут.

Тур поморщился, поскольку по многолетнему опыту общения с близнецом знал, какие выражения обычно следуют за подобными языковыми вольностями.

— Подарочек! Ну, парни, за глупость надо платить. Иногда — дорого, — Владимир Полозов смачно шлёпнул мышью по крестикю окна. — Порядок, близняшка. Сегодня ночью я их сделаю по всем швам!

Тур не стал задавать наводящие вопросы, ибо через несколько минут ожидал от брата подробного и красочного отчёта о содеянном. Так и вышло. На автостоянке Ворон открыл дверцу БМВ, играючи зашвырнул пиджак на заднее сиденье и объявил.

— Я просканировал порты и обнаружил, что какой-то придурок запустил у них на сервере BackOrifice.

— Что? — возмущился доктор Полозов.

— «Задний проход», — услужливо перевёл Ворон.

— Я прекрасно знаю значение этого термина как на английском, так и на русском.

— Извини, — Владимир Полозов с трудом сдержал смех. — Так называется одна вредно-полезная програмулька. Если она хоть раз сработала на серваке, любой уважающий себя хакер запросто сделает с этим сервером всё, что ему нужно. Приедем домой, установлю там собственную зону. А ночью мы поразвлечемся у этих параспсихологов в своё удовольствие!

— Минутку. Ты говоришь о программе-вирусе?

— Не совсем. Внешне она не проявляется и даже ничего не портит. Только открывает задний... В общем, ворота для желающих.

Ворон вывел машину со стоянки и лихо вырулил на проспект.

— Куда мы направляемся? — удивился Тур.

— В автосалон, где нас ждёт новенькая Лада, — Ворон подмигнул брату. — Серебристый металлик. Тебе такие нравятся! Утром позвонили. Я решил сделать тебе сюрприз.

— Спасибо. На фоне остальных «сюрпризов» твой — самый приятный.

* * *

Лис и Оля прощались возле калитки под аккомпанемент неугомонных воробьёв и тонкие оклики стрижей.

— Не знаю, когда смогу заехать к тебе в следующий раз, — юноша виновато опустил голову.

— Я просто буду ждать, — она чуть-чуть сжала его руку. — У меня в пятницу отчёт по практике, а потом тоже каникулы.

— Ты уедешь? — испуганно вскинулся Лис.

— К маме на недельку, — ответила девушка. — Постараюсь позвонить тебе перед отъездом, если мы не увидимся раньше. Но я вернусь. Мне работу предложили на лето. Санитаркой в больнице. Я согласилась, поэтому в июле точно буду в городе.

— Я заеду! — решительно заявил Борис Полозов.

— Не обещай то, что не в твоей власти. Мне кажется, ты сейчас очень нужен старшим братьям. Но если ты приедешь, я буду рада. Пока.

Она вошла во двор. Не обернулась, хотя Лис ждал её взгляда. Скрипнуло крыльцо. Закрылась дверь.

Лис побрёл к своему мотоциклу.

«Всё верно: человек не должен оглядываться назад, — с тоской подумал он. — Оглядываться имеем право только мы, однажды умершие и рождённые смертью...»

Затронув тему потустороннего мира, Лис невольно болтнул лишнее. Оля к его удивлению восприняла реплику спокойно, но затем в ходе рассказа невзначай переспросила: ты считаешь, что появился на свет не так, как все люди? Простой ответ «да» её удовлетворил. Более вопрос не поднимался.

Почему? Лис и так, и этак выжимал из воображения различные варианты. Но получилось одно — ясное и простое: Оля полностью доверяла ему. Слепая влюблённость? — запала едкая мысль. Однако нечто внутри ответило: — ничуть, она верит не умом, а сердцем, она — твоя пара на этом свете.

Неожиданное откровение вынудило мотоциклиста резко свернуть к тротуару. Он поднял щиток шлема и быстро оглядел улицу, но ни призраков, ни иных потусторонних знаков не заметил. Лишь за спиной бесшумно качались запертые ворота Перехода.

— Кто здесь? — спросил Лис в пустоту.

Переход остался нем. Зато рядом появился знакомый влажный душ.

— Дед? — позвал юноша.

— Чаво перепужался, сын Полозов? — на асфальте проступила болятная ряска. — Сам говоришь: мы, призраки — это вроде как чистая информация. А информация — она, куда ни кинь, всё правда. Ведь вратьто только живые горазды. Ты, это, слушай, что в информации творится, а потом уж умом рассуждай. Слушать ты умеешь. Ой, как умеешь!

— Это комплимент? — усмехнулся Лис.

— Домой езжай, непоседа, — блазень встал перед юношей, и его

невещественные сапоги звучно чавкнули в остатках некогда обширной реальной лужи. — Дело там у Ворона есть.

— Опять чей-то компьютер взламывает? — Лис взялся за руль. — Эй, Дед, садись за мной.

— Зачем это? Я уже дома.

Болотник рассмеялся, и Лис узрел его абрис в уютном кресле в гостиной.

— Всем бы так телепортироваться, — буркнул Борис Полозов и завёл мотор.

Домой он прибыл спустя полчаса, загнал Хонду в гараж, наскоро протёр тряпкой откровенно заметную грязь и бодро направился в жилое крыло. Но на середине короткой лестницы остановился. Что-то ускользнуло от его внимания. Парень осторожно повернулся лицом к машинам. Синий БМВ стоял на своём месте, а правее, там, где обычно ночевала «шестёрка», красовался шикарный автомобиль, окрашенный серебристой, отливающей металлом эмалью. От восхищения Лис в первый момент разинул рот. В следующий — кровь отхлынула от щёк, а сердце шумно ухнуло в пятки...

Трасса. Виадук. Скорость. Дождь. Серебристо-белая машина и слишком знакомый профиль за стеклом. Автомобиль врзается в отбойник и взлетает над пропастью. В небо устремляется столб огненно-го дыма...

Видение, однажды обрушившееся на него на дороге, предстало вновь. Здесь. Дома. Во мраке гаража.

Лис попятился. Автоматически поднялся на площадку и опрорметью кинулся в дом.

— Ворон! Тур!

Один из близнецов вышел из серверной навстречу.

— Чья там машина? — выкрикнул Лис. — Откуда эта машина?!

— Малыш, что с тобой?

Лис понимал, что выглядит сейчас как истеричная девица, что нужно взять себя в руки и доходчиво поведать братьям об опасности, причиной которой является автомобиль...

В руки его взяли буквально. Крепко и своевременно, поскольку нескладное костлявое тело била крупная дрожь.

— Лис? Что случилось, Лис?!

Горячий взгляд упёрся в белое, будто мел, лицо.

— Машина. Она слетит с виадука, — выдавил юноша и обмяк в объятиях старшего брата.

Ответных реплик близнецов Лис не слышал: все звуки отступили перед бешеным ритмом пульса, kloкочущего в висках.

— Гамаюн!

Покров ужаса в один миг рассыпался прахом.

— А?

— Сработало, — Ворон показал Туру на младшего брата так, будто выиграл спор.

— Гамаюн, — Тур не без усилия отлепил от своей груди скованный судорогой торс юноши, — давай для начала вернёмся в настоящее. А потом уже поговорим о будущем. Как ты на это смотришь?

— Положительно, — проямлил Лис, отступил от братьев и, взглянув на них — одинаково встревоженных — понял, что остричь на тему «волшебной бредятины» никто не собирается.

Говорить «о будущем» долго не пришлось. Собственно, всё, что мог сказать Лис, он уже выплеснул. Ему осталось лишь обрисовать обстоятельства, при которых вещему взору открылась страшная сцена.

— Предупреждение получено, — подытожил Ворон.

— Или же знакомая нам компания заложных преследовала цель сбить тебя с толку и помешать возвращению домой, когда Бер атаковал Ворона, — вставил Тур.

Лис беспомощно развёл руками.

— Хорошо. Будем сторониться шоссе с виадуками, — Ворон направился к компьютеру. — Кого из нас ты видел за рулём?

— А я почём знаю? — фыркнул Лис. — Вы последнее время даже дома одинаковые рубашки носите.

Близнецы удивлённо посмотрели друг на друга, убедились в правоте младшего брата и дружно пожали плечами.

— Честное слово, не нарочно, — уверил Тур.

— Значит, *оба* будем сторониться виадуков, — подвёл черту Ворон. — Никто не хочет заняться ужином, пока я готовлю площадку на компе Кутепова?

* * *

— Предупреждаю, никаких красочных картинок вы не увидите, — заявил Ворон, когда братья сели возле него перед терминалом.

— Ты уже взломал? — Лис с любопытством рассматривал экран, на котором висел текст программного модуля.

— Ногтём! Не знаю, чем занимаются эти ребята, — хакер отхлебнул кофе и, опуская чашку, показал ею на монитор, — но в системе не шарят абсолютно. Будь у них нормальная защита, я бы долго возился.

— Зачем Кутепову понадобилось давать тебе адрес сервера? — спросил Тур.

— Не бойсь, ловушек нет, я проверил, — Ворон вытер руки об брюки и взялся за клавиатуру. — Кутепов жаждал продемонстрировать нам работу вот этой программы. Кое-что меня действительно заинтересовало. Изнутри, как вы заметили, — он кивнул на текст кода. — Это обычная «цэгэишка» на Перле. Но вот тут, — хакер подвёл указатель мыши к одной из строк, — прописан модуль обмена с каким-то внешнем устройством. Собственно, программа всего лишь кодирует запрос в формат этого устройства и передаёт через последовательный интерфейс. В данном случае через RS232. Тем же макаром приходит ответ.

— Ворон, для нас с Лисом это китайская грамота, — заметил Тур, и Лис охотно с ним согласился. — Так что давай проще. Русский устный мы лучше поймём.

Ворон был явно разочарован реакцией зрителей.

— И так всё понятно, — бросил он. — Вводишь с клавиатуры запрос, программа его обрабатывает и посылает куда-то. Из этого «куда-то», вероятно, должен прийти ответ. В общем, есть только один способ проверить сие творение в действии: ввести запрос.

— А какой? — осторожно уточнил Лис.

— Любой. Ну что, пробуем?

Тур повёл бровью. Ворон расценил мимику близнеца как согласие.

— А ты застраховался? — на всякий случай поинтересовался Лис.

— Конечно. Вы же оба здесь! — и, заметив испуг в рыжих глазах, весело добавил. — Шучу, малыш. Наше подключение хорошо замаскировано.

Пальцы программиста коснулись клавиатуры. Через несколько секунд на экране появилась строка с призывно мигающим курсором.

«Разрешите войти?», — отстучал Ворон и нажал «ввод».

Окно на экране почернело. В правом верхнем углу мелькнул и исчез хаотичный набор символов. Затем возникла россыпь из цифр и знаков, которая так же быстро растаяла, и вдруг отчётливо пропечаталось.

«Я — Оракул. Я слышу тебя. Спрашивай».

Тур непроизвольно отодвинулся от монитора, напряжённо засопел Лис, а Ворон как ни в чём не бывало пригладил бороду.

— Точно. Сигнал поступил из «чёрного ящика». Интересно, что это такое?

Недолго думая, он послал второй вопрос.

«Что представляет собой внешнее устройство на RS232?»
«Я — Оракул. Это — я. Спрашивай».
— Мы с призраком говорим, — возбуждённо шепнул Лис.
— Да ну тебя, — отмахнулся Владимир Полозов. — Призрак в компьютере бывает только в Голливуде.
— Он не в компьютере, — вдруг приподнялся Тур. — Компьютер всего лишь транслятор, переводчик. Видишь, на твой вопрос он дал конкретный ответ: «это я».
Ворон внимательно посмотрел на близнеца, потом также на Лиса, прикусил ус и набрал:
«Оракул, кто ты?»
«Я — Оракул. Я слышу тебя».
— Ты думаешь, они сумели «оцифровать» призрака? — Ворон показал Туру на пришедший ответ. — Да это же простейшая экспертная система. Я не даю ей никакой новой информации, соответственно в ответах появляются слова из минимального первоначального набора.
— Неужели Кутепов настолько глуп, что подсунул тебе детскую игрушку? — не отступил Тур.
— Братцы, давайте попробуем говорить с ним без атрибутов, — нерешительно предложил Лис. — Вдруг получится?
— Если долго мучиться, чего-нибудь получится, — усмехнулся Ворон. — Как с ним говорить? Я понятия не имею, где находится этот компьютер.
— Призрак — это информационное поле, — Лис выпрямился. — Не важно, где оно находится. Главное, почувствовать его, вступить в контакт!
Он придвинулся к монитору и тихо позвал:
— Оракул. Ответь, Оракул.
На экране ничего не изменилось.
Лис потряс головой, приподнялся, опять уселся в кресле и повторил:
— Оракул, мы хотим поговорить с тобой о тебе. Ответь, Оракул.
Никакого эффекта.
— Убедился?
— Он не откликается, потому что нам не хватает смелости объединиться с его информационным полем, — объяснил Лис и откровенно признался. — Я один действительно боюсь. А ты подсознательно тор-мозишь Тура. Мы должны все вместе, втроём.
— Хором? — издевательски уточнил Ворон.
Лис сник, но на выручку пришёл Тур.

— Дело не в произносимых словах, — медленно заговорил он, разглядывая свои руки. — Слово в данном случае такой же атрибут, как и текст, набранный с клавиатуры. До сих пор информационная сфера выходила на контакт с нами, априорно задавала собственную среду, и мы несознательно применяли то, что оставил нам отец. То есть способность... — Тур на секунду замолчал, — жить одновременно в двух сферах. А теперь нам предстоит построить условия для общения с Оракулом. Как это сделала Ки, когда перекинулась к Беру. Дай-ка мне клавиатуру.

Озадаченный, Ворон придвинул брату пульт.

«Оракул, сколько человек слушает тебя?»

Лис, во все глаза наблюдавший за пальцами старшего брата, мог поклясться, что тот не нажимал клавишу ввода.

На монитор опять посыпался цифровой мусор. Затем медленно, буква за буквой стал выпечатываться ответ:

«Два и один».

— О, как! — вырвалось у Ворона. — Эй, приятель, а почему бы не сказать «трое»?

«Трое» — немедленно всплыло на мониторе.

— Он тебя услышал! — Лис взвился со стула.

— Ага, как же! Просто вычисления провёл, — упрямо буркнул Ворон.

— Просто ты согласился, что это не экспертная система, — поправил его Тур. — Оракул, как твоё имя?

«Оракул» — появилось в чёрном поле экрана.

— Что ты делаешь на этом свете? — продолжал Тур вслух.

«Я отвечаю на вопросы. Я знаю всё».

— Ты остался, чтобы отвечать людям? — вмешался Лис.

«Я хочу, чтобы меня услышали».

— Тогда оставь в покое электронику, и давай поболтаем, — предложил Ворон.

На поверхности монитора блеснула огненная искра.

«Я отвечаю на вопросы обо всём, о том, что есть, что...»

Текст на экране оборвался, и остаток фразы брата восприняли как далёкий звук.

«...будет, что когда-то было. Я — Оракул».

— Ты — заложный, — врубил Ворон. — Кому ты служишь? Кто не позволил тебе уйти в Переход?

Ответ ухнул на Полозовых, как информационная лавина. Знания,

анализ и память, раскрашенная в эмоциональные краски, нахлынули и впитались в мозг каждого единой бессистемной машиной.

Несколько минут в серверной стояла неподвижная тишина.

— По-моему, он вывалил нам всё, что знал о себе, — пробормотал Лис.

— Их много, — выговорил Ворон и прижал рукой горящие глаза. — Но сознание только одно. Сознание анализирует гигантский массив общей информации и выдаёт наиболее вероятные версии будущего.

— Оно воспринимает своё нынешнее состояние как жизнь на необитаемом острове, — медленно произнёс Тур. — Это пока всё, что я смог уловить.

— А я понял что-то про бутылку! — спохватился Лис. — Оно отравило бутылку с запиской.

Близнецы дружно оглянулись на младшего брата. Юноша смутился.

— Может, он имел ввиду запуск программы, как её... Ну, на которую Тур возмущается.

«Почему вы молчите? — возник в пространстве беззвучный голос. — Спрашивайте. Я — Оракул».

Получилась заминка. Ворон хотел узнать у призрака призраков, желает ли *она* покинуть свой остров. Тур остановился, поскольку понял мысль брата, и в свою очередь не стал уточнять о пресловутом «BackOffice». А Лис побоялся разинуть рот на тему будущего.

В результате все вопросы были каким-то образом восприняты.

«Я хочу, чтобы меня услышали, и я заставил человека открыть вход. Враги готовят план убийства. Берегитесь. Будет кровь, огонь и смерть. Крепость победит, когда двое изберут один берег, а доброе сердце примет одинокую печаль».

Лиса пробила крупная дрожь. Он подался вперёд, но наткнулся на предупреждающий жест Тура.

— Оракул, мы слышим тебя. Спасибо.

Вы слышите?..

На том конце возникло замешательство.

— Лис, его цель быть услышанным? Верно? — шепнул Ворон.

Юноша согласно закивал.

— Проводим его, — продолжал Ворон и обратился к информационной сфере, пленённой электроникой. — Оракул, мы слышим. То, что ты желал, сбылось. Ты видишь корабль, который идёт к твоему острову под всеми парусами?

Вижу...

— Этот корабль идёт за тобой, — подхватил Тур. — Тебе протягивают руки. Вступай на борт. Попутного тебе ветра.

Ворон пристально смотрел в черноту монитора. Потянуло холодком, и в неведомой дали открылись врата Перехода.

Тур опустил руку на плечо близнеца. Тот не дрогнул, хотя рука казалась нестерпимо горячей.

Выстроенный призрачным взглядом мост провёл несуществующий фрегат в покойную пустоту и медленно растворился.

Ворон закрыл глаза. Тур откинулся на спинку кресла.

— Братцы? — Лис изумлённо взирал на братьев. — А... а как это у вас получилось?

— Ты же сам научил нас провозать, — Ворон приподнял ресницы. Под веками мелькнула холодная тьма. — Помнишь, на берегу Тверцы, когда мы изловили Пашу?

— Ну да, помню, — Лис встряхнулся. — Но я думал, что Переход — это ворота и мост. А ты сделал из него корабль.

— Я импровизировал, — Ворон потянулся, зажмурился и рискнул открыть глаза окончательно.

Тур испытующе осмотрел близнеца.

— Следующий раз не уходи настолько далеко лично, — посоветовал он. — Ты меня чуть за собой не втянул.

— Извини, увлёкся, — Ворон отодвинулся от компьютера. — Лис, будь добр, найди у меня в столе диск с оболочками экспертных систем. Он подписан, кажется. Пойду, умоюсь.

Юноша, ожидавший совершенно иного, а именно, впечатлений от пророчеств Оракула, опешил.

— Зачем тебе экспертные системы?

— Вставлю вместо почившего, — откликнулся хакер из-за двери. — Пусть думают, что Оракул исправно работает. Галка, брысь с дороги!.. Ты, чёрная морда, фу! Если я стоял в Переходе, это совершенно не означает, что я призрак! Галка, фу!

Тур направился за близнецом. Лис окончательно растерялся.

— Тур, стой! Он же нам будущее предсказал!

Брат остановился.

— Его фразы можно трактовать как угодно и когда угодно, а в нашем случае — и подавно. А вот твои предсказания гораздо более весомы, Гамаюн.

День двадцать восьмой

Утро пятницы началось для Ворона незадолго до полудня. День не предвещал ничего особенного, на проекте Кутепова ночью была поставлена бесцеремонная жирная точка в виде экспертной системы, охотно отвечавшей на все задаваемые вопросы, и Владимир Полозов позволил себе понежиться в постели лишние десять минут. Прислушавшись к близнецу, он определил, что тот сидит в кресле в гостиной с телевизионной дистанционкой в правой руке.

Вспомнился ночной разговор.

«Насчёт Ки и её перелёта в комп Бера я первый тебе сказал. Но Ки — дух, информационный сгусток. Она существует в информационной сфере, как рыба в воде. Но мы-то живём на земле и лишь иногда заплываем в призрачную среду. Или ты всерьёз думаешь, что отец оставил за нами право одинаково свободно чувствовать себя на обеих сторонах света?»

Тур пожал плечами.

«Думаю, да».

«Двойное гражданство. Очаровательно»...

Образ океана, нечаянно возникший в разговоре с московским экстрасенсом, появился вновь, но уже в уточнённом варианте. Ворон нахмурился. Тур считал, что для «заплыва» в призрачные сферы им совершенно не нужны «акваланги», то есть внешние атрибуты вроде слов, письменных знаков, компьютеров и телефонов. Двойное гражданство предусматривало полную свободу перемещений без специальных виз. Вывод незаметно пристроился к вроде бы закрытой теме призрака во плоти, которую Ворону совершенно не хотелось поднимать вновь. Однако он не мог не признать, что проводы Оракула не вызвали у него ни псевдо-эпиприпадка, ни головной боли, ни даже кошмарных снов. Получалось, что подсознание разрушило поднятый организмом защитный барьер. Запредельные дали Перехода ставили теперь особую отметку о пребывании. Ночью в ванной комнате, взглянув на себя в зеркало, Ворон едва не отпрянул: в обычно горящих глазах лениво плавали мёртвые огоньки, подобные тем, что пляшут по болотной трясине. Тур подошёл сзади. Молча вынул руку из-за отворота домашней рубашки и показал близнецу. На тыльной стороне кисти Ворон отчётливо увидел синеватые разводы. «Трупные пятна, — спокойно пояснил врач. — Они появлялись и раньше, но не столь явно. Я убеждал себя, что так выглядят на моей коже последствия ожогов. Но, видимо, твои глаза и мои руки — это то, что пришло с нами с той сторо-

ны света». Почувяв, куда опять клонит брат, Ворон горячо возразил: «Ты этими руками сотни человеческих жизней спас!» Тур лишь грустно улыбнулся: «Покойник-лекарь. Один из древних фольклорных образов. Я прочёл о нём вчера. У Лиса в этом месте книги лежала закладка».

Ворон вздохнул и вылез из-под одеяла. Вопреки логике, мрачный итог беседы не осел в душе холодным камнем. Рассудок сделал попытку ещё более сгустить краски, чтобы добраться до здравого смысла, но вместо этого в голове возникло:

Иной мир — всего лишь иное представление мира реального. Воспримем как данное, и не будем оглядываться на прежние страхи.

Ворон потряс головой и для порядка оглядел стены. Деда поблизости не наблюдалось. Но мысль о том, что незвучавшие слова послал брат-близнец, он поспешно отстранил.

Услышав шаги на лестнице, Тур обернулся через подлокотник кресла.

— Полчаса назад в новостях показали нашу свалку, — поприветствовал он брата.

— В региональных? — Ворон налил себе кофе.

— Нет. На первом канале, — Тур выключил телевизор и подсел к столу. — Так расписали, что можно подумать, у нас здесь экологическая катастрофа вселенского масштаба. Показали грузчиков, которые сваливали бочки, прошлись по всем статьям по администрации района. В общем, поработал декановский Николаев на славу.

— Шустрые ребята! Эй, а чем ты не доволен?

Выражение лица Тура никак не выражало радости победителя.

— Назвали фамилию Белякова и его фирму.

— Оп-ля! — медленно выговорил Ворон. — Нас, надеюсь, не упомянули?

— Я же не стал тебя будить, — отозвался брат. — Но Беляков — не дурак. Так что...

Зазвонил телефон.

Ворон отставил чашку и подошёл к аппарату.

— Полозов. Слушаю... Маринушка!

Тур вскочил.

— Марина, — лицо Ворона стремительно побелело. — Марина, подожди, давай по порядку. Кто приходил? Куда?

Тур встал рядом с братом. Взволнованный голос женщины эхом

отзывался в трубке.

— Двое мужчин, очень неприятные на вид. Представились вашими давними друзьями и сказали, что всю неделю не могут застать вас дома. Спросили меня, не уехали ли вы в отпуск.

— Что ты ответила?

— Сказала, не знаю, давно не виделись. Володя, что происходит?

Близнецы быстро переглянулись: Марина была взволнована настолько, что не различила, с кем из Полозовых разговаривает.

— Ряд неприятностей. Откуда ты звонишь?

— Из соседнего отдела на всякий случай.

— Марина, немедленно уходи с работы.

— Но я сегодня дежурю!

— Пожалуйста, уходи с работы, — нажал Ворон. — Дойдешь пешком до Пожарной площади. Мы будем там через пятнадцать минут. Всё объясним.

— Володя? Нет, Влад!

— Какая разница. Маринушка, поторопись.

— Нет, подожди. Влад, что вы натворили? Что всё это значит?

Требование ответа прозвучало настолько решительно, что Ворон отвлёл трубку от уха. Тур воспользовался его заминкой и перехватил аппарат.

— Марина, помнишь, ты видела нас в парке? Мы разговаривали с женщиной в зелёном костюме. Это была сотрудник природоохранной прокуратуры. Своим заявлением мы серьёзно навредили тeneвым структурам.

— О, господи, — еле слышно прозвучало на том конце провода.

— Марина, умоляю, поторопись.

Тур быстро опустил трубку на рычаг.

— Придёт, — уверенно кивнул Ворон.

— Зачем им понадобилось искать нас через... — Тур осёкся.

В пространстве столкнулись два тревожных и яростных взгляда.

— Дали понять, что знают о её существовании, — озвучил Ворон.

— Обсудим в машине.

Тур сорвался с места.

В гостиную вбежал Лис.

— Братцы?

— Малыш, красная тревога! — объявил Ворон. — Загони собаку в дом и ни под каким видом не суйся на двор. Даже если там будет взрываться всё.

— Ворон! — ахнул юноша.
— Ворон, одевайся! — крикнул сверху Тур.
— Захвати...
— Взял уже. Давай живее.

Пока Лис хлопал глазами, а выплывший из стены Дед испуганно оглядывался по сторонам, близнецы поменялись местами. Тур возник перед Лисом, а Ворон скрылся в кабинете.

— Лис, смотри сюда, — в руке старшего брата чернел страшный металлический предмет. — Вот предохранитель. В этом положении — смотри, малыш, и не спорь со мной! В этом положении можно стрелять. Не целься, всё равно прицел тебе не поможет. Стреляй только в доме. По закону имеешь право защищаться любыми средствами. Если только кто-то сунется дальше порога, один раз предупреди, а потом снимай предохранитель и нажимай курок.

— Эй-эй, сынки, вы это, вы чаво? — перепугался Дед.

— А ты держи связь, отец. И, если сможешь, сделай так, чтобы в дом никто не проник.

Лис с ужасом обнаружил, что пистолет лежит в его собственных руках. Холодный, как сама смерть. Тяжёлый и мёртвый.

— Лис, Дед, вслушайтесь в разговор, который здесь состоялся, — крикнул Ворон из коридора, ведущего в гараж. — Всё поймёте!

Спустя минуту на дворе взвыл мотор БМВ.

* * *

Марина опаздывала. Тур и Ворон поочередно смотрели на часы в течение десятка минут, прежде чем заметили знакомую фигурку в людском потоке. Как только зажёгся зелёный свет, женщина перебежала через улицу, торопливо посмотрела по сторонам и вздрогнула, когда прямо перед ней, игнорируя запреты перекрёстка, затормозил тёмно-синий БМВ. Один из близнецов-Полозовых выскочил на тротуар, открыл перед женщиной заднюю дверцу автомобиля, также быстро занял место рядом с водителем, и машина рванулась вперёд.

— Здравствуй, Маринушка, — через зеркало взглянул на подругу Владимир Полозов.

— Здравствуй, милая, — обернулся к ней Всеволод Полозов с пассажирского сиденья.

Она, наконец, отдышалась после быстрой ходьбы и стремительного явления БМВ.

— Ну и детектив! — выдохнула Марина. — Что это означает, господа? Вы представляете, какой скандал я выдержала, когда отпра-

шивалась у заведующей?

— Ты не заметила, никто не шёл за тобой? — не обратив внимание на возмущение библиотечарши, спросил Ворон.

Марина поджала губы.

— Это настолько серьёзно? — тихо уточнила она.

— Вероятно, да, — ответил Тур.

Она выдержала паузу.

— Я могу узнать подробности?

— Ты должна знать подробности, — подчёркнуто произнёс Ворон. — Те двое, которые спрашивали о нас, всего лишь дали *нам* понять, что о тебе хорошо известно в определённых кругах. Это была форма угрозы.

— Мы не исключаем также, — заговорил Тур, — что визит имел вторую цель: выманить нас с Владом из дома. Но на этот случай дома остался Борис.

Тон, мимика, вернее, её отсутствие, излишне превышенная скорость автомобиля и абсолютная идентичность близнецов заставили Марину прочувствовать опасность в полной мере. Причём в первую очередь она подумала о младшем Полозове.

— Борис один? — её голос дрогнул.

— Не волнуйся, он сможет за себя постоять, — уверенно ответил Ворон.

Напряжённость на бледном тонком лице сменилась едва ли не материнской заботой.

— Он стал взрослым в ваших глазах. А ведь прошёл месяц с нашего разговора в ресторане.

— Зато какой месяц, — негромко вставил Всеволод Полозов.

— Где мы едем? — спохватилась Марина.

— Пока на Сахарово, — сообщил Владимир Полозов. — Хочу выяснить, есть ли за нами хвостик.

Лихо миновав змееподобный участок шоссе, БМВ пролетел мимо дачного посёлка и вдруг круто свернул вправо, на просёлочную дорогу к незаметной речке.

— Влад, — женщина с опаской отпустила поручень, за который ухватилась в процессе манёвра, — мы проверяем наличие хвоста или уже уходим от погони? Это разные вещи, на мой взгляд.

— Извини, — Ворон затормозил возле обширных прибрежных кустов и, не отрывая взгляда от зеркала заднего вида, надел тёмные очки.

Тур следил за дорогой в правом зеркале и также рефлекторно натягивал на кисти рук тонкие кожаные перчатки.

— Вон он.

В один голос сообщили близнецы. Марина оглянулась.

— Светло-жёлтый «Ауди», — уточнил Ворон. — Ага, решил сразу не останавливаться. Будет караулить где-нибудь впереди, но так, чтобы видеть, куда мы повернём.

— На открытом воздухе общаться приятнее, — попытался улыбнуться Всеволод Полозов. — Прогуляемся, Маринушка?

Двигаться втроем по узкой дорожке оказалось совершенно не удобно. К тому же за изгибом речки Полозовы заметили двух мальчишек-рыбаков. Пришлось вернуться к машине и устроиться на высоком берегу.

— Обычно на Орше много купальщиков, — сказала Марина.

— Вода холодная, да и рабочий день ещё не закончился, — ответил Всеволод Полозов.

— Это нам на руку, — вставил Владимир Полозов.

— Итак? — Марина вопросительно посмотрела на обоих близнецов поочерёдно.

Слушала она молча, тщательно скрывая эмоции за пристальным созерцанием чёрных торфяных вод узкой речки. Рассказ закончился скоро, поскольку некоторые подробности Полозовы умышленно опустили.

— Кто бы мог подумать, — тихо заговорила Марина, — столько проблем из-за какой-то свалки! — она как будто готова была рассмеяться. — Боже мой. Никак не могу поверить. Что угодно, но вы — и мусорная свалка?

— Видимо, прошли те времена, когда рыцари сражались за королей, — усмехнулся Владимир Полозов. — Хотя, честно говоря, всё это похоже на иронию судьбы.

Он поправил очки.

— Человеческая жизнь в наше время часто зависит от того, как и где выбрасывают мусор, — Всеволод Полозов потёр ладони, плотно обтянутые перчатками. — Увы, это сермяжная правда.

Марина неожиданно оживилась.

— Но почему «теневые структуры» ополчились на вас в такой степени? Ведь всё, что грозит за нарушение экологического законодательства, это штраф. Предприятия иной раз умышленно идут на преступления, потому что размер штрафа значительно ниже стоимости правильной утилизации!

Братья переглянулись. Умолчав об источнике поступления лакокрасочных отходов, они совершенно не учли эрудицию слушательницы.

— Эти токсичные материалы прибыли сюда из Европы, — неохотно пояснил Владимир Полозов. — Причём со всеми нарушениями таможенных правил.

— Так вот зачем тебе нужны были книги о таможенных декларациях! — тут же вспомнила Марина.

— Ну, в общем да, — хакер закинул руки за спину и посмотрел на солнце, весело сияющее среди облаков.

— Как видишь, одной статьёй дело не ограничится, — добавил Всеволод Полозов. — К тому же задействована администрация, а нарушениями заинтересовалась Москва.

— Это серьёзно. Значит, теневые структуры вычислили вас и теперь намерены отомстить? — с некоторым недоверием спросила Марина.

Сомнения её были неизбежны. Из рассказа Полозовых получалось, будто вся местная мафия кинулась расследовать, кто из четырёхсот тысяч жителей города догадался натравить прокуратуру на злосчастную свалку.

Тур, не пройдёт номер. Придётся ей сказать.

Я скажу, Ворон.

— Не кажется ли вам это странным? — продолжала Марина, не заметив глубинного общения «глаза в глаза», висевшего несколько секунд над её головой.

— Нет, милая, — Всеволод Полозов присел возле женщины на поваленное дерево. — Дело в том, что мы сами работаем на эти структуры. Марина дрогнула и отвернулась.

— Почему-то я не удивлена, — автоматически произнесла она и покосилась на шикарный БМВ, стоящий поодаль. Затем чуть растерянный взор остановился на Владимире Полозове. — Влад, я хочу верить, что ты не проделываешь на компьютере финансовые махинации в свою пользу.

— Клянусь, не проделывал и не проделываю.

— Тогда что? — Марина спросила негромко, но в голосе звучало безоговорочное требование ответа.

— Некоторая информация дорого стоит, — произнёс Владимир Полозов. — Часто её стоимость исчисляется в тысячах. Долларов.

— Для Влада это ещё и спортивный интерес, — доктор Полозов попытался смягчить обстановку, но лишь вызвал «огонь» на себя.

— Володя, ну а ты? Как врач может быть замешан в мафиозных делах?

Всеволод Полозов встал перед Мариной.

— Есть элитная клиентура и у нас, и в столице, высоко оценивающая собственное здоровье. Кроме того, в результате разного рода разборок появляются подстреленные и порезанные, которым совершенно ни к чему встречаться с милицией. У меня дома нелегальная операционная.

Теперь встала и Марина. На светлом летнем платье остались ошметки коры и сухие травинки, но она, обычно предельно аккуратная, этого не заметила.

— И однажды настал день, когда вы повернули против тех, кому служите?

На Полозовых повеяло мёрзлым духом недоверия.

— Может быть, мы и служим, — резче, чем следовало, выбросил Ворон, — но мы не прислуживаемся.

— А если речь заходит о жизнях людей, ценности меняют систему отсчёта, — поддержал Тур.

Марина молча прошла вдоль берега.

— У меня сложилось впечатление, — заговорила она издали, — что вы ввязались в историю со свалкой как в забавное приключение, ради спортивного интереса.

— Ты ошибаешься, — как мог мягко ответил Всеволод Полозов.

— Значит, я должна поверить, что два взрослых умных мужчины проснулись однажды утром и вдруг заметили, что кроме них и тех, кто является предметом их заботы или роскоши, в этом мире существует народ?

— Живут люди, Марина, — тихо поправил Владимир Полозов.

Она медленно обратилась на голос. В глазах возникло недоумение, сменившееся осторожным вниманием. Она будто старалась прочесть на лицах близнецов нечто, способное рассеять какую-то невероятную догадку. Вдруг на ресницах её заискрилась влага.

— Боже мой... Влад. Володя...

Она отвернулась. Тур и Ворон ожидали продолжения, но женщина молчала.

— Марина?

Она помедлила.

— Как странно устроен мир. Чего только я себе не придумывала, когда пыталась понять, кто вы на самом деле! А оказывается всё так просто и естественно: вы — два обычных современных мужика.

Настороженность близнецов росла прямо пропорционально количеству оживлённых бликов в ярких зелёных глазах женщины.

— Извини, уточню, — не выдержал Владимир Полозов. — А какие

могли быть варианты?

Марина звонко рассмеялась.

— Никаких, Влад. Абсолютно — никаких! Просто, рядом с вами мне хотелось быть наивной девчонкой, искренне верящей в чудеса.

Посчитав, что сказано достаточно, Марина пошла к машине.

Жёлтая иномарка караулила объект слежения на улице ближайшей деревеньки, перпендикулярной шоссе. Полозовы проскочили мимо. Видимо, компания в иномарке ожидала, что ведомые вернуться в город, поэтому весьма неосторожно рванула следом на самой высокой передаче. Ворон с удовольствием исполнил требование знака ограничения скорости и проехал по следующей деревне точно сорок км в час, чем вынудил преследователей тащиться на двадцати. Когда дорога ушла направо так, что дома, обрамлявшие шоссе, закрыли обзор, БМВ стремительно набрал обороты, пролетел оставшиеся до развилки пятьсот метров за считанные секунды и резко свернул налево. Песчано-глиняный просёлок встретил элегантное авто серией мелких ухабов, увёл на крутой поворот и предоставил трёхкилометровую пыльную перспективу, ныряющую в лес.

— Кажется, оторвались, — прокомментировал Владимир Полозов свой рискованный манёвр.

— Встанут на обочине и будут озираться по сторонам, — остудил его брат. — Повернём назад — заметят.

— А что впереди? — поинтересовался Ворон. Тур нашёл в бардачке карту, развернул и показал водителю. Тот удовлетворённо кивнул. — Ага, выходит на какое-то шоссе.

— Влад, мы упрёмся в дачи, — предупредила Марина. — Я здесь была в гостях у подруги. Эта дорога в лесу превращается в настоящее месиво. И вообще, чем нам вредит слежка? Если им нечем заняться, пусть катаются.

— Им совершенно не нужно знать, куда мы тебя повезли и когда, — тоном, не терпящем возражений, сообщил Владимир Полозов. — Кроме того, я не люблю «хвосты».

И он направил машину вперёд мимо задворок очередной деревни, заброшенных поселковых отстойников и прочих прелестей городской окраины.

Через четверть часа, едва не разбив кардан, набрав на борта годовую норму пыли и чудом не увязнув в глиняной луже, БМВ перевалился через засыпанную узкоколейку за лесом, протащился по полю па-

раллельно тракторной колее и вырулил на пустое шоссе.

Ворон остановил автомобиль, вылез на дорогу и тревожно осмотрел результаты загородного променажа.

— Пусть двигатель остынет, — сказал он, возвратившись в салон. — Отсюда нам до дома минут двадцать, если опять не придётся штурмовать просёлки.

— Марина, тебе лучше сегодня переночевать у нас, — пояснил Всеволод Полозов. — А завтра мы отвезём тебя на Селигер.

— Вы хотите меня спрятать? — она натянуто улыбнулась. — Влад, Володя, это уже лишнее. Я обычная рядовая библиотекарь и не имею никакого отношения ни к мафии, ни к прокуратуре. Кому я нужна?

Ответ она, несомненно, знала, однако признать его не позволяло женское стремление закрыть глаза перед очевидной опасностью. Владимиру Полозову пришлось взять на себя разъяснения вслух.

— Ты дорога нам, Марина. А это означает, что ты в два счёта станешь заложницей, и нам придётся играть по чужим правилам.

— Я сегодня позвоню на турбазу, — заговорил Всеволод Полозов. — Вопрос с путёвкой будет решён моментально. А отпуск, насколько я помню, начинается у тебя в понедельник. Видишь, всё весьма удачно.

— Хорошо. Завтра я согласна ехать на турбазу, — сдавив эмоции, произнесла Марина. — Но сегодня я хочу домой.

— Марина, это не разумно. У нас ты будешь как в крепости! — возразил Владимир Полозов.

— Нет, Влад. Пожалуйста, не настаивайте. Я не буду ночевать в вашем доме. Это моё табу.

— Марина, но один раз за пять лет ты можешь сделать исключение из своего табу? — вмешался Всеволод Полозов.

— Не могу. Ваш дом — это ваш внутренний мир. Я не хочу туда заглядывать. Простите.

Близнецы дружно опустили руки. Спорить было бесполезно.

Путешествие по окружным дорогам прошло в полном молчании. Марина думала о своём, и мысли эти нерадостными морщинами лежали на её понуром лице. Близнецы поглядывали на подругу в зеркало над лобовым стеклом. Они знали её бодрой, молодой, улыбчивой женщиной без определённого возраста. Сейчас она выглядела строго на свои годы, потерявшая задорный блеск зелёных глаз, не скрывавшая косметикой следов нелёгкой судьбы, уставшая и удручённая.

Когда до дома оставалось всего пара переулков, Марина вдруг за-

говорила.

— Я на родину ездила. Зашла в церковь, где крестила Ванечку. Снился он мне постоянно. Плохо снился. Помолилась за него, свечку поставила. Как-то легче стало.

— Он больше не приходил во сне? — вроде бы невзначай уточнил Владимир Полозов.

— Нет. Уже два дня сплю без сновидений. Успокоила я его, пока молилась. Глупо, наверное, звучит?

Близнецы отрицательно качнули головами.

Она вздохнула.

БМВ завернул во двор.

— Я и за вас помолиться хотела, — тихо произнесла Марина, — но...

Они ждали.

— Свечки пошла ставить, а зажечь не смогла. Долго перед иконой возилась. И вдруг бабка какая-то мне говорит: здесь за здоровье, а за упокой иди к распятию ставь. Не помню, как выскочила из церкви. Даже перекреститься перед входом забыла.

Тур и Ворон внимательно посмотрели друг на друга.

— Марина, — неуверенно начал Владимир Полозов, — не нужно молиться за нас.

— Мы не верующие, — подхватил Всеволод Полозов.

— Да и я не слишком верующая, — Марина взяла в руки сумку, до сих пор лежавшую на сиденье. — Просто когда тяжело и одиноко, тянет куда-нибудь к добру, к покою. Вам не понять, вы всегда вдвоём. Монолитная закрытая система... Но я всё равно за вас боюсь, милые мои господа. Теперь особенно.

Она вышла из машины. Мужчины с опозданием последовали за ней.

— Марина, что бы ни случилось, ничего не бойся. Никаких явлений или проявлений, — сказал Всеволод Полозов. — Мы решили пригласить к тебе телохранителя. Обещаю, ты его не увидишь, и даже не будешь знать, где он.

— Когда вы успели решить? — Марина подозрительно оглянулась на Владимира Полозова, доставшего мобильник.

— По дороге.

— Славик, привет, — Ворон поднёс аппарат к уху. — Прости друг, но нам опять нужна твоя помощь...

— Лорд, оставь эту игрушку. Я давно тут торчу и задание уже понял.

— Отлично, — Владимир Полозов сделал вид, что разговор по своему закончен.

— Будь спок! Кого смогу — разгоню, а коли что, примчусь к вам на всех парусах. Интересно посмотреть, чем у вас дело кончится.

Ворон воровато оглянулся на Марину. Женщина в его сторону не смотрела, и он рискнул ответить любопытному призраку вслух.

— Не боишься, что долго ждать придётся? Мафия ведь бессмертна.

— Подожду! Я как был «перекати-поле», так и остался! — хохотнул блазень. — Ты двигай к братану, провожайте свою дамочку. А как свалите, я за ней во все глаза смотреть буду.

— Не переусердствуй, а то живо лишнюю информацию поотрываю!

Призрак выдал нечто вроде «гы-гы», — видимо, это означало смех, — и утонул в кирпичной стене здания.

* * *

В отсутствие старших Полозовых дома всё было спокойно, о чём периодически сообщал Дед. Однако возле самых ворот близнецы уловили испуг Лиса.

— Беляк ваш звонит, — пояснил визуально объявившийся болотник.

— Чего ещё ему понадобилось? — буркнул Ворон.

Лис на поставленный вопрос лишь нервно дёрнул плечами.

— Велел передать, чтобы ты лично с ним связался. Голос вроде бы казался весёлым.

— Ладно, свяжусь. Но после душа, — Ворон скинул влажную рубашку, критично поморщился на грязный воротничок и ушёл в недра дома.

— Парит. Гроза собирается, — тихо сказал Лис.

— Всё нормально будет, малыш, — произнёс Тур. — Завтра отвезём Марину на турбазу, и всё будет нормально.

Неясная тревога осталась висеть в гостиной вместе с тяжёлыми па-рами вязкого горячего воздуха.

С Беляковым Владимир Полозов разговаривал по сотовой связи из своей спальни. Первые фразы звучали обыденно, посему он не счёл нужным прервать более актуальное занятие — интенсивное растирание полотенцем мокрой шевелюры. Тур зашёл к близнецу, когда тембр разговора изменился.

— Слушай, Беляков, у меня без твоих прибабахов дел полно... Да ну тебя. Отмечайте свои сделки сами. Я тут при чём?..

Скомканное полотенце сползло с тахты на пол. Тур встал перед братом бледный и неподвижный, как ледяная скала.

— Говорю тебе — некогда! — Владимир Полозов сыграл раздражение. — Чего я испугался?.. Ща тебе!

Он поднял отчаянный взгляд на Тура. Тот кивнул, мол, всё слышу. Беляков действительно зазывал хакера на «победную вечеринку» и обещал «познакомить с нужными людьми». Отказ вынудил дельца выбросить козырную карту.

— Лорд, не подводи меня, пожалуйста, — Беляков сменил пластинку. — Я обещал им, что ты будешь у меня. Понимаешь? Они тебя хотят в первую очередь, а не мою фирму. Удружи, а? Ты ж хороший парень.

Ворон закусил ус. Тур низко опустил голову.

— Ладно. Уговорил, — согласился Владимир Полозов. — Через два часа буду... Ничего. Коли я им так нужен, подождут!

Он с силой вдавил кнопку сброса и уронил руку, сжимающую мобильник.

— Чёрт подери.

— Это похоже на ловушку, — медленно произнёс Тур.

— Знаю.

Ворон рывком встал с тахты, кинул аппарат на тумбочку и подошёл к открытому окну.

— Вместе поедем.

— Разумеется, — Ворон упёрся ладонями в подоконник. — Но тебе там делать нечего. Поэтому на дачу Беяка я войду один.

Тур встал рядом с братом.

— У нас есть полтора часа. Давай для начала успокоимся и проиграем возможные сценарии. Я уверен, что по факту дело окажется не настолько дрянным, как кажется с первого взгляда.

* * *

Оттремела гроза. Ливень сменился затяжным дождём, и теперь тяжёлые капли отбивали по крыше заунывный однообразный марш. В полутьме тоскливо заскулила чёрная овчарка. Мокрый нос ткнулся в неподвижную кисть. Лис встрепенулся, опустил пальцы в густую жёсткую шерсть и опять принялся гладить собаку.

— Лис, ты это, чуешь что-нибудь? — позвал Дед из самого тёмного угла комнаты.

— Ничего я не чую. Ни настоящего, ни будущего. Они друг на друга замкнулись... — юноша прижался лбом к руке, лежащей на столе.

— А как там Переход? — нерешительно спросил болотник.

— Уже закрыт. Я не знаю, с какой они стороны... Нельзя ему было соваться к Беякову! Зачем они поехали?!

— Ты это, сынок, погоди ещё. Вот увидишь, вернутся. Они ж непро-

стые, ядрён-батон! Они ж, это, ... вы ж, это, тама второй раз рождены!

Собираясь на беляковскую вечеринку, Ворон выглядел беззаботным. «Не будем дуть на воду, когда обожглись на молоке, — непонятно к чему сообщил он Лису. — Беляк не станет устраивать перестрелки на собственной даче. Просто он собирается кому-то меня представить». В ответ Лис выдал всё, что думает по поводу Беляка, его поступков и решения старших братьев. Выдал громко, поскольку, кроме децибел, никаких других аргументов не имел. Узнав, что близнецы отправляются на встречу на двух машинах, одна из которых — новенькая не зарегистрированная «Лада» с транзитными номерами, Лис на несколько минут впал в полный ступор. За это время ему клятвенно пообещали вернуться до полуночи целыми и невредимыми, дали указания по поводу овчарки, которую не следовало выпускать на двор без присмотра, пошутили на тему «лисьего столбняка» и посоветовали пораньше лечь спать. Выходя из дома, Ворон хлопнул его по плечу, Тур потрепал по голове. Дверь закрылась. Две машины выехали за ворота.

А после, спустя два или три часа, в близком, но неведомом пространстве распахнулись и сомкнулись другие врата. Те, через которые человек проходит лишь однажды...

* * *

Компания, пьянствующая на даче Белякова, состояла из пяти особей мужского пола и двух — женского. Владимир Полозов отметил про себя, что сборище «в кайф» только для девиц, подцепленных, видимо, на ближайшей панели. Никаких столичных гостей не было вовсе. Беляк объяснил — опаздывают.

— Час жду, потом сматываю, — заявил ему хакер.

Беляк, не в меру весёлый, дружески похлопал его по спине и произнёс витиеватую речь о необходимости расслабиться после тяжёлой работы.

Пили в основном коньяк. Кто-то курил «травку», от духа которой даже у Ворона отяжелела голова. На всю округу гремела дурацкая музыка. Одна из девиц, скинув блузку и лиф, вскочила на стол и принялась трясти всеми частями тела. Своеобразный танец послужил хорошим катализатором. Компания грохнула восторженным ором, и едва не заглохшая вечеринка пошла на новый круг.

Ворон ждал развязки. Он успел оценить стрелковые и рукопашные качества двух развязных «пацанов» и решил про себя, что с этими справится без особых усилий. Если, конечно, рядом не прячется ещё парочка таких же, только трезвых. Тогда останется надеяться на ско-

рость БМВ и меткость брата. Тур находился в машине на съезде с шоссе в нескольких километрах от дачной зоны. При нём был пистолет. А также документы и мобильник Владимира Полозова. Ворон до сих пор не понимал, что заставило его в последний момент передать своё портмоне близнецу. Теперь «Лада» и её водитель оказались полностью обезличенными.

Час истёк. Владимир Полозов красноречиво показал Белякову на циферблат.

— Где твои москвичи?

— Застряли где-нибудь в пробке! — Беляк наполнил рюмку гостя. — Куда торопиться! Подождём.

— На случай «пробки» есть сотовый и набор слов для разъяснения ситуации, — огрызнулся Ворон.

От обилия коньяка его слегка качало.

Осторожнее!

Ворон уловил предупреждение близнеца.

— Лорд, ты куда собрался? — услышал Владимир Полозов оклик Белякова и с удивлением обнаружил, что на автопилоте идёт в направлении открытой террасы.

— Прогуляюсь, — бросил он за спину.

Он вышел под дождь и яростно потрянул головой. В ушах гулко ухнуло, но сознание полностью прояснилось.

«От трёх бутылок водки без закуски я оставался чист, как стёклышко, — медленно прорисовалось в уме. — Здесь — десять рюмок коньяка... Что-то подмешали. Ждут, когда свалюсь».

Возникла дилемма: разыграть обморок и выяснить истинные планы толстощёкого воротилы или сделать ноги немедленно.

Убирайся оттуда!

Таково было однозначное мнение Тура.

— Ты прав, близняшка, — прошептал Ворон и быстро пошёл к машине.

— Э, Лорд!

Он круто развернулся.

— Я сказал, Беляк, жду час. Прошло уже час ноль девять. До следующих встреч. Не скучай.

— Куда, ё...! Я тя такого не пущу, — разнеслось над палисадником.

Ворон вышел за калитку, открыл машину и сел за руль.

Следом чавкали тяжёлые шаги.

— Лорд, ты ж пьяный, — Беляк расплылся в идиотской улыбке.

— И что? — Владимир Полозов недобро глянул на хозяина дачи.
— Никуда не поедешь такой. Вылезай.
Грубо сделанная мина заботы вызвала у Ворона едкую усмешку.
— Хакера потерять боишься?
— Ещё бы! Впечататься в столб, что я твоему братану скажу?
— Как мило с твоей стороны, — Ворон вставил ключ в гнездо зажигания. — А что ж ты тогда мне снотворное в рюмку подсыпал?
Беляк шархнулся назад от неожиданности. Глаза-щёлочки отчаянно забегали.
— Твои москвичи — полная лажа, — спокойно продолжал Владимир Полозов. — Что ты от меня хотел?
— Ну ты... ты... пойдём-ка, поболтаем, — Беляков поёжился под дождём и сделал движение в сторону деревянного строения, сотрясающегося от грохота динамиков.
— Мне и здесь удобно слушать.
Ворон показал на уютный сухой салон автомобиля.
Беляк уцепился за штакетник калитки. Щёки его побагровели.
— Падла ты, Лорд, — выплюнул он. — Сколько тебе там заплатили?
— Где? — откровенно удивился хакер.
— Да я... — Беляк захлебнулся, — я из тебя...
Ворон завёл мотор.
— Я тебя из-под земли... Я тебя с того света достану! — бухнул рассвирепевший делец.
Ворон расхохотался.
— Милости просим! С удовольствием дорожку покажу.
И снял очки.
Физиономия Белякова вытянулась по вертикали. Из-за дождевой ряби на него смотрело мёртвое ничто. Толстяк попятился. В зеркале машины мелькнул уличный фонарь, выхвативший из темноты отчётливые очертания гроба, стоящего во дворе.
«Лада» с рыком рванулась с места.

Посмеиваясь себе под нос, Ворон вырулил на шоссе. Мокрая трасса не располагала к высоким скоростям, к тому же необъезженный автомобиль не годился и в покрышки заслуженному, многократно битому БМВ. Поэтому Владимир Полозов не торопился. Беляка он пугнул достаточно хорошо, и...

В зеркале заднего обзора показалась стремительно приближающаяся автомашина.

«Недооценил», — мелькнуло у Ворона.

Машина-преследователь во мгновение ока поравнялась с «Ладой» и резко вильнула влево. Ворон успел вывернуть руль, с трудом удержал автомобиль на трассе и втопил газ. Пока «Лада» набирала обороты, преследователь опять пошёл на обгон. Иномарка была значительно тяжелее ВАЗа, следовательно, исполнителям Беяка ничего не стоило подрезать Ворона так, чтобы «Лада» улетела в кювет, на беду — глубокий. Единственным спасением в сложившихся условиях являлась скорость.

Ворон выжал сто двадцать.

Преследователь нагонял.

Сто сорок.

Показалось, ещё немного, и «Лада» оторвётся от асфальта, как самолёт на взлёте. Рулевое колесо вибрировало, стиснутое мёртвой хваткой. Поворот, где ждал брата Тур, давно остался позади.

Из дождевого сумрака вспыхнул синий фосфоресцирующий знак развилки. Московская окружная. Впереди пункт ГИБДД. За доли секунды Ворон принял решение.

Отчаянно завизжали тормоза. «Ладу» крутануло и выкинуло на встречную полосу. Иномарка проскочила мимо. Колёса заклинило. Ворон, сжав зубы, выкручивал руль до тех пор, пока несчастная машина не взвыла от натуги.

Взревел двигатель. Преследователь начал манёвр разворота, но на встречной полосе появился одинокий Камаз. Ворон успел убраться с его дороги и направил машину прямо к постовой будке. Иномарка помчалась наперерез. Владимир Полозов с опозданием заметил, что ни одного «гаишника» в обозримом пространстве нет.

— Где вас черти носят, когда вы нужны! — процедил он сквозь зубы.

Ничего не оставалось, как гнать к городу. Авось повезёт, и он успеет выбраться в оживлённую местность.

Десятый час ночи, пятница, дождь, — подсказала бесстрастная логика. — Все, кому не сидится дома, уже разъехались по дачам, гостям и рыбалкам.

Машину встряхнуло на колдобине. Да так, что водитель едва удержал руль. В иномарке врубили дальний свет, и «Лада» оказалась поймана в луч, как когда-то призрак Паша.

— Дурацкое сравнение, — буркнул Ворон. — Чёрт тебя дери!

Скорость держалась около ста сорока, а инертность управления на-

растала. Что-то случилось с задним мостом, и теперь ВАЗ мотало по всей полосе, будто осенний лист на ветру. Иномарка приблизилась вплотную, а впереди мелькнул знак, предупреждающий о дорожных работах и необходимости объезда.

Отбойник. Виадук над узкоколейкой. Мокрое шоссе.

«Лис это видел», — взорвалось в сознании.

Удар в заднее левое крыло вышвырнул машину на высокое ограждение тротуара. Колёса оторвались от земли. Мелькнули железные прутья решётки, небо, тучи и, как прощальный салют, осколки стекла, осыпающиеся на чёрные рельсы.

Тьма.

Сознание разрывается на миллионы крошечных крупинок и стремительно падает в бездну...

* * *

Ворон!!

Огромный огненный змей, оседлав собственный хвост, пронёсся над макушками сосен. Небо прорезала белая молния. Ударил гром...

Ворон. Вернись. Пожалуйста, вернись!

По виску и щеке скользнула горячая знакомая ладонь.

Тур?

— Ворон, открой глаза. Всё в порядке. Ну же, близняшка!

Рука, прижимавшая висок, дрожала в такт торопливой ритмичной дроби, источник которой сознание не определило.

— Тур...

Звук сорвался с приоткрытых губ.

— Ворон, очнись, слышишь? Ты невредим. Открой глаза... Молодец.

Тепло коснулось шеи, поползло на плечи и грудь, добралось до лёгких. Он судорожно вдохнул. Сквозь мутные тени проступил бледный лик.

— Тур, что?..

— У тебя шок. В остальном — полный порядок.

Ворон неожиданно осознал природу ритмичной дроби, эхом отзвывавшейся в ушах. Это билось сердце брата.

Он попробовал привстать, но тело словно заledenело. Лишь неохотно подчинилась шея, и голова, медленно обретавшая чувствительность, упёрлась в грудь близнеца.

— Шевелись, — распорядился Тур. — Руки чувствуешь?.. Хорошо. Вспоминай, как двигаться.

— Холодно, — выговорил Ворон.

— Я знаю, близняшка, — шепнул ему брат. — Терпи. Скоро пройдёт. Расправь плечи. Напряги спину... Не торопись. Всё будет хорошо. Теперь бёдра... Ноги...

Ворон краем глаза заметил, как сгибается его собственное колено. Спустя секунду жар прокатился по голеням и окутал ступни.

Мышцы свело. Ворон услышал свой стон, больше похожий на слабый крик. В глазах рассыпались искры, и вдруг окружающая среда одним махом собралась в единое целое из тысяч кусочков разноцветной мозаики.

— Я живой, — выдавил Ворон и посмотрел на близнеца.

Тур на секунду прикрыл глаза, как будто в знак согласия.

— Лежи пока.

Он аккуратно придержал вялое, едва ожившее тело и вновь опустил ладонь на щеку и висок. Ворон, наконец, сообразил, что брат держит его на руках и попутно контролирует пульс.

Виадук. Отбойник. Кувырок над землёй и неизбежное падение.

Память мгновенно отрезвила сонный рассудок. Ворон разглядел тёмные макушки сосен над головой, отблеск электрического света в дорожной луже и распахнутые дверцы БМВ.

— Тур, где мы? — он напрягся, намереваясь принять относительно вертикальное положение.

— Лежи, — обронил брат. — Потом.

Сжатый голос и торопливое дыхание. Ворон почувствовал, как близнец борется с судорогой, похожей на ту, которая заставила его самого в голос стонать от непривычной холодной боли.

— Тур, что с тобой? — отчаянная догадка промчалась по спине россыпью обжигающих мурашек. — Где ты был?

Ворон сумел упереться рукой в землю, сел и, наконец, рассмотрел неподвижное, словно восковое лицо.

— Брат!

Тур с силой зажмурился. Оцепенение сползло на нет.

Вспыхнувший взор ворвался в лабиринты сознания.

— Тур, где ты был? — медленно повторил Ворон.

— Я успел к тебе через Переход, — тихо ответил он и посмотрел вдаль, на огни фонарей, обозначающие шоссе. — Я понял, что произойдёт, когда увидел «Ладу», несущуюся мимо. Отъехал подальше, подготовился и стал ждать момент. Всё получилось почти так же, как с пулей, летящей в Лиса.

Ворон качнул головой.

— Стоп. Минутку. Ты ждал здесь или *там*?

Тур вздохнул.

— *Там*. Ворон, и давай обойдёмся без душещипательных откровений. Мы оба здесь, и оба живые. Насчёт последнего — не сомневайся, — он сдержанно улыбнулся. — Заявляю профессионально. Как врач.

— Спасибо, успокоил, — Ворон вытер лицо ладонью, стряхнул дождевые капли и, прищурясь, посмотрел на небо. — Тур, только честно: ты меня мёртвым оттуда достал?

— Судя по твоим ощущениям — да.

Он тяжело поднялся на ноги и протянул близнецу руку.

— Перебирайся в машину. Мы обещали Лису вернуться до полуночи.

* * *

Бесшумно подъехал к гаражу грязный тёмно-синий БМВ. Едва слышно пискнул кодовый замок, лязгнули ворота. Почувяв хозяев, овчарка опрометью кинулась по коридору в левое крыло дома и принялась царапать внутреннюю дверь.

— Идём, Галка, идём, — раздалось из гаража.

— Сейчас опять обивку обдерёт.

Будничное возвращение домой старших Полозовых первым обнаружил Дед. Возник в сумраке коридора и облегчённо ухнул:

— Оп-паньки. Явились. Целые!

— Привет, Дед, — Ворон походя хлопнул его по невещественному плечу.

Но Тур насторожился.

— А как мы могли явиться «нецелые»?

— Ну-у это, как нецелые, — смутился призрак. — Как опосля аварии. Тута Лис, это...

Ворон шумно выдохнул воздух.

— Усёк Переход.

И, на ходу снимая до нитки мокрый пиджак, побежал на второй этаж в комнату младшего брата.

— Он это, не буди, спит, — заторопился призрак. Он следовал за Вороном и одновременно оставался в коридоре перед Туром. — Уснуть я ему помог. Перенервничал парень.

— Ещё бы, — Тур вздохнул точно так же, как только что его близнец.

Дед сгустился на нижней ступени лестницы подле собаки. Галатея, не получившая ожидаемого внимания, недоуменно виляла хвостом

вслед хозяевам.

— Что, Галка, забыли про тебя? — болотник усмехнулся в усы. — Не сердись. Эва, как к братцу кинулись. Проняло, видать. Поняли, каково ему весь день ждалось... Тьфу. И я-то перетрусил, ядрён-батон. Э-эх, была б тута Кикимора...

Дед растворился, а два грязных пиджака медленно поплыли вдоль стены в направлении домашней прачечной.

Лис спал, распластавшись на столе перед монитором, на который камеры слежения транслировали приблизительно одну и ту же тёмную дождливую картинку.

Ворон присел возле спящего и бережно сжал руку, лежащую на колене.

— Лис, — позвал он, заглянув в бледное лицо юноши. — Лис, мы дома.

Тот приподнял голову.

— А?

Увидел брата, несколько секунд соображал, и вдруг ни с того ни с сего в ужасе вскочил. Опрокинул кресло, споткнулся и был подхвачен Туром, оказавшимся позади.

— Лис, что с тобой? — не на шутку испугался Ворон.

Тур развернул юношу к себе лицом и ощутимо встряхнул.

— Лис, посмотри на меня!

Безумный рыжий взгляд медленно перетёк с одного брата на другого.

— Я... я думал... — выцедил из себя юноша.

— Он думал, что мы уже в информационной ипостаси, — «перевёл» Тур и похлопал Лиса по щеке. — Малыш, проснись.

Плечи Лиса обмякли, а бледные щёки приобрели багровый оттенок.

— Братцы. Мне, наверное, что-то приснилось.

Ворон выпрямился, попытался сдуть со лба влажный локон и, не добившись результата, пятернёй закинул чёлку в копну волос.

— Не надо нас так пугать, — предупредил он. — Мне показалось, что у тебя съехала крыша после всех этих... Короче, ну и денёк!

— Прости нас, братишка, — произнёс Тур.

Лис подозрительно покосился на Ворона, вставшего возле окна, на Тура, с трудом сохранявшего самообладание, и осторожно спросил:

— Вы чего? Что случилось-то?

— Всё, что ты видел, Гамаюн, — признался Тур.

— Переход тебе не приснился, — таким же тоном подхватил Ворон, не оборачиваясь.

Лис открыл рот, подумал и спросил:

— Значит, вы до того берега и обратно?

Оба вздрогнули. Фраза, частенько звучавшая применительно к Тверце, предстала в ином контексте.

— До отцовского берега мы не доплыли, — ответил Ворон и вопросительно посмотрел на Тура.

Лис по-лисьи встряхнулся, будто сбросил с себя остатки тревог.

— Конечно, не доплыли, — ответил он на собственный вопрос. — Два раза не умирают. Ладно, надеюсь, Беляк вычеркнул вас обоих, и можно жить спокойно.

— Только меня, — отозвался Ворон. — И, кстати, не надолго. Завтра же выяснится, что в разбитой машине не было водителя.

— Машина сгорела, — уверенно сообщил Лис. — Я *видел* огненный дым над виадуком. Номера транзитные, а они из толстой бумаги. Следовательно, милиция вообще не будет знать, кому принадлежал автомобиль. А Беляк не станет читать сводки происшествий. Ну как, кофе пить пойдёте? По-моему, на сегодня приключений хватит, а?

В гостиной очнулись часы. Глухо щёлкнула акустическая система, и мерный музыкальный бой возвестил о начале следующих суток.

День двадцать девятый

Ворон не разделял позицию младшего брата в отношении Белякова, но вынужден был согласиться с разумным предложением Тура. Сопровождать Марину на турбазу ему не следовало. Ближайшее время никто не должен видеть близнецов вместе.

Около часа ночи Тур позвонил Марине домой, сообщил, что никаких препятствий для поездки нет, и ровно в семь Полозовы будут ждать её возле подъезда. Однако он не расшифровал «мы». Ворон представил себе испуг женщины, когда она увидит в машине не Всеволода и Владимира, а Всеволода и Бориса Полозовых. Тур ожидал от брата продолжения спора. Но Ворон отступил подозрительно быстро.

— Пару перчаток мне оставь, — посмеялся он, направляясь в спальню. — Если Белякову вздумается заслать к нам «проверяющих», я с удовольствием представлюсь доктором Полозовым.

— Хорошо бы нам при этом какого-нибудь подстреленного не

привезли, — хмуро усмехнулся Тур.

— Не накликай!

И Ворон ушёл.

Заснул он лишь под утро, когда за окном забрезжил рассвет. На полтора часа окунулся в глубокий сон и открыл глаза так, будто бодрствовал всю ночь. Ночная идея дежурила у изголовья. Ворон слегка удивился: он никогда не считал себя мстительным человеком. Но вчерашние события прямо-таки впихнули ему мысль о необходимости расквитаться с Беляковым. За брата-близнеца, который, невзирая на смертельный риск, оставил этот свет, чтобы спасти его от неминуемой гибели. За младшего брата, пережившего много неприятных минут, пока старшие находились между двумя берегами. За Марину, чья тихая размеренная жизнь в один момент была выбита с накатанных рельсов волной жёсткой реальности. За незаметную деревеньку, вдруг превратившуюся в маленький Чапаевск, и за её жителей, ставших жертвами ярких дармовых красок. И даже за прокурора, вынужденную пойти на компромисс с совестью ради своих детей.

Ворон представил «спящий» компьютер в серверной, клавиатуру, мышь, и у него зазудели пальцы. Когда братья уедут, он займётся Беляком со всем хакерским рвением. Материала достаточно. Беляк понятия не имеет, насколько хорошо Владимир Полозов знает его «моечные» каналы. Из водопроводного крана струится холодная вода. Холодные руки.

Ворон вздрогнул.

Тур стоит перед зеркалом. Растерянный. Встревоженный. Расчёска замерла в густых волосах.

Ворон вскочил и, не утруждая себя поиском одежды, босиком вышел в коридор.

Тур стоял перед зеркалом в ванной комнате. Дверь, естественно, была не заперта, поэтому Ворон шагнул вовнутрь без зазрения совести. Тур опустил расчёску, как бы предоставляя брату максимум обзора.

Ворон в первый момент не понял, что означает не то грустный, не то насмешливый взгляд, пойманный в зеркале. Он хотел было спросить вслух, к чему ведёт эта демонстрация, и вдруг заметил. На висках брата, там, где каштановые волосы плавно перетекали в чёрные бакенбарды, появился новый, увы, нерадостный цвет.

— Элегантно, — ляпнул Ворон и с досады закусил ус.

Тур обернулся к близнецу, повёл бровью. Ворон знал, что брат собирался сказать о потерянном стопроцентном сходстве, и тут выраже-

ние его лица изменилось. Ибо в зеркальной панели на боковой стене он заметил нечто, о чём близнец пока не подозревал

— Вдвойне, — открыто улыбнулся Тур.

Ворон схватился за висок. Нащупать седину он, разумеется, не мог, зато зеркало моментально представило доказательства её существования.

— Отец оставил свою метку, — констатировал Ворон без тени сожаления.

— И подтвердил, — Тур зачесал волосы и отложил расчёску на полку, — ничто человеческое, как говорится, нам не чуждо.

— Ладно, хоть не на всю голову. Это, надеюсь, Марина не заметит.

Тур и Лис уехали. Ворон проводил их до порога, ещё раз пообещал близнецу вести себя крайне аккуратно и напрямик направился в серверную. Идея витала в воздухе в виде фантома и конкретных очертаний пока не имела. Чтобы придать ей материальность, Владимир Полозов поочерёдно открыл в «окнах» все файлы, так или иначе относящиеся к объекту внимания, закурил и принялся размышлять.

Нечего было и думать о том, чтобы влезть в электронную сеть, через которую осуществляются финансовые операции. На руках имелись несколько сетевых адресов банковских компьютеров, но ни один из них не являлся площадкой для транзита платежей. Секретность денежных переводов банки обеспечивали надёжно, и делать ставку на ротозейство системных администраторов не приходилось.

Зато хакер располагал солидным списком номеров счетов и реквизитов фирм, принадлежащих Белякову. В качестве иллюстрации прилагалась коллекция платёжных поручений и расходных ордеров.

Владимир Полозов вышел в Интернет и прощупал офисный компьютер неприятеля. Беляков не подозревал, какого волка запустил в свою овчарню, когда обратился к Лорду с просьбой настроить в центральном офисе локальную сеть. Программа-резидент не откликнулась. Не удивительно: суббота, 6:50 утра.

— Вряд ли он сегодня пойдёт в офис, — буркнул Ворон. — И ещё менее вероятно, что включит модем.

Тупик.

Владимир Полозов знал беляковские компьютеры, как свои пять пальцев, однако добраться до содержимого дисков при всём желании не мог.

Появилась мысль задействовать Славика: вызвать, подробнейшим

образом обрисовать внутренности офиса и заслать туда с заданием включить аппаратуру. Он даже взялся за мобильник Тура — для пущей страховки близнецы поменялись сотовыми. Но, подержав телефон в руке, Ворон с досадой бросил его на стол. Какой смысл копаться в записях баз данных, когда любая финансовая операция закрепляется бумажкой и подписью и окончательно завершается только походом в банк бухгалтера фирмы.

Ворон мерил серверную шагами минут двадцать. Ничего нового в голову не шло, но ощущение близости решения не покидало. Причём два недостижимых для хакера объекта: «бумажка» и «подпись» — упорно маячили на горизонте.

Лучший способ обнаружить решение — сделать вид, что задача уже никого не интересует. Ворон неоднократно пользовался этим методом. Он ревностно занялся изучением почты, оставив без внимания локальный рабочий компьютер.

Насущная проблема быстро вылезла на первый план: «жучок», установленный на станции сотовой связи, переправил новую порцию переговоров Белякова, причём последний состоялся всего четверть часа назад. «Беляк, ты чуешь... в каком... ты увяз? — не выбирая выражений, вещал хриплый высокий голос. Слышно было, как Беляков пыхтит в микрофон, но слов разобрать не удалось. — Сегодня вернёшь мне всё с процентами...» — опять включился его собеседник. Беляков возражал, оправдывался и обещал отгрузить товар в понедельник. В ответ последовало длинное выступление, нашпигованное жаргоном, и весьма конкретное упоминание «органов». Ворон уяснил для себя, что речь идёт о возможном аресте счетов и конфискации имущества фирмы.

Пока Владимир Полозов прослушивал цифровую запись, почтовая программа сообщила о новой посылке. Это был ещё один звонок Белякова. Файл скачался быстро, поскольку разговор уложился в несколько секунд. Беляк позвонил своему главбуху и потребовал его присутствия в офисе ровно в девять утра.

— Платежи собрался отправлять, — пробормотал Ворон.

И тут фантомная идея явилась хакеру во плоти: чёткая, логичная и реально реализуемая. Лицо Ворона просветлело, а в глазах поднялась мрачная холодная бездна.

— Ну что, Беляков, сыграем в интересную игру? — процедил он сквозь зубы.

Оттолкнулся от стола, вместе с креслом подъехал к рабочему компьютеру и посмотрел на часы. Беляк с минуты на минуту помчится

в офис. Значит, в распоряжении программиста не более получаса.
Ворон отбросил со лба волосы и опустил пальцы на клавиатуру...
Десять минут.
Отладка... Ошибка. Номер строки.
Исправлено.
Отладка... Ошибка...
— Плохо. Тороплюсь, — он выловил несколько собственных ляпсусов.
Пятнадцать минут.
Отладка... Завершено.
— Чисто, — Ворон на секунду расслабился. — Где ты там, Беляк?
Электронный резидент пока не дал о себе знать. Но как только Беляков выйдет в Интернет, маячок не замедлит сообщить о соединении.
Программист вернулся к своей работе.
Модуль анализа счёта готов. Теперь предстоит быстро написать процедуру подмены платёжного документа в процессе печати.
Полоснуло: нет реквизитов *нового* получателя!
Ворон выругался и метнулся к терминалу, подключённому в Интернет. Окно браузера. Поисковая строка...
Двадцать минут.
Владимир Полозов лихорадочно набирает двадцатизначные номера счетов и длиннющие цепочки платёжных реквизитов. Эти строки автоматической проверке не поддаются. Это просто данные, которые программа вставит на отведённое в распечатке место. Ошибёшься в одной единственной цифре, и банк не примет платёж. А значит, вся авантюра рухнет, как картонный домик.
Двадцать пять минут.
Ещё одна визуальная проверка набора. Пора компилировать. Беляк обязательно включит модем, но всего на несколько минут, чтобы проверить почту. Нужно успеть.
Тридцать одна минута.
«Диверсант» готов к выброске. Готово всё. Но соединения нет.
Тридцать три минуты...
— Неужели ты ещё не доехал? — Ворон пристально следит за экраном. Сигнал от «резидента» не поступал.
Сорок минут.
Струйка сигаретного дыма вьётся над монитором.
— Подключайся. Ты же всегда первым делом читаешь «мыла»...
Часы в гостиной просигналили восемь утра.

Ворон прижал окурок в пепельнице.

«Послать ему сообщение на мобильник о якобы важном письме? Заподозрит. Ничего серьёзного по почте я ему закинуть не смогу... Хотя, почему заподозрит? Ведь я в его представлении — покойник... Нет. Рискованно. Сам должен вылезти в Интернет. Обязан!»

Пискнул динамик.

— Есть! — хакер победно потрянул в воздухе кулаком. — Привет, Беляк.

Ворон вышел на крыльцо. Голова гудела от напряжения, но болевых ощущений не было. Лишь перед глазами продолжали мелькать строки компьютерных команд.

— Не заметит. Подпишет, — уверил себя Ворон. — Подмахнёт не глядя, как всегда. Благо на экране всё будет в порядке... Эх, проверить бы!

Запел сотовый в нагрудном кармане рубашки.

Ворон достал аппарат, привычно бросил взгляд на номер вызывающего и в первый миг вздрогнул: получалось, что он сам звонил себе.

— Тур, — Ворон вспомнил про обмен мобильниками и нажал «приём». — Я на месте, — сообщил он брату. — Нет, ничего особенного. Работал в сети... Вернёшься, расскажу... Полно тебе! Никаких шуточек. Всё вполне серьёзно... Тур, — он понизил голос до шёпота, — поверь мне. Как Марина?

Брат передал, что Марина восприняла отсутствие Владимира Полозова адекватно, о вчерашних событиях не подозревает и всеми силами старается воспринимать поездку как начало нормального отпуска.

— Поцелуй её за меня, — грустно улыбнулся Ворон.

Отключив связь, он задумчиво посмотрел на сотовый и открыл «записную книжку». В аппарате Тура номер Славика затерялся в конце списка. Ворон нашёл его не сразу, поскольку близнец имел обыкновенные скрупулёзно прописывать фамилии и инициалы абонентов.

— А я искал тебя совсем в другом месте, — объявил Славик, возникший возле старой осины.

— Не дождётся, — Ворон спустился к призраку. — Белякова помнишь?

— Как я туда пройду? Ты подумал?

— Разумеется, я подумал. Дорогу покажу прямо отсюда.

Блазень невольно попятился под напором неестественно глубокого взгляда.

— Лорд, ты себя нормально чувствуешь? — уточнил он.

— Я сказал: не дождёшься. Но кое-что, — глаза Ворона заволокло мёрзлым туманом, — *в процессе* я усвоил. Иди. То, что увидишь ты, буду знать я.

* * *

Тур молчал. Как ни старался Ворон представить события в весёлых красках, поднять настроение близнеца ему не удалось. Зато Лис с жадностью ловил каждое слово старшего брата.

— Беляков подписал? Просто взял и, не проверяя, подписал распечатки? — опять перебил юноша.

— Я на это и рассчитывал. Ведь его программа отработала корректно. Подмена пошла только на печать.

— А что главбух? Разве им не положено просматривать бумаги?

— Чёрт их знает. Может, и положено. Но Беляк ему так хвост накрутил, что парень поскорее поставил свою закорючку и помчался в банк. Привёз ответные выписки, Беляков их убрал в папку. И всё!

— А ты им мозги не полоскал? — Лис подозрительно заглянул Ворону в глаза.

— Говорю же вам — нет! — программист рассмеялся. — Тур, расслабься. Я его сделал на такую сумму! Если Славик не ошибся, получается, что Беляков хотел перевести практически все деньги фирмы на какие-то левые счета. Наверное, готовится делать ноги. Он лично проехал по трём банкам. Что-то обналичил, что-то перевёл на чеки. Но по сравнению с суммой, поступившей в общественные фонды в качестве «дара», его наличка — совершенный мизер!

— Ты не предполагал, что Беляк будет играть ва-банк? — сдержанно спросил Тур.

— В программе я предусмотрел весь известный мне перечень его счетов, — охотно пояснил Ворон, — но даже думать не мог, в какой степени моя идея сработает.

— Здорово! — искренне восхитился Лис. — Тур, но ведь здорово же?

Тур безо всякого оптимизма оглядел братьев.

— Когда Беляк узнает о своём крахе?

— Когда заглянет в почту, — Ворон хитро прищурился.

Тур понял, фитиль уже горит. И горит давно. А Ворон продолжал:

— Буквально за час до вашего приезда я состряпал благодарственные письма от имени Фондов в адрес дарителя. Кстати, приём заимствован из какого-то голливудского творения.

— Ну что ж, аплодисменты, — подытожил Тур. — А теперь давайте поставим себя на место Белякова. Кого он будет благодарить за

проделанную операцию? Голливуд?

— Тур, — Ворон начал злиться, — я для него уже труп. За сегодняшний день ему трое позвонили и осведомились о правоте слухов. Тебе в доказательство запись запустить?

— Спасибо, нет. Охотно верю. И всё же: что подумает Беляков? Распечатка не совпадает с данными в файлах. Я правильно понял? Вопрос: почему до субботы 19 июня программа работала правильно, а именно утром 19-го случился столь странный сбой? Как раз после покушения на жизнь хакера экстракласса, которому Беляков в своё время доверил настройку офисных компьютеров.

— Ты хочешь сказать, что Беляк заподозрит заранее подготовленную ловушку?.. Ладно, пусть заранее. Нам какая разница? Ведь Лорд разбился на машине.

— Тогда кто активизировал программу? — будто невзначай обронил Тур, вставая.

Полозовы разошлись по своим комнатам. Лис чувствовал, что Тур высказал далеко не всё по поводу рукоделия брата. Впрочем, решил юноша, сказанного было достаточно, чтобы испортить триумф Ворона и поднять между близнецами тонкую стену непонимания. Или же Тур не стал развивать свою мысль, дабы не расширять эту стену?

Лис прислушался к дому. Слева от его спальни располагалась комната Ворона, дальше общий кабинет близнецов и комната Тура. Голоса доносились слабо, из чего Лис заключил, что старшие братья продолжают разговор в кабинете. Вероятно, речь шла о Марине, поскольку ни малейшей напряжённости он не заметил. С этими мыслями юноша заснул.

Резкая трель сотового взорвала сигаретно-кофейную тишину.

— Мой, — Тур потянулся за аппаратом, увидел номер вызывающего на дисплее и мрачно сдвинул брови. — Беляк звонит.

— Ответь, — попросил Ворон. — Посмотрим, как там его самочувствие.

Тур неохотно нажал «приём» и поднёс аппарат к уху.

— Полозов. Слушаю.

Ворон придвинулся к брату.

— Всеволод? — вопросительно прозвучало в динамике.

Тур вовремя вспомнил свою роль и ответил максимально скорбно.

— Да.

— До меня слухи дошли... — Беляк нервно запыхтел. — В общем,

ещё утром сказали...

— Что тебе надо, Беляков?

— Слушай, Док, прими соболезнования. Я ведь... Можно сказать, я тоже виноват. Он пьяный от меня уехал.

— Это всё?

— Нет. Подожди, не отключайся, — заторопился Беляков. — Он у меня очки... очки забыл. И я ему должен был. Понимаешь? Чек подписать не успел.

Ворон беззвучно хмыкнул.

— И что? — бесцветно спросил Тур.

— Слушай, я заеду к тебе. Привезу.

— Не сейчас.

— Нет, погоди, — пыхтение участилось. — Мне кое-что выяснить надо. Ну, заеду, слушай. Через полчаса буду.

— Я сказал: не сегодня!

Тур хорошо вошёл в роль. Его голос вполне естественно дрогнул, сжатый наигранными эмоциями.

— Док. Я уезжаю. Надолго. Не хочешь гостей принимать, понимаю. Тогда давай просто встретимся. Где-нибудь так, чтобы тебе далеко не ехать. Меня пойми. Твой брат мне другом был. И вот такое... Мы договориться не успели, я чек не успел отдать. Слушай, приезжай. Десять минут, и разбежимся.

— Я перезвоню.

Тур нажал кнопку сброса.

— Уф, — выдохнул Ворон и прокомментировал. — Врёт уверенно. Но вопрос какой-то, похоже, у него есть, — он придирчиво осмотрел выключенные мониторы. — Давай так: назначь ему встречу на дороге и дай мне свои перчатки.

Тур не шелохнулся.

— Ты меня за кого принимаешь? Ещё раз отпустить тебя в зубы этому ополоумевшему убийце? Брат, извини, но тебя толкают на авантюры твои амбиции. Уймись. Завтра Беляк укатит ко всем чертям, мы пересидим пару дней «на карантине», и всё нормализуется.

— Никогда не оставляй врага в тылу. Беляк хоть и не авторитет, но и не «шестёрка». Я хочу сделать так, чтобы он не ударил нам в спину.

Щёлкнула дверная ручка, и на пороге появился заспанный Лис.

— Ну чего снова стряслось? — спросил он и смачно зевнул.

Близнецы молча смотрели друг на друга. Лис подавил второй зевок и встряхнулся.

— Эй, братцы, вы что, поругались?

— Ещё нет, — ответил Тур.

Лис был быстро введён в курс дела и на удивление Тура занял позицию Ворона.

— Пусть лучше Ворон его пробуравит взглядом! Нам всем будет гораздо спокойнее жить, когда Беляк окажется в психушке.

— Ладно. Решение большинства, — Тур взялся за сотовый.

Беляков схватил аппарат после второго «перепева».

— Поезжай по бежецкому шоссе, свернёшь на Глазково, — без предисловий заговорил Тур. — Буду ждать за поворотом на аэропорт при съезде к реке. Знаешь, где это?

Беляков рассыпался в благодарностях. Тур отключился, не дослушав.

— Я с вами, — предупредил Лис.

Близнецы не возражали, и юноша опрометью кинулся одеваться.

Когда он выскочил в гараж, старшие братья сидели в салоне БМВ. Оба на заднем сиденье. Лис занял место шофёра.

— У кого из вас пистолет? — спросил он в зеркало.

Один из Полозовых кивнул: мол, у меня. Лис недоуменно обернулся.

— Братцы, вас не различить, — слегка испуганно сообщил он.

— Очень хорошо, — ответил другой.

Лис с непростительным опозданием понял, что оружие — у Тура, а ответил Ворон. В сердце засвербела колючая нотка тревоги. Не повернуть ли, пока не поздно?

Машина выехала из гаража. Подкатила к воротам.

Ещё не поздно! — возопило чутьё.

Лис закусил губу и втопил газ. Дом остался позади в сгущающемся сумраке летнего вечера.

На место встречи Полозовы приехали первыми. Ворон вышел на обочину и медленно двинулся по шоссе в направлении города.

— Лис, разверни машину. Габаритные огни не включай, — тихо распорядился Тур.

Угрожающе клацнул предохранитель.

— Тур? — одними губами позвал Лис.

— Спокойно, малыш.

— Ты думаешь, он?.. — юноша поперхнулся остатком фразы.

— Я думаю, Беляков решил, что программу активизировал я. Как — для него значения не имеет. Соответственно, теперь он хочет любой

ценой отправить меня вслед за братом. На «заказ» у него нет ни времени, ни денег. Следовательно, он явится сюда сам с личными телохранителями, — бесстрастно ответил Тур. — Увы, Ворон этого не понимает.

Решение большинства. Лис моментально вспотел. Получалось, именно его недалёковидность повлекла за собой эту рискованную вылазку.

В зеркале заднего обзора вспыхнул свет фар. Автомобиль затормозил метрах в пятидесяти от БМВ там, где стоял Владимир Полозов.

Дверца открылась. Тур прицелился через заднее стекло.

На дорогу вылез рослый парень. За ним выкарабкался толстый Беляков. С другой стороны вышел ещё один молодец, и все трое направились к Ворону, неподвижно стоящему на противоположной обочине.

Тур опустил пистолет.

— Лис, кто-нибудь остался в машине? — вполголоса спросил он, не отрывая взгляда от подозрительной компании.

Юноша навострил уши.

— Нет... Нет, никого.

— Это уже лучше.

Беляк тем временем увлёк «доктора» Полозова на узенький просёлок, спускающийся к Тверце. Два «пацана» двигались сзади, соблюдая дистанцию.

— А вот это плохо, — прокомментировал Тур. — Оставайся здесь, Лис.

Он бесшумно открыл дверцу и, пригнувшись, встал под прикрытием машины. Дождавшись, когда четверо скроются за редкими деревьями, Тур быстро пересёк шоссе и исчез в перелеске.

Сердце Лиса принялось отбивать барабанную дробь. Много бы он дал сейчас за то, чтобы сегодняшнее мероприятие превратилось в «игры с фанерками», как окрестил полозовскую забаву Дед. Вспомнив последнюю «полосу препятствий» в спортзале, Лис похолодел.

Кровь на белых простынях.

— О, нет! — Лис отпрянул от зеркала.

Что делать? Бежать к братьям? Рвануть туда прямо на БМВ?

Гулко хлопнул выстрел.

Второй, третий, четвёртый.

Тур!!

Пятый.

Лиса вышибло из машины, как пробку из бутылки. Не заботясь ни

о секрете, ни о безопасности, он ринулся в перелесок.

— Давай короче, Беляков, — ловко подражая близнецу, обрубил Ворон.

— Понимаю, извини, — толстяк протянул «доктору» Полозову закрытое на «молнию» портмоне.

Ворон медленно протянул руку в чёрной перчатке и взял предмет.

— Хорошо, — он сделал движение, как будто намеревался уйти.

— Постой, док, — остановил Беляков. — Пара вопросов есть.

Ворону только этого и надо было. Он, продолжая изображать печаль глобального масштаба, внимательно глянул в глаза красномордого фирмача.

— Слушай, тебе брат ничего про Бера не рассказывал?

— Он сдал тебе этот заказ.

— Да-а, конечно... — Беляк почесал лоб, — но видишь ли...

Охранники поменяли дислокацию. Один выдвинулся вперёд и встал слева от шефа, другой зашёл справа. Таким образом, Ворон оказался «вершиной» мнимого равностороннего треугольника. Позиция не внушала оптимизма. Тем более, он отлично чувствовал все движения близнеца. Тур стоял в сумраке перелеска за большой сосной и держал «Р226» на изготовку. Однако на линии огня у него находился только «левый» Беляковский охранник. «Правого» фактически закрыл собой Ворон.

— Видишь ли, — продолжал Беляков. Тон его изменился в худшую сторону. — Он меня подставил. На очень большую сумму.

— Мой брат всегда работал честно, — отрезал «доктор» Полозов. — В отличие от некоторых.

Последнее он выдал в своей собственной манере. Беляков вздрогнул всем телом и непроизвольно отступил.

Ворон двинулся к нему, надеясь выйти из «пристрелочной» зоны, но оба «пацана» дружно переместились за собеседниками.

— Да-да, — мясистые щёки принялись отчётливо дрожать, — верно. С Бером всё было по договору.

— Тогда о какой подставе идёт речь?

Беляков перехватил ртом воздух и угрожающе оскалился.

— Сегодня утром кто-то поработал в моём компьютере.

— Сегодня утром его... уже не было, — тихо ответил «доктор» Полозов.

— А как насчёт тебя, док?

Подтекст просматривался невооружённым глазом, и Ворон наконец догадался, к какой мысли брат старательно подводил его на протяжении всего вечера и что он сам упрямо не желал увидеть. На лбу выступил холодный пот.

«Хорошо, что здесь стою я, а не он», — мелькнуло в голове.

Мордороты Беяка в трёх шагах слева и справа. Кажется, те самые, которые были вчера в машине-преследователе. Безусловно, вооружены. И безусловно, свою задачу отлично знают. Один на прицеле у Тура. Второго необходимо нейтрализовать самому.

— Куда ушли мои деньги, док? — оскалился Беяков.

Ворон пригладил бороду.

— А ведь забавно получилось, — под густыми чёрными бровями зародился недобрый огонь. — Ты перевёл средства фирмы в три фонда: защиты природы, пострадавшим от Чернобыля и в фонд защиты детей. Распечатал платёжки, подписал и отправил. И никто другой при этом на твоём компе не работал.

Физиономия Беякова судорожно перекосилась.

— Лорд?!

— Привет, Беяк.

Огонь вырвался на свободу и вспыхнул в сумраке спускающейся на землю ночи.

— А-а-а... — выдавил Беяков.

Левый охранник посчитал этот звук долгожданной командой. Из-под ремня вынырнул ствол. Но прежде, чем он вскинул оружие, прогремел выстрел. Пуля угодила точно в висок.

Не медля ни секунды, Ворон бросился на второго «пацана», перехватил его руку, выжал вверх и вдруг понял, что в этой руке оружия нет.

Левша! — взорвалась в сознании мысль брата.

Тело ощутило, как Тур спешно меняет позицию.

Ворон успел уклониться от удара в голову, и рукоять пистолета врезалась в ключицу. Контуженные мышцы на миг ослабли. Противник вырвался и дважды пальнул на авось в сумрак лесополосы.

Ворона облило холодом.

Грохнул третий выстрел. Пуля просвистела совсем рядом.

Ворон опомнился, поднырнул под руку стрелка, перехватил левую кисть и в падении сумел завалить его на себя. Опрокидываясь на спину вместе с несостоявшейся жертвой, неуклюжий дылда спустил курок.

Коротко визгнул Беяков.

Пистолет шлёпнулся в траву. Началась борьба «в партере». Весо-

вые категории у Ворона и шкафообразного охранника были явно разные, однако последнему не хватило ни сноровки, ни опыта. Минуты не прошло, как массивная шея оказалась намертво зажата между локтем и плечом противника. Жалобно хрустнули позвонки...

Ворон отполз от бездыханной груди мускулов, привстал и согнулся от близкой, но не своей боли.

— Тур!

Возле дерева промелькнула рыжая тень. Ворон побежал, но боль в животе тут же свалила с ног. Дважды упав на колени, он добрался-таки до перелеска.

— Расцепитесь! Расцепитесь немедленно! — прокричал Лис.

Тур сидел, прислонившись к сосне.

Ворон, не замечая младшего брата, в ужасе припал к близнецу.

— Расцепитесь! — гаркнул на него Лис и залепил оплеуху.

Подействовало.

Ворон шумно глубоко вздохнул. Тур, белый, как полотно, дышал часто и поверхностно. Но глаза его были открыты.

— Рану прижмите, — выговорил он. — Слева... подвздошная область...

Лис, хоть и не был силён в анатомии, среагировал первым. Тёмное пятно расплылось из-под ремня на рубашку, и юноша отчаянно придавил его скомканной курткой. Тур застонал сквозь зубы.

— Ничего серьёзного, — он попытался успокоить братьев, но совершенно безрезультатно. — Перчатки... снимите...

Ворон схватил руки брата, освободил от перчаток и приложил его ладонь к имитации повязки.

— Тур, залечи это. Умоляю, близняшка! Залечи, ты умеешь!

Кисти и предплечья стремительно холодели.

— Не волнуйся. Отведите меня в машину.

— Лис, гони БМВ сюда! — осенило Ворона.

— Нет! — Тур подался вперёд, едва не задохнулся от боли, но продолжил: — Чем меньше следов, тем лучше для нас... Три трупа. Многовато...

Лис запоздало вспомнил про «поле боя».

В траве поодаль на боку валялся первый исполнитель, так и не успевший спустить курок. Ближе к реке лежал второй, оказавшийся на беду левшой. И возле кустов скособочилось тело Белякова, случайно застреленного собственным охранником.

— Лис, помоги! — окликнул Ворон.

Он поднимал раненного брата с земли.

Лис не слышал. Как замороженный, он сделал два шага в направлении покойников.

— Лис!.. Гамаюн!

Вдруг рыжие волосы вздыбились будто пламя вспыхнувшего костра. Гамаюн раскинул руки, и огненный всполох пролетел над плечами подобно крыльям. Испуганно качнулись молодые деревья. Зашумели проснувшиеся птицы, посыпались вниз сосновые шишки и иголки.

И праху, и памяти семь годов не быть!

Иная сторона света заглотнула пространство. Над рекой зародился чёрно-огненный смерч. Взлетел ввысь, пронзил ночную тьму золотой зарницей и грянулся на злосчастную поляну. Жадно чавкнула тряси́на. Болотные огоньки рассыпались по земле, и всё стихло. Остались лишь высокая трава да подёрнутые ряской три тёмные лужи.

Тур откинулся на плечо близнеца.

— Автор урагана нашёлся, — проговорил он.

— А говорил, не умеет огненным вихрем летать, — в тон подтвердил Ворон.

— А? — Лис растерянно оглянулся, опомнился и кинулся к братьям.

Общими усилиями Полозовы добрались до автомобиля.

— Разворачивай, и в больницу! — скомандовал Ворон.

— Домой, — произнёс Тур.

— Что?! У тебя пуля в животе! Лис, гони в ближайшую больницу!

Горящие глаза на выбеленном лице буравили юношу едва ли не с вещественной силой.

— Домой, — уверенно повторил Тур. — Я сам разберусь... А вы мне поможете.

Лис понял, что последнее слово опять остаётся за ним. Тусклый, но решительный взор раненого показал дорогу.

— Домой, — решил Лис вслух.

Машина рванула вперёд.

— Не гони, не дрова везёшь! — крикнул с заднего сиденья Ворон и крепко прижал близнеца к себе.

— Знаю, что делаю, — огрызнулся младший брат. — Ворота открой!

День тридцатый

На стене монотонно тикали механические часы.

— Зеркало левее, — поступило распоряжение с операционного стола. — Ворон, пинцет... Нет, не берёт... Геморроидальный зажим...

Лис изо всех сил стиснул зубы. Зеркало в его руках опять принялось дрожать. Не мудрено после целого часа, проведённого в роли штатива. Единственный плюс этой роли состоял в том, что юноша не видел происходящее на столе. Он добросовестно выполнял команды и лишь по репликам хирурга определял, на какой стадии находится операция.

Что-то звякнуло об пол.

— Тур, — тихо позвал Ворон.

— Порядок. Вынул... Две минуты отдохну... Готовь кишечные иглы...

Две минуты превратились в пять или десять. Но Лис готов был стоять с зеркалом в руках хоть всю ночь, лишь бы операция закончилась успешно.

Движение на столе возобновилось.

— Тампон... Кохера... Я сказал зажим Кохера, а не Микунича.

— Да я в них ни черта не понимаю! — сорвался Ворон.

— Держись, близняшка. Ещё минут пятнадцать, и всё, — тихо проговорил Тур. — Всё будет хорошо. Лис, где ты там?

— А? — юноша осторожно вытянул шею и увидел окровавленную руку брата. К горлу подскочил сухой комок.

— Зеркало на меня. Вот так, хорошо. Ворон, подай мне иглодержатель...

Когда наконец прозвучало: «Закончили. Спасибо, братья», выяснилось, что из присутствующих сохранил самообладание только хирург, он же пациент. Лис, едва отставив зеркало, шатнулся к стене и сполз на пол. Ворон рухнул на колени возле стола, на котором под окровавленной простыней лежал Тур, и остался неподвижно сидеть, ткнувшись лбом в его плечо.

— Всё в порядке, — негромко, но твёрдо сообщил Тур. — Я не первый врач, который оперировал сам себя. В литературе описаны подобные случаи, в частности самооперация по удалению аппендикита на полярной станции.

Ворон не отреагировал, но Лис сумел подать голос.

— А где-нибудь описана самооперация по удалению пули без наркоза?

— Новокаин на меня частично действует. Этого достаточно... И рана была не очень серьёзная. Можно сказать, мне повезло. Повреждения оказались минимальные.

— Да? — вымученно переспросил юноша.

— Всё позади... — Тур слабо провёл ладонью по голове Ворона. —

Лис, ты ещё в состоянии что-либо совершить?

Тот, цепляясь за стену, поднялся. От вида крови его мутило, но собственные проблемы юноша мужественно удерживал внутри.

— Молодец... Уложи Ворона на диван. Он вырубился... И побудь со мной.

— Тур?

— Мне нельзя терять сознание. Знаешь, что будет, если... Помоги, братишка.

До самого рассвета Лис сидел возле брата в операционной. Ворон, оставленный в соседней комнате на попечении Деда, спал тяжёлым сном, больше похожим на затянувшийся обморок.

— Он отдал мне все свои силы, — пояснил Тур. — Не волнуйся за него. Пусть отдыхает.

За Ворона Лис, кстати, не волновался. Сетовал лишь на то, что не может в одиночку перенести раненого на нормальную кровать с холодного, пропитанного кровью и лекарствами хирургического стола. Брата знобило. Не помогали ни одеяла, ни включённая на полную мощность электрическая батарея. Но руки Тура оставались горячими, особенно левая, прижимавшая марлевую повязку поверх свежего шва.

— Скоро встану, — пообещал Тур. — Плох тот врач, который не умеет излечить себя.

— Я б на твоём месте и мне, и Ворону по мордам надавал за эту вылазку, — Лис шмыгнул носом.

Тур тихо засмеялся.

— Вот ещё! Как ни крути, а всё закончилось в нашу пользу... Что за проклятие ты вызвал из Перехода, Лис?

— А? — юноша удивлённо заморгал.

— Или нам с Вороном почудился твой огненный вихрь?

— Я пыгался уничтожить опасность раз и навсегда, — буркнул Лис и отвернулся.

Он долго и бесцельно созерцал окно, закрытое жалюзи, как вдруг сообразил, что Тур до сих пор вслух не произнёс ни слова.

— Брат! — Лис в ужасе подскочил на стуле и медленно осел, наткнувшись на ласковый карий взгляд.

— Когда-нибудь ты сполна осознаешь свои способности, данные тебе на том берегу. А пока не волнуйся, малыш. Этот раунд мы втроём выиграли.

Лис низко опустил голову. Он рад был бы внять уверенному голо-

су старшего брата, но в глазах, красных от усталости, заколыхалось рожающееся видение: какие-то люди криминальной наружности напротив женщины, сидящей как каменное изваяние на старом драном диване. В нос ударил фантомный запах прелых досок и строительной пыли. Облик женщины утонул под чёрными одеждами...

Юноша зажмурился и тем самым не позволил будущему выйти на сцену утомлённого сознания.

— Ничего ещё не закончилось, — промямлил он. — Бер остался. И Пятница где-то существует. А ещё к тебе Декана привезут. И Кикимору мы не нашли, и...

— Лис, проблем много, никто не спорит. Но это потом. А пока иди, отдохни.

Парень отрицательно потряс головой.

— Я с тобой останусь.

— Ворон проснулся, — пояснил Тур. — Он подежурит.

* * *

Лису приснились Оля и Кикимора. Они играли в куклы на пыльном захламлённом чердаке. Причём Оля была Олей, а Кикимора — куклой. И обе смеялись. А за стеной гремели поезда...

Лис подскочил.

— Прости, сынок, — Дед поднял с пола пустой таз. — Прости, разбудил тебя старый пень.

— Пустяки, — Лис откинул плед и целенаправленно двинулся в комнату-палату, куда они с Вороном под утро перенесли Тура.

— Лис, нету тама никого, — предупредил Дед.

Юноша его не воспринял, сунулся в дверь и... Комната была пуста. Кровать аккуратно застелена, ни следа инструментов и лекарств на стеклянной этажерке, идеально чистая раковина, отключённые медицинские аппараты. А в пространстве — отчётливый след Перехода.

— Тур, — у Лиса подкосились ноги. — Тур!

— Лис, ты это... На кухне они... Лис!

Дед решительно сгустился перед перепуганным парнем и своим телом затормозил лисий бросок в сторону гостиной. Лис увяз в болотной дымке и, отфыркиваясь, остановился.

— Вылечился он, — терпеливо пояснил болотник. — Выспался, пока брат его тут караулил, а потом встал. Ты чаво это, ядрён батон? Сам братьёв научил, кто они такие, а теперь, это, дурака валяешь?

Лис с трудом, но внял информации, настойчиво требовавшей обратить на себя внимание.

— Тур спал? — выдавилось из вмиг пересохшего горла.

— Ну да, — Дед деловито одёрнул телогрейку. — Далёко-то не уходил. Всё возле брата был, рядышком. А пока он, это, отсутствовал... спал то есть, всякие там воспаления и бактерии померли.

— А Ворон?

— А что Ворон? — проворчал Дед. — Оболтус великовозрастный, ядрён-батон! Сидел вона подле, во все глаза за братом смотрел, кабы тот невзначай не шагнул, куда не следует... Занялись бы лучше человечьи делами. А то эва, мафия ваша! Аукнется ещё... Тьфу-тьфу... Э-эх.

Дед протасил таз в приоткрытую дверь палаты и звучно грохнул об пол.

Лис прижал ладонью лоб, будто хотел удержать в голове разбегающиеся мысли. Взгляд упал на настенные часы. «16:27».

— Ух-ты, — выдохнул он, обнаружив, что проспал практически весь день. — Ворон! Тур!

На пороге кухни Лис остановился в недоумении. Один из близнецов сидел развалившись на угловом диванчике. Другой стоял возле плиты, помешивая благоухающий травами отвар. Логично было предположить, что сидит Тур, но повязку под незастёгнутой рубашкой Лис заметил у стоящего.

— Опять сцепились, — облегчённо произнёс юноша.

— Доброе утро, Лис, — обернулся Тур.

— Лучше скажи — добрый вечер, — Лис оглядел раненного брата с ног до головы.

Тур был бледен, впрочем, как и Ворон. Эластичная повязка плотно обвивала живот. Других признаков ночного проишествия Лис не обнаружил.

— Про Переход я знаю, — предупредил он. — Дед рассказал. Тур, не слишком ли ты рисковал?

— Мы рисковали бы больше, если бы я на неделю оказался в постели, — ответил Тур, попробовал своё варево и поморщился. — Ну и горечь.

Ворон хмыкнул. Подобные напитки ему приходилось отвеживать не раз.

— Я предлагал тебе поставить капельницу, — заметил он.

— Предпочитаю природные средства. И знаешь, после получасовой перевязки капельница в твоём исполнении меня бы не вдохновила.

Ворон сжал губы, облокотился о спинку дивана и отвернулся. Лис

заметил, что его рука предательски дрожит.

— Ворон, — юноша подсел к брату, не упуская из виду Тура, — взбодрись. Ведь всё нормально. Тур, правда? Ведь прорвались?

— Прорвались, малыш, — подтвердил доктор Полозов.

Ворон насупился пуще прежнего. Лис решил не делать новых попыток снять напряжённость второго старшего брата. Любое неуклюжее слово сейчас могло повлечь за собой обратный результат. Однако у Тура на сей счёт имелись собственные методы. Он сел за стол с кружкой приготовленного отвара и как бы невзначай пояснил Лису.

— Вообще, вчерашняя перестрелка — прекрасная иллюстрация того, как не надо делать.

— Почему? — насторожился Лис и покосился на Ворона.

— Я подставился наиглупейшим образом, — продолжал Тур. — Показалось, что брат не справится с левой. И я начал искать позицию для прицела. В итоге сам словил пулю.

— Тур, ты прекрасно знаешь, в чём дело. Кончай парню по ушам ездить, — неожиданно включился Ворон. — Ты прикрывал меня. А вот я не оценил опасность вовремя.

Это последнее было адресовано конкретно Лису.

— А я не показал тебе эту опасность, — Тур вновь развернул сцену в свою сторону. — Заметив один прокол, перестал доверять в деталях и слишком много взял на себя.

Ворон собрался возразить, но Лис решительно поднял обе руки.

— Эй-эй, стоп. У нас что, разбор полётов или урок третьего плеча?

На кухне моментально стало тихо. Лис тухнул: опять ляпнул лишнее.

— То есть, я хотел сказать...

И осёкся, поймав на себе восхищённый взгляд двух пар карих глаз.

— Сильно сказано...

— ...Гамаюн.

День тридцать первый

Дальние ночные поездки были для Полозовых делом житейским, однако после субботнего инцидента и последующего реабилитационного дня Ворон наотрез отказался пустить близнеца за руль. По трассе Москва-Питер БМВ мчался под палящими лучами солнца в компании сотен автомобилей, торчал в «пробках» и останавливался на

стоянках во избежание перегрева двигателя. Наконец, на горизонте показались пригороды северной столицы. Лис, скучавший на заднем сиденье, прильнул к окну. В Питере он ещё не бывал. Но чем ближе подъезжали Полозовы к центру города, тем больше знакомых мест открывалось рыжему взору.

— Это Московский проспект, Тур?.. Ворон, ты на Лиговский поворачиваешь? До Обводного канала, да?

— Как ты успеваешь прочесть названия улиц? — поллюбопытствовал Тур, слегка повернувшись к младшему брату.

— А я не читаю, — Лис, будто замороженный, взирал на монументальные здания разных времён, поднимавшиеся со всех сторон. — Я почему-то знаю.

Близнецы быстро переглянулись. Тур приподнял бровь. Ворон пожал плечом.

БМВ притормозил перед светофором.

— Ворон, рули в левый ряд! — Лис от нетерпения переместился с правого конца сиденья на левый. — Повернём в Кузнечный переулок, потом на Владимирский проспект и напрямик на Литейный.

— Тур, будь добр, заведи у него атлас, — отозвался водитель.

— Нет у меня никакого атласа! Мы его дома забыли, — протараторил Лис. — Ворон, давай. Так короче.

Включился зелёный. БМВ поехал прямо, и Лис с досадой хлопнул ладонями по сиденью.

— Теперь сам крутись по односторонним переулкам!

На сей раз Тур пожал плечом, а Ворон выгнул брови.

— Похоже, он прав, — Тур развернул бумажную карту города. — Лучше было повернуть.

После слалома по узеньким улицам Полозовы нашли наконец удобное место для стоянки. Дальше решено было отправиться пешком. Ворон и Лис с удовольствием пообедали в небольшом кафе, Тур не составил им компанию, сославшись на установленную им самим лечебную травяную диету. Затем братья устроились на лавочке в сквере, чтобы обсудить план действий. Здесь-то и обрисовалась новая проблема.

— Нет, не пойдёт, — Ворон нетерпеливо тряхнул головой. — Родственники, свояки, седьмая вода на киселе — говори, что хочешь, но если к тебе в квартиру заваливаются три мужика при галстуках, волей-неволей появятся всякие нехорошие мысли. И никакого довери-

тельного общения не получится.

— Да, оделись мы излишне официально, — Тур расправил полу пиджака.

— Сними очки, — вздохнул Лис.

Ворон грустно усмехнулся.

— Совестно как-то выжимать информацию из престарелых людей. Может, эти Никитины Ю.М. и Н.С. знать не знают, кто жил в коммуналке в восемьдесят восьмом году. Лучше уж я нажму на Мишу Боброва.

— Вряд ли он выписался из больницы, — заметил Тур.

— Восемь дней прошло, — напомнил Ворон.

— С диагнозом «сотрясение мозга» держат в стационаре от 10 до 21 дня. В зависимости от тяжести состояния. Это во-первых. Во-вторых, заложные Бера нас с тех пор не беспокоили.

— Ладно. Убедил, — Ворон задумчиво повертел в руках тёмные очки. — Ещё идеи есть?

— Импровизировать, — предложил Лис.

— Действительно, — согласился Тур. — На самый худой конец, Ворон, притормозишь лишние вопросы.

— Согласен, — Ворон решительно встал со скамьи. — Какой нам нужен дом?

В подъезде мрачного многоэтажного здания было прохладно, как в горной пещере. Тур и Ворон поднимались по лестнице осторожно, бок о бок, будто двигались в логово врага. Лис быстро опередил их на два пролёта, бодро вбежал на площадку и уверенно встал перед мощной деревянной дверью.

— Здесь, — объявил он приглушённо, но каменное эхо раскидало его голос по всем этажам.

Старшие братья остановились на последней ступеньке.

— Звоним наобум? — полувопросительно произнёс Ворон.

Лис, не удосужившись прочесть фамилии жильцов на корявой табличке, решительно нажал на кнопку звонка.

Прошла минута.

— Попробуй ещё раз, — тихо предложил Тур.

Лис нетерпеливо качнул головой.

— Женщина идёт по коридору. Пожилая.

Ни Тур, ни Ворон движения не слышали. Лис откашлялся и неуклюже поправил непривычный для него галстук.

Звякнули ключи. Дверь приоткрылась.

— Здравствуйте, — начал юноша.

— Вы, наверное, к Мише Боброву? — донеслось из квартиры. — Он в больнице лежит.

— Нет, Надежда Сергеевна. Мы к вам.

За дверной цепочкой качнулось недоумение. Дверь приоткрылась чуть шире, и старшие Полозовы разглядели озадаченное старческое лицо, сплошь покрытое морщинами. Лис приветливо улыбнулся. Женщина подалась вперёд и вдруг отпрянула.

— Господи милостивый! Серёжа!

— Нет-нет, не волнуйтесь, — заторопился Лис, увидав, что старушка побелела как мел. — Меня зовут Борис. Я...

Она принялась суетливо открывать дверь.

— Я всего лишь дальний родственник Людмилы Николаевны Старостиной.

Цепочка брякнула о косяк, и дверь открылась. На площадку и лестницу пролился электрический свет.

— Простите, — женщина прижала к груди костлявые руки и отступила в длинный высокий коридор, — проходите, пожалуйста. Конечно, проходите... Как похож!.. Не обращайтесь на меня, старую, внимания. Я сейчас... сейчас успокоюсь.

Тур, начавший было снимать перчатку, замедлил движение, а Ворон в свою очередь сделал всё, чтобы идеальное сходство близнецов не произвело на хозяйку особого впечатления. Это оказалось нетрудно, поскольку кроме Лиса старушка никого не замечала.

— Пройдите, — она торопливо, но удивительно легко семенила впереди. — Пройдите, сюда. Тут я живу. Сейчас сядем, поговорим... Господи, как же вы похожи на Серёжу! Я вам и альбомы её покажу. Вы, наверное, и фотографий-то не видели? Сколько лет прошло. Что ж раньше не приезжали? Я и не надеялась, что у неё родственники кроме матери оставались.

У Ворона появилась шкодливая мысль: запустить секундомер и просчитать количество слов в секунду, выдаваемое шустрой маленькой старушкой. Складывалось впечатление, что появление неожиданных гостей сработало как ключ от заглушки мощного словопотока, на капливаемого многие годы.

Длинная узкая комната с гигантским потолком была заставлена старой, но добротной мебелью. Часть помещения отгораживал массивный бельевой шкаф, за которым на стене виднелись десятки этажей разноликих книжных корешков.

— Муж мой покойный здесь работал, — походя пояснила хозяйка, заметив внимание Лиса к домашней библиотеке. — Тут все труды свои писал. А Серёжа любил к нам за книжками приходить. Какой мальчик был любознательный! Бывало, книжку прочитает, а потом на кухне Людмиле пересказывает. Вы садитесь, пожалуйста, не стесняйтесь. И простите меня, старую, за мою болтовню. Хорошо мы жили в прежние времена, дружно. Со Старостиными всегда вместе, как с родными! Это сейчас, — она махнула рукой в сторону коридора, — каждый в своей конуре. Никому до соседей дела нет. А раньше и в отпуск вместе, и беда пополам, и радости. Я абсолютно убеждена: память — она словно живая душа. Пока помнишь людей, они живут рядом с тобой. Хоть десять, хоть двадцать лет. Это хорошо, что вы про Старостиных вспомнили. А уж я боялась, всю память в могилу за собой унесу. Жалко. Как всё обернулось!

— Надежда Сергеевна, — Лис улучил момент прервать монолог и направить беседу в упорядоченное русло, — про Людмилу Николаевну и её семью мы узнали совсем недавно. Так получилось. Когда её мать умерла...

— Ой, да, да, — хозяйка присела на краешек дивана напротив гостей. — Позвонили мне, сказали. Хотела на похороны поехать, да побоялась. Старая уже. Жалко Прасковью Михайловну. Добрая она была. А Людмила не в мать пошла. Жёсткая женщина, но справедливая. Сколько ей подножек ставили, пока диссертацию писала! Святослав, муж её, вмешаться хотел, не позволила. Сказала: ты сам «защитился», и я сама пробьюсь. И пробилась. Он её, как мог, вдохновлял. Хорошая была семья. Видно, Бог и вправду забирает таких первыми.

— А что всё-таки случилось, Надежда Сергеевна? Нам пока не удалось...

Выдумывать объяснения Лису не пришлось: рассказчица заговорила с пол-оборота.

— Беда случилась. Очень большая беда, — старушка всхлинула и тут же устыдилась. — Простите. Простите меня старую. Супруг меня за слёзы ругал, а теперь вот уж полгода ругать некому. Иногда срываются слезинки, — она вздохнула и тем самым сдержала выступившие на глазах эмоции. — Сразу после новогодних праздников Святослав к родителям своим поехал в деревню, недалеко от Пушкино. Серёженьку взял с собой, как положено — в каникулы. Люда тогда дома осталась, что-то у неё в институте с расписанием вышло не так. В общем... не вернулись они.

— Как это? — прошептал Лис.

— Не вернулись, и всё. На станции их видели. Следователь потом объяснил. А в электричке нет. Много тогда всякого безобразия творилось. У нас в музее однажды мальчишки витрины побили. Надышались какой-то гадости и одурели совсем. А у знакомой моей на дочку хулиганы напали, когда из музыкальной школы возвращалась. Вот и гадай, что там на станции случилось. Люди разные попадают. Иные за червонец готовы жизни лишиться. Место глухое, болота кругом. Теперь ни могилы, ни плиты надгробной...

Она умолкла, и в комнате стало совершенно тихо.

— А Людмила? — Лис осторожно подвёл разговорчивую бабушку к актуальной теме.

— Люду будто подменили, — в два раза тише, чем раньше, заговорила Надежда Сергеевна. — До весны ждала, надеялась. И вдруг как каменная стена стала. «Здрасьте», «до свидания», «приятного аппетита» — ничего более. Я уж и так, и этак к ней. Прасковья приехала, жила тут март-апрель. Мы долго по вечерам рассуждали, как быть, что делать. Миша к Людмиле как котёнок ластиться пытался. Ничего не помогало. А однажды столкнулась я с ней в коридоре, как раз в майские праздники, а она мне вдруг говорит: «Знаю, где Славу и Серёжу искать. И как отомстить — знаю». Как она это сказала! Меня озноб до костей пробрал. А после она ушла. Помню, оделась во всё чёрное, взяла хозяйственную авоську и молча, не попрощавшись, за дверь. Я думала, в магазин отправилась. А её нет и нет. К ночи супруг мой в милицию позвонил. Ему сказали: если три дня дома не будет, тогда заявление пишите. Написали, со следователем поговорили, в розыск её фотографию отдали. Без толку всё. Сгинула. Вслед за Серёжей и мужем так и сгинула.

— Месь, — прошептал Ворон. — Вот откуда всё началось...

Старушка тем временем направилась к книжным полкам.

— Альбом я себе взяла, на память, — на стол перед Полозовым опустился большой «гроссбух», раздутый и потрёпанный. — Это последний. Восемьдесят седьмого года. Святослав фотографировать любил и Серёжу научил. Частенько они у себя в комнате фотолабораторию устраивали. Много фотографий было. А где сейчас — не знаю. Вот смотрите, это Людмила после защиты. Святослав её на кухне «щёлкнул», она только-только голову помыла... А это Серёжа...

Лис во все глаза уставился на фотографию. С чёрно-белой открытки улыбался веснушчатый мальчишка лет двенадцати с лихими кудря-

ми над высоким лбом. Остроносый, темноглазый, жизнерадостный.

— Похож, да? — хозяйка осторожно улыбнулась.

— Похож, — неуверенно согласился Лис и глянул на старших братьев. Оба сдержано пожали плечами. — Надежда Сергеевна, у него были рыжие волосы?

— Посветлее, чем у вас, но рыжие, — ласково улыбнулась старушка. — В отца пошёл. Ведь Людмила — брюнетка... была.

Лис перевернул страницу.

На групповом фото запечатлелись Людмила Старостина, Надежда Сергеевна и, вероятно, её супруг, а на первом плане — мощный молодой человек странной наружности, возле которого стоял Серёжа. Черты большого лица нового персонажа фотоальбома были размазаны и просматривались плохо, но поза казалась слишком неестественной для здорового человека.

— А кто сидит в кресле? Миша? — полюбопытствовал Лис.

— Миша, — старушка зябко поёжилась и посмотрела на стену позади себя так, будто хотела удостовериться, что сквозь кирпич за ней никто не наблюдает. — Калека он с детства. Мать долго не прожила, отец от него открестился. Только дядька, материн брат, с ним и занимался. В комнату к себе прописал, ухаживал, кормил-поил, взамен ничего не просил. Хороший человек был Валентин Саныч...

Старушка задумалась. Лис выдержал паузу и аккуратно уточнил.

— Был? Он умер?

— Током убило на заводе. Несчастный случай. Как плакали все! А на Мишу смотреть страшно было. Вот так в восемнадцать лет на кресле с колёсами и остался один. Сначала Людмила ему просто по-соседски помогала, а потом они с мужем решили что-то вроде опекуна оформить. Больше года с документами ходили по всяким инстанциям! Я лишь диву давалась: своих забот полон рот, а она чужие себе на плечи взвалила. Но Люда сильная женщина была. Всюду за справедливость боролась. Миша её почитал чуть ли не за мать родную. А с Серёжей возился, как с братом. Умный парень. Хоть двигаться как все не может, а голова ясная! Институт заочно закончил с красным дипломом.

— А можно с ним про Людмилу поговорить? — оживился Лис. — Он, наверное, тоже много про неё помнит?

Надежда Сергеевна медленно расправила юбку на коленях и вздохнула.

— Не поймёте вы его. Говорит едва-едва. Валентин Саныч его хорошо понимал, Люда понимала и Серёжа конечно. А я до сих пор с

трудом разбираю, что бормочет.

— ДЦП? — уточнил Тур.

Старушка реплики не заметила и продолжала по-своему:

— Родился такой, на всю жизнь парализованный. Но руки кое-как работают. Целыми днями за компьютером сидит. После того, как Старостины сгнули, замкнулся совсем, — она доверительно подалась в сторону Бориса Полозова. — Боюсь я его. Последние годы что-то странное и плохое с ним происходит. Люди к нему ходят. Иногда такие, что я бы, дай мне волю, к порогу близко не подпустила. От моей помощи отказался. Санитарку нанял. Каждый день приходит: еду готовит, стирает, за ним ухаживает. Говорит, платит хорошо, не то что в поликлинике. Деньги у него нынче есть в достатке. Где, как заработал, не знаю, да и не моё это дело. Но супруг мой покойный как-то раз сказал: в наше время за честную работу гроши получают. Вот и думаю себе: уж не душу ли продал наш Миша? По почте однажды конверт ему пришёл из-за границы, весь уляпанный дьявольскими знаками. Глупость рекламная, наверное, но мне неприятно было. И жалко его. Деньги, какие бы они ни были, человека рядом не заменят.

— А почему Миша до сих пор живёт в коммунальной квартире? — искренне изумился Лис.

— Бог его знает. Комнату Старостиных он себе как-то откупил ещё в девяностых. Она рядом. Дверь во внутренней стене сделал, обставил всё компьютерами и закрылся, как отшельник. Стены у нас толстые, ни звука не слышать, но если окно открыто, бывает, доносится. Соседка из четвёртой комнаты жалуется иногда, что Миша громко и долго говорит по ночам. Голос у него неприятный из-за паралича, слов вообще не разобрать, жутковато становится от его речей.

— Вы, кажется, сказали, что Миша в больнице? — Борис Полозов начал аккуратный заход на новое направление.

Братья поняли его мысль: Лис всеми правдами и неправдами намеревался проникнуть в комнату Бера, чтобы определить, куда и как исчезла Кикимора.

— Неделю назад у него что-то с компьютерами случилось. Свет у всех погас, у Медведева телевизор сгорел. Мишу, видимо, током стукнуло. Упал из кресла, ударился головой, — хозяйка сокрушённо махнула рукой. — Не слишком опасно, как врач со «скорой» сказала, но в больницу увезли. Выпишут, наверное, скоро. А пока я его канарейку кормлю.

— Канарейку? — Лис обрадовался.

— У него птичка в клетке живёт.

Старушка задумалась. Лис воспользовался паузой и принялся сигнализировать Ворону: мол, помогай.

Ворон переглянулся с Туром. Тот помедлил, но согласился. Лишь тогда Ворон снял очки.

— Комнату Люды он не менял почти, — заговорила хозяйка, — даже обои на стенах оставил. Можно взглянуть одним глазком. Я абсолютно уверена, что Миша не рассердится. Да и не узнает.

Надежда Сергеевна достала из серванта ключи и лёгкой походкой вышла в коридор. Лис следовал за ней. Близнецы на полшага сзади.

— Порог не переступай. Мы войдём, — еле слышно сказал Ворон младшему брату.

— Но... — Лис наткнулся на холодный предупреждающий взгляд и придержал язык за зубами.

— Она нас не воспринимает, — тихо пояснил Тур. — Ты, главное, дверь открытой держи.

После старомодной обстановки жилища Надежды Сергеевны комната Боброва показалась Полозовым окном в западный мир. Ворон сразу обратил внимание на дверной замок. Казавшийся с виду обычной автоматической защёлкой, он содержал электронный элемент и активизировался дистанционно, на что указывала хитрая панель на косяке внутри помещения. Евроремонт был сделан по всем правилам дизайнерского искусства. Два компьютера, огромный видеоцентр, микшерский пульт, аудиосистема занимали строго отведённые, до миллиметра выверенные ниши, шкафчики и столы. На окне вместо обычных занавесок красовались элегантные жалюзи, сквозь которые лился неестественно белый солнечный свет.

— Педант. Все провода в коробах, — с некоторой завистью произнёс Ворон, окинув профессиональным взглядом кабинет своего сетевого противника.

Следов субботнего происшествия Полозовы не заметили, а Надежда Сергеевна сообщила на ухо Лису.

— В прошлое воскресенье целая бригада откуда-то прибыла. За час порядок навели, Медведеву новый телевизор поставили и всем соседям по 500 рублей выдали как компенсацию за беспокойство. Я уж и так, и этак к бригадиру, мол, кто такие, кто прислал? А он — ни слова лишнего: «Получите. Распишитесь. Извините». Вот и гадай, откуда взялись и кто направил. Антошка Медведев, внук Григорича, — старушка показала рукой в коридор, — как раз у деда гостил. Глазастый

парень! Сказал потом, номера у машины были «обкомовские». О, как!.. Сейчас комнату Старостиных открою. Он её на ключ запирает отдельно... Одну минутку.

Она, стараясь не греметь брелком, двумя пальцами подняла ключ и на цыпочках шмыгнула за высокий пластиковый стеллаж, где были аккуратно расставлены книги, компакт-диски, видеокассеты и вазы с искусственными цветами.

Скрипнули дверные петли.

— Здесь проживали Люда, Серёжа и Святослав, — как музейный экскурсовод вполголоса объявила Надежда Сергеевна.

Старшие Полозовы улучили момент, когда старушка отступила от порога, и друг за другом бесшумно прошли в смежную комнату. Лис остался возле хозяйки, внимательно следя за братьями.

Канарейка в шикарной клетке возле окна принялась отчаянно чиркать. Ворон обернулся к птице. Крошечное желтопёрое создание шарахнулось на прутья, забило крыльями и шлёпнулось на песок, раскидав мусор на подоконник и ковёр.

— Что это она? — послышался тревожный голос Надежды Сергеевны. — Вроде кормила её утром и...

Лис прижался к дверному косяку. То, что перепугало несчастную птаху, мигом сдуло румянец с веснушчатых щёк. Тур и Ворон медленно синхронно выпрямились. Прямо напротив окна у стены, куда вопреки законам физики не добирался солнечный свет, возникла чёрная холодная тень.

Симаргл, — заклокотало из темноты. — Мой огненный Симаргл. Я ждала тебя, вдохновитель силы моей бранной.

Тур схватил брата за предплечье. Это было последнее естественное движение в неуклонно замиравшем пространстве.

Посмотри на меня, Симаргл. Посмотри глазами своими горячими. Покажи дорогу на белый свет несчастной госпоже своей.

По телу Ворона прошёлся озноб. Тур и сам не мог отвести взгляда от мрачного абриса, принявшего черты женской фигуры, закутанной в длинные одежды.

Покажи мне дорогу, Симаргл. Проведи через топи непролазные да мосты неведомые. Не я ль приняла тебя как дитяtko родное? Не я ль лелеяла и баюкала? Не я ль разожгла огонь сердца твоего и силу в нём великую?

Незвучащий голос оведал кладбищенским холодом, стягивал в ледяные узлы мышцы, оседал на нервах неживой изморозью. Туру стало

казаться, что ещё миг, и время для него и брата остановится окончательно. Но мысль Ворона жила, и во мраке Перехода продолжала гореть, как свеча на промозглом ветру.

Ты разжигала ненависть, Пятница. То не сила великая, а слабость человека.

Мост, отделявший мёртвую от живых, вспыхнул ослепительно-белым огнём. Ворон пошатнулся. Взгляд воткнулся в старый клетчатый ковёр, лежащий под ногами.

Руки Пятницы потянулись сквозь полыхающий мост.

Помоги мне, Змиулан, сын покровителя моего, брат наречённого сына моего. Прости мне длань свою, выведи на белый свет. За гибель мужа моего дорогого, за смерть сыночка ненаглядного отомстить помоги людям злым, бессердечным. Подарю тебе богатства несметные, научу, как над людьми серыми встать высоко, как дела творить великие, как властью управлять глупую...

Тур что было сил стиснул правую ладонь, сжимавшую руку брата.

Не подниматься над людьми должно, а вровень с ними идти.

Тень качнулась вперёд. Проступило обрамлённое чёрным платком лицо — точь-в-точь такое же, что смотрело со старых фотографий. Пустой взор вонзился в близнецов-Полозовых.

Дети змеиные. Не будет вам ни мира, ни счастья на белом свете. Уходите к родителю своему под холодное крыло. Оставьте живых мне, а мёртвых — забвению. Отец ваш жалостливый и лживый со мною не совладал, и вам не совладать. Уйдите с дороги моей. Сама мост наведу, да проводника найду. Горем и тоской белый свет усыплю. За мужа моего дорогого и сыночка ненаглядного, за матерей, потерявших дитяток милых, за вдов безутешных, за калек, людьми брошенных.

Мама!

Тень в горящих воротах Перехода обратилась на юношеский голос.

Мама, зачем? — Лис шёл по ковру без звука и движения. Солнечный свет играл в рыжих волосах, окрасив кудри в золотисто-льняные тона. — Зачем мечь, мама? Прости тех, кто породил твою беду. Справедливостью теша себя, не ведаешь, сколько новых вдов, беспомощных калек и материнских слёз принесут в мир людской твои деяния. Прости и упокойся в Памяти земной. Иди сквозь огненные кольца Полоза — хранителя и покровителя своего.

*Семь годов. Семь дорог —
Путь остывшей души.
Загляни за порог*

*И свечу не туши.
Там дитя первый крик,
Смех невесты молодой,
Старика смертный лик —
То круг жизни с тобой.
Веры стойкая твердь
Рушит горести тризн.
Кто рождается на смерть,
Умирает на жизнь.*

За границей перехода секундная стрелка на настенных часах щёлкнула один раз.

Помнишь тот Новый год? Ты подарила Серёже оловянных солдатиков. Мы играли на этом ковре, — Лис медленно опустился на одно колено и положил ладонь на старый истёртый ворс. *— Мы выстраивали русских богатырей и немецких рыцарей в одну колонну, и это был большой мирный парад среди конфетти и серпантина.*

Суровый лик под чёрным платком на мгновение ожил. В бликах белого пламени сверкнули ласковые искорки, приоткрылись и чуть порозовели тонкие губы, нерешительная улыбка разгладила глубокие морщины на высоком челе.

Стрелка на часах шагнула на следующее деление.

Серёжа...

Лис встал и низко опустил голову.

Огонёк его свечи горит во мне, — тихо ответил он в пустоту.

За границей этого света раздался протяжный тоскливый стон. Холодная маска Смерти вернулась на прежнее место, и мёртвый лик Пятницы приблизился к самому огню.

Ложь, — прошипела чернота.

— Брат, сойди с ковра, — шёпотом крикнул Лису один из близнецов. Оба стояли на самой кромке клетчатого покрытия.

Ложь... Лживый Змей обещал мне вернуть сына, а послал тебя, змеиное отродье. Не сын ты мне! Вон из моего дома!

Лис почувствовал, как нестерпимо горячие пальцы вцепились в его плечо. Нелегко было сопротивляться Туру в подобные моменты, но юноша изловчился удержать равновесие и крикнул в удаляющийся Переход.

— Семь дней! Людмила, через семь дней с тобой будут мир и покой.

Секундная стрелка тюкнула о циферблат в третий раз.

— ...водичку поменяла, — продолжала Надежда Сергеевна, обеспокоенная поведением канарейки. — Лили, миленькая. Не кричи, не пугай меня старую. А не то твой хозяин разозлится. Вот молодец,

Лили. Фю-фю-фю. Умничка, птичка!

Канарейка впрыгнула на жёрдочку и отрывисто чирикнула.

— Спасибо, Надежда Сергеевна, — Борис Полозов улыбнулся хозяйке.

— Вот так родственники ваши жили, — вздохнула старушка и плотно затворила дверь. — Вы Мише письмо по компьютеру пошлите. Спросите про Люду. Я абсолютно убеждена, он будет рад ответить. Он специально мне электронный адрес оставил, если вдруг его кто-то незнакомый спрашивать будет. Вы идите в мою комнату, там открыто. А я пока чаёк поставлю.

— Надежда Сергеевна, мне, к сожалению, пора уезжать. Если позволите, я позвоню вам.

— Жалко, мало погостили-то. Но ничего, сейчас и телефон, и адрес для компьютера напишу... Где-то у меня тут карандаш был...

* * *

Горячее марево качалось над асфальтом, но дневная жара пошла на убыль. Прохожих стало заметно больше, равно как и автомашин, снующих по переулкам. Полозовы пешком выбрались из квартала старых питерских домов и упёрлись в набережную Фонтанки. На другом берегу господствовал Летний сад. Без каких-либо вербальных и невербальных переговоров братья направились в оазис тишины, красоты и гармонии.

Не обращая внимания на осторожные взгляды билетёрши на входе, Полозовы обогнули Карпиев пруд, проследовали вглубь тенистой аллеи и сели за крайний столик летнего открытого кафе возле аккуратно постриженной зелёной изгороди.

Лис положил локти на стол, опустил голову на руки и устался в белый пластик. Ворон снял очки и, зажмурившись, принялся массировать переносицу. Тур тяжело откинулся на высокую спинку стула.

— Болит? — Ворон прервал своё занятие, чуть только близнец прижал ладонь в чёрной перчатке к левому боку.

— Пустяки. Шов потянул слегка.

Лис приподнялся.

— Из-за меня, да? Прости. Я хотел успеть ей сказать.

— Не бери в голову. В отличие от всего остального, твои слова возымели хотя бы какое-то действие.

Юноша опять ткнулся подбородком в скрещённые на столе руки.

— Я не заметил, — вздохнул он. — И следа Кикиморы тоже не видел. Близнецы вяло кивнули.

— Времени много прошло. Опоздали за её следом, — произнёс Ворон.

Лис покосился на него, и что-то в облике старшего брата ему не понравилось.

— Очки надень, — предупредил Тур.

— М-м? — Ворон лениво посмотрел на себя в тёмные стёкла. — О, чёрт!

Очки были немедленно водворены на место. И не напрасно. Карие, обычно тёплые живые глаза зияли мёртвой пустотой.

— Тур, руки как? — спросил он в свою очередь, заметив, что близнец держит ладони плотно сомкнутыми.

Тот вздохнул, медленно снял правую перчатку и представил братьям на обозрение тыльную сторону кисти. Кожа на руке была желтовато-белой, с примесью синевы, а под коротко подстриженными ногтями, венчавшими длинные ровные пальцы, растеклась чернота.

— Как обычно, — Тур натянул перчатку. — Но сегодня мы контактировали с тем светом слишком долго.

— Она ждала нас, слышали? — напомнил Ворон.

— Не удивлюсь, если Надежда Сергеевна далеко не так болтлива и доверчива, как предстала перед нами, — согласился Тур.

Лис насторожился.

— Ворон, разве не ты на неё «нажал»?

Старший брат усмехнулся в усы, неторопливо достал сигареты, прикурил одну для близнеца, другую для себя, выпустил первый клуб дыма и лишь после этого ответил.

— Я вообще не нажимал на неё, малыш.

— Но она вас обоих даже не заметила! — Лис привстал на стуле.

— В том-то и дело, — подтвердил Тур.

Лис испуганно огляделся по сторонам, наткнулся на любопытный взгляд парочки студенток, издали изучавших необычную компанию, облегчённо вздохнул и объявил.

— Народ вас отчётливо видит.

— Это радует, — хмыкнул Ворон и поправил очки.

Тур одной рукой помассировал другую. Лис смутился.

— Братцы, я перетрусил, честно.

— Я тоже. Особенно когда она «сменила пластинку», — Ворон сбросил пепел в урну, подвернувшуюся подле. — Прошлый раз она пыталась настроить меня против Тура. Теперь, видимо, поняла, что якоря у меня крепкие, и хотела сделать нас обоих проводниками.

— Стоп, — Тур оперся ладонями о столик. — Это означает, что без Бера она вообще не способна дотянуться до этого света?

— А Бер живёт в старой квартире, потому что Пятница выходит только через знакомое ей место! — оживился Лис. — Это она помогла ему заработать деньги и сделала серьёзной фигурой в каких-то фирменных кругах. Тур, помнишь, что она тебе обещала? «Научу управлять глупой властью!»! А помните список депутатов?

— Тише, Лис, — шикнул Ворон.

— Погоди, — юноша отмахнулся, но громкость поубавил. — Я неоднократно читал о штатных экстрасенсах в правительствах разного уровня. Я полагал, это полная ерунда из «жёлтой прессы». А получается — нет. Бер — один из таких, и, наверное, наиболее действенный и «правдивый» — ведь Пятница владеет огромным количеством информации. Подстать Оракулу. С анализом и логикой у неё полный порядок, следовательно, её версии будущего совершенно реальны!

— Её цель — месть, — произнёс Тур. — И направлена эта месть не на конкретного субъекта, а на людей вообще.

Ворон согласно покивал.

— Хуже другое, — вступил он. — Мы никак не можем повлиять на её цель. Ты почти подцепил её, Лис, но обломился на правде.

— Не мог же я ей соврать, что я и есть её Серёжа? — Лис опустил плечи. — Отец ошибся как раз в этом месте. Обещал вернуть сына, а подсунил меня. Теперь понятно, почему она не желала меня видеть в своём царстве. Но про информацию Серёжи я не соврал. Его память каким-то образом досталась мне. Я действительно помню Ленинград, эту квартиру, Надежду Сергеевну и даже лицо Миши.

— В этом никто не сомневается, — успокоил его Тур. — Но ни Огненный Полоз, возродивший нас на том свете, ни тем более мы, производная от его памяти, не имеем в руках орудия для того, чтобы потушить её ненависть к людям.

— Ну нет. Подождите, — Лис начал ёрзать на стуле. — Не было ещё ни одного заложного, которого мы бы не сумели проводить!

— Она непростая заложная, — вздохнул Ворон. — Она заложная собственной беды и одиночества. Не думаю, что Память Земная вручила ей нас в качестве оловянных солдатиков. За огненными кольцами отца нет зла, нет войн, обид, мести и гнева. Там царят покой и знания, порождающие новую жизнь. Людмила Старостина осталась на перепутье. Видимо, отец хотел, чтобы мы помогли ей выбрать дорогу. А она легко взяла нас в полон. Поскольку у нас за спиной в тот момент не

стояло ничего, кроме взаимного непонимания.

— Взаимного что? — Лис не поверил своим ушам.

— Малыш, два как один мы стали после *второго* рождения, — пояснил Тур. — И не призрачный солдат, вдохновлённый Симарглом, убил Змиулана в бою. Копьё бросил кто-то, кто узнал в нас своё. И это копьё порвало порочный круг, сотканный злобой Пятницы из нашей ярости. Лишь тогда Ворон увидел во мне брата, а я изгнал гордыню и принял протянутую руку.

Лис уставился на узорную металлическую ограду.

— Получается, вы всё знали с самого начала? А я только бередил старые раны в вашей памяти?

Ворон облокотился на стол и тем самым придвинулся к младшему брату.

— Лис, ты помог нам многое осознать и заставил без страха оглянуться на пройденный путь как на том, так и на этом свете.

— Ты хочешь сказать, что миссия заставы закончена? — встрепетнулся юноша.

В ответ Тур и Ворон дружно рассмеялись.

— Малыш, оглянись вокруг, — предложил Тур. — Разве мир заканчивается за стенами нашего дома?

— А Земная Память ограничивается нашими воспоминаниями? — подхватил Ворон.

Лис почувствовал, как сходит на нет напряжение, державшее Полозовых в ледяных тисках после неожиданной встречи на клетчатом ковре.

— И каковы наши ближайшие планы? — обрадовался он.

— Неохота мне за руль в час пик, — проговорил Ворон и огляделся в поисках другого предложения.

— Прогуляемся по городу, а ночью поедem домой, — сказал Тур. — Выспитесь в машине.

Ворон собрался возразить, но наткнулся на обезоруживающую улыбку и поднял руки в знак согласия.

— Ну, ладно, ладно, молчу. Ты у нас врач, сам решай, что тебе можно и когда.

— Так-то лучше, — с удовольствием согласился Тур.

Полюбовавшись на мраморные статуи персонажей греческого пантеона, Полозовы вернулись на набережную Мойки. На другом берегу над зелёными шапками парковых деревьев возвышались красные стены Михайловского замка.

— Удивительный город, — Лис прищурился на солнце. — История и современность спутались в один клубок, но так и не ужились друг с другом.

— Почему же не ужились? — спросил Ворон. — По-моему, цивилизация чувствует себя здесь совсем неплохо. О, лихачит!

Он показал на красную иномарку, без зазрения совести обогнавшую справа попутный автомобиль.

— Потому и не ужились, — Лис проследил за его взглядом. — Думаешь, хозяину этой штуки приятно колесить по узеньким переулочкам? Дай ему волю, он снёс бы все фонари на мостах, а заодно и сами мосты. Ведь нынче не проблема упрятать речку в подземную трубу. С другой стороны, несчастных клодтовских коней реставрируют не первый год. Выхлопные газы пагубно отразились на состоянии скульптур.

— Отчасти ты прав, Лис, — произнёс Тур. — Однако историю и современность создают люди. Пока существует уважение к соседу, к городу, в котором живёшь, к культурным ценностям своего народа, границы между прошлым и настоящим очерчены лишь временем. А время есть солидарность человеческих поколений.

— Ух-ты! — Лис восхищённо приоткрыл рот. — Точно сказано.

— Это цитата, — Тур улыбнулся.

Ворон нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Реальные действия он всегда воспринимал лучше философских измышлений.

— Куда двигаем, сусанин? — поторопил он. — Созерцать уличные перекрёстки можно и дома.

— Пошли на Фонтанку, — Лис пожал плечами. — Там потише.

Возле тёмной тоскливой речки действительно было тихо и спокойно. Казалось, вода ненавязчиво гасит стрессы, заглаживает бурные эмоции и омывает раны человеческих душ. Люди, ступавшие на гранитную набережную, невольно сбавляли шаг и, отодвинув заботы, с упоением вдыхали липовые ароматы сквера Инженерного замка.

— Лис, почему заложные не могут пройти через речные мосты? — вдруг спросил Ворон, глядя на противоположный берег, где остался дом Людмилы Старостиной.

— Не знаю, — юноша остановился возле парапета. — Считается, что гости с того света вообще не в состоянии преодолеть какой-либо рубеж: мост, перекрёсток, замкнутый забор, черту охранного круга. Мир живых порождает информационную сферу. Это очевидно. Наверное, вместе с фактами в Память просачиваются искусственные убежде-

ния, и возникает ложная, но крепкая стена, за которой люди успешно прячутся от собственных страхов. В давние времена, когда одно племя оттесняло другое, победители первым делом старались огородить или уничтожить кладбища. То, что было свято для одних, становилось враждебно по отношению к другим. Родители, почившие предки — для чужаков они навьи, вредоносные мертвецы.

— Значит, Кикимора до сих пор там? — Тур показал на крыши коммуналок.

Лис по-мальчишески повесил нос.

— Я не ощутил её присутствия в квартире. Остаётся надеяться, что Ки потерялась где-то в просторах Интернета. Ведь она перекинулась к Беру в форме компьютерной информации.

Ворон отвернулся, чтобы скрыть кислую мину, помимо воли проступившую на лице. Лис с ним молча согласился: в своё предположение он тоже не поверил. Но ни тот, ни другой не заметил, как напрягся Тур, медленно освобождавший руки из чёрных перчаток.

— Встать втроём под луной и бросить клич в Переход, — Ворон сдёрнул с лица очки. — Да так, чтобы всё закачалось на обоих берегах!

— Подожди, — Лис краем глаза поймал движение второго брата, развернулся к парапету и заглянул вниз, на отвесную стену набережной, приковавшую внимание Тура. — Это что такое?

На каменной площадке в полуметре от воды красовалась бронзовая фигурка.

— Чижик-пыжик, — негромко пояснил Тур и осторожно повёл в пространстве открытой ладонью. — Памятник герою знаменитой песенки.

— Я не помню здесь никаких скульптур, — насторожился Лис.

— Его поставили в начале девяностых, — походя объяснил Ворон и перегнулся через парапет. — Современная достопримечательность Фонтанки, любимец публики. Кажется, последний раз его похищали года два назад. Улетел с концами в чью-то частную коллекцию. После этого власти распорядились сделать точный дубликат и установили охрану с помощью видеокамер.

Тур тем временем протянул правую руку к бронзовому изваянию. Лис непроизвольно дёрнул носом. Показалось, что от речных волн поднимается знакомый домашний аромат.

— Кикимора, — юноша задохнулся от восторга. — Ки!

— Она была поблизости, — сообщил Тур.

Ворон отошёл на несколько шагов, удовлетворённо кивнул, обнаружив «глаз» охранной системы, и вонзил горячий взгляд в крошечную линзу аппарата.

— Прошла прямо над водой, — подтвердил он. — Рядом присутствовал ещё один призрак... Женщина... Платье старинное... Она показала Ки берег. Девчонка оттолкнулась от скульптуры... Всё. Больше не вижу.

Ворон поспешно нацепил на нос очки, сжал пальцами переносицу и добавил:

— Образ «чижика» знаком ей по чату. С него она начала свою болтовню в сети, поэтому и различила как объект в человеческой действительности.

— Куда она направилась? — Лис завертелся на месте. — Ворон?

— Понятия не имею, — он потряс головой и знаком дал понять брату, что помощь не требуется.

— Кикимора ищет дом, — Тур мельком глянул на свои пальцы, убедился, что мертвенная синева кожи исчезла, и убрал перчатки в карман. — Представления о доме у неё вполне человеческие: стены, крыша, окна.

Лис, как флюгер, повернулся в сторону Инженерного замка.

— Туда? — шёпотом спросил он.

Близнецы неуверенно переглянулись.

— Мало вероятно, — начал было Ворон и осёкся.

Полозовы ощутили присутствие приоткрытого информационного измерения.

— Михайловский замок был построен в конце XXVII века по указу Павла Первого, — как экскурсовод чеканил Лис, пока братья огибали сквер. — И получил своё название в честь архангела Михаила, которого Павел почитал своим небесным покровителем. Это здание считается самой романтической и таинственной постройкой Питера. Павел с семьёй переселился сюда 1-го февраля 1801 года. Замок даже не был достроен! А 11-го марта его убили в его же спальне. Накануне во время ужина, на котором присутствовал Кутузов с дочерьми, Павел сказал: «Я вижу в зеркале свою шею свёрнутой». Его действительно задушили офицерским шарфом. Правда, есть другая версия: сначала ударили табакеркой по голове, а избивали и душили уже мёртвое тело. Строительство дворца было заброшено. Лишь в 1819 году сюда поместили Инженерное училище. С тех пор здание стало называться Инже-

нерный замок...

— Что здесь сейчас, лучше скажи? — перебил Ворон.

— Кажется, военно-морская библиотека.

— Уже нет, — Тур остановился перед открытыми воротами с яркой табличкой на решётке. — Это филиал Русского музея.

Ворон посмотрел на часы.

— До закрытия около часа. Проскочим.

Тёмные очки нырнули во внутренний карман пиджака.

Братья без помех пересекли внутренний двор и поднялись к парадным дверям. Пропустили на выходе группу детишек во главе с утомлённой воспитательницей и бесшумно шагнули под своды архитектурного творения восемнадцатого века.

Присутствие призрака здесь ощущалось отчётливее. Отголоски информации сложились в образы дома, крепости, тоски и одиночества.

— Ки, — еле слышно позвал Лис. — Ки, где ты?

Конкретного ответа не вернулось, но появилось точное знание: идти наверх.

Полозовы миновали несколько широких помещений, обогнули лекционный зал, из которого выходили слушатели — большей частью школьного возраста, и приблизились к мраморной лестнице. Дорогу преградило истинно музейное ограждение в виде широкого бархатного шнура, зацепленного за перила блестящей скобой. Ворон, не долго думая, перемахнул через элегантную ограду, как через деревенский штакетник. Лис последовал его примеру. Тур усмехнулся, бесшумно снял скобу и вернулся на место, встав рядом с братьями. Лис при этом почувствовал себя настоящим варваром и, чтобы скрыть смущение, деловито заявил.

— Здесь 74 ступени. Наверху — спальня Павла. На втором этаже апартаменты Александра, в те времена — наследника престола.

— Кого из них больше уважает наша Ки, по-твоему? — уточнил Ворон.

Парень по-лисий фыркнул.

— Осторожно пройдемся везде, — Тур пришёл ему на выручку. — Справишься, близняшка?

Ворон подмигнул ему.

— Про мои «отрубоны» смело можешь забыть, — уверил он.

Внизу громко объявили о закрытии лектория.

— Заставлю охрану выпустить нас через чёрный ход, — Ворон махнул рукой. — Мы ж не воры, в конце концов. Заберём Ки, и сразу

назад.

По коридорам Михайловского замка Полозовы плутали не менее часа. После того как экспозиция завершила работу, пришлось пережить нашествие уборщиц, старательно закрывавших за собой двери вверенных помещений. Ворон вознамерился завладеть связкой ключей, но влезть в карман халата ничего не подозревавшей женщины преклонных лет у него не хватило духу. Зато с третьей попытки он сумел «убедить» работницу оставить одну из комнат открытой.

— Это апартаменты Павла Первого! — воскликнул Лис от возбуждения громко.

Тур прижал ему ладонью рот. Под напряжённым взглядом Ворона уборщица на шум не отреагировала. Зато где-то в глубине отреставрированных лабиринтов возникло нечто, родственное животному ужасу.

Ворон проконтролировал перемещение обслуживающего персонала в направлении выхода, подождал несколько минут — не появится ли на лестнице кто-нибудь из охраны — и, наконец, обернулся к братьям. В глазах играли ледяные искры.

— Порядок. Мы одни.

— Не совсем, — тихо произнёс Тур и направился прямо к дверям императорской спальни. — Что-то с той стороны есть.

Ворон внимательно оглядел коридор и быстро перешёл к брату. Лис счёл благоразумным не отставать.

— Я бы почуял дух нашей Ки, — неуверенно остановился он, когда братья приоткрыли белую вполне современную дверь, ведущую в некогда царские покои.

— Она не была дома больше недели, — напомнил Ворон. — Небось, нацепляла на себя массу посторонней информации.

— Тогда чего она боится? — не унимался Лис. — Слышите страх?

Тур поднял указательный палец, мол, помолчи, а Ворон просто отмахнулся.

Музейные работники приложили максимум усилий, чтобы воссоздать комнаты такими, какими выглядели они в последние дни жизни Павла Первого. Гостиная, домашняя часовня, кабинет, парадная спальня составляли единую экспозицию. Дверь в покои Марии Фёдоровны, жены императора, была заперта, как и в ночь убийства. В спальне сохранился камин, послуживший жертве заговорщиков минутным убежищем. О точности расстановки мебели Лис судить не мог, поскольку не встречал в книгах столь детального описания. В остальном всё совпало с тем, что он когда-то читал о самом странном и непредсказу-

мом представителе дома Романовых.

Пока студент рассматривал вещественные иллюстрации своих познаний, старшие братья обошли помещение по кругу и дружно остановились возле камина.

— Следы заметны, но Ки я не вижу, — признался Ворон.

Тур провёл рукой по каминной полке.

— Здесь скрыто нечто, похожее на пристанище памяти, — сказал он медленно. — Камин напоминает ворота. Лис, что бы это значило?

— А? Какие ворота?

— В информационное измерение, — уточнил Ворон.

— Ну да. Наверное, — Лис оторвал взгляд от портрета давно почившего хозяина замка и сообразил, о чём конкретно его спросили. — Конечно! Павел спрятался в камине, когда понял, что заговорщики на пороге, а бежать некуда.

— При чём тут Павел? — возмутился Ворон. — Сдался тебе этот чокнутый элемент истории!

Лис счёл своим долгом выступить в защиту.

— Почему все видят в Павле Первом только буйного психопата? Почему никто не желает вспомнить, что первую попытку ослабить крепостное право сделал как раз Павел? Он заменил ненормированную барщину на обязательные работы по три дня в неделю, а воскресенье вообще объявил для крестьян выходным. Он лично собирал народные жалобы и рассматривал иски, причём далеко не в пользу царедворцев и богатеев. Он спас Мальтийский Орден, когда Наполеон захватил Мальту. Он до сих пор считается в Ордене 72-м фактическим магистром. А его попытка удалить церковный раскол? Посудите сами: стали бы знатные дворяне прибегать к убийству царя, если бы он не попирали их собственные интересы? Да, факты подтверждают: методы Павла были не самыми гуманными, зато идеи и помыслы направлялись во славу России и русского народа!

— Интересная позиция, — заметил Тур, внимательно осматривая каминную решётку.

— К сожалению, малыш, — назидательным тоном начал Ворон, — методы вещь материальная, а идеи — понятие эфемерное. Люди помнят реальные дела, в то время как недостигнутые цели остаются фантомами... Тур, что ты делаешь?

Последнее прозвучало почти обескураженно, поскольку Всеволод Полозов, присев на корточки, приступил к тактильному изучению внутренних поверхностей камина.

— Пытаюсь вынуть призрака, — невозмутимо отозвался тот.

— Ки! — обрадовался Лис и интенсивно втянул носом воздух.

Знакомых запахов в пространстве не оказалось, зато отчётливо проступил дух запёкшейся крови, едкого табака и восковых свечей. От неожиданности Лис громко чихнул.

— Это не Ки, — Ворон отодвинул младшего брата к стене. — Тур, осторожно!

Из камина хлынул холодный нематериальный поток. Тур не успел подняться на ноги, и призрачная волна опрокинула его на ковёр. Глаза Ворона заволкло мутной пеленой, а у Лиса заложило оба уха. Полтергейст ринулся на занавешенное окно, и тяжёлые гардины дрогнули так, что заскрежетали кольца на карнизах. Табличка с описанием экспонатов съехала со столика на ковёр, а огромное кресло поползло по паркету к дверям, как бы отрезая путь к отступлению.

— Ваше Величество, мы не причиним вам вреда! — крикнул Лис в пустоту. — Мы всего лишь искали нашу подругу.

— Назови его по имени! — Тур крепко держался за каминные прутья, в то время как взбесившаяся информационная ипостась неуравновешенного правителя норвила толкнуть незваного гостя прямо на острое кружево, венчавшее решётку.

Лис замешкался. Легко сказать, назови по имени призрака императора. Не скажешь же: Павел Романов, прекратите безобразничать.

— Как его отчество? — прикрывая локтем лоб и глаза, громко спросил Ворон.

Подобного невежества от старшего брата студент не ожидал. Даже забыл на секунду о буйствующем духе.

— Петрович, — ответил он, кровно обиженный от лица всей отечественной истории.

— Павел Петрович, — Ворон не замедлил использовать подсказку, — успокойтесь, наконец. Вы рушите собственные апартаменты! Причём совершенно зря: нас не напугаете, а до охраны не достигнете.

По части охраны он не был уверен несколько, но внешней решительности оказалось достаточно, чтобы призрак поубавил пыл.

— Ну всё, угомонились? — добавил он, когда воздушная муть, напоминавшая поднятую ветром пыль, сгустилась посреди спальни.

— Поаккуратнее в выражениях, — предупредил Тур, подошедший сзади, — с императором разговариваем всё-таки.

— Ты думаешь, двухсотлетний призрак способен сохранить черты

своего оригинала? — обернулся Ворон. — Да это же просто...

Лис дёрнул брата за рукав и показал вперёд.

Возле стола прямо напротив портрета Павла Первого стоял... император российский Павел Первый. Копия была настолько точна, что Ворон невольно сморгнул.

— Лис, твоя работа? — шепнул он.

— Иди ты, — огрызнулся юноша.

Из-под треуголки, сдвинутой на левый висок, сверкнули большие властные глаза, затмившие белый уродливый лик.

— Кто такие? Как посмели вторгнуться в мои покои?

Тур быстро определил, что от оторопевшего Лиса в ближайшие минуты толку не будет, а Ворон ещё не выбрал позицию в назревавших переговорах. Поэтому первый раунд он взял на себя.

— Павел Петрович, простите великодушно, — он выступил на полшага вперёд. — Мы искали не вас, а девочку, которая присутствовала неподалёку.

Обезображенное гневом лицо царя-призрака смягчилось.

— Девочку? — брови по-детски выгнулись, а властные глаза вдруг стали совершенно кроткими. — Ах, вы не ко мне? Странно. Весьма странно.

Большие губы разочарованно сомкнулись.

— Мы не хотели нарушить ваш покой, — уверил Тур. — Извините.

Призрак задумчиво прошёлся вдоль окна, от чего на гардинах образовалась большая стационарная тень, повторяющая контуры портрета.

— А не приходило ли вам в голову, господа, — он виртуозно повернулся на каблуках, — что девочку помогу найти я? — и покачал воздухе рукой, будто собирался преподнести гостям нечто изысканное. — Право же, нечасто ко мне приходят со столь... — он воздел взгляд к потолку в поисках подходящего слова. — Со столь *человеколюбивым* делом.

Довольный результатом, он живо переместился к креслу, уселся, игнорируя музейный шнурок и предупреждение не трогать экспонаты руками, и взмахом показал гостям на свободные стулья.

— Рассказывайте. Рассказывайте, рассказывайте, где и как потерялся ребёнок? Я с *удовольствием* дам вам ответ.

Тур замялся, но вступил Ворон.

— Павел Петрович, речь идёт не о ребёнке, а об информационном сгустке создания, которое погибло всего месяц назад.

Лис зажмурился, ибо ему показалось, что за этим откровением по-

следует локальный Армагеддон, порождённый гневом обиженного духа. Однако услышанное призрака не смутило.

— Неужели? — выразительные, на удивление живые глаза наполнились любопытством. — Вы разыскиваете то же, чем являюсь я? Стоя по эту сторону мира?

Любопытство переросло в недоумение, а затем в нескрываемое изумление.

— Господа, верить ли мне своим глазам? Вы живёте там и называете другом то, что на иной стороне? — призрачные очи императора объяли присутствующих. — Вы живёте *и там, и здесь*? Как возможно? Или... со мной играют в шутки?!

Гневная маска возникла возле призрачного лица, как отдельный элемент фигуры, и медленно поплыла на отведённое ей место.

— Павел Петрович, — Лис решительно подошёл к императорскому духу и встал перед ним на вытяжку, как перед преподавателем на зачёте. — Это не шутка и не розыгрыш. Мы видим, слышим и чувствуем вас, потому что рождены дважды: на этой и на той стороне света. Так получилось. Хотя, — он оглянулся на братьев, — найти кого-либо на вашей стороне не всегда получается.

Маска пропала, не достигнув цели, а лик призрака вновь приобрёл оттенки добродушной заинтересованности.

— Дважды рождённые? Странно. Весьма странно. Но как мило! — чувственно прозвучало из царственных уст.

Дух императора водрузил локоть на высокий подлокотник кресла, опустил круглый подбородок на кулак и замер в позе мыслителя.

Ворон воспользовался паузой.

— И речь, и понятия у него вполне современные, — шепнул он близнецу.

— Ещё бы! Представь, сколько информации он накопил за две сотни лет, — также тихо отозвался Тур. — Знать бы, что его здесь держит.

— Девочка была неподалёку, — вдруг заговорил призрак Павла Первого. — Она искала дом в тумане. Возле моего замка не осталась, отправилась куда-то далеко-далеко, через мосты. Счастливая! Она умеет путешествовать, — он грустно улыбнулся. — Увы, господа. Ничего боле не могу вам сообщить.

Лис вздохнул.

— Спасибо. По крайней мере, мы теперь знаем, что она не попала в какой-нибудь капкан.

— Вы уходите? — разочарованно спросил призрак, заметив дви-

жение гостей к выходу. — И вы не хотите узнать о политических интригах, о биржевых играх, о военных планах правительства, о выгодных экономических сферах? Вы удивлены? — довольный произведённым эффектом, он откинулся на спинку кресла. — Ко мне частенько присылают гонцов со всей России. Большею частью они — совершенные тупицы. Но иногда! Да-да, иногда судьба проявляет ко мне благосклонность, и я беседую долго и полезно. Кое-что узнаю сам и кое-что передаю достойным.

— Ух-ты! — оживился Лис. — Значит, и к вам приходят за советом, Павел Петрович?

— Я был императором России, юноша! — треуголка призрака приняла форму шапки Мономаха, а камзол преобразовался в горностаевую мантию. — Всю свою жизнь я желал править так, чтобы на троне восседала сама справедливость. Пять лет я правил. Но, увы! Они не поняли ничего в моих реформах. Я управлял величайшей и ничтожнейшей империей! Я знаю всё, что пережила Россия... И знаю, что ей предстоит. В некоторой мере, — мантия и прочие атрибуты Его Величества превратились в парадный камзол, изображённый на портрете, — я позволяю себе править отсюда.

С хитрющим выражением лица призрак жестом показал на музейное помещение и камин, зиявший чернотой на фоне светлой стены.

— Каким же образом, позвольте спросить? — поинтересовался Ворон.

— Позволяю! — призрачный император закинул ногу на ногу. — Боле того, отвечаю: я знаю то, что никто не может знать при жизни. А после смерти знает, но не может сказать. А я могу. Здесь, в моём нынешнем существовании, я научился ждать. Неуклонно и терпеливо я тружусь во имя моей заветной цели.

— Какой же, если не секрет? — старательно скрывая пессимизм в голосе, опять спросил Ворон.

— Россия достойна быть великой державой мира! Какой видел её мой прадед! И люди России — будь то владыки, смерды, женщины, дети — достойны жить богатыми и счастливыми под рукою справедливой власти!

В порыве возвышенных эмоций император-призрак вскочил и пробежал по спальне к закрытому шторами окну. Видимо, в его представлении занавесей не существовало, и он, воздев в небо руку, продолжал пылко и возбуждённо.

— Когда толпы вооружённых матросов бродили здесь и там, когда

бились на февральском ветру кровавые знамёна, когда речи вождей поднимали народный дух, мне казалось: вот оно! — Призрак выдержал театральную паузу. — Вот оно — начало освобождения! Но...

Информационный Павел вернулся в кресло, швырнул треуголку на каминную полку и закончил без тени пафоса.

— В тот раз я ошибся.

— А как вам танки на улицах Москвы в начале девяностых? — не удержался Ворон.

— Ох! Ой! — призрачный лик брезгливо перекосялся. — Будет вам поминать! Фу! Я насилу вбил им мысль о скорейшей смене руководства. Впрочем, на то потребовался без малого десяток человеческих лет.

— Послы приходят прямо сюда? — как бы невзначай уточнил Тур.

— По разному случается. Чаще притягивается мысль какого-нибудь второсортного колдуна. Или *экстрасенса*, как нынче любят говорить. Я сам разрисовываю его облик по своему усмотрению. Представляю, ха-ха-ха! — призрак залиvisto рассмеялся, — представляю, как они удивляются, когда обнаруживают на себе в зеркале лишние черты! Однажды повадился ко мне один замухрышка с вопросами о Чечне. Всё ему хотелось знать: как, что, когда, куда вложить капиталы, с какой бандой завязать дела наверняка. Наскучил страшно. Я выпроводил его не солоно хлебавшим, а в подарок вручил сотню тараканов. Ненавижу эту пакость! Так он до скорого конца дней своих этих тараканов с себя и стряхивал. Ха-ха-ха!

— По-моему, это жестоко, — выговорил Лис.

— Жестоко? — глаза призрака весело блеснули. — Я позволяю себе шутить над теми, кто мнит о себе велико, а стоит дёшево. Таковые встречаются. Но мне нравится, что вы, обладая могучими силами, кои даже я не способен охватить знанием, связываете себя всё-таки с людьми. С этими ничтожными каплями памяти, порой забывшими предков своих, погружёнными в вечные заботы о хлебе насущном, старательно запирающими друг от друга свои тесные мирочки. Всё верно, господа, — призрак медленно поднялся на ноги. — Они — это мы. А мы — они. Им кажется, что ими управляют свыше. Какая глупость! Они сами управляют собой, сами вливаются в небытие и сами выходят на белый свет: как голоса, как мысли, как сама память.

— Вы отзываетесь о людях с пренебрежением, — разочарованно заметил Лис. — Почему?

— Это эмоции, юноша, — император-призрак грустно улыбнулся. — Но не подумайте, что я виню русский народ в том, что с ним происхо-

дит. Народ должно уважать. То первая заповедь любой власти. Каков народ, такова и Империя. Они рубят корни одного человека, не ведая, что подрубают мощь всей Державы. Но я верю в Россию. Устоит русский народ. Выдюжит. Вытерпит! И останется русским народом, как было во все времена.

— Павел Петрович, а не входит ли в ваши планы вернуться в Память земную? — спросил Тур. — Ваши знания и чувства обогатили бы её для новых поколений.

Призрак императора задумчиво прикрыл глаза, плотно сжал губы и отрицательно покачал головой.

— Рано. Я вижу себя нужным здесь, в этом маленьком мире, наполненном собранными мной знаниями. Я храню эти знания и отдаю по мере необходимости. Я не успел прожить свою жизнь, поскольку торопился изменить её и вместе с жизнью самой России. Я не имел права спешить. Я должен был воспитать последователей, найти единомышленников, посеять веру в народе и поднять знамя справедливости. Я поднял знамя, но вдруг увидел, что я один на поле битвы против тысяч врагов...

Облик призрачного императора претерпел новую метаморфозу. Маленького роста, нескладный, едва ли не уродливый, он стоял перед Полозовыми в нижнем белье, перепачканном кровью, с босыми ногами и непокрытой головой. А на левом виске зияла роковая рана, в одночасье оборвавшая стремительный взлёт императора Павла Первого.

— Один в поле не воин, — тихо пробормотал Лис.

— Умные учатся на чужих ошибках, — произнёс призрак убиенного царя и вновь облачился в свой портретный образ. — Если бы я знал это при жизни! Но в нынешнем моём существовании я исправляю свои ошибки. Когда-нибудь я покажу вам мои успехи, — призрак заговорщицки подмигнул Полозовым. — Но пока — рано. Я дождусь нового рассвета России. А там уж передам мои знания в анналы истории. Быть может, и с вашей помощью, юноша, — призрак Павла дружески кивнул Лису. — Или с помощью ваших будущих учеников. Историческая наука обязана быть непредвзятой и кристально честной. Лишь тогда в памяти воцарится покой...

Контурсы императорского образа потеряли чёткость. Призрак плавно переместился к камину.

— Располагайтесь, господа. До утра никто вас не побеспокоит.

Лис изумлённо повернулся к окну. За шторами было достаточно светло.

— Разве уже вечер? — спросил он.

Из призрачного абриса донёлся залиvistый смех.

— Вы забыли о белых ночах Санкт-Петербурга, юноша! Отдыхайте, господа. Не стоит нервировать охрану попусту. Они включают *сигнализацию*. Вряд ли вам удастся доказать *технике*, что вы не существуете. Спокойной ночи.

Призрак исчез в недрах камина, но спустя секунду в спальне вновь возник его информационный тон.

— Ах, чуть было не запамятовал извиниться за учинённый мною кавардак. Показалось вдруг, что вместе с вашим явлением ко мне залетел мой роковой день...

— Не берите в голову, Павел Петрович, — ответил Тур. — Доброй ночи.

Ворон усмехнулся и показал братьям наручные часы.

— Ноль сорок. Мы находились вне нормального мира почти пять часов и этого не заметили. Скверно.

— Отнюдь, — возразил Тур. — Лично я вполне доверяю экстравагантному хозяину этих апартаментов.

— Я тоже! — воскликнул Лис.

— Не в том дело, братцы, — Ворон присел на императорскую кровать, попробовал на прочность матрас и распустил узел галстука. — Мы сейчас впитали гораздо больше информации, чем «слышали» от Павла Петровича. Осталась одна проблема: научиться её использовать.

— Может, не всё сразу? — Лис зевнул и последовал примеру старшего брата, а именно, скинул пиджак и с удовольствием освободил шею от бесполезного элемента одежды.

Тур стоял спиной к кровати и приготовлений братьев не видел.

— Я заметил, что в Переходе время для субъекта идёт значительно быстрее, чем земное, — сказал он. — А в Памяти, даже локальной, наоборот.

— Согласен, — поддержал Ворон. — Во сне происходит то же самое. Когда засыпаешь, кажется, что передумал всё, что было в голове, а взглянешь на часы — десяток минут всего прошло. Зато когда трезвонит будильник, думаешь: как же так, ведь только что заснул.

— Сон — это индивидуальная память человека, но законы Перехода общие. Верно, Лис?

— М-м? — ответил Лис.

Тур спохватился.

— Всё, умолкаю. Вам пора спать.

— Не вздумай проверить теорию на практике, — предупредил его близнец прежде, чем растянуться на музейном покрывале.

— Обещаю: никаких экспериментов.

Дождавшись, когда братья крепко заснут, Тур поднял пиджак Ворона, брошенный на краю широченного ложа, аккуратно расправил и повесил на спинку стула. Затем взял пиджак Лиса. Из кармана на пол бесшумно выскользнул мобильник. Тур взял его в руки. На дисплее блёкло светился значок неотвеченного вызова.

Тур проверил свой аппарат, затем сотовый близнеца. Ни одному, ни другому никто не звонил. Не услышать вызов Лис не мог, учитывая его феноменальный слух. Получалось, что сигнал поступил в промежутке от семи вечера до полуночи, когда братья находились в информационной сфере Павла Первого. Тур вывел на дисплей запись. Так и есть: звонили около девяти. Однако номер вызывающего не числился в «записной книжке» мобильного, а код города указывал на какой-то районный центр Тверской области.

Будить младшего брата Тур, разумеется, не стал, но звонок вызвал комплекс тревожных мыслей. Первая из них сводилась к Марине. И хотя Полозовы, отправляя женщину на турбазу, купили для неё сотовый телефон, Тур вспомнил об упрямом нежелании Марины принимать столь дорогостоящий подарок, подумал о «сбойнувшем» зарядном устройстве и предположил ещё десяток неконкретных «а вдруг», заставивших Марину звонить со стационарного аппарата турбазы на мобильник младшего брата Всеволода и Владимира Полозовых. Окончательно развеял его несостоятельную тревогу междугородний код, не совпадавший с кодом Осташковского района, который Тур хорошо знал, благодаря болезненному директору турбазы.

Вторая мысль неожиданно повернула в сторону Оли и, как ни странно, Кикиморы. На память пришёл день «похорон имени» и анекдоты в ординаторской, которыми Ки потчевала хирургическую бригаду. Тревога пропала окончательно. Её место заняло ощущение хороших новостей, поджидавших на горизонте нового дня.

Тур опустил голову на высокую спинку кресла, в котором не так давно восседал призрак императора, прикрыл глаза и максимально расслабился. Привычное упражнение, предоставлявшее телу необходимый отдых, неожиданно дало побочный эффект. Он вышел из оцепенения, точно зная, что Оля ещё в субботу уехала к своей маме в Бологое, телефонный код соответствует этому городу, а её звонок Лису содержал какую-то положительную информацию о Кикиморе.

Рациональность мышления не позволила Туру принять за факт мелькнувшие в информационной сфере детали. Однако он сделал над собой усилие, и то, что сознание испуганно отставило в зону «нереального», проступило как чёткое бесспорное знание.

Кикимора, крупно повздорив с Пятницей в кабинете Бера, умчалась в пространство, долго скиталась по улочкам Питера, обнаружила информационный ориентир в виде скульптуры Чижика-Пыжика и вступила в переговоры с русалкой на Фонтанке, которая согласилась перевести её через реку. Следующим этапом Ки сделала попытку влезть в Интернет через компьютеры какого-то интернет-салона и потерпела неудачу. Но духом не упала и после нескольких приятных и не слишком приятных встреч нашла проводника в призрачном лице жителя блокадного Ленинграда, умершего в декабре 1941-го. Информация о победе над Гитлером воодушевила призрака, и он, освобождённый от вечной зимы, в благодарность проводил Ки до Московского вокзала. Здесь целеустремлённая Кикимора получила представление о поездах и вагонах, пробилась сквозь туман реальности и попала в информационную сферу железнодорожника, знакомого Лису по драматическим событиям в Вышнем Волочке. Следующий шаг едва не завёл в тупик воодушевлённое успехами домашнее привидение. Разглядев на платформе человека в белом халате, Ки кинулась за его мыслью, уверенная, что нашла доктора Полозова.

Тур улыбнулся. Оля, посвящённая Лисом в историю Кикиморы, приняла проблему Полозовых как свою собственную и не придумала ничего лучше, как обратиться к погибшему отцу. Она не ощущала духа родителя, неотступно стоящего у неё за спиной, не видела его добрый взгляд, не слышала его обещания привести блудного призрака. Но, разговаривая с фотографией поздней ночью в спящей квартире, свято верила, что отец поможет Ки вернуться домой...

— Они прочная пара.

Тур согласно склонил голову.

— Ваша дочь — прекрасный человек, Виктор. Но Борис ещё так молод.

— Они научат друг друга быть взрослыми... Позвольте совет, Всеволод.

— Всегда рад, коллега.

— Доверяйте младшему брату. Он уравнивает на чаше весов жизнь и смерть, коим испокон веков служит ваш род. Из пятнадцати поколений ваше — первое, установившее потерянный баланс.

— Вы знаете нашу семью?

— Память велика, а мир тесен. Судьбы зачастую переплетаются в глубоких корнях. Вы помните свою первую самостоятельную операцию, доктор?

— Я подумал тогда, что готов быть хирургом. Разрушить здоровую ткань ради уничтожения больной.

— О, да! Я думал так же. А ваш брат и моя дочь — они готовы разрушить удобное спокойствие ради истины и добра.

— Им будет нелегко в жизни.

— Как многим... Всеволод, прошу вас, возьмите Ольгу в ученики. У неё есть способность вести за собой благо. Научите её охранять жизнь и здоровье людей.

— Научу. Всё, что она отважится принять от меня, будет принадлежать ей.

— Благодарю вас, Всеволод... Позвольте мне повидаться с дочерью прежде, чем я уйду.

— Вы встретите её сегодня вечером на заставе, Виктор.

— Спасибо...

Тур посмотрел на свои руки. Контакт с потусторонней средой длился в его представлении достаточно долго, чтобы индикатор указал на «двойное гражданство». Но ожидаемой печати на коже не оказалось.

«Переход был закрыт, когда я общался с ним. Он — заложный, — запоздало вспомнил Тур. — Равно как император Павел, создавший здесь собственный очаг знаний. Они влияют на живой мир. А мы слышим их, но принадлежим людям. Быть может, в этом и есть назначение рождённых смертью — оставаться с людьми живой памятью?..»

День тридцать второй

Пробуждение Ворона и Лиса получилось несколько сумбурным, поскольку никто не предполагал, что охрана музея имеет указание проверять помещения после того, как объект снимается с сигнализации. С другой стороны, появление заспанного дежурного пришлось кстати: под прикрытием огненного взгляда Полозовы успешно покинули апартаменты Павла Первого, а спустя полчаса выбрались из Михайловского замка на улицы утреннего Петербурга.

— Вроде бы не наследили, — попыток Ворон, придиричиво оглядев издали парадный вход. — Сколько гнать до Бологое? Часа два?

Тур улыбнулся. Он не успел рассказать братьям о своём ночном открытии. Близнецу устная форма повествования уже не требовалась.

Зато Лис проявил непростительную инертность.

— Зачем нам в Бологое? — удивился он. — Довольно с нас путешествий. Давайте лучше домой... Чего вы на меня уставились?

Ему не ответили, лишь хитро следили за выражением веснушчатого лица.

— Я опять что-то проспал? — насторожился Лис.

В роли подопытного кролика он чувствовал себя совершенно неуютно.

— Ну, хватит комедию ломать! Терпеть не могу, когда вы оба такие одинаковые! Колитесь, что ещё стряслось...

Он осёкся, напряжённо помолчал и вдруг просветлел.

— Дошло, — объявил Ворон.

— Сработало, — почти в один голос с близнецом произнёс Тур.

Лис остался стоять перед братьями, растерянно разинув рот. Ворон развернул его за плечо в направлении автостоянки и зашагал вперёд. Тур слегка хлопнул по спине и тем самым подтолкнул за братом.

— Если поторопимся, будем на месте к девяти утра.

— Тур, а как? Ворон, почему? Как это получилось? Да погодите вы! Почему я знаю то, чего не слышал и не видел?

— Потому, что благодаря Павлу Петровичу мы избавились от влияния одного вредного постулата, — объяснил Тур. — «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» для нас больше не работает.

— Ух! — задохнулся Лис и просветлел, озарённый новой догадкой. — Эй, Ворон! Я понял, что делает твой взгляд с человеческим сознанием! Ты подменяешь информацию, которую воспринимает человек!

— Ага. Это называется «внушение» и старо как мир, — откликнулся Ворон.

— Слушай, — не унимался Лис, — а компьютерную информацию ты можешь подменить?

Ворон приостановился и кисло глянул на младшего брата.

— Я что, киборг, по-твоему?

— Нет, конечно.

— Тогда не путай божий дар с яичницей. Лучше постарайся сообщить Кикиморе, что мы с часу на час будем в Бологое. Пусть Оля не торопится на вокзал.

Лис старался выполнить поставленную задачу на протяжении всей Ленинградской и большей части Новгородской области. После того,

как позади осталось Чудово, он сдался.

— Она собрала сумку и вышла из дома, — в отчаянии сообщил он братьям.

— Кикимора? — Ворон изобразил удивление.

— Оля! — в нынешнем состоянии Лис шуток не воспринимал. — Её дом в десяти минутах ходьбы от вокзальной площади. А Ки я вообще не вижу!

— Мы ищем форму, а не информацию, — произнёс Тур.

Парень лишь сейчас заметил, что старший брат также занят поиском контакта с домашним духом.

— Братцы, варианта два: либо мы долбим информационное пространство втроём дружно, либо я увеличиваю скорость, — сказал Ворон. — Предупреждаю, выполнить эти действия одновременно я не способен.

Лис посмотрел на спидометр. БМВ нёсся по трассе на ста восьмидесяти.

Тур достал мобильник, несколько раз набрал номер и, когда абонент ответил, осведомился о графике электричек.

— Ворон, не гони. Ближайший электропоезд будет через три с лишним часа. Предыдущий, на который спешит Оля, отменён.

Скорость свалилась на сто сорок, и Ворон за рулём заметно расслабился.

— Тур, — Лис подозрительно покосился на брата, — ты же мог получить эти данные другими путями.

— Какими «другими»? — откровенно изумился брат.

— Ну... Из информационной сферы.

— К вопросу о даре и яичнице, — усмехнулся Ворон. — Тебе дали телескоп, а ты решил рассматривать с его помощью мух на соседнем окне.

Лис надулся.

— Но надо же как-то учиться, — буркнул он.

— Москва не сразу строилась, — Тур обернулся к нему через спинку переднего сиденья. — Помнишь, ведь месяц назад мы с Воронем вообще не воспринимали твои изыскания всерьёз. Благодарю Ки за неоспоримые вещественные доказательства. Впрочем, даже сейчас наш переход к осознанию себя не закончен.

— Как там в христианстве считается? — подхватил Ворон. — Сорок дней от рождения фактического до рождения человека, сорок дней от венчания до образования семьи и сорок дней от смерти до упокое-

ния в мире ином. Интересно, на каком отрезке сейчас болтаемся мы?

— Надеюсь, не на последнем, — нахмурился Тур.

«На первом», — подумал Лис, но смолчал.

* * *

Лис *видел* Олю возле вокзальных касс. Затем на платформе перед расписанием поездов. Когда БМВ затормозил на площади перед вокзалом, Оля задумчиво сидела в зале ожидания. Небольшая спортивная сумка стояла возле её ног, а на коленях девушка держала старую потрепанную куклу. Ту самую, которая во сне Лиса была Кикиморой. Отличие он заметил одно: на *этой* кукле вместо ситцевого платишка красовался синий брючный комбинезон.

Лис бегом пересёк площадь и ворвался в здание, будто мчался на пожар.

Оля сидела на скамейке в дальнем конце зала. На её руках сидела кукла.

— Оля, — прошептал Лис и пошёл к девушке. Сердце отмечало каждый шаг тройной дробью — ни дать ни взять взволнованный лай лисицы.

— Оля, здравствуй.

Он подавил в себе желание опуститься перед девушкой на колени.

— Борис! — она встрепенулась. — Лис, откуда ты?

— Из Питера. Мы ехали за тобой. И... В общем, мы хотим пригласить тебя в гости.

Оля взволнованно закусил губу и посмотрела на куклу.

— Спасибо. Честно говоря, я собралась к вам, чтобы...

— Кикимора? — предельным шёпотом спросил Лис.

Оля закивала и бережно, как ребёнка, приподняла куклу.

— Она здесь. Я не знаю, как это получилось, но, кажется, знаю, почему.

Лис присел возле девушки и ласково взял за локоть. Она умолкла, а большие серые глаза ожидающе распахнулись.

— Потому что ты просила отца найти нашу подружку, — произнёс Лис внятно, но едва слышно. — Я очень хочу, чтобы ты погостила у нас. Пожалуйста. Поедем.

Оля нерешительно посмотрела на игрушку.

— Как-то неудобно теперь. Твои братья...

— Мы трое приглашаем тебя в гости. К тому же, — Лис решил не тянуть с главным аргументом, — сегодня вечером к нам заглянет твой отец. Он просил встречи с тобой.

— Папа? — Оля привстала. — Но почему? Он больше не хочет оставаться здесь?

Лис опустил голову. Проницательность Оли превзошла все ожидания.

— Он хочет с тобой поговорить, — повторил юноша, глядя в пол. — Оля, не бойся, ничего плохого не будет!

— Я не боюсь, — она пожала плечами, поднялась со скамьи и, прижав куклу к груди, потянулась за сумкой.

Лис спохватился и опередил подругу.

— Ки не желала, чтобы я убирала её под «молнию», — Оля виновато улыбнулась. — Пришлось нести на руках, хотя она сейчас как будто дремлет. На меня все бабки оглядывались по дороге.

— Пустяки. Им же нужно о чём-то судачить.

Юноша и девушка с куклой вышли из здания вокзала.

— Оля, а как же твоя мама? — вдруг вспомнил Лис. — Она, наверное, расстроилась, когда ты собралась обратно в Тверь так скоро.

— Мама уехала вчера в командировку на две недели, — сообщила Оля спокойно, но Лис подумал, что под внешним спокойствием скрывается обида. — Для неё работа — очень важная часть жизни. Когда Ки об этом узнала, она попросила отвезти её домой. Да и я с удовольствием вернусь к бабуле на квартиру. Всё равно через две недели мне оформляться санитаркой.

— Погости у нас! — обрадовался Лис и испугался собственной поспешности. — Хоть немножко.

— Ну, — она посмотрела на вместилище спящей Кикиморы, — как получится.

Лис поймал её взгляд.

— Представляю, что Ки наплела тебе про наше семейство!

Оля смущённо улыбнулась.

— Она очень любит ваш дом, вас троих, Галку и Деда. В толк не возьму, что заставило её удрать в Петербург!

Лис повёл бровью, точь-в-точь как это делал Тур. Кикимора стойко хранила секреты Полозовых. Здесь следовало отдать ей должное.

— Я расскажу как-нибудь потом, — пообещал Лис.

* * *

Кикимора изволила пробудиться в районе Вышнего Волочка. Уверенная, что Оля везёт свою старую куклу в электричке, Ки категорически отказалась проявиться над временным вместилищем.

«Ты что, хочешь полвагона перепугать? Соображаешь?.. Кого-нибудь до инфаркта доведём!»

Полозовы и Оля, сговорившиеся устроить путешественнице грандиозный сюрприз, дружно душили смех. Первым не выдержал Лис.

— Ки, вылезай. Здесь ты никого не перепугаешь.

Образовавшаяся пауза сменилась «оглушительным воплем» радости. Салон автомобиля заволочло густым туманом, незакреплённая аптечка на полке подскочила до потолка, а руль едва не вырвался у Тура из рук. Пришлось остановиться на обочине.

«Да я! Я вас всех! — полтергейст сделал круг по салону. — Я вас придушу когда-нибудь! Где вас черти носили? Почему я должна разыскивать вас по всему белу свету!»

— Ки, успокойся, — Тур увернулся от лобызаний призрака.

— Между прочим, черти носили тебя, а не нас, — заметил Ворон, но увернуться, как близнец, не успел, и попал точно в эпицентр призрачных эмоций.

«Ты зачем комп отрубил от сети? Я по всем проводам дорогу домой искала!»

— Ки, прекрати! — Ворон сфокусировал взгляд на блазене и заставил её сконцентрироваться на лобовом стекле. — И к сведению: у нас радиомодем, и никаких проводов.

От неожиданности Кикимора моментально собралась в облик остроносой девчонки ростом с куклу.

«Как так никаких проводов? А каким образом я к Беру в комп попала?»

— Понятия не имею, — честно признался Ворон. — Но выручила ты меня здорово. Спасибо, малыш.

«Хм, — Кикимора пожала фантомными плечами. — Ладненько. А ты меня в чатпустишь?»

— Обязательно, — рассмеялся хакер.

«Ура, — и призрак переключала внимание на Лиса. — Эй, рыжик!»

Лис почувствовал, как несуществующая, но весьма мощная волна давит слева, то есть откровенно придвигает ближе к Оле.

— Ки, полегче!

«А что? Не нравится?»

Уши Лиса моментально вспыхнули. Трудно сказать, расшифровала

ли девушка действия Кикиморы, но виду не подала, лишь покрепче сжала опустевшую куклу.

Оставшиеся до дома километры протекали в сопровождении красочного рассказа Кикиморы о питерских похождениях. Оля слышала эту историю далеко не в первый раз, и теперь время от времени поправляла необычную подружку.

— Ки, ты говорила, что сначала был призрак незадачливого пешехода, а потом уже парни кинулись на приятеля с ножом.

«Ну да... А какая разница, что за чем? Нет, вы только представьте, каково домашнему духу шляться в городе! Я даже не знала, двигаюсь или стою! Кругом сплошной непроглядный туман. И так постоянно. Целую вечность! И вдруг чей-то образ вдалеке. Я к нему пулей! А он, оказывается, просто выплеск эмоций. Это потом мне один чувак подсказал, как определять человеческие мысли в тумане. Я интернет-салон именно так и нашла. Даже знакомого пацана из чата встретила. Но он меня не услышал. А с полтергейстом вообще беда вышла. Дома я любую ложку с закрытыми глазами... то есть, без труда возьму. А там!.. Да ещё этот ангел-хранитель, чтоб его! Ну, понимаю, нужна была ему дополнительная информация. Но я-то при чём? Ну, помогла немножко, нашла, где его подопечному «колёса» продавали. А потом насилиу слиняла. Вцепился в меня, гад, как в собственность! Пришлось послать его ко всем праотцам».

— И что, он ушёл? — поинтересовался Лис.

«Да тебе! Это только вы умеете переходы сторожить. Вы для того тут и поставлены. А я только послала. Куда пошёл, не знаю. И знать не хочу... Ладненько. А ещё...»

При въезде в город у всех без исключения звенело в головах, но Ки не умолкала ни на секунду. Информационный поток пошёл на убыль только возле знакомых ворот.

— Пусть теперь Дед выслушивает её рассказы, — с облегчением заметил Ворон, когда Кикимора вылилась из машины сквозь стекло и нырнула в дом.

В ответ раздался звонкий лай Галатеи.

— Ты не боишься собак? — обеспокоенный, Лис обернулся к Оле.

— Нет, — девушка улыбнулась. — Но лучше сначала познакомиться с ней издали.

— Дед, — обратился Ворон в пустоту. — Погоди, не выпускай Галку. У нас гости.

Тур незаметно подмигнул близнецу. Ворон согласно пригладил бо-

роду.

— Лис, — Всеволод Полозов обернулся к младшему брату, — ты пока покажи Оле дом, а мы скатаем в магазин.

Лис понял, что ему предоставили роль хозяина. В поджилках защекотало. Такое случилось впервые. Более того, в качестве гостьи выступала девушка, которая — Лис решился признаться себе — ему очень и очень нравилась.

«Не дрейфь. Вперёд», — подбодрил его взгляд Ворона.

Знакомство Оли с чёрной овчаркой состоялось на крыльце. Галатея обнюхала протянутую руку, позволила погладить себя и кинулась к воротам за выехавшим автомобилем. Туру и Ворону пришлось выйти из машины, чтобы не обидеть преданную псину. Лис заметил, что Оля по достоинству оценила этот жест в адрес животного.

— Папа всегда мечтал завести собаку, — проговорила она. — Но мама возражала. У нас в квартире даже рыбок никогда не было.

Дед встретил прибывших в гостиной и церемонно поздоровался. А когда Лис принялся описывать Оле домашние компьютерные коммуникации, шикнул ему в ухо.

— Ты перво-наперво в комнату её проводи. Я, это, пустую гостевую прибрал. Пушай умоется с дороги, себя в порядок приведёт. А то — локальная сеть!

Деревянная лестница и резная балюстрада антресоли второго этажа вызвали у Оли нескрываемое восхищение.

— Неужели твои братья делали это своими руками?

— Не всё, конечно, но внутреннюю отделку они проектировали сами. Всеволод увлекался резьбой по дереву, а у Владимира просто талант управляться с любыми инструментами.

Из кухни донёсся грохот упавших кастрюль. Оля вздрогнула. Лис рефлекторно сжался.

«Вы хоть раз без меня мыли за собой посуду?! — раскатилось по первому этажу. — А почему в прачечной бардак? Это не дом, а холостяцкий притон! Где Галкина миска? И кто-нибудь, пойдите сюда! Я курицу из морозилки выцарапать не могу!»

— Ки, пожалуйста, не так громко, — крикнул Лис.

Оля прижала улыбку, и на круглых румяных щеках образовались детские ямочки.

— Извини, — Лис в отчаянии обернулся к подруге. — Ки слегка драматизирует обстановку. На самом деле...

В кухне звучно опрокинулся табурет, хлопнул дверцами подвесной шкаф и что-то дробью раскатилось по полу. Лис дождался окончания какофонии и продолжил свою мысль.

— ... всё не так скверно, как ей кажется. Просто понятия о порядке у нас разные.

Оля рассмеялась.

— Лис, давай спустимся вниз, и я помогу Ки убраться.

— Ты же у нас в гостях! — опешил юноша.

— Одно другому не мешает, — заявила Оля и живо сняла летний пиджачок. — Куда можно повесить?

Участников процесса приготовления обеда оказалось более чем достаточно. Тур и Ворон некоторое время наблюдали за кухонной катавасией в исполнении Ки, Деда, Оли и Лиса, а затем незаметно удалились в свой кабинет. Пока Тур методично исследовал на себе послеоперационный рубец, Ворон позвонил Марине. Она сдержанно сообщила, что отдыхает прекрасно, выслушала уверения Владимира Полозова об отличном состоянии дел и выразила надежду на скорую встречу.

— Приедем при первой же возможности, — пообещал Ворон. — Да. Конечно, вдвоём. Обязательно.

На сём разговор закончился, и братья грустно посмотрели на погасший дисплей мобильного.

— Мы потеряли её, Ворон, — тихо проговорил Тур. — Её сказка закончилась.

— А была ли сказка? Мы же не сделали ничего, чтобы построить настоящий крепкий мост в её внутренний мир.

В кабинете сгустилось знакомое информационное пространство.

«Ага, вот вы где! — Кикимора размазалась по двери синеватым силуэтом. — Между прочим, обед подан! Живо переодевайтесь и к столу!.. Ой, мамочки! Тур?!»

— Ки, ты прелесть, — вмешался Ворон. — Но прошу тебя, замолкни.

Как раз этого Кикимора делать не собиралась.

«Вы что тут без меня натворили? — привидение заполнило всё помещение. — Тур! Тебя стрельнули? Тебя? Это же невозможно! Кто посмел стрелять в доктора Полозова?! Ворон, а ты куда смотрел? А ну, покажите мне того негодяя! Я из него мозги выдую!»

Взгляд Ворона накалился, ибо другого способа успокоить «громогласного» призрака в первом приближении не нашлось. Но Тур решил

проблему проще.

— Того негодяя на этом свете уже нет, — спокойно сообщил он и невозмутимо застегнул рубашку. — Ворон поспособствовал, кстати. Поводов для беспокойства не осталось. Поэтому возвращайся в гостиную и не разноси информационный гул по всему дому. Договорились?

Кикимора собралась в облик куклы.

«Ладненько. А тебе не больно? Нет?.. А не врѣшь?.. Ну всё, молчу, молчу!»

— Умница, детка, — кивнул Ворон и притушил взгляд. — Иди, мы спустимся через пять минут.

* * *

Над лесом сгустились сумерки. Дневное тепло притаилось возле самой земли, а сквозь сосновые кроны опустился ночной холодок. В парке перед домом стояла глухая тишина. Фонари во дворе не работали. Ворон отключил внешние осветители незадолго до назначенной встречи.

Оля и Лис ждали на крыльце. Оля волновалась. Лис чувствовал, как дрожь пробегает по её спине, заставляя зябко кутаться в шерстяную кофту. Желание оградить девушку от беспокойства и согреть своим телом стало непреодолимым. Он набрался смелости и осторожно обнял Олю за плечи. Она не вздрогнула, не попыталась отодвинуться, лишь сжалась чуть-чуть, будто от щекотки.

— Я увижу отца? — еле слышно проговорила она.

— Да. С минуты на минуту. Главное, не пугайся. Я рядом.

— Спасибо, — она робко улыбнулась. — Ощущения необычные. Вроде бы он совсем близко, но... с другой стороны. Я зеркала не люблю поэтому.

В разорванный воротами круг медленно влилось густое тёмное пространство. Замерло между деревьями и обрело очертания человеческой фигуры.

— Папа? — Оля сделала несколько шагов вниз по лестнице и остановилась.

— Иди, — шепнул ей Лис. — И не оглядывайся. Никогда не оглядывайся!

Девушка решительно пошла вперёд.

Лис усилием воли притупил слух. Он видел, как Оля говорит. Чувствовал информационные всплески призрака, представлявшиеся девушке словами, но старательно избегал принимать в себя всё, что происходило сейчас в темноте.

За неосвещённым окном серверной лениво качались два блёклых огонька. Тур и Ворон стояли друг против друга и курили. Фразы изредка просачивались сквозь молчание. Лис начал невольно внимать беззвучному разговору.

Тур, дай ему силы дотронуться до дочери.

Нельзя. Он стоит по ту сторону мира.

Пауза.

Тур, он её отец. Он скоро уйдёт. Ну, ты же можешь это сделать!

Я могу. Но сможет ли девочка забыть это прикосновение? Мёртвое прикосновение, брат!

Давай сделаем его живым. На миг. Всего на один миг! Ну?

Хорошо...

Лис затаил дыхание. Ночной гость поднял руку и бережно провёл ладонью по щеке дочери.

— Папа!

Голос Оли был тих, но Лис услышал его, как отчаянный крик. И прозвучавший тихий ответ, поставивший последнюю точку:

— Девочка моя... Прощай.

Оля покорно отступила, но не повернулась, а продолжала пятиться назад, не отрывая взгляда от образа погибшего отца. Сделав так три шага, она решительно смахнула пальцами слезу.

— Прощай, папа.

Встала к призраку спиной и мужественно пошла к крыльцу. Поднялась по ступеням, открыла дверь и, не позволив себе задержаться на пороге, скрылась в тёмном холле.

Тур открыл Переход. Ворон ступил на незримый мост.

— Виктор, иди за мной.

Тот согласно приблизился к проводнику.

— Ей нужны мудрые друзья и надёжная опека.

— Мы присмотрим за ней, — ответил Ворон. — Обещаем.

Переход канул в небытие.

Тур затворил ворота и взял близнеца за плечо. Ворон вздрогнул. В остывших глазах проснулась жизнь. Близнецы отошли от окна и медленно направились в гостиную.

День тридцать третий

В глухой темноте Тур слушал тишину. На столе в кабинете остались открытые папки и тетради, исписанные ровным почерком, распе-

чатки рентгеновских снимков и результатов функциональных исследований — история болезни Павла Симеоновича. Доктор Полозов отложил поиски решения, ибо между строк медицинских отчётов логично прописалась безнадежность.

— Кх, — Дед возник подле.

Тур поднял голову и вопросительно взглянул на болотника.

— Тама Оля, это, не спит до сих пор, — сообщил тот и, когда брови Тура неодобрительно сползли к переносице, смущённо добавил. — Я уж заглянул к ней одним глазком. Мне-то что, мне можно. Я старый, да и, это, неживой. Сходил бы к ней, поговорил. С родителем всё-таки простилась.

— Думаешь, она хочет сейчас с кем-то разговаривать?

— А как же! Человечье слово, оно, это, лучше всякого успокоительного. Я б и сам поговорил, да, это... Не знаю, чо сказать.

Всеволод Полозов встал.

— Схожу, Дед. Хотя тоже не знаю, что сказать.

Он в раздумье поднялся на второй этаж, остановился перед гостевой, помедлил и негромко постучал.

— Войдите, — откликнулась Оля торопливо. — Всеволод Васильевич, это вы?

Тур притворил за собой дверь. В комнате тускло горел ночник, от тени усталое бледное лицо девушки.

— Спасибо, что вы зашли, — Оля, вставшая навстречу, нерешительно опустилась на краешек застеленной кровати.

— Не спится? — Тур присел напротив на стул.

— Папу вспоминала, — просто ответила девушка. — Всеволод Васильевич, он два года скитался по чуждому пространству только из-за меня. Стоял рядом, а я его не слышала и не видела. Это ведь страшно, потому что одиноко.

— Он всем сердцем любил вас, Оля. Значит, он никогда не оставался одиноким.

— Всеволод Васильевич, — она заметно заволновалась, — можно вас попросить?

— Конечно. О чём?

Она потупилась.

— Не называйте меня на «вы», пожалуйста. И Владимир Васильевич пусть не называет. Мне как-то... неудобно, непривычно. И...

Тур понял её.

— Никто из нас не заменит его.

— Я знаю, — поспешно произнесла Оля. — Просто мне будет спокойнее, если будет проще.

Она замолчала, сбившись в торопливой речи.

— Ну что ж, — Тур мягко улыбнулся в усы, — будем проще.

Оля частично успокоилась.

— Папа сказал, что вы согласились взять меня в ученицы.

— Лишь в том случае, если ты сама избере́шь меня себе в учителя, — ласковая улыбка затаилась в чёрной короткой бороде.

Оля выпрямила спину.

— Я буду врачом, — твёрдо произнесла она. — Как отец. И как вы.

Всеволод Полозов невольно вздрогнул. Девушка повторила его слова, сказанные давным-давно в сквере бедной районной больницы.

— Я не верю, — продолжала Оля, — что в нашем мире всё стало покупать и продаваться. Я закончу училище и поступлю в медицинскую академию. Всеволод Васильевич, ведь не только же деньги решают судьбы людей? Ведь знания, способности, желание, труд тоже что-то значат?

— Я хочу верить в это, Оля, — тихо ответил доктор Полозов.

— Вы разрешите мне смотреть на ваш опыт?

— К сожалению, моя работа не всегда проводится так, — Тур медленно подбирал слова, — как допускается законом. Ты должна знать это, прежде чем решишься учиться с моей помощью.

— У медика самый главный закон — здоровье пациента, — Оля привстала. Круглые гладкие щёчки налились румянцем. — Вы позволите мне наблюдать за вашей работой, Всеволод Васильевич?

Тур посмотрел в её глаза, по-детски наивные и по-взрослому молящие.

— Позволю. И весьма вероятно, что скоро состоится первый серьёзный урок для нас обоих.

Он осёкся. Впутывать юную медсестру в дела Декана было не просто нелепо, а по-настоящему опасно. И это никоим образом не входило в планы доктора Полозова. Но фраза вырвалась вопреки здравому смыслу, будто родилась в подсознании задолго до нынешнего разговора.

— Время покажет, — автоматически добавил он не то для себя, не то для девушки.

Диссонанс, возникший между логикой и интуицией в сознании доктора Полозова, от Оли не ускользнул.

— Всеволод Васильевич, вас что-то тревожит?

— Нет. Пока нет.

То была неточность, граничащая с ложью, ибо нечто за порогом дома действительно вызвало у Тура неясную тревогу. Но Оля приняла его ответ за истину и переключилась на другое.

— Всеволод Васильевич, — в голосе появилась нерешительность, — наверное, мой вопрос покажется глупым, но... как вы думаете? Папа сказал мне, чтобы я не обижалась на мать. Понимаете, получилось так, — Оля заторопилась, — что я *знаю*. Конечно, она не обманула меня с этой командировкой, но я-то знаю, куда она поехала. В том городе живёт человек, которого она, кажется, любит. Как вы думаете, отец завещал мне уважать маму только потому, чтобы ей было спокойно и хорошо? Мне нужно делать вид, что я не знаю правду? Тогда получится, что я вру.

В первый момент Тур был застигнут врасплох. Но пока Оля спешила изложить свои сомнения, он успел собраться с мыслями.

— Я полагаю, речь шла отнюдь не о лжи ради видимого спокойствия. Родителей должно уважать, даже если их поступки выглядят не всегда корректными. Отец просил тебя признать право матери поступать так, как она считает нужным. Не осуждай её за другую любовь. Любовь вообще самое сложное человеческое чувство. Что бы там ни было, отец и мама вырастили и воспитали тебя. В тебе память их обоих. Пожелай ей счастья, искренне, от души. Это будет лучший подарок от дочери, вступающей во взрослую жизнь.

Девушка задумалась.

— Но что ей стоило просто мне сказать? — прошептала она. — Неужели бы я не поняла?

— Оля, — Тур подсел к ней и опустил ладонь на сомкнутые, будто в молитве, руки, — не осуждай. Многие боятся правды. Прости её, а сама постарайся никогда не бояться. Хотя это трудно, поверь мне, девочка.

— Я попробую, — Оля тяжело вздохнула и вдруг вздрогнула. — Всеволод Васильевич, ваши руки...

Тур быстро встал. Кисти стремительно холодели.

— Не волнуйся, у меня так бывает, — быстро произнёс он.

Подошёл к окну и осторожно приоткрыл штору. За лесом по дороге катился неразличимый гул. Тур не мог определить, тем или этим миром порождено странное явление. Но ничего доброго оно не предвещало, судя по заледеневшим пальцам и омертвевшей коже на руках.

— Оля, выключи свет, — пробормотал Тур, до боли в глазах всматриваясь в ночь. Темнота в комнате не прибавила видимости.

— Всеволод Васильевич, что там? — любопытство девушки носи-

ло строго рациональный характер. Она приготовилась встречать неведомое без страха и паники.

— Вряд ли что-либо серьёзное, — обронил Тур и добавил как мог непринуждённо. — Оля, оставайся в своей комнате. На всякий случай.

На пороге кабинета Тур столкнулся с близнецом. Неясное явление подняло Ворона с постели, как по тревоге, но одеться он почти успел, лишь на ходу заправляя под ремень наспех натянутую майку.

— Кладбище, — сообщил он вслух, полагая, видимо, что всё остальное брат уже понял.

— Конкретнее? — уточнил Тур.

— Мне снилось кладбище, — Ворон был не столько встревожен, сколько обескуражен кошмарным сном. — Кто-то курочил могилы. Кажется, совсем недавно.

Из своей спальни высунулся Лис.

— Братцы, вы слышите, что творится на дороге? — шёпотом спросил он. — Какой идиот гоняет среди ночи по шоссе на гусеничном тракторе?

Близнецы напряжённо посмотрели друг на друга.

— Лис, живо одевайся и иди к Оле. Отвечаешь за неё головой, — распорядился Ворон.

— Дед, сделай так, чтобы собака не вздумала лаять! — подхватил Тур.

— И чтоб ни одна лампочка не горела, — продолжал Ворон.

«Эй, что тут происходит?» — Кикимора вылезла сквозь перекрытие этажей.

— Наша задача не привлекать внимания, — объяснил Тур.

— Вот именно, — поддержал Ворон и быстро пошёл вниз по лестнице. — Проверю камеры.

Рёв двигателя стал различим. К надрывному гулу трактора примешались вопли из аудиодинамиков и звук моторов двух автомобилей.

— Опаньки! Молодёжь развлекается, — сердито заявил Дед.

— Лучше бы они развлекались подальше от нашего дома, — заметил Тур и направился за близнецом. — Лис, будь начеку!

Гвалт на шоссе эхом разносился над лесом. Острый слух Лиса уже улавливал отдельные голоса в плотном шумовом фоне.

— Кто это? — шёпотом спросила Оля.

— Понятия не имею, — невольно подражая Ворону, отозвался

Лис, стоящий у окна под прикрытием гардины. — Похоже на хулиганьё из соседнего посёлка. У нас однажды такое случилось. Года два назад. В стельку пьяные парни пытались вломиться к нам на двор среди ночи. Тогда их было четверо, но сейчас, вроде, значительно больше...

— А если милицию вызвать? — робко предложила девушка.

— Бессмысленно. Они же не покушаются на частную собственность, просто спать мешают... О, нет!

Лис отпрянул и прислонился спиной к стене.

Оля вскочила.

— Что там?

— Н-ничего, — он тряхнул головой, но от запаха озона, просочившегося в ноздри, не отделался. Пришлось принять очевидный факт: замеченный сквозь пространство усмевающийся лик под фантомной каской был не плодом воображения, а совершенно реальным призраком из плеяды заложных Пятницы.

«Галку бы сюда! — пронеслось в сознании. — Они все боятся чёрных собак».

Но Галка, усыпленная своим бывшим хозяином и запертая для надёжности в чулане возле кухни, была изначально выключена из игры.

На шоссе взвыл грубый мотор. Его рык подхватили две легковые автомашины и несколько мотоциклов.

— Плохо дело. Сюда повернули, — Ворон выпрямился.

Голубоватые блики монитора прокатили его тень по опущенным жалюзи.

— Пугнуть оружием? — Тур высказал вслух мысль брата.

— Опасно. Разозлим... Какой чёрт их принёс?

Ворон ощутил затылком учатившееся дыхание близнеца. Секунду спустя неприятное открытие Лиса стало достоянием и его знания.

— Кажется, начинается «дикая охота». Нам объявили войну, — пробормотал он.

— Ки, вырубай генератор и все рубильники центрального электричества.

«Что, всё? Совсем всё? И компьютеры?» — удивлённо откликнулось домашнее пространство.

— Живее, детка! — Ворон подхватил идею, осенившую Тура, и подал пример, выдернув из розетки штепсель «тройника». Бесперебойник отчаянно запищал. — Потом налажу, — пояснил программист по-

ходя. — А пока пусть думают, что дом пуст.

Рёв моторов гремел прямо за воротами. Там же горланили неожиданные визитёры, рассыпая налево и направо грубый неуклюжий мат. Кто-то саданул по воротам железным предметом. Начинание было медленно подхвачено, и грохот металла наполнил лес.

— Ки, управилась с электричеством? — на всякий случай уточнил Ворон. — Умница. Теперь включай все лампочки в доме и будь готова по команде запустить генератор. Дед, а ты дуй в гараж. Твоя задача сделать так, чтобы на БМВ и Хонде в нужный момент завопила сигнализация.

— Эй, сынки, — болотник невнятным пятном подрагивал на стенах серверной, — а может, это, мы с Кикиморой напугаем их по-нашенски? Там же молодняк собрался, мальчишки! Я это, так дунуть могу, что враз в штаны наложат!

— Дед, делай, что говорим, — обрубил Тур. — Этих мальчишек повернул сюда кое-кто с другой стороны света. Мы не хотим подвергать опасности тебя и Ки.

Оля на цыпочках подобралась к Лису, оперлась о его плечи и выглянула в щель между гардинами.

— Что это у них?

— Прутья из кладбищенских оград, — Лис стиснул зубы. — Вандалы!

— Нет, посмотри, — Оля прижалась к юноше всем телом. — Они тащат это в кабину!

Лиса окатила дрожь. Мешкообразный предмет в свете автомобильных и мотоциклетных фар казался ему пустым тюком.

— Господи, это же покойник, — девушка сжалась. — Лис!

— Тише. Тише, милая, пожалуйста, — прошептал он.

— Они вырыли покойника? — ахнула Оля.

Отвращение и ужас сломили её мужественное сопротивление опасности.

Лис судорожно обнял подругу.

— Не бойся. Они не попадут в дом. Оля, успокойся.

Перво-наперво ему следовало успокоиться самому. Но это оказалось невыполнимой задачей, особенно на фоне последнего факта.

Трактор, гремя по асфальту тяжёлыми гусеницами, отполз назад, как прыгун, берущий разбег. Взревел двигатель. Под остервенелые вопли искателей острых ощущений железная машина поползла прямо

на запертые ворота. Водитель выпрыгнул из кабины, а за рулём осталось обезображенное смертью тело.

Металлический удар потряс ночь, а взрыв животных криков восторга возвестил о падении преграды. Громогласные встрёпанные личности ворвались на сосновую аллею.

Тур и Ворон отчаянно переглянулись. Десяток сорванцов бесились перед тёмным фасадом дома, выкрикивая бестолковые угрозы в адрес «крутых», поливая словесной грязью предполагаемых женщин и потрясая в воздухе железными прутьями. Первый брошенный камень попал в решётку на окне холла. Второй угодил в запертую дверь. Третий влетел в окно серверной, осыпав притаившихся хозяев осколками стекла.

— Влезут, — шевельнулись губы Тура. — На фасаде решёток нет.

Ворон кивнул. В темноте сверкнули два огонька, расцветающих, как раздуваемые угли. По негласному соглашению близнецы поменяли дислокацию.

Вдребезги разлетелись незащищённые стёкла гостиной. Свет фар раскрыл тьму и зигзагом прошёлся по стенам, но две одинаковые тени остались незамеченными. В окне показалась голова, увенчанная щёткообразной причёской, а затем и её обладатель — щупленький парнишка лет шестнадцати. Он затравленно оглядел молчаливый зал, взобрался на подоконник и на негнущихся ногах поднялся во весь рост. Подвиг был встречен дружным гогочущим криком. Взыл мотоцикл, и фара высветила юного штурмовика на обозрение компании. Беспредельно гордый, он спрыгнул на пол.

— Лови помощника! — отчётливо прозвучало снизу.

Нечто влетело в окно и рухнуло под ноги первопроходцу.

У Тура, притаившегося в углу справа, руки мгновенно похолодели до самых локтей. В следующий миг он подумал о брате-близнеце. Ворон не переносил вида смерти. Так было на протяжении пятнадцати лет. Кладбища, похороны, мёртвые тела вызывали у него одну и ту же реакцию, отдалённо напоминающую эпилептический припадок.

Предстояло прикрыть брата. Тур приготовился к броску. До мальчишки всего два метра. Один рывок, и пацан будет выведен из действия надёжно и надолго. Но за окном готовятся повторить его «подвиг» ещё восемь или десять таких же юнцов, подогретых на преступление сценами видеобоевиков, собственной дуростью, веселящей травкой и, возможно, далеко не глупыми «авторитетными товарищами», занятыми подбором особей для выполнения более сложных «заказов».

«Справлюсь», — решил про себя Тур.
Спокойно, близняшка. Никаких кризов и припадков у меня не будет. Я проводник в Переходе, и мы — два, как один.
Не заводи в Переход этих пацанов, Ворон.
Им туда рано... — омертвевшие глаза сверкнули синеватым болотным огнём: повернись и иди.
Парнишка оцепенел под прямым холодным взглядом из темноты. Подавленная воля не сопротивлялась. Ноги медленно передвинулись. Шаг. Второй. Рука возникла из тени и коснулась тощей шеи. Лицо перекошилось от ужаса, когда тело само стало валиться на пол.
— Спокойной ночи, парень, — прозвучало над головой юного громылы, и сознание его погрузилось во мрак.
Тур! Внимание, ещё двое!

— Оля, не бойся, Оля, — юноша и девушка сидели на полу под окном, крепко обнявшись, вернее, вцепившись друг в друга как в единственную опору во всей вселенной. — Всё будет хорошо. Братья справятся с бандой. Они никого не убьют. Они только лишат их сознания. Ненадолго. До утра.

Девушка автоматически кивала. Её согласие со словами Лис чувствовал на своём плече.

Повеяло озоном. Лис покосился на окно.

Сгинь.

Призрак глумливо прищурился.

Сгинь!

В пространстве раздался тихий мёрзлый смех. Лик с пустыми глазами сделал круг по комнате и замер у Лиса за спиной. Оля подняла голову, сдавленно ойкнула и отпрянула. Озоновый тотчас ринулся вперёд и... окутал Лиса с ног до головы.

— Нет!

Оля и Лис вскрикнули одновременно. Юноша попытался стряхнуть с себя чужой облик, началась отчаянная невещественная борьба. Оля вскочила на ноги, в ужасе глядя на фантомную метаморфозу.

— Оля! Не бойся!

Она не услышала. Холодная пропасть развела её и Лиса по разным берегам.

Ты сильная девочка.

Оля оцепенела. Из тёмного окна на неё смотрело лицо женщины, обрاملённое тенью, будто чёрным платком.

Не нужно бояться меня, дитя. Ты ничего не должна бояться. В тебе сокрыты великие силы. Я научу тебя быть тем, кем ты можешь быть среди людей. Любое твоё желание каждый будет выполнять беспрекословно. Тебе будут повиноваться все — от бродячей кошки до министра. Я научу тебя мстить за причинённые обиды, за ложь и невнимание к тебе.

Вкрадчивый голос тёк плавно и нежно. Страх перед женщиной в стекле пропал, однако Оля использовала установившееся равновесие иначе, чем предполагала вещавшая.

— Я вас не знаю и не хочу знать. Уходите, пожалуйста.

Ты будешь требовать, а не просить. Ты будешь брать себе всё, что тебе нравится. Ведь ты хочешь жить благополучно, не правда ли?

— Не правда. Я хочу жить честно, а благополучие сделаю сама, — проговорила девушка.

Ты упрямое дитя.

— Я дочь своего отца, — заявила Оля. — Уходите.

А как же твоя мама? Ты не дочь своей мамы? Ты затаила на неё обиду, — в голосе за стеклом появились грустные нотки. — *Она обманывает тебя. Она обманывала твоего отца.*

— Не лезьте в наши семейные дела! — воскликнула девушка. — Это бестактно.

Я хочу помочь тебе, девочка. Ты должна понять, как устроен этот мир. Он создан не для тебя такой, какая ты есть. А я научу тебя переделать его. Я научу тебя управлять им. Ты накажешь людей, которые причинили тебе боль. Посмотри, посмотри, кого предпочла твоя мама твоему любимому отцу...

На стекле перед Олей, как на экране телевизора, возникла картина захлавленной убогой комнаты. Девушка чуть было не подалась вперёд. На постели, прикрытой мятым несвежим бельём, сидела женщина, удивительно похожая на её мать.

Это она, — подсказало видение в окне. — *А это он...*

Небритый нагой мужчина приблизился к сидящей, обхватил её обеими руками и властно отбросил простыню. Женщина обвила его талию, он засмеялся...

Оля сделала попытку отвернуться, но не тут-то было. Движение осталось за границей острова, на который её втолкнул страх.

Смотри. Это твоя мать, — повторила призрак в чёрном платке. — *Вот уже пять лет она приезжает к нему каждый месяц, и они заходятся в животном удовольствии.*

— Вы лжёте, — выдавила Оля, пунцовая от стыда.

Ты знаешь, на моей стороне не умеют лгать. Твой отец не давал ей и сотой доли того, что она испытывает с этим мужчиной. Он предлагал ей нежность и никчёмное джентльменство, а она хотела силы и удовлетворения. Это она подсказала отцу отправиться на войну, где ему заплатят деньги за его труд и риск. На войне он погиб.

— Прекратите. Уберите это!

Смотри, девочка. Ты никогда не любила мать так, как любила отца. И правильно. Она подло предала его. Тебе есть за что её ненавидеть.

Проекция интимной сцены расплзлась на всё окно и стену. Любовная игра в смятой постели достигла апогея. Женщина сладостно кричала, мужчина вторил ей глухим вождленным стоном.

— Я люблю мою маму! Я от всей души желаю ей счастья! — Оля выпрямилась и почувствовала, что опасные оковы падают с плеч. — Пусть ей будет всегда хорошо, пусть она испытает радость плоти. Это её жизнь, её выбор и её любовь. Я уважаю её, значит, я уважаю её нового избранника. Я хочу, чтобы к ней вернулся душевный покой и смелость духа. А у вас мне нечему учиться. Потому что вы сами не умеете главного, что должна уметь женщина: вы не умеете прощать. Мне очень вас жаль. И хотя я вас не знаю, мне кажется, что вы просто заблудились в своих чувствах. Нельзя же ненавидеть целый мир. Вы сами себе делаете больно!

На окне неподвижно висели плотные шторы, гасившие свет автомобильных фар, снующих во дворе. Звон стекла, азартные вопли, та-рахтение моторов и грохот железа прорвались сквозь завесу безмолвия.

— Лис! — Оля в потёмках метнулась к юноше.

— Оля!

— Ты видел её? Ты... видел, что здесь было?

Она нашла его руку, он подтянул девушку к себе и оба прижались к стене, подальше от оконного проёма.

— Нас атаковал призрак. Но он почему-то вдруг исчез.

— Ты видел женщину за окном?

— Женщину?.. — Лис похолодел. — Оля, ты в порядке?

— Она говорила со мной! Она... Нет. Можно, я не буду тебе это рассказывать? Кто она? Почему в ней столько злости? Зачем она хотела заставить меня ненавидеть мать?

— Оля, успокойся, пожалуйста! — Лис изо всех сил прижал взволнованную девушку к своей груди. — Она ушла. Ты сказала ей что-то

такое, что заставило её уйти.

— Да. Наверное, — Оля расслабилась и прошептала. — Прости, мне не следовало пугаться. Лис, я всегда буду рядом с тобой. Я больше не позволю страху нас разделить.

Лис осторожно приподнял её голову и заглянул в бледное лицо.

— Страх не разделит нас, — тихо ответил он.

Во дворе что-то гулко бахнуло, и на стене тёмной комнаты вспыхнул огненный блик, прорвавшийся сквозь гардины.

— Но если что, бояться будем вместе. Ладно? — скороговоркой добавил Лис, испуганно следя за отражением разгоравшегося пожара.

— Как сейчас, например? — пробормотала Оля.

— Ага. По-моему, пора вызывать милицию.

Однако приводить план в исполнение он не торопился, ибо внимание разрывалось между Олей, поиском следов вроде бы ушедшей Пятницы, отчётливым запахом гари со двора и новым звуком, примешавшимся к фoniaщему рёву моторов.

— Лис, где твой мобильник? — Оля решила взять инициативу на себя.

— Минутку. Кажется, кто-то уже едет сюда. Две машины... Нет, три! Одна похожа по рёву на УАЗ. Может быть, милиция?

— А где сирены?

Потеряв пятерых диверсантов, канувших в недрах тёмного дома, компания заволновалась. На имя обитателей особняка опять посыпались угрозы, продиктованные на сей раз страхом, а не сомнительной жаждой справедливости при распределении государственных доходов. Боевой дух банды подогрели издали. Кто-то выплюнул пару призывных лозунгов, обозвал мальчишек «салагами» и чем-то подобным, а для пушей убедительности зашвырнул на крыльцо бутылку с горячей тряпкой. Метальный снаряд вспыхнул, и под парадной дверью образовался жидкий костёр.

— Дед, сможешь потушить? — шёпотом спросил Ворон.

— Могу, могу, — болотник раздулся до состояния влажного тумана. — Ща, сынки, ща задую!.. Опаньки! Да к нам ещё компания!

Дорогу, проложенную от шоссе к особняку, озарил дальний свет фар приближавшихся автомашин. В рядах молодёжной банды возникло замешательство. Взревели моторы легковушек. Одна из них, оставленная за воротами, лихо развернулась и понеслась прочь. Туда же ринулись два мотоцикла. Пацаны, забыв про штурм и своих друзей,

оставшихся в доме, кинулись врассыпную. Но из подкативших автомобилей им навстречу выскочили пять или шесть мужиков. Хлопнул ружейный выстрел. Во дворе и за воротами началась отчаянная драка.

— Ки, врубай генератор! — командовал Ворон. — Дед, сигнализация!

Тёмное здание, молча пожиравшее разнузданных визитёров, мгновенно вспыхнуло электрическим светом. Фонари озарили помятый двор, а чуть запоздавшая громогласная сирена заставила вздрогнуть всех участников свалки.

Тур и Ворон выскочили из дома через разбитые окна гостиной. Ворон налетел на пригвождённого к месту паренька и без зазрения совести свалил его с ног ударом в солнечное сплетение. Тур ворвался в центр потасовки, уклонился от кулака огромного мужчины, перехватил руку второго, вооружённую охотничьим ножом, и громко крикнул:

— Здесь не место для разборок. Это частная собственность!

Он не рассчитывал быть понятым дословно, но его возглас услышали, более того, восприняли довольно точно.

— Ты хозяин?

— Да.

— Ментов вызывай!.. Эй! Ловите ублюдков!

* * *

На рассвете ситуация прояснилась окончательно, хотя и не без помощи усиленного наряда милиции. Оказалось, что молодёжную банду, вдруг завернувшую к одинокому особняку, хорошо знают в окрестных деревнях. Несколько раз за последний месяц группа юнцов в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет возмущала покой жителей. Однако до сих пор деяния подростков ограничивались шумными мотоциклетными налётами на улицы селений, битьём окон в закрытых магазинах и поджогом пустых сараев. Накануне компания сделала попытку ограбить дом в коттеджном посёлке на берегу Тверцы, но получила достойный отпор личной охраны владельца. По словам оперативника, заводилами в банде были двое взрослых парней с уголовным прошлым. К огромному сожалению милиции, именно эти двое успели скрыться от самодельных стражей деревенского порядка. Мужики из пострадавших деревень собрались своими силами проучить хулиганов. Они-то и приехали к Полозовым после того, как жители Жорновки услышали шум на сельском кладбище, обнаружили пропажу трактора, увидели изуродованные могилы и разрытое свежее захоронение.

— Дальше Изворотени эти гады раньше не лазили, — объяснял опе-

ративнику негласный руководитель «добровольных дружинников». — А теперь гляньте, обнаглели! Над мёртвыми надругались. Ну вы, власти, сделайте что-нибудь, наконец! Вот они вам все. Тёпленькие! А вот и состав преступления! — он взмахом показал на выбитые ворота, застрявший в парке трактор, на покойника, закрытого простыней, и на дом Полозовых, весь первый этаж которого зиял пустыми оконными проёмами.

— Вы спокойно, спокойно. Разберёмся, — поморщился милиционер, снимавший показания. — И почему с двустволкой на мальчишек пошли, — он зыркнул на громилу-мужика, стоящего поодаль, — тоже разберёмся. А если хозяева заявление напишут, и это вложим. Большой ущерб-то? — он обратился к обоим Полозовым.

— Посмотрим, — отозвался Всеволод Полозов.

— Вон главный ущерб сидит, — вдруг сказал Ворон.

Все с удивлением обратились в направлении его взора, то есть в сторону притихших побитых пареньков, ожидавших милицейского фургона под надзором вооружённых омоновцев.

— В колонию их всех! — возмутился один из деревенских. — Там их быстро научат уму-разуму!

— В колонии не научат, — тихо произнёс Ворон и пошёл к взятым под стражу хулиганам.

Тур согласно прикрыл глаза.

Омоновцы покосились на Владимира Полозова, но быстро потеряли к нему интерес. Ворон отвёл взгляд от непроницаемых лиц и повернулся к мальчишкам. Те затравленно следили за хозяином таинственного особняка, однако оборачиваться не решались.

Взор Ворона заволокло сизым туманом. Тур не двинулся с места. Стоял напротив юнцов, скрестив на груди руки в чёрных перчатках. В ладонях покалывал холод.

Переход приоткрылся, повинувшись объединённой воле.

Ворон приблизился к краю.

— *Они не ведают корней, но есть ли что-то, что узнает в них своё?*

Память ответила согласием.

Есть ли что-то, что готово встать у них за спиной?

Из непознанных пучин на том берегу собралась готовность.

Есть ли что-то, что покажет им дорогу по жизни?

Образы с той стороны обрисовались в лица, а информация приобрела тона, близкие к звуку: *есть*.

Прошу, помогите им не сбиться в пути, а я помогу вам найти тропу назад, когда придёт час.

Мост упал в неподвижные руки Тура. Они перешли. И один за другим растворились в живом пространстве.

* * *

По разгромленной гостиной гулял прохладный утренний ветер. Запах гари притаился в углах, и его место занял тошнотворный душок могильных разложений, оставшийся после трупа. Оля не знала, что хулиганы закинули покойника в дом, но Ворон то и дело ловил её озабоченный взгляд, обращённый на влажное пятно под разбитым окном, облюбованное мухами. Наконец, Лис безо всяких объяснений подошёл к месту приземления несчастного тела и передвинул тумбочку с видео-проигрывателем. Пятно и мухи оказались скрыты от глаз девушки.

Что ты видишь в будущем, Гамаюн?

Лис вздрогнул и нервно оглянулся на Ворона. Тот расположился на стуле перед пустым обеденным столом, закинув за голову руки. Глаза были прикрыты, а хитринку на сомкнутых губах скрывали борода и усы.

Лис догадался, в каком контексте задан вопрос.

— Отвяжись, — шикнул он.

Оля, сидевшая напротив Владимира Полозова, была занята своими мыслями и реплику Лиса не расслышала.

Ты уже перенёс её через порог, братишка, — чёрные ресницы пропустили наружу озорной блик.

Лис невольно посмотрел на девушку. Действительно, инцидент имел место. Когда закончилась протокольная эпопея и милиция наконец уехала, Оля, возвращаясь вместе с другом в дом, споткнулась на последней ступеньке, и Лис в необъяснимом порыве подхватил её на руки. Кикимора предусмотрительно распахнула перед ними входную дверь. Пообщаться с Ки на тему подстроенной случайности Лис ещё не успел, но и не мог не придать значения символическому событию.

Почувствовав на себе внимание, Оля встрепенулась.

— Владимир Васильевич, милиция будет допрашивать нас ещё раз?

— Возможно, — лениво отозвался Ворон.

— Значит, мне пока нужно оставаться у вас?

Ворон соизволил полностью разомкнуть веки.

— Ты не хочешь у нас погостить? Уверяю, один снаряд, — он кивком показал на разбитые окна, — два раза в одну воронку не попадает. А сюда — тем более.

— Да нет, что вы! — Оля решила, что её осторожный вопрос истолковали как боязнь быть вовлечённой в новые неприятности. — Мне нравится гостить у вас, но всё-таки я живу на квартире. . .

— Оля, женщина в чёрном видела тебя, — перебил Ворон.

Девушка побледнела. Владимир Полозов не мог знать о её видеении, но это ушло на второй план перед воспоминанием об ужасной встрече.

— Это плохо? — пробормотала она и вцепилась взглядом в молчавшего Лиса.

— Это очень плохо, — без обиняков подтвердил Ворон и повернулся к младшему брату.

Лис низко опустил голову.

— Пятница и «озоновый» прорвались сквозь круг на волне бесноватой злости хулиганов, — пояснил он невнятно.

— Тебя никто не осуждает, — успокоил его Ворон. — Случай беспрецедентный. Хорошо, что отбились. И хорошо, что не для всех в народе «своя рубашка ближе к телу». Если бы шпана попёрла в дом всем скопом, — пояснил он для Оли, — нам с Туром пришлось бы драться всерьёз. А это никогда до добра не доводит.

— Этим ребятам ты помог! — выплеснул Лис.

Ворон уловил ход его мысли. Юноша подумал о наркоманах, которых в своё время брат отделал по полной программе и без капли сожаления.

— Я учусь на своих ошибках, малыш. Будем надеяться, что память предков сыграет решающую роль в судьбах мальчишек.

Оля непонимающе следила за разговором и чувствовала себя лишней.

— Лис тебе расскажет потом, — Ворон неожиданно обратился к девушке.

— Владимир Васильевич, — Оля решила вернуться к прерванной теме, — почему вы считаете, что чёрная женщина — это очень плохо для меня?

— Не только для тебя, Оля, — Ворон нахмурился. — Для всех нас. И для многих в мире тоже. Она — Пятница, проводница Смерти среди живых и сама Смерть среди мёртвых. В русском народе есть поверье о том, что Пятница — заступница убогих и строгая покровительница женского труда. Однако, чёрная женщина взяла себе имя почитаемого божества, но не суть его. Её ненависть к живым настолько велика, что ни о каком покровительстве не идёт и речи. Она разжигает очаги ненависти, а затем сама питается губительным огнём, чтобы бродить по

свету. И мы не знаем, что способно потушить её ненасытную злобу. Ведь злоба эта порождена, увы, этим, живым миром.

На втором этаже громко хлопнула дверь. Тур редко срывал досаду на предметах, но сейчас состоялся как раз такой акт. Лис поспешно переместился ближе к Оле и присел на подлокотник её кресла.

— Ну что? — Ворон моментально забыл про притихшую молодёжь.

— Завтра в девять утра, — Тур тяжело опустился на стул и достал сигареты. — Оля, тебя не смущает сигаретный дым?

Девушка, не ожидавшая внимания к своей персоне, растерялась и лишь поспешно покачала головой. Близнецы закурили.

— Ты ему всё объяснил? — помрачнел Ворон.

— Через два часа здесь будет ремонтная бригада из Москвы. Все расходы он взял на себя. А в полдень привезут оборудование.

— Чокнутый старик.

— В общем, от операции нам не отвертеться, — подвёл итог Тур.

— Что за оборудование?

— Всё, что мы заказали, плюс последнее достижение цивилизации: новый аппарат жизнеобеспечения. Я читал про эту штуку в американском журнале, но не думал, что в ближайшие пять лет доведётся использовать на практике. Когда будут устанавливать, смотри в оба, брат.

Ворон невесело усмехнулся.

— Не беспокойся. Занимайся его кишками, а аппаратура — моё дело. Заработает, обещаю. Даже если там *вдруг* не окажется половины деталей. Ты вытащишь старика и на этот раз. Я знаю.

— Мы вытащим, — поправил Всеволод Полозов и, помедлив, посмотрел на Олю.

Ворон вскинул бровь. Тур сжал губы. Ворон согласно прикрыл глаза.

— Лис, — заговорил Тур негромко, — завтра сюда ни под каким видом не должен попасть ни один чужой заложный.

— А? — юноша выпрямился.

— У тебя полный карт-бланш, — подтвердил Ворон. — Учти, желающих наверняка будет много.

— Справлюсь, — просто ответил Лис.

— Не забудь про экстрасенса, — продолжал брат. — Он не упустит момента пошляться по нашему дому. Тебе придётся его *насти*, и группу сопровождения тоже. А заодно контролировать Деда и Ки, чтобы не выкинули какой-нибудь фортель.

— Понял, — Лис пожал плечом.

Ворон в первый момент расценил преспокойный ответ как вариант бравады парня перед подругой. Но нет. Лис вполне отдавал себе отчёт в важности и сложности поручений.

— Оля, — начал доктор Полозов, — завтра мне предстоит оперировать тяжёлого ракового больного. Я прошу тебя участвовать в операции в качестве хирургической сестры.

Девушка подалась вперёд, но встать из кресла не сумела. Волнение вспыхнуло на щеках алыми пятнами, а в глазах, как в зеркале, отразился путаный клубок всех возможных эмоций. Единственное, что не заметил Тур в этом клубке, был испуг перед серьёзностью предложения. То, чего он опасался, обращаясь к юной второкурснице.

— Спасибо, Всеволод Васильевич, — победив шоковое оцепенение, серьёзно ответила Оля. — Я вас не подведу.

После распределения обязанностей в гостиной Тур безапелляционно отправил братьев и Олю отдыхать. Это было в половине седьмого утра. А ровно через два часа в разбитые ворота въехал крытый автофургон с московскими номерными знаками. Лис общался с Олей в своей комнате и не вслушивался в переговоры Тура с бригадиром, но вскоре узрел результаты. Разбитая рама и все оконные стёкла были заменены в считанные минуты, через час в гостиной появились новые ковры и мягкая мебель, ещё через полтора — на месте стояли ворота, а на первом этаже были установлены надёжные элегантные решётки. «Как по волшебству», — сдержанно высказалась Оля.

Компьютерное оборудование и видеокамеры, к счастью, остались целы. Шустрый молодой человек под надзором Владимира Полозова оперативно настроил новую систему охраны, протянул по двору какие-то провода и, сдав работу, деловито удалился в фургон. Без четверти двенадцать бригада на автофургоне укатила прочь, оставив после себя идеально вычищенный двор и абсолютный порядок в пострадавших помещениях дома.

Затем появился второй грузовик и вторая бригада. С этими Тур и Ворон общались исключительно парой. В операционной и медицинских комнатах левого крыла дома долго гремело нечто увесистое, после чего грохот переместился в подвальные помещения. Далеко за полдень настройки были закончены, однако фургон не уезжал, поскольку Ворон заставил инженера подробнейшим образом проанализировать схему подключения и прочитать лекцию о работе аппарата. Инженер был отпущен восвояси, когда выяснилось, что в англоязыч-

ной документации он понимает на порядок меньше, чем Владимир Полозов, увидавший инструкции первый раз в жизни.

После запоздалого обеда у Лиса и Оли наконец-то появилось конкретное дело. Но к великому сожалению обоих — у каждого своё. Тур позвал Олю в медицинское крыло, чтобы ввести в курс предстоящего мероприятия, а Лис занялся защитным кругом. На еловые ветки и солому, оставшиеся от его стараний месячной давности, он посмотрел с усмешкой. Суеверная атрибутика уже не требовалась. Застава уверенно существовала между двух миров. Лис медленно двинулся вдоль забора, оставляя за спиной незримый разлом и поднятые мосты.

Первой его работу оценила чёрная овчарка. Привыкшая носиться по всему двору, она насторожилась за метр до забора, оцетинилась и грозно заворчала. Лис повторил эксперимент перед воротами. Собака обнюхала землю, обескуражено поводила носом по воздуху и вдруг завывала так, что даже у автора затеи по спине пробежали мурашки.

— Молодец, Галка. Хорошо, — тихо похвалил он четвероногого друга. — Гуляй. А коли кто-то появится на том берегу, не стесняйся, лай во всю глотку.

День тридцать четвёртый

Наступило утро. Лис сквозь сон слышал движение в комнатах старших братьев, начавшееся вскоре после рассвета. Без пяти семь просигналил будильник. Утренняя дремота улетучилась моментально. Он вскочил, оделся, быстро навёл порядок в рыжих кудрях и вышел из комнаты. В гостиной его ждал неприятный сюрприз: оказалось, он опять пробудился последним.

— Оля, ты хорошо отдохнула? — осведомился Лис, усаживаясь за стол слева от девушки.

— Да, спасибо, — она улыбнулась, но сосредоточенное напряжение осталось на губах вместе с улыбкой.

Лис заёрзал. Вчера они пожелали друг другу спокойной ночи совершенно естественно и непринуждённо. Сегодня Олю будто подменили: строгая, спокойная, прямая, она сидела за общим столом, будто на экзамене.

— До прибытия москвичей ещё два часа, — сообщил Тур, заметив беспокойство младшего брата по поводу излишней серьёзности подруги.

— Кстати, Лис, — начал Ворон так, будто собирался извиниться, — кухня тоже на твоей шее. Причём без Кикиморы и без Деда. Если дека-

новский экстрасенс заметит хоть одну тарелку, гуляющую сама по себе, нам придётся несладко.

Лис, забыв о присутствии Оли, по привычке низко повесил нос.

— Ладно. Разберусь.

Девушка сдержала смехок. Слишком уж живописно Лис выразил своё отношение к домашним работам.

— Всеволод Васильевич, сколько человек приедут вместе с пациентом? Двое-трое?

Её попытка подбодрить Лиса при помощи положительной информации закончилась крахом.

— Не менее десятка, я полагаю, — отозвался Тур.

— Ой, — вырвалось у Оли, и она отчаянно посмотрела на друга.

Лис опомнился.

— Ерунда, — заявил он, приосанившись. — Буду прикрывать тылы, пока вы втроём удерживаете фронт.

Близнецы незаметно переглянулись. Оля влилась в семью органически. Причём ни сама она, ни Лис этого пока не осмыслили.

Декан проявил свою легендарную пунктуальность: кортеж въехал на двор ровно в назначенный час. Импортный микроавтобус, помеченный красным крестом, сопровождали чёрный «Вольво» и два «Мерседеса». Все машины блестели идеальной чистотой, несмотря на неблизкую дорогу.

Ворон и Лис вышли во двор. Ворон сделал знак водителю автобуса поворачивать налево к дверям «приёмного покоя» и пошёл по аллее, показывая дорогу. Лис приблизился к легковушкам. Из «Вольво» выскочил низенький улыбчивый мужчина с маленькими подвижными глазами.

— Вы, вероятно, Борис Васильевич? — он двинулся к Лису, издавая протягивая ему руку.

— А вы, безусловно, Алексей Аркадьевич, — констатировал Лис без эмоций. Сдержанно ответил на рукопожатие и добавил. — Проходите в дом, пожалуйста.

А сам сделал шаг к «Мерседесам».

— Это охрана, они останутся на свежем воздухе, — объявил секретарь Лёша, пожирая глазами молодого Полозова.

Лис бесстрастно принял факт.

— В таком случае, мне остаётся лишь *закрывать ворота*.

Он понимал, что в некотором роде рискует, вставляя в разговор с

экстрасенсом двойной смысл. Но «разведка боем» показалась ему наиболее выгодным методом анализа паранормальных способностей гостя. Он направил «глазок» пульта дистанционки на приборную панель и вместе с этим поднял незримый мост, обеспечивший полную естественность обстановки в начале визита для предполагаемого противника. Экстрасенс поёжился, однако не уделил внимания тонкому сквозняку под летним солнечным небом.

— Проходите, прошу вас, — повторил Лис, скрыв озорную усмешку.

Аккуратнее. И без шуток, — сквозь прохладную дымку из-за угла строения донёсся горячий взгляд.

Лис подмигнул тёплой невидимой траектории, благо экстрасенс Лёша повернулся к Борису Полозову спиной.

Микроавтобус остановился, но доктор Полозов не спешил выйти навстречу.

— Всеволод Васильевич, — затаённым шёпотом заговорила Оля, — я слышала, что хирурги, когда обнаруживают неоперабельные метастазы, просто зашивают пациента и отправляют в отделение. Может быть, вам сделать так же? Он ведь будет под наркозом. Зато уменьшится риск летального исхода на столе.

— Если бы мы с тобой были вдвоём, коллега, я бы приблизительно так и поступил, — тихо ответил Тур. — Но видишь, с ним личный врач. Он знает про мои обязательства.

Из машины вышел онколог, с которым Декан познакомил доктора Полозова на прошлой вечеринке.

— Я должен оперировать и сохранить ему жизнь, — закончил Тур.

Два санитаря осторожно выкатили на площадку перед входом большое кресло, в котором полулежал высохший человек. Следом появилась женщина в белом халате и высокой накрахмаленной шапочке, профессионально поправила резервуар капельницы, закреплённой над спинкой, наклонилась к больному и что-то спросила. Санитары принялись медленно разворачивать каталку в направлении дверей, но старик, казавшийся издали спящим, слабо приподнял руку. Манёвр остановили, и он обратил взор на небо и солнце, проглядывавшие сквозь сосновую хвою.

У Оли защемило сердце. Накануне доктор Полозов разъяснил ей ситуацию, вынудившую его, опытного хирурга, согласиться оперировать пациента, которому было противопоказано всякое операци-

онное вмешательство. Девушка знала и о желании старика остаться призраком среди живых, и о мольбах его давно почившей жены, и об экспериментах самоуверенного экстрасенса Лёши. «Знание — это оружие, — пояснил свою откровенность Всеволод Полозов. — Мы будем сражаться за его жизнь, и я хочу, чтобы ты имела в руках оружие не хуже моего». Сейчас, глядя на едва двигавшегося старика, Оля подумала, что битва за жизнь уже обречена на поражение и никакое знание не поможет хирургу выиграть предстоящий бой. Она отчаянно взглянула на своего учителя: вдруг всё-таки откажется — ведь даже без клинических анализов видно, насколько тяжело состояние пациента.

— Неделю назад он выглядел значительно лучше, — бесстрастно произнёс Всеволод Полозов и открыл дверь в приёмный покой. — Доброе утро, Павел Симеонович...

* * *

Без четверти два.

Лис скрылся на кухне от не прекращавшейся болтовни секретаря Лёши под предлогом приготовления обеда для гостей. Кикимора выглянула из-за плиты.

«Лис, а Лис, ну чего там? Меня Ворон из операционной вышиб».

— Правильно сделал. Тебе где велено было сидеть?

«Да ладно! Этот экстрасенс всё равно нас с Дедом не чует. Лис, а Лис, ну как у Тура и Оли дела?»

Юноша вздохнул. Операция длилась почти пять часов, и за это время старика дважды выводили из состояния клинической смерти. Первый раз с помощью хваленной импортной установки, второй — с применением дефибриллятора и горячих рук хирурга, жизненный жар которых просачивался даже сквозь тонкие резиновые перчатки. При этом Ворон в аппаратной комнате, отделённой от операционной прозрачной перегородкой, исправлял сбой системы жизнеобеспечения, матеря на чём свет стоит всех иностранных изобретателей. Сгоревшую микросхему он заменил на её русский аналог, и через пять минут система заработала. Тур получил возможность вернуться от интенсивной терапии к непосредственной работе.

«Ладненько, — ложка грустно звякнула об кастрюлю. — Всё ясно... Лис, а Лис, давай-ка я тебе помогу... Ну почему «нет»? Хоть посуду помою... Ах, так? Ну и возись сам!»

Половина четвёртого.

Водитель автобуса вернулся с речки весьма довольный прогулкой. Санитары, вынужденные коротать время перед видеоманитофоном, с завистью поглядывали за окно, где пылал жаркий летний день. Лис закрыл калитку, проводил шофёра в дом и вернулся в гостиную.

— Почему так долго идёт операция? — осведомился секретарь Лёша.

Он подсовывал всяческие каверзные вопросы, но до сих пор Лис искусно уходил от ответов, которые могли навести на мысль о его невербальной связи с братьями.

— Всеволод предполагал, что работа займёт целый день.

На дворе опять залаяла Галатея.

Борис Полозов перестал реагировать на собаку после четырёх подряд «ложных тревог», когда заметил, что охранники Декана от скуки пытаются заигрывать с овчаркой, вызывая её законное возмущение.

Галка не унималась. Лай перетёк в леденящий душу вой.

— Посмотрю, что с собакой, — автоматически произнёс Лис и побежал к выходу.

— Я с вами, — предупредил оживившийся Алексей Аркадьевич.

Чёрная овчарка выла на глухой забор прямо напротив приёмного покоя. Лис разглядел на той стороне разлома невнятный информационный фон. Потянуло дорогим табаком и нежными французскими духами.

«Валентина Рувимовна», — подумал Лис, приласкал Галатею и, взяв за ошейник, отвёл подальше от окон медицинского крыла.

Попутно до слуха дотянулся возбуждённый голос:

— Давление падает!

— Вижу.

— Он уходит, Всеволод Васильевич.

— Он будет жить.

— Всеволод Васильевич, это бессмысленно. Вы же понимаете, он приехал сюда, чтобы безболезненно умереть!

Возгласы московского онколога Лис воспринял в звуковом варианте, твёрдые ответы Тура — в информационном. Вдруг сквозь стены, ветер и безвременье пробился новый, но знакомый тон.

К врачам приходят за жизнью, а не за смертью! Не будьте малодушным. Вернитесь, Павел Симеонович!

Лис восхищённо застыл: Оля! Конечно, это крикнула в призрачную сферу Оля. Глазами Ворона он увидел ожившую линию кардиографа на чёрно-зелёном табло и изумление в глазах московского врача.

— Борис Васильевич, в операционной что-то стряслось? — вкрад-

чиво поинтересовался секретарь, про существование которого Лис едва не позабыл.

Экстрасенс отлично чувал ложь. А сказать «не знаю» для Лиса значило соврать. Ворон учил: русский язык богат, поэтому прицепись к какому-то его слову, найди второй смысл и отвечай честно в этом смысле.

На раздумья — мгновение.

— Вряд ли, — размеренно произнёс Лис, а сам представил песок, муку, пыль — словом, всё, что можно было теоретически стрясти, и чего в принципе не могло находиться в стерильном помещении. — Всеволод — классный хирург.

В талантах брата-врача Лис тоже никогда не сомневался. Таким образом, на вопрос Лис ответил «чистой правдой», и экстрасенс вновь остался с носом.

Пять минут седьмого.

Оля появилась в гостиной так неожиданно, что даже Лис испуганно вскочил.

— Что?

Одинаковый вопрос застыл на лицах секретаря, санитаров, шофёра и отдохавшей пары охранников.

— Операция закончена. Состояние больного тяжёлое, но стабильное, — оповестила аудиторию юная хирургическая сестра. — Всеволод Васильевич просит вас, — она обратилась к медицинским работникам, — пройти в операционную.

Лис нашёл старших братьев и Олю на «заднем дворе» — густом участке леса, окружённом забором. Девушка сидела на бревне, издавна служившем скамейкой, Тур и Ворон стояли возле сосен. Оба в синих хирургических пижамах, усталые, напряжённые и как всегда одинаковые. Лис заметил лишь одно отличие: у Тура на шее осталась висеть стянутая с лица марлевая маска.

— Это всё? — с надеждой спросил юноша. — Порядок?

— Относительный, — Тур выдохнул сигаретный дым. — Несколько дней я буду наблюдать его здесь, а потом, возможно, мне придётся ехать в Москву. Если, конечно, у Павла Симеоновича нет других планов.

— Откуда у него другие планы? — отозвался Ворон. — Он вообще не планировал новый отрезок жизни.

Оля насупилась.

— С его стороны было просто нечестно прибегать к таким способам эвтаназии, — проговорила она.

— Зато твои слова, Оля, заставили его информационную ипостась пересмотреть выбранную позицию, — напомнил Тур.

— Он не вспомнит об этом, когда придёт в себя, — рассудительно заметила медсестра.

— Как знать! — обронил Ворон.

Павел Симеонович очнулся, когда за окном сгустились сумерки. Узнав, что операция прошла успешно, он долго собирался с силами и, наконец, заявил, что намерен отправиться на свою подмосковную виллу. Доктор Полозов выслушал невнятную речь и безапелляционно запретил пациенту какие-либо поездки в ближайшие трое суток. Декан ничего не ответил.

Тур и Ворон дежурили в медицинских комнатах всю ночь. Ворон следил за электроникой во избежание повторных сбоев, Тур сидел в холле, наблюдая за больным через стеклянную перегородку. Меланхоличная сиделка находилась непосредственно возле больного и никакой инициативы не проявляла. А Павел Симеонович бодрствовал. Это настораживало доктора Полозова час от часу больше и больше, поскольку не укладывалось в рамки обычного поведения оперированного пациента.

— Что ты с ним сотворил? — спросил Ворон, как только брат вошёл в аппаратную.

— Я делал всё возможное, чтобы продлить его жизнь.

— И какие прогнозы?

Тур сокрушённо качнул головой.

— Кажется, он решил растратить весь жизненный потенциал за одну ночь. О прогнозах можно будет говорить, если в течение двух-трёх дней дело не закончится летальным исходом.

Пока он здесь, мы не подпустим к нему смерть, Тур.

Ворон, он это отлично понимает.

День тридцать пятый

Утром Павел Симеонович потребовал к себе Алексея Аркадьевича. Вскоре секретарь Лёша вернулся от патрона удивлённый и совершенно потерянный.

— Всеволод Васильевич, он хочет поговорить с вами перед отъездом.

— Больной не транспортабелен, — доктор Полозов повысил голос. — Неужели вы не видите?

— Я-то вижу, более того — вижу, насколько вы правы, — вздохнул экстрасенс. — Но он распорядился...

Тур не дослушал и быстро пошёл в палату.

— Как вы себя чувствуете, Павел Симеонович?

— А, Володя!.. — старик повернул голову.

Доктор Полозов предусмотрительно переставил стул так, чтобы пациент не утруждал себя лишними движениями, и сел перед ним, приготовившись к долгим аргументированным доказательствам невозможности переезда.

— Прекрасно чувствую. Прекрасно! — продолжал больной. — Спасибо, дорогой мой Всеволод Васильевич.

— Я рад, что вы не испытываете дискомфорта, — доктор Полозов по-медицински истолковал эмоциональный ответ. — Однако...

— Знаю, Володя, что хочешь сказать, — тихо проговорил Павел Симеонович. — Прости меня, доктор. Прости... И отпусти, прошу тебя.

— Павел Симеонович? — Тур силился прочесть на лице старика истинное значение его глубокого чувственного «прости».

— Володя, — сухие губы сложились в тоскливую улыбку, а в блёклых старческих глазах выплыли две слезинки, — ты подарил мне целую ночь! Целую ночь, чтобы оглянуться на прожитую жизнь. Спасибо тебе. Какое благо однажды понять, кем ты был и кто есть, где смысл человеческого бытия и куда ведёт дорога... Не сердись, Всеволод Васильевич. Поверь, одна ночь — это огромный срок. Это больше, чем многие мои годы... Не трать на меня свои чудесные силы. Ты выполнил свой долг врача. Ты сделал для меня больше, чем я заслужил. А теперь отпусти, Володя... Ждут меня, понимаешь?

— Понимаю, — Тур низко опустил голову и крепко сжал ладони. Руки оставались горячими. — Идите с миром. Без боли и тревог. Пусть путь ваш будет гладким, а встреча принесёт покой.

Слёзы поползли по морщинистым щекам, а на бледных губах задрожали произнесённые слова.

Тур поднялся, тепло посмотрел в благодарные глаза старика и вышел из комнаты.

Ворон бесшумно приблизился к близнецу и встал позади, облокотившись о спинку компьютерного кресла. Тур не шелохнулся. Лишь слегка напряглась рука, подпиравшая склонённую голову. В далёком

недосыгаемом пространстве зрела развязка. И здесь, где-то на жарком шоссе в пригородах Москвы.

Локоть скользнул по столу, рука обмякла, и тело медленно повело в сторону. Ворон вздрогнул, а в следующий миг подхватил брата под плечи.

— Нет, Тур! Не ходи! Не ходи, слышишь?.. — он заглянул в приоткрывшиеся глаза близнеца. — Он закончил свой путь на этом свете. А на том его уже встречают. Мы своё дело сделали.

Тур ладонью протёр бледное лицо и медленно кивнул.

— Не беспокойся за меня. Я просто устал.

— Тебе нужно выспаться.

— Ворон, — Тур с тоской посмотрел на брата-близнеца.

— В нашей личной памяти набралось много хорошего за шестнадцать лет. Это живая память, Тур. Мы создавали её вместе. Загляни туда, а я буду рядом.

На волнах быстрой реки мерцали хлопья облаков. Тонко свистели ласточки в поднебесье. Качалась на ветру высокая береговая трава. Стебелёк, озорно нацеленный на большого полосатого шмеля, замер в пальцах юноши.

— Павел Симеонович умер, — тихо произнёс Лис.

Оля тяжело вздохнула, посмотрела на небо и грустно улыбнулась.

— Они соединились. Видишь?

Лис поднял взгляд. Два ничем не приметных облака только что слились в одну белую массу и поплыли дальше, гонимые высокими ветрами.

— Значит, в Память вошли ещё две судьбы. У круга бытия нет конца.

— И начала тоже нет, — отозвалась Оля.

Издали сквозь шум сосен и гул машин на шоссе донёсся уверенный голос кукушки. Юноша и девушка прислушались.

— Она кукует на живом дереве, — вдруг сказала Оля. — Интересно, кому?

— Может быть, нам с тобой?

— Посчитаем?

— Давай!

Они сбились со счёта на пятом или шестом десятке, рассмеялись и, взявшись за руки, побежали вдоль берега. Просто так, от избытка счастливых чувств.

День тридцать шестой

Ворон лично удостоверился, что сотовый телефон Лиса надёжно прицеплен к поясу, аккумуляторы заряжены и никаких сбоев связи не ожидается. Лишь после этого парень получил ключи от «шестёрки», возвращённой вчера вечером из ремонта.

— Если она хоть раз чихнёт на дороге, — напутствовал Владимир Полозов младшего брата, — немедленно звони мне.

— Ладно, ладно. Только не нужно меня пасти, — нетерпеливо предупредил Лис, не спуская глаз с Оли, которая ждала его в дверях холла.

«Эй, Лис, — появилась Кикимора, — чтоб к ужину были дома! Я собираюсь испечь пирог в честь Дня города».

— Обязательно, Ки, — пообещал Лис и, во избежание новых указаний, подхватил Олю под руку. — Не скучайте!

— Опаньки, как гребень-то распушил! — с удовольствием заметил Дед. — Ты это, Ворон, не хмурься. Пушай развлекаются. Им положено, они молодые.

«Жигули» лихо вырулили за ворота. Тур отошёл от окна.

— Неспокойно как-то, — проговорил он. — И погода портится.

— Давай считать, что сумасшедшая неделька завершилась, — предложил Ворон. — Ведь когда-то это должно устаканиться?

Что именно «это», он не уточнил, и, соответственно, призрак тревоги не соизволил покинуть границы заставы.

На праздничных улицах города царил автомобильная толчея. Лис с трудом втиснул «шестёрку» между двумя машинами на парковке, заглушил мотор и красноречиво вытер вспотевший лоб.

— Пойдём пешком, — подытожила Оля.

После трёх подряд аварийных ситуаций на дороге, в которых не по своей вине едва не поучаствовали юноша и девушка, это решение было самым разумным.

Лис и Оля прогулялись по переулкам недалеко от здания университета и вышли на залитую солнцем центральную улицу. На деревянных подмостках давал представление детский театральный кружок. Красочные флаги, простенькие, но яркие декорации и костюмы ребят привлекли внимание, и молодые люди остановились, чтобы полюбоваться представлением. Не прошло и десяти минут, как на сцене случился конфуз. Мальчик, игравший заколдованного принца, оступился и упал на сцену вместе с фанерным конём. Публика, состоявшая

большей частью из детей и подростков, встретила оплошность актёра хохотом и свистом. Оля оторопела.

— Да что ж это такое? — прошептала она.

— Детская жестокость, — помрачнел Лис, наблюдая за молодыми мамашами, пыгавшимися вразумить своих не в меру развеселившихся детишек. — Плюс пагубное влияние западных мультяшек, в которых весь юмор сводится к шлепку или оплеухе.

Лис и Оля переглянулись и без специальных соглашений покинули зрительскую толпу.

— Давай в кафе зайдём, — предложил Лис после долгого обоюдного молчания.

Оля согласилась. Но все кафе, как назло, были заполнены любителями пива и более крепких напитков. В одной из таких «забегаловок» к юноше принялись цепляться несколько подвыпивших парней, и Оля вынуждена была прикрывать отступление, отвесив в адрес задир нелицеприятный комплимент.

На уличных лотках продавали минеральную воду, мороженое и сладости. Выстояв очередь, Лис и Оля выслушали обилие грубостей со стороны покупателей и продавщицы, были обруганы последней за отсутствие мелочи, однако бутылку газировки и два эскимо всё-таки приобрели.

— Кажется, нам как нарочно хотят испортить настроение, — мрачно высказался Лис.

— Не будем поддаваться, — браво откликнулась Оля.

Через пять минут машина, несущаяся по проспекту, обрызгала Олю чуть ли не с ног до головы.

— Чтоб тебя! — воскликнул Лис вслед лихачу.

Оля с тоской посмотрела на единственную в видимом пространстве лужу и перевела взгляд на свои голубенькие джинсы, превратившиеся в подобие шкуры пятнистого ягуара.

— Надо было держаться подальше от поребриков, — сказала она.

— Машину водить уметь надо, — ошетинился Лис.

— Не злись на него, — посоветовала девушка. — Пусть катится. Если суждено, другая лужа его сама найдёт.

Они спустились на набережную Тьмаки.

— Что за день сегодня? — буркнул Лис, озираясь по сторонам. — Взрывы на солнце, что ли? Или все как один не с той ноги утром встали?

Вопрос прозвучал риторически, но Оля невольно посмотрела вокруг. В жарком мареве, поднимавшемся над асфальтом, привиделся

человеческий контур.

— Ой, Лис!

Он моментально обернулся на её взгляд. По набережной гуляли празднично одетые горожане.

— Показалось, — Оля смущённо опустила глаза. — У вас дома я хорошо различала информационные сгустки. Даже Павла Симеоновича со второго раза, но увидела. А здесь всё какое-то... размазанное.

— Вернёмся домой? — Лис ухватился за перспективу спокойного времяпровождения в обществе старших братьев, двух домашних привидений и весёлой овчарки.

Девушка нерешительно пожала плечами.

— У Всеволода Васильевича и Владимира Васильевича, наверное, свои дела. Мы сказали, что к шести вечера вернёмся.

— Да какие у них дела! Небось, Тверцу наперегонки переплывают в десятый раз, — заявил Лис. — Или к Марине Николаевне поехали... Хотя нет, она же на турбазе.

Нотку неудобства в голосе друга Оля расценила как сожаление о нечаянно вырвавшейся лишней информации и тут же постаралась забыть упомянутый факт. Лис же в свою очередь не стал заострять внимание на конфликте между знанием заданным и знанием, скользнувшим вне сферы досягаемости человеческого сознания.

Юноша и девушка продолжили прогулку по городу. То там, то здесь пестрели призывные рекламы развлекательных мероприятий. И громче всех вопили ярко-алые плакаты, приглашавшие молодёжь на «Супердискотеку». Начало в «ноль часов, ноль минут». Лис тревожно рассмотрел афишу, нервно встряхнулся, но ничего подозрительного в полотнище не нашёл.

На театральной площади напряжение, вытеснившее было изначальную безмятежность праздничного настроения, пошло на убыль.

— Хочешь, прокатимся по Волге на катере? — осенило Лиса. — Или на «Колесе обозрения» поднимемся?

Оля обрадовалась и первой, и второй идее, и воодушевлённый Лис смело повёл подругу в городской сад. Но не успели они войти в призывно распахнутые ворота, как оказались в горластой, будто наэлектризованной молодёжной толпе. Если бы не отличный слух, Лис так бы и не узнал, в честь чего разгорелась ссора. Но выкрики на ломаном русском языке с обильной примесью иностранного разъярили ситуацию в считанные мгновения.

— Оля, дай руку! — юноша схватил подругу за запястье и, работая

свободным локтем, вырвался из озлобленной массы.

Ретировались они вовремя. Свалка на маленькой площади городского сада началась через секунду.

Лис остановился на относительно безлюдной аллее и быстро оглянулся назад. Прилично одетые, но совершенно озверевшие парни молотили небольшую группу жителей солнечного Кавказа.

— Что же здесь творится? — отчаянно выкрикнула Оля.

— «Дикая охота», — прошептал Лис.

— Как? — обомлела девушка.

Лис пристально смотрел в пустоту.

— Нападение мёртвых на живых.

Из тени, созданной густым опрятным кустарником, довольно усмехалось невидимое простому глазу пространство, а в небе, где собирались тяжёлые дождевые тучи, в свинцовых призрачных разводах качался густой зловрадный лик, обрамлённый чернотой, будто чёрным платком.

— Зачем она? — ахнула девушка и невольно прижалась к Лису.

— Ей нужна злоба, как нам воздух, — пробормотал юноша. — Она вдыхает ненависть, чтобы мощно обрушиться на нашу заставу.

— Но почему? Лис, почему?

— Я не знаю. Поехали домой!

До стоянки, где осталась «шестёрка», было далековато. Лис и Оля торопились, однако, пересекая проезжие части, проявляли дополнительную осторожность. Особенно после замеченной неподалёку аварии. От водителя, виновника ДТП, несло алкоголем за версту. Лис даже не удержался от законного в таких случаях «чиха».

— Этот «День города» войдёт в историю благодаря Пятнице и её заложным, — мрачно высказался он.

За квартал до спасительной машины юноша замедлил шаг.

— Что-то случилось? — шепнула Оля.

— Не пойму. Тур или Ворон... Ворон.

— Что? — испугалась девушка.

Лис медленно положил руку на свою грудь и провёл ладонью вверх до ключицы.

— Вроде бы ссадина. Вода кругом... У Тура руки горячие... Вздрогнули оба! Плывут. Очень быстро по течению...

— Лис, — Оля решительно взяла его за плечи, — с ними всё в порядке. Детали узнаем дома. А пока идём к машине. Нам предстоит ехать по городу. Сконцентрируйся на себе.

Юноша опомнился. В больших серых глазах подруги обосновалась непреклонная твёрдость. Невольно он принял в себя её уверенный взгляд. Сознание укрепилось в реальности и сосредоточилось на конкретной цели.

Когда «Жигули» со всеми предосторожностями выехал на дорогу, на заднем сиденье салона появился Дед.

— Аккуратненько, ядрён-батон, — предупредил он, — видал, как тута все взбесились? Прямо Содом с Гоморрой. И всё, это, супротив нас.

— Что произошло с Владимиром Васильевичем? — быстро спросила Оля.

— С Вороном-то? Да, это, на реке. Моторка чумная прямёхонько на них помчалась. Уж до берега было всего ничего. Ну, это, Ворона слегка отбросило, а тама коряга.

— А моторка? — быстро уточнил Лис, не отрываясь от управления.

— Э-эх, — болотный дух заполнил салон. — До деревни дожужал, а там аккурат в кусты со всей дури. Уж не знаю, сумеет ли Тур двух дураков в чувства привести. Народ сбежался, а что толку, коли доктор всего один. Ты, это, рули, рули. Я тута посижу. Для порядку.

Заявленный пирог у Кикиморы получился славный, но настроение за столом оставалось нерадостное. В дугу пьяного речного гулёну и его приятельницу откачать успели. У кого-то из неподалёку отдыхающих дачников под рукой оказалась аптечка, с соседнего огорода прибежала местная фельдшер, — словом, у Тура нашлись хорошие помощники. Через полчаса «скорая» забрала неудачников. Заложных Пятницы Тур и Ворон поблизости не заметили, но наблюдения Лиса и Оли были приняты безоговорочно.

— Зачем она это делает? — повторила свой вопрос девушка и испытующе оглядела Полозовых.

— Готовит атакующий удар, — невнятно обронил Ворон.

— Или стремится показать, как озлоблены и глупы люди, — точно так же произнёс Тур.

— Показать нам? — Лис ухватился за свежую мысль.

Близнецы независимо друг от друга одинаково пожали плечами.

— По-моему, — осторожно начала Оля, — она просто завидует живым. Она старалась изошрённо мстить, кем-то управлять, что-то разрушать, а в результате совершенно забыла, что такое дружба, любовь, уважение к ближнему, надежда на лучшее и просто вера в человека. Это свойственно тяжело больным и калекам. В учебнике для мед-

сестёр специально акцентируется вопрос о поведении медперсонала при контакте с подобным контингентом. Правда, Всеволод Васильевич?

— Верно, коллега, — Тур невольно улыбнулся.

— Не все тяжело больные и калеки обладают способностью руководить случайностями, — вставил Ворон. — К тому же они реагируют на добрые чувства со стороны медперсонала. А эта мадам, похоже, ничего доброго в принципе не замечает.

— Она не принимает никакой положительной информации, — пробормотал Лис. — В её заложенных только страх, боль, гнев, отчаяние, одиночество. Она борется с нашим миром, полагая, что в нём остались лишь эти чувства, — юноша вскинул голову. — Но есть же другие, которыми живут люди! Нужно заставить её увидеть! Нужно показать ей!

Близнецы переглянулись.

— И как ты себе это представляешь? — спросил Ворон.

Лис сник. Руководства к действию у него не нашлось.

* * *

Проливной дождь занавесил стёкла плотной водяной пеленой. Над ослеплённым домом завывал ветер, срывал сосновые ветки и швырял на крышу, будто норовил пробить невидимые стены заставы. Центральное электричество отключилось. Видимо, где-то на линии оборвало провода. Мощный локальный генератор работал, однако братья Полозовы предпочли бодрствовать в темноте. Из неосвещённых комнат лучше просматривался покорённый стихией двор и лесные тени за бетонным забором.

— Оля спит? — вполголоса спросил Ворон.

Лис, прилипший к окну, не оборачиваясь, кивнул.

— Ки у неё в комнате, — пояснил Тур.

— Братцы, вон они! — Лис резко выпрямился.

На стекле в струях дождя ползали отражения бесформенных силуэтов.

— Многочисленная команда, — усмехнулся Ворон. Глаза его произвольно потемнели.

— Они не пересекут границу круга, — уверил Лис и отошёл вглубь кабинета. — Они мёртвые, а мы — живые.

За его спиной образовалась пустота сожаления.

— Наше второе рождение состоялось непосредственно из лона

смерти, — произнёс Ворон.

— А живые корни мы потеряли, — продолжил Тур. — Наша застава — как плавучий остров в двух океанах. Мы не знаем, что стоит у нас за спиной.

— А пятнадцать поколений, про которые говорил Виктор? — Лис судорожно взмахнул руками.

— Ты помнишь хотя бы одно из них, братишка? — прошептал Ворон.

Побелевшие губы юноши задрожали.

— Я... Нет. Родители как будто специально отсекали нашу память.

— Мать и отец, по-видимому, служили только смерти, — медленно предположил Тур. — Но кто-то же до них в нашем роду служил жизни! — плохо сдержанное восклицание ударило о тёмное окно. — Тот, кто дал нам наши имена, кто бросил копьё в порочный круг, кто разжёт дух очистительного огня в наших сердцах. Где они теперь?

Ожидание ужаса вплотную приблизилось к стенам осаждённой заставы. Стали слышны отзвуки неведомых голосов за поднятыми мостами. Безликая масса теней ошетичилась яростью.

— По-моему, сейчас начнётся штурм, — выговорил Ворон.

— Они здесь! — вдруг воскликнул Лис.

Близнецы быстро оглянулись.

— Да нет же, — глаза юноши светились восторгом открытия. — Братцы, они здесь, в нас! Они — это мы, а мы — они. Павел Первый сказал так применительно к памяти вообще, поскольку мыслил масштабами России и народа. Но память вообще — это память всех и каждого. Тур, Ворон, они здесь с тех пор как мы... — Лис смущённо улыбнулся, — вернулись оттуда. Они пришли вместе с нами.

— Теория множеств, — Ворон, обескураженный очевидным, механически вздохнул и копнул волос на своей голове. — Вот вам и высшая математика в жизненной практике.

Воодушевлённый, Тур тоже собрался высказаться, но не успел.

— Братья!

Мёртвый взгляд Ворона мгновенно перекинулся в пустоту. Даль за окном раздвинулась, как театральный занавес. За стеной дождя вспыхнуло пламя, и осколки сотен мыслей, сознаний и голосов устремились во тьму вместе с обрывками звуков, незавершённых фраз и оборванных аккордов. Громовой раскат расколол пространство, и время застыло над пропастью.

Придёт день, когда весь мир канет в огненном горниле! Этот мир

недостойн жизни!

Сгустки призрачной информации, закованные в кандалы ужаса, оторвались от берега и поплыли в победно распахнутые объятия Пятницы-Смерти.

Смотрите, змеиные дети! Вы бессильны, вы — ничто против меня!

Разноцветная афиша на ограде городского сада — «Супердискотека... В ноль часов ноль минут». Лис зажмурился, но алые буквы остались под веками, подобно глумящемуся призраку. «Ноль часов ноль минут» — как насмешка над временем, которого вдруг не стало для сотни парней и девчонок.

Покидающие жизнь раньше срока, оглянитесь!

Лиса окатило нереальным холодом Перехода.

Оглянитесь! Что осталось у вас за спиной?

Кто из близнецов говорил, он не понял, ибо оба — Тур и Ворон — стояли за порогом небытия. Переход мерцал, и врата его медленно, но неуклонно смыкались. Лис ахнул и, раскинув руки, встал на самом пороге так, будто силился удержать тяжеленные створы.

Посмотрите на друзей своих! На матерей, братьев и сестёр. Они чувствуют вашу боль! Они протягивают вам руки и зовут назад...

...Те, кто силён духом, вернитесь! Ещё не поздно!

Скомканное пространство заволновалось и отпрянуло, будто вода, накатившая на невидимую стену.

Идите ко мне. Все! Идите! — чёрный лик Пятницы возник в Переходе. — *Я отомщу живущим за вашу смерть.*

Живущие — это близкие ваши и ваши любимые. Живущие — это ваши кумиры и товарищи...

...это те, с кем вам было хорошо и весело, а может быть, счастливо. Позволите ли вы силе злобной мстить им?

Информационная сфера, колеблющаяся в пучине, нерешительно потянулась обратно, к живому берегу. Лис заметил среди безликих сгустков и тех, чьи тени ползали по залитому дождём стеклу до рокового взрыва на дискотеке.

Остановитесь! — тон Пятницы стал близок к отчаянию. — *Вы идёте навстречу боли и страданиям!*

Вы молоды и вы сильны. Кто готов бороться за жизнь, за счастье любимых, за радость отцов и матерей — возвращайтесь!

...Кто не числит себя живым, идите за мной! Идите в Память земную, чтоб через годы вернуться в новых поколениях.

Плотная призрачная масса, недавно обступавшая чёрную фантомную женщину, стала расслаиваться и редеть. Пронёсся миг, и возле мрачной фигуры с белой маской вместо лица остался лишь один блазень, источающий слабый дух озона.

Победа казалась неоспоримой. Лис чуть было не завопил от избытка чувств, но тут понял, что Переход вот-вот исчезнет в непроглядной тьме. И в месте с ним...

— Братья! — не своим голосом заорал он и вцепился в створы несуществующих ворот. — Братья, назад!

Сквозь руки Тура пронеслась последняя искра.

Ворон пропустил на безжизненный берег последний человеческий вздох.

Ворота смыкались, будто сопротивления им не было вовсе.

— Братья, пожалуйста! Скорее!

Оба повернулись. Но не к Лису, а к чёрной туманной фигуре, заполнившей нереальный горизонт. Лис догадался: Тур и Ворон вознамерились любой ценой увести мстительный дух Людмилы Старостинной за пределы всякого пространства.

Из мрачной тени выплыла усмешка.

— Нет! — выкрикнул Лис. — Она мёртвая, а вы живые! На её поле это неравный бой!

Смелее, дети змея. Подойдите и уничтожьте меня. Помните, как я убивала в вас остатки братских чувств? Пришёл час отомстить. Я приму свою судьбу из ваших рук.

Затаённые ноты коварства дребезжали из холодной пустоты. Лис закусил губу.

— Братья, нельзя сражаться с ней её оружием. Остановитесь. Истинная память не приемлет мести и ненависти.

Тур и Ворон не двигались, лишь в информационной сфере братского союза качались сомнения.

— Братцы, пожалуйста, — взмолился Лис, — отступите. Ради живых! Ради тех, кому вы дороги, кто верит в вас и желает вашего добра. Вернитесь!.. Хотя бы ради меня, — добавил он еле слышно.

Вдоль живого порога скользнула огненная струйка. Вспыхнула и завернулась, будто змея, нацелившаяся на собственный хвост. На белую маску ненависти упала густая тень.

Фантомное противостояние разверзлось принятым решением: Тур и Ворон повернулись к дому.

Вы возненавидите свой постылый мир и придёте ко мне с пока-

янием...

Застывшее над пропастью время вырвалось из плена и ринулось вперёд. Пучина отозвалась низким утробным гулом. Раздался вполне материальный грохот, а затем глухой шлепок.

Лис потряс головой. Голова немедленно ответила противным звуком, забившим оба уха. Юноша обнаружил, что сидит на полу возле пустого кресла. Вскочить не удалось, поскольку к писклявой музыке внутри черепной коробки присоединились искрящиеся точки, заполнившие зрительное пространство.

— Тур? Ворон?

Тишина. Лишь за окном громко цокают последние капли дождя.

Лис встал на четвереньки и двинулся в сторону письменного стола, где находился светильник. Сделав таким образом два «шага», он наткнулся на неподвижное тело.

— Ворон!

— Лис, включи свет, чёрт подери, — вяло раздалось издали.

— Тур!

Юноша нашёл плечо лежащего, почувствовал встречное движение и, сообразив, что второй брат уже подал голос, то есть пришёл в себя, торопливо поднялся на ноги. Настольная лампа нашлась быстро.

— Братцы, — Лис испуганно оглядел кабинет.

Ворон сидел под окном и растирал пальцами разбитую бровь, не замечая, что размазывает кровь по лбу и бакенбардам. Тур приподнялся на локте, судорожно закашлялся и рефлекторно перевернулся на бок. Близнеца он не видел из-за ребра деревянного стола и, тем не менее, предупредил.

— Оставь ссадину в покое. Отдышись и займись твоей бровью.

Ворон махнул рукой и начал вставать. Тур опередил. Пошатываясь, приблизился к близнецу, ткнул его в компьютерное кресло и прижал ладонью окровавленное лицо.

— Следующий раз паркуй тело так, чтобы приземлить его мягко, — выговорил Тур и кивком показал на крепкий добротный стол, послуживший причиной пустяковой, но травмы.

У Лиса в груди зародился тихий нервный смехок.

— Может, без «следующего раза» обойдёмся? — отозвался Ворон.

— Вместе с телом в Переход я тебя не пущу, — серьёзно предупредил Тур. — Дух там живёт, а материя — нет. Однажды уже проверено на практике.

Он выпрямился, посмотрел на свои ладони, оставшиеся по-человечески горячими, и опустился в кресло напротив брата.

— Лис, — позвал Ворон.

— А?

— Спасибо.

Лис насторожился.

— За что?

— А кто двери Перехода удержал? — напомнил Тур.

Лис осторожно оглянулся сначала через левое плечо, затем через правое, и вновь обратил рыжий взор на старших братьев.

— Получается я, да?

В любой другой ситуации близнецы бы с удовольствием посмеялись. Но сейчас обстановка не позволяла расслабляться.

— Ты, братишка, — просто ответил Ворон. — А теперь кто-нибудь может объяснить, каким оружием бороться против неуспокоенной мстительницы? И как заставить её понять, что тут у нас обитает не одна лишь мерзость?

— Мне очень не понравилось её последнее обещание, — заметил Тур.

— Кажется, у неё остался всего один заложный, — напомнил приободрившийся Лис.

— До поры до времени, — мрачно откликнулся Ворон. — А пока нам нужно держаться всем вместе. Вчетвером.

Рыжие глаза радостно вспыхнули, но новая мысль быстро приглушила восторг.

— Тур, Ворон, а как же Марина Николаевна?

День тридцать седьмой

Утром Лис первым делом сунулся в Интернет, наивно полагая, что местные новостные сервера разместят статьи о ночном происшествии немедленно. Упоминание о взрыве на дискотеке нашлось далеко не сразу и не в региональной электронной печати, а на российской ленте новостей. Данные оказались скудными. Число жертв, обозначенное разными источниками, колебалось между одним и двумя десятками погибших, раненых не считали вообще. Причина трагедии тоже осталась в тени, потому что никто не взял на себя смелость выдавать за истину домыслы о теракте, а другие версии следственные органы держали при себе. Но одна строчка действительно Лиса порадовала: корреспондент отмечал счастливую случайность, позволившую основной массе мотодёжи вовремя покинуть здание без обычной в таких случаях паники.

Оля узнала о ЧП от Лиса, хотя некоторые детали, касающиеся сугубо Тура и Ворона, юноша опустил. Ки и Дед впитали информацию из стен дома, однако от комментариев воздержались. Вернее, как быстро уяснили Полозовы, болотник удержал от комментариев неугомонную Кикимору.

— Как долго она будет копить новые силы? — спросила Оля, оценившая обстановку без толики иллюзий.

— Надеюсь, несколько дней у нас есть, — бодро ответил Лис. — К тому же...

Призывно зазвенел телефонный аппарат.

Тур и Ворон дружно стиснули зубы. Лис сжался, будто в ожидании бури.

Трубку взял Тур.

— Полозов. Слушаю.

Слушать ему пришлось долго. Ворон поглядывал то на близнеца, то на наострившегося Лиса и терпеливую Олю, и, наконец, решил пояснить.

— Звонит Алексей Аркадьевич. Сообщает о смерти Павла Симеоновича и о каком-то его завещании... Собирается прибыть к нам сегодня вместе с нотариусом. Всеволод, спроси, на кой ляд мы ему сдались?

Доктор Полозов сделал предупреждающий знак: мол, не спеши. Наконец, он сухо согласился встретить деловых визитёров, вслух повторил назначенное время: два часа дня и опустил трубку.

— Кажется, Декан давно прописал нас в качестве наследников какой-то особой части своего состояния, — не очень уверенно сообщил он.

— Кажется? — Ворон заметил сомнения близнеца.

— Секретарь повторил это трижды, поэтому я не слишком ему верю.

— Что ж, скоро увидим, умеет ли ходячий «детектор лжи» врать сам, — едко усмехнулся Владимир Полозов.

Незадолго до часа встречи Ворон позвал младшего брата в кабинет.

— Когда экстрасенс заявится к нам, тебе и Оле лучше не высываться. Сидите на втором этаже очень тихо. А ты хорошенько развесь уши. Камеру я ставить опасаюсь, заметит — конфуз получится. Поэтому, братец, надежда на твой лисий слух и твой лисий нюх, как на источник дополнительной информации.

— Без проблем!

— Лис, возьми наши мобильники.

— Зачем? — изумился юноша.
— Вдруг Марина позвонит... Всё, по местам!
— Ворон, стой, — Лис решительно преградил брату дорогу. —
Что тебя беспокоит?
— Не стоит заострять на Марине внимание декановской компании.
Хватит и того, что пацаны Беляка знают о её существовании.
— Нет, ты подумал о чём-то другом, — не отступил Лис. — Она
ведь звонила вчера утром и сказала, что прекрасно отдыхает. Почему
ты продолжаешь волноваться за неё?
— А ты? — вдруг спросил Ворон.
Лис растерялся.
— Не знаю, просто...
— Вот и я не знаю. И Тур не знает. В общем, если позвонит, ска-
жи, что мы намерены завтра приехать за ней.

* * *

— Мне поручено вести конфиденциальный разговор, — заявил се-
кретарь Лёша, когда Всеволод Полозов пригласил его и молчаливого
нотариуса в гостиную.
— Мы одни. Располагайтесь.
— А ваш младший брат?
— Он со своей девушкой, — ответил Ворон, но, естественно, не
уточнил, где именно. И добавил, показав на насторожённую овчарку. —
Надеюсь, она вам не помешает.
Секретарь замялся и, наконец, решил не заострять внимание ни на
собаке, ни на просторном помещении. Дед, обосновавшийся в кресле,
пренебрежительно фыркнул в усы.
Память уважаемого Павла Симеоновича секретарь Лёша почтил
чопорной минутой молчания, сдержанно поведал о последних часах
его жизни, для порядка вздохнул и краем глаза проследил за реакцией
слушателей. Близнецы Полозовы сидели напротив с непроницаемыми
выражениями лиц. Секретарь почувствовал себя неуютно и принялся
выражать свои сожаления в более трогательных выражениях. Словоиз-
лияния прервал нотариус, недвусмысленно водрузив на стол перед го-
ворливым партнёром папку с документами. Алексей Аркадьевич за-
молчал, деловито откашлялся и объявил.
— А теперь о целях нашего визита.

Всеволод и Владимир Полозовы синхронно придвинулись к столу. Маленькие глазки секретаря испуганно забегали между двумя неотличимыми хозяевами дома. Он, с трудом сдерживая непристойную для делопроизводителя взволнованность, представил личного юриста покойного, снова озвучил факт существования завещания и продемонстрировал Полозовым личную подпись Павла Симеоновича, скреплённую печатью и прочими нотариальными атрибутами.

— Согласно желанию покойного, мне поручено передать вам, Всеволод Васильевич, — он поискал глазами доктора Полозова и облегчённо продолжил, когда Тур кивнул, обозначив себя. — Владимир Васильевич... — Ворона он определил уже без труда методом исключения, — что Павел Симеонович назначил вам обоим определённую сумму средств для основания частной клиники в одной из перечисленных в списке стран мирового содружества. Рекомендательные письма, адреса и имена лиц, которые будут способствовать вашей новой работе, здесь, — полная ладонь с короткими пальцами прижала отложенную стопку документов. — Павел Симеонович всегда восхищался вашими талантами, Всеволод Васильевич, и обширными знаниями компьютерных технологий вашего брата. Он надеялся, что ваши объединённые знания и многолетний опыт сотрудничества позволят вам начать собственное дело в государстве, где по достоинству ценят работу врачей и программистов. Для вас будет открыт целевой счёт. Вы сможете использовать его, как только прибудете в выбранную вами страну. Это начальный капитал, который покойный завещал вам. Все расходы на переезды будут оплачены отдельно. Мне поручено оказывать вам всяческое содействие. От себя добавлю: готов полностью поступить в ваше распоряжение, как только завершу имущественные дела Павла Симеоновича.

Близнецы едва заметно нахмурились. Секретарь расценил их мимику по собственному уразумению.

— Всеволод Васильевич, Владимир Васильевич, согласитесь, — он доверительно улыбнулся, — в России нет никаких перспектив для людей ваших талантов. Павел Симеонович это прекрасно понимал и всегда хотел помочь вам сделать хорошую карьеру. Даже в последние минуты жизни он снова вспомнил об этом.

Закончив речь на помпезной ноте, секретарь Лёша спрятал взгляд в бумагах.

Ворон вынужден был проделать то же, ибо почувствовал, как зажигаются мёртвым огнём доселе человеческие глаза. Тур медленно

опустил на колени стремительно леденеющие руки.

— Эй-эй, сынки, полегше, — Дед возник за спинами братьев и взял обоих за плечи. Болотная дымка растеклась над столом в опасной близости от экстрасенса. — Врёт, и пушай. И чёрт с ним! Не заводитеесь. Кабы, это, дров не наломать.

Галатея ни с того ни с сего подскочила к окну, встала передними лапами на подоконник и заворчала на залётного шмеля, бомбящего распахнутую фрамугу.

— Мы можем посмотреть на документы? — спросил Владимир Полозов.

Нотариус встал, обошёл стол и положил перед хозяевами слегка потёртый лист. Ворон не мог определить подлинность бумаги, но разглядел дату. Завещание было составлено два года назад, вскоре после обострения болезни Декана и успешного хирургического вмешательства, исполненного доктором Полозовым.

— Спасибо, — он, не поднимая глаз, дал понять, что удовлетворён.

— Взгляните на список, — приободрился секретарь. — У Павла Симеоновича всюду хорошие партнёры, и даже если вы решите начать дело в каком-либо ином государстве, я берусь устроить и это. У меня надёжные связи за океаном.

Близнецы посмотрели друг на друга.

— Мы выбираем Россию, — произнёс Всеволод Полозов.

Деятельная мина сползла с круглого доверенного лица.

— Простите? Вы, вероятно, не поняли меня. Капиталы могут быть задействованы только за границей. Такова воля Павла Симеоновича. А здесь просто невозможно что-либо организовать с умом! Россия, это же... — искреннее возмущение перекосило полные губы секретаря Лёши, — извините, это страна дураков!

— Это наша Родина, Алексей Аркадьевич, — ответил Владимир Полозов. — Я думаю, Павел Симеонович не стал бы осуждать нас с братом за наш выбор. Тем более по итогам *последних* событий.

Намёк получился туманным, и в пылу замешательства экстрасенса его не уловил.

— Я просто потрясён, — пробормотал он. — Вы серьёзные, умные люди. И... Нелепо. Просто нелепо отказываться от своей судьбы. От таких перспектив! От таких денег! Вы даже не представляете, о какой сумме идёт речь!

— Сумма не имеет значения, — сдержанно перебил Всеволод Полозов. — Есть на земле то, что не продаётся и не покупается. Сожа-

лею, но ваша миссия в данном пункте закончена.

Лис бегом спустился по лестнице.

— Ну, братцы, вы его и отбрили! Приехал гоголем, а ретировался общипанным цыплёнком.

— Уймись, — одёрнул Ворон, но восторг младшего брата принял с удовольствием. — Что-нибудь необычное почуял?

— Пахло страхом, — доложил юноша. — Но причину определить я не могу. Это его собственный перманентный страх. Он с ним пришёл и с ним ушёл. Вернее, после твоего намёка на изменившееся отношение Декана к кругу бытия запах незначительно, но усилился.

— Владимир Васильевич, — Оля стояла на антресоли, облокотившись о перила, — любые завещания оформляются у нотариуса?

— Официальные — да.

— Когда отец уезжал, — Оля начала спускаться по ступеням, — я нечаянно увидела у него на столе рукописную бумагу. И успела прочитывать, что папа завещал деньги за командировку перечислить на моё образование. Мама потом так и сделала. Хотя на бумаге не было ни печатей, ни штампов.

— Знаешь ли, малыш, если люди друг другу доверяют, штампы нотариусов им не нужны. Завещание становится просто перечнем действий в случае... Короче, как список домашних работ, прилепленный на монитор.

Ворон многозначительно посмотрел на близнеца.

Оля хихикнула. Не столько из-за красочной пантомимы, сколько от непринуждённого «малыш», прозвучавшего в её адрес.

— Слушайте-ка, — наострился Лис, — Декан доверял секретарю?

— В какой-то степени, наверное, — отозвался Тур.

— Представьте ситуацию: он чувствует приближение смерти. В машине только медперсонал и секретарь, и никаких нотариусов под рукой нет. А он хочет передать вам последнее слово и изменить завещание, написанное два года назад. Что он сделает?

— Оп-ля, — выдал Ворон, причём его «ля» было очень похоже на обрывок другого слова. — Варит рыжая голова!

— Да это же Оля меня на мысль навела, — Лис отступил, дабы не спровоцировать языковые вольности брата.

— Даже если он надиктовал последние распоряжения секретарю, — вступил Тур, — нас это вряд ли касается. Жизнь — не тот объект, который допустимо измерять деньгами. Павел Симеонович, безусловно,

это понял.

— А что если Лёша нарушил слово, чтобы примазаться к заграничным благам, — предположил Ворон. — Небось теперь боится привидения Декана.

— И правильно делает, — заявил Лис. — Даже христианская религия признаёт, что дух умершего девять дней ходит по земле и окончательно покидает мир только на сороковой.

Дед в своём углу возмущённо крякнул.

— Целеустремлённых духов это не касается, — добавил юноша исключительно для болотника. — Когда вы тут беседовали, — он опять обратился к братьям, — залаяла Галка, и мне почудилось, что в дом *кто-то* заглянул. Может, сам Декан?

— Мне кажется, — заговорила Оля, — не нужно трогать Павла Симеоновича. Я не представляю, каким он был человеком, но пусть в земной памяти сохранится всё хорошее, что было в его душе. Правда, Всеволод Васильевич?

— Да, Оля, — Тур ласково посмотрел на девушку. — Кто за то чтобы прогуляться и развеяться?

* * *

На прогулку выехали все, включая Деда и Галатею. Кикимора заявила, что с удовольствием останется дома и «оттянется» в чате без помех, то есть без собачьего лая, болотного ворчания и нескончаемых полозовских проблем. БМВ пронёсся по оживлённому шоссе, свернул на просёлки и окупился в долгожданную тишину. На околице деревни пришлось остановиться возле колодца. Лис и Оля отправились за водой для пыхтящей от жары собаки. Старшие Полозовы остались возле машины.

— Ну как, мужики, стёкла-то вставили?

Тур и Ворон узнали в подвыпившем хозяине крайней избы одного из самодельных борцов с хулиганством.

— Порядок, — отозвался Ворон.

— А я вчерась свою старшую девку замуж отдал! — радостно сообщил собеседник.

— Совет да любовь молодым.

— Поздравляем!

Мужик расплылся в счастливой улыбке.

Тур повернулся к брату и негромко сказал: «Никаких сил Пятнице не хватит, чтобы захватить жизнь в мёртвые когти».

В глазах, не скрытых под тёмным очками, вспыхнул весёлый огонёк.

— Воистину, — согласился Ворон и крикнул новоявленному тестю. — Удачи! Внуков вам десяток!

В бадминтон играли один на один «навтылет». Но чуть только Тур и Ворон завладели ракетками, воланчик уверенно прописался в воздушном пространстве. Оля досчитала до тридцати, сбилась и махнула рукой.

— Они когда-нибудь промахиваются? — спросила она у Лиса.

— Не-а, — вздохнул Лис, успевший заскучать без дела. — Они чувствуют каждое движение друг друга, а обманывать не умеют. Это может продолжаться до бесконечности.

— Эва, разыгрались, — проворчал болотник из тумана, заполнившего салон автомобиля. — Галка, Галка, а ну, куси! Галка! Взять!

Овчарка не могла слышать беззвучный голос бывшего хозяина, но нечто в информационной сфере воздействовало на собачье сознание. Азартно гавкнув, Галатея кинулась за воланом, подпрыгнула, щёлкнула зубами, бросилась догонять летающий предмет и натолкнулась на Ворона. Тот не удержал равновесие, поскользнулся и в падении отбил подачу в прибрежные кусты. Раунд закончился под дружные аплодисменты Оли и Лиса.

Тур вручил ракетку младшему брату и присел возле близнеца.

— Славно размялись, — Ворон развалился на траве. — Тур, а представь, если бы нам предложили слинять за границу пару лет назад. Ведь рванули бы!

— Точно. Знаешь, я проявил несусветную глупость, когда поставил дилемму: мёртвый или живой.

— И ещё глупее было с моей стороны эту дилемму рассматривать, — хмыкнул Ворон. — Ведь даже отодвинув все медицинские доводы, останется один простой и неоспоримый: мёртвые не меняются.

За головой раздался шуршащий звук. Ворон живо перевернулся и обнаружил прямо перед глазами крупную чёрную гадюку.

— Привет, — он протянул к ней руку.

На мелкой чешуе пробежал солнечный блик. Холодное гибкое создание бесстрашно обвилось человеческое запястье, скользнуло по предплечью и перетекло в подставленную ладонь Тура.

— Не волнуйся, пращур, мы и без твоих «наручников» никуда друг от друга не денемся, — вдруг сказал Ворон и пояснил близнецу. — Су-

шествует поверье, что дух предков поселяется в деревьях, растениях и животных.

— Надо бы домой написать, — Тур пальцем погладил плоскую шершавую головку гадюки. — Может, кто-то откликнется.

— Напишем. А когда-нибудь слетаем в гости. Все вместе.

Гадюка, пригревшаяся в тёплых руках, шевельнулась, попробовала язычком воздух и, глянув на близнецов жёлтыми бусинками глаз, нырнула в траву.

День тридцать восьмой

Лис поклялся себе, что утром в понедельник обязательно встанет первым, чтобы лично приготовить для Оли завтрак. Будильник долго надрывался под подушкой, прежде чем Лис вспомнил о своём намерении. Разгоняя остатки сна, юноша спустился в гостиную, с лестницы кивнул Деду, расположившемуся в кресле, и... застыл на последней ступеньке. Посередине зала сидела грозная Галатея, а прямо перед ней качались в воздухе измазанная кровью джинсовая куртка и её призрачный обладатель.

— Славик? — ахнул Лис.

— Ты, рыжий, убери собаку! И объясни своему домовому, что я не пакостить сюда являюсь!

— Дед! Ты что, его не узнал?

— Узнал, узнал матерщинника. Только что явился, голубок. Прямёхонько из телефона. Ки, это, старших помчалась поднимать.

— Славик? — грохнул сверху голос Ворона.

Лис тяжело вздохнул. Ему-то казалось, что буйство событий уже улеглось.

— Славик, как ты сюда попал? — подхватил Тур.

— Нашёл о чём спрашивать, док! Лучше поинтересуйся — зачем. Дама ваша вчера домой вернулась. Мрачная вся, будто не в себе.

— Что?

Близнецы дружно остановились, пригвождённые к лестнице.

— А сегодня ни свет ни заря, — продолжал призрак, — бодренько вышла из подъезда. Тут-то её и сцапали.

— Кто?

— Чего не знаю, того не знаю! Укатали на «Фольксвагене». Я за их мобилы ухватился, да не удержался. Всё в туман ухнуло.

Тур первым сумел собраться с мыслями.

— Номера запомнил?

— Шутишь? — призрак скривился. — Я «а» от «бэ» не отличу, если это не на дисплее сотового подсвечено. Сам привязался к мобильнику, сам теперь и маюсь.

Ворон добрёл до нижней ступеньки.

— Погоди, Славик. Немного потерпи. Провожу потом, обещаю.

— Да я пока никуда не собираюсь, Лорд. Но вот жаль, — призрак с тоской посмотрел на сотовый телефон, навечно зажатый в руке, — ничем помочь вам не могу.

В гостинной воцарилось накрученное неведением ожидание. Почему Марина вернулась домой, не позвонив Полозовым? Что заставило её уехать с турбазы? Куда она направлялась утром? Кто и с какой целью организовал похищение? Вопросы прозвучали неоднократно. Ответов не было ни на один.

Тур и Ворон собрались ехать в город.

— А какой смысл? — остановил Славик. — Ждите. Если её похитили, значит позвонят. И тут уж я расстараясь.

Он недобро усмехнулся телефонному аппарату, молчавшему в углу на тумбочке.

Позвонили в десять утра.

— Полозов. Слушаю.

— Мне нужен Лорд, — донеслось из трубки.

— Слушаю, — повторил Ворон.

— Тогда слушай внимательно, — пришёл жёсткий ответ. Голос показался Владимиру Полозову знакомым. — Мне плевать, как ты обставил Белякова, но мои деньги вернёшь с процентами.

— Какие деньги? Вы кто? — Ворон попытался сыграть в непонимание.

— Посмотри «мыла», завтра перезвоню. Сделаешь всё чисто — с твоей бабой ничего не случится. Приведёшь ментов — пеняй на себя.

— Где она? Я хочу с ней поговорить!

— Завтра поговоришь.

Короткие гудки оборванной связи обозначили конец переговоров.

Ворон привалился к стене.

— Кто это был? — Тур вцепился взглядом в белое лицо брата.

Ответ на вопрос ему не требовался, но рассудок, подавленный эмоциями, не рассортировал знания, поступившие из информационной среды.

— Какой-то подельник Беляка, — автоматически отозвался Ворон. — Славик?

Над телефоном возникла бесформенная тень.
«Из квартиры звонили. Но её там нет. И не было».
— Посмотри почту, — напомнил Тур.

В электронном письме значилась сумма в долларах. Ниже были указаны дата и время обмена. И приписка: «наличкой».

— Ничего себе цифра! — ахнул Лис из-за плеч братьев. — Ворон, и ты это ахнул в благотворительные фонды?

— Там было значительно больше, — проговорил хакер и обернулся к близнецу. — В любом случае, до среды нам таких денег не набрать.

— А чек за операцию Декана? — предположил Тур.

— Ну, четверть от этого. А дальше?

Оба низко опустили головы.

— Братцы, — позвал Лис, — а если отбить её? Вы же...

— Что «мы же»? — развернулся к нему Ворон. — Это не заложных по мостам водить. Они её убьют, если мы ошибёмся. И как узнать, где её держат?

Лис быстро осмотрел серверную. Компьютеры, принтер, сканер, модем, телефон.

— Дождаться звонка этого типа и потребовать разговора с Мариной Николаевной! — выпалил он. — Ну что вы опять? Сами посудите: одно дело пригрозить наличием заложницы, а другое — доказать, что она действительно заложница.

— Странно, что они сразу этого не сделали, — пробормотал Ворон.

— Минутку, — вдруг оживился Тур. — Славик, ты уже собрал своё информационное ядро?

— Так точно.

— Когда Марину сажали в машину, при ней была сумочка?

— Да.

— Отлично. Есть шанс, что мобильник до сих пор у неё.

— О! — обрадовался призрачный приятель Полозовых. — Звоните! Ща её отследжу.

— Стоп, — Тур поднял руку и испытующе посмотрел на брата-близнеца. — Славик, ты увидишь только женщину и аппарат. А нам необходимо знать местность.

— Тур, нет, — пробормотал Ворон.

— Ворон, да.

Оля, Кикимора, Дед, встревоженная Галка и недовольный потерянным «ноу-хау» Славик ждали в гостиной, а Полозовы закрылись в серверной.

— Лис, если что, зови Олю сюда, — почему-то предупредил Ворон.

— Если *что*? — испугался юноша.

— Разберёшься. Но не паникуй. Держи сотовый.

Тур откинулся на спинку компьютерного кресла, расстегнул ворот рубашки, опустил руки на подлокотники и расслабился. Ворон опустился на колени возле брата, не спуская глаз с белеющего лица. Лис стоял рядом, едва сдерживая нервную дрожь во всём теле.

Повеяло прохладой. Информационная сфера расширилась, и сквозь пространство Лис услышал указание брата: *звони*. Он лихорадочно втопил кнопку вызова. Из динамика раздалась перепевы.

Связь устанавливаться не желала. Лис закусил губу. На братьев он старался не смотреть, но слышал напряжённое дыхание Ворона. И ещё что-то, ровное и тихое.

Призывные гудки порвали установившийся звуковой фон.

Лис рефлекторно стиснул аппарат в кулаке.

Два сигнала. Три. Четыре...

Лис как наяву увидел длинного грязного парня с женской сумочкой в руках. «Волнуется твой хахаль», — он повертел в руках мобильник и показал его женщине, неподвижно сидящей на старом драном диване. Марина не пошевелилась. Он поднёс предмет к её лицу, сопровождая демонстрацию всяческими грубостями. Глаза женщины остались пусты. Долговязый выругался и сильно, с плеча швырнул сотовый об стену.

— Абонент не отвечает или временно недоступен... — пояснил приятный женский голос в динамике аппарата.

Лис вздрогнул от неожиданности и поспешно сбросил вызов.

— Ворон, — он рискнул обратиться к брату и осёкся.

Горячий взгляд глубоко вонзился в бледное, но живое лицо близнеца.

— Дышит, — выговорил юноша.

Как реагировать на открытие, он пока не знал. Но отчётливо слышал теперь, что воздух равномерно поступает в лёгкие Тура и два сердца медленно, но чётко, отсчитывают привычный ритм.

Тур вздрогнул и глубоко вздохнул. Ворон сжал руку брата и прикрыл глаза. Тур непонимающе огляделся, ибо не испытал печально знакомых ощущений после возвращения информации в материальную ипостась.

— Что ты сделал, близняшка? — прошептал он.

Ворон устало осел, подтянул к груди колени и таким образом

устроился на полу перед братом.

— Помнишь гадюку вчера на берегу? — откликнулся он и, прищурясь, посмотрел на Тура снизу вверх. — Она обвила наши запястья, и я ощутил твоё тепло на руке, как своё в глазах. Сейчас возникла хорошая идея. Эксперимент увенчался успехом.

— Ты жил за двоих! — ахнул Лис. Восторгу его не было границ. — Ворон!

— Да, малыш, — коротко подтвердил старший брат и обратился к близнецу. — Как себя чувствуешь?

— Как нас обоих, — ответил Тур. — Пора заняться делом.

Он легко встал из кресла и протянул Ворону руку.

— Я *видел* Марину Николаевну только внутри помещения, — предупредил Лис.

— Мы видели всё, что требуется, — успокоил его Ворон.

План действий, который Тур и Ворон представили младшему брату, казался безупречен. Место, где держали заложницу, представляло собой строящийся коттедж на правом берегу Тверцы. Дорога туда заняла бы сорок-пятьдесят минут: сначала по трассе Москва-Петербург, а затем, согласно карте, по вполне приличному шоссе. Рядом с частными владениями располагалась небольшая деревня. Следовательно, стрельба и шум были не выгодны похитителям. Ограда вокруг строительства выглядела хлипкой, что позволяло с лёгкостью проникнуть на чужую территорию. Помещение, служившее тюремной камерой, напоминало комнату для рабочих и располагалось на первом этаже. Тур, *изучивший* строение более детально, нежели Ворон, утверждал, что каптёрка является частью большого гаража и отгорожена от него лишь грубыми досками. Кроме Марины в доме находились долговязый парень лет тридцати, которого Лис *видел* глазами братьев, и, по словам Ворона, ещё один тип уголовной наружности.

— А что если к вечеру прикатит ещё кто-нибудь? — осторожно уточнил Лис, выслушав оптимистический прогноз по поводу беспроблемной разборки с охраной.

— Значит, нейтрализуем чуть больше народу, — пожал плечами Ворон.

— А если?..

— Лис, средь бела дня вламываться в уголовный притон разумно на БТР в сопровождении отряда омонцовцев, — перебил Тур. — В нашем случае допустимо только тихое тайное проникновение под при-

крытием реки и ночи.

— Какой реки? — ахнул юноша.

— Реки Тверцы, — пояснил Ворон. — Заедем на левый берег через Кулицкую и Рагодино. Мы были там на пикнике с Мариной. Помнишь? Оставим машину в лесу, переправимся через реку вброд до острова, затем вплавь, заберём Марину и тем же ходом назад. Пусть гоняются по шоссе за призраками. Мы будем уже с другой стороны.

— Братцы, — Лис страдальчески посмотрел на братьев, — давайте и я с вами, а? Останусь в машине для страховки.

— А Оля? И последняя угроза Пятницы? — напомнил Тур. — Ты можешь предположить наверняка, на кого она направит удар, чтобы мы возненавидели белый свет?

— Кроме того, за нашим домом наверняка следят, — вставил Ворон. — Наш отъезд прикроет Дед, а ваша с Олей задача — делать вид, будто тут кипит бурная деятельность.

Несмотря на кропотливые приготовления к дерзкой операции, время тащилось до безобразия медленно. «Как в Переходе», — подумал Лис, наблюдавший за Вороном, который битый час копался в капоте «шестёрки». Полозовы решили задействовать «Жигули», ибо посчитали БМВ слишком узнаваемым и слишком приметным на деревенских дорогах.

Оля тем временем молча помогала Туру собирать аптечку. Стерильные пакеты, обезболивающее, упаковку шприцов и прочие инструменты она пережила тихим вздохом. Но когда доктор Полозов достал из шкафа коробку с ампулами и отложил несколько штук, рискнула спросить.

— Реланиум? Всеволод Васильевич, а это зачем?

— На всякий случай. Освобождённые заложники, бывает, неадекватно оценивают обстановку.

— Но реланиум — сильное успокоительное.

— Именно, коллега. Мне не понравилось состояние Марины Николаевны, когда я... видел её утром. Трудно объяснить столь глубокий шок.

Оля опустила глаза.

— Когда я была девчонкой, со мной такой случай произошёл, — начала она. — Мы с папой в лесу играли в прятки. И я забралась на старое дерево. Он меня нашёл, конечно, а я разыгралась и полезла выше. Он мне снизу кричал, а я даже не поняла, что он перепугался. А потом он сказал в сердцах: ты как кавалерийская лошадь — знать не

знаешь, куда несёшься. В его представлении я двадцать раз грохнуться могла, хотя сама этого не заметила. А взрослый лучше чувствует опасность, иногда даже преувеличивает её. Мне кажется, с Мариной Николаевной так и получилось. Она ведь не только за себя боится, но и за вас и за Владимира Васильевича.

Тур не мог не улыбнуться, окружённый столь заботливой рассудительностью.

— Надеюсь, ты права, Оля, — он посмотрел в пустоту, будто хотел разглядеть что-то сквозь реальное и информационное пространство, и добавил еле слышно. — Надеюсь.

* * *

За глухой завесой дождевых туч едва-едва проглядывал тонкий отблеск убывающей луны. Мгла перемешала тени кустарника, высокой травы, кривых одиночек-сосен и людей, бесшумно взбравшихся на береговой склон.

Бери правее, — движением тела предупредил Ворон.

Влажная взвесь, окружавшая притаившихся лазутчиков, превратилась в мелкий сыпучий дождь. Тур посмотрел на небо с благодарностью: очень кстати.

К забору подобрался ползком. Ворон достал из-за ремня монтажку и быстро оторвал от каркаса две кривые доски. Брат выпрямил четыре пальца. Ворон повёл бровью: зачем? Губы Тура шевельнулись: «Марина». Ворон кивнул и возобновил операцию.

За оградой начиналась настоящая строительная площадка. Битый кирпич, свалка горбыля, месиво из глины и песка, кучи мусора — всё норовило так или иначе подвернуться под ноги, заскрипеть, шаркнуть и завизжать. Ворон с силой зажмурился, однако видеть в темноте лучше не стал. Более того, едва не налетел на грабли, забытые возле глухой кирпичной стены. Придержав рукой пряткий инструмент, он попробовал на прочность кирпичи и отрицательно поморщился. Гараж построили капитально.

Тур прислушался. В недрах строения присутствовал некий звуковой фон, но выделить отдельные звуки ему не удалось.

Телевизор? — беззвучно предположил он.

Лиса бы сюда! — горькая усмешка скользнула по губам Ворона.

Со всеми предосторожностями братья приблизились к фасаду. Тур выглянул за угол. Площадка перед домом казалась значительно чище, чем строительные задворки. В темноте просматривались основные ворота, судя по всему запёртые, к гаражу тянулась утрамбованная на-

сыпь из гравия, а в большой луже перед недостроенным крыльцом отражался голубоватый свет, мерцавший в окне.

Ворон осторожно подсветил циферблат электронных часов. Час сорок. Но кто-то из сторожей не спал.

Один? Двое? — Ворон вопросительно загнул пальцы.

Тур пожал плечом, показал на фасад, мол, прикрывай, а сам, прижимаясь к стене, двинулся к воротам гаража. Ладонь, скользившая по мокрому некрашеному металлу, наткнулась на грубый рубец. Тур нащупал приваренную скобу и обрывок проволоки. Замка не было. Он радостно вздохнул.

Ворон сжал кулак, это означало: подожди. Через несколько секунд он приблизился к брату с граблями в руке и хитрой усмешкой под густыми усами: на что-то да сгодятся. Тур быстро размотал проволоку. Створа предупреждающе скрипнула. Ворон отворил её ровно настолько, чтобы в щель мог протиснуться человек, и припёр трофейным инструментом. Подготовив таким образом ещё одну лазейку для бесшумного отступления, братья проникли вовнутрь.

В просторном гараже оказались две автомашины: «Фольксваген», о котором говорил Славик, и прямо перед воротами нечто помятое, отдалённо напоминающее старую модель «Фиата». Пока Ворон ощупью исследовал деревянную коморку, где утром они с братом *видели* Марину, Тур внимательно осмотрел побитый «Фиат». Луч карманного фонарика нырнул в пустой салон, прошёлся по разномастным бортам и скатился вниз.

«Внимание. Сюда», — Тур поднял левую руку, призывая брата оглянуться.

Лучик демонстративно остановился на колёсах и дугой обозначил подкрылки: свежая грязь.

«Трое. Или больше», — три пальца и открытая ладонь проиллюстрировали его мысль.

Ворон согласно сдвинул брови и тронул брата за плечо, мол, займёмся актуальным делом.

При внешнем изучении каптёрки стало ясно, куда перекачивал замок с гаражных ворот.

«Она там», — Ворон показал на дверь, сколоченную из горбыля внахлёст и практически не отличающуюся от стен.

Тур взял у брата монтажку.

«Стоп», — Ворон удержал его руку.

Фонарик принялся чертить по помещению замысловатые кренделя

в поисках идеи для своего владельца.

Тур вопросительно повёл головой.

«Страховка», — губами пояснил Ворон.

Электрическое пятно остановилось в дальнем углу, где в основании штабеля из старых покрышек притулилась металлическая канистра.

«Сарай», — Тур неодобрительно прищурился.

В его представлении гараж призван был служить местом хранения автомашин, а не гигантским гибридом одного с мастерской, подсобкой, кладовкой и свалкой.

Ворон уверенно направился к покрышкам. Тихо щёлкнула крышка открытой канистры.

«Что ты делаешь?» — тело Тура подалось в сторону брата.

В ответ сжался и тут же раскрылся левый кулак: подожди, скоро объясню.

Из темноты донёлся отчётливый «бульк». Запахло бензином.

«Фейерверк» в случае непредвиденных проблем, — Ворон потёр руки.

Накладная петля, державшая непомерно большой для неё замок, сдалась без сопротивления. Тур аккуратно отложил поверженных вместе с монтажкой на земляной пол. Ворон приоткрыл дверь.

— Марина? — еле слышно позвал он в темноту.

Ни шороха в ответ.

Тур поспешно включил фонарик. Тонкий луч ворвался в помещение и замер, выдернув из темноты белое неподвижное лицо, обрамлённое тьмой, как чёрным платком.

Забыв об осторожности, близнецы вскрикнули в один голос:

— Марина!

Она не двинулась, не подняла опущенные глаза.

— Марина, что с тобой? — Всеволод Полозов оказался возле неё первым и бережно провёл ладонью по впалой щеке.

Владимир Полозов метнулся из-за спины брата, упал на колени и подхватил руки женщины в свои.

Её скулы шевельнулись.

— Меня зовут Людмила, — прозвучал в тишине бесцветный ровный голос.

Секунда, похожая на вечность, повергла мысли и чувства в хаос.

— Марина, — прошептал Ворон. — Очнись, Марина!

— Её больше нет. Я — Людмила, — бесстрастно изрекли тонкие знакомые губы.

— Марина, посмотри на меня, — тихо заговорил Тур и аккуратно сжал ладонями виски и щеки женщины. — Маринушка, пожалуйста.

Пальцы налились холодом, но ладони остались живительно тёплыми.

— Уходите, — качнулась тишина.

Ворон отпрянул. Тур выпрямился. Руки его рефлекторно сжались.

— Марина, нет. Так не может быть, — пробормотал Ворон, отчаянно взглянул на брата и натолкнулся на точно такой же взгляд из темноты.

Женщина не ответила. Лишь бескровная полоска губ дрогнула пустой улыбкой. Дрогнул и фонарик в руке Ворона.

За стеной послышался звук шагов. Визгнули дверные петли. Кто-то вошёл в гараж через внутреннюю дверь, громко рыгнул и гаркнул.

— Эй, тормозная! Жрать будешь или нет?

Шаркающие шаги повернули к каптёрке.

Тур и Ворон отскочили в разные стороны от дверного проёма.

Вдруг раздался тупой удар, лязгнули оставленные на полу замок и монтажка, что-то шлепком упало на землю, звякнуло треснувшее стекло и разразилась длинная заплетающаяся брань.

Долговязый сторож согнулся, едва не потерял равновесие, упёрся коленом в пол, но до ушибленной ступни всё-таки дотянулся. Алкогольный «факел» при этом распространился по всему гаражу. Когда же пьяный надсмотрщик наконец обратил внимание на распахнутую дверь, Тур уже находился позади него. Выругаться по новой парень не успел. Из темноты сверкнули два разгоравшихся уголька.

— Спать тебе пора.

Ледяные пальцы сжали жилистую шею и профессионально придавили артерию.

Уверенный, что самое время подремать после трудного дня, долговязый покорно растянулся прямо на полу, подложил локоть под голову и захрапел.

— Марина, ты пойдёшь с нами, — Ворон развернулся к женщине.

Лицо её перекосилось. Живая искорка, появившаяся в глазах, исчезла под вуалью ужаса, а непокорное тело выгнулось, будто потеряло управление.

— Марина!

Владимир Полозов во мгновение ока подхватил её на руки.

— Нет! Пустите! Нет!

От надрывного женского крика вздрогнула сама тишина.

— Марина, успокойся. Это мы! — Всеволод Полозов моментально оказался рядом.

Завыла сирена «Фольксвагена». Тут же включился и призывно замигал всеми фарами и габаритами второй автомобиль. Марина продолжала кричать и вырываться.

— Убираемся отсюда, — скомандовал Ворон, с трудом удерживая лёгкое, но отчаянно вёрткое тело.

Тур поспешно прижал ладонь к её лицу.

— Марина, прости. Так надо.

Она обмякла.

Ворон успел обогнуть надрывающиеся автомобили, но тут женщина на его руках выговорила.

— Я — Людмила. Ты знаешь меня.

— Ты меня тоже, — бросил Ворон.

Тур выбрался наружу, распахнул для брата выход и вдруг увяз в невидимом наэлектризованном поле.

Оставьте её, — прошипела энергия.

— Ты думаешь, если убьют нас, ей сохранят жизнь? — крикнул Тур озоновой сфере, сковавшей железные ворота.

Створы угрожающе тронулись на человека.

— Руки! — заорал Ворон, не успевший покинуть гараж.

Тур поспешно отпустил металл.

Госпожа!

— Твоя госпожа решила занять чужую жизнь! — Ворон изо всех сил прижал к себе безвольное тело женщины. — Она больше не госпожа тебе.

Госпожа! Ты обещала...

— *Что она обещала?* — быстро спросил Тур, а сам мысленно приготовился к неизбежной драке, ибо не услышать автомобильную какофонию в доме просто не могли.

Обещала сделать Мишу здоровым...

Мгновение, и разговор в коммуналке явился близнецам из памяти, как пронзившая пространство молния: «Только дядька, материн брат с ним и занимался... Хороший человек был Валентин Саньч... Током убило на заводе...»

— *Если мы выберемся отсюда, ваш Миша завтра же в полночь будет стоять на своих ногах!* — выплеснул Тур. — *Не смерть возвращает здоровье, Валентин Александрович. Живущий побеждает болезнь.*

Ворота по инерции качнулись и застыли. Энергетический магнетизм растаял, и Ворон получил возможность выскочить наружу. В тот момент, когда Тур, прикрывавший отход, завернул за угол строения, на крыльце-временке появились двое разбуженных охранников. По двору раскатился отборный мат, пока не обращённый ни к кому конкретно.

Ворон передал драгоценную ношу Туру, миновал лаз в заборе и следом за братом побежал к берегу. Чёрная стремительная вода подхватила беглецов. Борьба с течением не пришлось. Упреждение было выбрано точно, поэтому на остров, растянутый посередине реки, вода сама вынесла людей. Дальше начиналось мелководье, которое предстояло преодолевать вброд.

— Переждём, — Тур бережно положил женщину на песок за высоким кустарником и тяжело опустился рядом.

Ворон рухнул подле брата.

— Влад... Володя...

Слабый голос обрушился на близнецов как солнечный вихрь. Оба наклонились к подруге. Блёклый взгляд искал в темноте знакомые лица.

— Маринушка!

— Простите меня.

— За что, Марина?

— Я не должна была возвращаться...

Озноб заставил содрогнуться крепкие мужские плечи. Из-под мокрых ресниц на братьев смотрела пустота. Ветви невысокой ивы, одинокой жительницы речного острова, нагнулись под порывом ветра и застыли в холодном покое...

«Селигер на рассвете. Изумительная гармония природы. Могучие воды озёр. И одинокая человеческая душа. Одна. Целых пять лет, а всё равно одна... Они были как яркая картина на стене, которую я считала шедевром. Просто картина. И вовсе не шедевр... Ваня, Ваня, Ванечка. Зачем, маленький мой? Зачем ты меня покинул? Ты — моя единственная радость, надежда и мечта. Всё в прошлом. И ничто не меняется».

«Ничто не изменится. Кем бы ты стал, Серёжа, в этом безумном слепом мире? Я видела тебя преуспевающим учёным. Но кому нужны знания, когда кругом царят слабость и безысходность... У тебя нет ни средств, ни мужества однажды зачеркнуть всё старое».

«Я сама придумала свою сказку. Играла в золушку для двух принцев. Но в жизни так не бывает — одна для двоих. А теперь уже

просто — одна».

«Впусти меня. Мы будем одиноки вдвоём».

«Я хочу любить их обоих, но это неправильно... Нет. Я обманываю себя. На самом деле я трусиха, я боюсь что-либо менять. Пусть решает судьба, как однажды решила на этих озёрах».

«Впусти меня. Их двое, и нас будет двое. Я помогу тебе справиться с судьбой. Это легко. У нас одинаковая судьба».

«Наверное, я слабая женщина».

«Сильной буду я. Не бойся перемен. Мы будем действовать. А значит — жить».

«Я не хочу так жить».

«У тебя не хватит смелости оборвать собственную жизнь».

«Да, я не совершу этот грех. Я буду терпеть до конца. Буду работать, отвечать на вопросы, выполнять справки, переставлять книжки и слушать счастливые семейные рассказы коллег за полуденным чаем. Ничего другого мне не остаётся. Ты хочешь разделить такую судьбу?»

«Я хочу её изменить. Впусти меня. Мы изменим нашу судьбу, и у нас впереди будет много счастливых лет».

«Ты веришь?»

«Я иду к цели».

«Какой?»

«Впусти, и я покажу тебе нашу цель».

«Хорошо. Мы будем делить одиночество, радоваться за успехи других и иногда по вечерам вести философские разговоры о житейских пустяках...»

Тонкие ивовые ветки отчаянно потянулись навстречу очнувшемуся ветру. Речная волна выплеснулась на берег. Огненный взгляд ворвался в ночь, и женщина охнула в горячих объятиях.

— Марина!

— Что ты наделала, Марина?

Жилка на тонкой сухой шее дрогнула.

«Целый мир не заслуживает наказания за две разбитые судьбы. Серёжи и Вани больше нет. Они далеко-далеко. Там, где сияет вечное солнце. Розовое или золотое... Нам не нужно мстить и некого ненавидеть. Наши мальчики счастливы в покое...»

— Марина, — горящий взор упёрся в спокойное лицо женщины, и в каплях воды, застывших на щеках, отразились блики огня. — Выпроди её вон. Она не похожа на тебя. Её судьба — это путь злобы!

«Путь ведёт к храму. И за порогом его видишь то, что ты есть, и что есть твоя душа... Она вошла. Теперь я не отпущу её скитаться в пустоте без цели и тепла. Она будет жить со мной, как звёздочка — свет из прошлого. А когда придёт час, Володя откроет для нас дверь, а ты, Влад, проводишь нас к вашему отцу».

— Марина? Марина!

Тур отвёл руку брата и аккуратно ладонью прижал холодный лоб женщины.

— Глубокий коллапс, — проговорил он. — Но она невредима, не бойся.

Ворон сел на песок, нервно отбросил чёлку и стряхнул с бороды и усов речную влагу.

— В голове не укладывается! Марина и... Людмила?

— Марина сделала то, что не сумели мы.

— Показала ей добро, живущее на этом свете? — с сомнением уточнил Ворон.

— По-моему, она просто открыла перед ней свою душу... — Тур рассеянно развёл руками. — Пожалуйста, притуши взгляд. Или нас заметят с берега.

Ворон встрепенулся. В поле зрения попал рыжий отблеск, качавшийся на тёмных волнах реки.

— Это не я, — он медленно поднялся на ноги и вытянулся в полный рост, сиюсь рассмотреть из-за кустов то, что творилось на правом берегу.

В ночи раздался отчётливый выстрел. Затем другой. Третий.

После первого Ворон рефлекторно пригнулся, а Тур прикрыл корпусом бесчувственную Марину. Выстрелы из одиночных превратились в хаотичную перестрелку.

— Шифер горит, — догадался Тур.

— Пожар, — почти в один голос с братом констатировал Ворон и добавил. — Страховка сработала.

— Полагаю, не без помощи Валентина Саныча, — согласился Тур. — Давай-ка двигать от греха подальше.

Когда братья были уже на противоположном берегу, сквозь шипение и треск далёкого пожара прорвался надрывный женский крик. Для человеческого уха естественность его не вызывала сомнений, но Тур и Ворон сразу различили в пространстве призрачную фальшь.

— Спасибо, Валентин Александрович! — крикнул Ворон в информационную сферу.

— Отлично. Пусть думают, что заложница погибла, — облегчённо вздохнул Тур и плечом аккуратно придержал откинувшуюся голову Марины. — С ней всё будет хорошо.

Ворон уверенно кивнул.

— Кстати, как ты представляешь поставить на ноги взрослого инвалида ДЦП? — неожиданно спросил он.

— Пока не знаю. Но мы его на ноги поставим.

День тридцать девятый

— Извини. Нам пришлось нарушить твоё табу, милая.

— И ты побывала в нашем внутреннем мире.

Марина непонимающе посмотрела на одинаковые склонившиеся к ней лица.

— Где я?

— У нас дома, — Тур проверил резервуар капельницы, закреплённый в изголовье женщины, и пояснил. — Это так, профилактика. С тобой всё в порядке.

— Простите меня.

— За что, Марина?

— Я не должна была уезжать с турбазы.

— Что ни делается, всё к лучшему, — улыбнулся Ворон. — Отдыхай.

— Вы уходите? — она заволновалась.

— Есть срочное дело в Питере, — объяснил Тур.

— Людмила? — женщина напряглась.

Полозовы тревожно переглянулись. Марина умоляюще прижала к груди руку, свободную от медицинских процедур.

— Не причиняйте боль её памяти, прошу вас! Не наказывайте её за страдания. Она не заслужила кары, она...

— Не волнуйся, — Ворон тепло посмотрел женщине в глаза. — В твоём храме никто не будет ни судить, ни казнить.

Марина недоуменно сморгнула, подалась вперёд, будто хотела что-то спросить, но тут в комнату, оборудованную под медицинскую палату, заглянула Оля.

— Всеволод Васильевич?

— Да-да, заходи, — Тур жестом пригласил девушку приблизиться к кровати. — Марина, это Оля, подруга Бориса. Она медсестра и моя помощница.

— Оставляем тебя на попечение молодёжи, — подхватил Ворон. — Но только на сутки. Не скучай.

Марина согласно опустила веки.

— Будьте осторожны, — еле слышно шевельнулись её губы.

— Завтра вернёмся, — пообещал Тур и посмотрел на часы. — Точно в это же время.

Электронное табло над дверью показывало без пяти два пополудни.

Скоростной автомобильный поток мчался в северную столицу. Нетерпеливые легковушки, полные достоинства автобусы, деловые грузовики заполнили взмокшее под дождём шоссе. Все цвета автомобильной радуги, подсвеченные габаритными огнями и фарами встречных машин, превратили туманную трассу в подвижную пёструю ленту.

Тёмно-синий БМВ отсчитывал километры по правой полосе.

— Не гони, — в очередной раз попросил Тур.

— Куда уж медленнее по магистрали! — откликнулся Ворон. — Нас даже «Ока» обогнала.

Он посмотрел на брата, изучавшего свежие распечатки, оглянулся на заднее сиденье, по которому рассыпались прочитанные листы, вздохнул и поинтересовался:

— Уже выяснил что-нибудь?

Тур задумчиво вложил сшивку страниц в толстую книгу, захлопнул её и через плечо отправил назад, в компанию прочей литературы.

— Проблемная затея, — произнёс он, пригладил бороду и опустил затылок на подголовник пассажирского кресла. — Детский церебральный паралич имеет три основные формы. Зато комбинации функциональных нарушений исчислению не поддаются. Мы знаем, что у Михаила Боброва невнятная речь, затруднена координация движений, по крайней мере одной руки и присутствует спастичность нижних конечностей.

— Что присутствует?

— Ноги не работают, — перевёл Тур.

— Так бы сразу и сказал, — хмыкнул Ворон. — Ты намерен применить свои способности мануалиста?

Доктор Полозов подавил тяжёлый вздох и отвернулся к окну.

— Это не поможет. Мышцы давным-давно атрофированы. Возможно, поражены кости.

Ворон помедлил, но всё же решил напомнить.

— Тур, ты восстановил мне позвоночник и, можно сказать, вернул

ноги.

— Паралич вследствие травмы совершенно не то, что ДЦП. Он потому и называется церебральным, что причина кроется в голове. Гипоксия, имевшая место в перинатальный или же послеродовой период, нарушает развитие различных участков мозга. Процесс необратимый, как считается.

— Необратимого в организме не бывает. Ты сам это частенько говоришь.

— Ворон, — Тур повернулся к близнецу, — я не знаю, что именно у него повреждено. Я видел пациента только на фотографии пятнадцатилетней давности.

— Во, влипли, — пробормотал Ворон.

Тур задумался.

За спиной остался яркий стенд «Добро пожаловать в Ленинградскую область».

— Через час будем в Питере.

— Тормозни где-нибудь. Мне нужно время, — Тур очнулся от невесёлых дум.

— Ладно. Но слушай-ка, ведь ты сказал озоновому, то есть покойному Валентину Саньчу: «поставим на ноги». Это можно сделать и разово. Я как-нибудь постараюсь.

— Ворон, я вылечу его!

— погоди. Я не сомневаюсь в тебе. Но зачем пороть горячку с этим? — Ворон кивнул на книги и гору распечаток, шелестящих на заднем сиденье. — «Живущий побеждает болезнь», верно? Значит, мы должны показать ему, что он *способен* побороть недуг.

Тур выпрямился и внимательно посмотрел на близнеца.

— Жизненные силы сокрыты внутри каждого человека, — медленно произнёс он. — Всё правильно, брат!

— Угу, — невозмутимо согласился Ворон, занятый обгоном неуклюжей «Газели». — При условии, если Бер не полностью отдался мёртвым.

— Ворон, у тебя часто появляются наисветлейшие идеи. Но как ты умудряешься одной фразой загнать их в тупик?

— Создаю противовес вдруг возникшему у тебя оптимизму. Чтобы не оторвался от реальности с непривычки.

Тур рассмеялся.

— Я восхищаюсь тобой, близняшка.

Ворон наигранно приосанился.

— Где-то я это уже слышал.

* * *

На табличке, прилаженной к дверному косяку, напротив фамилии Боброва значилась цифра «2». Ворон дважды нажал кнопку звонка и отступил. Вскоре в щель приоткрытой двери из-за цепочки выглянула знакомая Полозовым шустрая старушка.

— Вы к Мише Боброву? — она подозрительно оглядела мужчин, один из которых стоял, отвернувшись в тень. — Он не говорил, что ждёт гостей.

— Он будет рад нас видеть.

— Я спрошу у него, подождите.

— Это излишне.

Из сумрака подъезда повеяло духом домашнего очага, и вспыхнули огоньки крошечных свечек, какими обычно украшают торт ко дню рождения. На морщинистом лице появилась дрожащая улыбка.

— Проходите, проходите. Миша будет рад. Я абсолютно уверена, он будет очень рад, — пробормотала старушка, пропуская мужчин в квартиру. — Миша, к тебе пришли!

Ворон успел нажать на дверную ручку до того, как внутри комнаты предпримут меры по блокированию кодового замка.

Электроника сработала, но за спиной обоих Полозовых. Мощный широколицый мужчина в инвалидном кресле уронил руку, сжимавшую пульт.

— Здравствуй, Михаил.

— К'-то вы та-к-ки-е?

Голос из кресла звучал медленно, неразборчиво и глухо. Очевидно было, что говоривший с огромным трудом заставляет язык вычерчивать слова на перекошенных губах.

— 217 146 40 76.

Сетевой адрес компьютера сработал как визитная карточка. Хакер-инвалид судорожно вцепился в поручни кресла. Несколько секунд он отчаянно взирал на незваных гостей, будто на чёрных ангелов мести. Затем лицо его приобрело оттенки безразличия.

— Хо-чешь рас-к'ви-тать-ся? — выговорил он.

— За твою программулину я, пожалуй, тебе как-нибудь врежу по морде. Но потом, когда встанешь на ноги.

Рот калеки скривился в усмешке, и на подбородок поползла слюна.

— Д-ду-рак. Ни-ког-да н'не вс'та-ну, — интонация умышленно или нет получилась у него ехидной.

— Почему же? — вступил Тур, снимая чёрные перчатки. — Тебе давно пора избавиться от детской болячки.

Ворон лениво стряхнул с носа очки, повертел в пальцах и убрал в карман пиджака.

В кресле зародилось обескураженное непонимание. Непроизвольно взгляд бросился за помощью в приоткрытую дверь, за которой виднелся старый клетчатый ковёр.

— Она не вернётся, — сообщил Тур. — Спустя полтора десятка лет Людмила, наконец, нашла пристанище в живом сердце.

— Н'нет...

Отчаяние сковало изуродованный болезнью лик.

— Пожелай ей покоя и добра, Михаил, — заговорил Ворон. — Как бы она ни относилась к окружающим после гибели мужа и сына, люди остаются людьми. Сочувствуют, понимают, помогают в беде и своим дыханием отогревают заледеневшие души.

Михаил Бобров исподлобья глянул на таинственных гостей.

— Ч'что вам нуж-но от м'е-ня?

— Чтобы ты выбрался из этого капкана, — Ворон показал на смежную комнату.

— Живым и здоровым, — добавил Тур.

— Эт-то не-воз-мож-но, — еле слышно отозвался калека.

— Кто тебе это сказал? — Ворон беспечно прошёлся перед могучим, но неподвижным хозяином компьютерных апартаментов. — Впрочем, можешь не отвечать. Одно знаю точно: не Валентин Саньч.

Упоминание имени дяди произвело на Михаила Боброва вулканическое впечатление. Он изо всех сил подался вперёд и вонзился взглядом в невозмутимое лицо Ворона, будто пытался выдернуть из его сознания правду о судьбе, постигшей дух родственника. Ворон рад был бы открыть ему всё, касающееся озонового призрака в каске. Но пронзительный взор оказался всего лишь экраном ужаса, овладевшего собеседником, и никак не экстрасенсорным зондом. Поэтому выводы сформировались прямо противоположными истине.

— Т'ты по-бе-дил, — Михаил откинулся на спинку своей обители, прикрыл глаза и закончил, как мог внятно: — У-бей-те ме-ня.

Тур и Ворон быстро переглянулись и синхронным коротким кивком подтвердили друг другу принятое решение.

— Ты серьёзно? Да? — уточнил Ворон и получил согласие. — Ладно. Тебе решать. Но сначала посмотри, куда ты собрался раньше времени.

На огненные глаза опустилась белая неподвижная пелена. Холодный ветер, вырвавшийся на волю из отворённой двери, разметал снежную пыль по пустой сумрачной комнате.

Загляни за порог.

Чёрные тучи плыли над каменной равниной. Стволы мёртвых деревьев жалобно стонали в неподвижных тисках остановившегося времени. Медленно вращалось колесо перевернутого инвалидного кресла. Пустая птичья клетка вмёрзла в ледяной песок. Гора рухляди проявилась из глубины туманного горизонта, приблизилась и рассыпалась на детали. Рваные книги, разбитый монитор, покорёженный кожух процессорного блока, клавиатура без клавиш, манипулятор «мышь» с оборванным проводом, обгорелые страницы фотоальбома. И под всем этим могильная плита без даты и имени. Забытые руины человеческой судьбы...

«Хочешь войти туда? Нет? Законное решение. Тогда оглянись. Мой брат поведёт тебя».

В тучах, висящих в неподвижном небе, сверкнула молния. Крупные капли воды оросили мёртвый грунт, и через пустыню перекинулась влажная дорожка, обрамлённая болотными огнями.

«Одно умирает, и на его памяти рождается новое. Не бойся болот. Это вековой символ бесконечного круга жизни».

Гроза набирала силу. Капли превратились в мощный водяной поток, хлеставший из оживших небес. В сухой древесный ствол ударила молния. Воздух расцвёл озоновым ароматом. Дерево вспыхнуло, языки пламени озарили темноту, и тень выступила на свет. Мужчина лет сорока в пластмассовой жёлтой каске и с железными «кошками», застегнутыми за пояс.

— Мишка, давай-ка, иди! Ты сильный парень, и воли тебе не занимать. Давай-давай. Ты всё сможешь, когда захочешь.

Михаил сделал шаг. Нескладные пальцы оторвались от поручней и опёрлись о человеческие руки. От встречавших ладоней истекал жар.

«Молодец, парень. Так держать».

Озоновый дух растаял за дождевой завесой. Пламя, обнимавшее древесный ствол, с шипением потухло, и на обожжённых ветках выступили янтарные капли смолы.

«Смелее. Всё в порядке».

Из-за спины подул тёплый ветер, и на его крыльях помчались вперёд живые искорки уютного домашнего очага.

Порог. Паркет. Клетчатый ковёр. Вспыхнула разноцветными огоньками пышная новогодняя ёлка.

— *Мишка! Ну ты даёшь!* — Серёжа вскочил, и забытые оловянные солдатики рассыпались по ворсистым клеткам. — *Я всегда знал, что у тебя получится! Здорово, когда чувствуешь всё тело. Ты только назад не оглядывайся. Иди! Когда-нибудь я вернусь в твоём сыне, и мы с тобой сыграем в футбол у нас во дворе. А ты пока иди и не останавливайся!*

Иди. И не останавливайся...

Не останавливайся...

Звонкая трель канарейки разбила мираж небытия.

— Лили, ты поёшь? В темноте?

Щёлкнул выключатель. Старая люстра с тремя рожками залила комнату электрическим светом.

Восторг, причину которого рассудок ещё не определил, светился на широком лице, хранившем отчётливые следы болезненного напряжения мышц.

— Вот видишь, у твоей жизни достаточно сил, чтобы победить болезнь, — произнёс Тур и выпустил из рук скованные кисти инвалида.

Тот изумлённо посмотрел на говорившего. Резко оглянувшись, вспомнив о втором госте, увидел Ворона и оторопело отвернулся к Туру. Доктор Полозов улыбнулся. Михаил медленно опустил взгляд вниз. Прямые ноги уверенно держали крупное мужское тело, а на домашних ботинках, никогда доселе не выполнявших свои функции, образовалась свежая складка.

— Как? — пробормотал недавний инвалид, услышал собственный преобразованный голос и побелел, как снег. — Что это?

— Человеческий мозг — первая непознанная тайна на этом свете, — сказал Тур и поддержал пошатнувшегося пациента под локоть. — Не торопись. Ты будешь ходить твёрдо и уверенно. Мышцы наберут силу, фатальных изменений в костях нет. Остальное — дело времени, терпения и воли.

Ведомый врачом, Михаил сделал три шага в направлении дивана и грузно опустился на жёсткие подушки. Тур, насколько мог незаметно, привалился бедром к тумбочке. Вихри Перехода разбрелись по телу острыми мурашками и неохотно удалялись восвояси.

— Ты могуч, как настоящий медведь. Всё у тебя будет в порядке, — произнёс Ворон и осторожно отлепился от стены. Реальные предметы перед его глазами перестали водить хороводы.

Михаил как будто догадался, чего стоила нежданым спасителям

чудесная процедура. Он приоткрыл рот, но слов не нашлось. Зато на глаза навернулись слёзы.

Электрический чайник вскипел в считанные минуты. Ворон нашёл на специально отведённой полке сахар и ложку, опять усмехнулся педантичности хозяина идеального кабинета, взял фарфоровый бокал и вернулся в комнату, где Тур занимался пациентом.

— Ну, как? Успокоился? — он протянул Михаилу чай. — Осторожно, кипяток.

Тот поднял красные шальные глаза и нервно кивнул.

Доктор Полозов присел возле больного, поправил рукава пиджака и сообщил брату.

— В общем, картина мне ясна. Реабилитационные процедуры, безусловно, необходимы, но самое важное — повреждённые участки мозга организм восстановил сам. Про это кресло можно забыть уже сейчас. Но перегружать ноги нежелательно. Лучше всего первые месяца два использовать для передвижения костыли. Постепенно перейдёшь на опорные палки. Михаил, ты слушаешь меня?

Он встрепенулся.

— Да... Да-да, конечно, доктор.

— Ты можешь пройти курс лечения здесь, в Питере, — продолжил Тур. — Но если согласишься приехать к нам, мы оба, — он глянул на близнеца, — будем рады.

— Айпишник менять не стану, — посмеялся Ворон. — А «мыла» тем более.

— Я тебя и на новом найду, — сумел улыбнуться Михаил.

— Попробуем? — прищурился Владимир Полозов. — Кстати, что стало с чёртовой европейской краской?

Питерский хакер насторожился.

— Насколько мне известно, договор на поставки заключён. Остальное меня не касается. Почему ты беспокоишься об этих пустяках?

— Ну, всё-таки на этих пустяках мы познакомились, — напомнил Ворон. — Ты знаешь, что краска нашпигована токсинами, как помойка тараканами?

— Нет, — по непослушному пока лицу Михаила пробежала дрожь. — Какими токсинами?

— Диоксинами, — мрачно поправил Тур. Меньше всего ему хотелось возобновлять химическую тему, но перспектива поступления

опасного товара в магазины, однажды обрисованная близнецом, превращалась в близкую реальность.

Михаил Бобров низко опустил голову.

— Я сам решу этот вопрос, — невнятно пробормотал он.

— Коли у тебя есть необходимые связи — вперёд, — Ворон пожал плечами. — Но учти, мы чуть не потонули с этой ё. . . , пардон, краской.

— Связей у меня больше нет, — Михаил грустно посмотрел в тёмный угол клетчатого ковра. — Но я решу вопрос. Диоксины — одна из причин возникновения ДЦП. Верно, доктор?

Тур тяжело вздохнул и поднялся.

— Одна из многих причин, к сожалению. И не только ДЦП, но и сотен других болезней. Предотвратить всё невозможно.

Михаил странно улыбнулся, выпрямился, опёрся о жёсткий диван и медленно, с натугой встал на ноги.

— Вы только что доказали мне: невозможного не существует.

Ворон просветлел. Тур повёл бровью.

— Скажем так. Чтобы бороться с причинами всех болезней сил у одного человека не хватит. Двух и трёх человек тоже маловато.

— А если объединить силы людей и памяти земной? — глаза Ворона сверкнули глубинным огнём.

Тур посмотрел на свои руки. Жаркое марево окутывало кисти не-весомыми перчатками.

— Надеюсь, эту идею ты не загонишь в тупик?

— Пожалуй, нет. Кажется, она всем понравилась, — Ворон весело посмотрел на близнеца, затем на Михаила Боброва и играючи козырнул ему. — Время вышло. Нам пора. Свяжись с нами, когда посчитаешь нужным.

— Обязательно.

Полозовы подошли к двери.

— А насчёт связей, — не оглядываясь, заговорил Ворон, — ты не спеши. У нас есть один очень *древний* знакомый. Здесь в Питере. Я думаю, он не откажется принять твой *визит*.

— За рекомендациями дело не станет, — добавил Тур.

— Я подумаю. Я знаю, о ком вы говорите, — раздалось в ответ. — Пристегните ремни по дороге домой.

День сороковой

Тоненький серп рождённой луны бледнел в уходящей белой ночи, а матовый свет подступившего утра облачил тяжёлое здание в лёгкие

летние одежды. Прежде, чем сесть в машину, Полозовы, не сговариваясь, подняли взгляд. Михаил Бобров стоял возле открытого окна. На подоконнике рядом весело заливалась канарейка. Заметив внимание, исцелённый инвалид помахал рукой и отошёл вглубь комнаты.

Тур занял место водителя.

— Кажется, поют только кенары, — заметил Ворон, устраиваясь на пассажирском сиденье. — А его Лили, судя по имени, женского пола.

— В этой квартире было много странных явлений, — Тур вырулил на пустой проспект. — Ворон, каким образом ты вывел информационную ипостась Серёжи Старостина? Я не заметил момент...

— Я вывел? — Ворон выпрямился. — Я думал, это ты.

Братья внимательно посмотрели друг на друга и дружно потянулись за ремнями безопасности.

— А он сильнее, чем мы думали, — высказался Ворон за двоих.

— Допустим. Но к чему относилось его предупреждение? — Тур подёргал непривычную страховку, повёл плечами, но удобства не достиг. — Обвал событий на наши головы вообще когда-нибудь закончится?

Ворон спонтанно повторил все движения брата, также остался не удовлетворён результатом и высказался по поставленному вопросу:

— Мы впряглись в этот воз сорок дней назад, поэтому логичнее считать, что всё только начинается.

— Весьма убедительно, — усмехнулся Тур. — Память земная дала нам вторую жизнь, через шестнадцать лет открыла нам глаза на особые способности и сорок дней старательно опекала на нашем личном Переходе. Интересно, что она будет делать дальше?

— Встанет у нас за спиной, я полагаю, — Ворон невозмутимо откинул кресло и поправил подголовник. — Как у каждого нормально, то есть *однажды* рождённого человека.

Владимир Полозов поставил себе цель не просыпаться до самой Твери, но уже на границе Новгородской и Тверской областей сон улетучился, а голова оказалась свежей и ясной.

— По-моему, я всё-таки слизал твою способность отдыхать без долгого сна, — сообщил он брату.

— А по-моему, тебе ремень безопасности мешает, — отозвался Тур. — Или ещё что-то. Неосознанное.

Ворон проследил за взглядом брата и понял, что вызывает его тревогу. Электронные часы в машине показывали половину седьмого

утра, а на дороге до сих пор царило ночное спокойствие. Ни одна попутка не обогнала БМВ, а встречные автомобили попадались подозрительно редко.

За следующие полчаса поездки Полозовы обогнали в общей сложности четырёх бедолаг с аварийной сигнализацией. Причём две машины тащились по правой полосе в надежде добраться до ближайшего автосервиса, а пара других с распахнутыми капотами и нервными водителями просто стояли на обочине. При виде четвёртого из череды неудачников Ворон предложил остановиться.

Удивлённый вниманием, хозяин «девятки» показал Владимиру Полозову машину. Тур, не считавший себя специалистом по автомобилям, остался в салоне БМВ, пока брат возился с «Жигулями». Дело закончилось буксировочным тросом и доставкой пострадавшего в Вышний Волочёк. Таким образом, Полозовы потеряли не меньше часа и продолжили нормальное движение лишь в восемь утра.

Теперь машину вёл Ворон.

— Странная эпидемия в моторах, — заметил он, хотя и город, и «девятка» давно остались позади.

— Дорога опять пустая, — напряжённо произнёс Тур. — И дождь опять зарядил. Сбрось скорость. Спешить некуда, дома всё в порядке.

БМВ пошёл на обгон попутного рейсового автобуса. По встречной полосе мчался серебристый «Мерседес». Иномарки на мгновение поравнялись. Ничего особенного, тем более аварийного, в этой встрече не было, но близнецы почувствовали жёсткий укол тревоги.

— Брось. Сдались мы москвичам, — обронил Ворон.

— Ты заметил номера? — усомнился Тур.

Ворон вздрогнул.

— Нет.

— Тогда почему москвичи?

Оба посмотрели назад: Ворон в зеркало, Тур — обернувшись к заднему стеклу автомобиля. Автобус свернул с магистрали на какую-то местную дорогу и скрылся из виду. На линии обзора показался всё тот же серебристый «мерс», стремительно нагоняющий БМВ.

— Не нравится мне это, — произнёс Ворон, не отрываясь следя за подозрительной машиной. — Зачем они развернулись?

— Не дождалась в засаде и рванули выяснять, где мы застряли.

— А кто знал, что мы возвращаемся из Питера именно в это время?

— Информационная сфера если только. Жми на газ! — Тур ухватился за поручень.

— Кувырнёмся. Дорога скользкая, как каток зимой. Чёртов дождь!
Впереди отчётливо обозначился подъём на очередную «горку».

«Мерседес» прибавил скорость.

— Пригнись! У них оружие, — выдохнул Ворон.

БМВ начал разгоняться. Преследователь взял левее.

— В обгоне будут стрелять, — понял Тур.

— Держись, близняшка.

Серебристый борт появился слева.

— «Калашаи!» — ахнул Ворон.

Очередь хлестнула по колёсам. Машина резко вильнула и вылетела на пустую встречную полосу. В «мерсе» ударили по тормозам. Столкновения не произошло. Вдогонку потерявшему управление БМВ ринулся свинец. На Полозовых ухнули осколки разбитых стёкол. В рассыпающемся калейдоскопе замелькали асфальт, небо, трава и снова небо. Харкнул заглухший мотор...

— Есть смысл переждать.

Ворон посмотрел на брата.

— Как долго мозг остаётся живым? Пять минут?

— Надеюсь, в нашем случае дольше.

— Это если кто-то один стоит на пороге, и оставшейся там жизни хватает на двоих, — напомнил Ворон. — Чёрт подери! Вот это уже совсем плохо.

Сквозь мглу информационного измерения проступила внешняя картина. «Мерседес» замер поперёк встречной полосы, и на обочину выскакивают двое молодцов в чёрных масках с автоматами наизготовку. Движения их неумолимо замедляются. Динамика внешнего мира застряла в безвременье Перехода.

— Идеи есть? — осведомился Ворон.

— Попробую испортить их оружие, — Тур протянул руку в застывшую мглу.

— Не стоит беспокоиться, мальчики. Я всё ещё держу свои рули.

Тур и Ворон моментально обернулись на голос.

— Павел Симеонович?

— Вы?

— Мне очень жаль, что мой доверенный секретарь оказался таким паршивцем, — Декан почти естественно вздохнул. — Валечка всегда меня предупреждала. Вот вам наука: верьте женщинам с первого слова. Она его, лизоблюда, с детства, как под моё крыло попал, на дух не

переносила. Видела то, что мы, мужики, мимо глаз пропускаем. Но ничего, теперь и я вижу. Ох, и пожалеет он о своих делишках! Вы не волнуйтесь, не волнуйтесь. Дорогу его подручные почистили, а вот о дождике и других случайностях он не подумал, — на призрачном абрисе старческого лица проявились лукавые морщинки. — И о том, что вы вздумаете «жигулю» помогать, специально, кстати сказать, поломанному, тем более предположить не мог. Он же для себя, любимого во всём старается. И по себе людей мерит.

— Почему Алексей нас «заказал»? — спросил Тур.

— Испугался, стервец. Взялся нанести упреждающий удар. Ведь хвалёным своим глазам и ушам не поверил! Разве люди могут просто так отказаться от дармовых заграничных благодатей? — Декан пердразнил интонации секретаря Лёши. — Понял, что поживиться нечем, а заодно решил, что его махинации вычислили. Я ж ему велел старое завещание аннулировать, а вам кое-что другое отдать.

— Какое «другое», если не секрет? — спросил Ворон, полагая, что надёжно скрыл пессимизм, сквозивший меж информационных импульсов.

— Большой секрет! — дух Павла Симеоновича выплеснул в сферу дребезжащие, как залиvistый смех, эмоции. — Не хмурься, Володя, — он обратилась к Туру. — Понимаю, куда вы от мест родных не уедете. Построили свою заставу, а теперь пора бы и о крепостных стенах для других подумать. Единомышленники найдутся и помощники придут. А уж фундамент я помогу обеспечить.

— Вы хотите, чтобы мы организовали клинику в России? — спросил Тур.

— Почти угадал, Всеволод Васильевич, почти, — образ Декана хитро потряс в пространстве указательным пальцем. — Что морщишь нос, Влад? Не брезгуй моими деньгами. Всякие деньги каким-то трудом получены. Близких я не обидел, все рули им отойдут. Пусть строят своё, как умеют. А то, что для себя оставлял, с радостью на хорошее дело отдам. Имя-то забудется, а дело — никогда. Лихом не поминайте. Теперь уж не свидимся. Прощайте.

— Счастливого пути, — произнёс Тур.

Призрачный мост растаял в безвременье Перехода.

— Интересно узнать, что он подразумевал под этим замысловатым «почти», — напомнил Ворон.

— Поживём — увидим.

— Поживём, конечно, если сумеем как-то и куда-то вернуться, —

Ворон показал на перевернутый вверх колёсами БМВ, лежащий в кювете, и на вооружённых исполнителей, готовых выпустить по неподвижной цели лавину свинца. — Оп-ля! Смотри-ка!

Время, отодвинутое за порог, решительно прорвало неподвижный барьер и потекло своим ходом.

Двое в черных масках выскочили из «мерса» и вскинули «калаши». Но тут из-за пригорка показался огромный кузов грузовой фуры. Автоматчики заметались по обочине, будто сбитые с толку новички-самоучки. Водитель в иномарке отчаянно и безрезультатно жал на газ и дергал передачи, не сводя обезумевшего взгляда с вырастающей над дорогой машины. Беспечная физиономия дальнбойщика, всплывавшая над шоссе вместе с кабиной, перекосилась от неожиданности. Руки неистово вывернули руль, но мокрый асфальт сделал свое дело. Тягач занесло, полуприцеп накренился. Раздался надсадный вопль автомобильного сигнала. Заорал бандит в маске. Машина неумолимо валилась прямо на серебристый «мерс». Вторая фура автопоезда показала над пригорком. Тормоза не помогли. Грузеная орясина скатилась вниз и протаранила машину компаньона с раздавленной легкоушкой под кузовом.

По порогу Перехода расплылось злорадное удовлетворение.

— Кердык. Готовы, — походя сообщило безликое пятно слева от Ворона.

Полозовы обескураженно переглянулись.

— Валите отсюда, пока не остыли, — посоветовало другое, обогнувшее Тура справа. — Мы своё забрали.

Ключья теней нырнули в темноту.

— Не понял, — пробормотал Ворон. — Это что, неприкаянная братва, о которой говорил Славик?

Тур проводил бесцеремонное явление подозрительным взглядом.

— Похоже, Декан и тут использовал свои связи. Теперь ясно, почему профессиональные убийцы вели себя как слабонервные паникёры.

Ворон заглянул в живую реальность и поморщился.

— Хорошая работа. Теперь легче замазать, чем отскоблить их от асфальта.

— Ты когда-нибудь избавишься от неуместного цинизма? — без особых эмоций спросил Тур. — Шофёр первой фуры плечо вывихнул. Нужно поскорее вправить.

— Близняшка, ты бы лучше про наши организмы подумал. Боюсь, там простым вывихом неприятности не ограничатся.

— Мы были пристёгнуты ремнями безопасности. По совету Миши, — Тур потянулся через порог. Горячая рука с лёгкостью преодолела призрачный барьер. — У тебя трещина в восьмом ребре, у меня на правом виске кровоподтёк и ссадина, лёгкое сотрясение у обоих. Царапины и синяки не в счёт.

— Пулевых ранений нет? — осведомился Ворон и, получив подтверждение, облегчённо объявил. — Повезло. Пошли, пока к нашим телам никто не приблизился. Не будем пугать дальнобойщиков сценой чудесного воскрешения.

* * *

Две одинаковые тени медленно скользили по гравию. Раскачивались высокие сосны. Смазывали контуры на узкой дорожке и расступались, позволяя солнцу вернуть в тихий пейзаж человеческие силуэты.

Что у нас осталось из нерешённых ближайших проблем?

Если Лис не откажется от идеи найти работу на время каникул, то это самая большая проблема.

Олю ты пристроишь?

В областной — в два счёта, если захочет.

Михаил завтра закинет нам «мыло». Приехать ему необходимо. Так что ещё раз погоним в Питер.

Весь вопрос — на чём?

Да исправлю я нашего заслуженного «германца». Подумаешь, кувырок через крышу, стёкла и два колеса! Бывало и хуже.

Хлопнула дверь. Чёрная овчарка вырвалась на крыльцо и кинулась к хозяевам.

— Братцы, что с машинами-то делать? — окликнули сзади.

Тур и Ворон обменялись усталыми взглядами и синхронно повернулись к младшему брату. Лис, улыбаясь во весь рот, опёрся о белый капот «шестёрки». БМВ, прибывший домой на гибкой сцепке, скособочился в открытых воротах.

— Дай в себя прийти, — отозвался Тур.

— Я после беседы с ментами как выжатый лимон, — подтвердил Ворон.

— Да я просто хотел, чтобы вы что-нибудь сказали вслух, — Лис весело пожал плечами. — И расцепитесь, а? Ведь всё закончилось.

— Ты серьёзно так думаешь?

— Или опять валяешь дурака?

«Явились, явились! — Кикимора заполнила собой весь фасад. — И

даже целенькие!»

— Ух, сынки, — Дед обрисовался в форму покойного оригинала. — Вы, это, уж больно на приключения горазды.

— Всеволод Васильевич! Владимир Васильевич! — Оля торопливо сбежала с крыльца.

А на пороге, там, где солнечный свет замирал перед сумраком коридора, остался зелёный взгляд, ласковый и грустный.

Тур и Ворон, сыны памяти земной. Низкий поклон вам за Мишу. Низкий поклон...

Марина вышла на крыльцо и, обессиленная сутками тяжких волнений, прислонилась к дверному косяку. Усталые зелёные глаза смотрели на Всеволода и Владимира ласково и грустно.

*Тверь
2003 г.*

Об авторе

Ирина Крупеникова (литературное имя) — коренная тверитянка, окончила в 1992 году Тверской госуниверситет, работает по специальности программистом. Литературой в жанрах фантастики и приключений занимается с юношеских лет.

«Застава» — третий по счёту роман — написан в 2003 году. К этому времени вышли в свет фантастические романы «Семь стихий мироздания» (М.: Эксмо-Пресс, 1999. — 10 тыс. экз.) и изданный на средства автора «Предел бесконечности» (Тверь: Чудо, 2001. — 200 экз.) В этот же период опубликовано несколько рассказов: в тверских периодических изданиях, в сборниках молодых фантастов «Порог» (Украина) и «Звёздная дорога» (Москва), в издательстве «Мозаика НК» (Санкт-Петербург).

В настоящее время продолжает писать в жанре философской, социальной и современной научной фантастики, однако печатных публикаций не планирует, придерживаясь принципа: «электронный век — электронные книги».

Все опубликованные произведения, а также некоторая персональная информация размещены на личной странице автора в Интернете: <http://rena.pp.ru>

**Ирина Валерьевна
Крупеникова**

З А С Т А В А
Фантастический роман

Текст публикуется
в литературной редакции автора.

Оригинал-макет:
ООО «ВТ-Пресс»

технический редактор:
В.Б. Крупеников

Корректоры:
Бекбаева Н.Р., Лаврова А.Е.

Идея обложки принадлежит автору

Подписано к печати с оригинал-макета 02.12.2009.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура Pragmatica
Усл. печ. л. 35. Тираж — 200 экз.

Издательство ООО «ВТ-Пресс»
170000, Тверь, ул. Брагина, д. 6а

Отпечатано в типографии «Купол»
170100, Тверь, ул. Вагжанова, д. 15, оф. 215